ПОДСТРОЧНИК ИСТОРИИ

ЯКОВ
КЕДМИ

БЕЗНАДЁЖНЫЕ ВОЙНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Будучи прирожденным бойцом и «убежденным нонконформистом», автор этой книги всегда принимал брошенный вызов, не уклоняясь от участия в самых отчаянных схватках и самых «БЕЗНАДЕЖНЫХ ВОЙНАХ», будь то бескомпромиссная борьба за выезд из СССР в Израиль, знаменитая война Судного дня, которую Яков Кедми прошел в батальоне Эхуда Барака, в одном танке с будущим премьером, или работа в самой засекреченной израильской спецслужбе «Натив», которая считается «своего рода закрытым клубом правящей элиты Еврейского государства». Из всех этих битв он вышел победителем, еще раз доказав, что «безнадежных войн» не бывает и человек, «который не склоняется ни перед кем и ни перед чем», способен совершить невозможное. Якову Кедми удалось не только самому вырваться из-за «железного занавеса», но и, став директором «Натива», добиться радикального изменения израильской политики – во многом благодаря его усилиям состоялся массовый исход евреев из СССР в начале 1990-х годов.

Обо всем этом – о сопротивлении советскому режиму и межведомственной борьбе в израильском истеблишменте, о победной войне Судного дня и ошибках командования, приведших к неоправданным потерям, о вопиющих случаях дискриминации советских евреев в Израиле и необходимости решительных реформ, которые должны вывести страну из системного кризиса, – Яков Кедми рассказал в своих мемуарах, не избегая самых острых тем и не боясь ставить самые болезненные вопросы, главный из которых: «Достойно ли нынешнее Еврейское государство своего народа?»

- Яков Кедми
- Предисловие
- От автора
- 1
- 2
- 3
-
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8

- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
-
-
- 19
- 20
- 21
- 22
-
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
-
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
-
- 40
- 41
-
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46

- 47
- 48
-
-
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
-
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- Послесловие
- Глоссарий
-

Яков Кедми
Безнадежные войны

Предисловие

История жизни и личной борьбы Якова Кедми переплетается с важнейшими событиями в жизни государства Израиль и еврейского народа во второй половине XX столетия. Иногда он был рядовым участником событий, обладавшим острым и критическим взглядом, а иногда сам инициировал их. Благодаря своим способностям и уникальным личным качествам он руководил государственной службой, целью которой было обеспечение выезда евреев бывшего Советского Союза в Израиль. Но эта книга не история жизни одного человека, а в большей степени панорамное произведение, охватывающее исторический период, ставший определяющим для судьбы еврейского народа и государства Израиль и отраженный в истории жизни убежденного нонконформиста, любящего еврейский народ и свою страну, человека, который никогда не склонялся ни перед кем и ни перед чем.

В начале книги мы видим молодого еврейского юношу, уроженца Москвы, в одиночку борющегося за выезд в Израиль вопреки всем принятым в стране общественным нормам и без каких-либо шансов на успех. Эта борьба началась до, а закончилась после Шестидневной войны, в результате которой Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем. Первые части книги посвящены тому, как практически без посторонней помощи Яше удалось преодолеть все препятствия благодаря лишь собственному интеллекту, мужеству и непоколебимой вере в свои силы, в способность побеждать в самых «безнадежных войнах», – не случайно именно это название он выбрал для своей автобиографии.

Вскоре после приезда в Израиль Яша пошел в армию, окончил офицерское училище, стал офицером разведки. Самые значительные события его армейской службы пришлись на войну Судного дня. Он воевал в танковом батальоне под командованием Эхуда Барака. Его размышления о войне, его видение боевых действий, рассказы о потерях, в том числе и близких ему людей, часто происходивших по вине командования; серьезный анализ неудач, просчетов и ошибок – все это превращает книгу в важное свидетельство непосредственного участника событий, в документ, выходящий за рамки личной истории.

Особый интерес представляет описание Яковом Кедми его непосредственного командира Эхуда Барака. Действия Барака описываются очень подробно: день за днем, иногда час за часом. Это редкое свидетельство о человеке, который впоследствии стал

начальником Генерального штаба Армии Израиля, а потом премьер-министром и министром обороны. Тот, кто интересуется подлинными фактами об Эхуде Бараке как о человеке и командире, найдет для себя в книге много интересного.

Армия Израиля и израильский истеблишмент – элиты власти, как правые, так и левые – подверглись со стороны Кедми острой и бескомпромиссной критике. На протяжении всей книги, начиная с первого конфликта в офицерском училище, и затем в рассказе о разнообразных событиях военной и политической жизни Израиля раскрывается точка зрения «новоприбывшего», делавшего все возможное, чтобы найти свое место в новой стране и вместе с тем постоянно анализирующего происходящее, в том числе и с учетом имевшегося у него советского опыта. Личные выводы автора по широкому спектру проблем отличаются особой остротой и четкостью.

Через некоторое время после войны по указанию премьер-министра Менахема Бегина Кедми начал работу в «Нативе» в качестве временного сотрудника. Со дня создания этой службы первым премьер-министром Израиля, Давидом Бен-Гурионом, «Натив», деятельность которого проходила под покровом абсолютной секретности, был своего рода закрытым клубом правящей элиты Израиля. Во главе организации был поставлен Шауль Авигур, который был близок и лично, и по своим политическим взглядам к основателю государства. Работники «Натива» отбирались с особой тщательностью, им безоговорочно доверяло израильское руководство. Проблема выезда евреев из стран за «железным занавесом», и особенно из Советского Союза, требовала для своего разрешения особой осторожности. Это был период «холодной войны» между восточным блоком во главе с СССР и западным блоком во главе с США. Государственное руководство Израиля относилось в то время как идейно, так и политически к западному лагерю, несмотря на то что именно восточный блок помог Израилю оружием в критические моменты войны за независимость. В первые годы существования организации перед «Нативом» были поставлены три основные задачи. Первая – установить и поддерживать как можно более широкие связи с евреями Восточной Европы и особенно Советского Союза, общее число которых оценивалось в пять миллионов человек. Второе – проводить оперативную деятельность, способствующую выезду евреев в Израиль. Третье – инициировать и развивать общественную и политическую деятельность в странах Запада, в первую очередь в США, для оказания международного политического давления на власти Советского Союза, чтобы они предоставили евреям возможность

выехать в Израиль. Руководство Израиля в первые двадцать пять лет существования государства проводило осторожную политику в этих вопросах. За эти четверть века Израилю удалось выстроить надежную систему стратегических отношений с Соединенными Штатами, которая начала приносить ощутимые плоды после Шестидневной войны. По мере строительства и развития этих отношений руководство Израиля считало, что ему необходимо действовать на советском направлении с особой осторожностью, чтобы не мешать политике Вашингтона по отношению к Москве. Руководители Советского Союза принимали во внимание близкие отношения между Израилем и Соединенными Штатами. И это было одной из причин, по которой они препятствовали выезду в Израиль тех евреев, у которых был допуск к государственным секретам.

В дополнение к этому в пятидесятых и шестидесятых годах стало ясно, что Израиль, его государственная и военная элита, стали объектами повышенного интереса советских разведслужб. Из ставших известными фактов советского шпионажа в Израиле были такие, которые касались израильских ученых, а также и тех, кто был связан со стратегическими и политическими элитами Израиля.

Проблема выезда евреев Восточной Европы в Израиль включала в себя национальные, международные, политические и сионистские интересы. И в соответствии с принятым израильским руководством в то время подходом люди, занимавшиеся этими вопросами, должны были соответствовать требованиям абсолютной политической лояльности и соблюдать строжайшие требования безопасности.

Вот в такую действительность окунулся «временный сотрудник» Яков Кедми. Это произошло вскоре после первой значительной для Израиля смены власти, которая привела к руководству страной Менахема Бегина. М. Бегин, разумеется, не считал, что требуется политическая верность власти со стороны всех поголовно работников «Натива». Но вместе с тем он хотел, чтобы во главе организации стоял человек, преданный ему политически. М. Бегин был также убежден в том, что осторожная политика Израиля во всем, что касается евреев за железным занавесом, должна оставаться неизменной.

У Кедми был совершенно другой подход к этой проблеме, и он отстаивал свои взгляды и боролся за коренные изменения в израильской политике по вопросам выезда советских евреев. Он также настаивал на пересмотре подхода к Советскому Союзу и оценки его реальной силы, на изменении стратегии пропаганды, на усилении международного давления на Советы, которое нужно

было организовать на Западе и особенно в США. В большинстве случаев ему удалось добиться серьезных изменений в политике Израиля, и роль Кедми в том, что массовый выезд в Израиль в 90-х годах прошлого века стал историческим фактом, очень велика.

Во многих главах, посвященных «Нативу», перед читателем раскрываются не только все подробности тех событий, участником которых был сам Кедми, но и его взгляд на внутреннюю политическую жизнь Израиля. Это взгляд изнутри на израильское руководство глазами Якова Кедми. Он рассказывает историю межведомственной борьбы, и перед лицом читателя проходят вереницей политические фигуры тогдашнего Израиля. Обо всем этом повествует государственный служащий, стремительно взлетевший по служебной лестнице, достигший без какой-либо помощи и политической поддержки должности руководителя организации, цель которой – выезд евреев в Израиль. Для него самого выезд в Израиль – часть его жизни, результат борьбы, которую он вел в одиночку.

Многолетняя, ведущаяся в последнюю четверть XX столетия, многосторонняя борьба за выезд евреев Советского Союза в Израиль затрагивала не только основные аспекты внешней и оборонной политики Израиля. Эта борьба была тесно связана и с отношениями с американским еврейством, с жаркими спорами по различным аспектам проблемы выезда, которые велись внутри американской еврейской общины. Должна ли борьба за выезд евреев концентрироваться только на выезде в Израиль или евреям, выезжающим из-за разваливающегося «железного занавеса», должна быть предоставлена возможность выбрать США или другие страны? Иными словами, допустим ли так называемый отсев? У Кедми было четкое мнение по этому вопросу и определенная оперативная и политическая концепция – он считал необходимым предотвратить отсев всеми доступными средствами. Его концепция не всегда совпадала с мнением государственного руководства Израиля, как и с мнением некоторых руководителей американского еврейства. Яша Кедми с неизменным упорством отстаивал свои взгляды, и читателю предоставляется возможность познакомиться, с одной стороны, с его видением этой проблемы, а с другой – с точкой зрения по этому вопросу израильского руководства и лидеров американского еврейства того времени.

Большая волна репатриации из Советского Союза, которая началась в начале 90-х годов прошлого века, круто изменила Израиль. Кедми описывает свое восприятие образа этого еврейства, его различных лидеров и то, каким оно видит себя. Тот, кто действительно захочет понять, что происходило с этими

людьми с того момента, как они прибыли в Израиль, получит, прочитав эту книгу, информацию из первых рук.

Чем определяются сложнейшие отношения между приехавшими в Израиль из бывшего Советского Союза и теми израильтянами, с которыми они встретились в новой стране? Как воспринимаются новоприбывшими Израиль и израильтяне и как новоприбывшие отнеслись к приему, ожидавшему их в Израиле? Как относится Яша Кедми к действиям израильских правозащитных органов, которые в силу своего разумения или, может быть, глупости видят признаки стратегической угрозы в лице прибывших к нам представителей «организованной преступности». У Кедми четкая и ясная позиция по этому вопросу, и он излагает ее со всей прямотой.

Заключительные части книги посвящены последней войне Якова Кедми в должности главы «Натива» – борьбе против серьезных сил в руководстве страны, которые стремились закрыть эту государственную организацию или существенно ограничить ее деятельность, утверждая, что цель достигнута и в деятельности «Натива» нет дальнейшей необходимости. В качестве директора Моссада я был свидетелем этой борьбы, и мне хорошо помнятся наши тогдашние встречи с Яшей Кедми, всегда дружеские и доброжелательные. В апогее этой борьбы он ушел в отставку, и премьер-министр назначил другого человека на его должность. Я уверен, что Яша Кедми согласится с моим мнением, – после его ухода «Натив» изменился до неузнаваемости, и, по мнению многих, слава этой организации померкла.

Эта книга, с одной стороны, позволит израильскому читателю заглянуть в душу еврея, борца за свободу, – одинокого волка, который осуществил свою мечту выехать в Израиль. И который впоследствии вернулся на поле своей личной битвы во главе государственной службы, подобной которой нет ни в одном государстве в мире. На этот раз к его выдающимся личным качествам прибавился жизненный опыт, который помогал ему в достижении поставленных целей. С другой стороны, воспоминания Кедми позволят евреям из России еще раз с гордостью взглянуть на это великое событие – их выезд в Израиль – глазами непосредственного участника событий, одного из них. Что же касается израильского читателя, не выходца из Советского Союза, то он сможет посмотреть на себя со стороны и, может быть, узнает и поймет о себе что-то новое.

Человек, прочитавший эту книгу, не останется равнодушным к написанному в ней.

И в заключение позволю себе личное замечание. Некоторые лица, описанные в этой книге в довольно нелестном свете,

известны и знакомы мне по нашей совместной прошлой деятельности. С некоторыми из них я сталкивался по делам службы в самые критические для истории Израиля моменты. Мое мнение по их поводу, основанное на опыте общения с ними, отличается от авторского. Такие люди, как Симха Диниц, который, кроме прочего, был послом Израиля в США во время войны Судного дня, или Цви Барак, который был начальником финансового отдела Еврейского Агентства во время операций по вывозу в Израиль евреев из районов опасности, оставили по себе совсем иное впечатление. Мой разнообразный опыт работы с членом Верховного суда, судьей Эльякимом Рубинштейном, резко отличается от того, что написано Яковом Кедми, и я рад, что отношусь к многочисленному кругу его друзей. Но эта книга написана Яковом Кедми, а не мной, это его мысли и его стиль. Его вклад и его заслуги позволяют, а возможно, и обязывают издать эту книгу.

Эфраим Халеви,
бывший директор Моссада,
бывший председатель Совета безопасности Израиля

От автора

Это не автобиография. Скорее, речь идет о разрозненных воспоминаниях, которые я решил записать. Жизнь научила меня говорить только то, что нужно и можно. Так я и писал эту книгу.

Я работал над книгой в течение года, писал по памяти. Дневников у меня никогда не было, и поэтому я не пользовался документами или письменными источниками. Не исключено, что в тексте могут быть некоторые неточности. Однако я предпочел не пользоваться архивами «Натива» и других учреждений или частных лиц.

Я писал воспоминания на иврите, хотя этот язык для меня не родной. Тем не менее, так мне было проще рассказать о многих событиях, которые описаны в книге.

Мне посчастливилось стать участником важных для моего народа и моей страны исторических событий. Некоторые аспекты нашей недавней истории лишь частично известны широкому кругу читателей.

Моя точка зрения далеко не всегда совпадает с общепринятой – это во многом связано с моим жизненным путем. Почти сорок лет я принимал активное участие во многих ключевых событиях, связанных с жизнью еврейского народа. Был одним из первых активистов, начавших борьбу за выезд из СССР. После репатриации принимал участие в общественной жизни и борьбе за изменение политики Израиля по отношению к евреям Советского Союза и их выезду с израильской бюрократией. Я пытался изменить политику страны в этом вопросе в соответствии с моими взглядами. В конце концов решение этой проблемы стало моей профессией. Двадцать два года я проработал в одной из самой лучших спецслужб мира и удостоился чести стать ее руководителем. Таким образом, мне представилась возможность не только кардинально повлиять на эмиграцию евреев из СССР, но и оказать реальное влияние на судьбу государства Израиль и еврейского народа.

По соображениям секретности и из желания сконцентрироваться на сути происходящего я старался описывать только те события, в которых принимал непосредственное участие. Подробный и детальный анализ всех описываемых событий не входил в мои планы. Я также не претендую на исчерпывающее описание борьбы евреев за выезд из СССР; я пишу лишь о том, что видел собственными глазами.

Название книги «Безнадежные войны», на мой взгляд, наиболее полно отражает события всей моей жизни. В

дальнейшем я объясняю, как и при каких обстоятельствах оно родилось.

Я очень признателен Реувену Мирану, Дуби Шилоаху и Йонадаву Навону, которые помогали мне советами во время работы над книгой. Но, прежде всего, я бесконечно благодарен моим родным и близким, которые поддерживали меня в самые разные периоды моей непростой жизни и поощряли взяться за перо.

Август, 2008 г.

1

Черный пес – огромный, угрожающий, он намного больше меня. Этого пса все боятся. А я его не боюсь – мы дружим. Нам обоим примерно по три года. Его зовут Джульбарс, это моя собака. Я не понимаю, почему его все боятся. Он делает все, что я ему велю. Я даже катаюсь на нем верхом.

Это мои первые воспоминания. Возможно, именно тогда я впервые почувствовал, что могу не бояться того, чего боятся другие. Я понял, что могу управлять тем, что внушает страх, точно так же, как своей кавказской овчаркой.

А потом Джульбарса увели. Сказали, что он слишком опасен. Я плакал и ужасно тосковал. Папа привел мне другого пса. Его звали Пиратом. Красивая немецкая овчарка. Такая же огромная, как Джульбарс. Мы очень быстро подружились. И на нем я мог кататься верхом и запрягать в саночки, и его боялись все, кроме меня. До сих пор очень люблю больших собак.

Второе детское воспоминание, которое врезалось мне в память: как меня в первый раз дразнили за то, что я еврей. Я не понял, о чем идет речь, но почувствовал, что это что-то плохое. Когда я пришел домой, то спросил родителей, что значит «еврей», потому что так обзывались ребята, которые меня дразнили. Почему они дразнят только меня?

Папа посмотрел на меня, потом на маму, а мама посмотрела на папу и тяжело вздохнула. И тогда отец объяснил мне, что это не ругательство, а дети – просто невоспитанные и пытаются меня обидеть. Евреи – это название народа, и мы принадлежим к этому народу. Есть и другие народы: русские, украинцы, французы. Что еще можно было сказать трехлетнему ребенку? Объяснить суть еврейской традиции и принципы отношений с антисемитами? Я понятия не имел, что такое антисемитизм.

Впоследствии я не раз сталкивался с антисемитизмом, распространенным в Москве, да и не только в ней, тех лет. Мне было почти шесть лет, когда заболел Сталин. За несколько месяцев до этого отец взял меня на демонстрацию, которая проходила на Красной площади в честь годовщины Октябрьской революции. Он посадил меня на плечи, мы шли в колонне мимо Мавзолея. Я видел Сталина и всю советскую правящую элиту. Как любознательный ребенок из интеллигентной семьи, я знал почти всех, кто стоял на трибуне Мавзолея: Молотова, Берию, Буденного с усами. Какой-то человек привлек мое внимание, и я спросил, кто этот смешной лысый дяденька, который все время размахивает шляпой. Отец посмотрел по сторонам и сказал, что в

этом человеке нет ничего смешного, это очень важный человек и зовут его Никита Хрущев. Все это время Сталин глядел на проходящие по Красной площади колонны с трибуны Мавзолея. Таким я и запомнил Сталина.

Помню детский сад и двух русских воспитательниц в белых халатах. Одна из них сказала напарнице: нашего Сталина убивают евреи, все из-за них. От еврейских врачей одни неприятности, они накликают на нас беду. На всю жизнь я запомнил этот момент, уже тогда мне стало ясно, что эти вещи касаются и меня, и тогда меня охватил страх. Через несколько дней после этого я говорил с одним русским мальчиком в моей детсадовской группе. Он спросил: «А вдруг Сталин умрет?» Я закричал, что Сталин не может умереть, он будет жить вечно, мы все умрем, а он будет жить, потому что вот такой он, Сталин. Такова была вера. Абсолютная, почти религиозная вера в установленный великим Сталиным порядок, справедливее которого нет на свете. Великий вождь был как бог, несмотря на провозглашаемый на государственном уровне атеизм.

Сталин умер через два дня. В первый (но не в последний) раз в жизни рухнули выстроенные мной представления о мире, которые казались мне идеальными и справедливыми, в которые я пылко и безоговорочно верил. Для шестилетнего ребенка такой урок был шоком. Сталин умер как раз в тот день, когда мне исполнилось шесть лет, 5 марта 1953 года.

Я родился в типичной советской еврейской семье. Моя мама родилась уже в Москве. Ее родители переехали туда с Украины в конце XIX века. Москва тогда была за пределами черты оседлости, но семья получила разрешение на жительство в Москве. Отец родился в Смоленске. Мой дед со стороны отца приехал в Смоленск из Самары. Моя бабушка со стороны отца была родом из Западной Белоруссии. В 1945 году отец окончил немецкий факультет Военного института иностранных языков и через Москву направлялся в свою часть, которая располагалась в Австрии. В вагоне метро он заметил красивую еврейскую девушку. Маме тогда было 19 лет. Он заговорил с ней, они назначили свидание, вскоре поженились, и отец проследовал дальше в свою часть.

Я учился в той же школе, которую окончил мой дядя, родной брат матери. Треть учеников в его классе были евреями. Мамин брат, Шурик, окончил школу 21 июня 1941 года. Все ребята из его выпуска, кроме одного, погибли на войне. Он пошел добровольцем в танковые войска и погиб в сражении неподалеку от Москвы. Ему было всего двадцать лет. В его честь назвали моего младшего брата Шурика. Мой дед по отцовской линии, в

честь которого меня назвали Яковом, тоже погиб на войне. У его вдовы, моей бабушки, было четыре сестры, которые остались в России. Остальная часть семьи, в том числе шесть сестер и брат, еще во время Первой мировой войны успели эмигрировать в США. Бабушка и ее четыре сестры не успели выехать. Все они вышли замуж за евреев, и ни один из них не вернулся с войны. У всех родились сыновья, которые по окончании школы пошли служить в армию. Мой второй дед по материнской линии тоже служил в армии во время войны, в чине капитана.

Мама, пусть земля будет ей пухом, в возрасте пятнадцати лет участвовала в обороне Москвы. Когда немцы подошли к столице, сотни тысяч жителей пешком покидали город. Мама и бабушка остались. У них и в мыслях не было уходить, даже если немцы возьмут город. Когда я спросил маму почему, она объяснила, что никто еще не знал о зверствах фашистов. Вместе с другими ребятами по ночам она носилась по крышам под немецкими бомбежками и гасила падающие зажигалки. А еще они пытались ловить немецких шпионов, которые направляли бомбардировщики на цели. Мама получила медаль «За оборону Москвы».

В 1943 году, когда маме было уже почти семнадцать, ее вызвали на беседу в одну из спецшкол НКВД. Ей предложили поступить на службу, где ее сначала должны были учить подрывному делу и радиосвязи, чтобы потом выбросить с парашютом в немецкий тыл вместе с группой разведчиков. Мама подумала над этим предложением и отказалась. Когда я спросил почему, она ответила, что не думала, что подходит для этого.

Такова была атмосфера, в которой я рос и воспитывался, атмосфера и наследие моей семьи.

Один странный случай произошел с мамой незадолго до того, как я родился. Когда она была беременна мной, мимо ее дома прошла толпа цыган. Молодая цыганка подошла к маме и сказала: идем со мной, я тебе погадаю. Мама была комсомолкой и не верила в предрассудки, а потому отказалась. «Не уходи, – уговаривала ее цыганка, – лучше выслушай, что тебе жалко?» В конечном итоге цыганка убедила маму и сказала: «У тебя родится сын, если этот сын доживет до года, то, когда вырастет, увезет вас всех в далекую страну за морем». Мама с недоверием выслушала цыганку. Все это произошло в 1946 году, когда в СССР процветали доносы и одна мысль о желании выехать из страны могла стоить десяти лет заключения.

Мама вспомнила о цыганке, когда я начал борьбу за выезд. Однако сам рассказ я услышал от нее только после ее приезда в Израиль.

2

Мое детство было обычным для ребенка из ассимилированной московской еврейской семьи 50-х годов XX века.

Мама не говорила на идиш. Папа знал этот язык и иногда говорил со своей мамой на идиш. Я вырос в советском обществе, в Москве, где говорили на русском языке. Я знал, что я еврей, однако мое еврейство и государство Израиль были от меня слишком далеки.

В 1956 году отец рассказал мне, что видел израильскую делегацию на Фестивале молодежи и студентов и был приятно удивлен их молодой уверенностью в себе и ощущением радости, которое исходило от этих девушек и ребят. Еще раз зашла речь об Израиле во время Синайской войны. Больше об этом не говорили до самого суда над Эйхманом.

Когда я подрос, все, связанное с понятием «евреи», вызывало мое любопытство и интерес. В школе я мало сталкивался с евреями, а если о евреях иногда и писали в газетах, то обычно с отрицательным оттенком. Когда мне было девятнадцать лет, в период экзаменов в институте я разговорился с одним знакомым еврейским парнем. Он сказал, что у него есть кое-какие брошюры и предложил мне их почитать. Не дожидаясь моего ответа, он протянул мне небольшой буклет с общими сведениями об Израиле и еврейским календарем на обложке. Это был календарь на русском языке, который напечатали в Израиле и привезли в СССР с помощью организации «Натив» в попытках пробудить национальные чувства среди еврейского населения.

Листая брошюру, я обратил внимание на фотографии людей. Некоторые из них были моими сверстниками. Меня охватило странное чувство – ощущение причастности к тому, о чем я сейчас читаю. Когда я закончил просматривать календарь, я пошел прогуляться. Я всегда любил ходить и думать. И я задумался: почему они там, а я здесь? Если я еврей и есть еврейское государство, почему я должен находиться вне его? Это было смешение чувств и мыслей, которое странным образом захватило меня.

С этого момента я потерял покой. Целые дни я думал об этом и в результате сформулировал для себя важный вопрос: могу ли я позволить себе не быть частью того, что происходит в еврейском государстве с еврейским народом? Могу ли я растрачивать жизнь на другие вещи, которые по сравнению с этим лишены всякого смысла? Я почувствовал, что обратной дороги для меня нет.

Я не могу объяснить – по крайней мере, с рациональной точки зрения, – почему это произошло. Все, что интересовало меня раньше, вдруг потеряло всякую ценность. Видимо, наконец вырвалось все, что накопилось за годы, прошедшие с того момента, когда я впервые услышал презрительное обращение: «еврей!» Все, от чего я пытался отрешиться, о чем я пытался не думать, все недомолвки, неясное ощущение своей национальной принадлежности, – все это тихо тлело во мне, дожидаясь подходящего момента. Впервые я почувствовал гордость за то, что я еврей, и эта гордость была связана с Израилем. Я скорее ощутил, чем осознал, что хочу гордиться собой, жить с самим собой в мире, но это возможно только в Израиле. Любая другая альтернатива подразумевала компромиссы и самообман. Решение было принято еще до того, как я полностью осознал его суть и последствия. Я просто не мог иначе.

Через несколько дней, в начале февраля 1967 года, я пришел в синагогу. Раньше я там не бывал. Однажды мы ехали с отцом в автобусе, он показал мне в окне какое-то здание: «Видишь, там стоят люди? Это евреи пришли праздновать еврейский Новый год». Тогда я пропустил его слова мимо ушей, хотя место запомнил. Войдя в синагогу, я подошел к какому-то старику и спросил: «Не знаете ли вы адрес израильского посольства?» Он испуганно посмотрел на меня, потом огляделся по сторонам и дал мне адрес. В те далекие времена в СССР нельзя было получить адрес посольства. Советский человек, да еще и еврей, обычно держался подальше от иностранных посольств, в особенности западных, не говоря уже об израильском.

Я решил пойти и посмотреть на израильское посольство, хотя понятия не имел, что буду там делать. Я прошелся по противоположной стороне улицы, увидел открытые ворота и вывеску с ивритскими буквами. Перед зданием прохаживался милиционер. Я принял решение в мгновение ока: перешел на другую сторону улицы и размеренным шагом, как обычный прохожий, двинулся к милиционеру. Он бросил на меня взгляд и продолжал следить за улицей. Видимо, не заметил во мне ничего подозрительного. Я рассчитал шаги до момента, когда я дойду до ворот, а милиционер окажется спиной ко мне. Я ринулся в ворота и через мгновение оказался внутри. Милиционер обернулся, но не успел меня схватить: я был уже на территории посольства. Он помчался в будку звонить. Я вспомнил сказанное Юлием Цезарем: «Рубикон перейден!» Прорыв в посольство был шагом, после которого обратного пути не оставалось.

Слева во дворе был гараж. Из него вышел невысокий человек и быстрыми шагами направился ко мне. С первого взгляда я

понял, что это советский гражданин и нееврей. Он подошел ко мне и, как принято, грубо прикрикнул: «Катись отсюда!» Я сказал ему тихим голосом, что здесь территория государства Израиль и нечего ему здесь хозяйничать, пусть катится в свой ср…ый гараж и занимается делом. Я прошел московскую «дворовую» школу, где приобрел богатый запас лексики, которая была, мягко говоря, не совсем нормативной. Там же я понял, что перед такими людьми нельзя проявлять слабину, с ними говорят на языке приказов и как можно грубее. Форма речи, язык тела, взгляд – все это очень важно. Я видел, что этот человек уже на грани срыва, но я знал, что он мне ничем не угрожает. И в самом деле, он понял, что ему больше делать нечего, и направился обратно в гараж. Я огляделся. В глубине двора была парадная дверь с занавеской. Я заметил, что из-за нее кто-то выглядывает.

Когда я подошел, дверь открылась. Передо мной стоял элегантно одетый мужчина. Его вид, взгляд, выражение лица были какими-то «несоветскими». Он обратился ко мне на странноватом русском языке: «Шалом, заходите, пожалуйста». Я вошел. Он спросил: «Чем могу быть вам полезен?» Я сказал, что я еврей и хочу выяснить, как мне выехать в Израиль. Еще за секунду до этого я не имел ни малейшего понятия, что я ему скажу. «Хорошо», – сказал он и пригласил меня в кабинет. Мужчина спросил меня, кто я и чем занимаюсь, есть ли у меня родственники в Израиле. Я ответил, что у меня в Израиле никого нет, разве что в Штатах живут бабушкины сестры, так что у меня нет никаких связей с Израилем. Он сказал: «Хорошо. Пока не могу сказать вам ничего определенного. Если вы действительно серьезно настроены, приходите через неделю-другую, тогда поговорим». Перед уходом я попросил материалы об Израиле. Он проводил меня к столу, на котором лежали брошюры на русском языке. Я взял брошюры и рассовал их по карманам. Среди них был тоненький учебник иврита.

Впоследствии оказалось, что человека, с которым я тогда разговаривал, звали Герцель Амикам, в свое время он был членом подпольной еврейской организации, боровшейся против англичан, ЛЕХИ (Борцы за свободу Израиля). Он приехал в Израиль из Латвии в 1938 году и был близким другом Ицхака Шамира еще со времен подполья. Когда Шамира призвали в Моссад, он взял с собой Амикама (которого друзья называли просто Герцке). Среди прочего Амикам занимался в свое время также поисками нацистских преступников. «Натив» «одолжил» Герцке у Моссада для службы в Москве.

В Москву он попал не случайно – это интересная история сама по себе. Брат Герцке, узник Сиона по фамилии Вархафтиг,

старый член «Бейтара», после долгих лет лагерей освободился и жил в Риге. В начале 1966 года после многих запросов он получил разрешение выехать в Израиль. В одной из бесед сотрудник КГБ сказал: вместо того чтобы посылать в московское посольство непонятно кого, пусть лучше Израиль направит туда вашего брата Вархафтига, который от израильской разведки занимается поисками нацистов в Латинской Америке. Надо отметить, что Герцлю Амикаму и раньше предлагали отправиться в Советский Союз в качестве представителя «Натива», но он справедливо возразил, что готов служить в Москве только после того, как его брата выпустят в Израиль.

Через много лет после того, как я прорвался в израильское посольство, когда я уже работал в «Нативе», мне довелось ознакомиться с отчетом Амикама о нашей встрече. Документ заканчивался словами: «Я посмотрел на юношу, выходившего из посольства, подумал, что больше никогда его не увижу, а потом у меня промелькнула мысль: хороший парень, он мог бы быть офицером в Армии Израиля».

Когда я выходил из посольства, меня уже ждала группа милиционеров – они кипели от ярости, ругались и кричали. Меня завели в дежурное помещение и начали допрашивать. Я тут же вручил им свой паспорт. Собираясь в посольство, я понимал, что, если мной займется милиция, нет ничего глупее, чем оказаться без документов. Я рассказал милиционерам байку о дедушке, который пропал во время Великой Отечественной войны и, возможно, оказался в Израиле; о том, что я оставил в посольстве его данные и, может быть, его найдут в Израиле. Милиционеры сказали, что с этим нужно обращаться в Красный Крест. После получасовой перебранки, звонков и прочего их начальство, наконец, решило, что со мной делать. Меня отпустили, предупредив, чтобы я больше не врывался в посольство и вел себя примерно. Было видно, что они растеряны и сбиты с толку и поэтому даже не обыскали меня. Я не думал, что за визит в посольство меня могут посадить. В советской бюрократической системе принятие решений было делом медленным и запутанным. Ее реакция всегда запаздывала: если мои инициативы были более быстрыми и заставали представителей властей врасплох, у меня оставалось в запасе время для ответного хода.

После этого события в моей голове начали бродить разные мысли, которые я пытался отталкивать до тех пор, пока они окончательно не оформились. В те дни я не решался довести их до логического конца. Сегодня, через много лет, я могу спокойно анализировать события того времени и то, что беспокоило меня

тогда. Когда я пререкался с советским чиновником во дворе посольства, Амикам смотрел на нас в окно. Он не рискнул выйти и вмешаться, а после не вышел проводить меня на улицу. Он всем сердцем болел за еврейского юношу, который посмел ворваться в посольство, однако тогдашние инструкции, ментальность и оперативная концепция не позволили ему проводить меня и тем самым показать властям, что я не одинок, что он, представитель Израиля, каким-то образом защищает меня. Подсознательно я ждал именно такого обращения и был разочарован тем, что этого не произошло. В конечном итоге я постарался забыть об этом случае. Он всплыл в моей памяти только через много лет, когда я уже жил в Израиле и мог оценить ситуацию объективно.

Памятуя об этом опыте, когда я возглавил «Натив», я отдал сотрудникам распоряжение в любой ситуации защищать евреев и сопровождать их, если существует возможность столкновения с властями. И власти, и те, кто к нам обращается, должны знать, что мы защищаем евреев и не будем стоять в стороне. Этот принцип я повторял на каждом инструктаже – даже когда у нас не было реальной возможности действовать в соответствии с ним. Я знал, что это выходит за рамки дипломатического протокола и я не получу поддержки ни от моего начальства, ни от государства Израиль. Однако это стало моим первым и главным правилом: не бросать евреев на произвол судьбы, как когда-то оставили меня.

Вернувшись домой, я спрятал брошюры и не сказал никому ни слова. Я читал их поздней ночью, втайне от домашних, чтобы избежать расспросов. Через неделю я вернулся в посольство, не будучи уверенным, что мне позволят войти. И снова я пошел по противоположной стороне улицы, проследил за милиционером и решил действовать по старому плану. У ворот уже был другой милиционер, тоже в звании капитана. Когда я прорвался во двор, из гаража никто не вышел, и я направился сразу к входу. Позвонил в дверь. Мне открыла элегантная женщина. Она спросила меня по-русски с акцентом, что мне нужно. Я ответил, что пришел к Герцлю Амикаму. Она ответила, что его нет в Москве, он вернется через пару дней. Женщина спросила, как меня зовут. Я назвал себя, она велела мне подождать и ушла. Это была Эстер, жена Давида Бартова, который возглавлял отделение «Натива» в Советском Союзе. Через несколько минут он вышел ко мне сам. МИД Израиля назначал только посла и начальника охраны и безопасности, все остальные сотрудники были из «Натива», но мне тогда, конечно, эти тонкости были неизвестны.

До того как возглавить «Натив», Давид Бартов был адвокатом, а впоследствии, во второй половине восьмидесятых, секретарем Верховного суда Израиля. Однако не менее важно, что он был

братом Хаима Исраэли, бессменного советника всех министров обороны, начиная с Давида Бен-Гуриона, с момента образования Израиля и до начала двухтысячных годов. Кроме того, он был другом Шайке Дана, основателя «Натива». Бартов был родом из Западной Белоруссии, которая до 1939 года входила в состав Польши. Во время Второй мировой войны он находился в Советском Союзе и хорошо говорил по-русски. Беседа с ним была вежливой и стандартной. Он знал обо мне из отчета Амикама и предложил прийти через неделю, когда тот вернется. Я попросил еще книг и брошюр, и мне их выдали.

На этот раз, когда я вышел из посольства, то уже не боялся. У ворот не было никого, кроме того самого милиционера. Он уже доложил обо мне и знал, в чем дело. Когда он записал мои данные и спросил меня, почему я врываюсь в ворота, мне пришлось объяснить, что я не был уверен, что он даст мне войти. Он сказал: «По закону я не могу помешать вам войти в посольство. Я обязан вас пропустить. Предъявите документы, и я вас пропущу. Но если вы будете вот так врываться, у меня будут неприятности. Меня могут лишить премии или объявить выговор. Придете, попросите по-человечески, и я вас пропущу». Я извинился, поблагодарил его и ушел.

Через неделю я опять пришел в посольство. На этот раз там стоял незнакомый милиционер, и тоже в звании капитана. Я подошел к нему и протянул паспорт. Он посмотрел на меня с удивлением и спросил, чего мне надо. Я ответил, что хочу пройти в посольство. Милиционер возмутился: «С чего вдруг? Проваливай!» Я посмотрел ему в глаза и сказал: «Возьмите, пожалуйста, паспорт и запишите мои данные. Я не прошу у вас разрешения войти. Вы не имеете права меня не впустить. Если хотите, звоните начальству, доложите обо мне, и я войду в посольство. Вам ясно?» Советские милиционеры совершенно не привыкли к такому стилю общения, тем более со стороны девятнадцатилетнего юноши. Было видно, что милиционер в замешательстве. Он что-то пробормотал, пошел к телефону, потом вернулся красный от ярости и отдал мне честь. Он вернул мне паспорт и сказал, что я могу войти. Я поблагодарил его и зашел в посольство. С той поры почти всегда мне удавалось зайти в посольство без проблем, а если они возникали, то разрешались после того, как я твердо ставил милиционеров на место.

Амикам тепло встретил меня и спросил, не передумал ли я выехать в Израиль. Я ответил, что пришел именно ради этого. Он сказал: «Ладно. Может быть, нам удастся что-то для вас сделать. Через неделю я подготовлю документ, которым вы сможете воспользоваться». Я поинтересовался, какова ситуация в Израиле

и в особенности на северной границе, где росла напряженность между Израилем и Сирией. Амикам рассказал мне, что там происходит. Картина, которую он мне нарисовал, разительно отличалась от сообщений советской пропаганды. Как обычно, я взял книги и брошюры и вышел из посольства. На улице меня никто не поджидал. Я попрощался с милиционером. В ответ он отдал мне честь, и я поехал домой. По дороге меня осенила мысль: возможно, власть намного слабее, чем мы себе представляем, и большую часть ограничений мы на себя накладываем из-за собственных страхов. В любом случае я был доволен. Мое первое противостояние с властью закончилось быстро, и я победил.

Через неделю я опять прошел в посольство без всяких проблем. Меня ждал Амикам. Он протянул мне лист бумаги. Документ был составлен на русском языке, наверху был герб Израильского государства. В заголовке было написано: «Вызов». Документ подтверждал, что, если я получу визу на выезд из Советского Союза, государство Израиль обязуется выдать мне въездную визу как новому репатрианту. Я взял документ и спросил, что мне теперь делать. Амикам объяснил мне, что мне нужно обратиться в ОВИР и оформить выездную визу. На мой вопрос, достаточно ли этого документа, он ответил, что обычно визу на выезд из СССР выдают только тем, у кого есть прямые родственники за границей. Амикам сказал: «Если тебя выпустят, государство Израиль с радостью тебя примет. Однако разрешение на выезд ты должен получить сам. В этом мы не сможем тебе помочь». Я поблагодарил его и вышел из посольства. Мне было ясно, что придется сражаться в одиночку со всей мощью советской системы. У меня в кармане лежала бумага с израильским гербом и моим именем – это придавало мне сил. Однако чувство опасности, азарта и готовности к схватке, невероятное напряжение в ожидании борьбы сопровождало меня еще многие годы.

Когда я пришел в ОВИР и обратился к сотруднику в приемной, он посмотрел на меня с удивлением и спросил, есть ли у меня приглашение от родственников. Вместо ответа я протянул ему документ, который мне выдали в посольстве. Он усмехнулся: «Это просто бумажка, она для меня ничего не значит. Вам нужно приглашение от прямых родственников. Если у вас такого приглашения нет, вы не можете подать заявление с просьбой о выезде в Израиль». Я не стал с ним спорить, только спросил, кому я могу подать апелляцию.

Советские чиновники нормально воспринимали подобные требования. В странах со сложной бюрократической системой

всегда была возможность для апелляций и жалоб. В этом смысле израильская бюрократия стала сюрпризом для многих репатриантов из СССР. Когда они пытались выяснить, кому и на кого можно жаловаться, израильские чиновники удивлялись: «О чем это вы? Жаловаться некому». В Израиле каждый чиновник обычно представляет собой последнюю и высшую инстанцию. Советский гражданин всегда знал, что может пожаловаться начальству вплоть до главы правительства. Тогда мне сказали, что ОВИР районный, поэтому я могу подать жалобу в городской ОВИР.

Я обратился в московский городской ОВИР, но там даже говорить со мной не захотели. Мне сказали, что этот вопрос находится в компетенции районного ОВИРа. «Мы не принимаем заявлений от частных лиц, вам здесь нечего делать» – таков был вердикт. Я спросил, где ОВИР Советского Союза, и мне выдали адрес. Я написал жалобу, что у меня не принимают заявление, приложил к ней документ, полученный в посольстве, и отправил письмо во всесоюзный ОВИР. Так мое заявление на выезд в Израиль приняли не в обычном порядке, а как жалобу-апелляцию.

3

После того как я подал жалобу во всесоюзный ОВИР, то рассказал обо всем родителям. Они вернулись с работы, мы все сидели в кухне. Я сказал, что был сегодня в израильском посольстве. Если бы я сообщил, что через пять минут в дом зайдет инопланетянин, шок был бы меньший. Не веря ушам своим, отец попросил меня повторить. Я снова сказал, что был сегодня в израильском посольстве. «Зачем?!» – воскликнул отец. Я объяснил, что уже бывал там. Отец был в шоке: «Кто позволил тебе войти?» Я объяснил, что несколько раз мне пытались не позволить, а теперь разрешают. Он продолжил расспросы: «Чего ты хотел?» Я сказал, что интересовался возможностью выезда в Израиль. Это повергло моих родителей в полный шок, и отец не нашел ничего лучше, чем спросить: «Что ты будешь там делать?» Я ответил, что собираюсь там жить, как все остальные израильтяне. «Что ты знаешь об Израиле? Разве ты сможешь там продолжать учиться? Или работать? Ты не знаешь ни языка и вообще ничего. Как ты там будешь жить?!» – продолжал отец, уже в полном отчаянии. Я сказал, что пока не знаю деталей. Отец воскликнул: «Разве так отвечает серьезный человек?! Ты хочешь поехать в незнакомую страну, о которой ничего не знаешь, а когда тебя спрашивают, тебе даже нечего ответить». Я сказал, что мне неважно, как я буду там жить и как устроюсь. Живут же там люди, больше двух миллионов, и я хочу жить точно так же, как живут они.

После этого беседа уже продолжалась более спокойно, хотя напряженность сохранялась. Беседа запутавшейся советской еврейской семьи, которая пришла в ужас оттого, что их сын собирается поломать себе жизнь. Я показал им брошюры из посольства, но это только подлило масла в огонь. Родители спросили: «Разве не опасно держать у себя такие материалы?» Я ответил, что в этих материалах нет ничего антисоветского, здесь вообще не упоминается Советский Союз. Что может быть противозаконного в книжке на иврите? Родители спросили, учу ли я иврит. Я ответил, что изучаю язык по самоучителю. Я действительно начал заниматься ивритом. Это было непросто, поскольку я никогда не слышал живого языка. Несколько раз я ходил в синагогу, но молитвы были непонятными – ведь, кроме всего прочего, они читались в ашкеназском произношении. После этого разговора жизнь дома изменилась. Родители пытались убедить меня в том, что я делаю ошибочный шаг, который нанесет огромный вред мне и всей нашей семье – в особенности

будущему моих младших брата и сестры. Однако для меня жизнь продолжалась только в одном направлении и крутилась вокруг единственной оси: посольство Израиля – советские власти, и я посередине. Тогда я не только учился, но и работал младшим инженером в научно-исследовательском институте, чтобы помогать родителям материально. Я не мог позволить себе учиться и не работать. Семья из шести человек, из которых трое – дети, была довольно редким явлением для Москвы, особенно среди евреев.

Через некоторое время я получил приглашение в ОВИР. Там мне объяснили, что мое заявление противоречит установленным правилам и инструкциям. Власти не могут удовлетворить мою просьбу, поскольку у меня нет родственников в Израиле, а выезд в Израиль разрешается только тем, у кого в Израиле прямые родственники. Поскольку я родился в СССР, моя семья здесь, и у государства нет никаких оснований разрешить мне выезд.

Я ломал голову над тем, что мне теперь делать и какие дальнейшие шаги предпринять. Мне приходили в голову самые смелые идеи, но я понимал, что крайние меры могут вызвать ответную реакцию со стороны властей. Было ясно, что они не позволят мне выехать из страны обычным образом. Значит, мне придется поставить власти в такое положение, когда они не смогут игнорировать мои действия и будут вынуждены сделать одно из двух: либо меня выпустить, либо посадить в тюрьму. Если я соображу, как спланировать все таким образом, что мой арест будет невыгодным для них, тогда появятся шансы, что меня выпустят.

Тем временем продолжалась бюрократическая канитель: апелляции, отказы и снова апелляции. Было очевидно, что этот порочный круг нельзя разорвать без радикальных шагов с моей стороны. Я начал подумывать об отказе от советского гражданства. Этот вариант представлялся мне наиболее эффективным – как с принципиальной точки зрения, так и с точки зрения общественного резонанса. С одной стороны, в этом нет нарушения закона, с другой стороны – это очень мощный общественный протест, беспрецедентный для Советского Союза. Осталось выбрать подходящий момент.

На Ближнем Востоке обстановка накалялась и дело шло к войне, а в Москве тем временем проходила международная выставка продуктов питания. Каждый день я приходил в израильский павильон. Когда я пришел туда на официальный прием, устроенный израильской делегацией, то услышал, что Гамаль Абдель Насер, президент Египта, перекрыл Тиранский пролив. Инстинктивно я понял, что блокирование пролива

означает объявление войны. Я спросил Герцля Амикама, правда ли это, и он сказал, что так и есть. Тогда я спросил, значит ли это, что будет война, он ответил: надеюсь, что нет, но, скорее всего, войны не избежать. До этого он рассказывал мне об армии и военной силе Израиля, поэтому я не опасался, что арабские страны могут победить. Я верил в Израиль, и эта вера наполняла меня преувеличенной уверенностью в военной мощи еврейского государства. Кстати, на том приеме был министр труда Игаль Алон, который находился в СССР с визитом.

Через несколько дней началась война. Таким образом, моя личная борьба оказалась связанной с международными событиями: война обострила отношения между СССР и Израилем. 11 июня 1967 года, когда израильская армия захватила Голанские высоты, СССР объявил о разрыве дипломатических отношений с Израилем. В тот же день я сказал себе: раз Советский Союз разрывает отношения с Израилем, я разрываю отношения с Советским Союзом. Я поехал в приемную Верховного Совета. Согласно Конституции, только Верховный Совет мог лишить советских людей гражданства. В приемной сидели люди, которые писали и подавали заявления. Большинство обращений содержали просьбы об амнистии для заключенных родственников. Я сел в стороне и полтора часа составлял письмо, в котором сообщал о своем желании отказаться от советского гражданства. Я написал заявление и сделал копию. Письмо вложил в конверт и передал его служащей. Копию вложил в другой конверт и отправился в израильское посольство.

Возле посольства проходила демонстрация с участием арабских студентов и советских граждан. Там было много милиционеров, некоторых из них я уже знал в лицо. Когда я попросил пропустить меня, они ответили, что приема нет, дипломатические отношения разорваны, посольство закрыто, израильтяне уезжают. Я спросил, кто будет представлять Израиль в дальнейшем. Милиционеры не смогли мне ответить. Я решил отправиться в американское посольство, чтобы передать письмо об отказе от советского гражданства в Комиссию ООН по правам человека. Моей целью было сообщить на Запад о своем существовании на случай, если со мной что-либо случится. Я рассчитывал, что, может быть, ООН решит вмешаться. Люди, живущие в изоляции от внешнего мира, часто бывают наивными. Оставалась одна проблема: проникнуть на территорию посольства США. Я знал, что там охрана намного более жесткая, и все-таки решил воспользоваться схемой, которая себя оправдала в случае с посольством Израиля: предварительный осмотр местности с противоположной стороны улицы.

Тротуар напротив американского посольства был широким – почти двадцать метров. Мне удалось понять, каков порядок входа в посольство. В здании посольства было две подворотни, через которые машины въезжали в посольство, отделенные от тротуара клумбой. Расстояние между тротуаром, по которому шли прохожие, и подворотнями здания посольства составляло примерно десять метров. Дорога, ведущая к подворотням, равнялась ширине автомобиля плюс метр. Соответственно, расстояние, которое проходил милиционер от одного края подворотни до другого, было короче и равнялось примерно трети расстояния, которое мне нужно было пробежать. Для того чтобы проникнуть в посольство, мне нужно было быстро рвануть с места, а милиционеру достаточно было повернуться и сделать три-четыре шага, чтобы схватить меня. И все же я решил рискнуть.

Я пошел по тротуару, рассчитывая дойти до конца дороги, ведущей в подворотню, когда милиционер будет на другой стороне подворотни, еще спиной ко мне. В школе мне нравилось заниматься легкой атлетикой, в том числе бегом на короткие дистанции, и я умел хорошо стартовать с места. Я рванул вперед и уже на бегу увидел, как милиционер повернулся и ринулся ко мне. Мне удалось проскочить на территорию посольства. Милиционер выругался и сказал: «Выходи немедленно, а то я выволоку тебя». Я взглянул на него, улыбнулся и сказал тихим голосом, что я знаю – он идиот, но не до такой степени, чтобы не знать, что он не имеет права заходить на территорию посольства. Конечно, это было ребячество. Вероятно, подсознательно я пытался побороть свой страх грубостью и наглостью своих слов. Милиционер пообещал рассчитаться со мной, когда я выйду из посольства. Я зашел в здание, но не знал, куда мне идти. Заметив человека, похожего на иностранца, я спросил его по-английски, где находится консульский отдел. Он посмотрел на меня с удивлением и показал, куда идти. Я вошел в консульский отдел и попросил, чтобы меня принял консул. В то время правила безопасности в посольстве и процедуры общения с дипломатическими работниками были совсем не такими, как сейчас. Я вошел к консулу и вкратце рассказал ему о своем прошении выехать в Израиль и о подаче заявления об отказе от советского гражданства. Я попросил его передать Генеральному секретарю ООН и Комиссии по правам человека мое обращение. Консул был очень удивлен, но взял письмо и обещал передать его в ООН. Он пожелал мне успеха, после чего я покинул посольство.

Когда я вышел на улицу, меня уже поджидала целая группа милиционеров. Среди них был и тот, который обещал свести со

мной счеты. Он сказал, что скоро с огромным удовольствием переломает мне все кости. Милиционер был почти в два раза больше меня, но у меня было еще больше наглости, и я равнодушно ответил, что еще неизвестно, кто кому кости переломает. Я был спокоен после того, как выполнил задуманное, и к тому же мне не хотелось показывать свой страх. Меня затолкали в комнатку в боковом флигеле возле посольства. Разговаривали со мной грубо. Я отвечал вежливо и тихо. Милиционеры допрашивали меня наперебой: «Что ты делал в посольстве? Зачем ты туда проник? Теперь сядешь за решетку. Мы тебя засудим за хулиганство». Я сказал им, что всего лишь хотел выяснить, кто представляет Израиль после разрыва дипломатических отношений, и наговорил им еще кучу всякой ерунды. Естественно, они мне не поверили, раздели меня донага и обыскали. Они искали записки или какие-либо другие материалы. Не найдя ничего, сказали: «Ладно, сиди тут, скоро мы отведем тебя в суд, получишь тридцать суток». В самом деле, в Кодексе была такая статья: за нарушение общественного порядка можно было посадить на срок до тридцати суток. Я ответил им, что пусть делают что хотят, попросил газету и уселся в сторонке. Перестав обращать на них внимание, я погрузился в чтение. Через несколько часов ко мне подошли, вернули паспорт и сказали, чтобы я шел домой. Они мне сделали так называемое последнее предупреждение: еще раз повторится что-нибудь подобное, и меня точно кинут за решетку или выселят из Москвы. По закону власти имели право выслать за нарушения общественного порядка из Москвы на год-два и запретить приближаться к городу на сто километров. Эту меру обычно применяли ко всяким антисоциальным элементам, к диссидентам или к тем, кто был просто не угоден властям.

Когда я вышел, то задумался, почему меня не арестовали? Было понятно, почему меня продержали несколько часов: милиционер не имел права решать подобные вопросы, ведь он был всего лишь мелким винтиком в бюрократической системе. Требовалась долгая проверка: нужно было поднять мое дело в КГБ, выяснить, кто я такой, зачем я это сделал и какие меры предпринять. Для этого два управления должны были договариваться и выяснять, чья это проблема: контрразведка, которая занимается иностранными посольствами и контактами с ними советских граждан (Второе Главное управление), и отдел, который борется с идеологическими диверсиями, диссидентами, евреями (Пятое управление). Нужно было разобраться: что обо мне известно, а что нет. В конечном счете они пришли к выводу, что ничего страшного не произошло, и отпустили меня.

Возможно, просто никто не решил, как поступить с таким типом, как я.

Так закончился первый этап, до отказа от советского гражданства. Я начал готовиться к следующему этапу, его можно сформулировать так: как мне жить в стране, от гражданства которой я формально отказался. Как мне дальше бороться с властями и как строить свои взаимоотношения с окружающими, с Израилем.

4

После отказа от гражданства я ожидал реакции властей и тем временем все чаще встречался с диссидентами. У меня не было намерения участвовать в диссидентской деятельности, чтобы изменить Советский Союз. Я слушал «Голос Америки», немецкие и английские радиостанции, вещающие на русском языке. В передачах говорили о диссидентах, зачитывали их письма и декларации с адресами и телефонами подписантов. Я решил установить связь с ними. Записав адрес, я отправился к Павлу Литвинову, который был внуком советского министра иностранных дел Максима Литвинова, еврея. Павел Литвинов был одним из известных и активных диссидентов. Также я встречался с Петром Якиром, сыном Ионы Якира, советского генерала, тоже еврея, которого расстреляли при Сталине. Сам же Петр в 14 лет был сослан в сталинские лагеря.

Во встречах с ними я рассказал им о своей борьбе с советской властью. Они не проявили особого интереса. Видимо, они не понимали, кто я, зачем я все это делаю и чего я, в сущности, от них хочу. Диссиденты поддерживали связи с активистами-сионистами, например, с Давидом Хавкиным, но действовали порознь. Диссиденты отнеслись ко мне с осторожностью, даже с некоторым подозрением. Во всем мире провокации – любимый метод спецслужб, в особенности советских. Это наиболее эффективный способ борьбы с подрывной деятельностью. Необходимо также учитывать всеобщую, доходившую до паранойи подозрительность, царившую в то время. Она поддерживалась спецслужбами и подтачивала единство и эффективность диссидентского движения. Поэтому естественно, что ко мне, с которым никто не был знаком, отнеслись с подозрением. Я разъяснил собеседникам, что хотя я и сочувствую их деятельности, но не хочу жить в этой стране и у меня нет ни морального, ни законного права вмешиваться в происходящее в Советском Союзе, за исключением вопросов, связанных с правами евреев и их выездом в Израиль. Их же обязанность – отстаивать права человека в своей стране, и в том числе право евреев на выезд в Израиль. Мое общение с диссидентами должно было показать службе безопасности, что у меня есть связи с правозащитниками и что я известен им. А у диссидентов были связи с иностранной прессой и работниками посольств.

Тогда в Москве судили Юрия Галанскова и его друзей–диссидентов, которые пытались опубликовать документы суда над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. Я пошел на суд.

Хотя его назвали открытым, вход в зал суда был запрещен. Я хотел таким образом показать властям, что я действую, встречаюсь с людьми. Я видел там сотрудников КГБ, которые пытались тайком фотографировать присутствующих, в особенности незнакомых. После нескольких попыток сфотографировать меня я подошел к одному из них и нагло спросил, куда обращаться за фотографиями, и добавил, что готов заплатить за них. Он растерялся и исчез, бормоча: «Я не фотограф, я не снимаю, с чего вы взяли?»

Во время суда произошел интересный случай, смысл которого я понял позже. В перерыве я вышел на улицу и направился к станции метро. Когда я дошел до станции, ко мне подошел милиционер и попросил отойти с ним в сторону. Он заявил, что на соседней станции кого-то обокрали и я подхожу под описание карманника. Милиционер сказал, что хочет всего лишь проверить мои документы на случай, если я понадоблюсь в качестве свидетеля. Я протянул свой паспорт, который всегда носил с собой. Он осмотрелся по сторонам, и к нему подошла молодая девушка, лет двадцати с небольшим, и он передал ей мой паспорт. Она просмотрела его и сказала милиционеру: «Записывайте». Милиционер записал мои данные и передал ей, и девушка тут же удалилась. После этого вернул мне паспорт и сказал, что я могу идти. Позднее я понял, что, поскольку я не был знаком группе наблюдения за присутствующими в здании суда, было решено выяснить, кто этот человек, который несколько раз приходил на процесс. Это была простая слежка.

Время от времени я встречался с группой еврейских активистов, Давидом Хавкиным и Тиной Бродетской, как правило, возле синагоги, где они выделялись на общем фоне, особенно во время праздников. Их и еще несколько десятков евреев по всему Советскому Союзу в 1958 году арестовали и осудили на разные сроки за сионистскую деятельность, которая была объявлена антисоветской, и заключили в лагеря для политзаключенных.

Там и повстречались активисты сионистского движения. После освобождения они продолжили сионистскую деятельность более осторожно, но, несомненно, более эффективно. Было решено ограничиться акциями, которые позволят продолжать свою линию, но не будут выглядеть слишком дерзкими или опасными, чтобы не отпугивать присоединявшихся новичков. Я понимал, почему они выбирают такие методы – ведь они работали среди обычных евреев, а моя борьба была борьбой одиночки, почти личной и поэтому я действовал иначе. Я думаю, что, если бы кто-нибудь из них откололся от группы, он бы мог позволить себе даже более радикальные действия, чем мои.

Однако они действовали вместе, в группе, и все, что они делали, отражалось на других членах группы. И их осторожность была понятна и оправданна. И тогда, и сегодня я не вижу в этом ничего предосудительного. Каждый исполнял свой долг в соответствии со своим положением и определенными для себя целями. Вряд ли можно переоценить деятельность этой группы и других подобных групп по всему СССР, с которыми они были связаны. Рижская, кишиневская, минская, украинские группы занимались сионистской деятельностью в своих регионах. Большинство участников этих групп были осуждены в пятидесятых годах и в начале шестидесятых часто на довольно длительные сроки, а после отсидки опять вернулись к активной борьбе. Сионистская деятельность стала целью и смыслом жизни этих людей.

5

Уже после того, как я первый раз прорвался на территорию израильского посольства, я попытался разобраться и понять, что такое еврейство, Израиль, сионизм. В обычной советской библиотеке по этим темам ничего не было, кроме советской пропаганды. К счастью, я жил в Москве, где все-таки при желании можно было найти разнообразную информацию.

Я начал рыться в библиотеках, например, в Библиотеке имени Ленина, самой большой в Советском Союзе, в других центральных библиотеках, в Исторической библиотеке. Оказалось, что в Исторической библиотеке хранится масса книг по еврейскому вопросу, в том числе работы Герцля, Ахад ха-Ама, Пинскера и Макса Нордау. И, естественно, разнообразная антисемитская литература. Тогда книги по еврейской тематике еще не находились в спецхране, и не требовался особый допуск. Я не вылезал из библиотек, перерыл все, что было написано на эту тему на русском языке, включая антисемитскую литературу. Я прочел книги противников сионизма, в том числе и Ленина, и Маркса, и все, что было опубликовано в рамках идеологических споров. Однако советским гражданам не выдавали более современные произведения на эти темы. Они хранились в библиотеке, я видел их выходные данные, но, когда я просил выдать мне эти книги, мне отвечали, что их нельзя получить без соответствующей справки о том, что эта литература необходима для работы над докторской диссертацией. За год я узнал много нового, и новые знания лишь укрепили мое желание уехать в Израиль, возникшее не на базе моего знакомства с еврейством или сионизмом. Если вначале это было необъяснимое, непонятное, нелогичное желание, то со временем я приобрел и понимание, и идейную базу.

Реакция властей на мой отказ от гражданства последовала примерно через месяц. Меня пригласили к начальнику московского ОВИРа. Начальник, в звании полковника, вызвал меня к себе в кабинет и представил мне двух человек в штатском. Обычные русские черты лица, крепкое телосложение, на вид им было лет по сорок. По их виду трудно было не понять, к какой системе относятся эти люди. Тот самый тип людей, ни одну из деталей внешности которых не вспомнишь уже через минуту после расставания. У них был не характерный для среднего советского гражданина взгляд – прямой, любопытный, пронзительный и холодный. Ничего неофициального. Хорошее владение собой на протяжении всей беседы и хорошее понимание

сказанного. Московский интеллигентный говор, чистый и правильный русский язык, хотя и несколько канцелярский. Вопросы были короткие, четкие, конкретные и довольно продуманные. Они внимательно выслушивали и записывали мои ответы. Я был несколько напряжен и собран, но страха не чувствовал. Адреналин вызывал чувство азарта схватки, как на борцовском ковре. В течение своей жизни мне не раз приходилось встречаться с работниками спецслужб и разведок в самых разных ситуациях, и каждый раз я чувствовал азарт и потоки адреналина, как перед схваткой, что давало чувство внутренней мощи и легкости. Никогда это не был страх или ощущение опасности, а чувство предельной собранности перед схваткой, похожее на охотничий азарт.

Беседа продолжалась почти полдня. Чекисты вели себя вежливо, но очень самоуверенно. Это сочетание подчеркнутой вежливости, самоуверенности, замаскированной агрессивности, настороженности и быстрой реакции было характерно только для работников КГБ. Простое начальство не старалось соблюдать вежливость, не особенно прислушивалось, им важнее было давать указания и демонстрировать свой авторитет. Этим двум «гражданам в штатском» было важно понять меня и мотивы моих действий, они засыпали меня вопросами, просили меня обосновать мою просьбу, разъяснить, что я думаю по различным вопросам. Интересовались моим отношением к СССР, советскому обществу, коммунистической идеологии, национальным и международным проблемам. Мне задавали вопросы личные, о семье, о близких. Беседа велась спокойно, однако время от времени звучали скрытые угрозы. Например, они отметили, что мое поведение необычно и такое необычное поведение может свидетельствовать о некотором душевном расстройстве, которое требует лечения в соответствующем учреждении. Все это было высказано в тихом и спокойном тоне, как будто речь шла о приглашении в музей. Они вперили в меня взгляд, наблюдая за моей реакцией, ведь намек был ясен. Я ответил совершенно спокойным тоном, с полуулыбкой, что если они думают, что им удастся отправить меня в психушку, то могут попытаться, но я буду действовать так, как считаю нужным. Они предупредили меня: «Просим вас не совершать необдуманных поступков вроде попытки сжечь паспорт на Красной площади. Мы не можем не реагировать на подобные действия. А вы этим ничего не добьетесь». Я ответил, что буду обдумывать свои дальнейшие шаги в соответствии с ситуацией и своими целями, но не собираюсь сжигать паспорт на Красной площади, поскольку уничтожение паспорта считается уголовным преступлением, а я

не намерен давать легких поводов для обвинений в уголовных преступлениях.

Они перевели беседу в другое русло и задали мне вопрос: «В свое время вы должны будете служить в армии. Что вы об этом думаете?» Мой ответ был для них неожиданным. «Я не буду служить в вашей армии», – сказал я. Фраза «ваша армия» из уст советского гражданина, безусловно, резала слух сотрудникам спецслужб. И это было видно по изумленному выражению на их лицах. Я продолжил: «Есть только одна армия в мире, где я буду служить, – это Армия обороны Израиля. И ни в одной другой армии я служить не буду». Они не уступали: «А если будет война между Китаем и Советским Союзом, вы тоже не пойдете в армию?» Тогда отношения между Китаем и СССР были напряженными, и дело дошло до пограничных столкновений. Я ответил: «Я отказался от советского гражданства, я не желаю быть вашим гражданином, я не хочу жить здесь, и ваши проблемы с Китаем меня не касаются. То, что происходит с вашей страной, – проблема СССР и его граждан. Возможно, это меня интересует, но со стороны, не как советского гражданина. Я не пойду в Советскую армию, даже если вы будете воевать с Китаем». Тогда один из них спросил: «А если будет война между Израилем и Советским Союзом?» Я ответил, что, если Советский Союз нападет на Израиль, я, считающий себя гражданином Израиля и желающий жить в Израиле, буду защищать свою страну от них. «А если Израиль нападет на Советский Союз?» – продолжал сотрудник органов. Я ответил: «Любая необузданная фантазия должна иметь какие-то границы. Не думаю, что Израиль заинтересован в том, чтобы напасть на Советский Союз, но в любом случае в вашей армии я служить не буду». Они сказали, что, если подобная проблема возникнет, они будут действовать в соответствии с законом. Я ответил: «Вы действуйте по закону, а я – по своему усмотрению». В конце беседы они объявили: «Ваша просьба останется без удовлетворения. Поскольку нет оснований для выдачи визы на выезд и лишения вас советского гражданства, вы должны вести себя как все остальные граждане. Мы советуем вам прекратить ваши выходки и вернуться к нормальной жизни. В Израиль вы не выедете, а неприятностей не оберетесь». На этом мы расстались.

Я пытался подвести итоги беседы и позже не раз мысленно возвращался к ней. Она меня ободрила и наполнила уверенностью в своих действиях. Мои предположения оказались правильными. Вместо того чтобы жестко пресечь мои действия, власти пустились в разбирательства и дискуссии со мной. Я объяснял это слабостью системы, поняв, что власть не так уж

всесильна. В споре со мной мне не предъявили серьезных аргументов. Я вспомнил заявление премьер-министра Косыгина, которое он сделал во время визита в Европе: Советский Союз не препятствует выезду граждан, желающих эмигрировать на Запад. Я подумал, что, если Косыгин был вынужден сделать такое заявление, это означает, что власти боятся общественного мнения на Западе и пытаются скрыть запрет на эмиграцию из СССР. И тут мне окончательно стало ясно, что ахиллесова пята власти – это опасение за свою репутацию на Западе.

Я вспомнил рассказ о Ленине, который мы учили в школе. В молодости Ленин оказался на допросе в царской охранке. Следователь спросил его: «С кем воюете, юноша? Перед вами стена». Ленин ответил: «Верно, стена. Только гнилая. Пальцем ткни, и развалится». Я верил, что стена, которая стоит передо мной, тоже гнилая, только не многие знают об этом. Я понял: путь к успеху в том, чтобы советские власти побоялись нанести ущерб международному авторитету страны. Тогда я задумался, как донести до западной общественности историю своей борьбы за выезд из СССР. Я сознавал всю опасность такого шага, но уже перешел свой Рубикон, и у меня не оставалось иного выбора, кроме как обострить борьбу. Я расценил беседу в ОВИРе как попытку властей понять, что происходит, откуда взялось само явление и как с этим бороться. С одной стороны, они знали о моих контактах с евреями и видели, что мой случай единственный в своем роде. С другой стороны, они не могли понять, как в нормальной, законопослушной советской семье вдруг у кого-то возникает желание уехать в Израиль. Мне тогда было около двадцати, и открытые прямые беседы граждан с сотрудниками КГБ не были распространенным явлением. Их попытка выяснить со мной отношения свидетельствовала, по-моему, об определенной растерянности в Комитете.

Косвенное подтверждение этой догадке я обнаружил, когда получил разрешение на выезд. Мне вернули документ, выданный мне в посольстве, своего рода разрешение на въезд, которое я в свое время передал в ОВИР. Я обратил внимание, что в верхнем левом углу был написан порядковый номер. Эти цифры я истолковал как номер страницы – 107. Таким образом, в деле было еще как минимум 106 других страниц, документов, свидетельств, экспертиз и всякого рода справок. 107 страниц в деле юноши девятнадцати, почти двадцати лет указывали, что была проделана серьезная работа, причинившая работникам соответствующих организаций немало головной боли. Вскоре я услышал от одного из бывших комсомольских руководителей, что осенью того года он участвовал в закрытом всесоюзном

совещании руководства комсомола, где проходило закрытое обсуждение моего случая. Они пытались оценить это явление, понять его и решить, что следует делать в такой ситуации, если она будет повторяться.

Время шло, и я раз за разом подавал апелляции в более высокие инстанции. Я считал, что, прежде чем обращаться на Запад, нужно было исчерпать все возможности решения проблемы внутри страны. У меня не было особых надежд на то, что мои просьбы будут удовлетворены, но мне было важно собрать как можно больше фактов о действиях властей в моем случае. Тем временем прошел год, и я принял решение перейти к следующему этапу своей борьбы, на этот раз решающему.

6

Уже шел 1968 год, и я решил попытаться, чтобы обо мне стало известно за границей. Когда я в очередной раз подавал заявление об отказе от гражданства, я сделал с него девять копий. Эти копии я разделил на три группы. К каждому экземпляру я приложил письмо. Все эти письма предназначались для разных газет. По передачам «Голоса Израиля» у меня сложилось впечатление, что самая важная газета в Израиле – это «Давар». Предполагаю, что «Давар» действительно была самой главной газетой для тех, кто вел тогда передачи «Голоса Израиля» на русском языке. Все газетные обзоры начинались с публикаций «Давар», потом «Ла-Мерхав», а за ней «Ха-Цофе». «Маарив» и «Едиот Ахронот» упоминались крайне редко, а «Ха-Арец» не упоминалась почти вообще. Тогда я не знал, что содержание передач определялось «Нативом». Поэтому мое первое письмо было предназначено для газеты «Давар», второе для лондонской «Таймс», а третье – для «Нью-Йорк таймс». Я решил передать эти письма иностранцам и надеялся, что они согласятся вывезти их за рубеж.

Сначала я пытался сделать это с помощью дипломатов. В течение целого месяца я вел наблюдения за автомобилями с дипломатическими номерами и мог неплохо распознавать машины основных посольств. Однажды я заметил машину греческого посольства и последовал за дипломатом, который зашел в магазин. Я подошел к нему и спросил по-английски: «Вы из греческого посольства?» Он испуганно посмотрел на меня и пробормотал: «Да». Я сказал, что хотел бы передать на Запад несколько писем, и спросил, сможет ли он взять их у меня. Он спешно ответил: «Нет-нет!» – и убежал. Я понял, что действовал не только наивно, но и попросту глупо. Это выглядело как самая настоящая провокация. Советский человек подходит к человеку на улице и как бы совершенно естественно обращается к нему, как к работнику посольства, и просит взять какие-то письма и вывезти их за рубеж. Я сильно разозлился на себя из-за такой глупости. Когда я уже служил в «Нативе», то всякий раз повторял работникам четкое указание: никогда не брать ничего у людей на улице. Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах, что бы ни случилось. Я предупредил их: любой, кто нарушит это распоряжение, немедленно будет отправлен обратно в Израиль. Ожидание любых провокаций со стороны спецслужб было более чем обоснованно, что могло привести к самым разнообразным и неожиданным осложнениям, как политического, так и

профессионального и личного характера.

Вторую партию писем я собирался передать через посольство Великобритании. Я снова провел наблюдение за посольством, чтобы выяснить порядок входа в посольство. На этот раз я решил сойти за иностранца. Я отправился в одну из центральных интуристовских гостиниц в Москве – «Метрополь». В киоске гостиницы продавались иностранные газеты, как правило, иностранных коммунистических партий. Я знал, что воскресные выпуски были с цветным приложением на превосходной бумаге, которые по внешнему виду резко отличались от серых советских газет. Мне пришлось ждать несколько недель, пока в продаже не появился воскресный номер. Советская цензура не выпускала в продажу эти приложения, если там было что-то, о чем, по ее мнению, советскому читателю не стоило знать. Наконец мне удалось купить воскресный номер с приложением газеты французских коммунистов «Юманите».

Отправляясь в британское посольство, я надел импортный плащ, повязал на шею шарф и поднял воротник, чтобы выглядеть не как средний советский гражданин. И к тому же начистил ботинки до блеска. Газетное приложение я зажал под мышкой, чтобы была видна латиница и цветные иллюстрации. Я подошел к воротам посольства уверенным шагом и даже не взглянул на милиционера. Краем глаза я увидел, что милиционер бросил на меня взгляд и тут же отвернулся. Вероятно, иностранная газета и мой уверенный вид сделали свое дело. Согласно правилам, милиционеры не проверяли иностранных граждан, входивших в посольства. Я вошел в здание посольства. В центре вестибюля была стойка, там сидела сотрудница посольства. Я спросил, где можно оставить материал для корреспондента газеты «Таймс». Она показала мне на ячейки для прессы. Я нашел бокс, на котором было написано «Таймс», и вложил туда три письма. Потом я задержался на пару минут, рассматривая газеты. Долгое время я думал, что советские власти не знали о моем посещении британского посольства. Однако в конце концов мне стало известно, что входы во все посольства были под постоянным видеонаблюдением. Просматривая видеозаписи, спецслужбы должны были обнаружить мой визит.

В течение нескольких недель я бродил по московским улицам, держа при себе еще одну пачку писем и ожидая удобного момента. Однажды вечером я увидел группу студентов у ресторана «Арагви». Я спросил по-английски, откуда они. Студенты ответили, что они из Германии. Я спросил, из какого города. Один из них ответил: из Гамбурга. Значит, они из Западной Германии. Я выбрал парня, который выглядел более

уверенным, независимым и расторопным. Я обратился к нему, сказав, что мне нужно с ним поговорить и попросил его отойти со мной на минуту. Он последовал за мной. Я объяснил ему, что я еврей, пытаюсь выехать в Израиль, а власти не выпускают меня, и у меня есть письма, которые нужно отправить в Израиль, США и Великобританию. Я спросил, готов ли он мне помочь. Немец ответил: «Никаких проблем, давай письма». Я вручил их ему. Уже в Израиле, в «Нативе», я узнал, что мои письма пришли из Германии.

Через несколько недель я получил уведомление о посылке из Израиля. Сломя голову я помчался на почту. В посылке была пластинка израильской певицы Геулы Гиль с детскими песенками. Почтовое отправление было сделано от ее имени, и я понял, что мои письма дошли. Это был первый сигнал о поддержке после почти годового отсутствия какой-либо связи с Израилем из-за закрытия посольства. После разрыва дипломатических отношений между Израилем и СССР я время от времени посещал посольство Нидерландов, которое представляло интересы Израиля в СССР. В первый раз я прорвался туда, как обычно, а потом снова была разборка с милиционером. Впоследствии я заметил, что милиционеров из израильского посольства перевели к голландскому. Мы уже знали друг друга, и я заходил в посольство Нидерландов без всяких проблем, иногда я даже беседовал с милиционерами на входе. В голландском посольстве я встретился с консулом, проинформировал его о моей ситуации и попросил передать информацию обо мне в Израиль.

После отказа от советского гражданства, несмотря на непризнание властями этого акта, я решил попросить гражданство Израиля. Я думал, что, если Израиль предоставит мне гражданство, это укрепит мои позиции в противоборстве с властями и обеспечит определенную безопасность. Я считал, что в Израиле, так же как и в СССР, гражданство предоставляется парламентом. Я подал через голландское посольство письмо в Кнессет с просьбой предоставить мне гражданство. Когда через месяц с небольшим я пришел в посольство Голландии, консул сообщил мне о полученном ответе: «Согласно израильскому законодательству, невозможно предоставить израильское гражданство лицу, которое не находится на территории государства Израиль». Я очень разозлился. Мне стало ясно, что существует разница между моим пониманием нашего положения в СССР и тем, как его понимают и оценивают в Израиле. И снова я сделал вывод, что могу рассчитывать только на себя. Тогда я окончательно понял, что, кроме осторожных намеков на

поддержку, вряд ли можно полагаться на какие-либо реальные действия со стороны Израиля.

В то же время у меня сложилось убеждение, что в Израиле необходимо принять закон, позволяющий предоставлять гражданство тем евреям в Советском Союзе, которым власти не дают выехать в Израиль. Когда я приехал в Израиль, я предложил эту идею. Сначала к ней отнеслись с насмешкой, но, когда Биньямин Халеви, судья Верховного суда, вышел в отставку и присоединился к движению «Херут», я изложил ему мою идею. Будучи депутатом Кнессета, он провел этот законопроект в Кнессете. Правительство, «Натив» и Министерство иностранных дел, как ни пытались, не смогли помешать принятию этого закона. За многие годы более ста евреев, узников Сиона и отказников, получили израильское гражданство, несмотря на сопротивление израильской бюрократии. «Натив» также не поддерживал эту идею, по крайней мере, до тех пор, пока я не занял серьезного положения в этой организации. Предоставляемое гражданство было формальным, однако оно служило моральной поддержкой для отказников. Они пытались воспользоваться правами, связанными с получением гражданства, но израильские госструктуры никак на это не реагировали. Сам факт получения израильского гражданства отказниками не был использован на международных форумах, даже в целях пропаганды и разъяснения положения евреев СССР. Тем не менее, идея, которая сформировалась в процессе моей борьбы с советскими властями, реализовалась после моего приезда в Израиль и навязана израильскому истеблишменту вопреки его воле.

7

Тем временем события получили новое развитие. Примерно за полгода до того, как во мне пробудилась тяга к сионизму, в НИИ, где я работал, на меня стали давить, чтобы я вступал в комсомол. Мне уже исполнилось девятнадцать лет, а я все еще не был комсомольцем, и это было необычным явлением: юноша старше четырнадцати лет не состоит в Коммунистическом союзе молодежи. Комсорг НИИ, молодая девушка, сказала, что из-за меня у нее неприятности. Оказалось, ее организация – единственная, где есть некомсомолец. Это могло испортить ее комсомольскую карьеру, и комсорг попросила, чтобы я вступил в комсомол лично для нее. Я подумал: почему бы не сделать доброе дело приятной девушке, и согласился. Через несколько месяцев, когда я начал бороться за выезд из СССР в Израиль, то понял, что существует противоречие между моими взглядами и членством в молодежной коммунистической организации. Я собираюсь выехать в Израиль и в то же время я являюсь членом организации, руководство которой поддерживает антисемитскую и антиизраильскую политику СССР. Я сказал себе, что, если я отказываюсь от гражданства, я не могу оставаться в комсомоле даже формально. Тогда я уже работал в другом НИИ. Я обратился в местную комсомольскую организацию с заявлением о выходе из комсомола со следующей формулировкой: «В связи с желанием выехать в Израиль и отказом от советского гражданства желаю выйти из состава Коммунистического союза молодежи и не считаться членом ВЛКСМ». Шок был тотальным. Нужно понимать, что в 1968 году в СССР антиизраильская пропаганда достигла рекордного уровня, и это сопровождалось традиционным антисемитизмом. По форме и содержанию она уже дошла до уровня газеты «Дер Штюрмер», издававшейся в нацистской Германии. И вдруг комсомолец собирается уехать в Израиль да еще бросает всем в лицо членский билет! Поэтому Московский горком комсомола вместе с райкомом дали распоряжение о созыве общего комсомольского собрания, чтобы образцово-показательно заклеймить антисоветчика и чтобы другим неповадно было.

Был назначен день общего собрания, повсюду развесили объявления. Мое имя и государство Израиль в повестке дня не упоминались. Однако слухи о целях собрания разнеслись молниеносно, и зал был набит битком. По моим оценкам, там собралось несколько сотен человек. Было довольно много евреев, но в основном присутствовали неевреи. Сначала выступали

комсомольские бонзы. Они говорили, что я покрыл их позором, и зачитывали цитаты из газет и партийных документов об Израиле, сионизме и т. п. Затем слово дали мне, чтобы я объяснил свою позицию. В течение часа я довольно аргументированно разъяснял свою точку зрения и свои сионистские взгляды. Впервые в жизни люди слышали полную и обоснованную лекцию о евреях и сионизме, и в зале царила абсолютная тишина. После этого из зала стали задавать вопросы, и я отвечал на них. Я стоял один на сцене перед переполненным залом и отвечал на вопросы. С точки зрения организаторов, результат собрания оказался катастрофическим. В течение трех часов сотни людей, в том числе и евреи, слушали разъяснения по неизвестным им вопросам: об идеологии сионизма, о борьбе еврейского народа за независимость и возрождении своего народа, о Шестидневной войне, о советском вмешательстве на Ближнем Востоке, об антисемитской политике, о культурном и национальном притеснении евреев в Советском Союзе. Я умел выступать на хорошем русском языке. Увлечение математикой отточило у меня способности к логическому и последовательному построению фразы и изложению мысли. Факты, изложенные не канцелярским, казенным языком, сделали свое дело. Попытки возражать мне казались жалкими и лишь укрепляли эффект моих слов. Из зала предложили заклеймить мое антисоветское поведение и обратиться к советским властям с просьбой вышвырнуть меня из Советского Союза в Израиль.

Это было уже слишком. Наблюдатели из райкома партии поняли, что если такая резолюция будет принята, то это ударит по ним самим. Один из них выскочил на сцену и сказал, что он полностью разделяет чувства зала, однако нельзя вмешиваться в работу компетентных органов и необходимо дать им возможность определить самим свою позицию, независимо и профессионально. Также он предложил послать письмо в институт, где я учился, и поставить руководство института в известность о моих взглядах и поведении и сообщить о решении исключить меня из комсомола. В институте мне тут же предложили уйти самому, иначе меня завалят на ближайшей сессии. Я как раз должен был сдавать экзамен по политэкономии, по произведению Карла Маркса «Капитал». «Капитал» состоит из двух основных частей: в первой содержался анализ капиталистической экономики и общества, а во второй – учение об экономике социалистической. Поскольку первую часть я уже сдал, мне оставался экзамен по второй части – социализму. В шутку я сказал руководству, что все необходимое для жизни в будущем я уже выучил, а социалистической экономикой пусть занимаются те, кто остается в СССР. По моей

просьбе мне выдали справку о том, что я покинул институт по собственному желанию, а не отчислен за недостойное советского гражданина поведение. Поскольку я работал в НИИ, связанном со строительной промышленностью, то перешел учиться в строительный институт. На собеседовании я сказал, что хочу изменить профиль учебы в соответствии с направлением, по которому я уже работаю. В этом не было ничего необычного, и меня с удовольствием зачислили в этот вуз.

Я продолжал учиться, как вдруг получил повестку о призыве в армию. Когда я отправил в военкомат справку из института, мне пришла новая повестка. Пришлось идти и выяснять, в чем дело, – ведь студенты имели право на отсрочку от призыва до завершения учебы. Мне объяснили, что по закону отсрочка действительна до тех пор, пока я учусь в одном институте. Переходя из вуза в вуз, я терял право на отсрочку и теперь должен идти в армию. Только после окончания службы я смогу вернуться к занятиям в институте. Я понял, что попал в переделку, но твердо решил, что все равно не пойду в армию. По закону отказ от воинской службы карался тремя годами заключения – на один год больше, чем срок службы. Я подумал: лучше я буду сидеть в тюрьме, чем служить в Советской армии, армии чужого государства. Началась игра в кошки-мышки с властями. Я получал повестки из военкомата и тут же выбрасывал их. Домашним я сказал: если повестка придет с курьером, ничего не берите и не расписывайтесь, скажите, что не знаете, где я. Повестка вступает в силу с момента росписи в получении. В случае неявки после росписи в получении повестки призывника-уклониста могут немедленно арестовать.

Я стал думать, как мне избежать службы в армии. Один из вариантов, который я, как ни странно, взвешивал, сломать руку. Когда-то я уже ломал руку, играя в гандбол, и знал, что это не так страшно. Я попросил совета у одного врача-еврея, отца моего товарища. Он объяснил, как это сделать, но отказался помочь в намеренном переломе руки. Я рассматривал этот вариант в качестве крайней меры. В случае чего перелом руки позволил бы мне отсрочить службу на полгода или даже больше.

Возникли небольшие сложности и на работе. Научно-исследовательский институт, в котором я работал, проводил исследования по всему Советскому Союзу, и я ездил по разным городам. Например, как-то меня командировали во Владивосток. Я ехал туда на поезде. Ночью мы остановились в Биробиджане. Я выскочил на перрон и, как сумасшедший, уставился на вывески, разглядывая еврейские буквы. Покупая газеты, я услышал, как продавщицы переговариваются между собой на идиш. Это было

очень своеобразное ощущение. А потом из спецотдела института сообщили, что мне запрещается посещать приграничные районы СССР, в том числе морские порты.

Призыв в армию производился дважды в год – осенью и весной. Мне удалось пережить весенний призыв, постепенно приближался осенний. Однако в августе 1968 года Советская армия вторглась в Чехословакию. Как ни странно, это событие сыграло решающую роль в моей судьбе и определило мое будущее. Когда начали осенний набор, то оказалось, что в армии слишком много солдат, и армия не готова принять несколько сот тысяч солдат, не демобилизовав тех, чей срок службы закончился. Но демобилизовать солдат оказалось невозможным, ведь войска в тот момент находились в Чехословакии, и призыв перенесли на весну следующего года. Это решение касалось всех без исключения, и дела всех призывников, не вдаваясь в детали, перенесли на 1969 год. Бюрократия победила! В КГБ, где наблюдали за попыткой призвать меня в армию, не видели в этом дела первоочередной важности. Они знали, что механизм запущен и мне придется или идти в армию, или предстать перед судом. Тем временем перестали посылать повестки. Когда стало ясно, что призыв отменили, я вздохнул с облегчением, сказав себе, что до весны 1969 года еще многое может произойти.

8

Однажды у синагоги я заметил человека средних лет, который беседовал на иврите с двумя евреями, туристами с Запада. Судя по одежде, он был советским гражданином, но его иврит показался мне очень хорошим. После того как он ушел, я проследил за ним. Пройдя несколько улиц, я подошел к нему и обратился к нему на иврите. В первую секунду он опешил. Мы перешли на русский, и я заметил, что у него есть легкий незнакомый акцент. Этого человека звали Авигдор Левит. Он родился в Казахстане во время войны. Его мать была русской, отец польским евреем, который покинул СССР вместе с Армией Андерса. Авигдор вырос и воспитался в Израиле, и иврит для него был родным языком. Его отец умер, мать вышла замуж во второй раз, однако через несколько лет развелась и вскоре вернулась с сыном в Советский Союз. В Израиле родители Авигдора состояли в рядах компартии, а он – в Коммунистическом союзе молодежи Израиля. Мы стали встречаться, и наша связь продолжалась до самого моего выезда в Израиль. Я разговаривал с ним на иврите. До этого мне никогда не доводилось разговаривать с людьми, для которых иврит был родным языком, и его помощь очень помогла мне в освоении языка.

Авигдор скучал по Израилю и мечтал туда вернуться. Однако в СССР он работал в разных организациях, связанных со знанием иврита, поэтому у него не было ни малейшего шанса выехать из страны. Кроме того, из-за слабого характера его личная жизнь была крайне запутанной. В целом это был несчастный человек. Для советских граждан он был евреем и израильтянином, а евреи и израильтяне считали его нееврем и к тому же предателем. В то время он работал на советской радиостанции, ведущей передачи на иврите, она называлась «Шалом ве-Кидма». Время от времени он давал мне почитать секретные материалы, которые распространялись среди работников радиостанции. Там была бесцензурная подборка из всех западных газет. Так, например, я смог прочесть все вышедшие на Западе публикации о советском вторжении в Чехословакию. Авигдор много рассказывал мне об израильской компартии, о ее деятельности, главных фигурах, которых он знал еще с детства и с которыми продолжал встречаться, когда они приезжали в Москву. Мне было интересно познакомиться с человеком левых убеждений, западным коммунистом, который верит в эти принципы не из соображений карьеры, а честно и искренне. Я никогда не встречал в Советском Союзе людей с подобными взглядами.

Как-то раз мой дедушка, мамин отец, заметил у меня цепочку с маген-Давидом. Он посмотрел на меня, вздохнул и спросил, понимаю ли я, что это за знак. Я ответил, что это еврейский и израильский символ. Дедушка подозрительно спросил, почему я его ношу. Я сказал, что добиваюсь выезда в Израиль и надеюсь, что мне это удастся. Дедушка помолчал некоторое время, а потом сказал с грустью, что не хочет со мной спорить. Он прибавил: «Внучек, ты не представляешь себе, что такое еврей, который эксплуатирует другого еврея и высасывает из него все соки. Я знаю евреев, и ты еще столкнешься с этим». Больше мы не говорили на эту тему. Когда я получил разрешение на выезд и прощался с дедушкой, он попросил меня не забывать его слова и пожелал мне успеха. В те дни я еще не понимал смысл его слов. За многие годы жизни в Израиле я не раз вспоминал мудрые слова моего дедушки, и в последнее время все чаще и чаще.

В августе 1968 года я в очередной раз был в ОВИРе и снова получил отказ. Начальник ОВИРа, сообщая мне об отказе, добавил, что политика в отношении выезда в Израиль изменилась и несколько дней назад советское правительство решило разрешить выезд тем, кто получил разрешение до Шестидневной войны и чей выезд был приостановлен из-за боевых действий. Он разъяснил, что возобновлен прием заявлений от прямых родственников из Израиля, только от родителей и детей. Но он подчеркнул, что эти изменения не распространяются на мой случай и мне следует выбросить из головы мои безумные фантазии. Я тут же отправился в голландское посольство, встретился с консулом и попросил его сообщить в Израиль об этих изменениях в политике выезда в Израиль. Голландский консул отнесся к моим словам с недоверием, однако обещал передать их в Израиль. И хотя вроде бы изменения в политике выезда меня не касались, я пришел к выводу, что начались перемены и сам факт изменений в лучшую сторону – это хороший признак.

В отделе кадров по месту работы меня попросили принести справку из нового института. Было ясно, что, как только я это сделаю, в институт тут же отправят письмо о моей «антисоветской» деятельности. Я уволился из НИИ и пошел работать рабочим-бетонщиком на завод железобетонных изделий. На этом заводе никогда не видели рабочего-еврея. Оказалось, что моя зарплата в качестве начинающего рабочего была в два раза выше, чем зарплата младшего инженера в НИИ. Для меня это стало сюрпризом, однако я исходил из того, что это классическое проявление советской социально-экономической концепции. Работа была по сменам, и в ночь с 31 декабря 1968 года на 1

января 1969 года я должен был выходить в ночную смену.

Смена начиналась в 23:00. Перед выходом из дома я почувствовал острую боль в животе. Меня забрали на «Скорой помощи», и по дороге выяснилось, что у меня приступ аппендицита. К утру меня прооперировали. Когда я пришел в сознание, мама сказала, что ей позвонил мой приятель (тот самый, с чьим отцом я советовался по поводу перелома руки). Его отец слушал «Голос Америки» на идиш и обратил внимание, что мое имя упоминалось в связи с каким-то письмом. Меня бросило в дрожь, а потом – то в жар, потом в холод. Мама спросила, почему мое имя упоминают в передачах «Голоса Америки». Я сказал: «Мамуля! Все сработало!» Я почувствовал, что мне удалось довести ситуацию до критической точки, как я и хотел, – теперь властям придется решать: применять ко мне силу или выпустить меня. Я сформулировал это по-своему: «Мамуля, теперь я точно поеду на Восток. Вопрос только – на Ближний или на Дальний». Мне было ясно, что сложившаяся ситуация не может продолжаться вечно. Мама побледнела и замолчала. Вся семья давно уже смирилась с сумасшедшей идеей старшего сына, и домашние мне не раз говорили: «Дай Бог, чтобы тебя наконец выпустили, иначе ты закончишь свою жизнь в тюрьме. Чем жить в страхе и тревоге, уж лучше, чтобы ты был в Израиле».

Со временем, когда я уже работал в «Нативе», директор организации, Нехемия Леванон, рассказал мне, как мое письмо было опубликовано в Штатах. В то время он был представителем «Натива» в Вашингтоне и возглавлял филиалы «Натива» в Соединенных Штатах. Мое письмо вместе с переводом на английский язык попало к нему из штаб-квартиры «Натива» в Израиле. Леванон попытался опубликовать его, однако столкнулся с неожиданным сопротивлением. Редакция «Нью-Йорк таймс» отказалась печатать мое письмо, потому что оно было «слишком воинственным». Руководители еврейских организаций Соединенных Штатов Америки, к которым он обратился, тоже отказались печатать это письмо, утверждая, что оно «слишком сионистское»! И все это происходило в то самое время, когда советские евреи рисковали жизнью, будучи уверенными, что евреи мира непременно их поддержат! Но Нехемия Леванон проявил упорство и настойчивость. Он приложил огромные усилия и с помощью нескольких человек, как евреев, так и неевреев, ему удалось вопреки всему опубликовать мое письмо одновременно в нескольких газетах – «Вашингтон пост», «Лос-Анджелес таймс» и «Чикаго трибьюн». Эффект самой публикации заставил советские власти уступить и разрешить мне выезд. Кто знает, чем бы это кончилось, если бы на месте Нехемии Леванона

оказался другой человек – не такой чуткий, упорный и преданный нашей борьбе. Впоследствии мы с Леваноном немало спорили по поводу методов и поддержки борьбы за выезд евреев из СССР. Временами эти споры были очень острыми. Однако я всегда знал, что Леванон искренне болеет за наше дело и предан ему всей душой. Даже если и были сделаны ошибки, его вклад в успех борьбы за выезд евреев из СССР в Израиль невозможно переоценить. Однако тогда, в Москве, я еще ничего об этом не знал.

9

Вскоре меня выписали из больницы. Через две недели я проверял почту и заметил в ящике открытку. Когда я прочел ее, у меня из горла вырвался такой звериный вопль, что задрожал весь подъезд. Этот крик прошел сквозь этажи, стены и двери и достиг нашей квартиры. Я почувствовал, что меня обдало жаром. Казалось, еще чуть-чуть – и я взлечу. В открытке было написано: явиться в ОВИР для получения документов на выезд в Израиль. Все напряжение, все ожидания, борьба, перенесенные страдания вдруг исчезли в эту секунду. В течение двух лет я испытывал предельное одиночество, сопровождаемое постоянным напряжением и страхом. Даже не поддаваясь этим чувствам, я оставался один в этой борьбе, один против всего мира. Я боролся один с мировой державой, с ее огромной и жестокой системой, а все оставались в стороне. Те немногие, кто поддерживал меня, тоже были полны сомнений и неверия. В то мгновение я чувствовал, что победил великана. Я победил Советский Союз, который всего полгода назад раздавил Чехословакию, и весь мир молчал от страха! Я вспомнил фразу из «Одесских рассказов» Исаака Бабеля: «Вам двадцать пять лет. Если бы к небу и к земле были приделаны кольца, вы схватили бы эти кольца и притянули бы небо к земле…» Именно таким было мое ощущение тогда. Я взлетел наверх и увидел моих родных, которые испуганно спросили: «Что случилось? Что это был за вопль?» Я не мог сдержать радости: «Все! Я победил! Я получил разрешение на выезд. Я уезжаю в Израиль». Мои домашние были в шоке. Мама заплакала. Ее плач раздирал мне сердце: она оплакивала сына, которого, возможно, больше никогда не увидит. Так тогда прощались со всеми уезжавшими в Израиль. Отец отошел в сторону, я видел, что он тоже плачет. Я стискивал зубы, огорченный тем, что причинил самым любимым людям боль, но не мог сдержать переполнявшую меня радость.

В назначенный день я пришел в ОВИР. Офицер в ОВИРе говорил со мной очень вежливо, даже подчеркнуто вежливо. Он извинился, что им понадобилось так много времени, чтобы проверить мое заявление, и объяснил, что задержка была вызвана тем, что они со всей серьезностью отнеслись к тому, как я, юноша, воспитанный в советском обществе, смогу устроиться в чужом, жестоком капиталистическом государстве, без родных и знакомых. Только из «беспокойства и заботы» о моей судьбе и из-за «ответственности государства за юного гражданина, совершающего ошибку» весь этот процесс тянулся целых два года.

Офицер выдал мне анкеты для заполнения с заявлением на получение визы на выезд в Израиль. Я посмотрел на него с нарочитым удивлением. Он смутился, потом улыбнулся и сказал: «Да ну, оставьте. Вам не нужно ничего заполнять. У нас и так есть все ваши данные». Так что официальное заявление на выезд я не подавал и не заполнял никаких анкет. Мне было сказано, что я должен покинуть страну в течение двух недель и я никогда не смогу вернуться в Советский Союз. Я ответил с улыбкой, что как-нибудь переживу это. Тут пришел еще один офицер, и вместе они предупредили меня, чтобы я не занимался в Израиле антисоветской пропагандой. Тут уже я не выдержал и сказал, что мое поведение в Израиле будет зависеть от отношения к моим родителям и семье в СССР.

Получив документы на выезд, я отправился в голландское посольство для получения въездной визы в Израиль. Там мне проштамповали визу на въезд в Израиль на бланке выездной визы из Советского Союза, заказали билет на самолет в Вену и спросили, на сколько дней заказывать номер в гостинице в Москве. Я сказал, что мне не нужна гостиница, я буду жить до выезда дома. Сотрудница посольства, советская гражданка, с удивлением спросила, буду ли я жить у московских родственников, на что я ей ответил, что я – москвич и живу дома в своей семье. Удивление сотрудницы и других работников посольства росло. По их словам, мой случай – первый, когда москвич получает визу на выезд в Израиль. Перед уходом я попрощался с голландским консулом. Мы были с ним в хороших отношениях, и я поблагодарил его за помощь.

15 февраля 1969 года, почти через два года с того дня, когда я впервые прорвался в израильское посольство в Москве, я вошел на борт самолета «Аэрофлота», летящего в Вену. Во время таможенной проверки в аэропорту меня раздели догола и тщательно обыскали. Я взял с собой только один чемоданчик, наполовину набитый книгами. Кроме того, там были две бутылки водки, банка икры, две рубашки и две пары белья на смену. Проверяющие меня таможенники спросили: неужели это все мое имущество? Я им ответил: это все, что, по моему мнению, я могу увезти с собой из их страны. Что мне надо, я увожу в сердце и в памяти, а все остальное оставляю им. Расставание с родными было трогательным и нелегким. Только через много лет я осознал, как переживали мама и отец, когда они обнимали меня, своего первенца, ведь они думали, что мы видимся в последний раз в жизни. Весь их мир сжался до нескольких последних минут, проведенных вместе с сыном, который уезжает в полную неизвестность, на другой конец света, в страну, где идет

страшная война, и нет ни малейшего шанса когда-нибудь встретиться снова. Моя сестра, Верочка, прижалась ко мне с плачем, а младший брат, Шурик, стоял рядом, стараясь скрыть слезы, ведь «мужчины не плачут». Я вошел в самолет в последнюю минуту. Все мои мысли были сосредоточены на будущем, на Израиле, на первой встрече с безумной мечтой, которую вопреки всему мне удалось осуществить.

10

До Второй мировой войны еврейский вопрос не считался проблемой в СССР. Ни с точки зрения руководства страны, ни с точки зрения службы безопасности. Ленин и еще больше Сталин видели в ассимиляции евреев естественное и желательное решение еврейского вопроса. В сущности, все коммунистическое руководство и в особенности входящие в его состав евреи видели в ассимиляции естественное и желаемое евреями решение.

Преследование еврейского национального движения в период от Октябрьской революции и до сороковых годов происходило из-за идеологических разногласий. Аресты и ликвидация членов сионистских и не сионистских движений (таких, как, например, Бунд) были следствием не антисемитизма, а борьбы с чуждой, националистической идеологией. Инициаторами преследования сионистского движения и его ликвидации были евреи, члены большевистской партии.

В глазах властей перед началом Второй мировой войны главной и наиболее опасной национальной проблемой в Советском Союзе была проблема немецкого национального меньшинства. В то время доля немцев в советской науке, обществе, культуре и многих ключевых структурах была очень большой, почти критической, намного большей, чем евреев. Когда Гитлер пришел к власти, его политика радикального немецкого национализма напугала советское руководство, опасавшееся, что идеи Гитлера повлияют на значительную группу населения. Нацистская Германия действительно пыталась использовать немецкое меньшинство СССР и делала это довольно профессионально и эффективно.

Сталин более, чем кто-то другой, осознавал слабости Советского Союза, его боязнь реальных и вымышленных врагов была очень сильна и с годами только усиливалась. Постоянный страх перед внешней и внутренней угрозой был наиболее характерной чертой и для Сталина, и для советского руководства после него.

Еврейский вопрос стал актуальным в глазах властей СССР во время Второй мировой войны и после нее. В глазах Сталина и советского руководства Соединенные Штаты стали главным и самым опасным врагом Советского Союза. А в США проживала самая крупная и могущественная еврейская община в мире, сила и влияние которой только увеличивалось. Большинство американских евреев приехало в США еще из Российской империи, и Советский Союз цинично использовал еврейское

влияние в Америке, создав для этого Еврейский антифашистский комитет.

Советское руководство предполагало, что усиление еврейского самосознания обязательно приведет к укреплению связей между советскими и американскими евреями. Престиж Еврейского антифашистского комитета в глазах евреев СССР был чрезвычайно высок. Они обращались туда с любыми проблемами, связанными как с национальным вопросом, так и с личными нуждами. Сам факт существования комитета консолидировал и укреплял еврейское самосознание. У антифашистского комитета были свои собственные связи на Западе, в частности, с американскими евреями. Сталин и большая часть советского руководства считали, что эта ситуация опасна и не соответствует проводимой политике еврейской ассимиляции, поэтому необходимо ликвидировать пробуждение еврейского национализма в СССР. Дело было вовсе не в антисемитизме Сталина или его сподвижников, хотя среди них и были антисемиты. Речь шла о холодном политическом расчете.

Все это привело к ликвидации Еврейского антифашистского комитета. Любые связи между советскими евреями и евреями за рубежом подавлялись с жестокостью. Власти пришли к выводу решить проблему еврейского национализма так же решительно, как они решили проблему немецкого национализма. В начале войны немцы были депортированы и сосланы, а Автономная Республика немцев Поволжья была ликвидирована. Еврейский вопрос, как и в свое время немецкий, стал проблемой для советской власти, главным образом вследствие его международного значения. Другими словами, в глазах властей самой большой опасностью стало имеющееся или потенциальное участие враждебных Советскому Союзу зарубежных стран в разжигании национальной проблемы и использование ее против интересов СССР. Неважно, идет ли речь о Германии с ее нацистской идеологией или же о США, действующих напрямую и используя Израиль.

Вторая мировая война привела в Советский Союз еврейское население на вновь присоединенных к Советскому Союзу территориях. Среди этих евреев были участники еврейских молодежных и сионистских движений 20–30-х годов. Первые группы еврейской молодежи, состоявшие из двадцатилетних девушек и ребят, организовались еще в последние годы войны на национальной почве или на почве солидарности с Израилем в конце сороковых годов. Они были арестованы и заключены в лагеря за антисоветскую деятельность. В лагерях они встретили выживших членов сионистских организаций, арестованных еще в

20-х и 30-х годах. Так восстановилась преемственность сионистской деятельности в СССР, которая полностью никогда не прекращалась. Узники двадцатых и тридцатых годов вели индивидуальную, одинокую, безнадежную борьбу, опираясь на веру в народ Израиля и мечту о создании еврейского государства. Большинство из них осталось в неизвестности – забытые герои, они не оставили след в памяти народа. Но, как в каждом революционном движении, так и в еврейском движении появилось новое поколение, молодое, оно и вступило в борьбу.

Группы Меира Гельфанда и Вилли Свечинского, как и многие другие подобные им, были удивительным явлением в истории сионистского движения в СССР. Они действовали в период правления Сталина и великого террора. Студенты-евреи, рожденные и воспитанные при советской власти, взбунтовались и посмели сделать для своего народа то, что практически никто не считал возможным в ту эпоху. После смерти Сталина были организованы группы изучения иврита. В Риге местную группу возглавил Иосиф Шнайдер, который ребенком был узником рижского гетто. Эта организация стала фундаментом сионистского движения в Риге. Шнайдер был снайпером и, кроме иврита, обучал учеников также стрельбе. «Когда мы приедем в свою страну, мы должны не только знать иврит, но и метко стрелять», – говаривал он. Шнайдера арестовали после Синайской кампании по совершенно фантастическому обвинению: планирование покушения на египетского президента Гамаль Абдель Насера. На судоверфях в Риге строили подводные лодки для египетского флота, и Насер посетил столицу Латвии во время визита в СССР. Все поражались фантастическому обвинению, выдуманному следователями, но впоследствии, уже в Израиле, Шнайдер признался мне: «Смех смехом, но я действительно обдумывал покушение на Насера». Этот пример только иллюстрирует преданность и готовность евреев СССР к самопожертвованию во имя Израиля.

Постоянно появлялись новые люди и продолжали сионистскую деятельность. Молодежь действовала более активно, более эффективно, чем старшее поколение. Этому движению не хватало только одного – борьбы за выезд в Израиль. Сталинский террор и реакция последующих режимов создали ощущение того, что в тоталитарном государстве нет шансов на выезд. Власти Израиля также не понимали положение советских евреев и борьбу за выезд в Израиль. Сложилась ситуация, когда ни в Советском Союзе, ни за его пределами не сознавали, что существует реальная возможность борьбы с советской властью за право выезда в Израиль.

В 1967 году наступило своеобразное «просветление». Открытая борьба за выезд в Израиль, честь начать которую была предоставлена мне, началась до Шестидневной войны и вне всякой связи с ней. Это был новый этап, и власти СССР были обеспокоены требованием о выезде в Израиль. Требование агрессивное, бескомпромиссное, воинственное. Не менее напугало это требование, как по сути, так и по форме, и евреев на Западе. По чистой случайности я оказался первым, кто решился на такой шаг. На моем месте мог быть кто угодно. Как только мне удалось выехать в Израиль, советская власть, евреи в СССР и на Западе поняли, что выезд евреев из СССР в Израиль возможен.

Шестидневная война повлияла на борьбу евреев за выезд в Израиль в двух основных аспектах. Первый – это захват Голанских высот. Армия обороны Израиля захватила Голанские высоты без глубокого анализа ситуации и серьезного стратегического планирования вопреки тогдашней государственной политике. В аспекте обсуждаемой темы важно, что появление израильской армии на Голанских высотах создало впечатление возможности израильского наступления на Дамаск и падения просоветского режима в Сирии. Это побудило Советский Союз разорвать дипломатические отношения с Израилем. Одновременно с разрывом дипломатических отношений власти прекратили выезд в Израиль, который только начался и постепенно набирал силу. В Израиле не задумывались серьезно о том, как завоевание Голанских высот и нападение на Сирию повлияет на выезд евреев Советского Союза в Израиль. Можно предположить, что, если бы не разрыв отношений, процесс выезда из СССР в Израиль развивался бы иначе, как и по количеству выезжающих, так и по форме выезда. И процесс эмиграции в другие страны мог вообще не начаться. С другой стороны, отрыв от Израиля и израильского истеблишмента предоставил советским евреям более широкую свободу действий. Это стимулировало мотивацию и возможность самостоятельных, более резких и более активных действий в борьбе за выезд в Израиль.

Другим аспектом Шестидневной войны было то, что она окончательно поставила Израиль в центр внимания мирового еврейства. Под влиянием этой войны начался процесс концентрации сил еврейского народа во всем мире в пользу Израиля, и в конце концов был положен конец разногласиям в еврейских организациях по поводу Израиля и репатриации евреев в Израиль. Как результат этого борьба евреев СССР за выезд в Израиль стала получать все больше растущую поддержку еврейских организаций. Победа Израиля вызвала воодушевление

и рост национальной солидарности евреев по всему миру, в том числе и в СССР, и привела к готовности на более решительные действия во имя Израиля.

В сионистском движении в СССР начался новый период – период борьбы за выезд в Израиль. Борьба за выезд в Израиль стала сутью еврейского движения в СССР, волна которого охватила весь Советский Союз. Я не сомневаюсь, что в 1954–1955 годах было невозможно сделать то, что я сделал в 1967 году. Но с начала 60-х годов ситуация уже созревала для начала борьбы за выезд в Израиль.

11

Погода в Вене была нелетная, поэтому самолет посадили в Будапеште. Мягко говоря, это меня не обрадовало. Когда самолет взлетел, я почувствовал, что через два часа буду свободным человеком, и вдруг выясняется, что мне нужно ждать еще сутки. Определенное напряжение не оставляло меня, пока я не оказался за пределами зоны советского влияния. На следующий день мы выехали из Будапешта в Вену поездом. Я подошел к проводнику и спросил, когда мы будем пересекать границу. «Минут через двадцать», – ответил он. В волнении я стоял у окна и ждал момента, когда навсегда оставлю за собой советский мир и старую жизнь. Я ждал момента, когда войду в новый, хороший мир, чтобы начать новую жизнь. Когда мы пересекли границу, я улыбнулся. Ну вот, сказал я себе, теперь я в безопасности, я за рубежом, и никто уже меня здесь не достанет и не вернет обратно. Я свободный человек. Все напряжение в момент спало, даже дышать стало как-то легче. Моя первая безнадежная война закончилась. И она была самой трудной из всех моих войн.

Мы приехали в Вену. В вагоне было еще несколько семей из Грузии и Риги, которые летели со мной в одном самолете. На железнодорожном вокзале к нам подошел пожилой человек. Глядя на него, нельзя было ошибиться – типичная еврейская внешность. Он спросил сначала на идиш, а потом на ломаном русском: «Кому в Израиль?» Я обратился к нему на иврите. Он удивился. Я дал ему свою визу для выезда в Израиль. Удивление росло. Мало того, что я говорю на иврите, я еще молод и приехал без семьи. Мы поехали в пансионат, где собирали репатриантов. Пансионат находился за пределами Вены. Я смотрел по сторонам с любопытством и волнением, ведь я впервые был за границей. В пансионате меня зарегистрировали и сказали, что мне нужно будет подождать несколько дней, пока подойдет моя очередь на самолет в Израиль. В пансионате находились десятки семей, большинство из Грузии, немного из Латвии и Западной Украины, еще пара семей из Польши. Только я был одиночкой.

Я попросил разрешения поехать в Вену. Мне сказали, когда я должен вернуться. Я хотел туда поехать, потому что во время войны и после войны здесь служил мой отец и он много рассказывал о Вене. Я хотел написать ему о городе, в котором он служил. Мне хотелось увидеть западный город и найти магазин с книгами на русском языке. Я купил там несколько книг Солженицына и еще кое-что, прогулялся по городу, пошел к

памятнику советским солдатам, павшим в боях за освобождение Вены. Я смотрел на монумент, читал надпись и чувствовал, что это уже не мое, а другой страны, знакомой, но не моей. Ощущение было странным, свободным, я не чувствовал грусти.

Через пару дней мне сказали, что ночью я лечу в Израиль. Помню, как напряжение и волнение нарастали по мере приближения к Израилю. Вдруг я увидел в темноте на горизонте море огней, раздались восторженные крики пассажиров. Кто-то плакал. Я тоже чувствовал, как у меня сдавило в горле, это ощущение невозможно описать – огни, поднимающиеся нам навстречу из мрака, были государством Израиль. Мечтой моей жизни было приехать в Израиль, и эта мечта должна была осуществиться через несколько минут. Чувство тепла, радости и восторга захлестнуло меня. С тех пор я сотни раз шел на посадку в Израиле, но и по сей день волнуюсь, когда вижу приближающуюся береговую линию или огни городов Израиля.

Самолет сел, двери раскрылись. Я вышел, остановился на трапе и огляделся вокруг. Я почувствовал резкий, незнакомый сладковатый запах. Это цвели цитрусовые. Сладковатый запах их цветения со мной по сей день. Для меня это запах родины, запах Израиля. Таким живет он у меня в памяти: жаркая ночь, мрак, негромкий шум людского говора и сильный сладковатый запах цветущих цитрусовых.

Я сошел с трапа самолета. Волнение было таким сильным, что я не помню, как ступил на землю Израиля. Я не распластывался на земле, не целовал ее. Просто постоял несколько секунд на месте, чтобы почувствовать эту землю под ногами. Я сказал себе: «Ну вот. Теперь ты дома». И пошел. Я дошел до паспортного контроля и предъявил полицейскому советскую выездную визу. «Что это такое?» – в изумлении спросил полицейский. Я объяснил ему на иврите, что я новоприбывший, что это мои документы на выезд из Советского Союза. В ответ я услышал: «Давай, проходи!» Через две минуты я уже был за пределами зала прилетов аэропорта Бен-Гурион. Таким я встретил Израиль: с шумом, гамом, криками таксистов, сандалиями, шортами, крепкими острыми запахами. Я попытался выяснить, где Министерство абсорбции, но никто не знал. Тогда я вернулся в аэропорт и начал спрашивать там. Никто не понимал, о чем я говорю. И снова я прошел мимо уже знакомого пограничника и вышел на улицу. В конце концов один из служащих показал мне, куда идти. Я подошел к невысокому зданию. У входа стояли люди и ждали родственников, которые находились внутри. Я попытался пробраться через них, постучал в дверь, через несколько минут кто-то высунул голову и спросил: «В

чем дело?» Я ответил, что я новоприбывший и час назад прилетел из Вены. «Мы уже час тебя ищем», – почти с укором сказал человек. Оказалось, что я всех поднял на ноги. Из Вены сообщили, что я сел в самолет, а среди прилетевших новоприбывших меня не было. Я должен был стоять в сторонке, как все остальные новоприбывшие, которые не знали, куда идти, и ждать представителя Министерства абсорбции. Но поскольку у меня не было проблем с ивритом, то я вышел вместе с обычными пассажирами. В конце концов пропажа нашлась, дальше начался процесс регистрации и абсорбции. На ночь меня поселили в маленькой гостинице возле аэропорта и сказали, что утром отправят в ульпан в кибуц Ревивим.

Утром меня посадили в такси и отправили в Ревивим. Мы ехали туда мимо городов и поселков. Таксист набрал попутных пассажиров и развозил их, делая очередной крюк. Меня это только радовало, так как давало возможность увидеть разные места, встретить новых людей и поговорить с ними. Когда мы прибыли в Ревивим, то мне сказали, что решено отправить меня в ульпан в Кармиэль. Той же дорогой мы вернулись в аэропорт в Лод, и там мне сказали, что утром меня отвезут на место. Я решил поехать в Тель-Авив. Один из сотрудников как раз ехал туда и подвез меня. Сначала я пошел к морю. Я стоял, вдыхал морской воздух и пытался осознать, что я в Израиле. Мне захотелось поесть, и я зашел в кафе. Сидевшая у входа девушка встала, вежливо проводила меня и посадила за один из столиков. Меня удивило то, что она села рядом со мной. Я попросил меню, она попыталась мне что-то объяснить. Через несколько минут я понял, что это место не совсем для еды. Я извинился и вышел. В Советском Союзе я слышал и читал о проституции на Западе, но совершенно не ожидал столкнуться с этим в Израиле, да еще и так вульгарно. Я понял, что кафе с девушками на входе вовсе не предназначены для еды. В конце концов я нашел какой-то киоск и перекусил.

Мне хотелось найти Геулу Гиль – певицу, от имени которой мне прислали пластинку. Я подумал, что кто-то, наверное, рассказал ей обо мне. Я спросил у прохожих, как проехать в Савьон, где она жила. Никто не мог мне ничего сказать, пока какой-то мужчина не остановился и не объяснил мне дорогу. Потом он спросил, не из Аргентины ли я, потому что мой выговор похож на латиноамериканский. Я сказал, что приехал из Советского Союза. Мой собеседник удивился и спросил, когда я приехал в Израиль. «Вчера», – ответил я. Он был ошарашен и посмотрел на меня так, как будто я инопланетянин, да еще говорящий на иврите. Осторожно он сказал несколько слов по-

русски, я сразу понял, что он с Украины. Я ответил ему тоже по-русски, он пришел в еще большее изумление. Мы продолжали беседовать, он рассказал, что родился на Украине, приехал в Израиль в сороковых годах, выжив в ту войну. Он пригласил меня домой. Так я впервые увидел, как живет израильская семья. Его теплое отношение создало у меня ощущение дома. Потом мы поехали в Савьон. Оказалось, что Геула Гиль за границей. По моей просьбе он отвез меня в Лод. Когда через несколько лет мы встретились снова, он рассказал мне, что был личным шофером Пинхаса Сапира.

До утра еще оставалось время, и я решил поехать в Иерусалим. Еще в Москве, после того, как мое письмо было опубликовано в американских газетах, я получил письмо от одного американца, который переехал в Израиль и учился в Еврейском университете в Иерусалиме. Письмо было на иврите, он написал, что прочел обо мне и что будет очень рад познакомиться со мной. Он рассказал в письме, что отказался от американского гражданства в знак протеста против войны во Вьетнаме. Я плохо понимал, зачем он это сделал. Отношение многих советских евреев к США да и вообще ко многому происходящему в мире было наивным, упрощенным почти до примитивности. В то время я еще не понимал протеста против войны во Вьетнаме. Ведь американцы воевали против коммунизма, поэтому в наших глазах эта война была справедливой. Только через много лет я понял всю преступную нелепость этой войны. В девяностых я побывал на границе Лаоса и Таиланда. Я увидел, какую тихую и незатейливую жизнь ведет местное население, и в моем сознании промелькнули две мысли: первая – что нужно было здесь американцам? Ведь люди живут здесь в каменном веке, и они совершенно неопасны для Америки; а вторая – и эти люди победили самую сильную и богатую державу на планете!

Мне захотелось навестить этого американца и побывать в Иерусалиме. Я приехал на гору Скопус в студенческое общежитие, нашел нужный адрес и постучался в дверь. Изнутри раздалось: «Кто там?» Я назвал себя, сказал, что получил от него письмо в Москве. Парень был в шоке. В его комнате сидели несколько студентов из Чехословакии. Они все еще были под впечатлением советского вторжения в их страну. Мы сидели и разговаривали. Ночью я поехал к Стене Плача и вернулся в отель в Лоде уже за полночь. Утром все тот же таксист отвез меня в Кармиэль. Поскольку в машине были еще пассажиры, сначала мы поехали в Рош ха-Никра. Я стоял прямо на границе между Израилем и Ливаном. В этот день я уже ночевал в ульпане

в Кармиэле, но засыпал с трудом. Ведь каких-то пару дней назад я был еще в Москве.

12

После того как закончилось оформление в Центре абсорбции, я отправился в столовую обедать. В столовой ко мне подошли несколько новоприбывших из Риги, которые тоже учились в Центре абсорбции. Одна из женщин обратилась ко мне по-русски: «Говорят, вы приехали из Союза?» «Да», – ответил я. «Откуда?» «Из Москвы». «Скажите, пожалуйста, может, вы слышали в Москве про одного еврейского юношу, Яшу Казакова? Вы не знаете, что с ним? Его не арестовали?» «Да, я слышал о нем, – спокойно ответил я. – Не думаю, что он арестован». «Вы уверены?» – заволновалась она. Я улыбнулся и сказал: «Уверен». Но она не успокоилась и нетерпеливо продолжила: «Может, вы знаете, где он? Что с ним?» Я улыбнулся снова и ответил: «Да, знаю. Он перед вами». Люди были в шоке. Они действительно искренне волновались за меня.

Так началась моя новая жизнь в Израиле, в Центре абсорбции в Кармиэле, новом городе, все население которого тогда насчитывало примерно две тысячи человек. В центре абсорбции жили репатрианты из нескольких стран, в том числе и несколько бывших советских евреев, которые составляли часть ядра активистов из Риги. У нас было много общего, но учеба в ульпане не особенно интересовала меня. Я предпочитал учить иврит на улицах, беседуя с израильтянами. И действительно, вне стен ульпана мой язык улучшился. Через месяц я уже начал читать газеты. Моей разговорной речи было вполне достаточно, чтобы вести беседы.

Это было время, когда еврейские активисты и узники Сиона – выходцы из Советского Союза спонтанно организовывались, пытаясь разъяснить израильским властям, в особенности чиновникам «Натива», что действительно происходит в СССР. Мы рассказывали, что происходит с евреями, какие существуют проблемы и какова должна быть политика, которая может способствовать, по нашему мнению, успеху борьбы за выезд в Израиль. Для нас было полной неожиданностью, что вообще существует необходимость довести до сознания людей, принимающих государственные решения, что группы евреев ведут борьбу за выезд в Израиль, что организовывается движение борьбы за выезд. Сотрудники «Натива» встречались со всеми прибывшими из среды активистов. Меня тоже пригласили, и я встретился с тогдашним руководством «Натива», включая его главу Шауля Авигура.

У меня, как и у других активистов, создалось впечатление,

что руководство «Натива» имеет весьма приблизительное и искаженное представление и понимание как происходящего в СССР вообще, так и положения евреев. С одной стороны, у них было относительно много информации об активистах и об их деятельности, с другой стороны, исходные предпосылки руководства «Натива» и понимание советской политики были недостаточными. Сотрудники «Натива» разбирались в советской действительности лучше других ведомств, те были почти полными невеждами в этом вопросе. Однако и их понимание проблемы оставляло желать лучшего. Одной из причин этого был традиционный недостаток профессионализма, как организационного, так и личного, которым отличалась организация. Подбор сотрудников происходил на основе личных связей и политической лояльности. Например, вплоть до конца шестидесятых в «Натив» не брали даже членов партии Ахдут ха-Авода, не говоря уже о ревизионистах. Биньямин Элиав, который обладал выдающимися личными качествами, знаниями и интеллектом, был принят в «Натив» только после того, как «раскаялся» в своих ревизионистских взглядах и заявил об этом публично. Большинство сотрудников «Натива» обладали опытом жизни в странах Восточной Европы и СССР, были знакомы с сионистской и оперативной деятельностью не понаслышке. Однако опыт – это положительное, но недостаточное условие, необходимо обучение и приобретение профессиональных навыков. Без этого опыт порою может и помешать. События в Советском Союзе отличались сложностью и высокой динамичностью. Сотрудники «Натива» не понимали происходящих перемен, они закоснели в своих устаревших представлениях. Хуже всего они понимали ситуацию с евреями, особенно того, что происходило с молодым поколением.

Сотрудники «Натива» были воспитаны в сионистских молодежных движениях социалистического толка в Восточной Европе. Им не довелось расти и учиться в советском обществе, они не понимали и не знали молодежи, которая выросла и увлеклась сионистской деятельностью в СССР. Им было трудно понять всю мощь, решимость и готовность к самопожертвованию советских евреев. Некоторые сотрудники «Натива» пережили советские лагеря, которые оставили у них ощущение почти физического страха перед ужасами советского режима. Все это мешало им правильно оценить сильные и слабые стороны советской власти, с одной стороны, и истинный потенциал евреев СССР, их мужество и готовность к бескомпромиссной борьбе, с другой стороны.

Но мы тогда ничего этого не знали. Я сделал эти выводы

позже, во время моей работы в «Нативе». И, тем не менее, мы поняли, что существует несоответствие между нашей позицией и взглядами израильского истеблишмента на проблемы советских евреев и борьбу за выезд из СССР. В сущности, происходило столкновение двух радикально противоположных взглядов. Активисты движения, многим из которых сионистская деятельность стоила годов лишения свободы, по праву считали, что они могут и должны помочь Израилю своими знаниями, опытом и связями с евреями, которые остались в СССР. Позиция тогдашнего руководства «Натива» была прямо противоположной. Согласно их позиции, после приезда в Израиль активисты не должны принимать участия ни в какой форме в деятельности, связанной с советскими евреями. Более того, израильское руководство было убеждено, что нельзя вести открытую борьбу с Советским Союзом за выезд евреев, поскольку СССР – государство настолько сильное и жестокое, что может позволить себе не считаться с мировым общественным мнением и давлением. Открытая борьба только подвергнет советских евреев опасности. Более того, по оценкам сотрудников «Натива», лишь малая часть советских евреев захочет выехать в Израиль. В лучшем случае – несколько тысяч, с натяжкой тысяч десять, максимум двадцать, и этот процесс займет много лет. Сотрудники «Натива» не могли понять, как евреи, на протяжении двух поколений оторванные от своей традиции и культуры и воспитанные большевистской властью, вообще могут задуматься о выезде в Израиль. Мы же считали, что Советский Союз намного слабее в противостоянии с Западом, а серьезное международное давление, продуманное и согласованное, обеспечит евреям безопасность и в конечном счете приведет к тому, что СССР откроет двери для выезда в Израиль. Мы обнаружили, что большинство израильского истеблишмента панически боится Советского Союза и его мощи. Надежды евреев помочь своим друзьям и государству Израиль в борьбе за выезд в Израиль очень быстро растаяли. Активисты начали искать другие пути помочь своим друзьям в СССР.

В «Нативе» решили малой кровью отделаться от активистов и подкупить некоторых из них обещаниями помочь с жильем или работой. Я находился в стороне от всех этих игр. По сравнению с остальными у меня было преимущество: я был моложе других и у меня не было семьи. Естественно, что все они были заняты проблемами трудоустройства и жилья – они отвечали не только за себя, но и за своих близких. Я же был молод, не обременен семьей, свободен и, конечно, мог больше себе позволить. Кроме того, я был другого склада и вырос в другом окружении. Между

мной и большинством вновь прибывших активистов была разница в целое поколение. Молодежь моего возраста была в большинстве своем уже менее запуганная, более дерзкая, свободная и раскрепощенная. Большое значение имело и то, что я вырос и воспитывался в России, в Москве, в отличие от остальных, приехавших в Израиль из союзных республик. Они впитали свое еврейство дома, в ближайшем окружении. Я же родился в ассимилированной семье и не перенял традиционного еврейского подхода, готовность «устраиваться», приспосабливаться к среде. Хорошо это или плохо, но моя ментальность отличалась от ментальности, привычек и комплексов евреев из провинции.

При этом часть активистов находилась в плену своих политических взглядов. Некоторые выходцы из Прибалтики были связаны семейными или дружескими узами с членами «Бейтара», а некоторые из них состояли в «Бейтаре» в прошлом. Это влияло как на их поведение, так и на отношение к ним истеблишмента, партии МАПАЙ и Рабочих партий. Политические мотивы, сведение старых и новых счетов и комплексы стали неотъемлемой частью дискуссии между сторонами и уводили в сторону от принципиальных проблем борьбы за выезд. Были среди нас и такие, которые утверждали, что сопротивление израильской бюрократии активной борьбе – это результат социалистической идеологии и недостаточной преданности идеям сионизма. Некоторые дошли до утверждений, что социалистическое мировоззрение мешает израильским чиновникам выступить против Советского Союза. В ретроспективе времени я могу сказать, что эта оценка идеологических причин была неверной. Хорошо изучив израильскую бюрократическую систему, я пришел к выводу, что главной проблемой были профессиональные качества этих чиновников. У меня нет никаких претензий к их преданности делу выезда евреев Советского Союза в Израиль. Скорее наоборот.

Одним из предметов разногласий были передачи «Голоса Израиля» на идиш и на русском языке. За пропагандистское содержание передач отвечал «Натив». Он же раздобыл финансирование для приобретения передатчиков «Голоса Израиля», чтобы вести трансляцию на Советский Союз. Все мы жаловались на бесцветное содержание этих передач, низкое качество материала, замалчивание любой информации о борьбе за выезд, убогий русский язык. В Израиле тогда господствовало мнение, что недопустимо какое-либо упоминание проблем репатриации из СССР. Аргументировали это тем, что Советский Союз опасается давления арабских государств и если такая информация будет опубликована, то это может поставить сам

выезд под угрозу. На самом деле не было никаких оснований предполагать, что советские власти требуют держать в секрете сообщения о выезде евреев Советского Союза в Израиль. Элементарные профессиональные проверка и анализ сразу бы прояснили ситуацию. Так была утверждена ошибочная концепция, которая на многие годы определила политику Израиля. И много позже, по прошествие тридцати лет, я опять столкнулся с таким же непрофессиональным подходом израильских спецслужб, базирующимся на ошибочных оценках уже российской действительности. На самом деле на все претензии, которые представители арабских стран пытались высказать по поводу выезда евреев, советские сотрудники отвечали: «Арабские страны дали Израилю миллион репатриантов. Не вам предъявлять нам претензии по поводу нескольких сотен человек в год».

Сотрудники «Натива» и израильского разведывательного сообщества попросту не понимали сущности взаимоотношений СССР с арабскими странами. Они приводили в пример прекращение выезда из Румынии после открытого выступления Давида Бен-Гуриона по этому поводу. Однако же репатриация румынских евреев через некоторое время возобновилась, потому что Румыния была заинтересована в ней не меньше, чем Израиль. Румыния – это не Советский Союз, а Советский Союз – это не Румыния. И этого сотрудники «Натива» не понимали до конца. Да, в обеих странах царил коммунистический режим советского образца, однако выезд евреев из Румынии в Израиль осуществлялся за плату. Румынские власти определяли тариф за каждого еврея, согласно его образованию и профессиональной подготовке, составу семьи, возрасту и так далее. Цена варьировалась от тысячи до восьми тысяч долларов за «голову», иногда, в исключительных случаях, доходила до десяти тысяч долларов (если у эмигранта было высшее образование и он принадлежал к научной элите). Соглашение о выезде евреев было заключено с румынской разведкой, они и получали деньги, переводя часть из них на счет Николае Чаушеску. По сути дела, для румынской разведки это был серьезный источник иностранной валюты. Тем самым руководство страны, в свою очередь, было лично заинтересовано в продолжении выезда евреев в Израиль. По моему мнению, тем самым Израиль и еврейский народ следовали высшему нравственному принципу: спасение своего народа деньгами не меряется. Как-то в одной из бесед, состоявшихся до 1967 года, сотрудники «Натива» попытались выяснить у советских чиновников намеками, можно ли воспользоваться румынской моделью для обеспечения выезда евреям СССР. Реакция была очень жесткой и резкой. С

презрением, смешанным с отвращением, те ответили: «Мы не румыны, мы не торгуем людьми». Это было не совсем так. Позже ситуация развернулась под несколько иным углом в связи с репатриацией как евреев, так и советских немцев, но не в такой грубой и циничной форме, как это делали румыны.

Некоторые из первых активистов, прибывших в Израиль, начали разъяснительную деятельность среди израильских элит в попытках разбудить общественное мнение и тем самым повлиять на власти, чтобы изменить политику по отношению к борьбе советских евреев. Некоторые начали вести телефонные разговоры с оставшимися друзьями в СССР. Установившаяся связь между активистами в СССР и Израилем развивалась с бешеной быстротой: письма, телеграммы, информация, передаваемые с отъезжающими в Израиль. Все это поначалу вызвало негативную реакцию со стороны части руководителей «Натива». Они не могли контролировать обмен информацией через письма и личные сообщения и, что самое главное, не могли контролировать распространение этой информации. С их точки зрения, это было просто недопустимо. Они привыкли к абсолютному контролю в этой сфере и чувствовали, что теряют его. Часть из них просто не смогла понять, что времена изменились. Нехемия Леванон был одним из тех, кто понимал происходящие перемены и пытался немного изменить методы работы организации, правда, его успех в этом был незначительным.

В 1969 году в Израиле впервые прошла первая открытая демонстрация в поддержку советских евреев, организованная по инициативе приехавших активистов. Поводом для демонстрации стало сообщение о том, что еврейский юноша, Илья Рипс, студент-математик, пытался поджечь себя на одной из площадей в Риге. Его госпитализировали, и в результате он оказался в закрытом отделении психиатрической лечебницы. По полученной информации было не ясно, что было причиной его попытки самосожжения. Однако некоторые активисты потребовали немедленно предать этот случай самой широкой и шумной огласке. Они утверждали, что поскольку речь идет о молодом еврее из Риги, то наверняка он поджег себя, требуя разрешения на выезд в Израиль. В этом случае реакция «Натива» была профессиональной и взвешенной. Сотрудники «Натива» утверждали, и, надо сказать, совершенно справедливо, что нет никаких свидетельств, указывающих на связь этого поступка с выездом в Израиль, кроме того факта, что Рипс еврей, а этого явно недостаточно. Ведь все описываемое произошло через несколько месяцев после того, как Ян Палех поджег себя на пражской площади в знак протеста против вторжения стран

Варшавского договора в Чехословакию. В «Нативе» опасались, что если выяснится, что попытка самосожжения, предпринятая Рипсом, не связана с требованием выезда в Израиль, то это может серьезно подорвать доверие к сообщениям о реальной борьбе за выезд. Оппоненты же «Натива» утверждали, что реальная подоплека не имеет значения, важно представить ситуацию как часть борьбы за репатриацию – заявление вполне в стиле советской пропаганды. Активистов сложно упрекнуть – ведь их мышление формировалось в специфической обстановке советской действительности. Однако то, что руководители «Натива» не захотели и не смогли найти общий язык с приехавшими активистами, имело печальные последствия – возможность конструктивного диалога была утеряна. Более того, теперь выступления работников «Натива» воспринимались с недоверием и расценивались как попытки уклониться от открытой борьбы.

Вопреки мнению «Натива» и позиции израильского истеблишмента демонстрация состоялась. Довольно многие люди, главным образом студенты, поддержали эту акцию, видя в ней начало открытой борьбы за выезд евреев из СССР. Старожилы Израиля также присоединились к демонстрации, которую частично финансировали сторонники ревизионистского движения. Позже выяснилось, что Илья Рипс поджег себя в знак протеста против вторжения в Чехословакию и вне всякой связи с борьбой за репатриацию советских евреев. Однако это уже не могло повлиять на решение о проведении демонстрации. Демонстрация сыграла свою роль и подвигла определенную часть израильтян, среди которых было много молодежи, на участие в борьбе за выезд евреев из СССР. Что же касается Ильи Рипса, то через несколько лет он вышел из психиатрической лечебницы, репатриировался в Израиль, окончил математический факультет университета, стал религиозным ортодоксом и опубликовал несколько книг по еврейской теологии.

Этот случай научил меня с осторожностью подходить к трактовке, казалось бы, очевидных фактов, даже когда на первый взгляд кажется, что они полностью вписываются в принятую концепцию. Мне претил подход, при котором правда не имеет значения, а фактами манипулируют в зависимости от целей и задач. Я видел в этом советский, большевистский подход и считал, что мы приехали в Израиль не для того, чтобы строить здесь большевистское государство и внедрять большевистские методы с израильским акцентом. По сравнению с остальными у меня было преимущество. В тот период евреи, в том числе активисты и узники Сиона, приезжали в Израиль в рамках объединения семей. Активисты занимались сионистской

деятельностью, но не открытой борьбой за выезд. Истеблишмент и «Натив» пытались спорить с активистами или опровергать их претензии, возражая: «Там вы сидели тихо, не делали ничего из того, что вы требуете сейчас от нас. Вы уже здесь и можете себе позволить делать и говорить все, что вздумается, но вы подвергаете опасности тех, кто остался там. Так что ваше поведение безответственно». Мне никто не мог сказать ничего подобного. Я был первым и до определенного момента единственным, кто открыто боролся за выезд в Израиль, находясь еще в СССР, и смог выехать. Вся моя семья осталась в Советском Союзе, я рисковал собой и был готов рисковать своими близкими. Поэтому со мной было трудно спорить, когда я приводил аргументы в пользу открытой борьбы, и я использовал свою личную историю как доказательство того, что открытая борьба за выезд наиболее эффективна.

Единственное, в чем мы были согласны, несмотря на ревизионистские взгляды наиболее воинствующих активистов, – это в решении не присоединяться ни к каким партиям. Мы все опасались, что борьба за выезд евреев приобретет партийную окраску и свернет нас с принципиальных позиций на идеологические дискуссии. У меня не было политических устремлений, но среди активистов были и другие, например среди рижан было много приверженцев взглядов Владимира Жаботинского.

Одним из первых, с кем я встретился в Израиле, был Герцль Амикам – тот самый израильтянин, которого я впервые увидел в посольстве в Москве. Через Герцля я познакомился с его командиром по ЛЕХИ, Ицхаком Шамиром. Я был у него дома, он произвел на меня впечатление разумного и серьезного человека, который относится к борьбе евреев за выезд в Израиль с теплом и пониманием. Но важнее всего для меня было то, что Герцль Амикам познакомил меня с Геулой Коэн. Общение с ней оказало огромное влияние на меня, на всю мою жизнь, на мои взгляды и продолжается и до сегодняшнего дня.

Геула Коэн одного возраста с моей мамой. В то время она была сравнительно молодой и энергичной женщиной. Тогда Геула работала журналисткой в газете «Маарив». Она и раньше интересовалась проблемой выезда советских евреев в Израиль, и на нее произвели большое впечатление встречи с приехавшими в страну активистами. Она с присущим ей темпераментом присоединилась к их борьбе. Геула видела в этом прямое продолжение своей деятельности в подполье ЛЕХИ. Благодаря ее связям нам удалось встретиться со многими израильскими общественными деятелями, политиками, военными,

интеллектуалами и рассказать им о положении советских евреев и о борьбе за выезд из СССР. Она познакомила меня с Шимоном Пересом, Ариэлем Шароном и другими офицерами армии, в том числе с Зеевом Альмогом.

Нам было ясно: для того чтобы разъяснить израильтянам ситуацию с евреями в СССР, только личных и кулуарных встреч недостаточно. Необходимо было добраться до средств массовой информации, однако все сообщения о новоприбывших, о положении евреев в Советском Союзе, борьбе за выезд в Израиль и о самом выезде подвергались цензуре. За соблюдение цензуры отвечал «Натив», который запрещал любые публикации на этот счет. Руководители студенческой организации Техниона услышали мою историю и связались со мной, когда я начал учиться на факультете теоретической химии. Они взяли у меня короткое интервью и напечатали его в студенческой газете. После публикации один из высших чинов «Натива» связался с председателем Израильского объединения студентов Йоной Яхавом (нынешним мэром Хайфы) и угрожал ему тюрьмой. Эта история получила широкий резонанс, и в университетах были организованы митинги студентов в поддержку советских евреев.

В борьбу с цензурой на информацию о борьбе советских евреев вступили многие общественные деятели. Среди них была Шуламит Алони, в то время депутат Кнессета от партии «Маарах». Шуламит зачитала с трибуны Кнессета одно из писем из СССР с требованием разрешить выезд в Израиль и тем самым обошла цензуру. Глава правительства Голда Меир была в ярости. Возможно, именно это стало последней каплей, которой Шуламит Алони переполнила чашу терпения Голды Меир, и на последующих выборах она оказалась на нереальном месте в списке кандидатов в Кнессет от партии. Алони вышла из «Маараха» в 1973 году и создала вместе с группой единомышленников движение РАЦ. Остальное – уже история. Таким образом, пусть косвенно, новоприбывшие из Советского Союза начали влиять на израильскую политику.

Под влиянием активистов общественное мнение начало оказывать давление на израильский истеблишмент и главу правительства Голду Меир, в результате начались изменения, правда, еще медленные и недостаточные, в отношении официального Израиля к борьбе евреев СССР за репатриацию. Были опубликованы и другие открытые письма евреев, настаивавших на своем праве выехать в Израиль. Даже Голда Меир, выступая с речью в Кнессете в ноябре 1969 года, зачитала письмо восемнадцати еврейских семей из Грузии, требовавших реализации своего права на выезд в Израиль. Для нас это было

большим достижением. Впервые из Израиля, из Иерусалима, из уст главы правительства прозвучало требование разрешить выезд советских евреев. Ободренные успехом обращений и открытых писем, с одной стороны, и поддержкой Израиля в их публикации – с другой, евреи СССР начали чаще обращаться к открытой борьбе за репатриацию, взывая к помощи Израиля, еврейского народа и общественного мнения на Западе.

По инициативе Израильского объединения студентов на площади Царей Израилевых (ныне площадь Рабина) была организована демонстрация в поддержку борьбы советских евреев. Глава правительства Голда Меир согласилась на ней выступить, но при одном условии: на трибуне не должно быть Яши Казакова, и он не должен получить слово. По-видимому, это было реакцией на мою критику в адрес СССР и политики «тихой дипломатии» правительства Израиля, которую я высказывал неоднократно во время различных встреч и в интервью.

Тот факт, что меня, как и других активистов, требовавших изменений в политике, поддерживали такие люди, как Геула Коэн, Менахем Бегин и Ицхак Шамир, лишь обострил недовольство нами израильского истеблишмента. Когда организаторы демонстрации, смущаясь, сообщили мне об условии Голды, я ответил, что не вижу никакой проблемы для себя. Намного важнее, чтобы премьер-министр приняла участие в демонстрации и выступила с речью. Ведь, в сущности, цель была достигнута: было организовано первое крупное, почти официальное мероприятие в поддержку советских евреев и их выезда в Израиль. На демонстрацию я не пришел.

13

Геула Коэн решила взять у меня интервью и опубликовать его в «Маарив». Мы встречались несколько раз, после чего текст интервью отправили на цензуру. Это было необходимо, поскольку речь шла о выезде в Израиль. Работник «Натива», проверявший текст, разрешил опубликовать только несколько предложений, из которых было совершенно непонятно, где, с кем и о чем идет разговор. Геула встретилась с Голдой Меир, и после тяжелого разговора с угрозами обратиться в Высший суд справедливости Голда разрешила опубликовать текст почти целиком. Интервью было напечатано в двух субботних номерах на двух газетных разворотах. Впервые перед израильским читателем предстала картина, о которой он не имел понятия. Вдруг оказалось, что идет репатриация из СССР и советские евреи, несмотря ни на что, приезжают в Израиль. В интервью содержалась критика действий правительства Израиля в то время: чрезмерный оппортунизм, недостаточная поддержка борьбы за выезд евреев СССР и неготовность к открытой борьбе за выезд и к поддержке этой борьбы.

Тем временем образовалась группа израильтян-старожилов, в основном ветераны ЛЕХИ и ЭЦЕЛЬ, среди них, с одной стороны, Ицхак Шамир, Геула Коэн, Герцль Амикам, а с другой – видные активисты Дов Шперлинг и Лея Словина. Шперлинг был осужден в конце 50-х за «антисоветскую деятельность». В то время все евреи, которых арестовывали за сионизм, проходили по этой статье. Группа поставила себе целью помогать советским евреям в их борьбе, снабжая их пропагандистскими материалами и распространяя информацию об их деятельности в израильской и мировой прессе. Это было не единственное объединение такого рода, возникшее на фоне бездействия государственных органов и весьма ограниченного взаимодействия властей с уже прибывшими в Израиль активистами. Такого рода группы обычно действовали самостоятельно, то конкурируя между собой, то время от времени сотрудничая. Личные интересы и старые счеты между бывшими активистами не способствовали тесному взаимодействию и успеху общего дела. Я не был вовлечен в конфликты между ними, в том числе и потому, что почти не был знаком с этими людьми до приезда в Израиль и не принимал участия в их деятельности в СССР. Не входя ни в одну из этих групп, я, тем не менее, был готов сотрудничать со всеми, кто поддерживал борьбу евреев Советского Союза.

Геула Коэн организовала нам с Довом Шперлингом встречу с

довольно богатым американским евреем Бернардом (Берни) Дойчем. Мы, основываясь на своем опыте, рассказали ему о борьбе советских евреев за выезд. Наш рассказ произвел сильное впечатление на Дойча, и он заявил, что необходимо обязательно донести эту информацию до американских евреев. Посоветовавшись с Геулой Коэн, он предложил перевести на английский ее интервью со мной, напечатанное в «Маариве», чтобы распространить его в США. В конце 1969 года Геула сообщила мне, что Дойч готов организовать для нас (Геула, Шперлинг и я) серию встреч в США, чтобы мы могли рассказать американцам – евреям и неевреям, о сионистской борьбе в СССР. Сама идея такой встречи была для того времени новой и необычной, я немедленно согласился.

Одной из причин поддержки инициативы Геулы было то, что мои родители в конце лета 1969 года решили выехать в Израиль. Они пришли к довольно логичному с их стороны выводу, что в Советском Союзе у них нет будущего. В особенности у их детей, моего младшего брата и моей сестры, которые тогда еще учились в школе. Я с радостью послал им необходимый вызов. Получив вызов от сына – прямого родственника, как того требовал закон, мой отец пошел подавать заявление в ОВИР. В телефонном разговоре я попросил отца пойти к начальнику ОВИРа, передать ему от меня привет и сказать ему слово в слово, что, если ему дороги честь и положение его страны, которой он служит, я советую ему не повторять ошибку, которую допустили в отношении меня, и разрешить моей семье выехать. Тем не менее, моя семья получила ничем не мотивированный отказ. В этом случае я видел прекрасный пример лживости советской пропаганды и политики – мои родители просят разрешения выехать в Израиль, а им необоснованно отказывают, несмотря на то что их сын проживает в Израиле. Это был живой пример, опровергающий заявления Советского руководства, что не чинятся препятствия тем, кто хочет выехать из Советского Союза.

Мы собирались поехать в Штаты в середине декабря 1969 года. В «Нативе» узнали об этом, вероятно, от представительства «Натива» в США, и было решено воспрепятствовать нашей поездке. Руководители организации видели в этом угрозу политике «тихой дипломатии» и полной цензуре на информацию о борьбе за выезд евреев СССР. Летом 1969 года Нехемия Леванон сменил Шауля Авигура на посту главы «Натива». Он обратился к Менахему Бегину и попытался убедить его, чтобы тот попросил нас не ехать в США. Бегин решительно отказался, заявив, что не будет указывать этим людям, как поступить. Бегин резонно заметил, что мы добились разрешения на выезд самостоятельно,

решив бороться с властями СССР за выезд в Израиль. И у него нет никакого права убеждать нас отказаться от своих намерений.

Один из руководителей «Натива» попытался решить «проблему» своими способами. Когда мы приехали в Америку в конце декабря, выяснилось, что официальный представитель Израиля, посланник «Натива» в США, обратился во все еврейские и нееврейские организации и от имени израильского правительства попросил воздержаться от встреч и любых контактов с нами. Кроме обычных аргументов про «опасность для евреев», он отметил, что, по-видимому, речь идет о советских агентах. Большая часть еврейских организаций прислушались к нему и отменили встречи. Неевреи и нееврейские организации, в том числе депутаты Конгресса, встретились с нами. Они нас выслушали, и наши слова произвели на них большое впечатление. Я помню реакцию журналиста из «Крисчен Сайенс Монитор», нееврея, разумеется, который сказал: «Немыслимо! Ведь то, что вы рассказываете, так важно для еврейского народа, для репатриации и для Израиля. Почему они клевещут на вас?» В ретроспективе можно констатировать с полной уверенностью, что опасения «Натива», что наши действия и публикация факта выезда в Израиль нанесут вред евреям и их выезду, оказались абсолютно несостоятельными. От властей в СССР не последовало никаких действий против евреев. Наоборот, евреи только воодушевились публикациями о своей борьбе, а советский режим слабел от нарастающего давления на него мирового общественного мнения.

Во время этой поездки мы встретились с одним молодым евреем, стоящим как бы вне еврейского истеблишмента. Он был известен своей борьбой против «Черных пантер». Звали его Меир Кахане. Встреча состоялась в его скромном офисе. Он произвел на меня хорошее впечатление: симпатичный еврей, который говорил правильные слова о правомерности борьбы за выезд в Израиль и о том, что американские евреи должны поддерживать это начинание. Он демонстрировал довольно здравые мысли по поводу поддержки борьбы советских евреев. У Кахане была репутация защитника чести и достоинства еврейского народа, и мы были наслышаны про его борьбу с антисемитами в Америке. Для нас, приехавших из Советского Союза, страны с традиционным антисемитизмом, с памятью о погромах, это была, несомненно, интересная и волнующая встреча.

Когда мы вернулись из США, произошло событие, шрамы от которого у меня не зажили и по сей день. Именно тогда я начал избавляться от иллюзий в отношении служб разведки и безопасности Израиля. В аэропорту нас ожидали журналисты,

готовилась пресс-конференция. Как только мы прошли паспортный контроль, ко мне подошел человек, которого я знал как работника Службы безопасности, поскольку он уже беседовал со мною раньше. На этот раз он сказал, что нам нужно немедленно переговорить. Еврей, приехавший в Израиль, относится с особым уважением к Службам безопасности и разведки еврейского государства. Геуле Коэн и Дову Шперлингу я сказал, что из-за неожиданного срочного дела я не смогу участвовать в пресс-конференции. Когда же этот сотрудник начал меня расспрашивать о каком-то случае, то мне, несмотря на мою наивность и нежелание ставить под сомнение истинные намерения Службы безопасности, стало ясно, что никакой срочности в этой беседе не было и можно было провести ее и через полчаса или час и даже на другой день. Предлог для нашей беседы не имел отношения к предотвращению немедленной угрозы безопасности государства. Долгое время я пытался отогнать от себя мысль о том, что единственной целью этой беседы было помешать мне, человеку авторитетному в израильском обществе, принять участие в пресс-конференции. Между «Нативом» и Службой безопасности всегда были хорошие отношения, и работник «Натива» попросил у коллеги оказать ему услугу. Иначе говоря, Служба безопасности вопреки всем правилам и законам, по просьбе коллег из «Натива» воспрепятствовала гражданину Израиля принять участие в пресс-конференции. Так просто!

Во время поездки по США я предложил идею: устроить голодовку возле ООН, чтобы привлечь внимание мировой общественности к проблеме выезда евреев из СССР, в том числе и моей семьи, и оказать давление на советские власти. Геула Коэн и Дойч сказали мне, что, несмотря на то что моя идея выглядит интересной, осуществить ее в ходе этой поездки невозможно. Однако если в будущем я решусь на это, то они помогут мне. Тогда я не знал, что Берни Дойч дал поручительство вместе с денежным залогом, что мы не будем организовывать никаких политических демонстраций во время пребывания в США. Это было необходимым условием для получения въездной американской визы. Будучи американским гражданином, Берни Дойч совершенно справедливо не желал нарушать обязательства, данные властям США.

Я отношусь с большим теплом и уважением к Берни Дойчу, к его жене и всей их семье. Для меня эти люди олицетворяют еврейскую солидарность американских евреев и их готовность помочь. Берни Дойч – уникальный человек. Религиозный еврей, он полностью отдался помощи борьбе евреев СССР. Помню, как

его дети смотрели на нас с раскрытым ртом, слушая нас. Впоследствии они репатриировались в Израиль. Его сын служил офицером в кадровой армии, а его дочь поселилась в Кфар-Даром.

После нашего возвращения я заметил, что политика Израиля в отношении советских евреев начала меняться. Отчасти благодаря тому, что «Натив» возглавил Нехемия Леванон, но главным образом – под давлением евреев. Голда Меир, которая за несколько месяцев до того отказывалась присутствовать вместе со мной на демонстрации в защиту советских евреев, публично прочла открытое письмо, под которым подписались мои родители. Родители все время держали меня в курсе их деятельности в кругу отказников. В один прекрасный день, в феврале 1970 года, мне позвонила Геула Коэн и сказала, что в «Известиях» появилась статья с нападками на моего отца. Появление подобного текста в центральной газете могло означать, что готовится почва для репрессий против моей семьи. Геула Коэн сказала, что готова помочь мне в организации голодовки возле здания ООН, если я еще не передумал. Конечно же, я согласился. Берни Дойч быстро предпринял все необходимые шаги, и через несколько дней я вылетел в Нью-Йорк. На этот раз один, с четкой и определенной миссией, которую я обдумывал в течение многих месяцев.

Мы собрались в доме у Дойча и тщательно спланировали весь процесс голодовки, которую я должен был начать на следующий день. Мы хотели сохранить свои намерения в тайне до самого начала голодовки, чтобы не допустить непредвиденных помех. Вечером я позвонил своей невесте Алле Вулах в Израиль. Я хотел сказать ей, что все в порядке. Соседка, на телефон которой я звонил, сказала, что Алла попала в аварию и тяжело ранена, поэтому желательно срочно вернуться в Израиль. Я был в полном шоке. Не теряя ни минуты, я собрался и выехал в аэропорт. Перед тем как сесть в самолет, я снова позвонил в Израиль, и мне сообщили, что Алла умерла. И вдруг я понял, что человек, каким бы он ни был сильным и уверенным в себе, – это всего лишь человек и его возможности намного более ограничены, чем он думает. В первый раз в жизни я почувствовал себя беспомощным. Потом я не раз встречался со смертью и каждый раз ощущал одно и то же: страшную боль и беспомощность. До того момента мне казалось, что для меня нет ничего невозможного. Совсем недавно я одержал победу над самой большой и жестокой империей в мире, приехал в Израиль, вместе с друзьями смог склонить в нашу пользу общественное мнение, успешно отстаивал свою точку зрения и влиял на мир вокруг себя. И вдруг, когда я

окончательно уверился, что нет ничего, что было бы мне не под силу, судьба в одну секунду доказала мне, что я только лишь мелкая букашка. Все мои планы, все, что я хотел и о чем мечтал, разбилось вдребезги в мгновение ока. Самый близкий мне человек погиб, а я не был в состоянии предотвратить это, несмотря на всю мою самоуверенность и заносчивость. Я тут же вылетел в Израиль, но прибыл уже после похорон. Родные Аллы были убиты горем. Алла была совсем юной – ей было двадцать лет, она училась в Тель-Авивском университете – ее жизнь только начиналась. Я познакомился с ней и ее замечательной семьей в Центре абсорбции в Кармиэле. Они приехали в Израиль из Польши за несколько недель до меня.

Когда я приземлился в Израиле, то увидел заголовки газет, которые сообщали, что Яша Казаков поехал в Нью-Йорк, чтобы провести голодовку, но был вынужден вернуться из-за смерти своей невесты. Тогда я не мог думать о газетных публикациях и лишь отметил для себя, что информация о готовящейся голодовке может только осложнить ситуацию.

По окончании семи дней траура я вернулся в Нью-Йорк и начал голодовку. Место для проведения акции было выбрано не случайно: «Стена Исайи», напротив главного входа в здание ООН. Все, кто заходил в здание, видели голодовку и плакаты. Кроме того, меня видели десятки тысяч людей, которые проезжали по оживленному бульвару напротив ООН. Голодовка продолжалась девять дней и вызвала большой резонанс.

Первые дни еврейский истеблишмент игнорировал ее, согласно указаниям из Израиля. Приходили в основном члены Организации студентов в защиту евреев Советского Союза, члены «Бейтара», студенты «Ешивы Юниверсити» и те люди, которые встречались с нами во время совместного визита с Геулой Коэн и Довом Шперлингом за несколько месяцев до того. Приходили и люди из организации рава Кахане. Каждый новый день появлялось все больше и больше откликов, как в американских, так и в израильских СМИ. В процессе голодовки я столкнулся с некоторыми прописными истинами, о которых знал только понаслышке. Например, на второй день пикета ко мне подошел полицейский и сказал, что не будет делать мне никаких поблажек, несмотря на то что он сам еврей. Он потребовал, чтобы к вечеру я ликвидировал не санкционированный властями спальный вагончик, а это означает, что я не могу ночевать в нем. В апреле в Нью-Йорке все еще холодно, особенно по ночам. Мы выдумывали разные отговорки и тянули время, пока у того полицейского не кончилась смена. Вместо него заступил полицейский-ирландец, каких много в полиции Нью-Йорка. Мы

спросили его, не будет ли проблем с вагончиком, а он в ответ улыбнулся и успокоил: «В чем проблема? Это же святое дело! Делайте что хотите!» – и пожелал мне успеха. К сожалению, нередко бывает, что евреи пытаются быть святее папы римского, чтобы их не заподозрили в двойной лояльности. Когда возникает какая-то проблема, связанная с еврейским вопросом, они, в силу своих национальных комплексов, ведут себя намного более враждебно и жестко, чем неевреи. Более того, мне даже приходилось слышать антисемитские высказывания от израильтян и израильских чиновников, которые сознательно или подсознательно пытались завоевать симпатию в глазах неевреев, словно говоря: мы не такие, как эти евреи, мы другие, мы лучше.

Когда я объявил голодовку в Нью-Йорке, Объединение студентов Израиля организовало демонстрацию в мою поддержку напротив здания Кнессета с требованием, чтобы правительство публично выразило солидарность с моей голодовкой и с борьбой евреев СССР. В это время в Кнессете проходило заседание правительства, посвященное этой теме, и на демонстрации выступили представители разных политических партий Израиля, среди них: Геула Коэн, Звулун Хаммер, Шуламит Алони и Иегуда Бен-Меир. Потом мне рассказывали, что на заседании правительства Голда Меир тихо сказала: «Не могу больше, этот паренек меня сломал. Мы обязаны продемонстрировать нашу поддержку ему». После этой демонстрации плотину прорвало: все официальные израильские представители в Нью-Йорке и еврейские организации получили разрешение выразить солидарность со мной. Представитель Израиля в ООН Йосеф Ткоа навестил меня, и я понял, что он получил указание от МИДа.

В прошлом Ткоа был послом Израиля в Советском Союзе. Он был одним из немногих дипломатов, чья готовность поддерживать деятельность в пользу евреев была даже больше, чем у работников «Натива». Ткоа принимал близко к сердцу проблемы советских евреев и поддерживал их борьбу, как только мог. Он сообщил мне, что переговорил с генсеком ООН У Таном. Тот встречался с представителями Советского Союза, которые пообещали ему, что моя семья в течение года получит разрешение на выезд, если я прекращу голодовку.

Это известие пришло на восьмой день голодовки, и я уже был довольно измучен. Меня вымотала не столько сама голодовка, сколько все, что ей предшествовало, и особенно трагическая смерть Аллы. Я решил, что девяти дней достаточно и моя цель достигнута. Думаю, что, если бы не трагедия, я бы не остановился на этом, а продолжал голодовку до тех пор, пока моя семья не получила бы разрешение на выезд – этого можно было добиться.

Так или иначе, голодовка закончилась успехом. Я вернулся в Израиль к совершенно другой жизни. А проблема, за решение которой я боролся, была поставлена на повестку дня как американского еврейства, так и мировой общественности. После моей голодовки начался период бурных демонстраций с требованиями разрешить советским евреям выехать в Израиль. В них участвовали и недавно приехавшие в Израиль, и родственники отказников. Я же вернулся в Израиль, где меня ждала другая жизнь, совсем не такая, какой я ее себе представлял еще совсем недавно.

Во время голодовки ко мне подошел человек и отозвал меня в сторону. Когда мы отошли, он обратился ко мне по-русски, сказал, что не может сообщить мне свое имя, и спросил, правда ли, что моего отца зовут Иосиф. Я подтвердил это, и он, чрезвычайно разволновавшись, рассказал мне, что мой отец был его другом. Они вместе служили в армии в Вене, в конце Второй мировой войны. Два молодых офицера-еврея быстро нашли общий язык и подружились. В один прекрасный день мой собеседник перебежал в американскую зону, а потом эмигрировал в США. Он признался мне, что очень боится говорить со мной, но никак не мог сдержаться, потому что очень хотел посмотреть на сына своего товарища. Он рассказал мне о своем знакомстве с моим отцом и попросил передать ему привет («папа поймет, от кого»). В телефонном разговоре я намекнул отцу об этой истории, и он сразу понял, о ком идет речь.

После окончания моей голодовки отца вызвали в ОВИР, и начальник сказал ему с обидой, заметно нервничая: «Зачем же Яша так с нами поступил?» Мой отец ответил с гордостью: «Ведь он же вас предупреждал, а вы не прислушались к его словам. Вы сами навлекли неприятности на свою страну. Нужно было отнестись серьезно к его словам».

С моим возвращением в Израиль закончилась моя вторая безнадежная война. Война, которой я не ожидал. Война во имя страны и народа против властей в моем государстве. Война, которую я был вынужден вести, иначе я бы не смог добиться тех целей, во имя которых я приехал в Израиль. Я понимал: если я не буду бороться, я предам своих товарищей, оставшихся там, и тех, кто отдали свои жизни за страну, которая даже не знала об их существовании.

Я помню встречу одним летним днем в Тель-Авиве. Я шел по улице Каплан и увидел Цви Нецера, одного из руководителей «Натива». Это он дал указания представителю в Нью-Йорке предотвратить наши встречи с евреями и обвинить нас в том, что мы советские агенты. Нецер был в гневе. Он спросил меня: «Ты

что делаешь? Я понимаю, ты боролся против Советского Союза. Но почему здесь ты воюешь с государством Израиль?» Московская наглость не позволила мне уступить, и я ответил ему с презрением: «Ты – не государство Израиль. Я воюю не против Израиля, а против таких, как ты, чтобы страна стала лучше». Нецер много сделал для Израиля, и его имя вписано золотыми буквами в историю выезда в Израиль евреев Польши и советских евреев, которые репатриировались в Польшу, а оттуда выехали в Израиль в 50-х и 60-х годах. Он искренне верил в свою правоту и в свои методы, посвятив всего себя, как и остальные работники «Натива», евреям и их выезду в Израиль.

Преданность работников «Натива» своему делу была безгранична. Преданность абсолютная, чистая, которая сохранялась в организации до конца 90-х годов. Однако менталитет, привычки и мировоззрение этих людей, сформировавшиеся в основном между Первой и Второй мировыми войнами и во время Второй мировой войны, не подходили для решения тех проблем, с которыми столкнулся «Натив» в конце 60-х и в начале 70-х годов. Это же явление характерно для других сфер жизни Израиля. Хорошие и преданные своему делу люди, чьи представления уже не соответствовали требованию времени, продолжали бороться из последних сил за свои безнадежно устаревшие взгляды. Война Судного дня трагически обнажила это противоречие.

Когда мои родители приехали в Израиль, мама рассказала мне, что в начале лета 1970 года ее одну пригласили на беседу в КГБ. Приняли ее вежливо, и один из старших офицеров сказал ей, что они прекрасно осведомлены о моей жизни в Израиле и обо всем, что со мной происходит, в том числе о трагической гибели моей невесты и о моем противостоянии с властями Израиля и израильским истеблишментом. В связи с этим он предложил ей съездить ко мне в гости, чтобы поддержать меня в трудные времена. Более того, КГБ даже был готов взять на себя все расходы по организации этой поездки, если мама попытается убедить меня вернуться в СССР. Он сказал, что Советский Союз готов мне все простить, если я вернусь. По его словам, я мог выбрать любой университет и меня примут в него, дав стипендию. Кроме того, он обещал, что мне дадут квартиру в Москве. В подтверждение своих слов офицер показал моей маме толстые папки с материалами обо мне. В ответ на ее просьбу ей выдали папку моих фотографий. Никогда еще она не видела столько моих фотографий. Здесь были снимки из Израиля и из Америки. На протяжении всего разговора мама листала альбом. Она отказалась и сказала, что подобная поездка будет

предательством по отношению ко мне. Офицер сменил тон и начал угрожать, что КГБ достанет меня в любой точке планеты и сведет со мной счеты за вред, причиненный Советскому Союзу. Угрозы не произвели на маму впечатления, хотя ее сердце трепетало от страха за меня, и она продолжала отказываться. Часа через два беседа закончилась, и мама вернулась домой, взволнованная, напуганная и вымотанная, но все-таки счастливая: ведь ей удалось увидеть мои фотографии и устоять под натиском КГБ. Больше ее не вызывали на беседы до самого отъезда.

После возвращения из Нью-Йорка в Израиль я чувствовал опустошение. Смерть Аллы лишь усилила и обострила это чувство. Все чаще ко мне приходили мысли, возникшие еще до голодовки. Мне было трудно сидеть за партой, слушать лекции про полимеры и решать дифференциальные уравнения, зная, что мои сверстники, товарищи по студенческой скамье, были солдатами и офицерами запаса. Все они участвовали в Шестидневной войне и рассказывали мне об этом. Время от времени они уезжали на военные сборы. Я чувствовал, что не смогу быть полноценным гражданином Израиля, пока не отслужу в армии, как полагается. Теперь, когда я добился права на выезд для своей семьи и сделал все возможное для алии, я могу идти в Армию обороны Израиля.

Когда я пришел в военкомат в Хайфе, начальник военкомата пытался отговорить меня от этой затеи и убеждал меня, что мне лучше пройти армейскую программу для студентов. Все мои друзья и знакомые тоже пытались меня отговорить, никто не поддерживал мою идею. Но я был упрям. Мне хотелось пойти в армию сразу после возвращения из США. Но в военкомате меня все-таки убедили подождать до призыва в августе, поскольку личные данные призывников августовского набора выше, чем у майского, и у призывников сентябрьского набора больше возможностей для службы.

14

4 августа 1970 года я прибыл на сборный пункт для прохождения срочной армейской службы сроком в три года вместе с призывниками, которые были младше меня на пять лет. Сам факт мобилизации в Армию обороны Израиля вызывал у меня сложные чувства. С одной стороны, полностью осуществилась моя мечта: я стал солдатом еврейской армии в еврейском государстве. В первые минуты, когда я надел армейскую форму, у меня было чувство, что я взлетел над землей. Меня переполняло чувство гордости, ведь я стал солдатом лучшей армии в мире – тогда я верил в это безоговорочно. С другой стороны, меня терзали сомнения: смогу ли я влиться в одну армию с израильской молодежью, сыновьями нового еврейского народа, выросшими в еврейской стране? Смогу ли я стать таким же солдатом, как и они? В этом было много восторженной наивности, характерной для еврея, выросшего в галуте (изгнании) и мечтающего быть как все. Который хочет чувствовать, что у него есть родина, что он не чужой, что он не национальное меньшинство и не должен бороться за равенство в обществе из-за своего еврейства. Это естественное состояние почти не знакомо еврею, который не родился в Израиле. А уж тем более выросшему в Советском Союзе.

На сборном пункте я настаивал, чтобы меня направили в танковые войска. Я видел в танках олицетворение военной мощи. Возможно, на меня подсознательно повлияло и то, что мой дядя был танкистом и погиб в боях с нацистами.

Сама армейская служба протекала обычно. Я быстро привык к ней. Особых проблем с языком у меня не было, хотя я не всегда понимал до конца технические термины. Поскольку я был новым репатриантом и находился в стране только полтора года, во время курса молодого бойца меня направили на уроки иврита. Оказалось, что в нашем батальоне есть и другие новые репатрианты. Я был единственным выходцем из СССР, остальные приехали из Западной Европы и из Северной Африки, но все они уже несколько лет жили в стране. На первом занятии нам устроили тест. Преподавательница в чине сержанта отозвала меня в сторону и с раздражением сказала мне, что отправит меня под суд за попытку уклониться от занятий по военной подготовке под предлогом изучения языка. По ее мнению, я притворяюсь и мне нечего делать на курсах с таким знанием иврита. Эти обвинения стали для меня полной неожиданностью, ведь я не просил отправлять меня на языковые курсы. Меня неприятно

удивила эта подозрительность, как будто я хотел уклониться от службы.

Во время курса молодого бойца я поссорился с кухонным старшиной. Я был назначен дневальным, и мне сообщили, что одно из отделений задерживается на занятиях и вернется позже, поэтому нужно оставить для них еду. Я передал эту просьбу на кухню, и мне сказали, что все будет в порядке. Через час отделение прибыло, и я повел их обедать. Когда мы пришли на кухню, выяснилось, что еды нет. В ответ на мой вопрос мне было сказано, что старшина отдал приказ не оставлять еду для отделения. Я был вне себя. Мои служившие в Советской армии рассказывали мне, что там солдаты нередко оставались без еды, но вообразить подобное в еврейской армии?! Я направился к старшине, козырнул и спросил, почему солдаты остались без еды, несмотря на то что их задержка была согласована заранее. Старшина ответил, что опоздавшие остаются без обеда, так что я должен отвести солдат назад в палаточный лагерь. Я сказал, что это неприемлемо: солдаты вернулись с учений, они голодны, и их нужно накормить. Старшина оторопело посмотрел на меня, гаркнул, чтобы я исчез с его глаз, если я не хочу попасть под арест, и выругался. Тут я грубо нарушил дисциплину: тихим, но и угрожающим тоном я сказал ему, что меня не интересует его чушь и он накормит солдат, несмотря ни на что. Ну и две минуты обкладывал его многоэтажным матом, выученным на московских улицах. Старшина догадался, что это ругательства.

Ни один старшина никогда не спустит новобранцу такого поведения. Покраснев от гнева, он завопил: «Чтоб через десять минут ты был у командира батальона, а оттуда, будь уверен, отправишься на гауптвахту». Я пошел к командиру части. Первым к нему зашел старшина, а когда он вышел, позвали меня. Командир части попросил меня объяснить, что произошло. Я обо всем рассказал. Командир улыбнулся и сказал, что в армии нельзя оскорблять старшину и что в следующий раз мне не избежать наказания, даже если старшина не прав. Я отдал честь и вышел. Старшина очень удивился, увидев меня без конвоя, который, по его мнению, должен был сопровождать меня на гауптвахту. «Куда ты идешь?» – спросил он, не веря своим глазам. «Направляюсь в расположение своего взвода, старшина, в соответствии с приказом командира части», – ответил ему я, отдал честь и быстро ушел. Мне было ясно, что все закончилось так не потому, что командир встал на мою сторону, а благодаря моей тогдашней известности в стране.

После призыва в армию я, разумеется, прекратил публичные выступления, и мое имя не упоминалось в прессе. Я просто исчез

с глаз широкой публики. Израиль страна маленькая и во многом провинциальная, ее население привыкло полагаться на личные связи, а сплетни зачастую являются основным источником информации. Тут же поползли слухи: «Яша Казаков – советский шпион, поэтому о нем ничего не слышно». Мои друзья почти ежедневно и повсеместно слышали про арест «советского шпиона». Я равнодушно относился к этим сплетням, но мои друзья, и особенно Эдит – моя будущая жена, восприняли их очень тяжело.

Геула Коэн мобилизовала Звулуна Хаммера сделать парламентский запрос по поводу моего «исчезновения» с глаз широкой публики. В ответ на запрос было официально сообщено, что я прохожу срочную воинскую службу. Однако и это не прекратило слухи. Тогда Геула Коэн обратилась к начальнику Генштаба Хаиму Бар-Леву с просьбой разрешить мне принять участие в праздновании Симхат Тора в Тель-Авиве, чтобы я появился рядом с Главным раввином Тель-Авива Йедидьей Френкелем, и пресса отметила бы этот факт. Разрешение было получено, и командир части получил приказ от начальника Генштаба дать мне отпуск на 24 часа, несмотря на состояние всеобщей боевой готовности. После этого сплетни немного поутихли, однако время от времени возникали с новой силой до тех пор, пока мои родители не приехали в Израиль.

Моя служба шла своим чередом: курс молодого бойца, танковое училище. Командиром отделения танковых стрелков-наводчиков был молодой майор Авигдор Кахалани. Когда он закатывал рукава, были видны шрамы на обгоревших руках. Хрупкого вида паренек, великолепный танкист, прославленный герой Шестидневной войны. Из знаменитой книги Шабтая Тевета «На башнях танков» мне были знакомы имена Городиш, Кахалани и многие другие. Кахалани был полной противоположностью типичного офицера в Советской армии. Он никогда не повышал голоса, не грубил и вообще был скромным и интеллигентным человеком. Помню его заключительную речь в конце курса. Он посмотрел на нас и сказал: «Вы думаете, что вы уже танкисты? То, что вы отстреляли по нескольку снарядов, еще ничего не значит. Только попав в танковый батальон и почувствовав, что танк стал вашим домом, всей вашей жизнью, когда вы будете спать и есть в танке, будете чувствовать себя единым организмом с ним, только тогда вы станете танкистами. И вы ими станете». Я не раз вспоминал эти слова во время службы, и все получилось именно так. Танки и в самом деле стали частью нас. Я полюбил танк, полюбил его броню, полюбил его нежность и спокойную мощь. Я чувствовал танк, будто он был частью моего тела. Мы с танком

стали единым организмом.

Во время учебы произошло одно примечательное событие. Это случилось на моих первых танковых стрельбах, в ту ночь, когда я впервые стрелял из танка. Впоследствии я стрелял из танка много раз, но ту ночь я не забуду никогда. Отстреляв первую серию снарядов, я соскочил с танка. Мы расположились за машинами, ожидая следующего подхода. Можно было включить транзисторы, и я слушал новости по радиостанции израильской армии. И вдруг сообщили, что в центре Москвы прошла демонстрация нескольких отказников, во время которой были арестованы две женщины, одна из них – моя мама, но через несколько часов их освободили. Трудно передать всю гамму моих чувств. Я в Израиле, танкист, только что впервые выпустил свой первый снаряд, а в это самое время моя мама продолжает бороться, выходит на демонстрацию, ее арестовывают. Я испытал необычайную гордость за нее.

И во время прохождения курса танкистов я умудрился вступить в конфликт с общепринятыми в армии понятиями. Мы получили увольнительную, и я поехал в Хайфу. По дороге я услышал, что у Стены плача проходит демонстрация в поддержку отказников. Я тут же развернулся и поехал в Иерусалим. У Стены плача я направился к демонстрантам, большинство из которых я знал лично. Беседуя с ними, я не обратил внимания, что меня кто-то фотографировал. По возвращении из отпуска меня сразу вызвали к командиру училища, полковнику Мотке Ципори. Я был знаком с ним еще до армии. Когда-то мы с Геулой Коэн и Довом Шперлингом выступали перед офицерами танкового училища, рассказывая о борьбе советских евреев. На этот раз Ципори сказал, что должен отдать меня под суд. Он показал мне газету с моей фотографией, где я в армейской форме стою рядом с демонстрантами у Стены плача. Он разъяснил мне, что военнослужащим строжайше запрещено давать интервью и фотографироваться для прессы и вообще участвовать в демонстрациях. Я ему объяснил, что не знал ни об этом запрете, ни о том, что нас сфотографировали. Ципори ограничился строгим предупреждением, но сказал мне, что, если это повторится, я предстану перед судом. Когда я сегодня читаю подробные выступления офицеров израильской армии перед журналистами и как они «сливают информацию», я вспоминаю полковника Мотке Ципори, одного из лучших израильских офицеров, и его слова, сказанные мне.

После училища нас распределили по батальонам. И снова судьба случайно или не случайно приготовила мне сюрприз, который сильно повлиял на мою жизнь. Я попал в 79-й батальон

14-й танковой бригады, рота Б. Ночью, в проливной дождь, мы приехали на Синай в расположение батальона, где нас ждал праздничный ужин. После ужина мы вышли наружу и построились в три шеренги. Сержант взвода обратился к нам: «Детский сад кончился, сейчас начинается армия». И в самом деле армия началась. Танки, расположенные вблизи от Суэцкого канала, учения, техобслуживание танков и сон по 6–7 часов в неделю. Это требовало огромных усилий, и мы чувствовали сильнейшую усталость, но и огромное удовлетворение. С каждым днем я все больше ощущал себя танкистом и понимал, что все больше и больше овладеваю машиной, все лучше контролирую ситуацию, все больше понимаю армию и поле боя. Я любил стрелять из танка, и служба проходила довольно гладко. Но больше всего повлиял на мою судьбу командир роты, молодой майор, невысокий, спокойный с юношеским лицом. Он представился: «Эхуд Бруг. Я ваш командир роты». Отношения между нами были обычными. Да и какими еще могут быть отношения между командиром роты и солдатом? Я общался с ним не больше, чем общается солдат с командиром роты. Между солдатами ходили слухи, что его планируют назначить командиром спецназа Генштаба, о котором ходили легенды.

Мы знали, что Эхуд прошел переподготовку в бронетанковых войсках, как и всякий офицер ЦАХАЛа, желающий продвинуться по службе. Раньше считалось, что для продвижения на командные должности в сухопутных войсках офицеры обязаны пройти переподготовку в бронетанковых войсках, чтобы познакомиться с основным атакующим родом войск, решающим исход войны. Эхуд, как и многие другие офицеры, которых я встречал в танковом училище и на курсах командиров танков, не был танкистом, но прошел переподготовку и изучил все специальности, связанные с командованием бронетанковыми подразделениями. Командир танковой роты – это была первая командная должность Эхуда в бронетанковых войсках. После этого он вернулся в свое подразделение и был назначен командиром спецназа Генштаба, где до сегодняшнего дня считается одним из самых успешных, результативных и изобретательных командиров этого подразделения. У нас, солдат, не было возможности оценить его способности в качестве танкиста. Я видел, что он хорошо разбирается в танке и умеет им управлять, но судить о нем как о командире на поле боя мы не могли – мы были еще слишком молодыми солдатами.

В один прекрасный день в разгар учений меня вызвали к командиру батальона и сообщили мне, что из штаба округа получен приказ немедленно отправить меня в отпуск на 24 часа.

Мне было сказано, что я должен явиться к Нехемии Леванону в Тель-Авиве. В те дни на Суэцком канале была объявлена боевая готовность высшей степени «Г», предвоенная, и никто, кроме меня, не покидал Синай, а тем более зону Суэцкого канала. Я не знал, зачем меня вызвали, и поэтому волновался. В военной форме, с оружием, я явился в офис «Натива» в Тель-Авиве. В кабинете у Нехемии Леванона сидел незнакомый мне мужчина. По его одежде и внешнему виду было понятно, что он только недавно приехал из Советского Союза. «Это Вилля Свечинский», – представил его Леванон. Мне было знакомо это имя: бывший узник Сиона, один из серьезнейших активистов того времени. Леванон сказал, что у Вилли есть новости от моих родителей и мне следует отнестись со всей серьезностью к его словам. Свечинский сказал, что он знаком с моей семьей и хочет рассказать, что случилось с моим младшим братом, и попросил меня не волноваться. Играя в хоккей, мой брат получил травму, трещину шейного позвонка, он в гипсе. Свечинский и Леванон очень просили меня поверить в то, что это действительно несчастный случай, а не результат действий властей. На него не нападали, это произошло случайно, во время игры. Я верил Свечинскому и полагался на его слова. Я не уверен, что поверил бы в это, если бы мне сообщил об этом кто-то другой. Леванон рассказал мне об их опасениях, что я узнаю о происшествии с моим братом и, усмотрев в этом вину советских властей, предприму что-либо резкое и неожиданное. Я любил моих младших брата и сестру до безрассудства и очень беспокоился за них. Нехемия и другие посчитали, что я могу пойти на все, если решу, что в происшедшем виноваты советские власти. К счастью, мне не пришлось пройти через это испытание. Я поблагодарил Леванона и Виллю Свечинского, после чего вернулся в свою часть. Перед уходом я попросил Свечинского не сообщать моим родителям, что я приехал из армии. Родители не знали, что я призван, и я не хотел их лишний раз волновать.

Вскоре я получил сообщение, что мои родители получили разрешение на выезд. Мне устроили с ними телефонный разговор из штаба бригады в Тасе. Папа спросил, откуда я звоню, и я ответил, что нахожусь немного южнее Тель-Авива, и улыбнулся про себя. Отец даже представить не мог, что я нахожусь в нескольких километрах от Суэцкого канала, намного ближе к Каиру, чем к Тель-Авиву. Эта мысль согревала меня и придавала особое значение разговору с родителями в Москве, которые только что получили разрешение на выезд.

Я получил отпуск на 24 часа, чтобы встретить свою семью в аэропорту и проводить их до центра абсорбции. Прежде чем ехать

в аэропорт, я зашел в офис «Натива», чтобы переодеться в гражданскую одежду. Свое оружие, автомат «Узи», я положил в сумку вместе с формой, закинул сумку на плечо и поехал в аэропорт. Я встретил родных прямо у трапа самолета, и мы отправились в специальную комнату, где собралось много народа: все хотели присутствовать при нашей встрече. В «Нативе» подготовили список приглашенных. Оглядевшись вокруг, я обратил внимание, что нет Геулы Коэн. Когда я спросил, где она, воцарилось замешательство. Едва сдерживая гнев, я повторил свой вопрос: «Где Геула Коэн?!» Все устроители встречи и гости стали усиленно рассматривать потолок и стены. Я вскипел и вышел из зала, чтобы найти Геулу и почти сразу ее увидел. Она пыталась войти, но ее не пускали, потому что ее имени не было в списке гостей. Человека, который сделал больше, чем кто-либо, для меня, для выезда моих родителей и для борьбы за выезд, мелкие людишки, решили не впускать, ведь у бюрократии всегда есть преимущество. Я обнял Геулу и провел ее в зал, познакомил со своими родителями и рассказал им про нее. И вдруг произошло чудо: все присутствующие стали приветствовать Геулу Коэн, благодарить ее и громко возмущаться тем, что ее не сразу впустили. Несмотря ни на что, эта неувязка не испортила нам праздник. Большинство израильтян отмечали эту новую, на этот раз общую победу в борьбе за выезд евреев из СССР в Израиль.

Я поехал с семьей в центр абсорбции в Хайфе и по дороге рассказал им, что служу в армии и приехал с Синая, с Суэцкого канала, чтобы встретить их. Родители были немного в шоке, это стало для них полной неожиданностью, и они не сразу поняли, что это означает. Однако со временем они свыклись с этой мыслью. На следующее утро я вернулся к себе в часть.

После профессиональных полевых учений мы превратились в полноценных танкистов и имели право участвовать в любых видах танковых боев. Эхуд Бруг вернулся в свое подразделение, нам назначили нового командира роты, и мы отправились на линию танковых укреплений возле Суэцкого канала. И снова мне довелось познакомиться с не лучшими проявлениями характера израильских командиров. Это стало для меня еще одним уроком жизни в Израиле. Как и все солдаты боевых частей на линии фронта, на Синае раз в месяц мы получали специальный отпуск на выходные в конце недели. Так уж вышло, что наш экипаж дважды отличился на учениях, за что был награжден дважды дополнительными отпусками, а кроме того, я получил отпуск, когда мои родители приехали в Израиль. Новый командир роты решил наказать меня за лишние выходные, и, когда наша рота должна была уйти в отпуск, в первую субботу после приезда моих

родителей в Израиль он заявил мне, что я получил достаточно отпусков. И вообще: «Какая разница, приезжают ли из России, Марокко или из других стран?» И поэтому, согласно его распоряжению, я не получу отпуска до следующего отпуска роты. Я попросил, чтобы меня оставили на базе в следующий раз, поскольку я не виделся с семьей уже два года. Однако некоторые командиры израильской армии имеют привычку отвечать отрицательно на любую просьбу. Я не злился на командира роты, а пожалел его. Я сказал про себя: «Что это за офицер в еврейской армии, который не понимает разницы между возможностью выехать в Израиль из СССР по сравнению с Марокко и другими странами?» Оставалось только объяснить родителям, почему после двухлетней разлуки еще полтора месяца я не смогу попасть домой и увидеться с ними.

Срок пребывания батальона на линии фронта у Суэцкого канала закончился, и меня послали на курсы командиров танков. В начале обучения мы прошли тесты на соответствие требованиям для офицерских курсов, и я, к своему удивлению, получил довольно высокую оценку. Я и не подозревал, что у меня есть необходимые качества для командования, особенно по сравнению со всеми другими солдатами. Правда, я был взрослее и более зрелым, чем они. Для меня это было своего рода официальным подтверждением, что в военном деле я ничем не уступаю уроженцам страны. Это стало началом завершения процесса осознания себя как израильтянина, равным среди равных. Теперь я уже не смотрел на израильского солдата или офицера снизу вверх.

Еще одним сюрпризом стало то, что я сдал экзамен на знание иврита, хотя никогда не изучал его систематически. Это было особенно приятно, тем более что некоторые уроженцы страны не смогли справиться с ним. Окончив курс командиров танков, я был направлен в общевойсковое офицерское училище.

15

С приездом моих родителей завершилась часть моей борьбы с Советским Союзом. Позже в Израиль приехали все остальные родственники, включая сестру моей бабушки и детей других ее сестер. Из всей огромной семьи в Советском Союзе не осталось никого.

Как это принято в Израиле, некоторые общественные деятели пытались использовать энтузиазм, сопровождавший борьбу моей семьи за выезд. Они, по правде, составляли меньшинство, но довольно шумное и крикливое. Большинство же относилось к моей семье с теплом и искренней симпатией, без всяких личных расчетов. В честь моих родителей устраивались приемы и встречи, их повсюду приглашали. В частности, была организована широко освещаемая прессой встреча моего отца с министром транспорта и связи Шимоном Пересом. Перес, по своему обыкновению, разразился прочувствованной речью. Помимо прочего, уважаемый министр отметил, что Израиль рад, что такие люди, как мой отец, приезжают в Израиль, поскольку стране нужны высококвалифицированные специалисты. Результатом всех этих торжественных встреч и восторженных речей стало то, что мой отец не нашел работу. Стандартным аргументом при отказе было «Слишком высокая квалификация». Многие новоприбывшие, будучи высококвалифицированными специалистами, особенно в период массового выезда 90-х годов, тоже не смогли найти работу под этим предлогом. Я не принимал участия в торжественных встречах. Я продолжал служить в армии и не знал о многом, что происходило с моими родителями. Политики же удостаивались упоминания в средствах массовой информации, и на этом миссия большинства из них заканчивалась.

Усилия моего отца устроиться на работу в течение нескольких лет так и остались безуспешными, и он решил попытать счастья в других странах. В 1974 году, после войны Судного дня, он уехал из Израиля. Мой младший брат из-за заботы о нем и вопреки здравому смыслу поехал вместе с ним. У отца была тяжелая форма диабета, и мой брат, заботясь о нем, пожертвовал своим будущим. Мой брат – чрезвычайно способный человек, намного больше, чем я, особенно в учебе. Он поступил на медицинские факультеты в несколько университетов Израиля, но выбрал Хайфский Технион. Отец решил уехать из страны за неделю до итоговых экзаменов за первый курс. Мы умоляли его отложить поездку, чтобы брат смог окончить первый курс, но отец отказался. Из-за этого брат не смог восстановиться на

медицинском факультете, когда вернулся в Израиль. Сначала отец с братом поехали в Европу, но в конце концов оказались в Канаде. Вскоре после приезда в Канаду отец погиб в автомобильной аварии. В тот день утром брат позвонил мне из Канады и сдавленным голосом сказал, что папа погиб. С помощью друзей мы перевезли гроб с его телом в Израиль. Стоя у трапа самолета и глядя, как спускают гроб, я вспоминал тот день, когда я точно так же стоял у самолета и встречал свою семью в Израиле, совсем не так давно. Я опознал отца, и опять мы поехали с ним в Хайфу, только на этот раз – на кладбище. Так окончилась израильская эпопея моего отца. Мама и сестра отказались уехать вместе с ним из Израиля. Мама сказала, что больше никогда не расстанется со мной, одного раза ей достаточно. Брат вернулся в Израиль с гробом отца, и так вся семья снова собралась в Израиле.

16

Отслужив на Суэцком канале, я начал курс обучения командиров танков. Этот период моей военной жизни не был отмечен никакими особенными событиями. По окончании курса командиров танков я вместе со всеми остальными курсантами начал обучение на курсе офицеров в общевойсковом офицерском училище (Учебная база № 1), как это было принято для танкистов, на оперативном отделении. Уже в первый день в училище произошел случай, который резко изменил мою жизнь и последствия которого я пожинаю и по сей день. С одной стороны, чистая случайность, с другой стороны, глупость и самодурство, с которыми я не могу смириться до сих пор. После прибытия нас разделили по взводам, в которых были собраны вместе танкисты, артиллеристы, саперы и связисты. С нами были и курсанты спецназа Генштаба и из спецподразделения подводных работ ВМФ. Я не мог понять, почему будущие офицеры военно-морских сил должны проходить подготовку в сухопутных войсках, и никто не мог мне этого объяснить. Со временем эта ситуация изменилась, и теперь офицеры спецназа ВМФ и подразделения подводных работ ВМФ проходят подготовку в училище военно-морских офицеров.

Офицерское училище дало мне исключительную возможность лучше узнать израильскую армию, но уже с самого приема начались проблемы. Курсантов распределили по отделениям. Кроме личного оружия, мы получили еще и взводное. По разнарядке, составленной инструкторами, мне достался взводный миномет 52 мм – мечта всех курсантов. Это было самое удобное оружие: легкое, простое в обращении, и, кроме того, им почти не пользуются в течение всего курса. Однако меня это не устраивало. Я не был знаком с пехотным оружием и попросил дать мне что-нибудь более серьезное. Я обратился к инструктору: «Может быть, можно поменять миномет на что-нибудь другое. Дайте мне любое оружие, какое хотите, хоть пулемет». Пулемет был самым сложным оружием на курсе: из него много стреляли, и за ним нужно было тщательно ухаживать. Инструктор – офицер воздушно-десантных войск – ответил мне с нескрываемым раздражением: «Так было решено, что получил, то получил». Я пытался апеллировать к логике и говорил ему: «Слушай, я танкист, я не знаком с этой трубой, я не знаю, что это такое, ни разу не стрелял из такого, пожалуйста, дайте мне другое оружие». Лишь спустя много лет я понял, что слова «я танкист» были пощечиной для инструктора, офицера пехоты. Конфликт между

курсантами из бронетанковых войск, в особенности танкистами и инструкторами – пехотными офицерами, был обычным делом в общевойсковом офицерском училище. Все замечания танкистов воспринимались инструкторами как выражение пренебрежения к пехоте. И в самом деле, танкисты часто свысока смотрели на пехоту и пехотную тактику ведения боя, но в моем случае ни о чем подобном и речи не было. Я еще раз обратился к офицеру и спросил, кто и когда объяснит мне, как пользоваться этой трубой. Полученный ответ определил мою судьбу. Офицер (!) и инструктор (!!) ответил мне так: «У тебя в отделении есть курсанты саперы и связисты. Спроси у них, они знакомы с минометами».

Я попросил саперов нашего взвода (они прошли подготовку в пехоте лучше других) объяснить мне принципы стрельбы из миномета и правила пользования им. Они показали мне, как разбирается и собирается оружие, и объяснили, как стрелять. Хотя это было и не сложно, но, тем не менее, была проблема с техникой стрельбы. На протяжении всего курса в училище из миномета стреляют только один раз, во время итоговых учений.

За две с половиной недели до окончания курса состоялись итоговые учения с боевой стрельбой. После этого оставалась последняя, относительно легкая часть курса: бои в городских условиях. Эти учения под кодовым названием «Инициатива» я запомнил на всю жизнь. В качестве минометчика я должен был обеспечить огневое прикрытие во время атаки в соответствии с планом боя. Я делал так, как мне объяснили товарищи: опустил мину в ствол, поворот спуска, мина вылетела… Согласно приказу – обеспечить шквальный огонь, я стрелял в бешеном темпе. Внезапно я почувствовал резкую боль, словно меня резануло ножом, сначала в одном, а потом и в другом ухе. Боль была нестерпима. Я отбросил миномет, схватился за голову и надавил на уши, пытаясь заглушить боль. Инструктор, офицер пехоты, спросил, что случилось. Стараясь не потерять сознания, я пробормотал: «Уши». Он поднял миномет и продолжил стрельбу вместо меня. Учения продолжались, и нужно было обеспечить огневое прикрытие.

За минуту с небольшим я выпустил более десяти мин. Как выяснилось при разборе ситуации, проблема была в различиях между техникой стрельбы из танка и техникой стрельбы, используемой в пехоте. В израильской армии принято, что командир танка стоит в башне, полкорпуса наружу. Во время стрельбы он не нагибается, как пехотинцы, но, напротив, немного приподнимается, чтобы увидеть, куда попал снаряд, и чтобы скорректировать для стрелка следующий выстрел. Командир

танка привык поднимать голову с каждым выстрелом, а не опускать ее, как того требует техника стрельбы из миномета. Ствол танкового орудия достаточно длинный, и линия выхода снаряда, которая определяет силу ударной волны, находится перед танком и огибает его, не причиняя вреда танкистам. Поэтому у танкистов никогда не бывает слуховой травмы при стрельбе из танка. Как правило, танкисты получают слуховые травмы при стрельбе из пулемета или из миномета. Техника стрельбы из миномета совершенно другая, особенно у малокалиберных, короткоствольных минометов. Стреляющий из миномета пехотинец нагибает голову как можно ниже к земле. Эта техника знакома любому пехотинцу, однако меня этому никто не учил. Для курсантов-саперов, которые объяснили мне, как пользоваться минометом, это было само собой разумеющимся. Им и в голову не приходило, что существует другая техника стрельбы. Кроме того, они не были профессиональными инструкторами по минометной стрельбе, в отличие от офицеров-инструкторов офицерского училища, которые не удосужились проверить, насколько я усвоил принципы обращения с минометом. Халатность инструктора, его совершенно не оправданное, наплевательское отношение к своим обязанностям стали причиной моей тяжелой травмы и пожизненной инвалидности. И я еще легко отделался: за халатность и небрежности многие платили жизнями, а тысячи – увечьями.

Вернувшись на базу, я обратился к врачу, и он сразу же направил меня в Военный госпиталь Тель А-Шомер. Там меня обследовали, проверили слух, выдали заключение и велели возвращаться в училище. Заключение было в запечатанном конверте, и я не знал, что там написано. Я вернулся в училище и отдал конверт врачу-майору. Он вскрыл конверт, прочитал и сказал: «У тебя травма обоих ушей. Одно ухо пострадало меньше, другое больше. Иди на склад, сдай оружие и снаряжение, ты оставляешь училище. С такой травмой ты не можешь продолжать обучение на курсе». Я был в шоке и попытался возразить, что до окончания курса оставалось только две с половиной недели. Но врач сказал: «Это приказ». Я отдал честь и вышел, внешне сохраняя спокойствие, хотя все внутри кипело от гнева и отчаяния.

Кабинет врача был расположен на одном этаже с командованием училища. Курсантам было запрещено заходить в этот корпус без вызова, и редко кто попадал туда во время курса обучения, кроме дневальных, которых посылали туда мыть полы. Подумав несколько секунд, вместо того, чтобы направиться

налево, по направлению к казармам, я повернул направо в приемную командира училища. Войдя в канцелярию, я отдал честь капитану, начальнице канцелярии. Она посмотрела на меня с удивлением и спросила: «Курсант, что ты тут делаешь?» Я спросил, на месте ли начальник училища. Она ответила утвердительно, и я попросил: «Пожалуйста, сообщи ему, что курсант Яков Казаков просит о разговоре с ним». Она слегка оторопела от моей наглости. Курсанты не дают указания офицерам, а уж тем более в офицерском училище. С соблюдением всей военной субординации разрешение на прием занимало чуть больше недели. Начальница канцелярии спросила, вызывал ли меня командир. Я ответил отрицательно, но настоял на том, чтобы она сообщила о моей просьбе. Она зашла к командиру и, выйдя, в еще большем замешательстве произнесла: «Заходи, пожалуйста». Я поблагодарил ее, отдал ей честь и зашел в кабинет.

Оказавшись внутри, я отдал честь и вытянулся по стойке «смирно». Командиром школы был полковник ВДВ Цви Баразани (Бар), о котором я много слышал как об одном из лучших бойцов десантных войск. «Яша, подойди, – сказал он. – В чем проблема?» Я рассказал ему, что получил травму ушей во время учений «Инициатива», что врач приказал мне оставить офицерское училище по состоянию здоровья. «Чего же ты просишь?» – спросил Баразани. «Мне осталось только две с половиной недели и только одно – бои в городских условиях. Это не настолько критично для офицера-танкиста. Я прошу дать мне возможность окончить курс», – ответил я. Он посмотрел на меня, я выдержал его взгляд. Полковник молчал несколько минут, и я видел, что он колеблется. Не расслабляясь ни на секунду, я продолжал смотреть ему прямо в глаза. Я постарался, чтобы, несмотря на огромное напряжение, на моем лице не дрогнул ни один мускул. Наконец Баразани тихо сказал, совсем не командным тоном: «Ладно, иди к врачу. Можешь продолжать курс». Я заметил, как он чуть заметно улыбнулся уголком рта, отдал честь, повернулся и вышел. Затем я козырнул начальнице канцелярии, на этот раз с улыбкой и, поблагодарив, направился к врачу.

Увидев меня, врач спросил с удивлением: «Почему ты вернулся?» Я сказал, что был у командира училища, и в этот момент зазвонил телефон. Врач поднял трубку, и по тону разговора я догадался, что на проводе сам командир. Врач пытался спорить, но в результате бросил трубку и сказал мне со злостью: «Ты идиот, и твой командир тоже идиот! Он поступает безответственно! Из-за него ты оглохнешь! Ты не понимаешь, что тебе нельзя слышать даже шум танкового двигателя? Тебе нельзя

садиться в бронетранспортер! Раз твой командир так решил, можешь возвращаться в казарму. Ты освобождаешься от учений со стрельбой. Будешь выполнять все упражнения «на сухую». Когда начнут стрелять, ты должен отойти как минимум на двести метров и заложить уши». Я поблагодарил его, отдал честь и вернулся в казарму.

За три с половиной месяца моего пребывания в общевойсковом офицерском училище я не раз сталкивался с безответственным поведением и халатностью, нарушением приказов и директив со стороны инструкторов и командиров, чьей непосредственной обязанностью было воспитать из нас офицеров. Решение командира училища в какой-то мере компенсировало ту непоправимую глупость, которая чуть не свершилась. Я окончил офицерское училище, но уже никогда не мог стать танковым офицером. Общевойсковое офицерское училище оставило у нас, танкистов, ощущение летнего детского лагеря после службы в танковом батальоне и курса командиров танков, курса очень напряженного и высокопрофессионального. Танк приучает танкиста, а еще больше командира к абсолютной точности исполнения приказов и инструкций. Танк и ответственность за него требуют абсолютной дисциплины и профессионализма более высокого, чем в других родах сухопутных войск.

Несмотря на все недостатки, обучение в общевойсковом офицерском училище было полезным, интересным, прекрасным и приятным периодом. Мы жили в условиях, которые и не снились нам в танковых войсках. Танкисты спят под открытым небом, на броне или под танком. Без душевых с горячей водой. Нам было приятно спать на кроватях, в бетонных помещениях. Это было меньше, чем мы ожидали от офицерского училища, но, тем не менее, мы научились и отработали многие важные навыки. А для меня обучение в училище было последним этапом интеграции в израильское общество.

К окончанию курса я задумался о том, что буду делать дальше. За период службы я уже усвоил важный принцип – прежде всего, не полагаться на благоразумие армии. Я позвонил заместителю командующего бронетанковыми войсками Мотке Ципори. Мне запомнился эпизод в танковой школе, когда он пригласил меня на беседу, и я заметил у него на столе газету «Геральд Трибьюн». Офицер, который читает одну из самых серьезных международных газет, обладает не только высоким интеллектом, но и широким кругозором, качествами, необходимыми для всех офицеров. Ципори знал, что я учусь в училище. Я рассказал ему о своей травме и спросил, могу ли я

стать офицером-танкистом. Ответ Ципори был лаконичным: тебе нельзя даже пройти через ворота танковой школы. «Забудь о танках», – сказал он. Я спросил, какую офицерскую специализацию я могу пройти. Он сказал: «Есть специализация офицеров кадров или интендантской службы». Моя реакция была спонтанной: «Исключено! Я не за этим пошел в армию. Я не буду чиновником в военной форме». Ципори отнесся с пониманием к моей дерзости и спросил, какие варианты я обдумывал. Я ответил ему без колебаний: «Единственный курс, который позволит мне оставаться в боевых частях, из-за чего я пошел в армию и оставил учебу, – это курс офицеров разведки». «Хорошо», – сказал он. – «Я проверю, что можно сделать».

За два дня до окончания курса мне позвонила офицер из управления кадров бронетанковых войск и сказала, что по окончании офицерского училища нам полагается недельный отпуск. После отпуска все мои товарищи явятся в танковую школу, а я должен явиться в школу военной разведки. Я вздохнул с облегчением.

Через два дня был выпускной парад, а после него – распределение. Конечно же, я очень волновался, когда получал значок командира взвода. Это было похоже на то волнение, которое я ощутил, когда в первый раз вдохнул воздух Израиля. Или когда в первый раз надел форму израильской армии. Всего два с половиной года тому назад я был в Москве, боролся за право на выезд почти без всякой надежды, а теперь я оканчиваю курс офицеров Армии обороны Израиля. Это было чудесное чувство. Еще одна маленькая победа в вечной борьбе за право стать тем, кем я хочу, вопреки всему и вся. И с минимальными шансами на успех.

Я прибыл в школу военной разведки, учебную базу № 15. Все курсанты были из военной разведки. Всех их я видел еще в офицерском училище, и все проходили подготовку на базовом отделении. Только один курсант, Йон Федер, обучался на пехотном отделении. Он был из спецназа Северного округа «Эгоз» и получил, как все пехотинцы, звание младшего лейтенанта. Его направили в школу военной разведки, поскольку он должен был стать офицером разведки в спецназе «Эгоз». Еще было двое ребят из спецназа Генштаба, которые тоже проходили вместе с нами подготовку на оперативном отделении. Офицеры спецназа Генштаба завершали свою офицерскую подготовку в школе военной разведки. Я начал знакомство с военной разведкой, о которой мало что знал и которая традиционно была окутана ореолом таинственности. Оказалось, что это действительно интересный род войск, хотя внешнего блеска в нем было мало. Я

всегда сожалел, что вынужден был расстаться навсегда с танками. Больше никогда я не смог уже слышать тишину, только постоянный, непрекращающийся металлический шелест в ушах.

Честно говоря, я и раньше, при призыве, обманул медкомиссию Армии обороны Израиля. Никто об этом не знал, и это нигде не было записано. В 14 лет, еще в Москве, я играл в гандбол с ребятами во дворе. Во время прыжка один парень подсек меня. При падении я почувствовал боль в правой руке, но не обратил на это внимания. Через два часа боль усилилась. Обратился к врачу, и тот определил у меня перелом. Через месяц, когда сняли гипс, стало ясно, что часть кости отделилась от локтя и уже не могла срастись. Подвижность правой руки была ограничена. В 17 лет я проходил медкомиссию в советском военкомате и забыл о своей травме. Один из врачей спросил меня: «Ты что, идиот? Почему ты не сказал, что у тебя перелом руки?» Я сказал ему, что просто забыл об этом, и это была правда. Советский военный врач сказал, что с таким переломом я не годен к строевой службе и могу служить только в нестроевых, тыловых частях, без физических нагрузок. Так и было записано в моей медицинской карте, которая осталась в советском военкомате. Когда я пошел в израильскую армию, я скрыл травму. Особых угрызений совести по этому поводу я никогда не испытывал. Я встречал немало солдат и офицеров, особенно на военных сборах, которые скрывали те или иные проблемы со здоровьем во имя одной цели: остаться в строю. Высокая мотивация – одна из отличительных черт нашей армии, которая и делает ее одной из лучших.

Никогда и ни за что не сдаваться, не отказываться от борьбы. Я усвоил это правило на улицах Москвы, в Советской России 50-х и 60-х годов. Нет ничего хуже, чем сдаться. Неустанно стремиться к цели – то, что и в израильской армии называется «целеустремленностью». Мне не нужно было учиться целеустремленности в Израиле, этому я научился еще в СССР. Именно поэтому мне и удавалось добиваться намеченного – так я оказался на курсе офицеров в школе военной разведки Армии обороны Израиля.

Первое, что меня удивило, – это большое количество солдаток в разведшколе. В принципе, солдатки есть где угодно, но в полевых и в танковых частях их почти не видно. Я увидел другую, незнакомую мне армию. Курс офицеров разведки – один из наиболее интересных в израильской армии. Много учебы и много полевых занятий и учений по всей стране и на любой местности. Мы столкнулись с методами и формами обучения, мышления, планирования, отличными от других родов войск, где

основа обучения – постоянно повторяющиеся упражнения. Нас учили ориентироваться на местности, часто задания были такими трудными, что даже ребята из спецназа Генштаба путались, а инструкторы теряли ориентировку. Уровень инструкторов по сравнению с общевойсковым офицерским училищем был хорошим – их отличали интеллигентность, высокий уровень общей культуры и профессионализм. Это была обнадеживающая перемена, и только здесь я почувствовал, что по уровню знаний, образу мышления и действия я становлюсь офицером.

Впрочем, и в разведшколе было несколько курьезов. В начале курса пришел сержант из военной контрразведки, чтобы заполнить мне анкеты на допуск. Он начал заполнять мою анкету и спросил, в каком году я приехал в Израиль. Я ответил: 1969. Он поправил меня: 1959. Я сказал: «Нет, 1969». Он посмотрел на меня с изумлением: «Постой, как тебе вообще дали войти на территорию разведшколы, если ты приехал в 1969-м?» Шел 1971 год, и сержант был изумлен. Другой интересный случай произошел во время выпускных военно-штабных экзаменов. Наша группа должна была рассчитать возможные действия египетской армии при форсировании Суэцкого канала. Мы отметили несколько мест на Синае, где, по нашим расчетам, египтяне могли высадить спецподразделения: коммандос и десантников. По этому поводу у меня возник спор с командиром курса. Он сказал, что наша группа проделала хорошую работу, но наши предположения о местах высадки египетских десантов противоречат принципам военной науки. Он утверждал, что, согласно военной теории, не высаживают десант, если невозможно с ним соединиться в течение 24 часов. Боеспособность, снаряжение и вооружение десантников достаточны для боевых действий в течение суток, а если за это время с ними невозможно соединиться, их не высаживают, ибо они обречены на уничтожение. Я ответил, что не знаю, о какой армии говорит командир курса, но я знаком с армией, для которой, как и для арабских армий, не важно, смогут ли войска пробиться к десантникам и кто вообще будет жив через 24 часа. Командир же настаивал на том, что так не делают ни в одной армии мира, и этот пункт был изъят. Во время войны Судного дня египтяне высадили десанты, не считаясь с тем, за какой срок войска смогут с ними соединиться, как долго продержатся десантники и сколько из них будет уничтожено.

В последний день обучения произошел случай, который можно было бы назвать смешным, если бы он не был таким грустным. Накануне мы получили увольнительную до утра. Утром мы должны были прибыть в разведшколу, переодеться в

парадную форму и выстроиться на выпускной парад по случаю присвоения нам офицерских званий. Когда мы переодевались в парадную форму, ко мне подошел один из моих товарищей по курсу, который накануне вернулся из Хайфы. «Ты не поверишь!» – сказал он мне со смехом. – «Вчера я был в Хайфе, и один из моих друзей рассказал мне, что слышал о разоблачении советского шпиона Яши Казакова, которого арестовала Служба безопасности». Мой товарищ по курсу пытался опровергнуть эту информацию, сказав, что Яша Казаков оканчивает курс офицеров военной разведки вместе с ним и завтра получает офицерское звание. Но все было тщетно. «Ты ничего не знаешь, – говорил ему тот. – Мне сказал об этом мой знакомый, который работает в Службе безопасности». Рассказав об этом, мой сокурсник усмехнулся: «Служба безопасности тебя выпустила?» Я ответил: «Ничего не поделаешь. Я их уговорил освободить меня на выпускной парад, чтобы шпионом, которого они поймали, был офицер израильской армии». Мы посмеялись. Я продолжал улыбаться и тогда, когда начальник Разведывательного управления Армии обороны Израиля, генерал-лейтенант Аарон Ярив, протягивая мне офицерские погоны, обратился ко мне по-русски. Я также ответил ему по-русски, и он с теплой улыбкой пожелал мне успехов. В этот момент я подумал: а знает ли генерал, что желает успеха советскому шпиону, которого Служба безопасности отпустила для получения офицерского звания? Только через много лет я узнал, что генерал Ярив лично дал разрешение на мое участие на курсе вопреки заключению военной контрразведки.

17

После завершения учебы я прибыл в Штаб бронетанковых войск. По окончании офицерских курсов, как правило, военнослужащие возвращаются в часть и в тот род войск, который их туда направил. Я явился к начальнику Управления кадров, отвечающему за распределение офицеров. Он просмотрел мои бумаги и велел мне идти домой, чтобы явиться через несколько дней. Когда я вернулся, он сказал мне, что из-за моих проблем со слухом он не может направить меня в танковый батальон начальником батальонной разведки. А поскольку другой вакансии для офицеров разведки в данный момент нет, он направляет меня офицером, ответственным за резервистов, в 274-й танковый полк. Я не знал, что такое «офицер, ответственный за резервистов», и спросил его, о чем речь. Он ответил: «Это офицер по кадрам в батальоне резервистов. Он отвечает за связь с резервистами и их мобилизацию». Я пытался с ним спорить и объяснял, что я окончил разведшколу, а не курсы для офицеров по кадрам. Однако начальник Управления кадров бронетанковых войск, подполковник, пресек все возражения, сказав, что приказы не обсуждаются и что я должен прибыть в 274-й полк.

Я подчинился и, прибыв в расположение полка, приступил к исполнению своих обязанностей, занимаясь чисто канцелярской работой. Полк был вооружен трофейными танками советского производства, усовершенствованными израильской армией, с заменой пушки, двигателя и системы связи. Меня это не особенно интересовало, все равно я не имел возможности работать непосредственно с танками. Когда командир полка объявил мне, что вскоре меня пошлют на курс офицеров по кадрам, чтобы дать мне профессиональную квалификацию по профилю занимаемой должности, я сказал себе, что офицером по кадрам не буду. Я не видел никакого смысла в том, что сначала меня посылают на офицерские курсы по одной специальности, а, по окончании их и получении специализации, посылают на курсы офицеров по совершенно другой, не имеющей никакой связи с первой. Я не мог понять, в чем дело, но внутреннее чутье подсказывало мне: здесь что-то нечисто. Конечно, у меня снизился слух, однако об этом было известно до моего направления в разведшколу, так что, скорее всего, что-то здесь было не так. Я был прав в своих предположениях и убедился в этом через несколько лет по чистой случайности.

Как-то раз при переводе из одной части в другую мне дали папку с моими документами, чтобы я передал ее в новую часть. В

папке было письмо из Управления разведывательных войск, где было указано, что с разрешения начальника Разведывательного управления мне разрешено приступить к обучению на курсах офицеров военной разведки, но с одним условием: согласно распоряжению военной контрразведки, по окончании курса не назначать меня на должность в системе разведвойск или связанную с разведкой. Тогда я об этом, конечно, не знал, но все равно чувствовал (и с течением времени неоднократно убеждался), что военная контрразведка израильской армии не страдает от избытка ума и здравого смысла. В случае со мной они не могли понять, как парнишка, который приехал из Советского Союза всего два с половиной года назад, может получить высокий допуск секретности. У них не было никакого желания попытаться учесть особенности моей столь необычной биографии. Чтобы справиться с проблемами проверки новоприбывших, контрразведка просто увеличивала период запрета на допуск с момента приезда в страну. Через много лет, уже работая в системе, я слышал от работников Общей службы безопасности Израиля, что они игнорируют решения военной контрразведки как недостаточно профессиональные и всем бывшим военным проводят проверку заново. Тогда я еще не знал о наложенных на меня ограничениях, но, даже если бы и знал, вряд ли в моих силах было что-то изменить.

Но я все равно решил не сдаваться. Еще раз хорошенько все обдумал и поехал в Генштаб в Тель-Авив. Базы Армии Израиля, в том числе и Генеральный штаб, в то время охранялись весьма халатно. Я прошел на территорию Генштаба, а никто не остановил меня и не проверил документы. Правда, я был в форме, но форму очень легко достать или просто купить. По ошибке я сначала поднялся на этаж, где был кабинет начальника Генштаба, но не он был мне нужен. Тогда я спустился на этаж ниже и зашел в канцелярию начальника Разведывательного управления Генштаба. Я подошел к начальнику канцелярии, отдал честь и сказал: «Это личное письмо начальнику управления, прошу передать его». Офицер взглянул на меня и, не меняя выражения лица, сказал: «Оставь здесь» – и уткнулся носом в свои бумаги на столе. Я положил конверт на стол и вышел. В письме я напоминал, что окончил курсы офицеров разведки и указывал на нелогичность и неэффективность своего нынешнего распределения.

Через неделю я был вызван к заместителю командующего бронетанковыми войсками Мотке Ципори. Я зашел в кабинет бригадного генерала Ципори, отдал честь и вытянулся по стойке «смирно». Он посмотрел на меня, и я заметил, что он пытается

сохранить серьезное выражение лица. Он обратился ко мне нарочито сурово: «Ты опять совершил проступок?» Я искренне удивился: «Какой проступок?» Он спросил: «Ты обращался к начальнику Разведывательного управления?» «Да», – подтвердил я. Он объяснил: «Нарушил субординацию» – и разъяснил: «Не через командование полка, не через командование бронетанковых войск, а напрямую! За это тебе полагается наказание. Нарушение субординации – это серьезный проступок в армии». «Признаю свою вину», – ответил я. С этой минуты тон Ципори изменился. «Окончательное решение таково: ты покидаешь 274-й полк и получаешь назначение в Штаб бронетанковых войск на должность офицера разведки. Но в качестве наказания за нарушение субординации твой перевод откладывается на месяц. Свободен». Я отдал честь и вышел. Поблагодарить его я не мог, ведь, по сути, наша беседа была судом. Но я был счастлив и улыбался про себя.

Командир 274-го полка Гидеон Альтшулер разозлился на меня за то, что я покидаю его полк, лучший в Армии Израиля. Я сказал ему, что ценю и его, и его полк, но не собираюсь быть офицером по кадрам. У меня есть военная специальность, и я буду служить по специальности, по которой меня подготовили и аттестовали.

В течение двух-трех месяцев пребывания в полку я познакомился с замечательным человеком, живой легендой, и таких людей в Израиле немало. Однажды я увидел группу людей, одни были в штатском, другие в военной форме. Один из них внимательно посмотрел на меня и спросил: «Ты – Яша?» После моего ответа он представился: «Аркадий Тимор». Я был поражен. Тут же вспомнил, откуда мне знаком его голос. Этот голос знал, наверное, каждый еврей в Советском Союзе – голос военного комментатора радиостанции «Голос Израиля» на русском языке. Аркадий Тимор (Зальцман) родился в Бессарабии. Офицером-танкистом он прошел всю Отечественную войну, командовал танковым батальоном, который первым вошел в Берлин. В конце войны, проходя через свой родной город, он узнал от соседей, что нацисты убили всю его семью, в том числе маленькую сестру. Потом Тимор рассказывал мне, что, когда они вошли в Берлин, он первым делом отдал два приказа. Во-первых, установить военно-полевую кухню на улице и кормить каждого голодного немца. Во-вторых, он организовал детский сад для немецких сирот. «Это была моя месть нацистам, еврейская месть», – говорил он с грустью и болью. Его рассказ глубоко потряс меня, и сейчас, когда я пишу об этом, я в очередной раз поражаюсь его человечности и благородству.

После войны Тимор окончил Военную академию

бронетанковых войск и женился на женщине из Польши. Неоднократно он позволял себе неосторожные высказывания в поддержку евреев и государства Израиль. Его арестовали, судили и отправили в лагерь за антисоветскую деятельность. Спустя много лет ему удалось освободиться, благодаря тому, что он был отличным офицером, участником войны, а также благодаря вмешательству своих командиров. Поскольку его жена была гражданкой Польши до войны, им удалось получить разрешение на эмиграцию в рамках репатриации польских граждан, а из Польши они уехали в Израиль.

Однако был и еще один эпизод в его жизни, о котором мало кто знал. Когда Аркадий служил в Германии, он проник в американскую зону и установил связь с работниками Организации нелегальной иммиграции, прибывшими из Палестины, в том числе с Шаулем Авигуром. По их просьбе он подготовил и передал им учебные материалы, которые потом использовались на курсах подготовки танкистов Армии Израиля, в том числе и офицерских. Речь идет об американском танке «Шерман» М-1 – он был на вооружении израильской армии во время Войны за независимость и после нее. Тимор провоевал большую часть войны на этих танках, тысячи которых были поставлены США Советскому Союзу во время войны. После войны, передавая учебные материалы, он рисковал своей жизнью. Если бы советские власти узнали об этих встречах, его бы немедленно расстреляли. Когда Тимор приехал в Израиль, у него было больше знаний и опыта в танках и в танковых боях, чем у всей израильской армии вместе взятой. Однако в Израиле кадровым офицером он не стал – армия побоялась принять в свои ряды офицера, который четыре с половиной года воевал против лучших танкистов мира – танкистов вермахта. Государство Израиль решило, что он слишком подозрительный. Но вместе с тем совсем отказаться от его знаний и опыта не смогли, поэтому он стал «гражданским работником армии». Он участвовал в строительстве и становлении бронетанковых войск израильской армии. Ему удалось невероятное: создать на базе трофейных танков боевые бронетанковые соединения. Тимор был единственным человеком в мире, которому удалось решить эту задачу. Благодаря его профессионализму и целеустремленности, благодаря инженерным решениям, которые он нашел, благодаря группе специалистов, собранной и организованной им, трофейные танки были превращены в кадровый танковый полк израильской армии. Во время войны Судного дня этот полк был направлен на Синай и принял участие в боях с египетскими войсками. Впоследствии была сформирована целая дивизия на базе трофейных советских

танков. По сути, он подарил израильской армии целую бронетанковую дивизию.

Тимор подготовил танки и бронетранспортеры для танкового десанта на берегу Суэцкого залива во время войны на истощение. Израильские танки, то есть трофейные советские, высадились на египетском берегу Суэцкого залива, громя все в тылу египтян. Во время той операции израильский танк раздавил джип с египтянами. Офицеры Армии Израиля не знали, что в джипе находился советский генерал. Когда танки и бронетранспортеры погружались на десантный корабль на берегу Синая, Тимор вместе с другими солдатами и офицерами начал подниматься на борт. Капитан из военной контрразведки остановил его, мотивируя отсутствием разрешения от контрразведки. Тимор остался один на берегу Суэцкого залива без еды, без воды, под раскаленным солнцем. Он несколько раз терял сознание и едва не умер от обезвоживания, пока корабли не вернулись с операции. По сей день я не могу понять, как командиры позволили какому-то идиоту из контрразведки совершить такой мерзкий поступок. Даже в Советской армии во времена сталинского террора командиры не раз останавливали особистов. А здесь еврейские командиры поджали хвосты и только отводили взгляд от стыда! Такого я простить не могу. Тимор радовался за успех операции. Он был счастлив, что оружие, которое он подготовил, сработало как часы. Боль и обиду он пережил в одиночку и никогда не говорил об этом. Он дал все, что мог, и даже больше своей стране и народу, несмотря на все унижения, не рассчитывая на награду. Он хотел давать своей стране как можно больше и просто не мог иначе. Этот человек, его преданность и его скромность всегда служили в моих глазах примером того лучшего, что есть в моем народе и в моей стране.

Аркадий Тимор умер несколько лет назад. Он страдал от рака, но до последнего дня пытался работать и приносить пользу. Он так и не удостоился воинского звания, хотя заслужил его больше, чем многие другие, и так и остался «гражданским работником армии». Его жена и тяжелобольной сын жили на скромную пенсию, которая полагается вольнонаемным служащим армии. Тимора выдвигали на Премию безопасности Израиля, но ему было отказано: очевидно, наверху решили, что есть более подходящие, а может быть, обладающие лучшими связями или более высоким положением кандидатуры, чем этот скромный замечательный человек.

В назначенный день я явился в отдел разведки Штаба бронетанковых войск и там завершил срочную службу. Ранее я получил письмо из Главного управления кадров, где сообщалось,

что в соответствии с моим возрастом, годом прибытия в Израиль и семейным положением я должен был служить только шесть месяцев. Армия выражала благодарность за то, что я отслужил полный срок срочной службы (мне оставалось еще два месяца до окончания обязательного трехлетнего срока). В связи с этим последний год срочной службы обязательного срока был засчитан мне за год контрактной службы. Как и все мои товарищи, после окончания офицерских курсов я обязался отслужить еще один год сверхсрочно, на контрактной основе. Таким образом, оказалось, что я заканчивал срочную и сверхсрочную службы почти на год раньше запланированного срока: вместо апреля 1974-го я демобилизовался в июне 1973-го.

18

К моменту окончания армейской службы я уже был женат, моему сыну был год. Настало время устраиваться на гражданке. Я не был знаком с гражданской жизнью. Год с небольшим до армии я был студентом, а большую часть моей жизни в Израиле я провел в армии. До приезда моих родителей я был в положении «одинокого солдата». В то время было не так много «одиноких солдат». Я почти не говорил по-русски, только с родителями. Со своей женой Эдит я говорил на иврите, хотя она тоже приехала из Советского Союза в июне 1969 года. В общем, о гражданской жизни в Израиле я имел самое поверхностное представление.

Я начал работать офицером безопасности в авиакомпании «Аркия». Системы безопасности аэропортов и воздушного транспорта только начинали разрабатываться. Мы прошли курс офицеров безопасности. Тогда еще не было разницы между «селектором», офицером безопасности и охраной аэропортов. Офицер безопасности аэропорта выполнял все эти функции. У меня появилась возможность попробовать себя на новом поле деятельности и поучаствовать в становлении новой службы. Мы работали во всех внутренних аэропортах в Израиле: в Тель-Авиве, Бен-Гурионе, Эйлатском аэропорту и аэропорту в Шарм-эль-Шейхе. С точки зрения знаний и основных навыков этой области я получил довольно хорошую базу. Моя жизнь стала входить в нормальную колею.

В Судный день 1973 года в час пополудни я услышал стук в дверь. Я тогда жил в Холоне, в многоквартирном доме, этажом выше располагалась семья, недавно приехавшая из Ирака. На пороге стояла перепуганная соседка, она сказала мне, что слышала по радио на арабском языке, что началась война с Израилем. Я бросился к радио, которое было выключено по случаю Судного дня. В это время раздались сирены, по радио сообщили о боях с египтянами и сирийцами. После этого стали зачитывать пароли для резервистов. Я оделся и сказал жене: «Поеду в Дом танкиста, выясню, в чем дело». На улице уже началось движение машин, в Доме танкиста была суматоха. Я встретил своих армейских друзей и спросил, что происходит. «Непонятно. Похоже, война», – отвечали мне. «Мы мобилизуем все танковые части». Я сказал им, чтобы меня не искали, я еду в Штаб бронетанковых войск, последнее место моей службы. Как правило, офицеров запаса приписывают к воинской части в течение полугода после демобилизации. Однако с момента моей демобилизации еще не прошло полгода, поэтому я еще не был

приписан к резервной воинской части.

Я вернулся домой, надел форму, жена успела дать мне с собой немного еды, ведь я ничего не ел с вечера Судного дня. Я попросил, чтобы она поехала со мной в Штаб бронетанковых войск. Мы приехали в Джулиас, где находился штаб, и я пошел в разведотдел, месту моей недавней службы. Подошел к картам. Было ясно, что это война и положение серьезное. Я вернулся к машине и сказал жене, что, вероятно, это война и что я останусь в штабе. На этом мы расстались. Так началась моя первая война в Израиле. Я был рад, что успел отслужить в армии и войну встречаю офицером. Командующий бронетанковыми войсками генерал-лейтенант Авраам Адан (Брен) также командовал 162-й бронетанковой дивизией. Дивизия находилась в процессе мобилизации и только начала поспешно выдвигаться на Южный фронт, чтобы занять позиции на северном участке Суэцкого канала. Начальник разведотдела дивизии приказал мне оставаться в штабе и исполнять обязанности офицера по связям с разведотделом дивизии на Южном фронте. Когда я попросил четко определить круг моих обязанностей, он сказал, что мне сообщат об этом позже. В обстановке суматохи и неопределенности многое было еще не ясно.

Вскоре вся дивизия уже выдвинулась на Южный фронт. На следующий день, в воскресенье, стали приходить сообщения о потерях. Просматривая списки убитых, раненых и пропавших без вести, я видел имена моих знакомых по срочной службе. Истинная картина происходящего на фронтах еще не была ясна, и было много противоречивых сообщений и слухов. Я пошел к начальнику Управления кадров и попросил, чтобы меня направили в одно из подразделений на Южном или на Северном фронте. Начальник велел мне ждать. Я остался единственным офицером в разведотделе, где мне, по сути, нечего было делать. Я сообщил своему шоферу, что завтра утром он отвезет меня на границу Синая, на перекресток Саад, а после этого вернется на базу. До воинских частей в Синае я доберусь сам.

Утром я взял оружие, и мы поехали на Синай. Шофер высадил меня на перекрестке, и я зашел в кибуц Саад, где жил Арье Кроль, работник «Натива». Когда я служил в батальоне на Синае, во время учений у меня украли куртку. Я доложил о краже и предстал перед судом за потерю армейского имущества. Я объяснил судившему меня офицеру, что куртка была украдена во время учений. К моему удивлению, офицер заявил, что я должен платить, даже если я не виноват, поскольку кто-то должен возместить государству стоимость имущества. Таким образом, я остался без куртки. Другой куртки взамен пропавшей я не

получил, да и не просил. Я зашел в кибуц к Арье Кролю, и он нашел мне какую-то куртку. Взяв ее, я добрался на попутных машинах до базы «Рефидим». Там на одном из командных пунктов я встретил знакомых офицеров. Я хотел присоединиться к одному из подразделений, и мне сказали, что завтра из ремонтной базы в Тасе выходит из ремонта один танк и, хотя имеется немало претендентов, они отдают его мне. Я могу взять этот танк вместе с экипажем и присоединиться к одному из батальонов. Признаю свою вину: на этот раз я задействовал свои связи, и протекция сработала. Я попросил офицера по строевой части сообщить Управлению кадров в Штабе бронетанковых войск, что я присоединяюсь к такому-то батальону. Тот выполнил мою просьбу, но начальник управления попросил меня к телефону и приказал немедленно вернуться, поскольку он формирует танковый батальон для Северного фронта, и я назначен начальником батальонной разведки, и это приказ.

Я поблагодарил своих друзей и сказал им, что планы меняются. Утром я пошел на аэродром, где как раз приземлился самолет «Геркулес» с грузом боеприпасов. Я сказал пилоту, что мне нужно срочно вернуться в Штаб бронетанковых войск. Он разрешил мне подняться на борт, и мы полетели в Лод. Когда я зашел к начальнику Управления кадров, то, к моему удивлению, он сообщил мне, что я никуда не еду и остаюсь в штабе. На мой вопрос о танковом батальоне на Северном фронте мне было сказано, что никакого батальона нет и все это выдумка. Я еле сдержался, чтобы не врезать ему, но негоже лейтенанту бить подполковника. Я вышел, но по пути столкнулся с Эхудом Бругом – моим бывшим командиром роты из 79-го батальона, который был уже подполковником. «Что ты здесь делаешь? – спросил я. – Ты же учишься в Стенфорде». Я слышал, что после командования спецназом Генштаба он уехал получать степень магистра на факультете системного анализа в Стенфордском университете. «Я формирую батальон, – сказал он и спросил: – А ты что здесь делаешь?» «Я ищу батальон», – ответил я. «Тогда пойдем со мной, – предложил он. – Поможешь мне сформировать батальон. У меня нет ни начальника батальонной разведки, ни начальника оперативного отдела. Будешь со мной в одном танке, если ты все еще стреляешь так же, как и раньше». Я согласился, но попросил не докладывать об этом начальнику Управления кадров, потому что один раз меня уже вернули с Синая. Эхуд пошел мне навстречу и дал указание заместителю по строевой части батальона не сообщать обо мне в управление.

До сих пор я не знаю, почему начальник Управления офицерских кадров пытался не пустить меня на фронт. Может

быть, он искренне верил в то, что я на самом деле шпион, а может быть, опасался, что, если я погибну или с моим-то именем попаду в плен, это произведет тяжелое впечатление. Точной причины я не знаю, да меня это и не интересует.

Договоренность с Эхудом была следующая: я буду выполнять функции начальника батальонной разведки и начальника оперативного отдела. Наш 100-й батальон сначала был смешанным подразделением, приписанным к Южному военному округу. В батальоне было две танковые роты и одна усиленная рота, которая состояла из мотопехотинцев, бойцов спецназа Генштаба и спецназа Южного округа «Шакед» (Миндаль), а также нескольких офицеров из разных спецподразделений. Мы были подразделением особого назначения, которое предназначалось для решения специальных задач и для ведения особых операций. Большинство солдат и офицеров вернулись из-за границы, как только начались боевые действия. Все они были ветеранами «Войны на истощение» и обладали хорошим боевым опытом.

Мы вооружились в танковом училище, которое было расположено в Джулисе. Собрали всю технику, которая была на ходу: исправные танки, бронетранспортеры, джипы, вооружение. Бронетранспортеров не хватало, все они достались мотострелковой роте. Мы с Эхудом договорились, что не будет ни командного, ни разведывательного, ни оперативного бронетранспортера. Все управление будет осуществляться из танка командира батальона, а я буду находиться в этом танке вместе с ним. Обычно начальник оперативного отдела находится в танке командира батальона во время боя, место начальника батальонной разведки – на бронетранспортере разведотдела. Решение, которое мы выбрали, было нестандартным, но единственно возможным в ситуации острой нехватки машин и командного состава. Я добавил в танк несколько радиостанций, чтобы можно было работать еще на нескольких частотах связи в дополнение к принятым для командира батальона. Кроме того, я укрепил на танковой башне дополнительный пулемет для себя: просто привязал его канатами. Это был новый МАГ, а не пулемет американский 0.3, времен Второй мировой войны, как на остальных танках. Друг Эхуда, майор Ишай Изхар, служивший в спецвойсках, – многие его операции до сих пор засекречены, – стал нашим пятым членом экипажа. Он сидел на башне танка и мог стрелять из второго пулемета, который я установил. Я занял место заряжающего-связиста. Офицер-оперативник всегда располагается на этом месте, так что и мне пришлось занять это место, несмотря на то что я любил стрельбу из танка и был отличным стрелком. Кроме того, я укрепил на башне еще три

ящика: два – с дополнительными пулеметными лентами и один, который я перед каждым боем наполнял ручными гранатами. Так что танк был хорошо оснащен для предстоящих боев.

Мы двинулись к Синаю на танковозах. Запомнился мне разговор с офицером из спецназа «Шакед» капитаном Ицхаком Розенштрайхом. Всю дорогу он расспрашивал меня про танки и сказал, что после войны хочет пройти переквалификацию, поскольку в пехоте он уже реализовал себя. Ицхак также рассказал, что в последнюю ночь успел заскочить домой. Незадолго до начала войны он женился. 17 октября, через десять дней после нашего разговора, Ицхак Розенштрайх был убит в бою у «Китайской фермы». Я навещал его семью после войны и обратил внимание, что его жена беременна. Когда я пришел в следующий раз, у нее уже родился сын.

Было неясно, где и в составе какой части будет воевать наш батальон. Мы подчинялись командованию Южного округа, и приказы постоянно менялись, поскольку ситуация на фронтах была неясной. В командовании округа было много планов для нашего батальона, многие из которых отличались дерзостью и даже фантастичностью (вероятно, из-за командира батальона, в прошлом командира спецназа Генштаба, а также из-за состава батальона). К примеру, взвешивалась возможность использовать наш батальон в прорыве к окруженному опорному пункту «Мезах» или в спланированной, но неосуществленной операции по высадке десанта в порту Адабия на египетском берегу Суэцкого залива. После высадки десанта танки должны были прорваться на север и отрезать Третью армию, обеспечив израильским войскам быстрое форсирование Суэцкого канала в районе Дверсуар, где оно и произошло. 13 октября батальон был прикомандирован к 460-му полку 162-й дивизии под командованием генерала Адана. Это был полк танковой школы. Бойцы из спецназа Генштаба покинули батальон и воевали в других частях или самостоятельно. Некоторые из них погибли, в том числе капитан Амитай Нахмани, один из лучших офицеров спецназа. Он был убит в бою за аэропорт Фаид. Я навсегда запомнил его лицо с неизменной улыбкой и любознательным взглядом.

Батальон остался с десятью бронетранспортерами в мотострелковой роте и двумя танковыми ротами, где было 27 танков. В конце концов я все-таки попал на фронт в составе той же самой дивизии, в которую явился в первый день войны, но в боевых частях, а не офицером штаба.

Вечером 14 октября мы застряли в огромных пробках в направлении Акавиш (Паук), вдоль которого сконцентрировались основные силы. В тот день мы получили приказ о форсировании

Суэцкого канала с подробной дислокацией всех сил. 15 октября 143-я дивизия под командованием Арика Шарона должна была первой форсировать канал и закрепиться на западном берегу. Наша дивизия должна была двинуться следом по наведенным мостам и атаковать египтян на западном берегу по направлению к Суэцу, отрезая Третью армию. Дивизия Шарона должна была двинуться на север и окружить Вторую армию. Мы следили за переправой по радиосвязи и слышали, что первые части уже форсировали канал. 16 октября стало ясно, что форсирование не продвигается запланированным темпом, и мы продолжали наше медленное движение к каналу. Ночью был получен приказ идти на помощь воздушно-десантному батальону, который вел бой на направлении Тиртур.

Единственное, что нам было известно, – это то, что речь идет о 890-м воздушно-десантном батальоне, а также его примерное местоположение. К рассвету мы вышли к трассе и установили связь с десантниками. Было сложно понять, где находятся их позиции, а где – позиции египтян. Эхуд попросил у окопавшихся десантников выпустить сигнальную ракету, и таким образом мы их обнаружили. Оказалось, что между ними и египтянами всего несколько десятков метров. Местность была ровной, и практически все парашютисты находились на полностью простреливаемой местности. Мы заметили несколько складок почвы, в которых укрылась часть десантников. Эхуд отдал приказ открыть огонь, и танки нашего батальона начали обстрел позиций египтян. Мы подбили несколько египетских танков, и их огонь против десантников ослаб. Однако главная проблема оставалась нерешенной: ребят нужно было вызволить из-под непрерывного огня. Каждый из них при попытке сдвинуться с места сразу попадал под огонь египтян, в основном из легкого стрелкового оружия и пулеметов. Наш танк не стрелял, поскольку Эхуд сосредоточился на командовании затянувшимся боем и координации действий остальных подразделений. В конце концов он решил перейти в атаку на египетские позиции, попытаться захватить их и тем самым спасти десантников и вывести трассу из под огня египтян. Приказ к атаке по рации – и все танки, включая и танк командира батальона, пошли в наступление. Египтяне сражались очень упорно и даже героически. Я помню, как во время атаки вдруг перед нашим танком вырос в полный рост египетский солдат и открыл по нам огонь из автомата Калашникова. Когда мы на него наехали, он залег между гусеницами, а когда мы проехали, он снова вскочил и продолжал стрелять в нас. Нам пришлось подать вперед и назад, а затем развернуться на месте, чтобы убить его.

Во время боя я действовал в качестве заряжающего-связиста и должен был обслуживать пулеметы и заряжать снаряды. Ишай Изхар, пятый член экипажа, сидел сзади меня, и его ноги свисали в танковую башню, а почти все его огромное тело оставалось снаружи: он стрелял из дополнительного пулемета, который я установил на башне. До меня доносились звуки стрельбы и крики, наших и египтян, и вдруг я почувствовал, как на меня что-то надавило сзади. Я сказал Ишаю, что он мешает мне зарядить снаряд, но он почти лег на меня. Я повернулся и увидел, что Ишай сидит согнувшись, лицо его побледнело, а на шее с правой стороны показалась тонкая струйка крови. Как нас учили, я засунул палец в рану и нажал, чтобы остановить кровотечение. Ишай посмотрел на меня смущенным и извиняющимся взглядом и развел руками, словно говоря: «Извини, что я могу сделать…» Губы его двигались с трудом, и я не мог понять, что он говорит. Кровотечение остановилось, и я подумал, что все обошлось, но в этот момент у него изо рта хлынул фонтан крови и облил меня целиком. Видимо, пуля попала в артерию, и, когда я перекрыл отверстие раны, кровь пошла через рот. Ишай продолжал на меня смотреть, и я видел, как его взгляд затухает и жизнь уходит из его тела. До последних секунд он был в сознании, хотя его лицо побледнело и превратилось в белую маску. Вдруг кровотечение прекратилось, и я понял, что его сердце остановилось. Почти шесть литров крови, которые есть в человеческом теле, вылились из него на меня. Моя одежда была пропитана кровью Ишая. У меня не было запасного комбинезона, и в пылу боев было не до смены одежды.

Бой продолжался. Я отодвинулся, чтобы мертвое тело мне не слишком мешало. Сменил ленту в башенном пулемете и сказал Эхуду, что Ишай убит. Я вылез наружу, сдвинул тело Ишая в сторону и начал стрелять из его пулемета. Пулеметная лента еще не кончилась. Эхуд, не оборачиваясь, продолжал стрелять из командирского пулемета. Он только спросил меня: «Ты уверен?» Я ответил коротко: «Он мертв». Эхуд сказал, продолжая стрелять: «Нужно вытащить его из танка». Видимо, даже не видя меня, он почувствовал мое изумление, поэтому сказал своим обычным, тихим и четким тоном: «Если он останется в танке, я не смогу поворачивать башню». Я понял его правоту и попросил остановить танк. Через несколько минут, когда стрельба немного стихла, мы остановились возле группы парашютистов, лежащих в наскоро выкопанном окопе. Глядя на них, меня охватило чувство гнева и стыда. Десантники, многие из которых были ранены, лежали с примитивными карабинами FN бельгийского производства, которые часто ломаются. Карабин совершенно не

подходил для боевых условий в Синайской пустыне. Десантники остались почти без боеприпасов, без воды и выглядели истощенными морально и физически. Десантники бросились к танку, надеясь, что мы заберем их, но Эхуд приказал: «Никто на танк не поднимается». Я добавил: «Мы не можем вас взять, помогите мне вынуть убитого». Они помогли мне вытащить тело Ишая. Мы уложили его на землю, и танк тут же двинулся вперед. Я опять сжал рукоятку пулемета, наша атака продолжалась.

В ходе атаки я понял, почему Эхуд не разрешил взять десантников на броню танка. Мы ехали по позициям египтян, давя их и стреляя в них. Внезапно на нас обрушился залп ракет слева, с севера, где находилась «Китайская ферма» – «Миссури», согласно кодовому названию на карте. Я видел, как белые огненные шары движутся на нас, описывая на лету небольшие круги. Я слышал их характерный посвист, когда ракета пролетала над головой или возле нас, и увидел, как ракета попала в соседний танк. Мы сразу принялись считать выпрыгивающих из танка: один выскочил, второй выскочил, третий не вылез, четвертый не вылез. Все. Значит, два члена экипажа убиты либо тяжело ранены, у них почти нет шансов – танки горят, и снаряды внутри них взрываются один за другим.

Мы двигались дальше, бой продолжался. Вдруг я увидел, что огненный шар летит прямо на наш танк с огромной скоростью. Все произошло за долю секунды. По траектории полета я предположил, что ракета попадет в переднюю часть корпуса танка, и приготовился к удару. Я положил руку на автомат «Узи», чтобы не забыть его в танке. Также автоматически проверил фляжку с водой. Я уже видел, как танкисты выпрыгивают из подбитого танка без оружия и без фляжек с водой. Я знал, что, у раненого нет шансов выжить без воды под синайским солнцем больше чем несколько часов. Кроме того, у меня не было никакого желания остаться безоружным против египетских солдат. Все это длилось доли секунды, и я не смог произнести ни звука. Я не крикнул Эхуду, что ракета слева, и не приказал водителю остановиться. Вероятно, эти доли секунды я был в состоянии шока. Ракета почему-то приподнялась над корпусом танка и пролетела над кабиной водителя, прямо перед башней, оставив на память только свист и волну жара. Только тогда Эхуд заметил ракету. Это была не первая ракета, выпущенная по нам, но эта прошла ближе всех. Наша атака продолжалась.

После боя мы сняли более десяти нитей от противотанковых ракет, зацепившихся за корпус танка. Из-за шквала противотанковых ракет мы не могли оставаться на захваченных позициях. Мы расположились вдоль направления «Тиртур», в двух

километрах от него, держа египетские позиции под огнем и не давая им расстреливать наших десантников, лежавших без движения перед вражескими позициями. В бою под шквалом ракет, огня танков и РПГ в нашем батальоне были подбиты семь танков из двадцати одного, вступивших в бой. Большинство подбитых танков отбуксировали, или они вышли своим ходом, кроме трех, подбитых ракетами. Эхуд решил попытаться вывезти парашютистов на бронетранспортерах мотопехоты и начал договариваться с командованием полка об артиллерийском прикрытии. Командир мотострелковой роты был убит в начале боя, и его заместитель, лейтенант Гидеон Дворецкий, на бронетранспортере, с одним водителем, двигался под огнем египтян между позициями десантников. Танки нашего батальона и артиллерия дивизии обеспечили огневое прикрытие и дымовую завесу. Дворецкий вместе с водителем бронетранспортера выезжали раз за разом на спасение наших солдат под огнем египтян, под самым их носом, так что иногда расстояние между египтянами и десантниками не превышало нескольких десятков метров. Его бронетранспортер собирал десантников и танкистов, спасшихся из подбитых танков, включая раненых. Эта почти самоубийственная операция продолжалась больше часа. Во время боя трудно следить за временем. Иногда кажется, что минула целая вечность, а потом выясняется, что прошло всего несколько минут, и наоборот. Все десантники были вывезены, а на более отдаленном от нас участке это сделала разведрота полка. Так и закончился этот бой. Если я не ошибаюсь, мы потеряли четырнадцать человек убитыми и более двадцати ранеными. Это был мой первый бой, и он оказался самым тяжелым из всех, которые мы провели в ту войну. За этот бой Дворецкий был награжден орденом Мужества, но получить его ему не довелось. Он погиб через несколько дней в бою у каменоломен Фаид на западном берегу Суэцкого канала.

После войны я слышал про «героический бой десантников у “Китайской фермы”». Поначалу я не понял, что речь идет про тот же самый бой – ведь мы сражались на направлении «Тиртур», а «Китайская ферма» – это как раз то место, откуда по нам стреляли ракетами. Только потом я понял, что речь идет о нашем бое. Не понимаю, почему этот неудачный для десантников бой назвали героическим. Я видел воздушно-десантный батальон, который запутался наиглупейшим образом – его бросили в бой, к которому он совершенно не был готов. Батальон неожиданно наткнулся на египетские силы, о которых ничего не знал, напоролся на хорошо организованные позиции, поддержанные танками, и гораздо лучше вооруженными египетскими

солдатами. Батальон был на голову разбит и рассеян более организованным, более подготовленным и превосходящим по численности противником. Десантники залегли, прижимаясь к земле, почти без боеприпасов, раненые, большинство без воды. Это уже была не организованная воинская часть под единым командованием, а случайные группы или отдельные солдаты, пытающиеся помочь друг другу выжить, почти без шансов на успех. Они не задержали и не остановили никакую египетскую атаку, потому что ее просто не было. Их послали прочесать местность и обнаружить «охотников за танками», а они напоролись на хорошо организованные позиции египтян.

«Охотники за танками» – это термин, который возродили штабные герои израильской армии. Впервые «охотники за танками» появились во время Второй мировой войны. В 1973 году во многих армиях мира, особенно в Советской, а также в армиях Египта и Сирии, которые воевали по советской системе, были созданы специальные подразделения для борьбы с танками. Это были хорошо организованные и укомплектованные подразделения и расчеты с эффективной и разнообразной тактикой боя и с отлично подготовленными бойцами. Но израильская армия в 1973 году послала батальон десантников искать призраки Второй мировой войны. Не знаю, кто и почему назвал этот позор «героическим боем». В попытке спастись и выжить мало чего героического, разве что в попытках спасти товарища. И в этой войне, и в последующих я убедился, что чем больше неудачи, тем больше растет потребность воспевать якобы проявленный героизм бойцов и прославлять погибших, чтобы не отвечать на тяжелый вопрос: «А почему они погибли?» В этом израильская армия ничем не отличается от других. В Советском Союзе, наравне с реальными случаями героизма, выдумывали героев и истории о подвигах, чтобы поднять боевой дух и скрыть неудачи. В моих глазах «героический бой десантников у «Китайской фермы» – это типичный случай использования командованием советских методов пропаганды и сокрытия фактов. Впоследствии меня уже не удивляли рассказы о «героизме в комплексе событий». До совершенства циничного использования понятия героизма израильское командование и политическое руководство дошли через 35 лет, во время Второй Ливанской войны, самой неудачной из всех войн Израиля. Конечно, в боях на Синае совершались и настоящие подвиги. Одним из настоящих героев был сын генерала Исраэля Таля – Яир Таль. Еще во время курсов мы удивлялись его необыкновенной самодисциплине и честности. Во время одного из боев, будучи раненым, свой танк с поврежденной ходовой частью он сцепил с

другим танком, у которого была повреждена башня. Танк с поврежденной башней буксировал его танк с позиции на позицию, и Яир, несмотря на ранение, продолжал вести стрельбу по египетским позициям из танка с неповрежденными башней и орудием.

До ночи мы перестреливались с египтянами, без каких-либо движений с той или другой стороны. В сумерках я вдруг разглядел тени необычных танков, прибывших нам на смену. Я узнал эти танки: это были М-60, которые поступили на вооружение незадолго до начала войны. Они были на вооружении только в 600-м полку. С одного из этих танков я вдруг услышал крик: «Яша, как ты? Ты жив?» Приглядевшись, я узнал Злотника, моего инструктора с курсов командиров танков. Я был рад, что он тоже жив, ведь на войне при каждой встрече первым делом выясняешь, кто из знакомых жив, кто ранен, а кого уже нет. Минутный разговор, а потом ты не знаешь, остался ли в живых твой собеседник. После войны я встретился со Злотником, когда он служил сержантом в запасном батальоне, куда я был направлен. В израильской армии это обычное дело: нередко твои бывшие командиры или инструкторы становятся твоими подчиненными. На отношения это не влияет. Даже когда я стал офицером, а он оставался сержантом, для меня он все равно оставался моим инструктором с курсов командиров танков.

Полночи ушло на мелкий ремонт, заправку топливом, пополнение боеприпасов, а затем мы начали движение к Суэцкому каналу. В одном месте Эхуд взглянул налево и рассмеялся. Там лежал застрявший в песках развернутый мост, сделанный из скрепленных огромных металлических бочек. По этому мосту израильская армия должна была форсировать Суэцкий канал, но мост так и не добрался до канала по тысяче разных причин, как оно обычно бывает на войне. Во время перестрелки с египтянами вдоль направления «Тиртур» мы видели, как по параллельной дороге проходили самоходные понтоны. Мы молились про себя, чтобы они не пострадали. Время от времени ракеты попадали, иногда – в бронетранспортер, иногда – в грузовик. Однако понтоны не пострадали и добрались до канала.

Район форсирования был знаком мне еще со времени срочной службы, когда мы располагались в центральном секторе Суэцкого канала. Мы хорошо знали этот район, и в том числе опорный пункт под кодовым названием «Мацмед» (Муфта). Вдруг мы увидели перед собой тихие воды канала. На несколько минут все замерло из-за артобстрела. Мы въехали на понтонный мост и пересекли канал. Часть танков переправилась на отдельных

понтонах, потому что мост время от времени рвался. Было странное ощущение. Напряжение после дня боев спало, и вот мы переправляемся через канал. Еще несколько метров – и танковые гусеницы коснутся египетского берега.

Я много раз смотрел в бинокль на египетский берег. Мне вспомнился случай, который произошел со мной во время патрулирования территории вдоль канала в 1971 году. Тогда я был стрелком-наводчиком. Вдруг недалеко от насыпи вдоль канала я почувствовал, что танк приподнялся в воздух и рухнул. Я напрягся и прижался к внутренней стенке башни, чтобы не сломать себе чего-нибудь. Оказалось, что мы наткнулись на мину «сэндвич» – три противотанковые мины советского производства, соединенные друг с другом. Все гусеницы и торсионный вал разорвало. Танк завяз в песке, но все мы остались невредимыми. Я вылез из танка и увидел, что одна из мин не взорвалась. Наклонившись, я с любопытством прочел надписи на русском языке. Двух мин было достаточно, чтобы подорвать танк. Если бы сработала и третья, возможно, мы бы перевернулись. Это был танк командира взвода, и он приказал мне взять башенный пулемет и подняться на насыпь на случай, если египтянам вздумается атаковать нас, несмотря на соглашение о прекращении огня. Я залег на вершине насыпи, наблюдая за египетскими солдатами и офицерами, столпившимися на том берегу – они рассматривали нас и махали руками. Тогда я в первый раз видел египетских солдат и офицеров на расстоянии ста метров. Вчера, в бою, все уже виделось совсем по-другому.

Когда мы ступили на египетскую землю, я спросил Эхуда: «Когда ты был здесь в последний раз?» Немного подумав, он сказал, как всегда, очень спокойно: «Несколько месяцев назад». Как будто речь шла о посещении кино. Я понимал, что Эхуд – командир и боец спецназа Генштаба – знаком с каждым клочком земли на территории соседних стран. Пейзаж был пасторальным. Мы начали движение в сторону «пресноводного канала» и стали готовиться к ночной стоянке. Последовал приказ, который я повторил несколько раз: спать под танками или в танках, но ни в коем случае не на броне и не возле танков. Как только я залез под танк и уже собирался заснуть, на нас вдруг обрушился град снарядов. Это был залп «катюш», который попал прямо по нашей стоянке, и я видел, как снаряды падают один за другим. Когда я утром увидел следы артобстрела, то поблагодарил Бога, что Он сохранил нас в эту ночь под танками. В соседнем полку некоторые солдаты проигнорировали приказ – и не проснулись либо проснулись от ранений.

Мы продолжили наступление. Силы египтян были

малочисленны. Перейдя «пресноводный канал», мы атаковали базу ракет «земля – воздух». Эхуд отдал приказ не стрелять по ракетам. Согласно приказу два танка должны были уничтожить антенну и командный пункт и тем самым нейтрализовать батарею. Однако, когда мы въехали на территорию батареи, один из офицеров не выдержал и в пылу атаки выстрелил в ракету SA-2. Снаряд поджег ракетный двигатель и ракета начала зигзагами, вверх и вниз, летать между танками. В этой ситуации нечего делать и оставалось только молиться, чтобы она не попала в кого-нибудь. Ракета пролетела мимо нас и взорвалась где-то вдалеке, не причинив никому вреда. Эхуд не оставил этот проступок без внимания и после боя «разобрался» с этим офицером.

Мы продолжили двигаться в глубь территории. Эхуд осмотрел линию горизонта в бинокль и обратился ко мне: «Видишь вот ту антенну? Если мы ее собьем, рухнет вся их система противовоздушной обороны». Получив разрешение у командования полка на ее уничтожение, он попросил Моше Сукеника (Иври), командира второй танковой роты, постановить танки на склоне холма под углом кверху и вести стрельбу из танковых пушек навесным огнем на расстояние около шести километров. Обычно танки не стреляют на такое расстояние. После нескольких выстрелов и корректировки огня мы увидели, что антенна падает. С этого момента система ПВО египтян на данном участке фронта практически «ослепла».

Примерно через час появились самолеты наших ВВС: в синем небе над пустыней закружились десятки машин. Ощущение было такое, словно мы, зрители, сидим на танках перед сценой, а над нами проносятся самолеты, некоторые из них падали. Но падали только египетские самолеты. В этой войне вопреки всем планам командования сухопутные бронетанковые войска «развязали» руки нашей авиации, прорвав и подавив часть ракетной системы ПВО египтян. Наши ВВС не смогли справиться с египетской системой противовоздушной обороны своими силами, потеряв слишком много самолетов в вынужденных атаках сухопутных сил египетской армии и наведенных ими переправ через канал из-за того, что высшее командование Армии Израиля не смогло правильно оценить ситуацию в начале войны.

Другой любопытный случай связан с Моше Даяном. Нам сообщили, что Даян прибыл на фронт и находится недалеко от нас. Вдруг появился египетский вертолет, а затем послышался взрыв. Вертолет развернулся и пролетел прямо над нами на очень малой высоте и довольно медленно. Два бронетранспортера возле нас и я со своим пулеметом МАГ открыли огонь по нему. Такое

удивительное ощущение, когда очереди из твоего пулемета трассирующими пулями прошивают корпус вертолета, прямо перед твоими глазами, почти незнакомо танкистам, стреляющим из танковых пушек по целям на гораздо большем расстоянии. Было хорошо видно летчика, и мы продолжали стрелять, пока не изрешетили вертолет, который приземлился в нескольких десятках метров от нас. По приказу Эхуда наш танк, чуть продвинувшись, выпустил снаряд, который разнес вертолет на куски. Как выяснилось, этот вертолет и сбросил бочки с напалмом рядом с тем местом, где находился Моше Даян. Тот чудом не погиб, а пилот вертолета даже не знал и не узнает никогда, кого он бомбил. Через несколько минут на бреющем полете над нами появился египетский бомбардировщик «Сухой», и все опять повторилось. Четыре пулеметные очереди, включая и мою, прошили его. Самолет закачался, наклонился и рухнул на землю недалеко от нас. И снова, на расстоянии около 1500 метров от нас, приземлился другой египетский вертолет. По приказу Эхуда наш стрелок Галили, знакомый мне еще с курса молодого бойца, уничтожил и этот вертолет с первого выстрела. Итогом этого дня боев с египетскими ВВС стали два уничтоженных вертолета и один бомбардировщик. Совсем неплохо, да и батареи ПВО мы разрушили!

Мы продолжали медленно продвигаться в сторону Каира и заняли позиции напротив последних рубежей египетской армии между нами и Каиром. Но тут нами был получен приказ круто повернуть на юг, в сторону холмистой гряды Дженифа и аэропорта Фаид. Нас сменила другая воинская часть. До Каира оставалось чуть более ста километров.

20 октября мы остановились на гряде холмов Дженифа. Нам было приказано очистить район каменоломен и окрестности аэропорта Фаид. К этому дню у нас осталось исправными только 12 из 23 танков. В тот день мы атаковали каменоломни Фаид двенадцатью танками и силами мотопехоты. Несмотря на сообщения командования о том, что египтяне бегут, они отступали, обороняясь довольно упорно. На западном берегу канала, в отличие от восточного берега, военные действия были намного легче. У египтян не было организованной, укрепленной системы обороны, не было крупных соединений, а были отдельные подразделения, численностью до батальона, без поддержки артиллерии и без системы командования и управления. Расчетов противотанковых ракет и организованных противотанковых подразделений мы не встретили. Попадались небольшие противотанковые звенья, вооруженные только РПГ, так что танковые войска чувствовали себя намного увереннее. Но

египетские пехотные подразделения и коммандос, и время от времени танки пытались оказывать серьезное сопротивление. Мы несли потери, и каждый километр давался с боем.

В бою у каменоломен Фаид часть мотопехоты и бронетранспортер командира их роты Дворецкого, двигаясь слева от нас, спустились в овраг под холмистой косой. Мы потеряли их из виду и вдруг услышали сильнейший пулеметный огонь. Были видны следы трассирующих пуль со стороны бронетранспортера и со стороны египтян, но что конкретно происходит, было не ясно. Мы продолжали двигаться вперед и прорвали линии обороны египтян. Бой закончился, и, пока мы закреплялись на новых позициях, наступил вечер. Все это время мы пытались выяснить, что случилось с бронетранспортером, но никто не знал. Бронетранспортер не прибыл на место дислокации и не выходил на связь. Батальон располагался на ночную стоянку, привычно занимаясь техобслуживанием, пополнением топливом и амуницией, эвакуацией раненых. Вдруг ко мне подошел Эхуд и попросил еще несколько гранат. Я закрепил ящик с гранатами на левой части башни и каждое утро наполнял его заново, поскольку к вечеру он пустел. Я не понял, зачем Эхуду нужны гранаты на ночной стоянке. «Я иду искать бронетранспортер, – сказал он тихо и словно предупреждая мой вопрос. – Я иду один. Никто со мной не идет».

Я не раз думал об этом случае. Эхуд поступил совершенно безрассудно. Командир батальона ночью в одиночку отправился на поиски бронетранспортера, который, возможно, был подбит, и его экипажа. Но я его понял. Это было удивительное чувство ответственности за подчиненных. Он счел своей обязанностью разыскать их, вопреки армейской логике. У него была своя логика, логика наивысшей нравственности и человечности. Я по сей день восхищаюсь этим его поступком. Это пример мужества и чести для любого офицера и командира в израильской армии. Я помню его удаляющийся в темноту, с рацией, силуэт. И тут пришло сообщение от разведроты полка, что бронетранспортер был подбит и уничтожен там-то и там-то. Мы тут же вернули Эхуда. Он был притихшим и погрустневшим – как в ту пятницу, когда его друг Ишай Изхар был убит на направлении «Тиртур». В ту ночь, после окончания боя, Эхуд отвел меня в сторону и попросил рассказать во всех подробностях, как погиб Ишай. Несколько раз он спрашивал меня, запомнил ли я то место, где мы оставили его тело. На следующий день, когда силы ЦАХАЛа захватили этот участок, он лично удостоверился, что тело Ишая нашли и вывезли с поля боя. После войны я навещал все семьи погибших нашего батальона и передал каждой карту с точными

координатами места гибели их близких. Эхуд предупредил меня: «К семье Ишая поеду я, и я поеду один. Это сделать обязан я».

Наступило 22 октября. Мы расположились недалеко от Большого Горького озера, развернувшись на юг, по направлению к шоссе Суэц – Каир. Незадолго до того, в одном и боев на холмах Дженифа я смог оценить эффективность воздушной атаки. Мы поднялись на один из холмов, и вдруг я увидел египетскую батарею: четыре орудия – кажется, D-30 советского производства. Они были на расстоянии примерно двух с половиной километров. Классическая артиллерийская батарея, расположенная идеально, как по учебнику. Эхуд велел остановиться и ждать. Я спросил его, почему бы нам не уничтожить эту батарею. Это работа на несколько минут для танкового взвода. Эхуд сказал, что, согласно полученному приказу, это работа авиации. Я вылез из танка, который стоял на другой стороне склона, и поднялся на холм с биноклем, чтобы полюбоваться представлением. Появилась четверка «Скайхоков». Они спикировали на цель – и промахнулись. Через полчаса опять появилась четверка, спикировала и промахнулась. При каждой бомбардировке египтяне укрывались в окопах, а затем вылезали и снова продолжали стрельбу. «Скайхоки» атаковали батарею несколько раз в течение почти двух часов, но так и не попали в нее. Наконец приехал грузовик, и египтяне влезли на него и уехали, бросив батарею целой и невредимой вместе с боеприпасами, аккуратно сложенными позади пушек. Тогда я понял, что авиация – это хорошая вещь, но не везде и не всегда. В данном случае для уничтожения батареи хватило бы нескольких выстрелов из двух-трех танков.

Мне в память врезался еще один случай, который произошел на одном из холмов Дженифы. Во время атаки я заметил, как один из танков слева забирается на гряду и занимает позицию под запрещенным углом, так что даже днище корпуса танка оказалось открытым для обстрела. И в самом деле, через несколько секунд танк подбили, и из него повалил черно-серый дым. Мы стали считать танкистов, которые выбирались наружу: первый, второй, третий, четвертый. Позади, на расстоянии в несколько десятков метров, располагались санитары, которые оказали им помощь. Двигатель подбитого танка продолжал работать, и я подумал, что, может быть, можно его потушить и вывезти оттуда. Потом я отказался от этой безумной мысли, но тут Эхуд сказал мне: «Иди потуши танк». Без лишних слов я выпрыгнул наружу и попросил у Эхуда огнетушитель, потому что не был уверен в том, что огнетушители в горящем танке не повреждены. Он протянул мне огнетушитель, и я побежал к

подбитой машине. По дороге я надеялся, что танк взорвется, прежде чем я успею до него добраться, ведь это моя единственная возможность остаться в живых. Но он не взорвался. Я обогнул его сзади, и все это время двигатель продолжал работать, а из башни валил дым. Я решил залезть сбоку. Танкист никогда не залезает на танк сбоку, только спереди. Однако передняя часть танка была обращена в сторону египтян. Я прижался к корпусу и влез наверх, опасаясь, что в любую секунду произойдет взрыв. Прижимаясь к корпусу башни, чтобы египтяне меня не заметили, я немного приподнялся и заглянул в башню. Огонь полыхал на снарядах и приборах, и я почувствовал, как мое лицо обдало жаром. Я просунул огнетушитель внутрь и направил струю на горящие снаряды. В течение всего этого времени краем глаза я наблюдал за египетскими позициями. Я увидел противотанковую позицию в составе одной или двух противотанковых пушек. Египтяне стояли возле орудий и смотрели на горящий танк. Я не понимал, почему они не стреляют. Ведь когда стреляют из танка или по танку, после первого попадания делают контрольный выстрел, чтобы гарантировать уничтожение цели.

Тем временем я скатился внутрь, в горящую башню и опустошил еще один огнетушитель, который нашел в танке. Только тогда огонь погас. У меня мелькнула мысль: если гидравлическая система повреждена, я могу сделать наводку и выстрелить вручную. Но я сразу понял: танк был в позиции, которая не позволяла опустить орудие достаточно низко. Египтяне были расположены слишком низко, а позиция танка слишком высоко. Маневрировать подбитым танком и вести из него стрельбу в одиночку было невозможно, и я отказался от идеи уничтожить противотанковый расчет. Пролезть в кабину водителя из башни тоже было невозможно. У меня не осталось другого выхода, кроме как вылезти из башни и забраться в кабину водителя прямо на глазах у египтян. Скатившись с башни, я влез в кабину водителя, в любой момент готовый к тому, что египтяне опомнятся и все-таки выстрелят. Усевшись на место водителя, я за долю секунды отпустил тормоза, перевел передачу на задний ход и нажал на газ. Танк рванулся назад с бешеной скоростью. Я пытался управлять им по памяти, поскольку не видел, куда еду, но знал, что сзади стоят танки и работают санитары. Все-таки мне удалось прикинуть расстояние и направление. Я спустился с холма примерно на двадцать метров и остановил танк. После этого я заглушил двигатель и выпрыгнул из танка, вздохнув с облегчением. На этот раз все обошлось. Не думаю, что стоило так рисковать, но приказ есть приказ, даже если я с ним не согласен. Все это произошло намного быстрее, чем время, которое занимает

рассказ об этом.

Я подошел к раненым танкистам. Мы все были знакомы еще по курсам командиров танков и по курсам танкистов. Взглянув на них, я с раздражением обратился к одному из них: «Твое счастье, что ты ранен, иначе я бы тебе врезал!» Тот удивился: «За что?» Я отругал его: «По радиосвязи был передан приказ: застегнуть рукава. Перед атакой повторяли! А теперь посмотри на себя, что у тебя с руками?» Попадание было в гидравлическую систему танка, и гидравлическое масло сразу вспыхнуло. В результате его неприкрытые руки обгорели: они были серыми, кожа была разорвана в клочья. Я пожелал ему выздоровления и побежал к своему танку. Эхуд встретил меня с улыбкой: «Ты чуть всех не передавил!» Так закончился еще один день боев на холмах Дженифа.

22 октября мы уже знали, что скоро должно вступить в силу соглашение о прекращении огня. К вечеру мы получили приказ двигаться по направлению к крупной египетской базе. Мы въехали на базу около шести вечера, когда перемирие уже вступило в силу, и заметили возле забора двух египетских коммандос. Эхуд приказал прекратить огонь и сказал мне: «Иди скажи им, чтобы уходили. Началось перемирие». Я оставил «Узи» в танке и пошел к египтянам безоружным. Они смотрели на меня, я смотрел на них. Два офицера-коммандос были моими ровесниками, и даже комплекция была у нас схожая. Они стояли на расстоянии одного метра от меня, пальцы на курке. В первый раз я видел врага так близко. Я сказал им по-арабски, чтобы они уходили, и перешел на английский. Они понимали английский язык, и я объяснил им, что началось перемирие и что, если они уйдут, мы не будем в них стрелять, потому что боевые действия закончены. Они улыбнулись, но в этот момент появился на танке тот самый офицер, который поджег ракету на базе ПВО. Он задержался при нашем входе на египетскую базу и, прибыв с небольшим опозданием, не стал разбираться, что к чему, а просто выпустил пулеметную очередь в нашу сторону. Египтяне напряглись. Я следил за их пальцами на курках автоматов Калашникова. Ведь у меня оружия не было. Однако стрельба из танка прекратилась, египтяне улыбнулись, отдали честь и ушли. Я козырнул им в ответ, вздохнул с облегчением и вернулся в танк.

Официально перемирие вступило в силу 22-го числа в шесть вечера. Однако, кроме объявления о прекращении огня, других перемен заметно не было. Мы стали готовиться к ночной стоянке. Тогда нам в первый раз пришлось заниматься большим количеством пленных, на которых мы постоянно натыкались. Мы

старались отделаться от них как можно быстрее и отправляли их в лагерь для военнопленных, кроме тех, кому нужна была медицинская помощь. Этих мы направляли в санчасть полка, и там наши врачи и медработники занимались ими. После получения первой медицинской помощи их тоже отправляли в лагерь военнопленных.

На следующий день мы оставались на том же месте до двух часов пополудни. В два часа мы получили приказ двигаться на юг, чтобы перерезать шоссе Суэц – Каир и завершить окружение Третьей армии. Командир полка попросил Эхуда, чтобы наш батальон был ведущим полка, а тем самым и всей дивизии. Ведь Эхуд был знаком с местностью лучше всех. Началась классическая атака танковой дивизии: более ста танков мчатся на предельной скорости, пересекая местность, а над нами на небольшой высоте пролетали наши самолеты, атакуя позиции перед нами, и их бомбы разрывались совсем близко, но, к счастью, нас не задело. Египетские части рассеялись, разбегаясь кто куда: солдаты бросали грузовики, танки и бронетранспортеры. Ничто не может сравниться по красоте и мощи с атакой бронетанковой дивизии. В этот момент я испытывал тот же подъем и восторг, как в тот день, когда я получил разрешение на выезд из Советского Союза. Я был горд, что это – моя армия, армия моей страны, и что мы побеждаем в этой проклятой войне, и что в этой победе есть и моя заслуга. Мы приближались к шоссе Каир – Суэц, и я мог различить в бинокль машины, едущие по шоссе. Кто-то успел проехать, а кто-то нет. Я вспомнил роман Константина Симонова «Живые и мертвые», где описывался бой с отступлением Красной армии в 1941 году. Там был мост, через который некоторые успели перейти, а некоторые нет. Симонов писал, что этот мост, по сути, поделил людей на живых и мертвых. Те, кто успел перейти мост, еще не знали, что останутся в живых. А те, кто не успел, еще не сознавали, что уже практически мертвы. Я подумал: пассажиры машин еще не знают о том, что ближайшие минуты определят, кто из них уже мертв, а кто останется жить.

Мы заняли позиции вдоль шоссе Суэц – Каир, а перед нами, восточнее и левее, был Суэцкий канал. Шоссе, ведущее на запад в Каир, уже было пустым. Еще до войны, по данным разведки, я был довольно хорошо знаком с египетской армией и системой обороны Египта и знал, что между нами и Каиром осталась только одна египетская часть, танковая школа численностью в полк в предместьях города, бойцы которой еще не участвовали в боевых действиях. Только этот танковый полк стоял между тремя израильскими бронетанковыми дивизиями и столицей Египта, Каиром. С военной точки зрения атакой бронетанковых дивизий

можно было за несколько часов овладеть этим пространством. Мы получили приказ: двигаться на юг и окружить Суэц, а уже через два часа мы заняли позиции в трех километрах юго-западнее порта. Так было завершено окружение Третьей армии. Еще через два часа, ночью, по шоссе мимо нас, дальше на юг, промчался полк Арье Керена – на полной скорости и с включенными фарами, по направлению к порту Адабия. Мы не знали, что происходит на участке Второй египетской армии, но, по крайней мере, на нашем участке фронта задача, поставленная перед нами приказом от 14 октября, была выполнена.

Ночью мы столкнулись с проблемой сотен пленных, в основном солдат штабов и тыловых частей, реже – офицеров. Почти все боевые части египтян были на восточном берегу канала. Мы не знали, что делать с пленными, и сказали им идти в сторону Каира, но они отказывались. Разоружив их, мы собрали их в стороне, дали им поужинать и велели идти спать. Ночь была холодная. Мы раздали им одеяла и еду. Утром я не поверил своим глазам. Вокруг танков и бронетранспортеров основным цветом был светло-желтый, цвет военной формы египетской армии. Их было не меньше, чем солдат нашего батальона, и со стороны казалось, что на стоянке царит полная идиллия. Пленные египтяне и израильские экипажи танков и бронетранспортеров вместе готовили завтрак: вскрывали консервы, разводили огонь, и завтрак превратился в совместную трапезу. Египтяне даже вызвались помочь в раздаче еды и мытье посуды.

Эхуд вернулся с заседания штаба полка и сказал: «Входим в Суэц». «Какой идиот отдал этот приказ?» – выпалил я. Эхуд ответил кратко: «Это приказ. Входим». Наш батальон был ведущим при входе в город. Пленных мы оставили на месте ночной стоянки, выдали им паек и одеяла, сказав, что кто хочет, может идти в сторону Каира. Когда мы вернулись вечером, после дневного боя, египетские солдаты сидели и ждали нас. Они даже предложили нам помощь в обслуживании танков и бронетранспортеров, а также в приготовлении ужина. Понадобилось некоторое время, чтобы все-таки от них избавиться и передать в ведение тех, кто занимался пленными. Однако первые сутки возле Суэца были сюрреалистичными.

Перед входом в Суэц мной овладел страх, подобного которому я не испытывал за всю войну. В бою я не чувствовал страха. Во время выполнения боевой задачи ты сосредоточен на цели и действуешь почти механически. И даже в те минуты, когда я видел смерть перед глазами, страха не было. Страх приходит ночью, после того как танки уже остановились и двигатели

заглушены. Когда все дела в батальоне переделаны, все приготовления закончены, отданы все приказы и машины отлажены и осталось немного времени отдохнуть и поспать. Вот тогда вдруг охватывает страх. Только тогда вспоминаешь прошедший день и моменты, когда смерть прошла совсем близко и ты почувствовал ее леденящее дыхание. Когда вспоминаешь лица погибших товарищей в последние встречи с ними – за несколько минут или часов до их смерти. И как это часто бывает в танке, ты слышишь по радиосвязи донесения и за кодовыми названиями видишь этих людей живыми, вспоминаешь, как несколько минут, часов или месяцев назад ты говорил с ними, и вот тогда становится по-настоящему страшно.

Утром, когда просыпаешься, опять тобой овладевает жуткое чувство страха. Первая мысль: неужели это последний день моей жизни; где я буду вечером – среди живых или среди мертвых; доведется ли мне увидеть хотя бы еще одно утро. Инстинктивно ты бросаешь взгляд на свои руки и ноги, а в голове мелькает мысль: будут ли они при тебе вечером? У танкистов страх и напряжение проходят вместе с командой «Запускай двигатели!» И в ту же секунду страх исчезает. Звучит команда: «Двигаться вперед!» И ты чувствуешь, как эта огромная машина, стальной зверь, двинулась, подрагивая, и ты – часть этого железного механизма. Ты думаешь и действуешь в соответствии с опытом и знаниями, полученными во время армейской службы. Нет ни страха, ни жалости. Нет никаких чувств. Только иногда ярость и злость. Когда ты видишь, как пал твой товарищ, тебя охватывает животная ярость и жажда мести. Такое чувство было у меня, когда Ишай умер у меня на руках. Я схватился за пулемет и расстрелял три или четыре ленты, ничего не чувствуя. МАГ стреляет гораздо лучше, чем пулемет 0.3, и, когда я видел, как вражеские солдаты падают от моих пуль, я не чувствовал ничего, кроме гнева и примитивной, животной жажды мести.

Во время боев на восточном берегу канала под противотанковым огнем противника и ПТУРСами над нашими головами мы практически не испытывали страха, а скорее напряжение, ожидание, готовность правильно отреагировать в нужный момент. На Западном берегу канала сопротивление было слабым: ни ПТУРСов, ни серьезного противотанкового огня. Основная угроза исходила от РПГ, да и то в основном вблизи Суэцкого канала, где была густая растительность. Мы старались держаться от таких мест подальше или вызывали пехоту, чтобы прочесать местность рядом с нами. Радиус действия РПГ до 200–300 метров, и мы не чувствовали такой опасности, как на Восточном берегу канала. Однако, когда мы вошли в Суэц, я

почувствовал напряжение, азарт и физическое ощущение опасности, как во время боя на направлении «Тиртур».

Длинная цепочка танков, похожая на змею, медленно ползла по узкой улице Суэца. Слева были жилые здания, справа – длинный забор нефтеперегонного завода. Мы были напряжены и насторожены. Когда я пытался выяснить в разведотделе полка, какие войска есть у египтян в городе, там точного ответа не дали, но предполагали, что нам противостоит небольшое количество солдат из распавшихся армейских частей, возможно, несколько коммандос, но серьезного сопротивления не предвидится. Медленно мы продвинулись до центральной площади. На протяжении всего пути пейзаж оставался неизменным: с одной стороны одноэтажные и двухэтажные дома, с другой стороны – полупустые заводские территории. По ходу нашего движения танковые пушки и пулеметы были все время направлены в сторону домов – от окна к окну, от двери к двери. Однако после площади начинались узкие улицы с более высокими домами, в пять, шесть или семь этажей. Въезжать туда на танках было бы самоубийством, потому что у танков нет никакой возможности обороняться на таких улицах. Невозможно стрелять вверх ни из орудий, ни из пулеметов, а сверху с тобой могут сделать все, что хотят. Мы получили приказ остановиться и стали на площади. Египтян почти не было видно, только иногда в конце улицы промелькнет тень и исчезнет. В воздухе чувствовалось огромное напряжение.

Выполняя приказ, мы стояли на площади, а мимо нас проехал танковый батальон Нахума Закена из соседнего полка и свернул на узкую улицу, вдоль которой с двух сторон стояли пятиэтажные дома. Вскоре послышались пулеметные очереди, взрывы гранат, а по связи мы слышали крики и призывы о помощи. Настроившись на частоту батальона, мы слышали приказы и донесения о погибших. После того как ситуация немного успокоилась, мы продвинулись на нашем танке по улице до танка Закена. Он выглядел бледным, измученным и подавленным и смотрел на Эхуда и на меня взглядом, полным боли и замешательства. Нахум Закен был заместителем командира 79-го батальона, когда Эхуд был там командиром роты, а я проходил подготовку танковых экипажей. Задыхаясь от слез, Закен выговорил: «Что они сделали! Они перебили всех командиров танков. Они стреляли сверху и забрасывали нас гранатами. Все, кто возвышался над башней, погибли».

Позже батальон Закена был выведен с этой улицы. Мы увидели наших десантников, входящих в Суэц. В конце дня мы получили приказ покинуть город и расположиться на ночную

стоянку за его пределами. Той же дорогой мы вернулись к месту нашей стоянки. Мы были напряжены, устали, но были довольны, что остались в живых. Я так и не понял смысла проделанного за этот день – вошли в город, постреляли тут и там и вышли. А завтра, если получим приказ, придется делать то же самое опять? Зачем? Для чего?

И действительно, на следующий день все повторилось. Мы снова дошли до городской площади. На этот раз дальше в город продвинулись десантники. Полугусеничные бронетранспортеры с десантниками проехали мимо нас, десантники помахали нам руками и скрылись на узких улицах Суэца. Через полчаса послышались звуки страшной перестрелки и грохот многочисленных взрывов, но все происходило на отдаленных от нас улицах, и мы ничего не видели. И вдруг воцарилась мертвая тишина. Вскоре появились бронетранспортеры, несущиеся назад на огромной скорости. Когда они проезжали мимо нас, мы были поражены. В каждом из них одна и та же жуткая картина: водитель жмет на газ, а за ним все залито кровью, фрагменты тел, живые солдаты, мертвые, раненые… Это была настоящая бойня. Полугусеничные бронетранспортеры открыты сверху, и египтяне просто бросали гранаты внутрь или вели прицельный огонь из автоматов и пулеметов с верхних этажей зданий. В бою за Суэц погибло более семидесяти бойцов. Я не знаю, зачем нужно было вводить войска в город, который и так был окружен. Мы так и не захватили Суэц. И не продвинулись, по крайней мере на нашем участке, дальше той площади, к которой мы вышли. Только после того, как вновь вступило в действие новое соглашение о прекращении огня, выяснилось, что город был полон коммандос. И тогда мы увидели их. Десятки офицеров и сотни солдат в нескольких метрах от наших танков. И каждый из них вооружен «Калашниковым» против «Узи» и карабинов израильской армии.

На вторые сутки боев за Суэц мы расположились на ночную стоянку в черте города. Нашли место возле стадиона, хорошо защищенное со всех сторон. Тем не менее, мы опасались спать, потому что по всему городу сновали египетские коммандос. Для них не было проблемой подобраться в темноте к танкам, потому что, в отличие от нас, у египтян не было недостатка в приборах ночного видения. У нас даже биноклей не было в нужном количестве, а о приборах ночного видения мы и не мечтали. Наутро мы опять вернулись на позиции возле площади. Помню противотанковые расчеты с РПГ в подъездах домов, в 20 метрах от нас. Пушка нашего танка была постоянно направлена на подъезд. Когда египетский солдат занял боевую позицию, направляя РПГ на наш танк, Эхуд отдал приказ открыть огонь.

Тогда я в первый раз увидел, что происходит с человеком, в которого попадает танковый снаряд. Расстояние было совсем небольшим, и можно было видеть этот ужас во всех деталях.

Сразу после наступления перемирия Эхуд попросил меня пойти на нефтеперегонный завод и заняться мирными жителями, которые скрывались там во время боев. Я увидел около сотни напуганных людей: мужчин, женщин и немного детей. Я выбрал нескольких из них, имевших наиболее авторитетный вид, и попросил их помочь мне подготовить людей к эвакуации. В сопровождении двух наших солдат я повел их к блокпосту на той площади, вокруг которой мы крутились все эти дни. С египетской стороны стояли офицеры египетских коммандос. Я подозвал одного из них и сказал ему по-английски: «Это ваши люди. Мы передаем их на вашу сторону, забирайте их». Египтянин попытался спорить, но я сказал, что тема не обсуждается. Я приказал нашим солдатам отойти в сторону и сказал мирным жителям: «Проходите, теперь ваши солдаты будут о вас заботиться». Я не видел радости ни у египетских военных, ни у гражданских лиц. И те и другие выглядели усталыми и изможденными. У большинства мирных жителей на лицах были апатия, покорность судьбе, смешанная со страхом перед военными как израильскими, так и египетскими. Глядя на них, я испытал чувство стыда и внутренней злости. Насмерть перепуганные мирные жители, не смеющие поднять глаза, дрожащие женщины и девочки. Мысли о маме, жене, сестре в этот момент сводили меня с ума. Все внутри меня возмутилось от сознания того, что я, с оружием в руках, веду этих людей по их городу и они уверены, что их жизни в моих руках. Мне совсем не хотелось быть в этой роли. Никогда и ни с кем я не говорил об этом, но это тяжелое чувство я не забуду никогда.

Так для меня закончилась война – 25 октября, через три дня после того, как было объявлено о прекращении огня, которого никто ни из командования и ни из политического руководства не собирался соблюдать. Только я никак не мог объяснить семьям погибших в Суэце солдат нашего батальона, когда я навестил их после войны, во имя чего пали их близкие уже после объявления о прекращении военных действий.

На следующее утро я решил побриться. За время войны я ни разу не брился. И вот теперь я устроил себе некое подобие бани, с холодной водой из канистры, смывая с себя всю грязь и пот, скопившиеся за дни боев. Комбинезон с лейтенантскими погонами, в котором я воевал все это время, я сложил и надел чистый комбинезон с новыми погонами. Грязный комбинезон был весь коричневого цвета от запекшейся крови погибшего Ишая

Изхара. В первые два дня люди шарахались от меня, думая, что это моя кровь. Мои погоны с пятнами крови Ишая я забрал с собой на память. Раны войны не смываются, только рубцуются. Чувства, которые вызвала война, не исчезают со временем. Они продолжают жить во мне и даже усиливаются с годами.

19

Когда мы закончили мыться и сменили одежду, неожиданно появился полугусеничный бронетранспортер с антеннами телефонной связи. Бронетранспортер остановился возле нас, и сидевшие в нем солдаты сказали нам, что им приказано обеспечить нашей части возможность позвонить родным. В 70-х годах не было мобильной связи, да и стационарные телефоны были не в каждом доме. Было полвосьмого утра, и я решил подождать до девяти, чтобы застать жену на работе, поскольку у нас телефона не было. В девять ноль пять я подошел к телефону и позвонил ей в министерство. Жена подняла трубку, и я сказал: «Доброе утро». На другом конце линии воцарилась тишина, и через несколько секунд она спросила дрожащим голосом, откуда я говорю. Я сказал ей по-русски, что издалека, с Красного моря. Она спросила, и в ее голосе слышались страх, надежда и забота: «Ты ранен?» «Нет», – ответил я, и Эдит недоверчиво продолжила: «Почему тебя так хорошо слышно? Ты точно не в одном из госпиталей неподалеку?» Я пытался убедить ее, что все в порядке, я не ранен и нахожусь далеко от нее, в расположении своей части. Она не очень поверила мне, но, по крайней мере, убедилась в том, что я жив.

Это была также и ее война, и всех тех, кто ждал нас дома. Война, о которой мы, фронтовики, не имели представления. Моя жена, молодая женщина, единственная дочь из семьи евреев, приехавших из Черновцов летом 1969 года, даже не представляла себе, столкнувшись со мной в Технионе, за какого типа она впоследствии выйдет замуж и какие проблемы и переживания принесет ее совместная жизнь со мной. Когда мы говорили о женитьбе, я сказал ей, что, если она выйдет за меня замуж, я могу ей гарантировать две вещи: что ее жизнь со мной будет намного тяжелее, чем она может себе представить, но вместе с тем она будет интереснее, чем любая фантазия. И она пошла за мной с закрытыми глазами. Она не ожидала таких трудностей, да, в сущности, никто не мог и предполагать, что они будут такими. Но эта молодая девушка всегда была мне преданным другом и подспорьем, особенно во время войны.

В начале войны, за несколько минут до начала движения в сторону Синая, я позвонил ей и сказал, что все в порядке и она может в любое время связаться со Штабом танковых войск. Я объяснил ей, что если нас не смогут соединить, то можно оставить мне сообщение в штабе. Я дал ей номер телефона оперативного отдела Штаба бронетанковых войск,

предварительно попросив сказать Эдит, что я где-то рядом, но сейчас очень занят, но сообщить ей, что со мной все в порядке и я передаю ей привет. И ни в коем случае не проговориться, что я уехал на Синай. Три дня все шло как по маслу. На третий день одна из солдаток забыла прикрыть трубку рукой, и моя жена услышала, как она говорит с подружками: «Это опять жена Яши. Что ей сказать? Он вообще жив? Где он находится?» Моя жена поняла, что все разговоры за последние дни – это просто попытка ее успокоить. Она положила трубку и больше не звонила.

Как обычно бывает, по Израилю ползли многочисленные слухи, которые доходили и до нее. Говорили, что я попал в плен – то ли к египтянам, то ли к сирийцам. Но она старалась держать себя в руках и продолжала обычную жизнь, насколько это возможно для женщины, живущей в постоянном страхе за мужа. Она использовала связи и позвонила Лили, жене Арика Шарона. Мы были знакомы: они были на нашей свадьбе, а мы не раз бывали у них дома. Эдит попросила у Лили, если возможно, выяснить у Арика, что со мной и где я нахожусь. На следующий день Лили перезвонила ей и сообщила, что я на Южном фронте, но не в дивизии Арика, а в дивизии Брена, и что вчера я был жив и здоров. С одной стороны, это успокоило ее, с другой стороны, напугало. Одна из коллег моей жены рассказала ей про своего парня, который был ранен и утверждал, что видел меня. Жена спросила, в какой больнице лежит этот парень, и оказалось, что он в армейском отделении больницы «Ихилев», в Тель-Авиве. Она поехала туда, но ее не пустили внутрь. Тогда она вернулась на работу (она работала в Министерстве обороны) и поменялась одеждой с одной из девушек-солдаток и в таком виде проникла в госпиталь. Она нашла этого раненого солдата, и он рассказал ей, что в последний раз видел меня около недели назад, после чего наш батальон ушел в бой.

С тех пор жена ничего не знала о моей судьбе, пока я не позвонил из Суэца. В тот же день около полудня нам сообщили, что можно выехать в отпуск на 24 часа, в первую очередь женатым и имеющим детей. Так что и мне полагался отпуск. Я поехал в Фаид, аэропорт уже работал. Там было настоящее столпотворение, и я с трудом смог вскочить на борт последнего отправляющегося военно-транспортного самолета «Геркулес». Из-за опасения ракет «земля – воздух» мы пролетели на высоте нескольких метров над Большим Горьким озером. Над Синаем самолет набрал уже нормальную высоту и через полчаса приземлился в аэропорту Лод. Я довольно быстро, на попутных, добрался до правительственного квартала Тель-Авива, где находилось Министерство обороны. Охрана знала меня,

поскольку я не раз приходил к жене на работу, но они попросили меня оставить оружие. У меня был «Узи» и трофейный пистолет, который я взял у одного из пленных. «Хилуан» – неплохой пистолет египетского производства. Я отказался оставить оружие и стал ждать Эдит у входа. Я заметил ее издалека: она вышла из здания министерства в сопровождении офицера безопасности. Он не знал, кто пришел к ней, ведь ему доложили лишь, что к моей жене пришел офицер с оружием. Опасаясь недобрых вестей, он решил быть с ней рядом в этот момент. Когда он увидел меня, то успокоился, помахал мне рукой и ушел.

Так мы встретились, а потом поехали к моим родителям, которые жили в Центре абсорбции новоприбывших в Хайфе. Я успел повидаться с братом и сестрой, им тоже пришлось нелегко во время войны. Мои родные тяжело переживали это испытание. Мама вспоминала все ужасы той войны, которые ей довелось пережить, своего брата-танкиста, который был смертельно ранен и которого она успела навестить в госпитале перед смертью. Папа тоже вспомнил войну: своего отца – моего дедушку, как они случайно встретились во время войны, два солдата в двух встречных эшелонах. Это был последний раз, когда он видел своего отца, погибшего несколько месяцев спустя.

Назавтра я вернулся в свой батальон, который был уже передислоцирован из Суэца. В ту ночь, когда я получил отпуск, был получен приказ перейти на восточный берег канала и занять позиции напротив Третьей армии на случай, если поступит приказ об ее уничтожении.

Через несколько дней после окончания боев Эхуд спросил меня, хорошо ли я помню бой на направлении «Тиртур». Я ответил утвердительно. Из танка командира батальона отлично видно поле боя, благодаря чему намного лучше понимаешь все происходящее. «Приехали люди из службы опознания погибших. Они хотят разыскать трупы погибших танкистов и попытаться их опознать. Поезжай с ними – покажешь им, где были подбиты танки, и поможешь им», – сказал Эхуд. В том бою у нас подбили почти треть танков, а значительная часть офицеров, участвовавших в этом бою, погибли или были ранены в последующих боях. Я даже не представлял себе, что меня ожидает. На месте выяснилось, что из танка поле боя выглядит иначе, чем из армейского джипа. Я покрутился между подбитыми танками и опознал три наши машины, остальные мы смогли эвакуировать во время боя. Тут мы столкнулись с неожиданной проблемой. Я должен был вспомнить, где чей танк. Одни сгорели, другие взорвались, и из-за огня не осталось и следа от написанных номеров. Увидев взорванную машину, я вспомнил,

как влез внутрь горящего танка и потушил его. В голову пришло: «Посмотри, что тебя ожидало, и как тебе повезло». Мне и в самом деле повезло, и после войны я живу с ощущением, что судьба подарила мне остаток жизни, как бы в долг. Каждая минута, каждый день, каждый год – это своего рода подарок. Я начал относиться к жизни по-другому, с благодарностью судьбе за каждый день своей жизни, ведь я получил то, чего не досталось моим погибшим товарищам.

Осматривая танки, я испытал одно из самых сильных потрясений в жизни. Я забрался в сожженный танк, рассматривая множество обгоревших вещей. Я помню, как мне на глаза попался желтоватый комок, который напоминал бесформенный кусок пластилина. Я отодвинул его. Солдат из службы опознания посмотрел на меня странным взглядом и сказал: «Осторожнее. То, что у тебя в руках, – это человек». Все, что остается от сгоревшего танкиста, – это желтоватый комок, похожий на застывший пластилин, весом в килограмм-полтора. Он спросил меня, помню ли я, кто был на этом месте. Проблемой нашего батальона было то, что он формировался из солдат и офицеров, большинство из которых вернулись в Израиль из-за границы с началом войны, и они были распределены по танковым экипажам в последнюю минуту. Без точных списков и последующих записей об изменениях в составах экипажей, когда в сгоревшем танке находишь несколько кусков того, что было человеком, трудно опознать кого-либо. Я всеми силами старался вспомнить, чей это был танк, кто был его командиром, кого из членов экипажа я помню. Это жуткое ощущение, когда приходится соскребать шпателем своих товарищей со стен или пола сгоревшего танка, я не забыл и никогда не забуду. Оно и определило навсегда мое отношение к войне.

Мы вылезали из танков с пластиковыми мешочками с останками, в которые были вложены наши записи с подробностями о погибших. Иногда мы находили целые или поврежденные солдатские жетоны и другие предметы, которые могли принадлежать людям, которые погибли в этих машинах. Возвращаясь к джипу, я обратил внимание на колючую проволоку, огораживающую место с красными треугольниками с надписью: «Осторожно! Минное поле». Я улыбнулся про себя: на минах я уже подрывался, а на этом месте смерть от меня однажды уже отказалась.

Как бы ни был тяжел для меня этот эпизод войны, оказалось, что судьба приготовила мне еще более трудное испытание. У меня возникла идея вручить каждой семье погибших карту с указанием места, где погибли их близкие, добавить несколько

слов об обстоятельствах гибели и соболезнование от батальона. Получив разрешение на использование военных карт, я приготовил памятный комплект для каждой семьи. Я навестил семьи всех погибших, кроме семьи Ишая Изхара, – к ним, как я уже писал, Эхуд поехал сам, – и это было намного тяжелее, чем все, что я пережил за время боев.

Самым тяжелым и запоминающимся оказался визит к родителям врача нашего батальона, доктора Одеда Бен-Дрора. Мы не были знакомы лично, и я лишь раз видел его мельком во время формирования. Он погиб в первом бою, на направлении «Тиртур», при артобстреле, занимаясь ранеными. Вместе с ним погибли и два санитара. Я приехал к его родителям, которые жили в маленькой квартире. Кажется, это был Рамат-Ган или Гиватаим. Меня встретили два человека, выглядевшие очень постаревшими и притихшими. На комоде стояли фотографии Одеда. Я присел, и мы стали беседовать. Его родители оказались родом из Польши, они выжили в Освенциме и встретились уже после войны. Они вышли из ада замученные, раздавленные, разбитые, вышли для того, чтобы начать новую жизнь, создать семью в новом, своем государстве. У них родился единственный сын. Он окончил медицинский факультет прямо перед войной и начал работать детским врачом в больнице Тель А-Шомер. Сын-врач – это мечта любой еврейской матери, и вот теперь его нет. Злая судьба, поглумившаяся над ними во время Катастрофы, предоставила им передышку почти в тридцать лет, а затем нанесла окончательный удар, лишив их смысла и цели жизни. Я смотрел на этих двоих людей с потухшим взглядом, у которых не осталось сил жить дальше. Не для кого и не для чего. Нет надежды, только огромная, ни на секунду не прекращающаяся боль. И я чувствовал то же самое, что и во время посещения других семей, только на этот раз еще сильнее: я чувствовал стыд оттого, что остался в живых. У Твардовского есть замечательное стихотворение на эту тему:

Конечно, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они, кто старше, кто моложе,
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь,
Речь не о том, но все же, все же,

все же…

Родители хотели услышать мельчайшие подробности о том, как погиб их сын и как он вел себя в последние минуты. Я рассказывал им все, что знал, но не всегда правду. Ведь я не мог сказать, что их сын погиб от случайного израильского снаряда, а были и такие случаи. Почти всем я говорил, что смерть была легкой, что сын вел себя героически, как и подобает солдату. Не знаю, верили ли они мне или нет, но, надеюсь, им становилось хоть немного легче. И я различал в их глазах вопрос, которого они, возможно, сами не осознавали и не задали бы никогда в жизни: «Почему он, а не ты? Как же так, в одном и том же бою один погибает, а другой остается жить?» У меня нет ответа. Только чувство вины за то, что я остался в живых.

20

Из войны я вышел другим человеком. Прошлое не оставляет меня: я помню почти каждый бой и каждый эпизод. И в армии, и впоследствии, когда начал работать в системе спецслужб, я снова и снова анализировал все, что произошло. Каждый раз пытаясь заново осмыслить все пережитое, но на базе нового опыта и знаний, которые я приобретал. В особенности в Колледже национальной безопасности, как во время обучения, так и по окончании. И во время Первой Ливанской войны, и во время Второй, самой жалкой и неудачной.

Анализируя войну Судного дня, я пришел к некоторым тяжелым заключениям. Я приучен постоянно приходить к выводам, иногда к самым тяжелым и неприятным, никогда не пытаясь уйти от них. Нет ничего хуже, чем самообман, – это прямой путь к неудаче. Правда начинается с того, что человек отказывается врать самому себе, и я решил ради себя самого себя никогда не обманывать. Это принцип, который я отточил с годами, сопровождает меня всю жизнь. Оценивая войну Судного дня, я не раз спрашивал себя: насколько эта война была необходима? Можно ли было ее предотвратить? 2800 погибших – это было неотвратимо? Комиссия Агранат не занималась этим, да и израильское общество старалось не углубляться в этот вопрос. Предотвращение войн – не самая сильная наша сторона, Израилю не удалось избежать ни одной излишней, ненужной войны. Хотя, казалось бы, наше государство пресытилось войнами и должно было извлечь уроки из прошлого. Кроме Войны за независимость, все остальные войны Израиля можно и нужно было предотвратить. Наше общество в большинстве своем ведет себя как стадо, подогреваемое и ведомое истерическими воплями, призывающими к войне, не понимая и даже не пытаясь понять, что происходит. И лишь когда горечь поражений и боль потерь возвращают нас к действительности, мы начинаем кое-что осмысливать. Тогда мы вдруг неожиданно осознаем шокирующую, трагическую реальность и, парализованные ею, впадаем в апатию.

В результате войны Судного дня государство оказалось в такой же политической ситуации, к которой можно было прийти и без войны. Самая серьезная проблема в том, что причины, приведшие нас к войне, как и ошибки, допущенные в ходе военных действий, коренились не в личных проблемах того или иного политика, а в проблемах системных. Как политической, так и оборонной, военной и общественных систем государства.

Помню предвыборные лозунги, которыми пестрели стены домов накануне войны: «Никогда страна не была в таком наилучшем положении!!!» или «Полагайтесь на нас!» Государственные лидеры убеждали нас, что ситуация стабильна и Израиль может сохранять существующее положение еще много лет. Если сравнивать положение Израиля до войны с мирным договором с Египтом всего через шесть лет, то боль, гнев и обида только усиливаются. Тогда еще я не осознавал этого в полной мере и с такой ясностью. Мне казалось, что, будь у нас другое правительство, мы смогли бы добиться лучшего результата. Только Мирный договор с Египтом и Первая Ливанская война привели меня к прозрению и более глубокому и серьезному подходу к нашим проблемам.

Серьезным фактом является то, что военное поражение в войне Судного дня было не меньшим, чем политическое, несмотря на частичные успехи на поле боя. Во время военных действий не обнаружилось ничего нового, чего бы израильская армия и разведка не знали об армиях Сирии и Египта. Однако ни Генштаб, ни оперативное управление, ни армия в целом не смогли оценить ту информацию, которая была в их распоряжении. Несмотря на имеющиеся данные, армия не была готова к этой войне ни организационно, ни стратегически, ни тактически. Неудача разведки была по отношению с самой себе, своим профессиональным требованиям и стандартам, но не по отношению к армии. Не разведка определяет готовность армии к войне. Руководитель, получив оценку разведки, должен сам прийти к оперативным решениям, следующим из полученных им сведений. Египетская армия не была уверена в том, что война начнется, пока не был дан приказ. Только один человек, президент Египта, знал, и то не окончательно, отдаст ли он приказ или нет. Тяжелые сомнения Садата вполне могли привести его к решению отложить приказ о начале войны. Генштаб Египта не хотел войны. Египетская армия отлично сознавала свою слабость перед армией Израиля.

Голда Меир, тогдашний премьер-министр Израиля, полагалась на заверения и обещания армии, а армия не оправдала ожиданий. Ни ВВС, ни сухопутные войска, ни Северный и ни Южный фронты не выполнили своих обязательств. Во всем обвинили разведку. Ну а если бы разведка предупредила, что война начнется 6 октября? Разве мы были в состоянии помешать армии Египта форсировать канал? Или перебросили бы на Голанские высоты дополнительные силы? Ведь Генштаб был уверен, что при соотношении сил, которые он сам и определил, регулярные части израильской армии смогут удержать и

египетскую, и сирийскую армии на границах 1967 года по меньшей мере 48 часов.

Я как-то слышал от Эхуда Барака, что перед войной в Генштабе обсуждали вопрос: сформировать ли еще одну бронетанковую дивизию или же дополнительную эскадрилью самолетов «Фантом». Решили в пользу эскадрильи «Фантомов». Такова была логика высшего командования в формировании вооруженных сил. Но одной эскадрильей больше или меньше – это не влияло на ход войны Судного дня. В то же время, если у израильской армии была бы еще одна бронетанковая дивизия, весь ход военных действий был бы другим и на севере, и на юге. И вот через 30 лет после этих событий наша армия повторяет ту же ошибку, отдавая излишнее предпочтение ВВС, и мы все опять расплачиваемся за это.

Войска израильской армии на Синае были организованы и занимали позиции в точном соответствии с планом обороны и, тем не менее, потерпели неудачу. Система обороны на Голанских высотах была организована в точности согласно планам и даже усилена. Непосредственно перед войной Моше Даян настоял, вопреки многочисленным возражениям, чтобы на Голаны перебросили еще один, 7-й танковый полк. Но, несмотря на подкрепление и героическое сопротивление израильских солдат, через сутки между сирийскими танками и Израэльской долиной не осталось израильских войск. Так что не разведка виновата в том, что сирийцы почти целиком захватили Голанские высоты, включая штаб дивизии. Виновато в этом высшее командование Армии Израиля, которое не смогло правильно оценить ни боеспособность противника, ни свою собственную, даже на уровне простого соотношения сил. То количество израильских войск, которое было выставлено против сирийской и египетской армий, не было в состоянии предотвратить ни форсирование ими Суэцкого канала, ни захват Голанских высот.

Значение просторов Синая в том, что они защищают государство Израиль. Лучше всех это сформулировал Моше Даян: «В Синае Дганий нет». Но если так, почему мы сражались за каждый метр в Синае, как будто мы защищаем Дганию или Тель-Авив? Главное стратегическое преимущество Синая – пространство для маневра – совершенно не было использовано Армией Израиля. Вместо того чтобы маневрировать бронетанковыми частями и тем самым использовать наше преимущество, мы уперлись в жесткую оборону каждого метра в зоне Суэцкого канала. Планы обороны были подготовлены безграмотно. В довершение к этому их исполнение было убогим и до ужаса непрофессиональным, хотя и сопровождалось

проявлениями подлинного героизма и самопожертвования. Было продемонстрировано не только отсутствие стратегических способностей, но и непрофессионализм на тактическом уровне. Вопли о том, что существование Израиля под угрозой, были совершенно необоснованными. Египетская армия после форсирования Суэцкого канала не представляла реальную угрозу Израилю: они не были способны пройти весь Синайский полуостров. Для этого у них не хватало ни военных возможностей, ни соответствующей логистики. Египетская армия не могла справиться с бронетанковыми дивизиями Армии Израиля. У нее не было прикрытия ПВО, кроме узкой полосы вдоль Суэцкого канала. Ей не хватало топлива и амуниции, у нее не было возможностей для переброски частей на такие большие расстояния. Продвижение египетских войск в глубь Синая означало для них тотальное уничтожение. Египетские танковые дивизии переправились через Суэцкий канал только через несколько дней после захвата ими восточного берега Суэцкого канала. Помню, как мы ждали, когда на восточный берег переправится 4-я танковая дивизия. Если бы эта дивизия не перешла на восточный берег канала, мы бы не стали форсировать Суэцкий канал.

Ночью 6 октября 162-я танковая дивизия была брошена на северный участок Суэцкого канала. Но ведь «в Синае Дганий нет». Почему же не бросили ее на Голанские высоты? Основная опасность грозила с севера, и основные усилия должны были направить туда. Для того чтобы остановить сирийцев, пришлось снять дивизию с иорданского фронта, пойдя на риск, в надежде на то, что Иордания не вмешается. Если бы Иордания вступила в войну, у Израиля не осталось бы войск для обороны против иорданской армии. Мы оголили этот фронт, сосредоточив основные силы против египтян и удерживая сирийцев из последних сил. Силы были брошены в Синай, где не было никакой реальной угрозы, разве что только лишь нашему военному престижу.

Еще до войны мне вместе с другими офицерами довелось с завистью наблюдать за учениями египетской армии по форсированию канала, когда египтяне наводили понтонный мост для танков за 60 (!) минут. Во время войны они действовали точно так же, как и на учениях, за которыми израильская армия постоянно следила, но не сделала на их основе никаких оперативных выводов. Нам же потребовалось более двух суток, чтобы навести единственный мост под не очень интенсивным обстрелом. И от этого несчастного моста, который только чудом не был уничтожен, зависело форсирование канала всей

израильской армией! Только благодаря непрофессионализму и несогласованным действиям египетского командования этот мост и маленький плацдарм на западном берегу не были уничтожены. Египетская артиллерия могла с легкостью это сделать, не прибегая к атаке сухопутными войсками. Без этого единственного моста израильские силы по ту сторону канала оказались бы в катастрофическом положении. Без снабжения топливом и боеприпасами танки мало чего стоят – достаточно перекрыть поставки на одни сутки, и танковая часть превращается в груду металла, не способную ни передвигаться, ни воевать. Ее можно брать голыми руками. Однако на этот раз нам повезло. Или, как я это называю, у нас было больше удачи, чем ума. В понимании поля боя и командовании войсками египетское командование оказалось слабым по сравнению с хорошими и даже мужественными египетскими солдатами. И в этом была причина их неудачи на Южном фронте.

Хотя мы победили на поле боя, окружив Третью армию и поставив ее на грань уничтожения, но в войне победил Садат, поскольку результаты войны соответствовали целям, поставленным им, а не нами. Нам не удалось предотвратить форсирование египтянами Суэцкого канала, так как мы готовились и планировали. Наша армия, в отличие от египетской, не выполнила своих обязательств перед правительством. Мы же знали все о египетской армии, как и о сирийской: состав, вооружение, оборудование, военную доктрину, планы учений, маневров и войны. Еще до войны, после столкновений на северной границе, я был в техническом отделе Разведуправления, и там мне показали трофейную ракету «Малютка». Я держал в руках ракету и чемоданчик с системой наведения. Просмотрел инструкции на русском и в переводе. Наша разведка точно знала, как действует ракета, каковы ее технические данные, какова тактика ее применения. Были проведены стрельбы захваченными ракетами. Глядя во время войны на ракеты, летящие на наши танки, я вспоминал, как за несколько месяцев до того держал в руках такую же «Малютку». Зная это оружие, но не понимания его значения, армия не планировала, не тренировалась и не готовилась к защите от эффективных противотанковых ракет египтян и сирийцев. Армия в целом не была готова к реальной войне, несмотря на постоянные учения, включая крупные маневры за несколько месяцев до войны.

О степени понимания реальной ситуации на Южном фронте и вообще уровня израильского командования свидетельствует следующий пример. В рамках контрнаступления 8 октября был дан полуприказ-полурекомендация: захватить один из мостов,

который навели египтяне, и попытаться перебросить по нему часть наших сил на Западный берег канала. Как мог кто-то, считающийся командиром и профессиональным военным, нести такую чушь? Во время Второй мировой войны иногда захватывали мосты, чтобы переправиться на другой берег. Однако над Суэцким каналом не было постоянных мостов. Понтонные мосты, наведенные египтянами, были рассчитаны на их военную технику. Советские танки, стоящие на вооружении египетской армии, весили около 40 тонн, а израильский танк весит более 50 тонн. Станет ли человек, находящийся в здравом уме, переправлять израильские танки по египетским понтонным мостам? Рассчитанная нагрузка понтонного моста и динамика его колебаний под этой нагрузкой не соответствует требованиям к переправе израильских танков. Но если бы случайно каким-то чудом несколько танков и смогли перебраться, то через некоторое время мост мог бы порваться или быть поврежден артобстрелом. Египетской армии, хорошо оснащенной и натренированной, было достаточно нескольких минут, чтобы починить довольно часто разрывавшиеся мосты. У нас же не было возможности обслуживать и чинить египетские понтонные мосты. Какова была бы судьба тех, кто смог бы переправиться? Отрезанные от снабжения, без возможности вернуться, переправившиеся части были бы обречены на смерть и плен. Когда я в первый раз услышал об этих планах во время войны, я не мог поверить, как профессиональный офицер способен отдать такой приказ. Но впоследствии я не раз слышал подтверждение этого от разных людей, так что приходится поверить в эту постыдную и грустную историю.

Однако больше всего меня поразило наплевательское отношение к жизни солдат, брошенных на произвол судьбы в укрепленных пунктах. Ради чего? Было очевидно, что укрепленные пункты не могут воспрепятствовать форсированию канала египтянами. Или бои в Суэце: за что, почему и для чего погибли более 70 солдат и офицеров? Ради того, чтобы захватить еще несколько домов? Разве захват Суэца влиял хоть сколько-нибудь на политическое положение Израиля? Или он бы изменил темп нашего отхода с Синая или условия соглашения с Египтом? Нет, разумеется.

В Израиле существуют серьезные различия между видением военных и государственным видением, и поле боя зачастую служит инструментом для удовлетворения личных амбиций военачальников. Мы нарушили соглашение о прекращении огня под давлением военных, чтобы «улучшить наши позиции». Так и получилось, что армия практически определила цели военных

действий в этой войне после войны. Прошли годы, но мы так и не выучили: цели войны могут быть только государственными. Мы так и не осознали: нельзя жертвовать жизнями солдат во имя славы или престижа государственного деятеля или того или иного генерала. Этому мы так и не научились ни в войне Судного дня, ни в Первой Ливанской войне, ни тем более и во Второй Ливанской войне.

Для того чтобы успокоить армию и общество, было решено повысить в звании всех офицеров в армии, если их должности допускали повышение. Независимо от того, как действовал офицер во время войны, все получили повышение, и это превратилось в глупейший фарс. Боевые действия длились всего три недели. Мало кто воевал от начала и до конца: кто-то несколько дней, кто-то неделю-другую. Неделя или две недели боев равноценны одному бою во Вторую мировую войну, если не меньше. И за это люди получали звания и продвигались по службе совершенно неоправданно – ни с точки зрения их знаний, ни с точки зрения их боевого опыта, может быть, за редким исключением. Неудачные войны всегда сопровождаются массовыми продвижениями по службе и раздачей медалей на фоне бесконечных рассказов о героизме. Некоторые из этих историй были правдивыми, но большинство – либо сильно преувеличены, либо вовсе выдуманы. И все это ради того, чтобы поднять боевой дух народа и отвлечь внимание от действительно происходившего на войне.

Война Судного дня напоминала мне нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года. Я вырос на мифе о том, что нападение было внезапным, и поэтому Красная армия отступала до Москвы и Сталинграда, и война продолжалась так долго. Если бы немцы не напали внезапно, весь ход войны был бы совершенно другим. В случае с Советским Союзом во всем обвинили Сталина, который якобы не прислушивался к донесениям разведки. В Израиле после войны Судного дня тоже во всем обвинили разведку. И в том, и в другом случае это делалось для того, чтобы скрыть полную неготовность армии и ошибки командования. Армия не была готова к войне во всех отношениях – ни с точки зрения вооружения, организации и состава воинских подразделений, ни с точки зрения тактики и стратегии, но, чтобы затушевать это, во всех неудачах обвинили разведку. Не разведка подвела армию. Армия и ее непрофессиональное командование подвели самих себя.

И в том, и в другом случае с помощью лжи пытались затушевать правду и свалить вину на других. Ответственность за катастрофические поражения Советского Союза в начале войны

лежит на командовании Красной армии. Неумелые и непрофессиональные командиры привели к развалу Красной армии в первые месяцы войны. Армия разваливалась, как карточный домик, будучи не в состоянии выполнить своих обязательств перед руководством страны. Эффект внезапности нападения может длиться неделю-другую в худшем случае. В случае с войной Судного дня разведка и в самом деле ошиблась, однако проблема была не в этом. Армия получила достаточно информации для того, чтобы подготовиться к войне.

Надеяться на то, что разведка предоставит точную дату нападения и на этом строить все планы обороны, – это упрощенный подход. Невозможно предвидеть внезапное нападение, и никакая профессиональная разведка не возьмет на себя обязательство предугадать точную дату его. Разведка – это не предсказания оракулов, как считают большинство дилетантов в политическом и военном руководстве, лишенные элементарных навыков для понимания принципов работы с разведывательными структурами. Израильская разведка предоставила исчерпывающую информацию о возможных способах ведения боевых операций египетской и сирийской армиями в случае войны. Однако командование израильской армии не отнеслось к этим сведениям с должной серьезностью и профессионализмом.

Довольно печальные выводы я сделал и в отношении армейской разведки. Выяснилось, что все, чему нас учили на курсах офицеров разведки, – способы и методы работы, почти не применялось в этой войне. Работа штаба батальона совершенно не была похожа на то, чему нас обучали. В организации боя иногда мелькало что-то похожее на то, чему нас учили. То, что хорошо выглядело в учебных аудиториях и на учениях, в войне практически отсутствовало. Все попытки получить какие-то данные о противнике или оценку ситуации от разведотдела полка оказались безуспешными. У них просто не было данных о реальной дислокации противника, по крайней мере на оперативном уровне. Всю информацию мы получали от наших наблюдателей и от полковой разведроты. В результате у нас было очень приблизительное представление о силах противника, об их составе, вооружении. Я не уверен, что командиры батальонов, как во время войны, так и после нее, представляли себе, какие сведения они могут и должны получить от офицера батальонной разведки. Ведь разведка не действует сама по себе, а обслуживает командование. Командиры, не знающие, что нужно и что возможно получить от разведки, тем самым и определяют ее уровень и качество. Профессиональный уровень использования армейской разведки в израильской армии довольно низкий, а на

уровне батальонов – практически нулевой. По сей день, за редкими исключениями, нет четких реальных, а не надуманных инструкций о функциях офицера разведки танкового батальона во время боя. Должен признаться, что ситуация с использованием офицеров разведки в пехотных и саперных батальонах и в артиллерийских дивизионах мне незнакома – остается надеяться, что там положение лучше.

Мой командир Эхуд Барак был одним из лучших командиров, обладающих огромными знаниями и опытом проведения спецопераций. Прекрасной квалификацией обладали и другие служившие с ним спецназовцы. Я не мог понять, почему этих людей не использовали в соответствии с их способностями и профессиональной подготовкой. Почему Ишай Изхар должен был выискивать возможность участвовать в бою? Почему Амитай Нахмани был убит в составе полковой разведки при атаке аэропорта Фаид? Почему Эхуд Барак должен был воевать как командир танкового батальона? Во время войны практически не проводились спецоперации, и большинство этих людей сражались как обычные солдаты и офицеры. Во время обучения в офицерском училище все курсанты, и мы в том числе, отрабатывали налеты на базы ракет ПВО и их уничтожение. Когда мы были на Западном берегу, я никак не мог понять, почему такого рода операции не проводятся, почему прекрасные способности и военная подготовка этих бойцов так и остались невостребованными? Разумного объяснения этому нет. Я видел в этом не только свидетельство неразберихи и замешательства высшего военного командования, но и еще одно свидетельство низкого уровня военного мышления и готовности к войне.

Только когда я вернулся домой, я столкнулся с тем, что называлось «войной генералов». Приехав в отпуск, я был удивлен рассказами окружающих о том, как Арик Шарон и его дивизия форсировали канал и тем самым решили исход войны. Тот, кто сражался на Южном фронте, знает, что форсирование канала не было личной инициативой того или иного командира дивизии. Форсирование канала было поручено дивизии Шарона не потому, что он ею командовал, а потому, что ее дислокация и возможности больше соответствовали ситуации и оперативным планам. С тем же успехом форсирование канала могло быть возложено на дивизию Брена или любую другую. А другая дивизия, пройдя через ее порядки, вела бы бои на Западном берегу канала в направлении Суэца. Я любил Арика и всегда считал его одним из способнейших командиров израильской армии, но это не было слепым обожанием. Я знал, что, если бы прислушались к его советам и попытались форсировать канал в те

сроки, которые он требовал, наша армия потерпела бы сокрушительное поражение. В тот момент у нас не было возможности форсировать канал и удержаться на его Западном берегу до наведения мостов. Меня раздражало циничное использование придворного журналиста и распространение слухов, которые не соответствовали действительности. Война генералов только приоткрыла то уродливое явление, которое тогда только начало развиваться, а с годами получило широкое распространение в армии и в обществе. Это явление угрожает самой нашей жизнеспособности и возможности бороться с одной из самых больших наших проблем – уходом от ответственности. Уход постыдный и позорный, сопровождаемый, как правило, ложью и клеветой на других.

Тогда я еще не решался углубляться в своих размышлениях о тревожных и опасных тенденциях, которые обнаружились во время войны. Возможно, я просто боялся потерять свою мистическую веру в израильскую армию, государство и его ценности. Я все еще был новичком в Израиле и не обладал достаточной уверенностью, чтобы прийти к тяжелым выводам. Только спустя годы я понял, сколь разрушительны были эти явления.

Война изменила Ближний Восток и Израиль, независимо от наших ожиданий. После войны меня продержали как резервиста в рядах действующей армии до мая 1974 года. Думаю, что я был одним из последних демобилизовавшихся резервистов. Я был мобилизован на 273 дня. Причина была прозаической – мне сказали, что как мобилизованного офицера запаса меня могут держать, сколько потребуется, а офицеров-контрактников положено отпускать после окончания срока контракта. Получилось, что мои товарищи-контрактники демобилизовались, а я, будучи офицером запаса, остался служить. В те дни я размышлял о том, что нахожусь в стране уже пять лет и основная часть моей израильской жизни, более трех с половиной лет, прошла в армии. Война стала итоговым этапом моего вживания в страну. Я, правда, был плохо знаком с жизнью на гражданке, но, тем не менее, по своим ощущениям, мыслям и в какой-то мере и менталитету стал таким же, как и мои друзья, которые родились или давно жили в Израиле. К моим характеру и личности, сформированным в Советском Союзе и закаленным в борьбе за выезд в Израиль и после приезда в Израиль, добавилось что-то еще, очень важное: война Судного дня и служба в израильской армии. Война отрезвила меня, как и многих других, и избавила от почти фанатичной идеализации государства, его государственного и военного руководства.

Но вот что меня поразило и огорчило: мой годовалый сын Шарон, который был ко мне очень привязан, не узнал меня, когда я вернулся с войны, – он испугался и заплакал, стоило мне взять его на руки.

21

В годы после войны не происходило каких-либо событий, примечательных для этой книги. Перед выборами 1977 года Даян рассматривал возможность выйти из состава «Маараха» и сформировать собственный список. Через одного из наших общих знакомых он предложил мне присоединиться к нему. На вопрос, какова идеологическая платформа новой партии, мне был дан ответ, что главное – не допустить возвращения территорий, захваченных в результате Шестидневной войны. В остальном мне будет предоставлена полная свобода голосования. Я согласился на предложение Даяна, подчеркнув, что моя цель – отстранить разложившийся «Маарах» от власти. А насчет моей позиции по проблеме Иудеи, Самарии и сектора Газа можно не беспокоиться. Если у нас и будут разногласия на этот счет, то только потому, что я более радикален, чем Даян. В принципе, все было согласовано, и мы решили, что обсудим детали после того, как Даян окончательно решит идти на выборы собственным списком. Однако Даян, по своему обыкновению, не рискнул выйти из «Маараха», чем меня не удивил. Так окончилась единственная практическая попытка ввести меня в политику.

Не знаю, как сложились бы обстоятельства, если бы Даян все-таки пошел на выборы своим списком. Полагаю, что он получил бы несколько мандатов, и, возможно, я бы прошел в Кнессет вместе с ним, и, возможно, моя судьба была бы другой. Оглядываясь назад, я немного стыжусь своего тогдашнего согласия. С тех пор мои моральные и нравственные принципы стали более четкими и определенными, и сегодня я бы не присоединился к одному из главных виновников войны Судного дня и ее результатов. Но тогда Даян пользовался авторитетом героя Шестидневной войны и считался основной надеждой сторонников активистской политики Израиля. Изменились и углубились мои понимание и взгляды как на государство Израиль, так и на его политику и роль в нашем регионе. Не говоря уже о тех нравственных нормах, которые я требую от нашего руководства. Но об этом далее.

Во время предвыборной кампании 1977 года я принимал участие в общественных акциях, предназначенных повлиять на правительство изменить государственную политику Израиля в отношении евреев, борющихся за выезд из Советского Союза. Мы призывали к более решительным действиям по оказанию давления на СССР и большей поддержке активистов борьбы и отказников. К тому времени я уже был знаком с политической

верхушкой Израиля. Наибольшую поддержку нам оказывали оппозиционные партии, включая членов партии «Государственный список», основанной Бен-Гурионом в 1969 году. Кроме того, нас поддерживала Либеральная партия, которая составляла вместе с партией «Херут» партийный блок ГАХАЛ, а также члены правительственной коалиции, Партия независимых либералов и Национально-Религиозная партия. Но самую решительную поддержку, как нам казалось тогда, мы все-таки получили от движения «Херут» и прежде всего от ее руководителя, Менахема Бегина. В свои речи он постоянно включал требование изменить политику в отношении евреев из Советского Союза и их борьбы за выезд. В штабе «Херута», Доме Жаботинского, я чувствовал себя как дома, но в партию не вступал. Я все еще придерживался принципа не смешивать борьбу за выезд из СССР, которая должна быть вне политики, с партийной деятельностью. Более того, несмотря на близость моих политических взглядов к позициям «Херута», не все, что происходило в партии, было мне по душе.

Я помню случай, связанный с Меиром Кахане, который заставил меня насторожиться. Тогда его в первый раз арестовали в Израиле после одной из его провокационных демонстраций. Я считал, что узники Сиона и активисты борьбы за выезд не могут остаться равнодушными к его аресту так же, как и он не был равнодушен к нашей борьбе. Я составил петицию в его защиту, причем его лично, а не в поддержку его действий. Я пытался собрать подписи под обращением среди находящихся в Израиле активистов, но столкнулся с неожиданной реакцией некоторых членов партии «Херут», в особенности одной из самых ярких представительниц движения. Она сказала мне: конечно, у всех нас есть моральный долг перед Меиром Кахане и она и ее друзья поддерживают это обращение, но «партия этого не одобрит». Мне стало противно. Впоследствии я не раз встречался с таким подходом. Такой подход был частью советской, комиссарской ментальности, по которой партия была превыше собственных убеждений. Эти люди просто сменили красное знамя на бело-голубое, советскую демагогию на сионистскую, а некоторые еще и нацепили ермолку на голову.

Мне также не нравилось фанатичное, слепое преклонение перед Менахемом Бегином. Я был хорошо с ним знаком и уважал его. Не раз бывал у него дома, был знаком с его семьей. Он был очень умным и образованным человеком, с великолепными аналитическими и ораторскими способностями. Но мне претила его склонность к устаревшей демагогии в стиле 30-х годов. Кроме того, я обратил внимание на его обостренное, почти болезненное

отношение к своему статусу. Он не терпел никаких возражений, особенно в своей партии и от своих приближенных. От товарищей по партии и в особенности от партийного руководства он ждал преклонения и беспрекословного подчинения. Способнейшие представители ревизионистского движения, обладающие независимым мышлением, как, например, отец Беньямина Нетаньяху – Бен-Цион Нетаньяху, который был секретарем Жаботинского, были вытеснены из движения. Бен-Циона Нетаньяху притесняли не только государственный истеблишмент, но и партия, которая вроде бы основывалась на идеологии ревизионистского движения и провозгласила себя его продолжательницей. Только Бегину предназначалась роль истинного наследника и продолжателя дела Жаботинского. Тем самым идеология ревизионизма в движении «Херут» была подменена слепым исполнением приказов руководителя Национальной военной организации (ЭЦЕЛЬ) Менахема Бегина. Мне все это не нравилось и, конечно, никак не способствовало желанию вступить в партию. Я обрадовался, когда Ицхак Шамир и Геула Коэн присоединились к движению, прежде всего потому что они обладали собственными взглядами и независимым мышлением. Тем самым произошло своего рода примирение, хоть и не окончательное, между ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ. Когда Шамир был руководителем Ликуда и возглавлял правительство, его не раз тревожила позиция выходцев из ЭЦЕЛЬ, не всегда готовых поддержать бывшего командира ЛЕХИ. Я не раз был свидетелем его озабоченности по этому вопросу. Еще больше я был рад, когда Ицхак Шамир и Геула Коэн были избраны в Кнессет в конце 1973 года. Особенно я радовался за Геулу Коэн, ведь она олицетворяла для меня верность Стране Израиля, еврейскому народу и государству Израиль, необыкновенную способность к самопожертвованию, темперамент и горячую преданность, которые проявлялись во всем, что она делала и говорила, и не только в связи с борьбой евреев Советского Союза.

Накануне выборов в 1977 году меня несколько раз просили выступить в эфире в поддержку Ликуда. Я согласился говорить только на одну тему: борьба советских евреев за выезд в Израиль и поддержка этой борьбы. Касательно остальных вопросов я сказал, что есть люди, способные ответить на них гораздо более компетентно, чем я. Когда Йоханан Бадер говорит о проблемах экономики, это воспринимается намного серьезнее, чем рассуждения Яши Казакова. А моим словам о борьбе евреев за выезд из Советского Союза придают большее значение. Я призывал и на иврите, и на русском голосовать за Ликуд, потому что только Ликуд способен произвести необходимые изменения в

политике государства, что позволит приехать в Израиль сотням тысячам евреев из Советского Союза.

В парламентских выборах 1977 года победил Ликуд, и Менахем Бегин после долгих лет оппозиции впервые сформировал правительство. Ликуд победил потому, что воспринимался как альтернатива прогнившей, разваливающейся и аморальной власти, терпеть которую общество уже не могло. Ранним утром, после выборов, я носился на машине по улицам Тель-Авива и Рамат Гана. У меня было ощущение, что это рассвет нового дня, с которого начинается новая эпоха, и все в Израиле будет по-другому, что все ошибки, все неудачи и недоразумения будут исправлены и страна пойдет правильным путем. Я считал, что справедливость восторжествовала. Те, кто призывал к более справедливому, более эффективному, более еврейскому и более независимому обществу, поведут Израиль к лучшему будущему.

Сразу после выборов я присутствовал на собрании Центра партии «Херут», хотя не был членом Центра и вообще не состоял в партии. Я хотел послушать дискуссию о будущей политике правительства и о новом пути. Бегин выдвинул кандидатуры министров для голосования. Когда очередь дошла до пятого министра в списке, которым должен был стать Моше Аренс, Бегин попросил слово. Сказанное им неприятно поразило меня. Удивлен был не только я. Бегин начал с комплиментов Моше Аренсу, и это меня сразу насторожило. И тут, к удивлению всех присутствующих, он вдруг провозгласил: «Я прошу от партии утвердить в качестве министра кандидатуру Давида Леви». Все оторопели, и в зале воцарилась тишина. Бегин не стал аргументировать свою просьбу, а просто сказал: «Положитесь на меня, я обещаю вам, что следующим министром будет Моше Аренс». С точки зрения личных данных, положения в партии, способностей и соответствия должности министра не было никакого сравнения между ними. Но партийный вождь сказал, и все повиновались, пусть даже скрепя сердце. Менахем Бегин руководствовался электоральными, конъюнктурными соображениями, а не соответствием кандидатов их должности. И опять я получил урок израильской политики и внутрипартийной «демократии». И снова мне ударил в нос знакомый запах Коммунистической партии Советского Союза.

Через некоторое время я попросил встречи с Бегином. Встреча состоялась в конце августа 1977 года. В ней принял участие Иегуда Авнер, советник премьер-министра по делам еврейской диаспоры. Тогда я не знал, в чем смысл этой должности в канцелярии премьер-министра. Со временем я понял: писать речи для главы правительства на хорошем

английском языке, как правило, для выступлений перед иностранцами или за границей. После вежливых приветствий Бегин спросил, по какому делу я пришел. Я сказал ему: «Во время предвыборной кампании вы заявляли о необходимости изменения политики Израиля в вопросе борьбы евреев СССР. Мы поддержали вас, в том числе из-за этой позиции. Теперь, когда вы стали премьер-министром, пришло время менять политику. Но вы не сможете изменить политику, не сменив тех людей, которые определяли и проводили ту политику, против которой и вы, и мы возражали. Если вы не смените ответственных за эту политику, и прежде всего Нехемию Леванона, который возглавляет «Бюро по связям» (публичное название «Натива»), – политика не изменится». Бегин посмотрел на меня с любопытством, помолчал несколько секунд и, вздохнув, произнес серьезно и не без некоторой патетики: «У меня есть для тебя предложение. Учитывая твой опыт и знания, думаю, ты должен пойти работать в эту организацию».

Как говорили сатирики из группы «Бледнолицый следопыт», мне «ударила голова в кровь», но я взял себя в руки и со всей возможной вежливостью, но не без раздражения ответил: «Я пришел к вам не с просьбой о должности. Она мне не нужна, и не за этим я к вам обратился. Я говорю с вами об изменении политики правительства, а не о себе». В ответ немного отеческим тоном Бегин сказал: «Я глава правительства, и я считаю, что ты можешь быть полезен там. Учитывая все, что ты сделал, и твой опыт, как глава правительства, я обращаюсь к тебе с просьбой, и ты не можешь мне отказать». Я оторопел. Такого развития событий я не предвидел. Я был готов к спору, к дискуссии, к тому, что мне придется рассказать о моем видении необходимых действий, но к услышанному я был не готов. Честно говоря, я не мог ему отказать. У меня не было никаких причин отклонить это предложение. «Спасибо, – ответил я. – Возможно, вы правы. Я обдумаю ваше предложение и дам ответ в течение недели». Это было немного нагло – так ответить на предложение премьер-министра, но такова была моя инстинктивная реакция. И ему, и мне было ясно, что я не смогу сказать «нет» и что ответ будет положительным. Сразу после этой встречи мы с женой уехали в отпуск. Это была наша первая поездка за границу. Вернувшись, я позвонил Йехиэлю Кадишаю, начальнику канцелярии премьер-министра и бессменному помощнику Бегина на протяжении многих лет, и сказал ему: «Передайте, пожалуйста, главе правительства, что мой ответ на его предложение положительный».

Это была последняя встреча с Бегином, и по моей

инициативе. С тех пор я больше не бывал в Доме Жаботинского, хотя до этого я себя чувствовал там как у себя. Я считал с не принятой в Израиле наивностью, что не полагается, смешивать политические взгляды, предпочтения и связи с работой в государственном учреждении, тем более в разведывательном сообществе. Позже выяснилось, что тем же вечером, сразу после встречи, Иегуда Авнер позвонил Нехемии Леванону и передал ему нашу беседу с Бегином во всех подробностях. В «Нативе» началась паника: «агент» Бегина и тот еще тип, Яша Казаков, приходит работать в организацию!

Нехемия Леванон пригласил меня на беседу. Он принял меня хорошо. И до этой встречи у нас были нормальные личные отношения. Он сказал, что получил указание от Менахема Бегина и что очень рад, что я вхожу в организацию. Он спросил, какой род деятельности меня интересует и есть ли что-то, что я не согласен выполнять. Я сказал ему: «У меня есть три условия. Первое: я не хочу работать на Западе или с Западом. Я не люблю работать с евреями Запада, о которых у меня не очень лестное мнение. Кроме того, я не знаком с Западом, и это не привлекает меня и не интересует. Второе условие: я хочу работать как можно ближе к евреям Советского Союза, которых я хорошо знаю, и меня действительно интересует происходящее с ними. Третье условие – я не буду работать с Цви Нецером». Именно Цви Нецер в свое время дал указание сообщить еврейским организациям США о том, что я советский шпион. Нехемия Леванон не удивился моим словам о Цви Нецере, но я заметил, что мой отказ работать на Западе был для него неожиданностью. Подводя итог нашей встречи, он сказал: «Я понимаю твое отношение к Цви. Я с тобой свяжусь. Пока что начни проходить проверку на допуск».

Проверка занимала около полугода. Я помню слова одного из сотрудников Службы безопасности, проводивших проверку: «Запасись терпением. Мы расспрашиваем тебя и задаем много сложных вопросов. Однако не исключено, что впоследствии мы будем работать вместе, так что относись к этому соответственно, постарайся нас понять». Так и произошло. Впоследствии мы хорошо сотрудничали и не раз помогали друг другу. Я часто пользовался их помощью, многому научился у этих людей, с некоторыми сохранил дружбу до сих пор. В дальнейшем некоторые из них работали под моим началом в «Нативе», приходя к нам на службу на тот или иной срок.

Леванон пригласил меня на следующую встречу и сообщил, что меня предполагают послать в Вену, потому что не хватает информации о том, что происходит в Советском Союзе. Была необходима информация от тех людей, которые, выезжая из СССР

и приезжая в Вену, ехали не в Израиль, а в другие страны. Тех, кто приезжает в Израиль, можно опросить в стране и получить реальную информацию и о положении евреев, и о Советском Союзе вообще. Однако все больше выезжающих ехали в другие страны, и поэтому пропадала ценная для нас информация, нехватку которой я должен был восполнить. Я ответил, что это дело мне по душе и попросил гарантии, что через год если я останусь в должности, то стану штатным сотрудником «Натива», а не только временным работником, «посланником». Я уже был знаком с политическими трюками израильской бюрократии и понимал: если не настоять на этом условии, то, учитывая, что меня приняли под политическим давлением, через секунду после смены власти меня могут поблагодарить и вышвырнуть. До моего прихода «Натив» был вотчиной Объединенной рабочей партии, где предпочитали выходцев из умеренно левого сионистского движения «Гордония». Мое появление стало настоящим землетрясением для «Натива» и положило начало процессу деполитизации службы. С другой стороны, это стало первым шагом введения в службу бывших активистов борьбы за выезд из СССР.

При подготовке к работе мне предоставили доступ к материалам, и я прочитал множество отчетов, оценок и заключений. Некоторые особенности прочитанного привлекли мое внимание. Отчеты, как по форме, так и по содержанию, были выполнены непрофессионально, особенно по сравнению с тем, чего я ожидал и чему меня учили в армии. Отчеты и донесения выглядели как сумбурные литературные сочинения. Отсутствовали стройная, логическая структура, единый профессиональный формат, выводы и заключения. Время от времени мне попадались профессиональные документы, но они либо были составлены сотрудниками Службы безопасности, либо были копиями документов Службы безопасности или других служб. Наконец пришел допуск. Я определил день отъезда на 1 мая. Конечно же, не обошлось без замечания: «Именно 1 мая ты хочешь начать работать?»

22

1 мая 1978 года мы с женой и с сыном прилетели в Вену. По договоренности между «Нативом» и МИДом мне выдали служебный паспорт, и, как оказалось, это было не самым разумным решением. Как-то раз сотрудник одной из авиакомпаний, взглянув на мой паспорт, бросил с улыбкой: «Шпионы ездят со служебными паспортами». Впрочем, мне было все равно. К тому же этот «недочет» вскоре исправили.

Перед выездом меня попросили сменить мою фамилию на ивритскую, объяснив, что по возвращении в Израиль я смогу выбрать, оставить ли ее или вернуться к своей. Я выбрал фамилию Кедми. Я не учел, что одно из значений слова «кедем» – это «восток» и что фамилия означает «восточный». Я просто хотел сохранить первую букву своей изначальной фамилии. Кроме того, мне хотелось, чтобы мое новое имя отражало мой характер. Когда я пошел в армию, то решил для себя, что я всегда должен быть в первой линии атаки, потому что хочу видеть перед собой не спины наших солдат и офицеров, а лица и глаза врага. Так была выбрана фамилия Кедми, и мы все вскоре привыкли к ней. Вернувшись в Израиль, я решил ничего не менять. Фамилия Казаков не мешала мне. У меня не было никаких претензий к своей фамилии и достаточно причин гордиться ею, но, на мой взгляд, она стала чересчур известна в Израиле. В лицо меня знали далеко не все, а вот фамилия была у многих на слуху. Мне немножко мешала такая излишняя популярность. Взяв фамилию Кедми, я обнаружил, что никто на нее не реагирует, особенно в Израиле. Я мог жить как обычный гражданин, и это было очень удобно. Таким образом, 1 мая 1978 года в моей биографии закончился период Яши Казакова и начался период Якова Кедми. Разумеется, как продолжение Яши Казакова.

Моей задачей, в соответствии с полученными указаниями, было сбор информации от выезжающих из Советского Союза и не едущих в Израиль. Это была попытка «Натива» расширить и углубить знания о происходящем в Советском Союзе вообще и среди евреев в частности, чтобы лучше понять их положение, стремления и пожелания, а также причины увеличения количества предпочитающих Израилю другие страны. Еврейская эмиграция из СССР по израильским визам, но не в Израиль началась в 1971 году. Один из еврейских филантропов из США обратился в «Натив» и сообщил, что его дальние родственники собираются выехать из Советского Союза. Как и все репатрианты, эта семья должна была приехать в Вену и оттуда в Израиль.

Однако филантроп попросил об услуге: направить его родственников сразу в США, чтобы им не пришлось проехать через Израиль.

В то время в Вене работали две еврейские организации из Америки – «Джойнт» и ХИАС. «Джойнт» – это благотворительная организация, которая помогала нуждающимся евреям, особенно в Восточной Европе с начала XX века. ХИАС был основан примерно тогда же, его задачей была помощь евреям в эмиграции и абсорбции в США. Отделения «Джойнта» и ХИАСа в Вене остались еще со времени конца Второй мировой войны. В последний раз эти организации были задействованы во время советского вторжения в Чехословакию и при эмиграции евреев из Польши, после того как польский лидер Гомулка обвинил евреев в поддержке Израиля и сионизме. Выезд евреев Польши в Израиль проходил через Вену. В Вену также прибывали евреи из Польши и Чехословакии, предпочитавшие эмигрировать в США или в страны Западной Европы. ХИАС, «Джойнт» и их представительства в Вене оказывали им поддержку в процессе эмиграции. После того как выезд евреев из Польши и Чехословакии прекратился, было решено закрыть оставшиеся без работы представительства этих организаций в Вене.

За две недели до их закрытия «Натив» обратился к представителям Еврейского Агентства в Вене, выполняя просьбу филантропа, и те направили его родственников в ХИАС и «Джойнт». Прибытие этой семьи из СССР в отделения этих американских еврейских организаций привело к отсрочке окончательного закрытия представительств в надежде, что, может быть, к ним обратятся другие семьи евреев, выезжающих из Советского Союза в Израиль. И в самом деле, вскоре после того как первую семью отправили в США, еще одна, которая слышала об этом случае, заявила о желании эмигрировать в США, а не в Израиль. Не особенно задумываясь над результатами, и эта семья была незамедлительно переведена в ХИАС и «Джойнт», чтобы те помогли им в эмиграции в США. То, что произошло дальше, уже история. Все больше и больше людей, узнавая о том, что существует и другая возможность, кроме Израиля, прибыв в Вену, изъявляли желание эмигрировать в США. Со временем появились семьи, просившие выехать в Австралию и Канаду. Австрийцы в изумлении наблюдали за этим процессом: люди приезжали в Вену на основании транзитной визы на пути в Израиль, и изменение маршрута транзита нарушало условия выдачи австрийской визы. Однако австрийцы, с их обостренной чувствительностью к еврейским вопросам после Второй мировой войны, не хотели, совершенно справедливо с их стороны,

вмешиваться в проблемы между евреями и Израилем. В «Нативе» господствовало мнение, что беспокоиться не о чем и можно позволить евреям ехать туда, куда они хотят. Не было сделано никакого анализа причин и последствий этого явления, ни возможного влияния его на выезд евреев из СССР в Израиль в будущем. Так, из-за легкомысленного и непрофессионального отношения это явление увеличивалось и набирало темп, пока не привело к почти полному прекращению выезда евреев из Советского Союза в Израиль.

К 1977 году в Израиле поняли опасность этого явления (оно получило название «отсев») и начали искать способы борьбы с ним, однако и здесь не обошлось без разногласий. Группа выходцев из СССР, членов партии «Херут», решила не принимать меры для прекращения «отсева». Свою позицию они аргументировали правом свободы выбора. Прислушиваясь к ним, Бегин принял эту точку зрения. В то время к Бегину обратился премьер-министр Ицхак Рабин и рассказал о своем намерении выступить с призывом к американским евреям и правительству в Вашингтоне с требованием прекратить всякую помощь евреям, которые выезжают из СССР по израильской визе, а затем направляются в США. Он основывался на нравственных принципах и создававшейся ситуации. Евреи въезжали в Америку, пользуясь предоставляемым им с начала 70-х годов под давлением еврейских организаций на власти США статусом беженцев, чтобы обойти иммиграционные квоты, установленные для иммигрантов из других стран. Израильское правительство, со своей стороны, также заботилось о предоставлении Соединенными Штатами статуса беженца евреям, выезжающим из Советского Союза в Израиль. Причиной тому были деньги. Если советские евреи получат статус беженцев, то правительство США сможет переводить Израилю финансовую помощь в объеме нескольких десятков миллионов долларов в год – для помощи в абсорбции беженцев. Таким образом, все евреи, выезжавшие из Советского Союза по израильской визе, получали статус беженцев. Но, будучи беженцами, они могли въехать и в США. Рабин намеревался бороться с этим явлением и потребовать отмены статуса беженцев для евреев, выезжающих из СССР не в Израиль, потому что еврей, отказывающийся ехать в Израиль, куда он и выехал, своим решением эмигрировать в США превращается в обычного иммигранта.

Израильский истеблишмент не был готов к отмене статуса беженцев для всех евреев, выезжавших из Советского Союза, так как боялся потерять финансовую помощь из США. Деньги, эти несколько десятков миллионов долларов, были важнее. Деньги

были превыше всего, даже если из-за них в Израиль приедет меньше евреев. Нелепость всего происходящего заключалась и в том, что средства на финансирование этих еврейских эмигрантов в США изымались еврейскими организациями из Объединенного еврейского призыва – фонда, который собирал деньги для Израиля! Израильский истеблишмент опасался входить в конфликт с руководством фонда из-за финансирования ими еврейской иммиграции в США выезжающих из Советского Союза, из денег, предназначенных для Израиля. Рабин обратился к Бегину, рассчитывая, что национально-сионистская партия поддержит его инициативу или что оппозиция хотя бы не выступит с публичной критикой этого. Бегин отклонил эту просьбу, сказав, что вопрос будет решаться после выборов, а пока он не может дать обещаний. В 1978 году, когда я приехал в Вену, «отсев» только начался, и не едущие в Израиль составляли около 20 % выезжающих из СССР по израильской визе. В Израиле к тому времени не нашли способов бороться с этим явлением, да и вряд ли понимали его истинные причины и реальное значение.

«Натив» работал в полной координации с сотрудниками «Джойнта» и ХИАСа. Действовала установившаяся процедура: решившие не ехать в Израиль сначала проходили беседу с представителем Еврейского Агентства, который пытался их переубедить. Такой порядок, оговоренный Еврейским Агентством и еврейскими организациями из США, позволял работникам Агентства и еврейским организациям заявить, что они сделали все возможное, чтобы выехавшие поехали в Израиль. После «попытки переубеждения» людей направляли в «Джойнт» и ХИАС для прохождения дальнейшего процесса эмиграции. Мы договорились с «Джойнтом», что сначала все будут направлены для беседы ко мне перед встречей с работником Еврейского Агентства. Мы решили не заниматься ни убеждениями, ни пропагандой. Я сосредоточился на том, чтобы в короткой беседе получить информацию, которая нам была важна. А нас интересовало положение евреев, их проблемы, стремления, отношения к ним властей и причины принятия тех или иных решений. У нас были опасения, что люди не захотят отвечать на вопросы. Однако оказалось, что их готовность давать нам информацию превзошла все наши ожидания. Как видно, докладывать властям, стучать – одно из качеств «гомо советикус». Например, в Италии, где эмигранты находились около полугода до завершения процесса эмиграции, самая большая очередь была к сотруднику американских спецслужб. Люди шли по собственному желанию, чтобы рассказать о том, что они знали или предполагали. А особенно доносить один на другого,

опираясь на собственное разумение, слухи или же просто неуемную фантазию.

Довольно скоро у меня набралось немало разнообразной и качественной информации, которую я начал систематизировать и анализировать для самого себя. Прежде всего для того, чтобы определить для себя необходимые темы и вопросы и сделать беседы более продуктивными. Перед отъездом я спросил у Йосефа Меллера, который возглавлял отдел Советского Союза, нужно ли время от времени систематизировать и анализировать накапливающуюся информацию и пересылать отчеты в Израиль. Он ответил, что в этом нет никакой необходимости, поскольку анализом в «Нативе» не занимаются. От меня требовалось пересылать только запись содержания бесед. В процессе подготовки к работе в Вене я надеялся получить какую-либо методику опроса, записей и отчетности. Однако мне было разъяснено, что нет никакой системы или методики и каждый работает в меру своего разумения. За месяц подготовки я прочитал тысячи отчетов, опросов и различного рода донесений. Картина была удручающей. Я был знаком с методами отчетности и обработки материалов, принятыми в израильской армии и в военной разведке, и решил разработать для себя единую и более профессиональную систему донесений и отчетов. Когда я начал отправлять документы, написанные иначе, мое начальство удивилось и спросило, зачем я это делаю. Я ответил, что мне это представляется более правильным. Спорить со мной не стали. Когда положение в СССР стало для меня более понятным, я решил, что свои выводы и заключения я также должен передать начальству в дополнение к отчетам с содержанием бесед.

В конце 1978 года, после полугода работы в Вене, я подготовил свой первый аналитический отчет. В нем был дан анализ выезда евреев из СССР как общего явления, так и причин, приводящих к решению об эмиграции в Израиль или другие страны. Также была дана примерная оценка ожидаемых размеров эмиграции вообще и разделения на едущих и не едущих в Израиль. В моей оценке было несколько неожиданных выводов. По моему предположению, советские власти приняли решение выдавать разрешение на выезд в Израиль всем, кто подаст просьбу на основании вызова от родственников из Израиля независимо от степени родства, реального или мнимого. Исключение составляли лишь отказы по соображениям безопасности или невыполнения обязательств по отношению к семье или государству. В результате резко возросло количество заявок на вызовы из Израиля, и как следствие этого я ожидал значительного увеличения количества выезжающих. Анализируя

причины отъезда, я пришел к выводам, которые раздражали и до сих пор продолжают раздражать довольно многих людей. Но ничего не поделаешь, я верю в правоту этих выводов и сегодня, и они были доказаны жизнью. На мой взгляд, существовало три основных причины, из-за которых евреи выезжали из Советского Союза. Первая причина: неудовлетворенность своим положением – в основном материальным, но часто и общественным. Вторая причина: по их оценке, на Западе, в Израиле или в других странах их положение с большой степенью вероятности намного улучшится. Информация, полученная от выехавших в Израиль или в другие страны, только укрепляла эту уверенность. Третья причина: реальная возможность, легкость и простота перехода из положения гражданина СССР в гражданина или жителя какой-либо страны на Западе, другими словами, возможность выехать из СССР. Поскольку первые две причины существовали постоянно в среде российской интеллигенции, в том числе и еврейской, только третий фактор – степень возможности и трудности выезда – определял количество выезжающих. Если положение в СССР не изменится, то темпы выезда евреев, большинство из которых уверены, что на Западе, в том числе и в Израиле, их жизнь улучшится, будут зависеть только от возможности выехать. Чем легче будет покинуть страну, тем больше будет желающих это сделать.

После серьезного и глубокого анализа информации я пришел к выводу, что ни национальное самосознание евреев, ни проявления антисемитизма не являются причинами, определяющими или влияющими на решение о выезде из СССР, а только три вышеуказанные причины. Евреи, выросшие в стране, где распространен антисемитизм, решают покинуть ее не из-за антисемитизма, к которому они привыкли, а по другим причинам, более важным, по их мнению. Проявления антисемитизма в СССР были не настолько острыми и угрожающими, чтобы стать причиной для выезда. Поскольку антисемитизм не был одной из основных причин решения о выезде, он не влиял также и на выбор будущей страны проживания, есть ли в ней или нет проявлений антисемитизма. Еврейское происхождение и укрепление связи с еврейством являлись единственным и достаточно эффективным инструментом для выезда из Советского Союза, но не его целью. Только мизерное меньшинство, единицы, проникшиеся глубоким национальным самосознанием, видели в выезде в Израиль цель всей своей жизни.

Именно поэтому в своем анализе ситуации я пришел к выводу, что евреи, как, впрочем, и представители других народов,

выберут для себя лучшую, по их мнению, страну из предоставленных им на выбор. И в глазах советских евреев не Израиль, а США, Канада, Австралия или даже Германия будут предпочтительней. С их точки зрения, это большие, многонациональные государства с намного лучшими перспективами и возможностями устройства, к тому же не находящиеся в состоянии войны. Все остальные проблемы казались этим людям ничтожными по сравнению с теми, которые у них были в СССР. Израиль – маленькая ближневосточная страна, не совсем развитая и не совсем европейская, постоянно находящаяся в состоянии войны или в ее преддверии, будет намного менее привлекательна в качестве потенциального места жительства, чем США или любая другая западная страна. Я также отметил, что если у евреев появятся лучшие, на их взгляд, опции, чем американские, например, если Швейцария, Франция или Великобритания согласятся принимать евреев СССР, то они повалят туда, предпочитая эти страны США. Однако, поскольку эти страны им не доступны, они довольствуются тем, что есть, и США в их глазах предпочтительнее Израиля. Рассказы об антисемитизме и расовых проблемах в США, будь то основанные на реальных фактах или в пропагандистских целях, их не пугают.

Мой вывод был, что число предпочитающих ехать в другие страны, а не в Израиль будет постоянно и быстро возрастать. Темпы роста этого количества определялся моментом начала массового выезда из данного города. По моим оценкам, принятие решения о выезде занимало год, полтора, и важно было, в каких условиях и под влиянием каких факторов принималось это решение. Люди, которые выехали из СССР в 1978 году, начали взвешивать возможность выезда в 1976 году. Их решение отражает в большой степени ту атмосферу и те настроения, которые царили в местах их проживания в тот период, когда большинство выезжающих из СССР еще ехало в Израиль. Однако со временем таких людей будет становиться все меньше. Те, кто начал думать о выезде в 1978 году и сможет выехать примерно через год, находится в атмосфере, когда все больше и больше выезжающих предпочитают Израилю другие страны. Особенно это ощущается в таких городах, как Киев, Минск и другие, эмиграция из которых началась относительно недавно. Я утверждал, что из этих городов лишь единицы поедут в Израиль – по семейным обстоятельствам, идеологическим и религиозным мотивам или из медицинских соображений. Моим заключением было, что в течение короткого времени абсолютное большинство выезжающих, более 90 %, предпочтут ехать не в Израиль, а в другие страны. В том же заключении я подчеркнул, что никакие

средства убеждения и пропаганды не смогут повлиять на решение евреев, выезжающих из Советского Союза, мировоззрение этих людей было сформировано советской действительностью. Я утверждал, что только невозможность въехать в другие страны, а именно лишение их статуса беженцев и прекращение им помощи, как беженцам, сможет изменить ситуацию.

Впоследствии, в многочисленных беседах с руководителями «Натива», «Сохнута», американских и еврейских организаций, с израильскими политиками я пытался разъяснить свои выводы, спорил и убеждал. Многие из них задавали один и тот же вопрос: если у евреев не будет возможности попасть в США, будут ли они вообще выезжать или предпочтут остаться в Советском Союзе. Многие так называемые «специалисты» по советским евреям утверждали, что нет. Я же утверждал, что евреи предпочтут ехать в Израиль, но не оставаться в СССР, даже если у них не будет возможности попасть в Соединенные Штаты. В Израиле, особенно учитывая тогдашние условия абсорбции, их жизнь все равно будет лучше, чем в СССР. Нельзя забывать и о том, что в то время речь шла в лучшем случае о десятках тысяч выезжающих в год. В конце концов Бегин принял окончательное решение не принимать никаких мер, чтобы предотвратить «отсев» выезжающих по израильской визе в другие страны. Что же касается причин такого решения, то, по утверждениям тех, кто слышал это от него в личных беседах, Бегин заявлял, что ему нужна поддержка американских евреев в борьбе за неделимый Израиль, за Иудею и Самарию и он не готов ставить под угрозу эту борьбу из-за проблемы «отсева» советских евреев. Тем временем мои прогнозы и по количеству выезжающих из СССР, и по части не едущих в Израиль начали сбываться.

Серьезных мер для борьбы с «отсевом» никто не предпринимал, но многие организации хотели продемонстрировать, что они как-то пытаются бороться с этим явлением. После долгих разговоров и помпезных заявлений в Еврейском Агентстве родилась идея посылать в Вену группу из шести-семи сотрудников на короткий срок, не более двух месяцев, чтобы попытаться уговорить выезжающих из Советского Союза ехать в Израиль. Во главе этого проекта была поставлена член Центрального комитета «Ликуда», бывшая одной из центральных фигур еврейского движения в Риге в 60-х годах и приехавшая в Израиль в 1968 году. Она вела очень активную деятельность в партии «Херут» по работе с выходцами из Советского Союза и была одной из самых ярых противниц принятия каких-либо мер пресечения «отсева».

Едущие не в Израиль находились в Вене, до переезда

в Италию, около недели, и за это время нужно было постараться убедить их изменить свое решение. С той же целью были командированы несколько постоянных сотрудников Еврейского Агентства на более долгий срок в Италию, где выехавшие проходили процедуру оформления документов, занимавшую до полугода. Результаты этой работы были мизерными. Только отдельные семьи меняли свое решение. Конечно, и это было важно, но на масштабы явления в целом влияло мало. Обычно удавалось переубедить тех, кто изначально сомневался в силу семейных обстоятельств или каких-то других причин, ехать ли им в Израиль или в другую страну. Были среди них и такие, для которых это была возможность остаться и погулять в Вене несколько дней, заявив о своем желании ехать в США, а по истечении недели как будто бы «передумать» и уехать в Израиль. После атаки палестинскими террористами поезда с евреями из СССР в 1973 году австрийские власти направляли под своей охраной ехавших из Советского Союза в Израиль в отдельное, огороженное и охраняемое место, чтобы обезопасить их от новых атак террористов. Это было сделано не для того, чтобы воспрепятствовать тем, кто не хотел ехать в Израиль, выехать в другие страны, потому что, заявив о нежелании ехать в Израиль, они могли всегда покинуть это место. Эти меры принимались только из соображений безопасности.

В это время наметилась новая тенденция – незаконная иммиграция в Германию. Те, кто ехал в США и Канаду после нескольких дней пребывания в Вене, направлялись в Италию, поскольку в Риме находился американский центр проверки и оформления иммигрантов в США. Однако уже в Вене те, кто хотел, встречались с контрабандистами – евреями, австрийцами или немцами, которые незаконно переправляли их в Германию на машинах, поездах и другими способами. Довольно быстро у меня были все данные о сетях контрабандистов. Я знал, кто эти люди, каковы их методы и способы, графики их рейсов. Когда я обсуждал это с австрийцами и немцами, которые также были в курсе дела, они мне сказали: «Сами мы не будем проявлять инициативу. Однако, если от вас поступит запрос, с этим будет покончено за 24 часа. Незаконный переход границы – преступление, и этим занимаются уголовники, а не борцы за права человека. Однако без запроса с израильской стороны мы не будем вступать в конфликт с евреями».

Когда Нехемия Леванон, глава «Натива», приехал в Вену, я предложил ему обратиться к премьер-министру с просьбой разрешить мне действовать, чтобы положить конец этому позору – контрабандному провозу евреев в Германию. Однако в

следующий свой приезд Леванон сообщил мне, что переговорил с Бегином, и реакция премьер-министра была следующая: «Что? Мы будем выдавать евреев немецкой полиции? Ни за что!» Весьма характерная фраза для Менахема Бегина. Мы не стали выдавать контрабандистов ни немецкой, ни австрийской полиции. В 1978–1981 годах около 20 тысяч евреев из Советского Союза въехали в Германию незаконным образом. В основном ехали из Вены, в редких случаях – из Италии. Таким образом, мы сами увеличили еврейскую общину в Германии, позоря и унижая память о Катастрофе. Наше невмешательство привело к тому, что дети людей, уничтоженных нацистами или павших в боях с нацизмом, пробирались через границу в Германию, чтобы получить там чуть лучшие условия, чем в США или в Израиле. Иммиграция в Германию таким позорным способом вызвала у меня чувство стыда и отвращения за то, что мы, еврейское государство, способствуем этому своим бездействием.

Тем временем постоянно поступающая информация привела меня к тревожному выводу. Из свидетельств, из сравнений и анализа складывалось впечатление, что советские власти встревожены быстро растущим количеством евреев, подающих просьбы о выезде. Устранение многих трудностей при получении разрешения на выезд в Израиль в 1976–1978 годах привело к резкому увеличению количества желающих выехать. ОВИРы с трудом справлялись с таким наплывом, особенно в основном из-за того, что не были увеличены штаты работников и темпы рассмотрения документов остались прежними. Концентрация и систематизация информации, а также сравнительно простые подсчеты указывали на все более растущее несоответствие между количеством заявлений и пропускной способностью ОВИРов. Время ожидания до подачи документов на выезд растянулось до полугода и больше и породило коррупцию и взятки за ускорение очереди на подачу документов. Отсутствие каких-либо признаков, что власти пытаются решить проблему очередей, привело меня к выводу, что они планируют другие методы сокращения количества выезжающих. Я предположил, что в скором времени будут наложены новые ограничения на выдачу разрешений на выезд, и сосредоточился на поиске свидетельств, подтверждающих или опровергающих мои предположения.

Довольно скоро стала приходить разнообразная информация из различных источников, указывающая на то, каким именно образом советские власти собираются ограничить выезд. Из полученных данных явствовало, что в скором времени отпускать будут только в рамках настоящего воссоединения семей. Иными словами, только те, у кого есть прямые родственники – братья,

сестры, родители или дети, – смогут подать просьбу о выезде. Вместе с тем я предположил, что те, кто успеет подать просьбы о выезде на старых условиях, получат разрешение, поскольку власти не заинтересованы в том, чтобы увеличивать количество отказников. Предыдущий опыт показывал, что отказники довольно быстро объединяются в группы давления, все более и более активные, и, учитывая растущую международную поддержку Израиля и международных организаций, советским властям становилось все труднее им противостоять. Не принять документы на основании отсутствия прямого родства – намного более эффективный способ сократить количество выезжающих, не увеличивая количество отказников. По моему мнению, советские власти понимали, что вызовы присылаются только от реальных граждан Израиля, так что десятки тысяч не поехавших в Израиль не смогут послать своим родственникам вызовы из Израиля. По моим оценкам, советские власти, исходя из своих интересов, не намеревались выпускать евреев на основании вызовов от родственников из США или других западных стран. Мне также удалось более или менее точно определить даты введения новых правил в основных городах СССР.

В начале 1979 года я подготовил итоговый отчет, в котором были подробно изложены новые правила и предполагаемые сроки их введения в различных городах Союза. На основании этого я сделал прогноз на 1979 год по предполагаемому количеству выезжающих евреев из каждого города и из страны в целом. К примеру, если мне не изменяет память, я предположил, что первым городом, где введут новые правила, начиная с 1 апреля 1979 года, станет Одесса. По моим предположениям, новые ограничения должны были отразиться на количестве выезжающих примерно через полгода. А до того момента количество желающих эмигрировать по израильской визе будет соответствовать темпу принятия просьб на выезд по старым правилам. Довольно простые расчеты указывали на то, что до сентября-октября 1979 года число выезжающих будет быстро расти, а затем начнет резко снижаться. В 1980 году выедут всего несколько тысяч человек, по сравнению с 50 тысячами, которые выедут в 1979 году.

Когда Нехемия Леванон был в Вене, он сказал мне, что мои оценки стали для него неожиданностью. Все израильские и американские специалисты, в том числе из МИДа США и из ЦРУ, категорически не согласны с моими выводами. Я ответил, что я уверен в своих оценках и прогнозах. 1 апреля я попросил эмигрантов из Одессы, которые находились в Вене, позвонить своим знакомым в Одессу, и действительно в этот день ОВИР

официально объявил о том, что теперь заявления на выезд в Израиль будут приниматься только от прямых родственников. События развивались в точности по описанному мной сценарию, и с этого момента можно было ставить галочки на карте возле каждого города, где вводилась новая система, и следить за результатами. Кажется, я не ошибся насчет главных городов, и тем самым спор между мной и всеми моими оппонентами был решен.

Правда, еще в течение полугода слышались утверждения, что мои прогнозы не верны, ведь количество выезжающих продолжало расти, однако к осени 1979 года всем стало ясно, что ситуация изменилась. А когда в 1980 году цифра отъезжающих резко снизилась, те же «специалисты» заявили, что это – реакция СССР на отношение Запада к вторжению в Афганистан. Меня это рассмешило, но и по сей день кое-кто всерьез продолжает придерживаться «афганской» версии. Решение о вторжении в Афганистан и само вторжение произошли в декабре 1979 года, через год после принятия решения об изменении правил выезда в конце 1978 года, и почти через год после того, как я предупредил об этом в своем отчете. Во время следующего приезда в Вену Леванон рассказал мне, что он ходит как павлин по различным организациям в Штатах – американцы удивляются, как израильтяне смогли узнать то, что никому не удалось. По его словам, наш престиж существенно вырос в их глазах. На меня это не произвело особого впечатления. Из бесед с американцами у меня сложилось мнение, что их способности разобраться в происходящем в Советском Союзе, особенно в вопросах, касающихся евреев, весьма ограниченны.

Меня больше беспокоило, что советские власти нашли решение, как бороться с выездом, и ворота для выезда евреев постепенно закрывались. Несмотря на наши предупреждения и оценки, никто ничего не предпринимал ни для того, чтобы предотвратить введение новых правил, ни для борьбы с их последствиями. Еврейские организации, государство Израиль, в том числе и «Натив», не сделали ничего, чтобы противостоять действиям Советского Союза. Ни от активистов, приехавших в Израиль или другие страны, ни от отказников не последовало никакой серьезной реакции, и власти Советского Союза смогли, почти без сопротивления, сократить количество выезжающих евреев всего до нескольких тысяч в год. Борьба сконцентрировалась на узниках Сиона и отказниках, а вопрос о массовом выезде евреев почти исчез с повестки дня.

Подтвердились также мои прогнозы о количестве решивших не ехать в Израиль. Из некоторых городов, например из Киева,

Одессы или Минска, более 90 % направлялись в другие страны. В 1980–1981 годах и позднее количество выезжающих резко сократилось, также сократилось и число едущих в Израиль. В 1979 году из СССР уехала 51 тысяча человек, около 17 тысяч из них – в Израиль. С этого момента и до 1990 года процент едущих в Израиль от общего числа выезжающих неуклонно падал. В 80-х годах число выезжающих стало совсем незначительным и в конце концов стало просто смешным – 1200 человек в год. Подавляющее большинство, хотя и имело прямых родственников в Израиле, приславших им вызов, тем не менее, предпочитало другие страны.

Представители Еврейского Агентства пытались взывать к их совести: «Если вы не поедете в Израиль, ваши родственники уже не смогут выехать из СССР. Ведь приглашения от вашего имени можно высылать только из Израиля. Если вы поедете в США, то ваших родителей, братьев и даже детей никогда не выпустят из Советского Союза. Как вы можете так поступать?» Очень немногие вняли этим увещаниям и изменили свое решение. Большинство же продолжало свой путь в соответствии с планами, с чувством стыда или без оного бросая своих родных на произвол судьбы в СССР. Не раз мне доводилось сталкиваться с ложью и лицемерием людей, выросших в советском обществе, с их извращенной системой моральных ценностей. После девяти лет, прожитых в Израиле, я был поражен их низостью и презрением к общечеловеческой морали.

Иногда происходили просто поразительные случаи цинизма. Среди сотрудников Еврейского Агентства, которые занимались разъяснительной работой, были разные люди. Конечно, были политически или лично приближенные к тем, кто их послал, но были и люди очень достойные. Именно таким человеком была Софья Тартаковская, профессор французской литературы, до выезда в Израиль преподававшая в Ленинградском университете. В то время ее муж, один из лучших нейрохирургов в мире, будучи представителем Израиля во Всемирной федерации нейрохирургов, был избран ее председателем. Выступая перед евреями, которые решили не ехать в Израиль, Софья Тартаковская и столкнулась с одним случаем, который ее шокировал. Как обычно, она выступала с лекцией перед группой в одной из венских гостиниц, где разместили выехавших из СССР. Она обратила внимание на молодого человека, который в течение всей лекции смотрел на нее горящими глазами. Ей показалось, что он очень хочет ее о чем-то спросить. После окончания лекции молодой человек подошел к ней и попросил о личной беседе. Он сказал, что у него есть проблема и он уверен, что только Израиль

может ему помочь. Софья Тартаковская, преисполнившись гордости за свою страну, сказала, что Израиль, конечно, найдет способ помочь ему. То, что она услышала после этого, потрясло ее, и еще многие месяцы она с трудом могла разговаривать с теми, кто не хотел ехать в Израиль. Молодой человек без стеснения поведал ей, что по дороге сюда он на несколько дней задержался на таможне в Чопе на советской границе и подцепил там венерическую болезнь и он надеется, что Израиль поможет ему вылечиться, чтобы он мог въехать в Соединенные Штаты!

За два года, проведенные в Вене, я провел подробнейшие беседы с десятками тысяч советских евреев. Знания и опыт, которые я приобрел, помогали и помогают до сегодняшнего дня понимать проблемы евреев Советского Союза. Я встречался с отказниками, «активистами движения», пытавшимися найти идейные аргументы для оправдания нежелания ехать в Израиль, несмотря на свои сионистские заявления в Советском Союзе и поддержку со стороны Израиля во время пребывания в отказе. Я понимал причины их выбора, хотя и не мог согласиться с ними. Некоторые из этих людей ехали в США, испытывая чувство стыда, а некоторые совсем не стыдясь. Мне было очень тяжело в таких случаях сдерживать свои эмоции. Я, который боролся за выезд евреев из СССР в Израиль, должен был смотреть, как эти люди своими руками разрушают то, что нами было сделано и достигнуто, и подвергают опасности сам выезд евреев из СССР в Израиль. Я чувствовал и видел все возрастающую угрозу выезду евреев в Израиль. Все-таки мне удалось преодолеть свои чувства и не дать им повлиять ни на свои оценки и анализы, ни на свои отношения с этими людьми. Я считал, что у людей есть право определять свою судьбу, но мы не обязаны помогать им, нарушая законы и нормы и действуя в ущерб нашим национальным интересам.

Меня очень задели лицемерие и корысть американских еврейских организаций. Эмиграция советских евреев в США была для них источником влияния, занятости и финансирования, от которого они не могли и не хотели отказываться, потому что деньги для советских евреев американское правительство направляло через эти организации, чтобы они занимались их эмиграцией. Все их лозунги о свободе выбора и уважении права евреев выбрать страну эмиграции выявились во всем своем циничном лицемерии, когда начался выезд евреев Эфиопии в Израиль. Ни одна из еврейских организаций, тех самых, которые построили для этих людей перевалочные лагеря в Эфиопии и всячески способствовали их выезду в Израиль, даже не заикнулась о том, что, может быть, и эфиопским евреям

полагается такая же свобода выбора, как и евреям Советского Союза. Может быть, и евреи Эфиопии захотели бы уехать в Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Нью-Йорк или Майами, точно так же, как и евреи Киева или Санкт-Петербурга. Мне не раз приходилось слышать от чиновников американского правительства, что они готовы отменить статус беженцев для евреев, выезжающих из Советского Союза с израильской визой. Но они хотели бы быть уверенными, что американские еврейские организации не обвинят их в антисемитизме и не устроят скандалов, чтобы оказать на них политическое давление. Американские чиновники не были готовы жертвовать своим будущим, чтобы прекратить «отсев», хотя в их глазах это было справедливым решением.

К 1980 году «мудрецы» из Израиля, Еврейского Агентства, «Натива» и американских еврейских организаций придумали новый способ борьбы с «отсевом»: специальный временный лагерь в Италии. Евреи из Советского Союза должны были находиться в нем неделю без какого-либо контакта с представителями американских еврейских организаций, подвергаясь интенсивной пропагандистской обработке работников Еврейского Агентства. Если и после этого у них не пробудится желание ехать в Израиль, они будут переданы американским еврейским организациям для завершения оформления процедуры въезда в другие страны. Когда спросили мое мнение об этом, я сказал, что все это дешевое и бесполезное представление для очистки совести и создания иллюзии какой-то деятельности. Еврей, который уже доехал до Италии, уже чувствует воздух свободы и Рима и близость желанного Майами. Он с удовольствием проведет еще одну, дополнительную, неделю на берегу Средиземного моря в условиях, о которых он и не мечтал, которые позволят ему стойко выдержать более или менее удачную израильскую пропаганду. Будучи советскими гражданами, они мало были восприимчивы к пропаганде, иммунитет к которой вырабатывали всю свою предыдущую жизнь. Советский гражданин, как только чует намек на пропаганду, тут же закрывается и защищается от нее, поэтому вряд ли кто-либо изменит свое решение не ехать в Израиль. Я прямо высказал свое мнение, что это не только пустая трата времени и денег, но и элементарное очковтирательство.

Однако это «решение проблемы» позволяло израильскому и еврейскому истеблишменту, занимавшемуся евреями Советского Союза, заявить: «Мы сделали все возможное, чтобы евреи поехали в Израиль». Поэтому было принято решение реализовать проект и были начаты поиски места для временного лагеря возле Неаполя. По указанию «Натива» я тоже выехал туда. Оказалось, что в Италии можно арендовать место и использовать его только с

условием привлечения местной мафии. В конце концов проект не был реализован, хотя не итальянская мафия оказалась тому помехой.

По прошествии двух лет меня попросили вернуться в Израиль. В «Нативе» проводили реорганизацию и внедряли компьютерную систему. Начальство хотело, чтобы я сосредоточился на работе в Израиле, используя опыт, приобретенный в Вене. Без особого сожаления мы оставили Вену и вернулись в Израиль. По возвращении я обнаружил, что мы все: моя жена, сын и я – привыкли к фамилии Кедми, а моя дочь родилась в Вене под этой фамилией. Так, в Израиль вернулся уже не Яша Казаков, а Яков Кедми, неизвестный публике человек, сотрудник «Натива» при канцелярии премьер-министра.

23

В течение многих лет я серьезно изучал «Натив», его сущность и цели. Пытался осмыслить и сформировать концепцию организации в соответствии со своим пониманием. Став во главе «Натива», я учредил специальную должность для изучения истории организации и ее документации. Я могу утверждать, что знаю причины и условия создания организации и ее историю лучше, чем кто-либо.

Решение о создании «Натива» было принято первым премьер-министром Израиля Давидом Бен-Гурионом в декабре 1951 года по рекомендации Реувена Шилоаха и Шайке Дана. Реувен Шилоах возглавлял Моссад, инициатором и основателем и первым руководителем которого он и был. Шайке Дан, из ряда вон выходящее явление на фоне истории Израиля, был одним из еврейских добровольцев подмандатной Палестины и служил в подразделении британской разведки МИ-6 во время Второй мировой войны. Бойцы этого подразделения были заброшены на парашютах на оккупированные нацистами территории и действовали среди еврейского населения. Шайке Дан был заброшен в Румынию. В том же подразделении, вместе с ним, служила Хана Сенеш, которую забросили в Венгрию. Там она была схвачена и, после тяжелейших пыток, расстреляна венгерской службой безопасности адмирала Хорти. После войны Шайке Дан занимался закупкой оружия для зарождающегося государства и выездом в Израиль евреев из Восточной Европы. Шилоах и Дан предложили создать особую организацию, для поддержания контакта с евреями за «железным занавесом». В распоряжении о создании «Натива» Бен-Гурион написал, что он принимает их предложение и приказывает создать особую организацию, которая будет заниматься евреями за «железным занавесом». Бен-Гурион подчеркнул, что эта организация должна быть в «рамках разведки». И «Натив» был создан в соответствии с этим.

«Натив» – относительно позднее название этой организации. Сначала она называлась «Мелет», а потом БИЛУ. Первичная деятельность организации была сосредоточена на установлении связей с евреями в странах за «железным занавесом» и, прежде всего, нелегальном вывозе тех, кого возможно. Для выполнения этой задачи были разработаны самые разнообразные и нестандартные средства и методы. Этот период, за который организации удалось нелегально вывезти примерно сорок евреев, до сих пор считается периодом, полным риска, сумасшедшей

отваги и героизма. Евреев вывозили по одному, с риском для жизни для них и спасателей. Смертная казнь была самым реальным исходом для них в случае провала. Однако выше всего необходимо оценить смелость и высочайшую мораль, проявленную государством Израиль. Только что созданное государство, само существование которого было обеспечено с трудом, из-за угрозы со стороны окружающего враждебного арабского мира, да еще скудное ресурсами, идет на риск острейшей конфронтации с могущественной державой, самой сильной и опасной в мире. Крошечная, уязвимая страна создает организацию для тайной борьбы с СССР и странами Восточной Европы с их жесточайшими режимами, чтобы попытаться вывезти оттуда хотя бы несколько десятков евреев. Смею предположить, что сегодняшнее руководство нашей страны не пошло бы ни на что подобное, и не только из чисто прагматических соображений. Лучшие люди из систем разведки тех дней, которые должны были обеспечить существование и безопасность государства, были направлены на спасение сынов своего народа. Их любительский уровень, те или иные совершенные ошибки меркнут рядом с этим, одним из самых важных, исторических, государственных стратегических решений, принятых тогда. По важности я считаю это решение вторым после решения Бен-Гуриона вопреки всем шансам и мнениям о создании государства Израиль.

Вскоре после основания «Натива» Реувен Шилоах попал в автокатастрофу. Главой Моссада был назначен Иссер Харэль. Я беседовал с ним об этом периоде, и он помнил все мельчайшие подробности, связанные с «Нативом», несмотря на то что ему уже перевалило за восемьдесят. Харэль рассказал, что свой первый день на посту главы Моссада он был вынужден провести, занимаясь делами «Натива». «Натив» намеревался тогда осуществить одну сложную операцию, связанную с советским представительством в одной из стран Европы, и Харэль должен был проверить планы и утвердить операцию. Он не утвердил операцию, и по тому, что я знаю, совершенно справедливо. В 1953 году по инициативе Шайке Дана главой «Натива» был назначен Шауль Авигур (Меиров), в прошлом глава организации «Моссад Ле-Алия Бет». Авигур отошел от всех дел после окончания Войны за независимость, уединившись в своем кибуце, тяжело переживая смерть своего сына Гура, павшего на этой войне. Предложение возглавить «Натив» в рамках Моссада он все-таки принял. Но как раз в то время Бен-Гурион ушел в первый раз в отставку с поста главы правительства, и его место занял Моше Шарет. Шарет был шурином Авигура, братом его жены. Иссер Харэль рассказал мне, что он не хотел влезать в эти политические

и семейные сложности, и сказал Авигдору, что тот может работать напрямую с главой правительства. У Шауля Авигура был особый статус в государстве Израиль, и у него были очень близкие и особые отношения с Бен-Гурионом, что создавало определенные сложности в его отношениях с Иссером Харэлем. Так, по совершенно сторонним, скорее, даже личным соображениям, «Натив» превратился, все еще находясь в рамках Моссада, в практически самостоятельную службу, подчиняющуюся непосредственно главе правительства.

Политическое влияние и личный авторитет Шауля Авигура влияли и на статус возглавляемой им организации. Также и особый статус Шайке Дана еще более усиливал «Натив», намного больше его формального статуса. Только в 1971 году глава Моссада Цви Замир написал главе «Натива», что разрешает по вопросам об утверждении бюджета обращаться самостоятельно непосредственно в Комиссию по иностранным делам и обороне Кнессета. Глава Моссада написал, что согласен, чтобы все вопросы бюджета, включая его утверждение и обсуждение с Министерством финансов, «Натив» вел самостоятельно. На всем протяжении существования «Натива» с самого дня его создания существовали напряженные отношения между ним и Министерством иностранных дел. Руководство Министерства иностранных дел постоянно утверждало, что «Натив» осложняет ей дипломатическую деятельность, мешает поддерживать нормальные отношения с Советским Союзом и странами Запада, вмешивается в дипломатическую деятельность чиновников Министерства иностранных дел. Только в отдельные, короткие периоды не было конфронтации, когда министром иностранных дел была Голда Меир, между которой и Шайке Даном были дружеские отношения и взаимное уважение, а также в бытность на этом посту Моше Даяна.

Работники «Натива» всегда ставили интересы и спасение евреев, помощь им в выезде в Израиль превыше всех государственных интересов. Чиновники Министерства иностранных дел, хотя и не все, думали иначе. Евреи и забота о них мешали им, и среди чиновников были и такие, которые считали, что это – неподобающее занятие для профессиональных дипломатов. С подобными случаями я особенно часто сталкивался в девяностых годах. Некоторые видели в этом понижение статуса Израиля. Их позиция, хотя и не выражалась открыто, состояла в том, что мы, израильтяне, отличаемся от евреев и мы выше «всяких там еврейских соображений». Так, подсознательно, а иногда и сознательно, чиновники Министерства иностранных дел постоянно так или иначе

относились сдержанно-отрицательно и с недоверием к деятельности «Натива». Но главы правительств Израиля, вплоть до середины девяностых годов, считали проблемы евреев России и стран восточного блока, связи и контакты с ними, и действия для обеспечения их безопасности и выезда в Израиль делом наивысшей государственной важности. Поддерживая «Натив», они тем самым на деле правильно определили государственные приоритеты, хотя это и не всегда было оформлено официально. Однако бюрократические формальности не были сильной стороной государства Израиль в первые тридцать лет его существования.

Таким был «Натив», когда я пришел туда как кадровый сотрудник. Я был назначен заместителем начальника отдела, который занимался Советским Союзом. Через короткое время после того, как я приступил к работе, в организации провели нечто вроде инспекции. Ее проводил адвокат Маринский, по указанию Менахема Бегина. Со временем я прочитал его отчет и долго смеялся. Причиной инспекции были претензии по отношению к организации от сторонников и членов движения «Херут», и Бегин направил Маринского, ревизиониста, одного из приближенных к нему людей, чтобы тот проверил работу «Натива» с точки зрения «идеологической чистоты». Главное, что Маринский хотел проверить: действительно ли сотрудники «Натива» честно и преданно занимаются проблемами евреев. Не примешиваются ли к делу чуждые ему политические или идеологические соображения, за исключением назначения «своих» людей, что в те времена в Израиле было общепринятой нормой, даже в большей степени, чем сейчас. Это не была профессиональная инспекция, как следовало ожидать от представителя главы правительства. Маринский подтвердил и совершенно справедливо отметил удивительную преданность и верность работников «Натива» государству, национальным интересам и делу спасения евреев и помощи им. Он указал на кристальную честность этих людей, в чем никогда не возникало сомнения за все годы существования «Натива», но все остальное осталось вне его внимания. Маринский не проверял, есть ли недочеты в профессиональной работе, хотя они были, как в любой другой организации, частично по объективным, частично по субъективным причинам, как и организационным, так и профессиональным. Да он и не был способен провести подобную проверку. Свой отчет Маринский подал Бегину, и тот был доволен и радостно почивал на лаврах. Мне это напомнило отчеты партийных инспекций в Советском Союзе, рапортующие об идеологической верности и преданности принципам ленинизма,

коммунизма или очередного «-изма».

Я уже описывал свою встречу с Менахемом Бегином, в результате которой оказался в «Нативе». С тех пор я с ним не встречался, однако есть две вещи, которые я запомнил и которые не могу простить, и считаю, что у меня на это есть полное право. Во-первых, он не изменил ни на йоту политику Израиля в отношении советских евреев. Все его громогласные заявления, зажигательные речи о «наших борющихся братьях» и обращенные к правительству требования изменить свои действия остались пустыми словами, дешевой предвыборной агитацией. Придя к власти, он был занят творением истории, и ему уже не было дела до изменения политики в отношении евреев Советского Союза. Второе, что оставило во мне глубокую рану, не зарубцевавшуюся до сих пор, – это заключенный им мирный договор с Египтом. Те, кто проголосовал тогда за Бегина, не предполагали, что первое, что он сделает на посту премьера, – заключит договор с Египтом и уступит Синай. Не для этого и не за это избиратели проголосовали и привели Бегина к власти. Но, видимо, слепая вера Бегина в свое собственное величие и историческое предназначение позволила ему игнорировать мнение своих избирателей. При всех публичных и официальных излияниях уважения к достоинству избирателей, мнения и желания как избирателей, так и соратников по партии «Херут» в глазах Бегина не стоили ровным счетом ничего. Их предназначением было преклоняться перед ним и выполнять его приказы, не более того. Пока человек поддерживал Бегина, тот был готов демонстрировать ему почет и уважение. Я помню, с каким пренебрежением и высокомерием Бегин обращался к Хаиму Ландау, одному из самых близких и преданных ему людей, и только потому, что Ландау посмел усомниться в правильности мирного договора с Египтом. Бегин призвал все свое великолепное ораторское искусство и обрушился с потоком оскорбительных и пренебрежительных выпадов, чтобы унизить Ландау, одного из высших командиров ЭЦЕЛЬ и руководителей партии «Херут», чье преступление состояло лишь в том, что он посмел выразить свое мнение и усомниться в словах вождя.

Когда Бегин начал переговоры о соглашении с Египтом, по которому Израиль уступал Синай, я почувствовал, что меня предали. Я чувствовал, что этот человек просто лжет нам. Еще более противным мне было поведение членов партии «Херут». Ведь если бы не Менахем Бегин, а какой-то другой политик или, не дай бог, другая партия пошли хотя бы на часть уступок, на которые пошел Бегин, их бы просто разорвали в клочья. А тут вождь сказал, все встали по стойке «смирно» и салютуют вождю,

потому что с вождем не спорят, ему только преклоняются и исполняют его волю. Израиль конца семидесятых с покорностью и слепым подчинением вождю напомнил мне знакомые картины страны моего рождения. Я покинул государство идеологической и личной диктатуры, и мне претило, что в моей стране может быть то же самое. Однако, находясь на службе в профессиональной закрытой организации, которая стояла вне политики, я не имел права выразить кипящие во мне чувства и возмущение ни в какой форме.

Я помню встречу с Геулой Коэн после заявления Садата о визите в Иерусалим, ее озабоченность и тревогу. «Яша, – сказала она, – мне страшно от мысли, чем мы заплатим за этот визит». Предчувствия ее не обманули и в этот раз, однако и Геула не могла себе представить, что платой будет весь Синай, до самой последней песчинки.

И сегодня, когда прошло уже почти тридцать лет и я полностью поддерживаю заключение мира с Египтом и сожалею, что противился ему тогда, не могу простить Бегину того, как он вел себя в тот момент, пренебрегая, в моем понимании, нормами политической порядочности и демократии. Мои сегодняшние аргументы в поддержку мирного договора с Египтом отличаются от тех, которые тогда приводил Бегин в оправдание своего шага. Еще более нелепо выглядит та часть договора, где речь идет об автономии в Иудее, Самарии и Газе, где их жителям предоставляется право решить в течение пяти лет, стать ли им гражданами Израиля с присоединением территорий к Израилю. Если бы этот пункт, не приведи господь, действительно был реализован… Но история не приемлет слова «если».

Когда я вернулся и включился в работу в «Нативе», в отделе Советского Союза, я с удивлением обнаружил, что отсутствует организационное, упорядоченное управление. Не проводилось никаких обсуждений, совещаний, ни по каким-либо отдельным тематикам, ни общего характера. Время от времени происходили встречи между некоторыми членами руководства, но это были скорее обычные беседы, а не упорядоченные профессиональные обсуждения. Распространение и обмен информацией также происходили весьма странно. Иногда создавалось впечатление, как будто бы каждый хранит информацию исключительно для себя, будто это его личный капитал.

Иосиф Мелер создал и организовал отдел СССР. Мелер, рижский еврей, был осужден за сионистскую деятельность и заключен в лагере. В середине пятидесятых, после смерти Сталина, его освободили, и ему удалось репатриироваться в Израиль через Польшу. Он был очень энергичным, скромным и

бесконечно преданным делу советских евреев. По своей инициативе Мелер создал и организовал систему подробной регистрации данных о евреях Советского Союза на базе получаемой «Нативом» информации. Арье Кроль, кибуцник из кибуца Саад, воспитанник движения «Бней Акива», предложил и разработал в рамках «Натива» очень важную систему. Кроль занимался засылкой граждан западных стран с поручениями от «Натива» к советским евреям. Но у Кроля не было доступа к базе данных. Вся информация, как уже говорилось, была сосредоточена в отделе СССР под начальством Мелера. Если он пребывал в соответствующем настроении, он мог бросить своей секретарше: «Дай Арье несколько адресов для поездки». А будучи не в духе, он отказывал в просьбе Кроля. Была нестыковка между «Баром», подразделением в «Нативе», которое занималось действиями на Западе в поддержку евреев Советского Союза, и, собственно, «Нативом», и координация между ними была эпизодической и случайной.

В течение первого года после моего возвращения из Вены в «Нативе» произошли кое-какие изменения. Часть его сотрудников вышла на пенсию, среди них Иосиф Мелер. Как тогда было принято, они продолжали работать в «Нативе», но уже в другом статусе, на полставки. Так они могли одновременно получать и пенсию, и зарплату. Только через несколько лет Министерство финансов потребовало прекратить эту практику. После ухода сотрудников на пенсию руководство отделом Советского Союза фактически перешло ко мне. Главой «Натива» по-прежнему оставался Нехемия Леванон, и у нас были абсолютно нормальные рабочие отношения, основанные на взаимном уважении и на профессиональном уровне, хотя, время от времени, между нами бывали и разногласия. Несмотря на то что мое общее видение отличалось от позиции Леванона и других, я все еще не чувствовал себя достаточно зрелым, чтобы сформировать его на достойном профессиональном уровне. Я спорил, но не воевал.

24

На протяжении всех этих лет, и до отъезда в Вену, и по возвращении, я продолжал нести службу в запасе. Сотый батальон, в котором я воевал, стал кадровым, и я был направлен начальником батальонной разведки в резервный танковый батальон. Мне повезло, что командиром батальона был Амнон Маратон, замечательный человек, потрясающей честности, как личной, так и интеллектуальной. Один из лучших командиров танковых батальонов, впоследствии его назначили командиром нашего полка. У меня с ним бывали идеологические споры. Он был кибуцник, член партии МАПАМ (Объединенной рабочей партии). Когда люди подшучивали над нами, удивляясь нашей дружбе, он в ответ смеялся: «Вы удивитесь, как много между нами общего. С точки зрения принципов, как национальных, так и нравственных, между нами нет разногласий». Я многому научился у него: мышлению вообще и военной мысли в частности, а также организации и военному планированию. Опыт войны и служба в запасе очень развили мои способности к мышлению и анализу, оценке и пониманию обстановки и профессиональные качества офицера. И в дальнейшем я развивал военное понимание и мышление, используя их в других сферах и при иных обстоятельствах.

Когда я прибыл в батальон, первое, о чем попросил меня Маратон, – собрать офицеров батальона и попытаться разъяснить им, что же произошло с батальоном во время боев в войне Судного дня. Во время войны Маратон командовал танковым батальоном, был ранен в атаке на «Миссури», в районе «Китайской фермы». Его батальон вел бой, когда наш уже форсировал Суэцкий канал. Маратон сказал мне: ему кажется, что у офицеров его батальона есть некое неверие в свои силы и неуверенность в победе в бою. Переговорив с офицерами и узнав от них, как они действовали во время боя, и имея представление о картине действий с египетской стороны, я очень быстро пришел к нужным выводам. Я собрал всех офицеров-танкистов на беседу и попросил их объяснить, в чем они видят проблему, почему они считают, что у нас нет возможности добиться успеха в атаке и в бою. Они рассказали, что при переходе в атаку на них обрушился шквал сплошного артиллерийского огня, залпы ПТУРСов и в течение считаных минут батальон был практически уничтожен. Я попросил, чтобы каждый из них сказал в присутствии всех, что он видел на поле боя. После того как все высказались, я объяснил им, что из всего полка, который получил приказ идти в атаку,

атаковали два батальона, а один остался прикрывать атаку огнем. Один из атакующих батальонов застрял на минном поле и остановился, поэтому в атаку пошел только их батальон. Атака танкового батальона выполнялась по обычной схеме: две танковые роты впереди и третья – позади. Таким образом, в атаке танкового полка на египетские укрепления участвовали всего две уменьшенные танковые роты – всего около пятнадцати танков и еще около семи на второй линии атаки. Я спросил их, знали ли они вообще, какую часть они атаковали и какие силы им противостояли. У офицеров не было ни малейшего понятия, хотя после окончания войны прошел год. Я попросил их перечислить, какие виды орудий применялись против них, и указать их огневые позиции на карте. Когда они ответили на вопросы, я разъяснил им, опираясь на их ответы, что они пытались атаковать основное скопление артиллерии и противотанковых средств целой египетской дивизии, при совершенно невозможном соотношении сил и почти без поддержки нашей артиллерии. Я объяснил им, что проблема не в способности наших танков воевать против египетской армии, а в том, что их бросили в бой, заранее обреченный на поражение. «Это было самоубийство, – подчеркнул я. – Посылать вас так в бой – это абсолютный непрофессионализм, как с оперативной точки зрения, так и с точки зрения разведки».

Так я получил еще одно доказательство того, насколько серьезными были недостатки планирования, управления и слабости командования Армии Израиля в той войне. Мы начали обучать новым, уже разработанным методам ведения боя под интенсивным обстрелом ПТУРСов, правильному использованию взаимного прикрытия, артиллерии, минометов, различных видов дымовых завес, дымовых шашек самих танков. Подчеркивали и постоянно отрабатывали раз за разом правильное маневрирование и передвижение танков на местности, прикрытие огнем, правильное занятие огневых позиций. И мы доказали, что, если правильно вести бой, можно свести практически к нулю потери от обстрела ПТУРСами, воюя как против египетской, так и против сирийской армии. Было грустно оттого, что все эти основные принципы ведения танковых боев, которые мы начали разрабатывать, были определены и отработаны как немецкой, так и Советской армией еще в конце тридцатых годов.

Однако, когда мы начали Вторую Ливанскую войну, я обнаружил, что все забыто. Когда я видел танки «Меркава», подбитые снизу или сзади, то сказал себе, что такой непрофессионализм просто недопустим. Израильская армия забыла все то, что мы знали еще тридцать лет назад: самые азы

танкового боя. В мое время мы гордились, что танкисты израильской армии производят за год больше стрельб боевыми снарядами, чем любая другая армия в мире, и что наши водители танков обладают самым большим опытом и умением вождения танков по сравнению со всеми остальными. Однако танкисты Второй Ливанской войны шли в бой, имея за плечами всего четыре часа вождения, с экипажем, который годами не сидел внутри танка, с командирами, которые понятия не имели, что такое танковый бой, никогда этому не учившимися или давно забывшими. Командиры бронетанковых дивизий не имели понятия, что такое танк и как он функционирует. Я испытывал стыд и боль за то, что в начале XXI века такое происходит в Армии Израиля.

25

В июне 1982 года началась Ливанская война. Первая Ливанская война, как выяснилось спустя двадцать четыре года. Это была наиболее подготовленная Армией Израиля война. Я был мобилизован со всем нашим батальоном. Наша дивизия находилась в подчинении Генштаба, и каждые несколько дней планы в отношении нас менялись. Нам нечего было делать в Ливане, где уже воевали шесть дивизий, их было более чем предостаточно. Как-то получили приказ продвигаться в район Ливана, расположиться возле границы и находиться в резерве. Началась погрузка на танковозы. Когда танки уже были погружены, получили новый приказ: выдвигаться на Голанские высоты и готовиться к действиям против Сирии. По приказам и разработанным нами оперативным планам, а также по постоянно прибывающим донесениям мы могли более или менее точно понять картину происходящего. К тому же я периодически уточнял ситуацию в разведотделе дивизии.

Помню, как однажды после полученного приказа мы разрабатывали маршрут нашего продвижения по одному из горных хребтов Ливана на центральном участке, по направлению к городу Джезин. Согласно полученным нами разведданным, в Джезине стоял сирийский танковый батальон. Я спросил: «А что нам делать с сирийцами?» В приказе об этом не было сказано ни слова. Ответ на мой вопрос удивил меня, но в нем выразились вся путаница и отсутствие понимания ситуации нашим командованием. Нам было сказано, что мы «должны стрелять в направлении сирийских позиций, но не по их войскам. Сразу же после обстрела сирийцы отойдут и освободят нам путь». «А если нет, атаковать?» – спросил я наивно. На это мне ответили с раздражением: «Отойдут. Сирийцев не атаковать. И вообще нечего морочить голову лишними вопросами». Этот приказ для нас потом отменили, однако я позже поинтересовался, что все-таки произошло в Джезине. Выяснилось, что сирийцы открыли ответный огонь и завязался бой с сирийскими войсками. Неделю нас продержали, то погружая на танковозы, то разгружая с них. В конце концов нас отправили по домам, мотивируя это тем, что жалко держать нас без дела, поскольку и без того сил достаточно. Нам объявили, что опять мобилизуют, если будет решено атаковать Дамаск. Так и закончилась моя вторая война в Израиле. Я особо не сокрушался, что не повоевал в ней. Эта война меня не особо воодушевляла, хотя тогда, в принципе, я был согласен с ее целями.

Первая Ливанская война, ее особенности и ее результаты посеяли семена Второй Ливанской, и все это только ради того, чтобы Ясир Арафат и его люди переместились из Бейрута в Тунис! Это – слишком высокая цена для войны, которую мы готовили больше года и начали в удобный нам момент. Между террористическим нападением на посла Израиля в Лондоне Шломо Аргова и Первой Ливанской войной не было вообще никакой связи. В Лондоне на Аргова напала организация Наифа Хаватме, чья штаб-квартира была вовсе не в Ливане, а в Багдаде. Как ветерану войны Судного дня мне было грустно видеть, как спустя девять лет армия стала намного больше, но менее профессиональной. В целом, несмотря на огромное преимущество, израильская армия так и не смогла выполнить в установленные сроки ни одной боевой задачи ни против сирийцев, ни против террористов. Но самым большим разочарованием в моих глазах были действия главы правительства Менахема Бегина, точнее, его полное бездействие. За исключением напыщенных и демагогических заявлений, его не было заметно. Это была действительно война Ариэля Шарона, министра обороны и инициатора этой войны, которую он вел характерно для него, со всеми плюсами и минусами. Даже безотносительно к трагедии Сабры и Шатилы, в этой войне нечем было особо гордиться: ни ведением войсками боевых действий, ни принятием решений, ни руководством войны как политическим руководством, так и, еще меньше, армейским командованием. И снова я был разочарован тем, что армия крайне ограниченно использовала подразделения спецназа, намного меньше их возможностей и вопреки их предназначению.

Уходить от ответственности стало характерным явлением этой войны, охватившим все политическое руководство, начиная с главы правительства и включая почти все командование Армии обороны Израиля. Трагедия и позор Второй Ливанской войны были лишь естественным продолжением Первой.

26

Демобилизовавшись из армии после Ливанской войны, я вернулся в «Натив». После того как в 1982 году меня назначили начальником отдела Советского Союза, когда я глубже вник в дела, мне открылась потрясающая картина, о существовании которой в нашей стране я даже не предполагал. Познакомившись со штатным расписанием, я обнаружил, что нет ничего общего между формальными определениями должностей, их функциями и реально выполняемой работой сотрудниками отдела. Одной из причин этого было то, что штатное расписание было составлено много лет назад и давно уже не соответствовало реальной ситуации. Мало того, оказалось, что сотрудники не знали ни на какой должности они числятся, ни какое их место в штатном расписании, не говоря уже о функциях и служебных обязанностях. Время от времени работники получали сообщения о повышении в должности, но не знали и не понимали за что: по выслуге лет или просто потому, что глава отдела решил кого-то поощрить. Сотрудников переводили с одной должности на другую без их ведома, без обоснования причин, просто чтобы освободить ставку и продвинуть кого-нибудь по служебной лестнице. Я решил изменить этот порядок.

Пытаясь привести в соответствие должности и выполняемые функции, я начал беседы с сотрудниками. И сразу же получил замечание от начальника отдела кадров, с какой стати я начал разъяснять работникам, каковы их должностные обязанности? Мне объяснили, что это беспрецедентно в нашей организации и только осложняет рабочие отношения. Не обращая внимания на начальника отдела кадров и его замечания, я составил новое штатное расписание и ввел его, получив разрешение от Управления по делам государственных служащих. Я вызвал к себе всех сотрудников по очереди, разъяснил каждому из них его обязанности, категорию и перспективы дальнейшей карьеры. Некоторые сотрудники были ошеломлены, поняв, что не могут продвигаться по службе, разве что перейдя на другую должность, что зачастую было невозможно из-за профессионального несоответствия. Было нелегко объяснять людям, почему они вдруг перестали получать автоматическое и привычное им повышение в должности. Я не мог, в отличие от своего предшественника, назначать сотрудников на должности только для того, чтобы продвинуть их по службе, без всякой связи с выполняемыми ими обязанностями, квалификацией и способностями.

Мне очень мешал тот факт, что в государственном

учреждении сотрудники работали с ощущением полной зависимости от желания и прихоти начальства. Особенно поражало то, что такой порядок установили в нарушение трудового законодательства люди, которые причисляли себя к социалистам. Руководитель «Натива» и часть руководства, будучи кибуцниками, вроде бы должны были защищать права трудящихся.

Тем временем Нехемия Леванон решил уйти в отставку по личным соображениям. Не знаю, в какой мере это было связано с тем, что он был вынужден работать в подчинении Менахему Бегину, к которому не испытывал большой симпатии. Я не вел с сотрудниками разговоров на политические темы, потому что считал, что так должно быть, сотрудники же не обсуждали их со мной, потому что все время подозревали меня в принадлежности к противоположному политическому лагерю. Назначение Нехемии Леванона директором «Натива» в 1969 году положило начало новому периоду в организации. Периоду большей открытости, гибкости, эффективности. В период Леванона и в немалой степени благодаря ему под эгидой «Натива» Израиль и мировое еврейство создали мощную систему помощи советским евреям в их борьбе за выезд. Без Нехемии вряд ли бы мы добились такого успеха. Но вместе с этим я считаю, что можно было сделать намного больше и намного лучше, но, к сожалению, в то время в государстве Израиль не нашлось никого лучше его на эту должность.

Нам объявили о прибытии нового руководителя «Натива», профессора Иегуды Лапидота. Я не знал, кто это, и никогда раньше не слышал о нем. Потом уже я узнал, что он был одним из командиров в ЭЦЕЛе, где его подпольная кличка была Нимрод. Он был заместителем командира во время операции в Дир-Ясине и был довольно близок к Бегину, состоял в партии «Херут», однако не был активен в публичной политике. С годами он специализировался по биохимии и к моменту назначения главой «Натива» был профессором биохимии Йерусалимского университета. Было неясно, какие такие качества и способности этого профессора биохимии, который в жизни не занимался чем-то подобным деятельности «Натива» и не имел понятия ни о СССР, ни о Восточной Европе, сделали его директором «Натива». Но были совершенно ясны партийные мотивы. Я слышал версию, что, когда Бегин стал главой правительства, Иегуда Лапидот обратился к нему с просьбой получить какую-либо государственную должность. Как рассказывали, и я не знаю, насколько это верно, он надеялся получить пост посла, возможно в ЮАР. Именно тогда Нехемия Леванон собрался уходить, и Бегин

решил дать этот пост столь дорогому ему соратнику, который пострадал в период правления партий МАПАЙ, использовавшей отрицательное отношение общества к операции в Дир-Ясине для притеснений выходцев из ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ.

Иегуда Лапидот пришел в «Натив» в конце 1981 года. Сразу стали ощутимы перемены в сути и качестве работы, в атмосфере и отношении к сотрудникам и, что самое главное, в отношении к самой проблеме советских евреев, их выезду и борьбе за выезд. Мягко говоря, Иегуда Лапидот не подходил для своей должности. Его назначение вызвало большое неудовольствие у большинства имеющих отношение к выезду или борьбе за выезд евреев СССР. Оно не имело политической подоплеки, хотя были и такие из старой гвардии, кто видел в его действиях пример некачественной работы представителей лагеря Бегина. И его товарищи по движению или по партии, столкнувшиеся с его деятельностью в «Нативе», оценивали ее резко отрицательно и не скрывали этого. Довольно скоро я ясно увидел, как эти перемены наносят вред организации, ее престижу и всему нашему делу. Дело было не только в отсутствии целенаправленной политики, но в почти полном разрушении профессиональных и даже нравственных принципов, бывших основой нашей работы.

Делегация «Узников Сиона», среди которых большинство было старыми ревизионистами, во главе с Авраамом Штукаревичем, встретилась с Бегином по поводу деятельности профессора Лапидота на посту главы «Натива». У Штукаревича, ветерана «Бейтара» в Литве, были давние дружеские отношения с Бегином. Как я узнал, премьер выслушал делегацию, однако в конце заявил, что не может обидеть Нимрода. И другие близкие к Бегину люди пытались объяснить ему, что Лапидот не соответствует должности. Бегин был недоволен этими обращениями, однако на них не реагировал. Да я и сам одно время думал просить о встрече с Бегином, однако отказался от этой идеи, потому что предполагал, что толку все равно не будет. Я много размышлял над тем, почему и как Бегин назначил Иегуду Лапидота главой «Натива», и пришел к довольно неутешительным выводам. В этом назначении я увидел логическое продолжение поведения Бегина, поскольку и после своего избрания главой правительства он не изменил политику Израиля в отношении борьбы за выезд советских евреев. Я никак не мог успокоиться: насколько можно пренебрегать делом, чтобы поставить во главе человека, у которого нет ничего общего с проблемой и ни малейшего намека на способность справиться с одной из самых сложных и важных проблем государства Израиль?! Партийная и политическая близость превыше всего?! Потом израильская армия

начала войну в Ливане, и мое мнение о Бегине сформировалось окончательно. Если в таком судьбоносном вопросе, как вступление Израиля в войну, он проявил легкомыслие и несерьезность, так что мне сетовать на назначение неподходящего партийного товарища на пост главы «Натива»?

После того как М. Бегин подал в отставку, после долгого периода почти полной бездеятельности главой правительства был избран Ицхак Шамир. Я попросил Шамира о встрече. В течение многих лет я не раз встречался с ним, поскольку он с самого начала поддерживал борьбу за выезд советских евреев и его интерес и желание помочь никогда не прекращались. Я обрисовал ему ситуацию и дал свою отрицательную оценку деятельности Лапидота на посту главы «Натива». Я аргументировал свои слова, приводя доказательства, и предупредил, что если эта серьезнейшая ситуация не изменится, то будет нанесен значительный вред как борьбе за выезд евреев, так и самим евреям в Советском Союзе. К моему удивлению, Ицхак Шамир оказался одного мнения со мной. Он сказал, что он в курсе проблемы, потому что он слышит об этом со всех сторон. Тем не менее, он попросил меня запастись терпением, поскольку его возможности решить проблему Иегуды Лапидота ограниченны. Шамир был из ЛЕХИ, а Иегуда Лапидот из ЭЦЕЛЬ. Вдобавок к историческим разногласиям между этими двумя организациями Шамиру в своей собственной партии также приходилось маневрировать между политическими лагерями Давида Леви и Ариэля Шарона. Я ответил ему, что понимаю его ситуацию и постараюсь выполнить возложенные на меня обязанности, тем не менее, как глава правительства, он не может оставить данную проблему без внимания. Впоследствии у нас были еще неоднократно беседы по этому вопросу.

Однажды Иегуда Лапидот вызвал меня и спросил, известно ли мне, что одна из наших сотрудниц участвует в движении «Шалом Ахшав» («Мир сейчас»). Я сказал, что понятия об этом не имею, но вполне допускаю, и меня это не интересует. Он спросил, не кажется ли мне, что ее политические взгляды могут мешать выполнению служебных обязанностей. Я ответил, что не вижу никакой связи между позициями движения «Мир сейчас» и работой с советскими евреями и борьбой за их выезд. Я добавил, что работники Службы безопасности никогда не отмечали, что «Мир сейчас», в отличие от других, относится к организациям, принадлежность к которым или поддержка которых расценивается как угроза безопасности страны. «Странно», – удивленно отреагировал Лапидот, и на этом наша беседа закончилась. И в Моссаде, и в Службе безопасности мне

приходилось встречать людей, чьи взгляды отличались от моих или были противоположны моим и очень близкими к «Миру сейчас». Из-за своих политических взглядов они не были менее профессиональны. Еще в Советском Союзе у меня выработалось отвращение к дискриминации людей за их взгляды.

Как-то раз Лапидот вызвал меня к себе. В кабинете уже сидели начальник его канцелярии и Арье Кроль, один из его доверенных лиц, который пользовался полной свободой действий. Лапидот сказал, что слышал о моих встречах с главой правительства и о том, что мы обсуждали в их ходе, кроме всего прочего, его и его деятельность. Я подтвердил это. Тогда он спросил, что я говорил премьер-министру и что тот говорил мне. Я ответил, что я не рассказываю о моих встречах с главой правительства и уж тем более содержание наших бесед. Я предложил ему самому спросить об этом у премьера, и если Ицхак Шамир сочтет нужным, то расскажет ему, о чем мы с ним говорили и почему он готов встречаться и беседовать со мной, несмотря на то что в этом есть некоторое нарушение служебной субординации. Я добавил, что хотя не собираюсь рассказывать, о чем я говорил с главой правительства, однако если Лапидот желает знать, каково мое мнение о нем и его работе, то я готов им поделиться. Лапидот попросил меня высказать мое мнение. Я сказал, что, не вдаваясь в подробности, его деятельность наносит серьезнейший вред борьбе за выезд советских евреев, ее поддержке и самому «Нативу»; что необходимо убрать его с поста главы «Натива», и чем раньше, тем лучше, потому что каждый день его пребывания на посту наносит серьезный ущерб государству. Лапидот посмотрел на меня ничего не выражающим взглядом и спросил, каким образом мы, при таком моем отношении к нему, сможем продолжать работать вместе. Мой ответ был довольно наглым. Я сказал, что как делал свое дело, так и буду делать его дальше, а чем занимается он, мне не важно, главное, чтобы не мешал работе. И тогда он сказал, что, по его мнению, мы не сможем продолжать работать вместе и мне придется оставить «Натив». Я ответил агрессивно и злобно: «Вы пришли сюда за должностью, а для меня это дело моей жизни. Из нас двоих, кто покинет «Натив», скорее будете вы, а не я».

Лапидот продолжил разговор и спросил, встречаюсь ли я с Шайке Даном. С момента, когда Лапидот заступил на пост главы «Натива», Шайке Дан ни разу не появлялся в бюро. Шайке отдал «Нативу» всю свою жизнь, он его создал, выстроил, был душой «Натива» и был предан ему до своего самого последнего дня. «Конечно», – ответил я. «О чем вы разговариваете?» – попытался выпытать у меня Лапидот. Я ответил, что мы беседуем

о том, о чем считаем нужным, что мы друзья и у нас много общих тем для разговоров. Но тут Лапидот заподозрил, что я обсуждаю с Шайке проблемы организации и тем самым нарушаю закон, передавая ему секретные сведения, о которых ему знать не положено. Презрительным тоном я сказал Лапидоту, что не знаю секретных данных в работе «Натива», о которых не положено знать его основателю, Шайке Дану, и, если Лапидоту это не нравится, он может обратиться в соответствующие компетентные органы. Пытаясь навязать мне свою волю, Лапидот сказал: «Я запрещаю тебе встречаться с Шайке Даном и разговаривать с ним». Я не испугался его слов и сказал ему, что он не может запретить мне видеться с друзьями и тем более с Шайке и обсуждать с ними то, что меня интересует. Я подчеркнул, что Шайке ветеран «Натива» и я имею полное право советоваться с ним по профессиональным вопросам, учитывая его знания и опыт. Так и закончилась эта поистине сюрреалистическая беседа.

Через неделю Иегуда Лапидот снова вызвал меня к себе и спросил, что я думаю о Рафаэле Пизове. Рафи Пизов – способный еврейский паренек из Риги. Он был одним из молодых еврейских активистов и, как многие из них, прошел через допросы в КГБ. Он приехал в Израиль вместе с родителями в 1972 году, пошел служить в полицию, а потом перешел на кадровую службу в израильскую армию. Он уже был майором, когда я «перехватил» его, убедил оставить службу в армии и перейти в «Натив». Рафи начал работать в «Нативе» за несколько недель до моей беседы с Лапидотом. В свете его способностей, опыта, как в Советском Союзе, так и в израильской армии, я попросил его заняться обработкой поступающей к нам информации и ее анализом. В прошлом в «Нативе» этим не занимались, а я считал, что это необходимо делать серьезно и профессионально. Невозможно принимать решения, не зная и не понимая, что происходит в действительности, и мой опыт работы в Вене только укрепил меня в этом мнении.

Лапидот заявил, что Рафи проработал у нас уже полтора месяца и, по его мнению, он не соответствует должности, и, как глава «Натива», он принял решение его уволить. Я не высказал Лапидоту своего мнения об истинных причинах его шага. Я понимал, что, не имея возможности навредить мне, Лапидот решил отыграться на ком-то из моих сотрудников. Ему было наплевать, что Рафи новоприбывший в Израиль, только недавно женился, создал семью и оставил кадровую армию специально, чтобы работать в «Нативе». Иегуда Лапидот хотел вышвырнуть Рафаэля на улицу только за то, что его на работу принимал я и он работает под моим началом. Угрожающим и раздраженным тоном

я сказал Лапидоту: «Я работаю с Рафи, и он в моем подчинении. Только я способен оценить, соответствует ли он должности или нет, а я считаю, что он соответствует. У вас нет такой возможности: вы не работаете с ним, не читаете подготовленные им материалы. Вы с ним даже ни разу не разговаривали. Я не дам вам его уволить». Он был удивлен моей реакцией, но через несколько дней Рафи зашел ко мне, весь бледный, дрожащий и перепуганный. Он получил письмо от главы «Натива», в котором тот сообщал Рафи, что спустя месяц после получения письма он будет уволен.

Рафи был хорошим парнем, но, несмотря на службу в армии, был совершенно не подготовлен к борьбе в таких конфликтах. Я не раз встречался с подобными офицерами, их было, и немало, даже среди тех, кто обладал боевым опытом. Большинство знакомых мне штабных офицеров обладали многими достоинствами, но мужество и стойкость не были их самыми сильными сторонами. Я сказал Рафи: «Не волнуйся, я займусь этим». Я позвонил в канцелярию главы правительства и попросил поговорить с Ицхаком Шамиром. Я обрисовал премьеру ситуацию и попросил его вмешательства. Он ответил коротко: «Хорошо, я этим займусь». И Иегуда Лапидот получил от главы правительства указание оставить Рафи в покое. Однако желание поиздеваться над парнем и, возможно, таким образом отыграться на мне пересилило. Лапидот подготовил приказ, в котором сообщал, что задерживает увольнение на месяц. Рафи пришел ко мне опять перепуганный. Я сказал ему, чтобы он успокоился, что все уладится. К исходу месяца я опять обратился в канцелярию главы правительства. История повторилась: Ицхак Шамир опять позвонил Лапидоту, Лапидот опять отдал приказ об отсрочке увольнения еще на месяц. Это походило на китайскую пытку. Меня все это не очень трогало, но мне было жалко Рафи, у которого нервы были на пределе. Я сказал Рафи: «Продолжай работать. Я не дам ему тебя выгнать». Эта нервотрепка продолжалась довольно долго, до начала каденции Шимона Переса, когда он по ротации возглавил правительство. Я обратился к нему, Перес поддержал позицию Ицхака Шамира и дал распоряжение оставить Рафи Пизова в покое. Рафи проработал в «Нативе» до самой пенсии, до 2000 года. По сей день у меня остался неприятный осадок от всего этого мелочного и низкого поведения. Если бы я не заупрямился, человека без всякого повода и причины вышвырнули бы на улицу.

Будучи главой правительства, Ицхак Шамир не рискнул сместить Иегуду Лапидота. Он ограничился распоряжением, согласно которому я выводился из подчинения главы «Натива», и

запретил тому предпринимать действия против меня. Иегуда Лапидот, в свою очередь, издал приказ не передавать мне никаких документов. Так произошел полный разрыв между главой «Натива» и начальником отдела Советского Союза. Лапидот не мог лишить меня материалов, собранных моим отделом, а я по-прежнему продолжал встречаться и беседовать с новоприбывшими, главным образом, активистами. Арье Кроль, несмотря на свое нежелание, продолжал передавать в отдел отчеты «эмиссаров», посылаемых к советским евреям со всего мира для учета и обработки огромной информации, что могло быть сделано только в отделе по Советскому Союзу. Этой информации было вполне достаточно, чтобы оценивать происходящее.

Не обошлось и без других мелких подлостей: например, отмена моего пропуска в аэропорт Бен-Гурион, который был у всех заведующих отделами. Этот пропуск был мне необходим, чтобы встречаться с новоприбывшими, в особенности с активистами, в момент их прибытия в Израиль и интервьюировать их прямо в аэропорту. Но я и с этим справился. Или тот случай, когда Арье Кроль обратился к одной из моих подчиненных с просьбой раздобыть образец моего почерка. Когда она предоставила его, Кроль сказал, что ему нужен образец почерка на русском языке. Она ответила, что я не пишу на русском языке, только на иврите, и что она никогда в жизни не видела, чтобы я писал что-либо по-русски. Это была чистая правда. Видимо, по согласованию с Лапидотом Кроль хотел передать образец моего почерка «своему» графологу, чтобы получить заключение о том, что я якобы не соответствую занимаемой должности и не подхожу для работы в «Нативе». В то время я не знал об этом, только через много лет сотрудница решилась рассказать мне об этом.

Как я уже упоминал, я говорил о деятельности Иегуды Лапидота и с главой правительства Шимоном Пересом. После ухода Шамира Лапидот продолжал действовать в том же духе. Шимон Перес распорядился, чтобы Лапидот перестал посылать Рафаэлю Пизову ежемесячные уведомления об увольнении. Через некоторое время Перес набрался мужества и сообщил Иегуде Лапидоту о том, что его каденция закончилась. В последний день работы Лапидота в «Нативе» я вышел к воротам, провожая его взглядом. Он навсегда покидал «Натив». Когда он проходил мимо меня, я не попрощался с ним и не сказал ему ни слова. Я смотрел на него, улыбаясь про себя и вспоминая сказанное мною в том нашем разговоре: «Из нас двоих «Натив» покинете вы». Он сел в машину, и больше я его не видел. С момента его появления в

«Нативе» и до ухода прошло почти четыре года. За вычетом периодов передачи дел – три года чистого времени. Он вступил в должность в конце каденции Бегина, а закончил почти через год после того, как премьером стал Шимон Перес.

По прошествии многих лет, в конце девяностых, когда я уже был директором «Натива», Лапидот позвонил мне и попросил консультацию по какому-то вопросу. Мы встретились, я говорил с ним вежливо, без всяких вопросов выполнил его просьбу и в конце пожелал успеха. Он не вызывал у меня никаких эмоций. На мой взгляд, чисто по-человечески, вся эта история была очень печальной, и жаль, что мы все оказались в ней замешаны. Непродуманное решение Менахема Бегина, который не имел ни малейшего понятия о том, как управлять государственной системой, привело к тому, что Иегуда Лапидот оказался не на своем месте. Возможно, если бы Бегин назначил Лапидота послом в ЮАР, тот преуспел бы намного больше. А он оказался не тем человеком, не в то время и не в том месте. То, что он столкнулся с таким типом, как я, не облегчило ему (да и не только ему) задачу, а только усугубило его положение.

27

Во время моего двухлетнего противостояния с Лапидотом меня как-то вызвал на беседу Арье Кроль. Мои отношения с Кролем имели многолетнюю историю и были довольно сложными и неоднозначными. Арье обратился ко мне: «Что ты делаешь? Против кого ты борешься? Ты знаешь, какая у него поддержка в партии? А ты кто? Что ты? Кто поддержит тебя? Ты один, и ты ведешь безнадежную войну!» Я улыбнулся и сказал ему тихим голосом: «Арье, всю жизнь я веду безнадежные войны, я уже привык к этому. И в этой войне победа будет за мной». Так, в этой беседе и родилось название этой книги: «Безнадежные войны». Войны, в которых у меня не было никакого шанса, которые я веду один, спиной к стене, без надежды на то, что кто-либо поможет мне или поддержит меня, до моей победы.

По сравнению с периодом Нехемии Леванона в каденцию Иегуды Лапидота качество работы организации ухудшилось. У меня имелись определенные критические замечания в отношении стратегии организации и тех или иных ее действий в период руководства Леванона, но у него был большой опыт, знания и понимание вопроса. Для него эта работа не была просто должностью, которую он получил. Он был предан делу, жил им и посвятил ему всю свою жизнь. Без его знаний, понимания и преданности делу организация начала деградировать. Почти все ветераны «Натива», которые обладали опытом и знаниями о Советском Союзе, вышли на пенсию. Кроме как в отделе Советского Союза, руководимом мною, в «Нативе» не было никого, кто обладал бы знаниями и желанием узнать, понять и оценить происходящее в СССР. В то время в «Нативе» почти не было сотрудников, владеющих русским языком. Изоляция и игнорирование отдела Советского Союза руководством организации не позволяли ему принимать правильные решения в отношении советских евреев и их положения. Основная деятельность «Натива» постепенно свелась к участию в конгрессах и международных конференциях «в поддержку советских евреев». Его положение как основного и определяющего фактора в отношении евреев Советского Союза резко падало, и вместе с ним и статус государства Израиль.

Арье Кроль создал замечательную разветвленную систему засылки евреев со всего мира к евреям Советского Союза. Однако, кроме самой идеи и самоотверженности, как Арье Кроля, так и евреев, посылаемых в СССР, система страдала низким профессионализмом и неграмотным подходом. Кроль включился

в работу «Натива» в начале семидесятых, однако он не обладал необходимыми качествами, которые позволили бы ему понять сложные и динамичные процессы, происходящие в СССР и среди советских евреев. И не только по причине незнания русского языка. Невозможно эффективно поддерживать связь и работать с сотнями людей в чужой враждебной стране, обладающей одной из самых профессиональных служб безопасности в мире, на расстоянии тысяч километров, не проводя анализа и оценки как самих людей, так и действующих групп, с их особенностями, проблемами, динамикой и взаимосвязями. Не имея общей картины, без поставленных целей, без планирования, без анализа и оценки деятельности Кроль, который не знал русского языка, как и окружающие его сотрудники, пытался единолично управлять всей этой системой. В результате вся помощь сконцентрировалась на нескольких активистах. Они были просто завалены посетителями из-за границы, вместо того чтобы направить их к большому числу активистов и отказников. Кроль называл это «выстроить личность». Не раз я слышал от него, как он собирался «выстраивать» очередную «личность» из того или иного активиста без понимания и верной оценки этого человека, его способностей и недостатков. Главным критерием были степень подчинения Кролю и полное прекращение контактов с другими еврейскими организациями, проводившими независимую от Израиля политику по отношению к евреям СССР. Сосредоточение средств и связей в одних руках приводило к определенной опасности коррумпированности у некоторых активистов и способствовало нездоровым отношениям между ними. Во многом это снизило эффективность еврейского движения.

То, что для посылки в СССР использовались в основном воспитанники движения «Бней Акива», привело не только к искажению передаваемых и получаемых сообщений. Кроме всего прочего, это весьма упрощало работу советской службы безопасности по выявлению посылаемых еще до их прибытия в СССР под видом туристов. Помню, что с первых строк отчетов об этих поездках я обратил внимание на слишком много «вызывающих подозрение признаков», заложенных в основных данных посылаемых: от маршрута поездки до требований к туристской компании. Например, заказ вегетарианских блюд во время полета. Было ясно, что два юных «туриста», отправляющиеся по одинаковому маршруту, предпочитают вегетарианскую кухню по соображениям кошерности. Однако из-за опасения выпустить из своих рук абсолютный контроль над этой сферой и при поддержке Лапидота Кроль отвергал любую

попытку поставить работу на профессиональную основу. Общая ситуация в Советском Союзе и в мире, политика Израиля и еврейских общин мира представляли собой слишком сложную и комплексную проблему для столь поверхностного и примитивного подхода, который складывался на протяжении многих лет и стал уже привычным. Результатом этого стали наши серьезные промахи.

На переломе 1978 и 1979 годов советские власти приняли решение свести к минимуму выезд из Советского Союза и преуспели в этом сверх всяких ожиданий. В течение 1979 года вся советская система, связанная с выездом из СССР, была переведена на новый порядок работы: ввели прием документов на выезд исключительно на основании вызовов от прямых родственников. Обычно быстрый рост числа выезжающих был обусловлен тем, что родственники выезжающих подавали просьбы на выезд на основании полученных от них вызовов. Однако вследствие «отсева» (выезда в другие страны) абсолютное большинство желающих выехать не могли получить вызов от родных, которые поехали не в Израиль и вследствие этого не могли даже подать просьбу о выезде. Таким образом, число подававших просьбы на выезд резко сократилось и, соответственно, так же резко уменьшилось число получающих разрешение на выезд, зато не увеличивалось число отказников: оно сокращалось естественным образом, по мере окончания сроков секретности.

Проверка и анализ, которые я провел, показали, что большинство отказов были оправданными с точки зрения советских правил соблюдения секретности, да и не только советских. Я довольно хорошо изучил не только систему допусков, принятую в СССР, но и основания для дачи того или иного допуска и связанные с ними сроки секретности. Не раз я проверял свою оценку на конкретных случаях, и обычно наблюдалось полное соответствие. Безусловно, бывали исключения по использованию предлога секретности для других целей, однако правила были четкими и обычно соблюдались. Лишь иногда возникали случаи, когда вследствие давления государственного руководства давались разрешения на выезд отказникам вопреки мнениям специалистов по безопасности. Одним из таких случаев была история Владимира Слепака, одного из заметных активистов, который после многих лет пребывания в отказе получил разрешение на выезд. В соответствии с профессиональными правилами Слепак, который занимался проектированием систем стратегической противоракетной обороны вокруг Москвы, никогда в жизни не смог бы выехать. Часть отказников вообще не знали о том, что в

процессе работы имели отношение к секретной информации. Я проверил сотни случаев подобных претензий и довольно быстро обнаруживал причину отказа в тех случаях, когда люди, которых это касалось, вообще не понимали, о чем идет речь. Истинную ценность секретной и важной информации, которая утекала вместе с отъезжающими, могли оценить только специалисты, когда эта информация попадает к ним. Советский Союз был далек от реальной оценки ущерба, нанесенного его безопасности вследствие раскрытия информации, которой обладали выезжающие из страны. Человек – почти неисчерпаемый источник информации, и в большинстве случаев он сам не представляет ее реального объема и ценности, и не раз он выдает ее расспрашивающему его специалисту, даже не сознавая и не понимая того.

Так или иначе, отказы семидесятых и восьмидесятых годов не служили инструментом для сокращения выезда. Количество новых отказов сокращалось, старые отказники, даже если период действия их допуска истек, не могли выехать без приглашения со стороны прямых родственников, если не считать отдельных исключений.

На Западе борьба сосредоточилась на узниках Сиона и отказниках, о борьбе за всеобщий выезд забыли, остался один только лозунг: «Отпусти народ мой», смысл которого также был давно забыт, если вообще пытались его когда-то воплотить. Начав свою борьбу именно с него, я особенно остро ощущал эту проблему. С самого начала «Натив», Израиль и еще в большей степени евреи США из своих соображений, далеких от сионизма, не требовали свободного выезда в Израиль. Они предпочитали подчеркивать религиозную и культурную свободу, а также право на воссоединение семей. Не говоря уже о том, что после распространения «отсева» было смешно говорить о выезде в Израиль, когда абсолютное большинство отъезжающих, покинув Советский Союз, направлялись совсем в другую сторону. Таким образом, «отсев» ликвидировал саму базу для требований свободного выезда евреев в Израиль. Было намного проще выйти на демонстрацию с портретом того или иного узника Сиона и после этого вернуться домой с чистой совестью. Сокращение выезда в Израиль и даже проблема выезда вообще почти больше никого серьезно не волновали.

В результате с оказываемым на них давлением советские власти вели переговоры и беседы в основном об отказниках и узниках Сиона. Поправка Джексона – Вэника уже была принята и не могла оказывать серьезного влияния. Этой поправкой надо было пользоваться как угрозой применения ядерного оружия,

сама вероятность применения которого и является сдерживающей силой, – в чем и есть его сила, – а после его применения оно уже не угрожает и не сдерживает. После ухода Нехемии Леванона в «Нативе» не было представления о реальной проблеме. Израильское руководство после Ливанской войны было занято конфликтами с палестинцами на территориях и еще больше борьбой за власть. И никому из них даже в голову не пришло углубиться в проблемы выезда евреев из СССР в Израиль. Их вполне устраивало появление на приеме в честь узника Сиона или встреча старого отказника в аэропорту в Лоде или на международном конгрессе в поддержку советских евреев. Если бы не «отсев», число выезжающих и едущих в Израиль было бы в несколько раз больше и, несмотря на новую ситуацию, выезд бы продолжался в больших размерах. «Отсев» победил выезд в Израиль и помог советским властям практически полностью прекратить выезд в Израиль. Только крушение Советского Союза могло восстановить выезд, что и произошло. А до этого мы проиграли решающую битву того времени, даже не сознавая того и не испытывая никакой тревоги. Таковой я видел ситуацию к завершению каденции Лапидота и к вступлению в должность главы «Натива» Давида Бартова в 1986 году.

Я уже писал о своем знакомстве с Бартовом в Москве в 1967 году, когда я второй раз прорвался в израильское посольство. Бартов был главой отделения «Натива» в СССР с 1964 года. До этого он занимал должность секретаря Верховного суда Израиля, к ней он вернулся по завершении миссии в посольстве Израиля в Москве, после разрыва дипломатических отношений между Израилем и СССР в 1967 году. Бартов был крайне деликатным человеком, избегал конфликтов, всегда старался прийти к компромиссу. Возможно, работа юристом наложила свой отпечаток. Многие репатрианты были знакомы с его радушной семьей, бывали у них дома. Я тоже после приезда в Израиль не раз бывал у них дома, где и ко мне отнеслись тепло и доброжелательно. Я обрадовался, когда Бартова назначили главой «Натива», но прекрасно понимал, что при всех его прекрасных качествах и исключительном отношении к репатриации в Израиль он был не самым лучшим организатором. У Бартова не было ни опыта, ни навыков управления. Он старался быть в мире со всеми и ни с кем не ссориться, а ведь это попросту невозможно. У меня были с ним очень хорошие рабочие отношения на всем протяжении его работы в «Нативе». С приходом Бартова ушел Арье Кроль, отвечавший за отправку «туристов» в Советский Союз, и эта сфера перешла под мое управление. Все, что было связано с Советским Союзом, теперь

было сосредоточено в одном, руководимом мной управлении. Давид Бартов не всегда был одного мнения со мной, но в конечном счете предпочитал делать, а не спорить о том, что и как делать.

В результате назначения Бартова Шайке Дан вернулся к делам. В то время мы усилили наши попытки введения маршрута выезда в Израиль, через Румынию в дополнение к действующему через Вену. Для этого необходимо было убедить румынские власти возобновить проезд евреев, выезжающих в Израиль через Румынию. До прекращения выезда евреев из Советского Союза в Израиль, произошедшего в результате Шестидневной войны и разрыва дипломатических отношений, был короткий период, когда евреи, в основном из Молдовы, выезжали через Румынию. Идея принадлежала Иегошуа Прату, который в то время руководил работой «Натива» на Западе, и суть ее состояла в том, что Румыния, коммунистическое государство, возглавляемое диктатором Николае Чаушеску, не позволит евреям по прибытии в страну изменить маршрут дальнейшего следования в Израиль. При содействии Шайке Дана и его связей с «Джойнтом» в США Румынии был обещан американский заем в сто миллионов долларов, и Румыния предоставила разрешение на проезд евреев через Бухарест. В Бухаресте постоянно действовало представительство «Натива», которое занималось репатриацией румынских евреев, и наши люди быстро и эффективно организовали транзитные пункты для евреев из Советского Союза.

Но возник вопрос, почему выезжающие евреи выберут Бухарест, а не Вену? Я предложил возвращать евреям, которые поедут через Румынию, стоимость билета до Бухареста в долларах по официальному курсу рубля. Этот вопрос был согласован с Еврейским Агентством. Вывоз накоплений и имущества из СССР представлял для евреев серьезную проблему. Семья из четырех человек, приобретающая билеты через Румынию, должна была заплатить за них примерно от полутора до двух тысяч рублей. По приезде в Израиль они получали возврат в размере 1800–2600 долларов. Тогда это была значительная сумма для семьи, вынужденной оставить нажитое и не имеющей возможности вывезти деньги. В результате этого транзит через Румынию постепенно рос, и большая часть ехавших в Израиль выбирала именно этот маршрут. В Вену направлялись главным образом те, кто предпочитал ехать в другие страны. Вместе с тем число выезжающих уменьшалось и к началу 1988 года составило всего 1200 человек, из которых лишь несколько сот направились в Израиль.

Чтобы получать информацию о советских евреях, «Натив» был

еще с 50-х годов связан с государственной цензурой. По просьбе «Натива» цензура пересылала в «Натив» письма, посылаемые в Советский Союз и приходящие из Советского Союза. Это делалось для получения и уточнения имен и фамилий советских евреев, адресов и данных их близких в Израиле и их связей. Содержание писем было бесценным источником информации о положении евреев Советского Союза и общей ситуации в стране, несмотря на то что авторы писем знали о наличии советской цензуры.

Когда Иосиф Мелер ушел на пенсию и меня назначили главой отдела Советского Союза, ко мне также перешли полномочия цензурировать переписку любого гражданина Израиля. При этом нам надо было только указать, переслать только содержание письма в изложении или же письмо целиком. У меня было право запретить или разрешить отсылку письма. В отделе было несколько сотрудников, которые занимались чтением и обработкой получаемых из цензуры писем. Окончательное решение о судьбе писем было только у начальника отдела. На определенном этапе я мобилизовал цензуру на борьбу с посылкой фальшивых вызовов из Израиля евреям Советского Союза. В Советском Союзе заявление на выезд можно было подать только на основании вызова от родственников в Израиле. К вызову должно было быть приложено обязательство Министерства иностранных дел Израиля предоставить перечисленным в вызове лицам разрешение на въезд в Израиль по получении разрешения на выезд из СССР. Подписи вызывающих и печати должны были быть заверены нотариусом и Министерством иностранных дел. Документы от имени Министерства иностранных дел, включая печати МИДа, давал «Натив» с разрешения юридического советника правительства. По мере роста количества не едущих в Израиль те не могли отправлять родственникам вызовы из Израиля, а тем временем в СССР ввели порядок, согласно которому только вызов от прямых родственников мог служить основанием для просьбы о выезде в Израиль. Советские власти требовали, чтобы вызов приходил в конверте, отправленном из Израиля, со штампом израильского почтового отделения. В этой ситуации несколько ушлых евреев, среди них было несколько нотариусов, решили открыть небольшое «предприятие» по отсылке фальшивых израильских вызовов.

Периодически несколько «добреньких» израильтян пытались организовать производство и отсылку подобных фальшивок за деньги. Настоящие вызовы оформлялись и рассылались исключительно через «Натив». У нас было опасение, что

советские власти объявят все израильские вызовы фальшивыми и под бюрократическим предлогом разрушат всю систему отправки вызовов из Израиля, даже от родственников. Пользуясь цензурой, по нашим указаниям удалось выявить все фальшивые вызовы и, конечно же, их израильских и американских производителей. Ими тут же занялась израильская полиция, отделение бригадного генерала полиции Биньямина Зигеля и судебные органы. Ряд мошенников предстал перед судом за фальсификацию документов государства Израиль, подделку нотариальных заверений и бланков Министерства иностранных дел. Мы добились решения на запрет публикации об этих делах. Таким образом, поток фальшивых вызовов из Израиля был полностью ликвидирован в короткий срок. Мы получали также дополнительную информацию об отказниках и их положении, накладывая цензуру на их переписку с родственниками и друзьями в Израиле. Цензура помогала нам оценить, какой выглядит ситуация в Израиле в глазах авторов писем, как новоприбывших, так и приехавших в прежние годы, и служила дополнительным источником информации о СССР и советских евреях.

В конце восьмидесятых, посоветовавшись с Бартовом, я сообщил в цензуру, что мы больше не заинтересованы в использовании цензуры на переписку. Я не сожалею об использовании цензуры. Это было характерно для того периода и соответствовало нормам, которые действовали в Израиле с самого его основания.

К концу восьмидесятых необходимо было высылать десятки тысяч вызовов в месяц. Чем больше вызовов отправлялось советским евреям, тем больше приходило новых запросов на вызов. Получившие вызов евреи моментально подавали на выезд. Давление на ОВИРы росло. Количество выезжающих отражало, кроме всего прочего, количество подавших просьбы на вызов. Было ясно, что мы не сможем справиться со все возрастающим количеством вызовов, если продолжим работать по-старому, вручную. Было необходимо срочно изменить форму вызовов и внести несколько технических корректив. Я подготовил предложение об изменениях. Мы подали его на утверждение в Министерство юстиции. Там нам пошли навстречу, утверждение было получено практически сразу. По сути, мы подготовили новый документ, который позволил сократить число заполняемых анкет и отменял необходимость в нотариальном заверении и, самое главное, в личной подписи человека, от чьего имени высылается вызов. Проблему компьютеризации базы данных советских евреев, которая ранее хранилась в бумажной картотеке,

мы успели решить еще раньше. Уже в конце семидесятых Иосиф Мелер, предвидя развитие событий, организовал компьютеризацию отдела Советского Союза под контролем и профессиональным руководством компьютерного отдела другой организации.

По возвращении из Вены меня назначили, в дополнение ко всему, ответственным за компьютерную систему и ее дальнейшую разработку. Очень быстро я договорился с представителями другой организации, что в отличие от принятого ранее порядка теперь они будут исключительно консультантами, а мы будем самостоятельно управлять системой. Однако оказалось, что для ввода данных в систему нам нужно несколько десятков работников, и тут мы наткнулись на глухую стену. Государство Израиль не желало финансировать дополнительные ставки стоимостью всего в сотни тысяч долларов в год. Нам пришлось изыскивать средства из внешних источников. До шестидесятых годов «Натив», как и ряд других служб, финансировался не из бюджета государства. Сотрудники «Натива», как и некоторые другие, даже не числились госслужащими. Только после Шестидневной войны государство стало частично финансировать эти учреждения, включая «Натив», наряду со средствами, поступающими из внешних источников. 50 % бюджета «Натива» поступали от Еврейского Агентства, 50 % из госбюджета. В середине восьмидесятых министр финансов Ицхак Модаи постановил, что весь бюджет «Натива» будет финансироваться государством. Однако выделяемый бюджет покрывал только текущие расходы – содержание офиса и зарплату для сотрудников. На конкретную деятельность никогда не выделялись деньги, поэтому она финансировались из внешних источников. Поскольку выхода не было, то и в этот раз для ввода данных в компьютер мы изыскали средства вне государственного бюджета.

28

Одним из самых успешных проектов, созданных Арье Кролем, было использование в наших целях Международной книжной ярмарки в Советском Союзе, которая проходила раз в два года в Москве. Кроль всегда составлял и готовил для ярмарки израильскую делегацию, одну из самых больших и хорошо подготовленных на этой выставке. На ярмарку посылались в качестве представителей успешные в области культурной или литературной деятельности израильтяне, которые привозили с собой огромное количество материалов для передачи евреям и активистам. К книжной ярмарке, которая должна была состояться осенью 1987 года, когда я уже отвечал за всю нашу деятельность в СССР, включая и ярмарку, я решил пересмотреть заново все планы. Я установил правило: мы делаем все до грани, установленной советскими властями, а потом переходим эту грань до предела их терпения. Принцип был – действовать, а если советские власти будут препятствовать, стоять на своем и давить до достижения поставленной цели, хотя бы частично, пытаться сделать то, чего советские власти никогда раньше не разрешали. На инструктаже перед поездкой я требовал от членов делегации более активных и демонстративных действий. Например, я спросил членов делегации, правда ли, что в прошлом религиозные евреи должны были прятать ермолки под головными уборами. Когда они это подтвердили, я им запретил прятать ермолки. Я дал указание, чтобы все религиозные члены делегации демонстративно носили их, показывая всем, что они израильтяне и не боятся никаких провокаций властей. Они удивились, но указание выполнили.

Я решил использовать на ярмарке новые средства: компьютеры, видеосистемы, кинопроекторы, а также распорядился подготовить пропагандистский фильм об Израиле на русском языке. Большинство членов делегации засомневались. «С чего вдруг требовать у советских властей разрешения демонстрировать фильмы на книжной ярмарке?» Мой ответ был: «Они не спросят, они все понимают. А формальную причину мы всегда найдем». Так и произошло. При подготовке фильма я потребовал, чтобы в нем был показан современный Израиль, не пустыня, не кибуц и не коровники, потому что в СССР никто не мечтает, чтобы дети стали колхозниками. Фильм вышел отличным и просто потряс тысячи евреев, которые смотрели его каждый день на выставке. Мы установили вокруг павильона огромные экраны, и на них постоянно демонстрировались наши

фильмы в дни работы павильона. Количество и разнообразие привезенных книг было беспрецедентным. Советские власти пытались воспрепятствовать раздаче карт Израиля, поскольку границы Израиля на них не соответствовали признанным Советским Союзом, но я приказал Роберту Зингеру, главе делегации, стоять на своем и не уступать. В конце концов за полчаса до открытия выставки советские власти сдались, и карты были внесены в Израильский павильон.

Как я уже упоминал, главой делегации был Роберт Зингер, молодой парень, назначенный мной, и это была его первая операция в «Нативе». Роберт был целеустремленным и творческим человеком и обладал отличными организационными способностями. Зингер приехал в Израиль ребенком из Черновцов в семидесятых годах. В 15 лет он уже окончил израильскую среднюю школу, в 21 год – университет и призвался в израильскую армию. «Умники» из военной контрразведки позволили ему служить только в армейской службе воспитания, а не в разведке, куда он хотел попасть. Однако и там Роберт добился большого успеха. Когда я его «перехватил», ему было всего 32 года, и он уже был начальником отдела воспитания Южного округа в звании подполковника. Я убедил его перейти в «Натив». Мне хотелось, чтобы он создал отдел пропаганды для работы среди евреев Советского Союза, ввел его в действие и руководил им. Я считал, что разъяснительная работа – важнейший элемент в нашей деятельности среди евреев СССР. Форма и содержание материала должны были вывести евреев из равновесия и привести их к решению выехать в Израиль, конечно, в соответствии с их ожиданиями. Я верил, что у Роберта Зингера есть все необходимые качества, чтобы справиться с этой новой и сложной задачей. Я рад, что не ошибся в Роберте, и он превзошел все мои ожидания. Зингер создал великолепную систему, лучшую из всех подобных, когда-либо созданных в Израиле, и в кратчайшие сроки просто завалил Советский Союз нашими материа-лами.

Операция Московская книжная ярмарка стала тяжелым боевым крещением, однако Роберт Зингер выдержал его с честью. Он руководил делегацией, занимался подготовкой материалов, в конечном счете поставленные цели были достигнуты. И не случайно эту ярмарку назвали «Шестидневной ярмаркой» по аналогии с Шестидневной войной. Тысячи евреев толпились возле павильона, расхватывали материалы и со слезами на глазах впервые в жизни смотрели на кадры фильма об Израиле. Это вызвало невероятное потрясение и дало сильный толчок к увеличению просьб о выезде из СССР. Все материалы, все

оборудование, включая компьютеры, которые нам удалось ввезти в Москву, как это и было принято на предыдущих ярмарках в Москве, мы оставили еврейским активистам. На протяжении каждого дня ярмарки и после члены делегации выходили из нашего павильона с полными портфелями и сумками, исчезая в огромной Москве, встречались с евреями, чтобы передать им тонны материалов и оборудования. В считаные часы, в соответствии с заранее разработанным планом, все материалы были распределены, доходя до самых отдаленных уголков СССР. В принципе, мы делали все то же, что и на предыдущих ярмарках, но в этот раз мы рассчитали, что мы можем вести себя намного более дерзко и советские власти уступят из-за своей прогрессирующей слабости. Мы просто перешли без зазрения совести все допустимые границы, и это сработало.

Тем временем в правительстве произошла ротация. Его снова возглавил Ицхак Шамир, а Шимон Перес сменил его на посту министра иностранных дел. Я познакомился с Пересом еще в 1969 году, когда приехал в Израиль, и относился к нему с уважением. Тем не менее, были несколько моментов, которые вызывали у меня неудобство по отношению к нему. Например, я так и не смог смириться с тем фактом, что Перес не служил в армии. В период пребывания на посту министра иностранных дел Перес внес важнейший вклад в дело выезда евреев Советского Союза в Израиль, вряд ли полностью сознавая и понимая огромное значение принятых им решений. В тот период вокруг Переса образовалась великолепная группа. На мой взгляд, никогда в израильской политике не было подобного собрания таких способных, творческих и чрезвычайно трудоспособных молодых ребят, так называемых пиджаков: Йоси Бейлин, Нимрод Новик, Амнон Нойбах, Боаз Аппельбаум и Ури Савир. У них были очень удачные идеи, и им удавалось использовать положительные качества Переса, затушевывая его недостатки, иногда даже скрывая часть из них от общественности.

С назначением Шимона Переса министром иностранных дел в МИДе начали проводить совместные совещания с представителями министерства, разведывательного сообщества и специалистами из университетов. Мы участвовали в совещаниях, посвященных Советскому Союзу. Их целью было обсудить проблемы отношений между Израилем и Советским Союзом со всех точек зрения и определить принципы политики Израиля в отношении СССР. Эти обсуждения велись, как правило, Йоси Бейлином или Нимродом Новиком. На одном из таких обсуждений Перес сделал заявление, которое, в сущности, изменило политику Израиля в отношении Советского Союза и

привело к выдающимся результатам. Впервые в истории государства Израиль Перес официально определил, что главным государственным интересом Израиля в отношениях с СССР являются советские евреи и их выезд в Израиль. На лицах сотрудников Министерства иностранных дел и кое-кого из разведывательного сообщества и научных деятелей я заметил недоумение и скрытое недовольство. Однако никто из них не посмел возразить министру иностранных дел, даже те, кто не был согласен с его точкой зрения. Сотрудники Министерства иностранных дел, за исключением нескольких праведников, не особенно старались, мягко говоря, проводить в жизнь объявленную министром политику.

У меня сложились особые отношения с Пересом и его командой. Для них было очень важно получить своевременную и правильную оценку ситуации в СССР. Было ясно, что именно «Натив», постоянно держащий руку на пульсе происходящего в Советском Союзе, благодаря многочисленным систематическим анализам поступающей информации, многолетней деятельности в этой области, благодаря неустанно накапливающемуся опыту и знаниям, был способен наилучшим образом оценить ситуацию. Другие организации не располагали собственными источниками информации и пользовались данными из зарубежных источников и их оценками. У них также не было специалистов, способных разобраться в проблемах советской действительности. В израильской армии, Моссаде и даже в Министерстве иностранных дел большинство специалистов не только не владели русским языком, но и не всегда работали только на этом направлении. Только у нас сформировалась профессиональная преемственность, были накоплены опыт и знания благодаря постоянному профессиональному и организационному усовершенствованию с 1951 года!

Как только все, что связано с СССР, попало под мою ответственность, я начал принимать и продвигать молодых выходцев из Советского Союза, обладающих знаниями и профессиональным опытом. Я пригласил на работу в «Натив» несколько бывших офицеров, которые знали, что собой представляет СССР. Они обладали совершенно другой организационной и профессиональной культурой, радикально отличающейся от принятой до тех пор в «Нативе». Таким образом, сложился многогранный коллектив, высокопрофессиональный, работающий, как единый отлаженный механизм. Этому коллективу удавалось использовать преимущества и нейтрализовать недостатки каждого отдельного сотрудника. Все было нацелено исключительно на Советский Союз и на советских

евреев. Тем более что часть принятых мной сотрудников, офицеров Армии Израиля, таких как Рафик Пизов или Ханан Ахитов, еще в СССР, до приезда в Израиль, занимались подпольной сионистской деятельностью.

Между нами и командой Переса в Министерстве иностранных дел сложилась система связи и постоянного обмена информацией. Поскольку чиновники Министерства иностранных дел крайне ревниво относились к «Нативу», ситуация доходила до абсурда. Перед каждой тайной или открытой встречей между советскими представителями и людьми Переса или же с самим Пересом я передавал напрямую в его канцелярию, втайне от чиновников министерства, оценку ситуации и рекомендации по поводу тем, которые, по мнению «Натива», следовало поднять на встрече. После проведения переговоров я получал письменный отчет об их содержании, затем возвращал эти материалы тоже напрямую в канцелярию Переса и снова тайком от министерства. Жаль, что мы были вынуждены работать именно так, но это было ради всеобщего блага, ведь мы тем самым немало способствовали продвижению отношений с Советским Союзом.

Летом 1987 года после целой серии тайных встреч Нимрода Новика с советскими представителями в финское посольство в Тель-Авиве прибыла советская дипломатическая делегация, которая представляла СССР в Израиле. Осенью 1987 года на одном из совместных совещаний в Министерстве иностранных дел я предложил, чтобы на ближайшей встрече с советскими представителями мы попросили разрешения прислать израильскую дипломатическую делегацию в посольство Нидерландов, которое представляло интересы Израиля в СССР. Тогдашний глава отдела Восточной Европы, в ответ на мое предложение, разразился потоком криков: «С чего вдруг? Что ты несешь? Да на каком основании мы будем просить об этом у советских властей? Это нереально! Зачем нам это надо?! Что тебе там нужно?» Почти все участники обсуждения категорически отвергли мое предложение. Меня не удивила такая реакция Министерства иностранных дел. На предыдущих обсуждениях об открытии дипломатического представительства Израиля в Венгрии представители министерства и разведывательного сообщества точно так же возражали против открытия Представительства израильских интересов в Будапеште и обосновывали это тем, что открытие учреждения, которое по статусу было бы ниже дипломатического представительства или хотя бы консульства, не достойно государства Израиль. Шимон Перес вел это обсуждение и поинтересовался позицией «Натива». Я сказал ему, что «Натив» поддерживает создание

дипломатического представительства независимо от статуса в Будапеште для того, чтобы мы могли направить туда наших людей для работы среди евреев Венгрии. Перес постановил открыть представительство для обеспечения деятельности «Натива», поскольку интересы евреев для страны превыше всего.

Йоси Бейлин, руководивший обсуждением по поводу израильского представительства в Советском Союзе, спросил, чем я предлагаю обосновать нашу просьбу о его открытии. Я сказал: «Точно так же, как это сделали советские представители». Мне тут же возразил тот же чиновник Министерства иностранных дел, сказав, что у нас нет собственности в СССР. Я ответил, что есть: здание нашего посольства, – мы попросим проверить его состояние. В дополнение к этому точно так же, как советские представители, попросим проверить положение израильских граждан в СССР. Тут представитель Министерства иностранных дел просто вышел из себя и с язвительной усмешкой предположил: «Вы будете заниматься евреями, имеющими фальшивое израильское гражданство, которое вы им предоставили?» Я глянул на него с презрением и никак не отреагировал. Я только сказал: «Мы попросим разрешения проверить консульскую работу и консульские услуги, оказываемые выезжающим в Израиль». Бейлин спросил, какой срок мы попросим для делегации. Я ответил: «Точно такой же срок, как и для советской делегации в Израиле. Они попросили предоставить их делегации три месяца, мы тоже попросим три месяца, а потом каждый раз будем продлевать. Таким образом, сколько советская делегация пробудет в Израиле, столько же наша будет в Советском Союзе».

Бейлин подытожил встречу тем, что попросил меня подать в письменном виде предложение и обоснование просьбы. Когда я вернулся в «Натив», то собрал группу сотрудников, и мы вместе сформулировали документ в соответствии с определенными мной пунктами, и тут же с водителем отослал его Бейлину. Потом доложил об этом Давиду Бартову и сказал, что необходимо начать готовиться к отправке делегации в Советский Союз. На самом деле мы уже несколько месяцев разрабатывали организационную и оперативную концепции делегации «Натива» в СССР. Я сообщил соответствующим организациям, что мы начинаем разрабатывать концепцию работы делегации под эгидой посольства Нидерландов и если у них есть какие-то предложения, возражения, вопросы, то лучше обсудить их сейчас. Они удивились, но отнеслись к делу серьезно и профессионально. Через несколько дней я получил от Бейлина копию обращения к советским властям об отправке делегации. Радовало, что

содержание по большей части соответствовало нашим рекомендациям. В течение короткого времени советские власти сообщили о своем принципиальном согласии на прибытие израильской делегации при посольстве Нидерландов в Москве. Для нас это было не только подтверждение наших политических прогнозов и оценок. Больше всего нас обрадовало наступление новой эры – возвращение к работе на территории СССР. Мы надеялись, но даже не представляли, к каким грандиозным переменам она приведет.

Начались обсуждения состава делегации. Министерство иностранных дел постановило, что она будет состоять из двух его сотрудников, представителя Службы безопасности и одного представителя «Натива». Я был против, и Бартов поддержал мою позицию. В письме, которое он передал министру иностранных дел с копией для главы правительства, мы потребовали, чтобы в делегации было как минимум два представителя «Натива». По распоряжению главы правительства и министра иностранных дел в итоге среди членов делегации было два сотрудника «Натива». Но тут мы с Бартовом схитрили. Мы назначили вторым представителем Гершона Горева, который работал от «Натива» в израильском посольстве в Москве еще в шестидесятых годах. В данное время Горев работал представителем «Натива» в Вене. И мы решили, что его жена, которая много лет работала у нас, поедет вместе с ним. Никто ведь не запрещает брать с собой супругов. Министерство иностранных дел попыталось возражать, но быстро уступило. Мы знали, что проблемы будут не с советскими властями, а только с нашим Министерством иностранных дел. Несмотря ни на что все-таки в делегации было три представителя «Натива», и советские власти смирились с этим.

Из-за несуразной работы, характерной для Министерства иностранных дел, решение об их кандидатуре оттягивалось месяц за месяцем. Советские власти два или три раза просили список членов делегации для утверждения и оформления виз. И тогда работники Министерства самым мерзким образом слили в израильскую прессу, что «задержка в выезде московской делегации вызвана тем, что в нее включен Яков Казаков, бывший диссидент, и советские власти видят в этом провокацию и враждебную акцию». Таким образом, они не только пытались снять с себя вину в затягивании вопроса: больше всего они хотели помешать мне поехать в Москву в составе делегации. Им не удалось изменить решение министра иностранных дел и главы правительства Израиля о том, чтобы включить меня в состав делегации, и они надеялись, что советские власти воспользуются

утечкой информации и выразят какой-нибудь протест в связи с моей персоной. Однако их невежество и непонимание советского менталитета снова подвели их. Мне было ясно, что советские власти не посмеют влезать в тонкости и говорить, кто из членов делегации их устраивает, а кто нет. Советская сторона даже не вспомнила обо мне, вся задержка была результатом проволочек в израильском Министерстве иностранных дел, которое на протяжении нескольких месяцев затруднялось найти кандидатов в члены делегации.

К лету, с опозданием на несколько месяцев, Министерство иностранных дел наконец-то закончило формирование делегации. Было решено, что возглавлять ее будет сотрудник министерства Мирон Гордон, который в тот период возглавлял израильское представительство в Ватикане. Гордон приехал в Израиль из СССР ребенком, был способным интеллектуалом, очень интеллигентным, был хорошо знаком с русской культурой. По сравнению с остальными сотрудниками Министерства иностранных дел он хорошо ориентировался в происходящем в СССР. Безусловно, Гордон был достойным кандидатом, подходящим на это место. Его личный вклад был велик и мог быть еще больше, если бы не его внезапная смерть спустя несколько лет. Вторым представителем Министерства иностранных дел был сотрудник посольства Израиля в Нидерландах. Он должен был облегчить отношения между нами и голландцами, поскольку делегация действовала в рамках голландского посольства в Москве.

Перед вылетом в Москву в Министерстве иностранных дел состоялся ряд совещаний. Одно из них было посвящено проблемам безопасности. Глава отдела безопасности при Министерстве иностранных дел потребовал от членов делегации, чтобы они выполняли правила поведения, принятые в странах Западной Европы, и, в частности, скрывали все признаки того, что мы израильтяне, и принимали меры предосторожности против попыток терактов. Я был хорошо знаком с правилами, как всякий, кто работал в израильском дипломатическом представительстве за рубежом, и воспротивился этим указаниям. Я выразил свое удивление тому, что не принимается во внимание, в какую страну мы едем и какова ситуация в ней. Я попытался объяснить «специалистам», что и мы, и наше жилье, и автомобили – абсолютно все будет находиться под постоянным наблюдением 24 часа в сутки и это наблюдение будет служить нам лучшей охраной против любой попытки террора. В ответ на указание о том, что всю израильскую символику нужно прятать, я сказал, что нам нужно делать все с точностью наоборот: мы должны

демонстрировать то, что мы израильтяне, при помощи любых возможных средств: флажки, наклейки на иврите на автомобилях, на сумках, израильская символика на одежде. От моей тирады сотрудник Службы безопасности, проводивший инструктаж, чуть не упал в обморок. Постановили, что наш спор решит министр иностранных дел Шимон Перес. Я изложил Пересу нашу позицию, и он ее принял полностью. Так мы и вели себя в Москве. У каждого из нас был значок с израильским флагом. Представители Министерства иностранных дел указывали нам, что неприлично носить значок с национальным флагом и не принято дипломатам демонстрировать свою государственную принадлежность. Я игнорировал их замечания, даже когда приходил в советское Министерство иностранных дел. Зато когда Джордж Буш-младший появился с американским флажком на лацкане пиджака, то все израильские чиновники и функционеры и в особенности из Министерства иностранных дел тут же скопировали эту «хозяйскую» моду.

Именно в это время Израиль принял позорное решение, которое разрушило судьбы многих репатриантов-врачей. Было решено не признавать дипломы выпускников медицинских институтов из стран Восточной Европы. Этому не было никакого основания с профессиональной точки зрения. Тысячи врачей приехали в Израиль из стран Восточной Европы: Румынии, Польши и СССР. И в Израиле никогда не было проблем с их профессиональным уровнем. Мы с Давидом Бартовом пытались объяснить, что данное ограничение ударит по новоприбывшим, но никто не хотел нас слушать, ведь евреи почти не приезжали тогда в Израиль. Истинной причиной принятия подобного решения было все возрастающее количество врачей-арабов, выпускников высших медицинских учебных заведений в странах Восточной Европы. В Израиле на тот момент обнаружился дефицит врачей, который только усиливался. Сотни студентов-арабов учились в странах Восточной Европы, и правительство решило таким образом затормозить их проникновение в систему здравоохранения. Формальные причины постановления были абсолютно ложными и несправедливыми и, как уже сказано, ударили по тысячам приехавших в Израиль. Урок, который я получил, заключался в том, что дискриминация кого-либо рано или поздно ударит и по другим, в конечном счете превращаясь в общую норму.

29

В конце июля 1988 года мы наконец-то выехали в Гаагу, где пробыли несколько дней и встретились с представителями голландского Министерства иностранных дел. Голландцы были несколько сконфужены. С одной стороны, мы были под их началом, с другой стороны, они стремились сохранить свой статус, с их подходом и правилами, установленными ими в работе с евреями СССР. На переговорах я помалкивал и старался оставаться в тени. Помню, как мы получили паспорта и я впервые увидел советскую дипломатическую визу в своем израильском дипломатическом паспорте. Я вспомнил сказанное мне при получении разрешение на выезд: «Вы никогда больше не сможете въехать в СССР». И вот я возвращаюсь в Советский Союз в качестве израильского дипломата, чтобы помочь своим соплеменникам выехать в Израиль.

Перед посадкой в Москве мной овладели смешанные чувства. Кроме волнения, естественного и понятного, у меня возникло уже знакомое чувство, чувство напряжения и азарта перед боем, когда уже отдан приказ «запускай моторы» – танки двинулись, и вот-вот начнется бой. Ты столько изучаешь противника, ты хорошо знаешь его, ты чувствуешь захлестывающую волну адреналина перед схваткой и с нетерпением рвешься в атаку. Меня обуревало любопытство встретиться с евреями. Я встречался с большинством активистов, прибывавших в Израиль, и горел желанием действовать вместе с ними, плечом к плечу, и дать им ту поддержку, в которой когда-то нуждался я, борясь за свой выезд, и получил его всего девятнадцать лет назад.

Самолет приземлился. Двери открылись, и я увидел взгляд советского пограничника. И вмиг все вернулось, как будто бы я никогда не покидал СССР. По дороге в гостиницу я не отрывал взгляда от улиц, по которым мы проезжали: они были такими знакомыми, хотя я и не видел их девятнадцать лет. В первые дни у меня было ощущение, что я перенесся в машине времени на двадцать лет назад. Я изменился, но люди вокруг выглядели, говорили и реагировали так же, как двадцать лет назад. Когда я смотрел на евреев и выслушивал их, мне казалось, что я вижу себя, каким бы я был, если бы не уехал. И мне стало страшно. Не потому, что они были чем-то хуже меня или ниже меня, – ни в коем случае. Просто я видел, что они упустили по сравнению с тем, что я обрел в Израиле как личность, в способности мыслить, во всех смыслах. Мне было больно, что этого они лишены, и в то же время я радовался, что мне посчастливилось избежать их

судьбы. Такова была моя встреча с Советским Союзом 31 июля 1988 года, когда я опять появился в Москве, и в моей жизни начался новый этап.

Работа в Москве началась со знакомства с местностью и обстановкой, людьми и сотрудниками из голландского посольства. На следующий день мы с членами делегации поехали к зданию израильского посольства. Оказалось, что я не забыл дорогу. Я никогда раньше не водил машину по Москве и получил права только в Израиле. Мы подъехали к зданию посольства. Власти уже знали о нашем приезде.

Здание было закрытым и пустым. В волнении я подошел к закрытым воротам. Милиционер вытянулся по стойке «смирно», всячески демонстрируя готовность помочь. Изнутри вышел сторож, советский сотрудник, который все это время присматривал за зданием посольства и убирал двор. Он поприветствовал нас и открыл замок на воротах.

Волнуясь, я вошел во двор через знакомые мне ворота. Подошел к флагштоку, вспоминая о развевавшемся на нем израильском флаге, и направился к запертой двери, через которую впервые вошел в здание посольства. Поминутно на меня накатывали воспоминания о том времени, невероятно далеком, граничащем с фантазией и очень близком, как будто все было вчера. В считаные секунды юноша, прорвавшийся тогда в посольство, превратился в представителя государства Израиль, входящего в здание, как к себе домой. Эти чувства невозможно передать и невозможно забыть.

Потом мы поехали к дому, из которого я уезжал в Израиль девятнадцать лет назад. Я смотрел на окна нашей квартиры, побродил по двору, такому знакомому и, несмотря на это, чужому. Посмотрел на играющих во дворе детей и увидел в них себя, когда мне было столько же, сколько им. Как будто ничего не изменилось и через несколько минут я поднимусь домой после дворовых игр. Только деревья сильно выросли. На скамейках сидели бабушки в платочках, как и раньше, только незнакомые мне. Они с любопытством и подозрением, как и тогда, смотрели на чужого мужчину, который ходит, как лунатик, по двору, на вид – иностранец. Я вспомнил, как в школе, в далекие времена, нам велели докладывать милиции обо всех иностранцах и машинах с дипломатическими номерами, появлявшихся в нашем квартале.

Я пошел в свою школу. Я не стал заходить в здание, а направился в пришкольный сад. Увидел большие деревья – и меня охватило волнение. Мои деревья! Эти деревья я посадил в земле Москвы, в столице России, и их корни, как и мои, глубоко в этой земле, кто бы ни хозяйничал здесь, и никто, никакой режим

не сможет разорвать эту связь.

Как было принято, власти предоставили в распоряжение делегации шофера-автомеханика. Его внешний вид: жесты, поведение, выправка и походка не оставляли места для сомнения, в какой системе он воспитывался и в какой организации служит. Он не особенно интересовался техобслуживанием. Видимо, у него были вещи более важные, поэтому автомобили были в жутком состоянии. Однажды вечером, когда мы сидели в гостинице, я громко сказал: «Если еще раз утром машина окажется в таком же состоянии, я выгоню этого шофера, и плевать мне, какое у него звание». И добавил: «Если они хотят приставить к нам своих людей, пусть они хотя бы работают. Мы не намерены терпеть это разгильдяйство». Коллеги посмотрели на меня с удивлением, но я еще раз повторил: «Посмотрим, как будет завтра». На следующий день парень уже ждал меня у входа в посольство. Он сказал, что проверил машину, нашел в ней пару неисправностей и починил, что мог. Однако он просит разрешения отогнать ее в гараж автосервиса, и тогда все будет в порядке. И то же самое со второй машиной. И мне волноваться не надо, все будет приведено в порядок и отремонтировано. Я с трудом удержался, чтобы не рассмеяться. Как снова оказалось, в Советском Союзе иногда очень полезно «говорить к стенке».

С голландцами быстро установились хорошие отношения. Через пару дней я сказал Мирону Гордону, что хочу изменить процедуру. Я попросил у него объявить сотрудникам голландского посольства, что они продолжат выдавать визы в соответствии с их и нашим дипломатическим статусом. Закон разрешал только голландцам ставить визы. Но только мы будем заниматься всеми, кто обращается с вопросами по поводу Израиля. Мы будем принимать у них документы, проверять их, разговаривать с этими людьми. Мы подготовим визы и печати, а голландский консул поставит подпись. Гордон подумал минуту и согласился. Мы отправились к голландскому послу и сообщили ему об этом. Он не возражал. С этого момента все, кто приходил в голландское посольство по вопросам, связанным с Израилем, сталкивался не с советскими служащими, работающими в посольстве, и не с голландцами. Они видели перед собой служащих-израильтян, главным образом сотрудников «Натива», поскольку из всей делегации в тот период только они владели русским языком. Я придавал особую важность непосредственному контакту исключительно с израильскими служащими. Через несколько месяцев второго представителя Министерства иностранных дел также сменил сотрудник консульского отдела, который занимался туристическими визами и официальными

советскими делегациями, отправляющимися в Израиль.

Кроме получивших разрешение на выезд в Израиль, в посольство приходило много арабских студентов, которые учились в СССР, частью – израильские граждане, частью – жители территорий. В самый первый день, когда мы начали работу, я стоял у стойки приема посетителей. К окошку подошел молодой араб, студент. Я обратил внимание, что у него на лацкане пиджака был значок палестинской террористической организации, кажется, «Национального фронта». Он обратился ко мне на плохом русском, а я сладким голосом и с улыбкой спросил его на иврите, только ли он носит значок «Национального фронта» или его друзья тоже. Парень побледнел, несколько минут стоял в полном шоке, а потом пробормотал, что он пришел за какой-то справкой. По документам он был жителем территорий, не израильский гражданин. Больше студентов-арабов со значками террористических организаций мы не видели. Видимо, моментально разнеслась весть о том, что в голландском посольстве появились израильтяне.

Один из голландских дипломатов попросил у нас разрешения периодически беседовать с посетителями. Случалось, что часть выезжающих, которые боялись, что не смогут взять с собой личные документы, передавали их сотруднику голландского посольства для пересылки дипломатической почтой. Все эти документы передавались нам, израильскому отделению «Натива», а мы вручали их владельцам или же по их просьбе пересылали по месту жительства. Голландцы использовали такую возможность для общения с посетителями, что очень помогало им. Дело в том, что любой контакт с гражданами страны, даже эмигрирующими, обогащает знания и понимание страны всем без исключения дипломатам. Для голландцев это было важно, и мы согласились, чтобы этот дипломат мог общаться со всеми, с кем ему захочется. Тем более что он относительно хорошо говорил по-русски, который он выучил в школе иностранных языков при НАТО в рамках прохождения военной службы в Голландии.

С первой минуты я установил правило, которого мы придерживались неукоснительно: не принимать ничего, кроме личных документов, ни описаний изобретений, ни рабочих материалов, ни чертежей. Мы не собирались доставлять неприятности ни евреям, ни государству Израиль.

Первая встреча с отказниками и активистами была волнующей. Они уже встречались раньше с израильтянами, мы не были первыми. Дело в том, что в рамках созданной Арье Кролем мощной системы мы посылали в СССР также людей с двойным гражданством, и в последнее время в Москву приезжали все

больше и больше израильтян. Израильтяне приезжали в Советский Союз и в составе международных делегаций. Мы всегда включали в делегации людей, которых инструктировали, готовили и давали им поручения от имени «Натива».

Таковы были традиционные методы «Натива» с первых дней его основания, еще со времен первых израильских грузовых судов, которые приходили в СССР с партиями апельсинов. На этих судах всегда находились сотрудники «Натива», которых включали в состав экипажа, или же просто кто-то из команды, который выполнял наши задания. На протяжении всей истории «Натива» почти не было израильской делегации, прибывшей с визитом в Советский Союз, в которой не было сотрудников «Натива» или тех, кто работал для нас. Так было с делегацией на фестиваль молодежи, со спортивными делегациями, научными и другими. Но в этот раз активисты встретились с другим типом работников «Натива», с совершенно другой формой работы. Намного более агрессивные, более инициативные, гораздо лучше знающие и понимающие их и условия, в которых они находятся. Конечно, евреям стало быстро известно, кто я, и это только облегчило наши дальнейшие контакты и взаимоотношения. По моему мнению, у них было ощущение, что возможности контакта и взаимопонимания между ними и мной были намного лучше, чем с другими.

Мы начали обосновываться на месте, создавая инфраструктуру для еврейской деятельности и ее расширения, на этот раз при нашем участии и под нашим руководством. Постепенно нарабатывались связи и с нееврейскими структурами, местными организациями и учреждениями, общественными, государственными и другими. Однажды, когда мы приехали на встречу с евреями, один из активистов сказал, что приехал кто-то из провинции и привез старый свиток Торы и просит переслать его в Израиль. Он не может увезти его обратно, это слишком опасно. Из-за опасения прослушивания мы вели нашу беседу, переписываясь. Оставить Тору в квартире было не менее опасно: внезапный обыск – и ее хозяин отправляется в тюрьму. Группа наружного наблюдения ФСБ, которая обычно сопровождала нас, ждала нас на улице, и я не заметил, чтобы она проявляла необычную активность. Я вложил свиток Торы в сумку, в которой принесли на встречу литературу. Мы быстро закончили встречу, распрощались, я вышел с одним из членов делегации, который сопроводил меня к машине. У нас было железное правило, что за пределами гостиницы и посольства ни один сотрудник «Натива» не передвигается в одиночку, всегда с ним должен быть кто-нибудь из делегации. Если все сотрудники «Натива» были заняты,

мы брали в сопровождающие представителя Министерства иностранных дел или офицера безопасности делегации, который сопровождал меня в этот раз. Мы были хорошо знакомы много лет. По дороге я сказал ему, что мы едем в посольство и чтобы он не говорил ни слова и не задавал лишних вопросов, пока мы не войдем в здание. Мы сели в машину, я проверил, что «наружка» следует за нами, и поехал по обычному маршруту в направлении гостиницы. Когда мы подъехали к повороту, ведущему к ней, я нажал на газ и понесся по улицам со скоростью больше ста километров в час. Я видел, что ребята из «наружки» растерялись, не понимая, что происходит, а когда разобрались, я уже был далеко. Они тоже нажали на газ, но я в считаные минуты уже был на улице у посольства. Я быстро въехал на территорию посольства, милиционер, видя, что мы приближаемся, открыл нам ворота. Я видел, что «наружка» остановилась на углу улицы. Я взял сумку, вошел в свой кабинет и запер Тору в шкафу. С чувством радостного облегчения я вышел из посольства и поехал в гостиницу со своим «обычным сопровождением». Я знал, что нарушил инструкции, но не мог чисто по-человечески да и в качестве представителя Израиля оставить Тору. Иначе терялся весь смысл нашей работы в качестве представителей еврейского государства. Я никогда не пожалел, что поступил именно так.

Еще в мой самый первый вечер в Москве я говорил с женой Эдит по телефону из гостиницы и сказал ей, посмеиваясь, что уж от чего я точно не буду страдать в Советском Союзе, так это от одиночества: «товарищи» меня одного не оставят. Так оно и было все время. Обычно наружное наблюдение состояло из трех групп на трех машинах: две в непосредственной близости, третья – на расстоянии, готовая двигаться по мере развития событий. Не исключено, что были еще машины наготове, но на значительном расстоянии. Как-то мы ехали на встречу с евреями с обычным «сопровождением», и я не знал этого района. Не со всеми районами огромной Москвы я был знаком, особенно с новыми, построенными после моего отъезда. Я остановил машину и спросил у прохожего, где нужная мне улица. Когда я тронулся с места, то заметил в зеркале, как одна из машин «наружки» остановилась, из нее выскочили два человека, прижали к забору беднягу, с которым я разговаривал, и начали что-то выспрашивать и записывать. Я увидел, как перепуганный прохожий вытащил что-то из кармана, видимо, документы. Принцип был ясен. Теперь на каждом повороте я останавливался на минуту и спрашивал что-нибудь у прохожих. Сценарий раз за разом повторялся. Я видел, что «наружка» в растерянности. Они вызвали группы подкрепления, потому что не могли выдержать моего темпа.

Примерно через двадцать минут, задав вопросы нескольким десяткам людей, остановленных «наружкой», я прекратил это издевательство. Как правило, я никогда не пытался уходить от слежки без надобности. В конце концов, они выполняют свою работу, и, если это не слишком важно, не стоит их дергать.

Я привык к слежке и не обращал на нее особого внимания. Мы знали, что следят главным образом за сотрудниками «Натива» и работником службы безопасности. Через месяц слежка стала более жесткой и открытой, даже угрожающей и в основном сосредоточилась на мне. Все прежние группы наружного наблюдения заменили, а новые буквально прилипли ко мне. Когда я заходил в лифт, один из них заходил со мной. Расстояние между мной и ними не превышало двух метров. Если я шел пешком, я буквально наступал на их тень. Сначала я не понимал, в чем причина такой слежки. Неужели чтобы напугать меня или заставить нервничать? Но со мной это было нереально. Наконец я, кажется, понял. Как раз в то время в Израиле исчез вместе со всей своей семьей один из советских разведчиков, который работал под прикрытием работника делегации Русской православной церкви в Иерусалиме. Я случайно узнал об этом случае, когда был в Израиле. С точки зрения советских властей, он исчез, и они не знали, что с ним и где он. Я истолковал такое необычное внимание к своей персоне со стороны советских спецслужб как подготовку на случай торга с израильскими коллегами по поводу их исчезнувшего разведчика. Другого логичного объяснения у меня не было. Ощущение было неприятным. Я не мог ни с кем поделиться своими опасениями, даже с офицером службы безопасности из нашей делегации. Согласно последующим публикациям, перебежчик перебрался в другую страну. А плотная слежка за мной продолжалась все время, пока я не вернулся в Израиль.

В день возвращения в Израиль я стоял на гостиничной лестнице и ждал члена делегации, который должен был отвезти меня в аэропорт. Слева от меня, на расстоянии метра, стоял кто-то из группы внешнего наблюдения. Не глядя на него, я сказал вслух: «Все. Еще полтора часа, и я уже буду отдыхать в самолете, а дальше домой». Он не удержался и отреагировал: «И мы тоже наконец-то отдохнем, загоняли вы нас до смерти». Я ответил: «И вы еще жалуетесь? Вы меняетесь дважды в сутки. Посмотрите, сколько вас, а я один». Он вздохнул и согласился: «Верно. Тяжелая у вас работа. Но и мы тяжело работаем. Но ничего. Еще два часа, и мы отдохнем. Хорошего вам отпуска». Ну просто идиллия! Они «вели» меня до паспортного контроля и оставались в аэропорту до взлета самолета. Когда мы взлетели, я облегченно

вздохнул. Все напряжение последних недель вдруг спало. Я сразу же задремал и спал так до самой посадки в Вене. Когда я вернулся через неделю в Москву, слежка возобновилась в привычной форме обычными группами. Людей из спецгруппы мне довелось увидеть еще раз совершенно случайно. Я заметил, как они мчались за кем-то в своей машине. Когда я вернулся в Москву, советские власти уже знали, что произошло с их разведчиком.

Естественно, я доложил об этом в Службу безопасности. После этого Давид Бартов рассказал мне, что сотрудники Службы безопасности доложили главе правительства, что такая слежка была установлена из-за того, что я вывез Тору. Мы посмеялись над этими выдумками. Видимо, привычка представлять вещи так, как тебе удобнее, и спихивать вину на других все еще была сильна. Но понять, как можно лгать главе правительства, я так и не смог.

Я попросил наших сотрудников, чтобы они полностью игнорировали слежку. Не пытаться уходить от них, не хитрить и не пытаться вступить в контакт. Я сказал, что нам нечего прятать. Если они хотят знать, с кем мы встречаемся, – пожалуйста. Не раз со слежкой происходили забавные ситуации. Когда мы работали в Москве, то должны были раз в неделю летать в Вену, поскольку секретная дипломатическая почта приходила только туда. Для передачи нашей почты мы пользовались услугами голландского посольства, но никому бы и в голову не пришло передавать через них секретные материалы, поэтому мы не могли получить их в Москве, да и хранить их в Москве у нас не было возможности. Поэтому еженедельно кто-то вылетал в Вену на 48 часов и там, в израильском посольстве, вскрывал почту, отправлял, читал, писал отчеты, отправлял отчеты других сотрудников. Обычные материалы привозили в Москву, секретные приходилось запоминать.

Как-то я привез из Вены кое-какие материалы, но не хотел их читать в посольстве. Материал не был особо секретным, но довольно интересным. Я поехал в машине к Московскому университету, там есть огромная аллея, уселся где-то посередине на скамейку, чтобы иметь круговой обзор на несколько сотен метров, и никто не мог бы ко мне незаметно приблизиться. Сидел, читал, поглядывая за машиной наружного наблюдения в конце аллеи напротив меня. Закончив чтение, по привычке решил прогуляться. Я люблю думать во время ходьбы. Я обошел аллею, приближаясь к машине «наружки». В ней сидели парень и девушка и пылко целовались. Краем глаза я заметил, что, как только я прошел мимо этой машины, девушка оттолкнула парня.

Я сказал про себя: «Я вас повеселю!» Я прошел двадцать метров, развернулся и пошел обратно. Когда они увидели, что я приближаюсь к машине, они вынуждены были вернуться к поцелуям. Я специально пошел медленно и обратил внимание, что парню это очень нравится. Так я ходил туда и обратно возле этой машины минут тридцать. Я думаю, что парень был бы рад поблагодарить меня, а девушка была готова разорвать меня на части. «Чего только не сделаешь на благо Родины, – шел и думал я. – Раз уж выбрали такую работу, работайте. Не все и не всегда обязаны получать удовольствие от работы».

Однажды, когда я шел на очередную встречу с евреями, то, приближаясь к зданию, заметил, что на углах стоят люди КГБ, но не из той группы, которая постоянно следила за мной. «Ну, сейчас два управления КГБ столкнутся», – подумал я. Ведь евреями занималось Пятое управление, в функции которого входила борьба с идеологической диверсией, а наблюдением за нами – Второе Главное управление, занимающееся контрразведкой и наблюдением за иностранными представительствами. Я нарочно сделал круг и прямо за поворотом появился перед работниками из Пятого управления. Они в замешательстве переглянулись, и тут появился мой «эскорт» из Второго Главного управления. Было интересно наблюдать, как они столкнулись. Они начали выяснять отношения, полномочия и делить работу. Я стоял у входа в дом и наблюдал за ними, пока они не заняли каждый свою позицию, а потом поднялся наверх. Все группы остались внизу, каждая – поджидая своих «подопечных».

Однажды я возвращался из Вены в Москву, и офицер безопасности нашей делегации приехал встречать меня в аэропорт. Когда я вышел к нему, он спросил, почему я полетел «Аэрофлотом», ведь нам запрещено летать советскими самолетами. Я подтвердил, что знаю об этом запрете, и разъяснил ему, что причина запрета в том, что нам нельзя находиться на советской территории, которой является также самолет «Аэрофлота». Но мы же все время находимся на территории СССР, и еще два часа в самолете «Аэрофлота» не играют никакой роли. Я подчеркнул, что для нас соблюдать это правило нереально, ведь по Советскому Союзу мы все равно не летаем на самолетах иностранных авиакомпаний. Я добавил, что если бы причиной было техническое состояние самолетов, то еще можно было понять этот запрет. Работник Службы безопасности задумался над моими словами, а потом сказал, что в них есть логика и что он доложит руководству Службы безопасности просьбу разрешить представителям в Москве летать за рубеж советской

авиакомпанией, если нет других вариантов. Прошла пара недель, он пришел ко мне с вытянутой и смущенной физиономией и сказал: «Я подал просьбу, но ответ отрицательный. Невозможно нарушить инструкции».

Однако тупое упрямство не было исключительной привилегией сотрудников Службы безопасности Израиля. Моссад преуспевал в этом не меньше. Через несколько лет в России и в Израиле были назначены представители Моссада и Службы внешней разведки России. Представитель Моссада в Москве сопровождал директора СВР, когда тот приехал с визитом в Израиль. Высокий гость разместился в гостинице «Шератон» в Тель-Авиве как раз напротив посольства России. Когда представитель Моссада в Москве заехал утром за делегацией, чтобы отвезти ее на встречу, глава СВР сказал, что должен на несколько минут заскочить в посольство, и израильский представитель зашел с ним. После завершения визита его вызвали на разбор к начальнику отдела безопасности Моссада, поскольку он нарушил инструкции работников разведывательного сообщества и вошел на территорию российского посольства, не получив предварительного разрешения на это. Тот поинтересовался, а в чем проблема. Ему объяснили, что посольство является территорией России, работникам Моссада запрещено появляться на территории России без получения предварительного разрешения Отдела безопасности Моссада. Немного ошалевший, он напомнил своему собеседнику, что служит в России и постоянно находится на ее территории. Это не помогло, и он получил выговор за нарушение инструкций по безопасности.

30

В одну из пятниц в декабре 1988 года я, как обычно, работал в своем кабинете в Тель-Авиве, когда вдруг мне позвонили и сообщили о происшествии, видимо, уголовном, которое произошло в СССР на Северном Кавказе. Преступники то ли вместе с заложниками, то ли без них летят на самолете по направлению к Израилю. Вместе с одним из работников «Натива» я тут же выехал в аэропорт Бен-Гурион. В аэропорту мы быстро нашли место, где находилась группа, занимавшаяся этой проблемой. Когда я вошел в комнату, то увидел там представителей армии, полиции и Службы безопасности. Во главе стола сидел Эхуд Барак, который координировал все действия. Увидев меня, Барак сказал без лишних предисловий: «Яша, ты присоединяешься к профессору Ариэлю Мрари. Вы будете группой по переговорам с угонщиками». Я много слышал о Мрари. Он был одним из самых уважаемых психологов, и не только в Израиле, и часто отвечал за переговоры с террористами. Присутствующим, которые не были знакомы со мной, Барак объяснил: «Яша лучше всех знает русских». Посоветовавшись между собой, мы с Мрари подготовили план переговоров с угонщиками. По информации, полученной от советской стороны, на борту самолета не было заложников, только экипаж и угонщики. Для меня, для «Натива», для Израиля было важно убедиться, что угон и его участники не имели никакого отношения к евреям. Хоть и прошло много времени, но еще было свежо в памяти «ленинградское самолетное дело», попытка угона самолета евреями, которая закончилась известным Ленинградским процессом. Поэтому было необходимо убедиться, имеет ли этот угон отношение к евреям вообще или к евреям, желающим выехать в Израиль. И если нет сомнений, что дело исключительно уголовное, то дело будет решено на государственном уровне.

Самолет приближался. Мрари, я и еще несколько человек выехали к диспетчерской башне. Мы поднялись, там же находился министр обороны Ицхак Рабин, заместитель начальника Генштаба Эхуд Барак и генерал-майор Амнон Липкин-Шахак, начальник Управления военной разведки Генштаба. Связь с самолетом была установлена, и диспетчерская начала говорить с экипажем. Мы слышали пилота, он говорил на довольно плохом английском. На протяжении полета мы не говорили с угонщиками. Пилот получил указания по поводу захода на посадку. Рабин произнес: «Если угонщики неевреи и

дело чисто уголовное, то преступников и самолет нужно будет вернуть». Мы быстро спустились с башни, сели в машину и поехали к месту посадки самолета. Липкин-Шахак сказал мне: «Яша, подойди к самолету и выясни, что это за люди».

Я направился к самолету, и вдруг как из-под земли появились два парня из Службы безопасности, Бен-Ами и Шрага Крайн, который работал с нами в Москве и которого я хорошо знал. Когда дверь самолета открылась, там появился человек с «Калашниковым». Он спрыгнул вниз, подошел к нам и, глядя с подозрением и не спуская рук с автомата, спросил по-русски с сильным кавказским акцентом: «Где мы?» «В Израиле», – ответили мы. «А тогда чего ты говоришь по-русски?» – спросил он недоверчиво. Я вытащил свои водительские права и показал их ему. «Видишь? Здесь написано на иврите, на языке евреев. Вот тут в углу звезда Давида, еврейский символ. Это мое удостоверение личности. Израильское. В России таких нет». Удостоверение, вероятно, убедило его. На его лице появилась улыбка, и он опустил автомат.

Быстро стало ясно, что дело чисто уголовное. Бен-Ами ушел, мы остались вместе со Шрагой, который попросил угонщика отложить автомат в сторону. У двери самолета стояло несколько вооруженных людей, среди них была женщина. Угонщик сказал что-то на непонятном нам языке, и из самолета выбросили мешок. Он подбежал к мешку и начал его раскрывать. Шрага напрягся: мы же не знали, что в мешке. Мешок был полон денег. Запечатанные пачки банкнот, долларов, фунтов, марок и еще каких-то валют, которые в сумерках было трудно опознать. Угонщик обратился к нам: «У меня тут свыше двух миллионов долларов. Я предлагаю половину государству Израиль, а половину нам. Дайте нам самолет, и мы улетим в другую страну».

Мы попросили всех остальных выйти из самолета. Это был транспортный самолет, от двери спустили трап, по которому спустились все угонщики. Прежде всего мы попросили отложить оружие в сторону. У них были пистолеты и обрезы. Они сложили оружие в стороне. Угонщики выглядели то ли обкурившимися, то ли пьяными, от них исходил тяжелый запах анаши и алкоголя. Мы объяснили им, что сейчас их отвезут в Тель-Авив, а потом, после выполнения некоторых формальностей, их отправят в гостиницу. Шрага выполнил свои обязанности и удалился, поскольку случай был уже не в компетенции Службы безопасности. Я объяснил угонщикам, что для порядка сначала с ними должны будут поговорить представители полиции Израиля, что все будет в порядке и потом они продолжат свой путь дальше. Находившаяся среди угонщиков женщина неожиданно подала

мне знак, что хочет поговорить со мной. Я отошел с ней в сторону, она сказала, что она жена одного из угонщиков, ее взяли с собой силой и что она не причастна к угону самолета. Я успокоил ее и сказал, что передам ее куда надо, если она не имеет к этому никакого отношения. Тем временем прибыла полиция. Когда все угонщики уже сидели в патрульных машинах, я подошел к автомобилю Ицхака Рабина и доложил ситуацию. Рабин сказал, что хочет видеть угонщиков. Мы пошли к одной из патрульных машин, к нам присоединились также Барак и Липкин-Шахак. Я был единственным, кто мог разговаривать с угонщиками. Рабин, Барак, Липкин-Шахак задали несколько вопросов, а я переводил вопросы и ответы. Рабин тихо произнес, что их нужно выдать. Военные и министр уехали. Полиция увезла угонщиков и деньги.

Я остался возле самолета, поговорил со спустившимся экипажем и успокоил их. Я сказал, что угонщиков уже везут в тюрьму и все будет в порядке. Тут к самолету ринулась толпа: типичные израильтяне, солдаты, офицеры, генералы, полицейские, – все они хотели влезть в самолет. Первый пилот занервничал и попросил меня помочь ему не допустить людей в самолет, который, согласно международным законам, был советской территорией. Тогда еще между Израилем и СССР не было дипломатических отношений. Пришлось мне вмешаться. Сначала я согнал всех с трапа самолета, а потом отдал приказ всем расходиться. Я отметил возле самолета линию и сказал, что никто не имеет право ее пересекать. Это помогло, и все отошли от самолета. Тем временем прибыли представители ВВС с военной части аэродрома и установили охрану вокруг самолета. После этого все мы, включая экипаж самолета, поехали на базу ВВС, к которой относился военный аэродром.

В клубе базы уже собрались ее командир, глава советской делегации при финском посольстве в Израиле Григорий Мартиросов и два представителя нашего Министерства иностранных дел. Старшим был Иешаягу Ануг, заместитель генерального директора Министерства иностранных дел, которому было поручено заниматься дипломатическими аспектами кризиса. Он был одним из лучших сотрудников министерства, из тех редких людей, которые всегда с пониманием и серьезностью относятся к любой проблеме. У меня с ним были отличные отношения и раньше. И здесь, в клубе израильской базы ВВС, я был единственным человеком, знающим русский язык. Я представился Мартиросову. Естественно, ему было знакомо мое имя, как и мне его.

Первое, что необходимо было срочно сделать, – это перегнать

самолет на ночную стоянку. Его нельзя было оставлять на взлетно-посадочной полосе. Командир базы, летчик, полковник Израильских ВВС, первый и второй пилоты советского экипажа, глава советской дипломатической группы в Израиле и я, член израильской дипломатической группы в Москве, направились к самолету. Мы сели в кабину самолета, и, следуя указаниям израильского командира базы, советский самолет начал двигаться по летному полю израильского военного аэродрома. Примерно через десять минут мы прибыли на место стоянки. Первый пилот запер самолет, а солдаты ВВС остались его охранять. Советский самолет на взлетной полосе в Израиле представлял собой на тот момент сюрреалистическую и взволновавшую всех нас картину. Больше всего был взволнован командир базы ВВС: он, израильский пилот, полковник, находится в кабине советского самолета с советскими летчиками на взлетной полосе подчиненного ему военного аэродрома! На совещании, которое мы провели на базе ВВС, было решено, что экипаж самолета переночует в отеле, а назавтра прояснится, что и как делать дальше.

Мартиросов спросил меня, выдаст ли Израиль угонщиков и сможет ли самолет завтра вылететь вместе с ними. Я ответил ему, что нам ясно: речь идет об уголовниках, и, в принципе, с нашей стороны не ожидается каких-либо возражений по поводу их выдачи после выполнения юридических и дипломатических формальностей, о которых он прекрасно знает. Что же касается самолета с преступниками, сказал я ему, он, видимо, не сознает всей проблематичности полета. Я объяснил Мартиросову, что нельзя перевозить преступников в самолете, даже в наручниках, когда в транспортном самолете есть только экипаж, который не обладает навыками, чтобы перевозить опасных преступников и справиться с ними, если они начнут буянить в самолете. Мартиросов спросил, что я предлагаю. Я сказал, что наилучшее и самое удобное со всех точек зрения решение, если сюда прибудет подразделение по борьбе с террором и вернет преступников в самолете. Для нас намного труднее принять решение доставить их вместе с нашим сопровождением в Москву или в третью страну, что вообще очень сложно само по себе. Мартиросов был слегка удивлен, а потом спросил меня с недоверием: «И вы разрешите им посадку?» Я сказал, что с этим не будет никаких проблем и можно договариваться об их прибытии, если советская сторона примет такое решение. Тем временем все начали расходиться. Армия предоставила экипажу самолета автобус, представитель Министерства иностранных дел Ануг попросил меня сопроводить его с экипажем в заказанный для них советской

делегацией отель. Я отвез их в тель-авивскую гостиницу на берегу моря и, передав в руки советской дипломатической делегации, отправился домой.

На следующий день, в субботу утром, позвонил Ануг и сказал, что советские власти послали в Израиль самолет со спецподразделением. Ануг попросил, чтобы я отправился в аэропорт Бен-Гурион, встретил прибывающую группу и продолжил заниматься делом об угоне. Я немедленно выехал в аэропорт и направился прямо к посадочной полосе. Со странным чувством провожал я взглядом приземлившийся и бегущий по посадочной полосе аэропорта имени Бен-Гуриона советский самолет. Не такое уж это и обычное явление было для Израиля 1988 года. Я стоял у трапа самолета, по которому пружинистым шагом спустился невысокий, спортивного склада, крепкий мужчина. Напряженным, недоверчивым взглядом он осматривался вокруг. Его рукопожатие было холодным и крепким. Я представился, назвав свое имя и фамилию. Он тоже представился: «Сергей Гончаров». Мы уточнили кое-какие технические детали, в том числе сколько человек прибыло с группой, и я попросил собрать паспорта и передать их мне для пограничного контроля. Я передал паспорта пограничникам и, когда все визы и печати были проставлены, вернулся с паспортами в самолет. Большинство членов группы были молодыми, спортивными ребятами, за исключением двоих, которые были немного постарше. Одним из них – во главе группы – был генерал-майор Геннадий Николаевич Зайцев, командир подразделения по борьбе с террором «Альфа», а остальные – бойцы подразделения. Позже мне стало ясно, что Сергей Гончаров – заместитель командира подразделения.

Мы приехали в микроавтобусе на базу ВВС, в клубе базы нас уже ждал Ануг и с ним еще один представитель Министерства иностранных дел и члены советской дипломатической группы в Израиле, и мы начали обсуждать проблему. Была достигнута принципиальная договоренность, что вечером этого же дня угонщики будут переданы в руки советской группы и оба самолета вылетят в Москву. Я сосредоточился на обсуждении и планировании с Гончаровым технических деталей операции. Всеми дипломатическими формальностями и формулировками занимались представители Министерства иностранных дел и советской делегации. Было несколько моментов, по поводу которых Мартиросову нужно было получить разрешение и новые инструкции от московского руководства. Он сказал, что ему нужно поехать в представительство советской делегации в Тель-Авиве. Поскольку ответ из Москвы нужно было получить

немедленно, приняли решение, что несколько членов приехавшей группы поедут в представительство советской делегации в Тель-Авиве. База ВВС выделила автобус, и я поехал с ними в их представительство, расположенное в переулке возле площади Государства. У здания представительства уже толпились журналисты.

Среди членов приехавшей группы был один, прочитав его имя в паспорте, я удивился. Это был сотрудник КГБ, который приезжал в Израиль для расследования побега советского агента. Логично было предположить, что он относится к отделу КГБ, который занимался разведывательной деятельностью в Израиле. Перед тем как отдать распоряжение шоферу открыть двери автобуса, я подошел и обратился к нему, как принято в России, по имени и отчеству. Он прекрасно знал, кто я. Я сказал ему: мне кажется, что он не заинтересован, чтобы его фотографии появились завтра в прессе. «Нет, нет», – нервно подтвердил он. Я сказал ему, что тогда он должен делать все, что я скажу, и не отходить от меня ни на шаг. Когда открылись двери, я сказал, что все могут выходить. Члены советской делегации повели всех в здание. Я остался с этим человеком в автобусе. Через несколько минут, когда репортеры разошлись, я сказал ему следовать за мной и направился к квартире, где находилось советское представительство. Один из репортеров узнал меня и опустил камеру. Журналисты и фотографы знали, кто я, и что меня запрещено фотографировать и я не люблю, когда кто-то пытается это сделать. По крайней мере, тогда еще соблюдали подобные запреты. Примерно через час, когда все вопросы были решены по телефону, мы вернулись обратно на базу ВВС.

В тот же день советский министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе сообщил о выдаче разрешения израильской делегации в Москве работать в здании посольства Израиля, которое пустовало с 1967 года. Было ясно, что этот жест доброй воли имел своей целью поторопить и ободрить Израиль, чтобы он скорее выдал преступников и вернул самолет. Лично я воспринял сообщение Шеварднадзе с удовлетворением и радостью.

Был как раз канун Хануки. Командир базы ВВС сказал мне: «Яша, что будем делать с Ханукой?» Я ответил, что все будет как обычно: зажжем свечи и отметим праздник. Я попросил всех присутствующих подойти к праздничному столу со свечами и пончиками – суфганийот. Я объяснил советской делегации, что во всем мире и в Израиле сегодня евреи отмечают праздник, который называется Ханукой. Я рассказал им про обычай зажигать ханукальные свечи и объяснил, в чем его смысл. Один из сержантов базы зажег ханукальный светильник, и все

израильтяне запели «Маоз Цур». Бойцы «Альфы», одного из элитных подразделений КГБ, их командир, генерал-майор Зайцев, и глава советской делегации Мартиросов вытянулись по стойке «смирно», с открытыми ртами, ошеломленные происходящей на их глазах полурелигиозной-полунациональной церемонией империалистической армии Израиля, в которой они участвуют. Впервые в жизни они видели религиозный обряд, да еще в армии. Когда мы подошли к накрытому столу, члены советской группы спросили меня, действительно ли мы находимся на военной базе. Я улыбнулся и сказал, что да, на столе у нас армейская еда. Они-то привыкли к армейской еде Советской армии того времени, которую трудно представить жителям стран Запада.

Тем временем возникли неожиданные проблемы. Израильский закон запрещает экстрадицию в страны, где людей ожидает смертный приговор. По советскому законодательству угонщиков, с учетом всего произошедшего до вылета, ожидала смертная казнь. Израиль потребовал у СССР обязательства не выносить в отношении угонщиков смертного приговора. Зайцев не был уполномочен давать такие обязательства, поскольку был генералом КГБ, командиром подразделения по борьбе с террором, а не государственным чиновником. Мартиросов имел право давать подобные обязательства от имени своей страны и пытался дозвониться вышестоящему руководству в Москве для получения указаний. Вдруг в помещение зашел бригадный генерал полиции и направился ко мне. Он рассказал, что они получили информацию, что организовалась группа общественных деятелей и юристов, которые прямо сейчас направляются к судье, чтобы получить ордер, запрещающий выдачу угонщиков: возможно, речь идет не об уголовном преступлении, а о политической акции и борьбе за права человека. Только этого нам не хватало: чтобы Израиль не выдал преступников, которые угнали самолет, а до этого еще захватили автобус с детьми, а они думают, что, возможно, речь идет о борьбе за права человека! Преступники захватили школьный автобус, привезли детей в аэропорт и отпустили их только в самолете, когда уже получили выкуп и разрешение на взлет. И все это на фоне арабского террора против израильских граждан и угона самолетов. Я подошел к Анугу, Мартиросову и Зайцеву, пытавшимся найти формулировку, которая позволила бы им решить проблему обязательства СССР не применять смертную казнь. Я сказал им: «У вас есть пять минут, чтобы принять решение. Если в течение пяти минут решения не будет, вы рискуете быть в ответе за то, что судья вынесет постановление и преступники не будут выданы». Я рассказал им о полученной мной информации о готовящемся

обращении к судье. Они выглядели встревоженными и сконфуженными.

Мартиросов был встревожен больше других, ведь на нем лежала ответственность за ведение переговоров от имени Советского Союза. Он пытался дозвониться до Москвы, но безуспешно. Я сказал ему: «Либо вы принимаете решение, но если вы не примете правильного решения, то будете виновным в глазах вашего руководства в срыве выдачи угонщиков». Мартиросов отошел в сторонку и через одну-две минуты сказал: «Я решил. Я даю обязательство от имени СССР, что к угонщикам не будет применена смертная казнь». Это был из ряда вон выходящий поступок для советского чиновника. Он принял решение от имени государства без разрешения вышестоящего руководства. Впоследствии Мартиросов был награжден орденом за принятие правильного решения в критической ситуации. Генералу Зайцеву было присвоено звание Героя Советского Союза за его действия во время операции и освобождении захваченных детей. Я тут же обратился к Сергею Гончарову и сказал ему, что вылет разрешен и что он может скомандовать бойцам «Альфы» забирать преступников. Порядок распределения преступников по двум самолетам и двум группам подразделения «Альфы» и передачу их израильской полицией мы с Гончаровым оговорили заранее. Полицейские машины, в которых находились угонщики, уже стояли на летном поле в ожидании разрешения на передачу преступников советской стороне.

Мы направились к самолету Ту-154, который привез группу «Альфа» и стоял на взлетной полосе аэропорта Бен-Гурион. Я полагал, что бойцы группы не будут заинтересованы в том, чтобы их фотографии появились в международной прессе. Не говоря уже о том, что репортеры просто горели желанием сфотографировать, как израильские полицейские передают заключенных в руки советского спецназа, а в той ситуации никто из нас не был заинтересован в подобных снимках. Я попросил у полиции не подпускать фоторепортеров к самолету на взлетной полосе. Полиция пообещала. Когда мы прибыли к самолету, на полосе, тем не менее, было полно журналистов. Я попросил у полиции расставить полицейских кругом, собрал внутри его бойцов «Альфы» и сказал им, чтобы они стали спиной к фоторепортерам и перекрыли вместе с полицейскими обзор в момент передачи заключенных. Так оно и произошло. Сфотографировали только спины бойцов «Альфы», когда те заводили преступников, одного за другим, по трапу в самолет. Я вошел в самолет после них. Тут пришел представитель полиции майор Лев Каплан, с которым я был знаком по нескольким

совместным с полицией операциям в прошлом. Каплан репатриировался из Литвы в семидесятых годах, там он тоже работал в правоохранительных органах, был офицером, а в израильской полиции служил в Отделе расследования особо опасных преступлений. Спустя три года после этого случая он работал представителем «Натива» в одной из стран на бывшем постсоветском пространстве, а потом представителем израильской полиции на Украине. В руках Льва был мешок с деньгами, который привезли с собой преступники.

И снова возникла проблема. По правилам обе стороны должны были пересчитать деньги. Пересчитывать два миллиона долларов в разной валюте, банкнота за банкнотой, было настоящим кошмаром. Генерал-майор Зайцев, который уже сидел в самолете, принял решение денег не считать, сказав с улыбкой: «Мы верим на слово, что никто денег не брал». Я прошел по самолету, попрощался с бойцами «Альфы», с Зайцевым и с сотрудником КГБ. Я прошел мимо закованного в наручники угонщика Павла Яшкиянца, главаря банды, того самого, который первым вышел из самолета и с которым мне довелось побеседовать у трапа. Он посмотрел на меня ненавидящим взглядом и сказал в ярости: «И это называется Израиль? Так вы гостей встречаете? Ну-ну». Сидевшие по обе стороны от него бойцы «Альфы» недвусмысленно разъяснили ему, что лучше помолчать. Он замолчал, оборвав предложение на полуслове. Я вышел с Сергеем Гончаровым из первого самолета, и мы поехали ко второму. Это был Ил-76, на котором прилетели угонщики, он стоял на летной полосе военной зоны аэропорта. Вокруг не было ни души, за исключением охраны базы. При погрузке заключенных в самолет возникла проблема. Лестница самолета была слишком узкой, и по ней мог подниматься только один человек. Поэтому полицейские поднимали заключенных одного за другим, а бойцы «Альфы» втягивали их за наручники в самолет.

Я поднялся в самолет, чтобы попрощаться. Вдруг Сергей Гончаров сказал мне: «Яша, что мы будем делать с наручниками? Они же должны быть в наручниках на всем протяжении полета. Как мы вам вернем их?» Я ответил ему: «У вас есть музей КГБ, передай их в музей. Подарок от Израиля». После распада СССР, когда Музей КГБ открылся на недолгое время для широкой публики, я читал статью с фотографиями наручников, где было написано, что ими заковывали преступников, которые угнали самолет, и что Израиль и Советский Союз совместно провели операцию по захвату бандитов, а наручники – подарок израильского Моссада Советскому Союзу. Я посмеялся от всей

души.

Мы тепло распрощались с Гончаровым, а ведь еще утром он сюда прилетел, холодный, напряженный и неприветливый. Позже мы еще не раз встречались в России, и наша встреча переросла в теплую дружбу, которая продолжается до сегодняшнего дня.

Позже выяснилось, что моя связь с музеем КГБ намного более долгая и сложная. Как-то я сидел с генералами и офицерами руководства разведслужбы одного из государств, возникших после распада СССР. Старший из них спросил: «Как вы думаете, сколько я знаком с Кедми?» – и, не дожидаясь ответа, рассказал, что в семидесятых годах, когда он был на четвертом курсе академии КГБ, им, курсантам, разрешили посетить музей КГБ. По его словам, там был особый стенд, посвященный истории Якова Казакова. Именно тогда он впервые услышал обо мне и увидел мою фотографию. Я не проверял, правда ли это, но история слышалась мне забавной.

У истории с угоном самолета и посадкой в Израиле были многочисленные и многозначительные положительные последствия. Еще во время операции министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе обещал: если преступники будут выданы, то мы сможем переехать в здание нашего посольства в Москве. Это обещание было не просто открытым намеком на то, что Израиль возвращается к самостоятельному дипломатическому статусу в СССР, хотя мы и продолжали работать под эгидой голландского посольства. Вскоре после операции с бандитами была достигнута договоренность, что дипломатические группы, как израильская, так и советская, превратятся в независимые консульские представительства, уже не в рамках финского и голландского посольств. Совместное проведение операции по захвату самолета нарушило существующие табу и сломало множество стереотипов, распространенных в советских властных структурах. Если раньше редко кто поддерживал нормализацию отношений с Израилем, то теперь вдруг все увидели, что СССР и Израиль сотрудничали, что Израиль действовал благороднее, эффективнее и оперативнее некоторых государств, с которыми у Советского Союза были дипломатические отношения. Успех был обусловлен принципиальным решением главы правительства и министра обороны и отличной работой израильского Министерства иностранных дел. Проведение операции стало однозначным свидетельством того, что у двух государств могут быть общие интересы. Так треснул лед в официальных отношениях между Израилем и СССР и начался процесс установления дипломатических отношений, который быстро и интенсивно

развивался.

Когда я через неделю вернулся в Москву, советские работники посольства, хитро улыбаясь, сказали, что видели меня и Шрагу в газетах и телевизионных новостях. По их взглядам и намекам я понял, что у них свое представление о том, как обычные дипломаты, вроде нас со Шрагой, проходящие службу в Москве, могли оказаться участниками таких событий. Я никак не отреагировал на это, только улыбнулся.

Однако из этой истории я сделал несколько оперативных выводов по поводу того, как все решалось в Израиле. Не были определены рамки операции и полномочий и общая ответственность за всю операцию. Армия отвечала только в том случае, если бы возникла необходимость действовать против террористов и захватить их. По прошествии многих лет я услышал от одной из центральных фигур операции (не от Барака) об идеях военного командования, которые до сих пор беспокоят меня. Несколько высших офицеров обратились к министру обороны Ицхаку Рабину и рекомендовали сбить самолет. Они считали и настаивали, что речь идет о советской провокации, сразу после посадки из самолета выскочит спецназ и начнет захват аэропорта Бен-Гурион. Я был поражен масштабами творческого идиотизма и безответственности этих офицеров. Их ничему не научила трагедия со сбитым ливийским самолетом. К счастью, Рабин категорически отверг их предложения.

Командир экипажа угнанного самолета рассказал мне, что только чудом не произошла катастрофа. Чтобы остановить самолет, на летной полосе установили грузовик с цистерной, но не учли минимальный посадочный пробег, необходимый для советского грузового самолета Ил-76. Пилоту чудом удалось остановить самолет в нескольких метрах от грузовика.

Армия тут же удалилась, как только выяснилось, что дело уголовное и к национальной безопасности не имеет никакого отношения. Полиция занималась только преступниками, Министерство иностранных дел только дипломатической стороной дела. Другими словами, не было общей ответственности и руководства. Руководство и координация происходили спонтанно. В конце концов все как-то уладилось, как это у нас нередко случается.

31

В результате истории с захватом самолета мы смогли переехать в здание посольства Израиля. Мне было интересно, замурован ли подземный ход под зданием. Это была известная история. В 1964 году посольство Израиля в Москве переехало в новое здание. Вскоре после переезда Давид Бартов, который тогда был вторым человеком в посольстве и возглавлял делегацию «Натива», обнаружил под кабинетом посла подземный ход, ведущий в соседнее здание. Туннель был достаточной высоты, чтобы по нему можно было пройти согнувшись. Я знал эту историю во всех подробностях из отчетов «Натива» и слышал о ней от самого Бартова. Когда советским властям стало ясно, что туннель обнаружен, они вломились в посольство в один прекрасный день, заявив, что якобы под землей прорвало трубы. Применив физическую силу, они не дали работникам посольства остановить их. Советские «сантехники» залили туннель бетоном и замуровали его. По «дипломатическим» каналам посла предупредили, что, если эта история будет обнародована, власти отомстят евреям СССР, и выезд в Израиль пострадает. Это было главной причиной, по которой Израиль долгое время скрывал эту историю, и она была обнародована только через много лет. Мы предполагали, что за те годы, когда посольство пустовало и там находились только советские охранники, у них была возможность установить в здании все, что они захотят.

С переездом в новое здание намного улучшились условия нашей работы с евреями, туристами и выезжающими на постоянное жительство, количество которых постоянно росло. Не говоря уже о символическом значении этого: шел быстрый процесс восстановления дипломатических отношений между нашими странами. Сотруднику посольства Нидерландов был выделен нами отдельный кабинет, поскольку формально голландцы продолжали подписывать и ставить свои печати на каждом документе и каждой визе, выданных израильской дипломатической группой в СССР.

Вскоре после истории с угоном самолета произошло землетрясение в Армении, приведшее к огромным разрушениям. Десятки тысяч людей оказались погребены под развалинами. Израиль тут же организовал делегацию для помощи пострадавшим. Она состояла из подразделения спасателей Армии Израиля и нескольких врачей. Перед вылетом делегации мне позвонил Давид Бартов и сообщил, что по распоряжению премьер-министра, Ицхака Шамира, я должен вылететь вместе с

делегацией. Я взял военную форму, дипломатический паспорт и выехал в аэропорт. Там я встретил главу советской делегации в Израиле Мартиросова и присоединился к работам по организации и погрузке оборудования на транспортные военные самолеты Израиля, которые должны были доставить оборудование и людей в Армению. Погрузка продолжалась около трех часов, и, когда мы уже собирались на посадку в самолеты, Мартиросов подошел ко мне. Отводя взгляд, он сказал, что только что получил распоряжение из Москвы: обладатели израильских дипломатических паспортов не могут прибыть с делегацией. Он тут же добавил, что не надо видеть в этом что-то направленное против меня лично, а общее указание. Я не стал спорить. Дождавшись, когда самолеты взлетят, я вернулся домой. Я понимал, что в Советском Союзе еще действуют силы, которые пытаются любой ценой воспрепятствовать сближению между нашими странами. Они не хотели продемонстрировать, что государство Израиль принимает участие в спасательных работах в Советской Армении.

Однако на этом катастрофы в Советском Союзе не окончились, не кончилась и помощь в их ликвидации со стороны Израиля. В районе Урала взорвался газопровод, было много раненых с ожогами. Глава делегации Арье Левин (в ту пору дипломатические отношения еще не были установлены) сказал мне, что из Израиля прибывает группа военных врачей для помощи пострадавшим и он просит меня встретить их и заняться ими, затем отправить на место назначения, вероятно, на Урал. Он сообщил мне номер рейса кипрской авиакомпании и предположительное время посадки. У него не было списка членов группы. В аэропорту я договорился с майором пограничных войск, и он обещал ускорить паспортный контроль, но спросил, как мы найдем людей, не зная их имен. Я попросил дать мне в сопровождение двух солдат. Я укажу им на наших людей, и они отведут их в сторону. Майор удивился и спросил, как я их узнаю. Я сказал, чтобы он не беспокоился об этом. Когда появились пассажиры, я указал, кого надо отвести в сторону, и вскоре вся группа была в сборе. Майор был в изумлении. Я представился прибывшим и попросил их паспорта. После этого мы перешли в ВИП-зал, чтобы дождаться там завершения всех проверок. Кстати, самолет, на котором они прилетели, прибыл из Триполи, из Ливии, и, взяв пассажиров на Кипре, направился в Москву. Большинство пассажиров были ливийцами.

Вдруг глава израильской делегации спросил меня: «Ты Яша?» Я кивнул. Он улыбнулся и сказал: «Не узнаешь меня? Я Шуки. Я был вашим батальонным врачом во время войны». И тогда я

вспомнил его. Врач нашего батальона погиб в первом бою, и после окончания боев нам прислали нового врача – Шуки Шемера. С тех пор прошло более пятнадцати лет. Мы обнялись. Члены делегации были очень взволнованы самим фактом приезда в Москву. Через несколько минут я спросил их, привезли ли они военную форму. Они ответили, что да. И тогда я сказал им, что у них есть пять минут, чтобы переодеться в военную форму. Они удивились. А разве можно? Что скажут советские власти? Я сказал им, что они представляют Армию обороны Израиля и тот, кто представляет армию, носит военную форму. А реакция советских властей – это моя проблема. Через пять минут в зале сидела группа офицеров Армии Израиля в военной форме. Среди них была женщина, главная медсестра армии, подполковник, которая начинала службу в воздушно-десантных войсках и была в форме ВДВ. Так мы выехали из аэропорта и направились в гостиницу. Когда Арье Левин увидел их в военной форме, он чуть не упал в обморок. Я его успокоил и сказал, что они будут носить форму только в свободное время, а в больницах будут работать в гражданской одежде. В последний момент советские власти испугались, что израильские военные приедут на Урал, и сказали, что делегация останется в Москве и будет помогать в больницах, которые занимаются ранеными.

Я сопровождал группу в течение нескольких дней. Мы посещали больницы и помогали местным врачам. Снабдили их медикаментами, принимали участие в процедурах и операциях. Тогда наши врачи были одними из лучших в мире специалистов по лечению ожогов. У них были передовые методики, неизвестные в России. Но и на израильских врачей произвел впечатление уровень советских врачей. Особенно учитывая нищету, убогость и ужасающее качество оборудования и лекарств. Однажды произошел эпизод, грустный, раздражающий, унизительный, особенно для меня. Ведь мы представляли в какой-то мере западный мир. В одной из больниц советские врачи показали нам мази, которые они получили из США в качестве помощи после трагедии. Наши врачи были в замешательстве. Они сказали мне, что эти препараты времен Вьетнамской войны и несколько лет назад их запретили к использованию в США. Я сказал, что они должны сообщить об этом своим начальникам, поскольку врачебная этика важнее, чем уважение к какому-то американскому прохвосту. Местный врач, который руководил отделением, вздохнул и сказал: «У нас нет таких мазей. Лучше уж воспользоваться американской помощью, чем остаться ни с чем. Возможно, так нам все-таки удастся помочь раненым».

В то время Шуки Шемер был заместителем начальника

медицинской службы Армии обороны Израиля, и мы организовали ему встречу с руководством медицинской службы Советской армии. Один из членов нашей делегации, майор, приехал в Израиль из Ленинграда и был выпускником Ленинградского медицинского вуза. Я также использовал эту возможность для организации заранее подготовленных встреч с евреями. Многие евреи, полные волнения, собрались в Московской синагоге. Излишне говорить, как взволновались все собравшиеся, когда вошла группа офицеров армии Израиля в военной форме. В нескольких больницах мы устроили встречи с врачами, и каждый раз собирались десятки врачей, большинство из них евреи. Для многих из них с этих встреч начался их путь в Израиль. Очень волнующим был визит на Красную площадь и в Кремль. Офицеры израильской армии в военной форме в Кремле были невообразимым зрелищем. Солдат из караула спросил меня на входе, из какой армии прибыли гости – не кубинской ли? Когда я ответил, что это офицеры израильской армии, он раскрыл рот от удивления. Вместе с тем, в принципе, советское руководство было недовольно приездом израильской делегации. Хотя они не воспрепятствовали приезду, но сделали все, чтобы максимально ограничить ее деятельность и предотвратить любые сообщения об израильской помощи, а уж тем более от медицинской службы Армии обороны Израиля.

32

Тем временем мы распространили нашу деятельность на весь Советский Союз, завязывая отношения со всеми государственными структурами, с евреями и неевреями, с советскими чиновниками. Мы создали эффективную структуру и более качественную, чем другие израильские, и не только израильские, структуры. Благодаря этому мы были в состоянии делать анализ и оценку ситуации, как по евреям, так и по общим и национальным вопросам. Мы воздерживались и категорически запрещали любые действия, которые могли вызвать даже намек на подозрение, что нас интересует информация в области безопасности или обороны Советского Союза. Это нас не интересовало и было за пределами нашей деятельности. Но мы смогли давать прогнозы по ожидаемому количеству приезжающих в Израиль в 1990 году и позже.

В 1989 году количество выезжающих из Советского Союза по израильским визам, как в Израиль, так, во все больших размерах, и в другие страны, неуклонно росло. В 1988 году мы поняли, что в СССР перестали связывать выдачу разрешения на выезд с получением вызова от прямых родственников. В прошлом советские власти время от времени использовали выезд в Израиль, чтобы избавиться от неугодных властям лиц, несмотря на то что у тех не было никакой связи ни с Израилем, ни с еврейством. В 1989 году эта практика получила особо широкое распространение. Так, стали выпускать пятидесятников – членов христианской секты, не имеющей никакого отношения к евреям. Около 13 тыс. пятидесятников покинули СССР в 1989 году и, тем самым, увеличили число получивших разрешение на выезд в Израиль до 89 тыс. человек.

Вскоре я пришел к выводу, что количество выезжающих может превысить 50 тыс. человек в год и может дойти до 100 тыс. Меня озадачивало то, что абсолютное большинство выезжающих, включая пятидесятников, направлялись в США. И поэтому американские власти вскоре столкнутся с таким количеством еврейских иммигрантов, которое намного превысит готовность их принять. Ведь евреи, выезжавшие из Советского Союза по израильской визе, получали от США статус беженцев и финансирование из федерального бюджета, в отличие от других иммигрантов. Американские власти давно уже были готовы изменить правила в отношении евреев Советского Союза и уравнять их в правах с другими иммигрантами. Я не раз слышал об этом от американских чиновников, но они опасались, что

американские еврейские организации обвинят их в антисемитизме. Еврейский истеблишмент и еврейские организации были заинтересованы в продолжении еврейской иммиграции в США из-за огромных денег, которые поступали в их бюджеты, – в основном из федерального бюджета, а также из Объединенного еврейского фонда. Однако размеры еврейской иммиграции из Советского Союза в США по израильским визам превысили возможности федерального бюджета, а без федеральных денег еврейские организации не могли финансировать абсорбцию приезжающих. Я сомневался в том, что американские власти в состоянии увеличить квоту беженцев для евреев из СССР. Правда, новый председатель Еврейского Агентства Симха Диниц поддержал предложение об увеличении перечисления до 75 % средств Объединенного еврейского фонда в пользу еврейских иммигрантов, выезжающих из СССР по израильским визам в США, но это была лишь капля в море.

В июле 1989 года я подготовил отчет, где было сказано, что количество выезжающих в 1990 году может достигнуть 100 тыс. человек и даже больше. Я подчеркнул: если американские власти изменят свою политику и разрешат только прямую иммиграцию евреев в США, то все, кто получит разрешение на выезд в Израиль – около 100 тыс. человек, – приедут именно в Израиль. Я поручил аналитическому отделу проанализировать данные о 100 тыс. человек, которые выехали из СССР в 1979 году – как в Израиль, так и в другие страны, и составить демографический и профессиональный анализ ожидаемых ста тысяч. Основой для исследования стали анкеты, которые я обязал заполнять всех выезжающих, когда работал в Вене в 1978 году, а впоследствии в Москве. Анкеты включали все личные данные, которые нас интересовали.

Когда я ввел эти анкеты в Москве, глава израильского представительства Арье Левин спросил меня, получил ли я на это разрешение у юридического отдела Министерства иностранных дел. Я ответил, что это анкеты «Натива» и МИД не имеет к ним никакого отношения. Мы получили точный расклад ожидаемых к приезду в Израиль: сколько приедет студентов, сколько школьников, каких возрастов, сколько будет социально проблематичных случаев, больных и т. п. Мы указали более ста профессий, отметив, сколько по каждой будет мужчин и женщин, разделив их на возрастные группы, по 10 лет. Все это на 100 тыс. приехавших. При этом отмечалось, что, если приедут, как мы предполагаем, более 100 тыс. человек, эти соотношения будут сохраняться. Все таблицы я приложил к отчету. К чести нашего анализа надо сказать, что разница по профессиональному и

демографическому раскладам между приехавшими и нашими предположениями составила всего несколько процентов.

Я попросил о встречах с премьер-министром Шамиром и министром финансов Пересом. Первая встреча была с Пересом. Я вручил ему свой отчет и разъяснил его суть. Порекомендовав ему спланировать бюджет в расчете, что в 1990 году из Советского Союза приедут 100 тыс. человек, и сделать его модулярным, на случай, если приедут больше. Я пообещал, что в ближайшие месяцы мы сможем дать более точный прогноз. Если не ошибаюсь, через два месяца я представил новый отчет, в котором наш прогноз был на 150 тыс. человек. К концу года я представил окончательный прогноз: до 200 тыс. приехавших в Израиль из Советского Союза в 1990 году. В 1990 году в Израиль из СССР приехали 184 тыс. человек.

Через несколько дней я встретился с премьер-министром Шамиром. Он внимательно выслушал меня и спросил, с какой целью я подготовил этот отчет. Он сказал: «Когда люди приедут, мы их примем, как обычно, как это делалось раньше». Я удивился и терпеливо объяснил, что с таким количеством, о котором мы говорим, невозможно справиться без соответствующей подготовки. Страна сможет принять до 100 тыс. человек в первый год конвенциональными, стандартными методами. Однако при более высоких цифрах необходимы особые приготовления. «А что будет с репатриантами, если мы не сможем их принять должным образом?» – спросил Шамир в задумчивости. Я посмотрел ему прямо в глаза и сказал со свойственной мне дерзостью: «Думаю, вы неправильно ставите вопрос. Если вы не сможете принять репатриантов, вы потеряете власть». Шамир был поражен: «До такой степени?» Я ответил коротко и четко: «Да, до такой степени».

Несмотря на данный прогноз, Минфин заложил в бюджет средства на абсорбцию только до 40 тыс. новоприбывших. Чиновники Минфина не поверили моим прогнозам. Я и не ожидал, что мне поверят, но в упорядоченной системе они должны были принять во внимание подобную возможность и подготовить соответствующие меры. Когда люди начали прибывать в огромных количествах, началась паника, и все полетело кувырком.

В начале 1989 года, видя изменения, происходящие в СССР, я вернулся к идее прямых авиарейсов между Израилем и Советским Союзом. Я встретился с гендиректором авиакомпании «Эль Аль» Рафи Хар Левом. Я хотел получить представление о видении проблемы с точки зрения государственной авиакомпании, выяснить, что предпринималось в этом направлении. Хар Лев

разъяснил мне ситуацию и подчеркнул желание и готовность компании «Эль Аль» организовать прямые авиарейсы любым способом в соответствии с интересами Израиля. Он также упомянул, что несколько раз встречался с Чистяковым, главой советской дипломатической группы при посольстве Финляндии в Израиле. Было ясно, что дело не двигается из-за сопротивления политических кругов в Советском Союзе.

Летом 1989 года у меня появилась идея попробовать организовать полеты между СССР и Израилем через более удобную нам страну, Венгрию. Я встретился с представителем венгерской авиакомпании «Малев» в Москве и предложил ему, чтобы «Малев» перевозил репатриантов из Советского Союза через Будапешт в Израиль. Их специальные рейсы только с выезжающими в Израиль вылетят из Москвы, приземлятся в Будапеште и сразу же вылетят в Тель-Авив. Я сказал, что в будущем можно будет даже не приземляться, а, поменяв номер рейса прямо в воздухе, направиться в Израиль. А Израиль оплатит эти полеты. Так мы могли бы фактически установить прямые рейсы, не объявляя об этом формально. Взаиморасчеты с компанией «Эль Аль», которая тогда не летала в СССР, были чисто технической проблемой. Представитель «Малева» поинтересовался, почему нам так важно, чтобы самолет не приземлялся в Будапеште. Я аргументировал это соображениями безопасности и сложностями при переходе пассажиров и перегрузке багажа. Это было правдой, однако моя цель была предотвратить возможность выезжающим изменить маршрут и выехать в другие страны, как это происходило в Вене. Это предложение было решением проблемы ожидаемого мной значительного увеличения количества выезжающих в Израиль в ближайшем будущем. Представитель венгерской компании крайне заинтересовался моим предложением, финансовая часть ему особенно понравилась. Я понимал, что, если проект осуществится, он резко увеличит доходы Венгрии в твердой валюте. Мы договорились, что предложение будет представлено на рассмотрение руководства «Малева» и венгерского правительства. В течение ближайших месяцев мы встречались еще несколько раз, поскольку «Малев» был очень заинтересован в этом проекте. Однако правительство Венгрии затруднялось найти формулу политического решения. Мы договорились, что будем ждать разрешения руководства страны.

Тогда я решил, что настало время встретиться с руководством «Аэрофлота». По моей просьбе была назначена встреча с директором авиакомпании, однако утром в день встречи из «Аэрофлота» сообщили, что встреча отменяется. Проверка

показала, что руководство авиакомпании получило указание от советского МИДа отменить встречу. Я потребовал выяснить, кто именно в МИДе дал указание. Оказалось, что это известный нам Чистяков, который вернулся в СССР и был назначен главой израильско-палестинского сектора в МИДе. Он принадлежал к старой школе советских востоковедов крайних антиизраильских взглядов. Чистяков даже не пытался скрывать свою враждебность к Израилю и пропалестинские взгляды. Я тут же попросил связаться с ним и спросил его, действительно ли он запретил «Аэрофлоту» встречаться с нами. Он ответил утвердительно. На мой вопрос о причинах он ответил, что это выходит за рамки полномочий нашей делегации. Я вскипел и угрожающим тоном, нарочито медленно сказал ему, что наши полномочия в точности соответствуют полномочиям их делегации в Израиле. И добавил, что в Израиле никто не запрещал ему встречаться с кем угодно, в том числе и с гендиректором компании «Эль Аль». Я потребовал объяснить, по какому праву он ограничивает наши действия, ведь мы не ограничивали его действия в нашей стране.

В его голосе почувствовалось замешательство, он не ожидал ни такого тона, ни таких слов. Советские дипломаты привыкли вести себя жестко и самоуверенно, и Чистяков никак не ожидал такого ответа от представителя Израиля. Он не знал, что сказать, и лишь повторял фразу: «Это выходит за рамки ваших полномочий». Я и предполагал, что ответ будет таков, и сказал нарочито медленно: «Слушайте внимательно, господин Чистяков, и запомните на всю жизнь: мы наложим на вашу делегацию в Израиле точно такие же ограничения, какие вы накладываете на нашу делегацию в Москве. И если вы не дадите нам перемещаться, то никто из вашей делегации не выйдет из финского посольства и разговаривать будете только с финнами. Если вы хотите этого, продолжайте ваши игры». Чистяков едва не задохнулся от неожиданности. Когда он пришел в себя, то спросил, говорю ли я от собственного имени или это официальная позиция. Я ответил с полунасмешкой и подчеркнуто высокомерно: «Вам бы следовало знать, что мы не используем ваши методы. Мы не проводили партийного собрания и не советовались с секретарем парторганизации, но отношения между нашими странами будут только на базе абсолютной взаимности. Ваши ограничения против нас тут же превратятся в наши ограничения против вас в Израиле». На этом разговор был окончен.

Через короткое время Арье Левин был срочно вызван в советский МИД. Левин вернулся напуганный и попросил меня срочно пройтись с ним прогуляться, чтобы обсудить новую

проблему. «Что ты наделал? Как ты с ним разговаривал? – сказал он. – Они вызвали меня и указали на то, что ты разговаривал с Чистяковым в тоне, не принятом в дипломатии, и угрожал ему». Я объяснил ему обстоятельства разговора с Чистяковым, подчеркнув, что нам нельзя позволять советским чиновникам ограничивать наши действия, в то время как их делегация в Израиле пользуется полной свободой. Левин начал объяснять, что я накаляю атмосферу, это может повредить взаимоотношениям двух стран и тому подобное. Я сказал ему: «Успокойся, это единственный язык, который они понимают. Око за око. Полная взаимность. Нельзя уступать даже в мелочах». И добавил, что придет день, и я еще рассчитаюсь с Чистяковым. После двухчасовой прогулки по холодным улицам Москвы Левин немного успокоился, и все улеглось.

Конечно же, директор «Аэрофлота» не хотел проблем со своим МИДом, однако судьба распорядилась так, что вдруг в Москву прибыли делегации от «Эль Аль» и «Малева». Оказалось, что в «Малеве» решили дать ход проекту по перелетам из Москвы в Израиль через Будапешт. Гендиректор «Эль Аль» Рафи Хар Лев сообщил мне о готовящемся визите и попросил: «Если можешь, присоединяйся и помоги нам. Мы будем очень рады». Я решил попытать счастья еще раз, ведь советский МИД не мог мне запретить сопровождать израильскую делегацию. Я принял участие в переговорах, а во время обеда я сидел между директором «Аэрофлота» и Рафи Хар Левом. В течение двух с половиной часов я объяснял начальнику «Аэрофлота», что, с одной стороны, по нашим оценкам, количество выезжающих в Израиль резко возрастет в ближайшее время, а с другой стороны, мы очень заинтересованы в прямых авиарейсах. Я представил ему расчеты доходов «Аэрофлота» в твердой валюте, если он согласится перевозить выезжающих из СССР прямо в Израиль вместе с «Эль Аль». Он загорелся этой идеей, однако по-прежнему опасался проблем на государственном уровне. Я успокоил его и сказал, что мы этим займемся, и спросил, готов ли он начать переговоры о прямых рейсах, если министр иностранных дел СССР заявит публично, что здесь нет политических проблем. Он ответил: «В ту же минуту».

Когда я приехал в Израиль, то попросил Давида Бартова, чтобы во время визита министра иностранных дел Шеварднадзе в США ему задали вопрос о прямых авиарейсах между СССР и Израилем. Я не знаю, то ли по моей просьбе, то ли по чистой случайности, этот вопрос был задан Шеварднадзе во время пресс-конференции, и он ответил: «Это не вопрос политики, а чисто коммерческий, и советское правительство не вмешивается в этот

вопрос». Слова Шеварднадзе были опубликованы в советской прессе. Я позвонил гендиректору «Аэрофлота» и сказал ему: «Вот видите. Все улажено». Он с радостью отреагировал: «Этого достаточно. Начинаем переговоры».

«Аэрофлот» не стал медлить и тут же послал приглашение гендиректору «Эль Аль». Он приехал в Москву с группой сотрудников, и я присоединился к группе в переговорах. Переговоры между «Аэрофлотом» и «Эль Аль» о прямых авиарейсах между СССР и Израилем были эффективными и продвигались довольно быстро. Встал вопрос о цене. Советская сторона потребовала небывало высокую цену – около 700 долларов за билет. Их требование завело переговоры в тупик. Мы попросили сделать перерыв и вылетели в Израиль. Я доложил Шамиру, что обо всем договорено, кроме цены за билет. Шамир был разъярен, и совершенно справедливо. «Почему ты не согласился на их цену?» – говорил он раздраженно, повышенным тоном. «Это не вопрос денег. Немедленно возвращайся и соглашайся на любую цену, которую они попросят. Главное, чтобы были прямые авиарейсы». Я устыдился самого себя. Ведь я придерживался точно такого же мнения, но не рискнул взять на себя решение о цене на билеты. Когда Шамир выговаривал мне, я радовался и по-настоящему гордился своим премьер-министром. Я сообщил Рафи Хар Леву об указании главы правительства, и мы вернулись в Москву.

Договор был подписан в течение нескольких дней. Было достигнуто соглашение, согласно которому это будут чартерные полеты обеих авиакомпаний, и первый полет был назначен на 1 января 1990 года. Мы опасались трудностей в переговорах по вопросам безопасности. Представители «Эль Аль» приготовились к трудным переговорам о вооруженной охране. Однако, к нашему удивлению, советская сторона сразу дала согласие. Более того, они были уверены, что наши охранники будут стоять открыто, с автоматами «Узи» в руках, и очень удивились, когда мы сообщили, что оружие будет скрыто под одеждой. Советские представители пообещали оказывать нам любую помощь и даже предложили тренироваться на их стрельбищах.

Сотрудники Еврейского Агентства очень хотели принять участие в переговорах и настаивали, чтобы мы получили для них разрешение на въезд. Позиция советской стороны была однозначной: «Нет! С какой стати? Переговоры ведутся между авиакомпаниями. Почему негосударственная организация, цели и задачи которой нам хорошо известны, должна принимать в них участие? Почему мы должны давать им разрешение на въезд?» Цви Барак, начальник финансового отдела Еврейского Агентства,

хотел приехать в Москву, однако ему отказали в визе. Мы пытались включить в договор пункт, упоминающий Еврейское Агентство как организацию, которая будет оплачивать полеты, однако получили решительный отказ от советской стороны. «Даже и не думайте, – сказали они. – Еврейское Агентство – это организация, которая занимается эмиграцией, и всякое упоминание о ней запрещено и не будет разрешено государственными органами. Мы не хотим слышать о Еврейском Агентстве, забудьте об этом. Договор исключительно между «Эль Аль» и «Аэрофлотом».

1 января 1990 года театр «Габима» должен был прибыть на гастроли в Москву. Было решено, что самолет «Эль Аль», который доставит выезжающих из Москвы в Израиль, возьмет актеров «Габимы» из Израиля в Москву. Следующим прямым рейсом, который уже был назначен, должен был стать рейс «Аэрофлота». Накануне 1 января я был в Израиле и вылетел в Москву на самолете «Эль Аль» вместе с актерами «Габимы». Раньше я был бы взволнован тем фактом, что «Габима», основанная в Москве, возвращается с гастролями на родину. Однако на этот раз для моего волнения и напряжения была другая причина, гораздо более серьезная и глубокая. Когда мы приземлились, я вышел в зал ожидания, с легким головокружением от волнения, только для того чтобы на электронном табло международного аэропорта Москвы увидеть строчку с названием «Эль Аль» и номером рейса. Это было необыкновенное чувство. Опять мне удалось добиться того, что всего лишь несколько месяцев назад считалось невозможным. Невозможная мечта о прямых авиарейсах между СССР и Израилем осуществилась у меня на глазах. Я пробыл в зале ожидания несколько минут и вернулся в самолет. Во время обратного полета я никак не мог успокоиться. Я проходил по самолету снова и снова, всматриваясь в лица пассажиров. Изможденные люди с уставшими детьми, им было некогда думать о смысле происходящего. Я думал: понимают ли они, что через пару часов или час они приземлятся в Израиле прямо из Москвы.

В Израиле царило небывалое воодушевление. Каждый, кто считал себя хоть кем-то значимым, хотел приехать в аэропорт Бен-Гурион и встретить первый самолет, прибывающий прямым рейсом из СССР. Однако Давид Бартов проявил здравомыслие. Он обратился к ним всем с просьбой не говорить об этом, не публиковать ничего, не устраивать торжеств и вообще не приезжать в аэропорт. Министр абсорбции и другие высокопоставленные лица прислушались к нему и развернули свои машины, хотя уже были на пути в аэропорт. Не было никакой утечки и никаких сообщений в прессе ни о прямом

рейсе, ни о достигнутом соглашении.

Когда самолет приземлился, выходя из него, я увидел перед собой Рафи Хар Лева. Он обнял меня и сказал со слезами на глазах: «Я всегда думал о том, как будет выглядеть Мессия, но не ожидал, что он будет похож на тебя». Конечно, Рафи переборщил, но в его словах выразилась заветная мечта израильтян о массовом выезде евреев СССР в Израиль. Нужно отметить, что к январю 1990 года выезд евреев, выезжающих из СССР по израильским визам, в другие страны уже прекратился и все выезжающие из Советского Союза все в большем количестве ехали только в Израиль. Можно понять, как был взволнован Хар Лев, преданный своему делу, когда увидел, как евреи из СССР приземляются в Израиле. И он, военный летчик, генерал военно-воздушных сил Израиля, который воевал во всех войнах Израиля, привозит их. Это был тот Израиль, который я любил, которым я восхищался, в котором черпал свою силу, и Хар Лев символизировал его в полной мере.

Дальнейшие события были довольно грустными. В одном из выступлений Ицхак Шамир провозгласил, что нас ожидает большая волна новоприбывших. «Большая волна новоприбывших нуждается в большой стране. Мы нуждаемся в большом количестве евреев, чтобы заселить Иудею и Самарию». Эти слова всколыхнули не только арабов, но и Советский Союз. Министр иностранных дел Шеварднадзе дал указание запретить продолжение прямых рейсов между Советским Союзом и Израилем и приостановить действие договора о прямых рейсах на неопределенный срок. Второй самолет, на этот раз от «Аэрофлота», уже был готов к вылету, однако из-за запрета лететь в Тель-Авив ему пришлось приземлиться в Ларнаке на Кипре. В ту ночь я вылетел на двухместном самолете на Кипр, везя с собой наличные деньги, которыми расплатился с киприотами за перевозку пассажиров в Израиль. После того как мы пересадили прилетевших из Москвы на кипрский самолет, сразу после посадки и без всяких проблем я на том же маленьком самолете вернулся в Израиль. Так окончилась почти удавшаяся попытка установить прямые рейсы, из-за неосторожной фразы, не вовремя сказанной премьер-министром. Прямые перелеты возобновились только через год с лишним, в других условиях и в другой форме. Тогда это уже не имело того значения, как в начале 1990 года.

33

В сентябре 1989 года Арье Левин сказал мне, что ему сообщили из американского посольства о проводимом инструктаже по вопросу иммиграции, где будут участвовать представители нескольких посольств, включая израильское. Левин попросил, чтобы я пошел на этот инструктаж. Один из советников американского посольства сообщил нам, что в Вашингтоне было решено весь процесс оформления выезда из Советского Союза перевести в Москву. То есть всякий, кто желал иммигрировать в США, теперь мог подать просьбу только в московское посольство США. Венское и римское посольства прекращали прием заявлений на въезд у выходцев из СССР. Однако, добавил он, от нескольких месяцев до года будет продолжаться рассмотрение просьб только тех, кто уже находится в Италии и подал заявление на въезд в США, вплоть до самого последнего.

Я вернулся в посольство, доложил обо всем Арье Левину и решил пройтись и обдумать новости. Решение американских властей подтвердило мою предположительную оценку, сделанную всего несколько месяцев назад. Меня, конечно, разозлило, что ни из Израиля, ни от наших представителей в США мы не получили никаких сообщений об этом решении. Оказалось, что в Израиле вообще не знали, что такое решение принято. Я вспомнил обсуждение, которое состоялось у нас в организации где-то летом 1989 года, куда прибыли представители «Натива» из США и Западной Европы. Когда я спросил их, каковы шансы, что правительство США примет решение перевести рассмотрение дел советских эмигрантов в Москву и можно ли повлиять на принятие такого решения, они только рассмеялись. По мнению специалистов по делам евреев США и Западной Европы, американцы никогда не согласятся на это по тысяче причин. Я настаивал, что причина может быть чисто экономической: США не могут себе позволить таких расходов, а у еврейских организаций нет достаточных средств – но они категорически отвергли мои доводы.

Я сразу же понял, что, с одной стороны, нам предоставлена уникальная возможность прекратить «отсев». С другой стороны, мне было ясно, что американцы не понимают всей сложности проблемы вследствие их схематичного и негибкого подхода. Они не учли, что случится с евреями, которые прибудут в Вену и захотят иммигрировать в Штаты. Если они получат отказ, то Вена в считаные дни переполнится тысячами еврейских семей,

брошенных на произвол судьбы и лишенных средств. Американское правительство, еврейские организации и австрийские власти не выдержат подобного давления, и иммиграция выходцев из СССР в США продолжится. Я был убежден, что, если мы не предотвратим приезд в Вену выезжающих по визе в Израиль, у Соединенных Штатов не будет никакой возможности помешать им свернуть с пути в Израиль и потребовать в Риме или в Вене визы на въезд в США. Я решил попытаться внедрить схему, разработанную мною ранее, когда я искал способы прекратить «отсев».

Схема основывалась на понимании психологии еврейских иммигрантов из СССР и привычек советских граждан. Суть ее состояла в том, что получившие разрешение на выезд в Израиль получали бы въездную визу в Израиль, без которой они не могли покинуть СССР и въехать в другую страну, только по предъявлении авиабилета до Будапешта или Бухареста. Транзитные пункты, основанные нами в Будапеште и Бухаресте для тех, кто едет в Израиль, работали как часы, и такая процедура не давала возможности свернуть с пути и попасть в какую-либо другую страну, кроме Израиля. С этой идеей я срочно вылетел в Израиль. В аэропорту меня встречал встревоженный Цви Маген. По его словам, возможность прямой иммиграции в США – это настоящая катастрофа для нас. Евреи напрямую поедут в США, даже те, кто собирались в Израиль, тоже поедут в Америку. Я спросил его, разослан ли отчет с этой оценкой. Когда он ответил, что еще нет, я распорядился отменить этот отчет и объяснил Магену, что ситуация диаметрально противоположна их оценкам и что это наш шанс прекратить «отсев». Маген не совсем понял, что я имел в виду, однако должен был подчиниться моему распоряжению.

Назавтра вместе с Давидом Бартовом мы поехали к главе правительства Ицхаку Шамиру и представили ему мою идею в общих чертах. Реакция Шамира меня удивила. Он был одним из тех редких людей, кто всегда всем сердцем поддерживал выезд евреев в Израиль и боролся против иммиграции выезжающих в Израиль в другие страны, понимая всю опасность этого явления. В отличие от Менахема Бегина Шамир резко осуждал иммиграцию в США по израильским визам и пытался вынудить американских евреев прекратить поддержку этого явления. Однако уже было поздно, и американские еврейские организации категорически отвергли призыв Шамира. Тем не менее, каждый раз, не колеблясь, он снова и снова поднимал этот вопрос. Но Ицхак Шамир был противоречивой личностью: иногда он вел себя очень осторожно, даже слишком. Так случилось и в этот раз.

Он сказал: «Разрешаю. Делай, что задумал, но сначала скоординируй этот вопрос с голландцами и получи их согласие». «Хорошо», – ответил я, хотя у меня внутри все кипело, и мне казалось, что все рушится. Но я не опустил руки и сразу же решил, что сделаю все по своему разумению. Я не позволю упустить эту возможность и не повторю историческую ошибку «отсева». Когда мы вышли из канцелярии главы правительства, я сказал Бартову: «Я не стану просить у голландцев разрешения, я их только поставлю в известность о новой процедуре выдачи виз». «Делай, как считаешь нужным», – ответил Бартов. Думаю, что это был звездный час Давида Бартова. Сомневаюсь, что кто-то другой, будь он на месте Давида, принял бы такое решение после слов главы правительства. Я не уверен, что Шамир понял, в чем суть предложенной мной схемы, да и вряд ли он поверил в то, что она сработает и прекратит «отсев».

Вернувшись в Москву, я встретился с послом Голландии. Я сказал ему, что встречался с главой правительства Ицхаком Шамиром. Вследствие изменений в процедуре иммиграции в США мы переходим на новую систему работы. Я объяснил ему принцип выдачи визы в конце рабочего дня после предоставления билета на самолет. Мои слова звучали так, как будто я говорю от имени главы правительства. Я не просил его согласия и подчеркнул, что я всего лишь уведомляю его в соответствии с договоренностью сообщать голландцам обо всех изменениях в рабочем порядке.

Точно так же и в той же манере я объяснил все Арье Левину. Левин вообще не вмешивался в проблемы выезда евреев. Однако пару раз он задавал мне разные вопросы о нашем рабочем порядке и довел до моего сведения, что ни он, ни Министерство иностранных дел не вмешиваются в нашу работу и установленный нами порядок, а мы обо всем им сообщаем. Я также встретился с консулом Австрии в Москве и объяснил ему, что с такого-то числа вследствие введенного американцами нового порядка изменится процедура выдачи въездных виз в израильском посольстве. Я не стал вдаваться в дальнейшие детали и попросил, чтобы никто не получал въездных виз в Австрию без наличия въездной визы в Израиль, как этого требует международное право. И еще я добавил, что Австрия вряд ли заинтересована в том, чтобы по улицам Вены слонялись толпы бездомных. Учитывая принятое американским правительством решение, лучше, чтобы евреи вообще не добрались до Вены. Расчет был простым. Визы выдавались после пяти часов, когда все посольства уже закрыты, а поскольку билет был на рейс, который вылетал той же ночью, у людей после посещения израильского посольства не было никакой возможности явиться в австрийское

посольство для получения визы. Я назначил дату перехода на новую систему выдачи виз. Все, кто получил выездные документы от ОВИРа до этого числа, смогут добраться до Вены и оттуда продолжить процесс эмиграции в США, все остальные будут получать визы в соответствии с новым порядком.

По мере того как день икс приближался, напряжение росло. Накануне вечером я вышел из гостиницы, чтобы прогуляться и продумать новую схему. Сомневаюсь, что кто-либо, кроме меня, понимал всю значимость завтрашнего дня. Мы были на пороге драматического переворота в саге об исходе советских евреев последних лет. Нам предстояло направить в Израиль всех евреев, выезжающих с израильскими визами, и изжить позор «отсева», результат ошибок и глупости. Завтра мне предоставляется шанс покончить с этим одним махом. Я знал: если мне это удастся, то новая политика изменит всю форму и суть выезда в Израиль, но больше всего – само государство Израиль и его будущее. И снова я ощутил одиночество, потому что почти не было никого, кто бы разделял со мной и саму идею, и ее приведение в жизнь в той же мере и с тем же пониманием. Прежде чем выйти из посольства, я собрал членов делегации, менее десяти сотрудников «Натива». От них зависело будущее выезда в Израиль. Я снова объяснил им, что нас ждет с завтрашнего дня, и еще раз всех проинструктировал. Они поняли суть идеи и оценили величие этого часа, но их отношение к отъезду евреев в другие страны было не таким обостренным, как мое: я боролся за выезд в Израиль и видел, как происходящее в Вене и в Италии разрушает все.

На следующий день утром мы собрались в посольстве. Время близилось к девяти часам, когда обычно начинается прием посетителей. Как обычно, я вышел из посольства и прошел вдоль очереди, разглядывая людей, которые ждали начала приема. Я смотрел на лица людей и в их глаза и сказал себе: вы еще не знаете и не сознаете, но судьба уже разделила вас на тех, кто поедет в Америку, в Нью-Йорк и Лос-Анджелес, и на тех, кому придется ехать в Израиль и оказаться вопреки планам в Кирьят-Малахи или Тель-Авиве.

В девять часов людей впустили во двор посольства, собрав для получения разъяснений. Там было больше пятисот человек. Я взял в руки мегафон и сделал шаг вперед. Наступила полная тишина. Еще раз я прошел взглядом по сотням пар глаз, я видел на лицах лишь безмятежность и любопытство. Еще минута, и сказанные мной слова изменят жизненные планы большинства из них. Шаг, который я задумал и собираюсь сделать, самым радикальным образом перевернет судьбы сотен тысяч человек.

Редки моменты, когда человек является свидетелем поворотного момента в истории своего народа и своими действиями он влияет на ход истории государства Израиль. Мысль, что таким образом я определяю их судьбу, меня не беспокоила. Я твердо намеревался приложить максимум усилий, чтобы направить их всех в Израиль. Я был спокоен и сосредоточен, как перед началом боя. В тот момент, как и сегодня, я был в полном согласии с собой и уверен, что делаю все правильно и в интересах государства Израиль. Что же касается судеб людей, то сегодня у меня иногда возникают сомнения и даже ощущение раскаяния. Не перешел ли я границу дозволенного простому смертному, так круто поменяв жизни сотен тысяч людей? Нет у меня однозначного ответа на этот тяжелый вопрос. Вероятно, и сегодня я поступил бы так же, однако теперь у меня нет уверенности, что сделанное мной действительно пошло на пользу всем людям. На пользу Израиля? Да, без сомнения. Но пошло ли это на пользу всем людям? Я не уверен.

Немного замедленно, спокойно, четко и ясно, как я привык говорить, тихим, уверенным тоном, который обезоруживает слушающих, лишает желания сопротивляться, спорить и возражать, я объявил и пояснил присутствующим детали нового порядка выдачи виз. Тем же тоном я спросил, есть ли вопросы. Их было несколько, заданных неуверенно, без каких-либо попыток возразить. Я ответил коротко и четко. Люди выслушали в полном молчании. Я видел по их глазам, что они в целом поняли значение сказанного, что повергло их в шок, еще с трудом они могли переварить услышанное, но у них не было готовности или способности сопротивляться. Царила абсолютная тишина. Я повернулся к сотрудникам и отдал распоряжение начать прием посетителей.

Ранее, тем же утром я сказал сотрудникам, что, если мы выдержим с нашим планом в первый день, это обеспечит нам 70 % успеха, а если еще два или три дня, то все сто: «отсев» прекратится, и все поедут в Израиль. Все произошло в точности, как я планировал и предполагал. Люди тихо и точно выполняли все наши указания. Никто не пытался увильнуть или спорить. Послушание стада, психологическое давление, советское воспитание, врожденная покорность и готовность выполнять приказы, отданные в нужной форме и нужным тоном, отсутствие желания и способности советского человека к борьбе и сопротивлению, разве что при наличии уверенности, что это дозволено и есть шанс на успех, – все это играло нам на руку. Как я и предполагал. Целью моего разъяснения было создать у людей ощущение, что все решено окончательно, что у них нет выбора и

никакого шанса, даже если они попытаются попасть куда-либо еще, кроме Израиля. В принципе, выезжающие могли в пять часов вечера получить нашу визу, утром пойти в австрийское посольство, получить австрийскую транзитную визу, выбросить билет на Бухарест, купить другой и отправиться в Вену. Мы не могли бы этому помешать. Можно было обойти созданный нами порядок тысячью способами. Не хватало одного: дерзости и способности свернуть с предписанной им дороги. Выйти из стада хоть на шаг, вправо или влево.

Через несколько дней новый порядок вошел в колею, и всем стало ясно, что «Америка закрыта, все едут в Израиль». Представители израильского МИДа спросили меня, этично ли это. Арье Левин тоже говорил, что неприлично вынуждать людей. Я ответил им: «Все едут в Израиль, а вы занимайтесь своими делами и не мешайте». И все стали избегать этой темы.

Еврейское Агентство пыталось повлиять на маршруты выезда. Пытались проверить, разрешим ли мы выезд по железной дороге. Я ответил им категорическим отказом. Один раз по недомыслию мы создали такое явление, как «отсев», и потеряли сотни тысяч, которые могли быть в Израиле. Я не позволю, чтобы это повторилось. Есть только одна дорога, только один путь: полет через Будапешт или Бухарест и только в Израиль. Или пусть подают просьбу об иммиграции в Соединенные Штаты. Все, кто поддерживал и одобрял «отсев», опростоволосились. Они утверждали, что, если не будет возможности выезда в Штаты, евреи останутся в Советском Союзе и не поедут в Израиль. На это я всегда отвечал, что евреи, прежде всего, хотят выехать, они выедут куда угодно, даже в Израиль, если не будет другого выбора. Если выбор будет между Израилем и Москвой, они всегда предпочтут Израиль. Если дать им возможность эмигрировать в Цюрих, Женеву или Париж, они предпочтут их Нью-Йорку. Но если выбор будет между Красноярском и Петах-Тиквой, они предпочтут Петах-Тикву. Тем, кто видел Советский Союз в то время, с пустыми полками в магазинах, с разваливающейся экономикой и обществом, нарастающей преступностью, всеобщим замешательством, нестабильностью, неуверенностью, отсутствием личной безопасности, было ясно, что эти люди будут готовы бежать куда угодно, потому что страна, в которой они жили, рушится у них под ногами.

Это был верно выбранный момент, чтобы направить всех этих людей в нужном нам направлении. Если бы мы упустили его, этого бы не произошло. Из сотен тысяч выехавших евреев только единицы поехали бы в Израиль.

34

Количество прибывающих в Израиль росло с каждым днем. Выяснилось, что все наши прогнозы подтвердились с поразительной точностью. Как всегда бывает в подобных случаях, все те, кто мешал или, в лучшем случае, стоял в стороне, вдруг попытался воспользоваться этим и вскочить на подножку. Одним из первых, кто попытался это сделать, был Симха Диниц, председатель Еврейского Агентства. Всего за несколько месяцев до этого на переговорах с еврейскими организациями США он даже не поднимал вопроса о прекращении въезда евреев, выезжающих в Израиль, в США. Он согласился на увеличение бюджета, выделяемого Объединенным еврейским призывом (Магбитом) на их поддержку. Единственное, о чем он попросил, – чтобы и Еврейскому Агентству тоже что-нибудь досталось. Не говоря уже о том, что на посту посла Израиля в США Диниц был одним из самых ярых противников действий «Натива» по введению поправки Джексона – Вэника. Никто из тех, кто кричал о победе сионизма, которая выразилась в большой волне евреев из СССР, едущих в Израиль, не оказывал давления и не обращался к американским еврейским организациям с просьбой ослабить противодействие намерениям администрации США сократить помощь евреям, едущим в Соединенные Штаты. Американские власти сделали это по своим собственным соображениям. Но мы-то знали, как все было в действительности: кроме нас никто не делал этого, не был способен это сделать или вообще подумать о таком варианте и возможности. Более того, никто из этих людей не имел ни малейшего представления, что происходит, что делается, как, кем и с какой целью. Если бы нам не удалось сделать то, что мы сделали, то все продолжалось бы, как прежде, и в Израиль не приехали бы миллион евреев. Меня тревожило тогда и тревожит до сих пор мысль о том, что решение, так повлиявшее на судьбу Израиля и еврейского народа, было принято одним человеком, без всякого упорядоченного обсуждения, а государственный аппарат был вообще не способен принять подобное решение.

Вследствие прекращения иммиграции евреев, выезжающих из Советского Союза, число приезжающих в Израиль начало расти бешеными темпами, и в Израиле, наконец, начали осознавать складывающуюся ситуацию. Была создана комиссия генеральных директоров министерств правительства, чтобы заняться массовой волной новоприбывших и искать срочные решения возникавших в результате проблем. Возглавил ее заместитель министра

финансов Йоси Бейлин. Если принять во внимание всю запутанность государственной системы, комиссия работала довольно эффективно, однако ее возможности были ограниченны. Я тоже входил в эту комиссию и на одном из заседаний предложил принять решение, чтобы каждая семья репатриантов получала полную оплату аренды квартиры независимо от того, живет ли в этой квартире еще одна семья новоприбывших. Члены комиссии сначала не поняли, в чем логика моего предложения. Я объяснил, что в Советском Союзе семьи детей привыкли жить вместе с родителями и если каждая семья получит помощь на съем, то две семьи смогут снять квартиру вместе и тем самым сэкономить на издержках и уменьшить расходы. А если эту модель распространить на ипотечные ссуды, то тогда репатриантам будет значительно легче купить жилье. Бейлин провел это решение через комиссию, и таким образом часть жилищной проблемы решилась: репатрианты начали снимать квартиры вместе с родителями. Особенно помогла корзина абсорбции, решение о которой было принято незадолго до этого в бытность министром абсорбции Якова Цура. В соответствии с этим решением все льготы новоприбывшим были конвертированы в конкретную единую сумму, которая называлась корзиной абсорбции, и репатрианты могли пользоваться ею по своему усмотрению.

Ариэль Шарон, министр строительства, в середине 1990 года несколько раз приглашал меня посоветоваться по поводу того, как улучшить процесс абсорбции репатриантов. Я предложил ему вместо комиссии директоров министерств создать министерскую комиссию по проблемам абсорбции и объяснил ему, какими должны быть ее полномочия. Шарон принял мое предложение и возглавил министерскую комиссию. Однако из всех моих предложений не было реализовано одно, на мой взгляд, очень важное: этой комиссии не были предоставлены бюджетные полномочия и контроль над бюджетом абсорбции всего правительства. Шарон советовался со мной также по поводу раскритикованной позже, и не всегда справедливо, программы закупки вагончиков. Я не говорю о том, как проводились тендеры, эту тему мы не обсуждали. Я имею в виду, например, сопротивление местных советов размещению вагончиков на их территории под предлогом «снижения качества жизни» и «падения стоимости недвижимости».

В соответствии с первоначальным планом семья должна была проживать в вагончике не более двенадцати месяцев, пока квартирный вопрос не решится окончательно. Никто не планировал и не хотел, чтобы люди жили в них годами. Поэтому

закупленные вагончики изначально не были рассчитаны на многолетнюю службу. Однако планы строительства и прогнозы по поводу покупательной способности репатриантов в отношении жилья не оправдали себя. Поэтому репатрианты были вынуждены жить годами в вагончиках, рассчитанных на двенадцать месяцев, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Единственным возможным решением была передача земли, на которой стоял вагончик, в собственность его жильцов и финансирование строительства домов на этом месте. Это, вероятно, помогло бы решить проблему, но, поскольку занимались ею халатно, частично она так и осталась нерешенной до сих пор.

В ожидании возможного увеличения репатриации «Натив» провел соответствующую организационную подготовку. Структуры в Будапеште и Бухаресте работали отлично. Отъезжающие, приходящие в посольство в Москве, могли на месте зарегистрироваться на рейс и одновременно получить въездную визу. Посольство взяло на себя все заботы: организацию и оплату полета и перевозки багажа. Это была замкнутая, отлаженная система, которая отлично работала при минимальных расходах.

Отношения с Еврейским Агентством – это вообще особая тема, довольно печальная и болезненная, в истории деятельности среди советских евреев в 90-х годах. На протяжении многих лет «Натив» и Еврейское Агентство – «Сохнут» – прекрасно сотрудничали, пока последнее не возглавил Симха Диниц. У Диница были свои, далекоидущие планы политической карьеры. Но, как и многие другие израильские политики, чья карьера не сложилась в своих партиях, он в качестве компенсации и утешительного приза в 1988 году был назначен главой Еврейского Агентства. Волна репатриации из СССР, которая стала во главе повестки дня, в глазах Диница выглядела отличным трамплином для продвижения своих позиций в политике. Как только Диниц возглавил Еврейское Агентство, мы ясно ощутили перемены в стиле руководства. Он начал оказывать на нас давление с требованием передать ему часть полномочий «Натива» в ряде сфер. Одним из первых его требований было включить представителей «Сохнута» в состав делегации «Натива» в Москве. Вместе с Давидом Бартовом мы ответили: «Ждем ваших рекомендаций, если кандидатуры подойдут, будем рады включить их в делегацию». Однако у Диница были другие намерения: внедрить людей, которые будут подчиняться ему и Еврейскому Агентству, а не «Нативу». Мы объяснили ему, что это невозможно. Речь идет о двух разных организациях: государственной и международной общественной

неправительственной. Их нельзя объединить, они могут только сотрудничать. Диниц попытался цинично и грубо манипулировать тем, что половина бюджета «Натива» финансировалась Еврейским Агентством.

Были и другие государственные структуры, частично финансировавшиеся Еврейским Агентством, однако ни от одного из них оно не требовало права на профессиональное и оперативное вмешательство в дела организации в обмен на поддержку. Это было вне полномочий «Сохнута». Ответственность всегда возлагалась на исполнительные, а не на финансирующие органы, на тех, кто работает, а не на тех, кто дает деньги. Результатом нашего отказа стали столкновения и проблемы с представителями Еврейского Агентства в Вене, которых не было раньше. Ответственным за это был начальник финансового отдела Агентства Цви Барак. До него никто не знал, кто именно руководит финансовым отделом. Бараку же удалось установить свою тоталитарную власть в Агентстве, и все, включая руководителей управлений, трепетали перед ним. Практически он управлял не только финотделом, но и всем Еврейским Агентством, действуя совместно с Симхой Диницем, а иногда и используя его. Каждый из них стремился к достижению своих личных целей.

Среди своих деяний Цви Барак совершил одну из самых больших подлостей, с которыми я сталкивался на государственной службе: он не переводил в течение всего финансового года денег в бюджет «Натива». Барак сообщил в бухгалтерию «Натива», что переведет деньги за несколько дней до окончания финансового года, тем самым лишив нас возможности использовать их, поскольку средства, не использованные до конца года, необходимо вернуть. С циничной улыбкой он сообщил нашему ошеломленному бухгалтеру, который до этого был бухгалтером одной из важнейших государственных служб, отличавшейся высокими нравственными нормами: «Я же перевел вам деньги. Нигде не написано, что я должен их переводить в течение года». Все это происходило в каденцию Ицхака Модаи на посту министра финансов. Бартов доложил о случившемся Модаи, объяснив, что так работать невозможно. Модаи был известен своей решительностью, и после подлой выходки Еврейского Агентства он сообщил, что теперь финансирование «Натива» будет поступать исключительно из госбюджета, а ту часть, которую нам ранее переводило Агентство, он взыщет с них другим способом. Барак и Диниц засуетились. Они побежали к Бартову и Модаи и умоляли вернуть все вспять, клянясь, что больше такого не повторится. Они просто не хотели терять рычаг

воздействия на «Натив». Но мы не уступили и наконец добились финансовой независимости от Еврейского Агентства. С этого момента бюджет «Натива» финансировался исключительно Министерством финансов.

После того как по распоряжению министра иностранных дел Шеварднадзе прямые полеты из Москвы прекратились, получившие разрешение на выезд в Израиль продолжали выезжать через Будапешт и Бухарест, где все функционировало без каких-либо проблем. В один прекрасный день Еврейское Агентство пригласило меня присоединиться к переговорам с иностранными авиакомпаниями, пытаясь организовать авиарейсы для выезжающих в Израиль через другие страны. Хотя мне так и не удалось понять, с чего вдруг Еврейскому Агентству понадобилось наше участие в переговорах, было решено принять их предложение. В процессе переговоров я впервые познакомился с их системой и нормами их руководства. До этого я был знаком только со структурой «Натива» и правилами, обязательными для государственных служащих. Во время пребывания в Вене я, правда, познакомился с посланниками и чиновниками Еврейского Агентства, однако не был знаком с их внутренними правилами и нормами. Вместе с их делегацией я прибыл в хорошо мне знакомую Вену. Венское представительство Агентства разместило нас в одной из самых роскошных гостиниц. Работники «Натива» много раз бывали в Вене, но мы никогда не останавливались в гостиницах такого уровня.

Переговоры, которые вело Еврейское Агентство с целью подписать соглашения с той или иной авиакомпанией, не привели к каким-либо значимым результатам. Мы побывали почти во всех странах Восточной Европы и даже в Финляндии в поисках места для дополнительных транзитных пунктов, хотя ни я, ни другие сотрудники «Натива» не могли понять, зачем они нужны. Мы не получили вразумительного ответа на этот вопрос, тем более что Будапешт и Бухарест полностью справлялись с нагрузкой. Попытка открыть маршрут через Польшу удалась, но была совершенно излишней, поскольку число едущих через Варшаву было незначительным. Видимо, для работников «Сохнута» было важно заключить соглашение с дополнительной авиакомпанией и организовать еще один перевалочный пункт. Это создавало дополнительные возможности и каналы для денежных вливаний и открытия представительств со всеми организационными и финансовыми выгодами. Я, однако, утверждаю, что с практической точки зрения – объемов выезда, надежности и безопасности маршрутов в Израиль в этом не было никакой необходимости. Совершенно чудесным образом вдруг

венгры решили отказаться от уже действующего соглашения, и тут же таким же чудесным образом возник какой-то венгерский еврей, проживающий в Канаде, который предложил перевозить евреев рейсами компании, которую он собирается основать. Когда я проверил его предложение, мне стало ясно, что цены будут выше, чем у венгерской компании «Малев». Несмотря на это, Еврейское Агентство было готово подписать с ним соглашение, и венгерская сторона – Министерство транспорта, авиакомпания «Малев» и службы безопасности аэропорта «почему-то» не возражали. Соглашение все-таки не было подписано, и полеты через Будапешт продолжались с помощью компании «Малев», которая отказалась от всех своих претензий, как только выяснилось, что соглашение с частной компанией не будет подписано.

Как уже говорилось, меня поразили привычки руководства и посланников Еврейского Агентства. В конце нашего первого дня в Вене после переговоров с представителями из Восточной Европы вся делегация, и я вместе с ней, отправилась на ужин в один из самых роскошных венских ресторанов. Никогда в жизни я не посещал рестораны подобного уровня, как и, насколько мне известно, ни один из сотрудников «Натива». Был устроен царский пир, я чуть не поперхнулся, когда оказалось, что к каждому из четырех блюд заказано особое вино. Когда принесли счет, представитель Еврейского Агентства в Вене достал кредитную карточку Агентства и расплатился ею. «Как это так?» – спросил я, пораженный. «Так у нас принято», – ответили мне. И действительно, так было на каждом последующем ужине, таком же роскошном, с лучшими винами и яствами. В «Нативе», как и в любом другом государственном учреждении, было категорически запрещено платить из бюджета за приглашенных в рестораны сотрудников «Натива», служащих государственных и общественных организаций, включая сотрудников Еврейского Агентства. Но Еврейское Агентство было другой планетой. Вероятно, деньги еврейского народа были очень дешевы в глазах чиновников Еврейского Агентства, которые привыкли получать щедрые командировочные, но их расходы покрывались за счет их местных представительств. Вернувшись в Израиль, я доложил нашему бухгалтеру о произошедшем и рассчитался с нашей бухгалтерией в соответствии с его указаниями.

Цви Барак заметил мое удивление. Как-то он неожиданно обратился ко мне и разъяснил, что в Еврейском Агентстве так принято все годы, еще до того, как он пришел в него. Руководители Агентства и в прошлом получали большие суммы на представительство, которые позволяли селиться в

фешенебельных гостиницах и оплачивать свои покупки в гостиничных бутиках за счет Еврейского Агентства. Я вспоминал об этих лукулловых пирах и всяких других мелких свинствах, когда читал приговор суда по делу Симхи Диница. Уважаемая судья написала в своем вердикте, кроме всего прочего, что она оправдывает Диница, поскольку все его мысли были заняты проблемами еврейского народа и он попросту не заметил, что потратил десятки тысяч долларов на товары и услуги, оказанные ему лично, расплачиваясь за них кредитной карточкой Еврейского Агентства. Давясь от смеха, я подумал про себя, интересно, что так отвлекало внимание Симхи Диница, думы о проблемах еврейского народа или яства на столе, что он забыл о всех правилах и нормах и расплачивался за эти пиры кредитной карточкой Еврейского Агентства.

Через некоторое время я «рассчитался» с чиновниками Еврейского Агентства. На одной из бесконечных комиссий по разбору отношений «Натива» и Еврейского Агентства в середине девяностых было решено, что делегация во главе с генеральным директором канцелярии главы правительства Цви Альдероти вместе со мной, главой «Натива», и руководством Агентства посетит несколько мест в бывшем СССР. Ответственность за организацию визита была возложена на «Натив». Перед тем как отправиться вместе на первый ужин, я посвятил Альдероти в правила, принятые в Агентстве, и попросил: «В начале ужина мы никого не предупредим, а в конце представитель «Натива» сообщит, что каждый платит сам за себя. Вы увидите, какие физиономии будут у сотрудников Агентства». Альдероти с радостью согласился принять во всем этом участие. Когда официанты принимали заказ, чиновники Агентства, как обычно, заказали себе местные яства. Я же заранее предупредил сотрудников «Натива», что они могут заказывать что хотят и не реагировать на заказы до конца трапезы. В конце ужина попросили счет, и по предъявлении его представитель «Натива» объявил сумму и сказал, что каждый платит за себя. Как мы и договорились, Альдероти первым вытащил бумажник. Ощущение было таким, как будто в ресторане взорвалась бомба. Все «страдания еврейского народа» моментально отразились в печальных глазах работников Еврейского Агентства. Выражение их лиц свидетельствовало о полном ошеломлении и сожалении, когда им пришлось расплачиваться деньгами из своих командировочных. После этого в большинстве случаев выяснялось, что они не могут ужинать вместе с нами по причине срочных встреч с их местными представителями по текущим вопросам. Я решил, что нам нет дела до их отдельных встреч и до

того, что, как у них принято, за них платит местное представительство. Альдероти тоже вполне устраивал такой порядок.

Это была моя маленькая месть «стражам денег еврейского народа». В особенности потому, что Цви Барак во всех конфликтах с нами глазом не моргнув кричал, что жертвователи требуют, чтобы Еврейское Агентство контролировало расход денег и поэтому именно Агентство должно работать в бывшем СССР. На протяжении всех лет существования «Натив» использовал на разные цели десятки миллионов долларов, пожертвованных евреями, как и другие государственные службы Израиля, и никогда не возникало проблем доверия со стороны жертвователей. «Натив» платил из денег пожертвований за выезд евреев в Израиль. И всегда полагались на нас и на нашу честность. Только в период Цви Барака и Симхи Диница еврейский народ, который давал деньги, вдруг засомневался в нас и якобы потребовал, «чтобы только люди, подобные Цви Бараку и руководителям Еврейского Агентства, работали с евреями бывшего СССР».

35

Летом 1990 года я начал учебу в Колледже национальной безопасности. Бартов, глава «Натива», предложил мне пойти туда учиться, и за это я ему очень благодарен. На тот момент я уже стал заместителем директора «Натива» и был полностью уверен, что система, за которую я отвечаю, отлажена настолько, что может работать самостоятельно, без моего ежедневного участия. Большинство поставленных мною целей были достигнуты: волна выезда в Израиль росла и ширилась, отток евреев в другие страны («отсев») был прекращен, все находящиеся в СССР структуры работали как часы. Хотя между Советским Союзом и Израилем все еще отсутствовали полноценные дипломатические отношения, было ясно, что их установление – вопрос времени, к тому же «Натив» мог отлично функционировать и без них.

Колледж национальной безопасности представлял собой «новое старое» военное учебное заведение. Он был основан по инициативе начальника Генерального штаба Хаима Ласкова в 1963 году. Ласков намеревался создать израильский аналог британского Имперского колледжа национальной безопасности для подготовки высших офицеров Армии обороны Израиля к решению стратегических проблем. Однако в 1966 году по распоряжению Леви Эшкола, который в тот момент занимал посты главы правительства и министра обороны, Колледж национальной безопасности закрыли. Причиной были сокращения бюджета в результате экономического кризиса.

Исправляя ошибки войны Судного дня, начальник Генштаба Мота Гур предложил заново открыть Колледж национальной безопасности. В предоставленных документах и в процессе дискуссий отмечалось отсутствие учебного заведения для подготовки офицеров на уровне выше тактического, к которому готовили в Школе командной и штабной подготовки. Когда от офицеров требовалось действовать на оперативном или стратегическом уровне, чувствовался недостаток в их подготовке. Отмечалось также, что у офицеров Армии Израиля того времени способность оценивать и понимать военно-политическую ситуацию недостаточна. Более того, было недвусмысленно сказано, что офицеры Армии Израиля назначаются на высшие посты, не обладая необходимыми навыками, и, в сущности, не соответствуют стандартам генералов современных армий. По этой причине в 1976 году Колледж национальной безопасности возобновил свою деятельность для обучения военной, государственной и оборонной стратегии.

Учеба в Колледже была замечательным периодом моей жизни. Я вышел из него совершенно другим – со способностью интеллектуально и концептуально справляться с самыми сложными государственными и военными проблемами и со всем комплексом международных проблем. С намного лучшим пониманием власти, управления и контролирования государственных систем. И, самое важное, со способностью взаимодействия и интеграции между ними. Также намного улучшились и обострились мои способности к критике, сомнениям и открытость к другим мнениям. Многим, произошедшим в моей жизни после окончания учебы, я обязан знаниям и навыкам, приобретенным там. Часть из проектов, подготовленных мной в период учебы, и приобретенные в процессе их подготовки навыки и знания служат мне и по сей день. Особенно курсовая работа на тему «Неожиданное нападение», в рамках разведывательной тематики, и дипломная работа «Руководитель и разведка». Со мной учились замечательные сокурсники. В сущности, это была элита нашего поколения. Почти все обладали богатым и успешным профессиональным и, нередко, боевым и оперативным опытом. Сама интеграция и совместная работа по анализу и планированию были основными элементами учебного процесса и нашей подготовки. Большинство из нас проявили максимум старания в учебе и горели желанием сразу же после выпуска взяться за управленческие или командные должности в военных, оборонных и государственных структурах, направивших нас на обучение.

Наш выпуск оказался одним из успешных – более 60 % выпускников дослужились до генеральских званий или соответствующих им в армии, в военных, разведывательных, правоохранительных и других государственных структурах. Если бы Нехемия Тамари, командующий Центральным военным округом, не погиб трагически в вертолетной катастрофе, возможно, и начальник Генштаба был бы из нашего выпуска. Двое командующих округами и трое командующих родами войск вышли из нашего выпуска. Но вместе с тем самым большим недостатком Колледжа национальной безопасности, армии и государства было то, что обучение в Колледже не является обязательным условием для назначения на руководящие и командные посты. Израиль заплатил за это в прошлом, он платит за это и сегодня и будет платить в будущем дорогую и неоправданную цену. Многие выпускники Колледжа национальной безопасности после завершения учебы так и остались не востребованными ни направившими их на учебу

структурами, ни государством. Такой подход привел к тому, что в Колледж национальной безопасности стали направлять неподходящих слушателей, так как структуры, пославшие их, изначально не видели необходимости использовать этих людей по завершении учебы. В результате цели, ради которых это учебное заведение было основано, а затем вновь открыто, были достигнуты только частично и в основном случайно. Учеба в Колледже национальной безопасности оказала большое влияние на слушателей и способствовала их развитию, однако и сегодня, как и в прошлом, Колледж не определяет уровень командования в Армии Израиля и управления в государственных структурах, посылавших слушателей на обучение.

В Колледже национальной безопасности нас учили, как управлять государством, как принимать сложнейшие комплексные государственные решения. Но когда, закончив учебу, я столкнулся более глубоко с происходящим на уровне принятия решений в государственной и оборонной сферах, оказалось, что практически в них нет ни малейшего намека на то, чему нас учили.

Не думаю, что здесь будет уместным в деталях распространяться о периоде моей учебы в Колледже национальной безопасности. Я упомянул его, поскольку это оказало большое влияние на формирование моей личности в Израиле.

Примерно через месяц после окончания учебы меня вызвал на беседу руководитель одного из отделов Службы безопасности Израиля, специалист высокого класса, один из лучших людей, с кем мне довелось познакомиться в Службе безопасности. В разговоре с ним я почувствовал некоторую неловкость с его стороны, которая спала, когда он, не глядя мне в глаза, сказал: «Возникла одна проблема, я должен с тобой кое-что выяснить. Не имеет значения, что я об этом думаю, но это моя обязанность. Мы получили донесение от армейской контрразведки, то есть, в сущности, из Колледжа национальной безопасности. Кто-то в Колледже обратил внимание, что ты задаешь слишком много вопросов и слишком много записываешь. Ты меня извини, но я обязан спросить, почему во время учебы ты задавал так много вопросов и слишком много записывал?» Тут он не выдержал и расхохотался, и я вместе с ним. Извиняющимся тоном он сказал, что должен записать ответ, чтобы потом переслать его «умникам» из армейской контрразведки. Я знаю, кто из преподавателей послал этот донос, но мне это безразлично. Я пришел в Колледж, чтобы учиться, и не понимаю, как это можно делать, не задавая вопросов, в отличие от некоторых командиров израильской

армии и государства. Вопросы я задавал, чтобы лучше понять сказанное, и конспектировал, чтобы не забыть материал и иметь возможность потом проштудировать его и понять еще глубже. Но кто-то чересчур «бдительный» заподозрил меня в передаче копий этих материалов советской или аргентинской разведкам. Так завершился период моей учебы в Колледже национальной безопасности.

В период обучения у меня было немало волнующих моментов. Начальником Колледжа, который принимал меня, был генерал-майор Яков Лапидот, бывший командир 79-го танкового батальона, куда меня распределили после танковой школы. Во время войны Судного дня он командовал соседним батальоном. Мы воевали вместе, и не раз я слышал его голос во время переговоров по рации. Лапидота сменил на посту начальника Колледжа национальной безопасности Йоси Бен Ханан, яркая, легендарная личность, замечательный человек. У нас установились прекрасные отношения, сохранившиеся и после окончания Колледжа. Диплом об окончании Колледжа я получил из рук начальника Генерального штаба Эхуда Барака, знакомство с которым, совместная военная служба, проведенные вместе бои радикально повлияли на формирование моей личности и оставили в моей душе неизгладимый след. Но особое волнение я испытал, когда мне, как и всем остальным выпускникам Колледжа, пожал руку глава правительства Ицхак Шамир, человек, с которым я познакомился сразу же по прибытии в Израиль и к которому испытываю глубокое уважение. После всего, что мне довелось пережить, учеба в Колледже национальной безопасности Израиля и получение диплома из рук этих удивительных людей были для меня необычайно волнующим событием.

По окончании Колледжа я вернулся на службу, которую на самом деле не оставлял и во время учебы. Я приезжал туда почти каждый день, чтобы ознакомиться с материалами и время от времени дать кое-какие распоряжения. Я старался не слишком вмешиваться, просто «держал руку на пульсе».

36

После окончания Колледжа в августе 1991 года мне пришлось разбираться с проблемой, которая возникла за тот год, пока я учился. Давид Бартов, глава «Натива», и Цви Маген, исполнявший мои обязанности, решили, что «Натив» прекращает выдавать туристические визы, как это было принято с момента установления дипломатических отношений между Израилем и Советским Союзом в 50-х годах. Выдача туристических виз имела большое значение для работы «Натива», поскольку большинство туристов были евреями, а контакт с евреями – важнейшая часть работы организации. Поиски максимально широких контактов с евреями были основой нашей деятельности и позволяли нам получать верное представление о ситуации: государственной политике и положении евреев, а также возможность пытаться влиять на них, на их мысли и стремления, на имеющуюся в их распоряжении информацию. В этой совершенно излишней уступке я видел тяжелый удар, нанесенный по оперативным возможностям организации и сбору информации, однако все уже было сделано, ошибку уже нельзя было исправить. Дополнительная проблема, созданная Бартовом и Магеном, была результатом решения о том, что евреи, прибывающие в Израиль как туристы и желающие изменить статус на репатрианта, будут это делать в Еврейском Агентстве. Я категорически протестовал против этого и не готов был идти на компромиссы. Я тут же вступил в переговоры с Министерством внутренних дел, где также были недовольны новым порядком, и вскоре мне удалось отменить это решение и вернуть все обратно. Таким образом, организация, которая выдает визы на въезд в Израиль на территории Советского Союза, также будет определять право на репатриацию в Израиле. Не было никакой логики в том, чтобы делить эти функции между «Нативом» и Еврейским Агентством.

Эти и другие решения, не столь важные, были результатом неуверенности и недопонимания смысла нашей деятельности, которые получили распространение в «Нативе» и которые я не разделял. Я помню одного из сотрудников «Натива», бывшего активиста в Вильнюсе. Я принял его на работу после того, как он несколько лет прослужил офицером в армии. Для него «Натив» был не просто очередным местом службы. В 1988 году он должен был получить статус постоянного работника в «Нативе». Он познакомился с Бартовом еще в шестидесятых годах в Советском Союзе. Как-то этот сотрудник встретил Бартова в коридоре и между делом сказал, что ждет получения статуса постоянного

сотрудника. К своему огромному удивлению, в ответ он услышал, мол, для чего тебе это нужно, все равно через год-два «Натив» закроют, там нечего делать. В те годы действительно в отделе планирования бюджета при Министерстве финансов высказывалось предложение закрыть «Натив». Это мотивировалось тем, что раз нет выезда евреев из Советского Союза в Израиль, то организация не нужна. Хотя в годы, когда массы евреев хлынули в Израиль, Министерство финансов тоже предлагало закрыть «Натив», теперь уже под предлогом, что репатриантов и так много, даже слишком, они и без того приедут. Иными словами, постоянно существовало желание закрыть «Натив», а поводы для этого подгонялись под обстоятельства. Что было бы с выездом евреев СССР в Израиль, если бы чиновники из Министерства финансов, не дай бог, преуспели бы в достижении желаемого ими еще в 1988 году?

У меня было четкое представление, что должен делать «Натив» и как он должен функционировать в новой советской действительности. Я не видел никакой пользы для евреев и Израиля в том, чтобы шаг за шагом отказываться от деятельности организации. В тот период под давлением Еврейского Агентства Бартов пришел с ним к соглашению, что отделения «Натива» в Румынии и Венгрии переходят в ведение «Сохнута» и «Натив» прекратит свою деятельность в этих странах. Я не был согласен с этим решением и в особенности с передачей основанных нами перевалочных пунктов «Сохнуту». В любом случае передача отделений Еврейскому Агентству должна была осуществляться поэтапно и в течение нескольких лет, однако Бартов уже успел пойти на уступки и даже договорился о передаче функций с главой правительства. Посланники «Натива» в Будапеште и Бухаресте, хоть это им и не нравилось, перешли в подчинение Еврейского Агентства. Они рассказывали нам об огромном бюджете, оказавшемся вдруг в их распоряжении. Речь не шла о деньгах для личного использования, а для производственных расходов.

К 1992 году уже без перевалочных пунктов в Будапеште и Бухаресте деятельность «Натива» была сосредоточена исключительно на постсоветском пространстве. Оправдывая сделанный шаг, Бартов сказал, что таким образом он надеялся, что в обмен на уступку, сделанную в Восточной Европе, Еврейское Агентство оставит нас в покое в бывшем СССР. Диниц попросил Бартова «одолжить» меня Агентству, чтобы я координировал их деятельность среди советских евреев. Хотя Бартов и спросил меня, согласен ли я, однако тут же сообщил, что, не дожидаясь моего ответа, отказал ему. В это время мы начали ощущать, что

Еврейское Агентство пытается проводить независимую политику в бывшем СССР, игнорируя отсутствие соответствующих полномочий, организационных возможностей, знаний и понимания, чтобы действовать на этой территории. Этот шаг был по сути неправомерным, поскольку Еврейское Агентство не имело права на самостоятельную деятельность в каких-либо странах, и уж тем более в СССР, без предварительного согласования с израильскими государственными структурами. По крайней мере, так было до прихода Диница.

В период перед путчем, который произошел летом 1991 года, ситуация в Советском Союзе стала очень напряженной и опасной. «Натив» был единственной организацией, которая предупредила тех, кого следовало, о том, что консервативные круги могут попытаться при поддержке армии и служб безопасности захватить власть. Еврейскому Агентству удалось летом организовать несколько детских лагерей в Прибалтике. Когда начался путч, у «Натива» была информация из прессы о передвижении советских танковых и десантных подразделений в этом регионе. Я моментально позвонил главе правительства Шамиру и получил у него добро на принятое «Нативом» решение о полной остановке или сокращении деятельности Израиля на местах в случае ухудшения ситуации и возникновения такой необходимости. Я обратился в Еврейское Агентство и попросил закрыть детские лагеря в указанной зоне из-за опасности начала там военных действий. Нам и евреям не хватало только того, чтобы на фоне гражданской войны, которая готова разразиться в любой момент, и активизации националистических и, конечно же, антисемитских сил лагеря еврейских детей и подростков вместе с израильскими инструкторами остались на территории, где могут начаться военные действия. Агентство отвергло мою просьбу, а Диниц с большой помпой заявил: «Мы не бросим евреев и не сдадимся» – и напомнил о наследии Ханы Сенеш. Упоминание Ханы Сенеш при таких обстоятельствах, при которых была продемонстрирована безответственность, подвергающая опасности еврейских детей, в моих глазах выглядело оскорблением и пренебрежением ее памяти.

37

В августе 1991 года в Москве произошла попытка путча. Вскоре Советский Союз распался. Развал был тотальным и сопровождался экономическим, социальным, криминальным беспределом со всеми вытекающими последствиями. Победа Бориса Ельцина в борьбе за власть в России дала евреям надежду и развеяла страхи. В результате часть евреев, собиравшихся выехать, отложили выезд или же вообще решили остаться. Темп выезда, который определялся ухудшающейся ситуацией, замедлился, так как у людей появилась надежда. Если бы путч удался хотя бы частично, темп выезда снова бы вырос и достиг рекордного уровня девяностого года, когда в Израиль прибыло около 184 тысяч репатриантов. Это было самое большое количество прибывших за год в современной истории Израиля. Вся организация массового выезда была полностью организована и осуществлена «Нативом», включая полеты и перевозки при ограниченном числе сотрудников, находящихся в Советском Союзе, с помощью местных евреев, и не только евреев.

Тем временем усиливалось давление на различные инстанции и, главным образом, на главу правительства Ицхака Шамира с целью перераспределения функций между Еврейским Агентством и «Нативом», несмотря на то что у Агентства не было никакого статуса, который позволял бы ему вести деятельность в СССР. Однако давление оказалось эффективным, и было решено, что авиаперевозки перейдут под ответственность Еврейского Агентства, поскольку оно их финансировало. Но руководство Агентства это не удовлетворило, и под их давлением была создана комиссия, на которую была возложена задача разграничить функции между Еврейским Агентством и «Нативом». Комиссию возглавил Михаэль Декель, ветеран ЭЦЕЛЬ и помощник министра сельского хозяйства, приближенный Ицхака Шамира. В комиссию также были включены Давид Бартов и генеральный директор Еврейского Агентства Моше Натив, генерал-майор, в прошлом начальник Управления кадров Армии обороны Израиля. Комиссия постановила, что общая ответственность за деятельность среди евреев Советского Союза лежит на правительстве Израиля, иными словами, на «Нативе». Комиссия определила функции между Агентством и «Нативом» в соответствии с имеющейся на тот момент ситуацией, то есть все сферы, в которых действовал «Натив», остались под нашей ответственностью. Однако Агентство не смирилось с решением комиссии и продолжило нападки на «Натив».

За те годы, что Бартов стоял во главе «Натива», организация изменилась и стала более динамичной, оперативной, обладающей способностью анализа и оценок, чего не было раньше. Можно с уверенностью утверждать, что «Натив» начала восьмидесятых годов был не способен выполнять свои задачи и не был подготовлен к произошедшему в конце восьмидесятых – начале девяностых. «Натив» продолжал бы деградировать и не достиг бы того статуса и влияния на процессы как в отношениях между Израилем и СССР, так и в самом Советском Союзе. И, конечно же, не смог бы осуществить или даже понять и спланировать те решающие шаги, которые определили судьбу выезда в Израиль. В качестве руководителя «Натива» Бартов безусловно заслуживает высокой оценки за все сделанное им в этой области и за то, что дал мне возможность осуществить часть моих планов.

Перед моим уходом на учебу в Колледж национальной безопасности Бартов сказал мне, что по окончании мною Колледжа он выйдет на пенсию. Этот шаг был логичным, учитывая возраст Давида (ему уже исполнилось 67 лет) и целый ряд других моментов. Тем не менее, он тянул время и в конце 1991 года сказал мне, что, выйдя на пенсию и оставив пост главы «Натива», хочет еще два года проработать главой отделения «Натива» в Советском Союзе. Я положительно отнесся к этому шагу. У Бартова был опыт работы в СССР еще до Шестидневной войны, за годы службы в «Нативе» он только обогатился. У Давида Бартова были хорошие связи, как в Израиле, так и в СССР. Хотя он не отличался по части организации и управления, но при поддержке из Израиля, людей на местах и при наличии хорошо отлаженной системы я не опасался, что возникнут проблемы. Тем более мне было ясно, что нам придется организовывать отделения «Натива» во всех новых государствах, возникших на обломках Советского Союза.

1 мая 1992 года я вступил в должность главы «Натива». Через двадцать три года после моего приезда в Израиль и через четырнадцать лет после начала работы в организации. Была определенная символичность в том, что бразды правления «Натива» мне передал именно тот, кто был главой отделения «Натива» в Москве в 1967 году, когда я впервые прорвался в израильское посольство. Знаковым было и то, что главой правительства, который назначил меня директором «Натива», был Ицхак Шамир, один из самых активных и настойчивых сторонников изменения политики Израиля в отношении борьбы за выезд евреев СССР в Израиль.

Первое, что я решил сделать после вступления в должность, – провести реорганизацию «Натива». До этого момента по моей

инициативе в бюро уже произошли кое-какие изменения, однако в преддверии новых дел и изменившейся ситуации мы должны были заново подготовиться и реорганизоваться. Еще с начала восьмидесятых у меня выкристаллизовалась четкая концепция «Натива», его структуры, целей и форм работы. Я давно пришел к выводу, что принятие евреями решения покинуть Советский Союз определялось положением в стране их проживания, проблемами и их остротой, отсутствием надежды на будущее. А на это мы не могли повлиять. Но я полагался на Советский Союз и на непрекращающуюся деградацию страны во всех сферах жизни. Я видел цель «Натива» в создании возможностей использовать эту ситуацию и складывающиеся условия и трансформировать разочарования и стремления евреев в выезд в Израиль. В еврейском вопросе нам нужно было противостоять всей мощи Советского Союза. Этой проблемой занималось высшее советское руководство, она была одной из важнейших составляющих внутренней и внешней политики СССР, как, впрочем, и израильской. Ответственность за этот вопрос была возложена на советскую службу безопасности – огромный и угрожающий Комитет государственной безопасности, КГБ. Мы должны были оценить и осмыслить советскую политику в отношении евреев и, более того, верно предугадать ее возможное развитие, а также проанализировать и понять советских евреев, пробудить в них национальные чувства и направить эти чувства на выезд в Израиль. На основании всего этого мы должны были составить политические и оперативные рекомендации для главы правительства и после утверждения реализовать их. Только профессиональная организация, обладающая соответствующими возможностями сбора данных, анализа и оценки, а также оперативностью, была способна выполнить эту масштабную миссию. В особенности когда в Израиле не было ни одного государственного органа, который серьезно бы занимался Советским Союзом. Моссад вообще не занимался Советским Союзом, не вел там никакой деятельности и поэтому не был в состоянии самостоятельно оценить происходящее в целом и, конечно же, в отношении евреев. Разведуправление Генштаба также не знало и не понимало Советский Союз, за исключением частично военных аспектов, связанных с советским присутствием на Ближнем Востоке. Служба безопасности была наиболее квалифицированна в понимании СССР, но в основном в области борьбы с деятельностью советских разведслужб в Израиле. В израильском Министерстве иностранных дел способности анализа и оценки Советского Союза были почти нулевыми. Таким образом, мы не могли воспользоваться помощью какого-либо

израильского органа, в особенности когда речь шла о внутреннем положении и о еврейском вопросе. Нужно было создавать в «Нативе» свою собственную базу. Часть необходимых изменений мне удалось провести ранее, теперь я приступил к завершению создания в «Нативе» структур для оптимального выполнения поставленных перед ним задач.

В «Нативе» уже работали новые люди, принятые мной ранее. Большинство из них были молодыми людьми, выходцами из СССР, в том числе бывшими офицерами Армии обороны Израиля. Также в «Нативе» работали те, кто в прошлом, еще в Советском Союзе, в той или иной степени были активистами еврейского движения. Это сочетание армейских офицеров, репатриантов, отслуживших в армии, с одной стороны, и активистов, с другой, позволило создать в «Нативе» прекрасную, здоровую и оперативную систему. Созданная система полностью использовала и умножила достоинства работников, сводя к минимуму их недостатки. Кроме того, правильный баланс между новоприбывшими и уроженцами страны шел на пользу «Нативу» и оправдывал себя.

При наборе кадров я снова столкнулся с непрофессионализмом и небрежностью армейской контрразведки. Примерно через год после моего назначения главой «Натива» я принял на работу моего соученика по Колледжу национальной обороны Зеева Бонэ. Он родился в Израиле, дослужился до полковника, большую часть службы проходил в воздушно-десантных войсках. Он был прекрасным офицером и после окончания Колледжа был назначен начальником оперативного отдела Генштаба. И в тот период его службы мы отлично работали вместе, сотрудничая в ряде областей. Я был удивлен, когда за несколько дней до выхода Зеева на работу в «Нативе» мне позвонили из Службы безопасности с требованием задержать его вступление в должность до завершения проверки на допуск. Я сказал своему собеседнику, что Зеев переходит к нам из оперативного отдела Генштаба, где наверняка успел познакомиться почти со всеми сверхсекретными тайнами израильской армии. «Верно, – ответил сотрудник Службы безопасности. – Однако не мы, а армейская контрразведка определяет возможность допуска в армии. Мы не полагаемся на их профессионализм, поэтому бывшие военные проходят у нас проверку заново. Кроме того, контрразведка проверяла его в только в 1971 году, когда он призвался в армию на низший допуск, и с того времени больше проверок не было». Это означало, что на всех армейских должностях, в том числе когда он учился в Колледже национальной безопасности и

возглавлял оперативный отдел Генштаба, Зеев служил, практически не проходя необходимой проверки на допуск! Я привык к халатности и непрофессионализму в армии, но это уже было слишком.

38

После распада Советского Союза возникла необходимость создать наши представительства в государствах, возникших на развалинах СССР. Я обратился к начальнику Бюджетного управления Министерства финансов Давиду Бродету и представил ему новый план работы на текущий год. Он ознакомился с планом, выслушал мои объяснения и в соответствии с предложенным планом разрешил увеличение бюджета! Для израильской действительности, особенно по сравнению с сегодняшней, это было из ряда вон выходящее событие. Но мне, как и всем нам, повезло, что мы работали с такими людьми, как Давид Бродет, Эли Юнис, Амнон Нойбах, великолепными специалистами и людьми, понимающими ситуацию и способными принимать правильные решения на государственном уровне, – качества, не столь характерные для большинства чиновников в Министерстве финансов. Только благодаря таким людям, как Бродет, Юнис и Нойбах, нам удалось претворить в жизнь оперативные планы работы «Натива».

Были изменены внутренние порядки. Прежде всего, определили, что работать мы будем согласно ежегодным годовым планам. План работы на следующий год был представлен на утверждение тогдашнему главе правительства Ицхаку Рабину. Утвержденный им документ был передан в подкомиссию по секретным службам Комиссии по делам безопасности и внешней политики Кнесета, которая курировала нас. Бюджет был разработан в соответствии с планом работы, утвержденным премьер-министром. Раньше такого в работе «Натива» не было. С тех пор во всех спорах, в том числе и с главой правительства, когда нас хотели заставить согласиться на значительные сокращения бюджета, я требовал, чтобы он определил, какие именно из запланированных планом действий (учитывая все возможные последствия) он требует отменить. Я разъяснял результаты и последствия предлагаемых сокращений бюджета, но ответственность за последствия отмененных операций перекладывалась и на главу правительства.

Была введена четкая процедура принятия решений внутри организации. Отныне велись протоколы и аудиозапись совещаний, а кассеты передавались на хранение в архив «Натива». Такой порядок работы позволял в дальнейшем, особенно при разборе проведенных операций, сделать более точные и правильные выводы, так как всегда можно было восстановить ход принятия решений. Вначале работники были удивлены

нововведениями, но потом привыкли к тому, что все запротоколировано и открыто и нет сделок ни «под столом», ни «за спиной».

Была создана отличная система обучения и подготовки кадров. Все работники прошли профессиональную подготовку в соответствии с занимаемой должностью. Создавая нашу систему подготовки, мы воспользовались помощью других организаций, которые с готовностью поделились с нами своими знаниями и опытом и тем самым серьезно помогли повышению профессионального уровня работников «Натива». Главой отдела по подготовке кадров был назначен замечательный профессионал Изхар Харден. Он приехал в Израиль ребенком из Польши. В Польшу он попал из Советского Союза, где жил до десяти лет. До перехода в «Натив» он служил в израильской армии в чине подполковника. Находясь в армии, он не раз принимал участие в сложнейших операциях, многие из которых останутся неизвестными широкой публике еще многие годы. Несмотря на то что он был человеком разносторонне одаренным, он хотел заниматься профессиональной подготовкой кадров и создал великолепную систему подготовки. Во многом благодаря его усилиям наши посланники, не работавшие ранее ни в «Нативе», ни в других подобных организациях, пройдя подготовку, стали профессиональными работниками. Изхар умер на работе от остановки сердца, что было для нас огромной потерей.

Изменения коснулись и порядка приема на работу. Была введена система профессионального отбора, которая включала разнообразные тесты, в том числе и психометрические. Это позволяло нам отсеивать неподходящих кандидатов еще на самых ранних стадиях.

Точная оценка происходящего, возможностей и динамики изменений, происшедших в Советском Союзе на протяжении 80-х годов и к концу десятилетия, и были базой для деятельности «Натива» в 90-х годах. Оценки и анализы, которые я делал в 80-х годах, базировались в основном на нашей информации, но мы также использовали информацию и из других источников. Согласно имеющейся у нас информации, председатель КГБ Ю.В. Андропов и его работники в начале 80-х годов, анализируя ситуацию в тогдашнем СССР, пришли к неутешительным выводам. Несмотря на все проблемы и недостатки, необходимо отметить, что КГБ был очень профессиональной организацией, способной оценить истинное положение в стране, особенно по сравнению с другими структурами. КГБ был одной из единственных, если не единственной, государственной структурой, способной собрать и сопоставить информацию как о

происходящем в СССР, так и во всем мире в различных областях и прийти к правильным, в принципе, выводам. Но эти оценки не всегда принимались государственным, то есть партийным руководством СССР.

Выводы Ю.В. Андропова в начале 80-х годов, накануне его прихода к власти, были следующие: если в Советском Союзе не произойдут перемены в государственном управлении, в экономике и в обществе, то к концу XX – началу XXI века Советский Союз вряд ли сможет соперничать с Соединенными Штатами как мировая держава. Мало того, само существование СССР как единого государства может быть под угрозой. Другими словами, если не будут произведены необходимые реформы, страна и власть могут перестать существовать. Как известно, история подтвердила эту профессиональную оценку.

Не случайно такая оценка была сделана именно Андроповым. Ему можно предъявить много претензий, но он отличался от остальных членов Политбюро. Андропов был убежденным коммунистом, но более интеллигентным и думающим, чем большинство его соратников по партии. Очень сильно повлияли на него события венгерского мятежа 1956 года. Андропов был тогда послом в Будапеште. Он был шокирован и душевно травмирован тем, что он увидел в те дни в Будапеште. Мятежники приволакивали к воротам посольства венгерских коммунистов и, сдирая с них живьем кожу, вешали вниз головой перед воротами, заставляя умирать медленной смертью в ужасных мучениях. Эти страшные сцены повторялись день за днем и во многих местах Будапешта, и Андропов, как и другие работники посольства, были их свидетелями. Речь идет о восстании венгров против власти венгерских коммунистов. Наиболее активное участие в этом восстании приняли офицеры и сторонники бывшего фашистского диктатора Венгрии Милоша Хорти, союзника Гитлера. Венгры воевали против венгров с типичной для гражданской войны жестокостью. Советская армия подавила этот мятеж через неделю после его начала – Советский Союз не мог смириться с потерей власти коммунистов в Венгрии и перехода страны в западный лагерь.

Венгрия и государства Восточной Европы не находились под советской оккупацией, а под властью своих коммунистов, правящих с помощью советских штыков. Травма Будапешта была для Андропова и личной трагедией – под влиянием увиденных ужасов у его жены повредился рассудок, и она так и не пришла в себя до конца своих дней. Эта травма и трагедия преследовали Андропова всю жизнь и были основной причиной того, что Андропов, находясь в Политбюро, был активным сторонником

вторжения в Чехословакию. Мои друзья, служившие в Советской армии и участвовавшие во вторжении, рассказывали мне о происшедшем, так что у меня была довольно неплохая картина происходившего там. Это была одна из серьезнейших ошибок советской власти, которая из-за идеологической слепоты не смогла правильно оценить значение происходящих в мире событий и изменений и приспособиться к ним. Травма венгерского мятежа подтолкнула Андропова и к поддержке решения о вторжении в Афганистан. Вступление СССР в войну в Афганистане было сплошной цепью неудач в процессе принятия решений, государственных и политических оценок, определения целей войны и ее ведения от начала и до конца, как военным, так и государственным руководством. Афганская война была для Советского Союза тем же, что и неудачная война против Японии для царского правительства России в начале XX века. Второй раз в истории России неудачная война, затеянная слабым правительством, привела страну к крушению и распаду. И в событиях в Чехословакии, и в войне в Афганистане особенно ярко проявилась слабость и неспособность руководства страны справляться со сложными государственными проблемами и находить правильные решения.

Ю.Н. Андропов был тем, кто выбрал М.С. Горбачева в свои преемники, и в этом, с моей точки зрения, была одна из его серьезных ошибок. Он видел в Горбачеве коммуниста нового поколения – думающего, энергичного, открытого, интеллигентного и популярного. Андропов не понял, что Горбачеву недостает лидерских качеств и авторитета и он не способен принимать решения. М.С. Горбачев был слабым человеком и в критический момент потерял остатки своей решительности. Он также оказался неспособным понимать и разбираться в сложной действительности своей страны.

Я встретился с Горбачевым уже после его падения. Два часа разговора с ним произвели на меня очень тяжелое впечатление. Я не мог отделаться от мысли: до какой степени деградировала правящая элита, если такому человеку дали возможность управлять страной, управлять империей. Девяносто пять процентов времени Горбачев рассказывал мне о своем величии, о том, как народ любит и ценит его и как на ближайших выборах он получит абсолютное большинство, поскольку он один может спасти Россию и ему народ верит. И этого человека поставили во главе государства в 1985 году, а он совершил все мыслимые ошибки. Его неспособность принять нужное решение в критический момент привела государство, во главе которого он стоял, к краху. Советский Союз рухнул не потому, что кто-то

хотел этого и спланировал этот крах. Всякого рода специалисты, постоянно ошибавшиеся в понимании происходящего в Советском Союзе, пытались задним числом объяснить события, которых они не понимали ни до, ни во время, ни после происшедшего. Все трещавшие о движениях протеста и о народе, который, желая свободы и демократии, сбросил коммунистическую власть, просто не понимают, о какой стране они говорят. Власть рухнула из-за внутренней деградации и постепенного разложения, из-за организационной и личной неспособности руководителей государства принимать и осуществлять необходимые решения. Если есть кто-то в истории, с кем можно сравнивать Горбачева, так это только Керенский. Слабость и бездействие Керенского и его правительства привели к краху Российской империи и приходу к власти большевиков в октябре 1917 года. Горбачев привел к краху Советскую империю. Истинная причина краха в обоих случаях в том, что Россия в критический момент не смогла найти никого лучше для управления страной.

Горбачев вообще не понимал значения своих действий. Он и до сегодняшнего дня не понимает. Он превратился в любимчика Запада, осыпаемого почетом и призами. За что? За то, что разрушил страну, которую был обязан хранить и укреплять? Я думаю, что объективный наблюдатель не может радоваться тому, что произошло в стране. Народы России и других государств бывшего Советского Союза заплатили и продолжают платить за процесс распада страшную цену. Процесс насильственный, неуправляемый и потому варварский и жестокий. Можно было избежать кровопролития и разгрома целого поколения. Чтобы не было недоразумений, я не сожалею о распаде Советского Союза. Однако я стараюсь проанализировать события профессионально и объективно, не вмешивая ни пророссийские, ни антироссийские чувства. Китай тоже стоял перед опасностью развала, но китайские правители нашли способ вывести страну в другую эпоху с помощью реформ и, что еще важнее, не теряя контроль над ситуацией в стране. Сегодняшнее положение Китая, с экономической точки зрения, намного лучше, чем России, хотя в начале 90-х экономическое положение Китая было намного хуже, чем у Советского Союза. Инфраструктура Китая, экономическая и технологическая, была намного более шаткой, чем советская. Но руководство Китая добилось успеха в том, в чем провалилось руководство Советского Союза. Китай далек от демократии западного образца и будет далек еще многие годы, если не всегда. Но Китай развивается головокружительными темпами и своим путем, а не тем, который был указан ему кем-то извне, без ужасной трагедии, произошедшей в бывшем СССР в злополучные

девяностые годы.

Распад Советского Союза в конце 1991 года не был результатом действий, запланированных какой-либо партией или политической силой. Четыре коммунистических деятеля, большевики до мозга костей, абсолютно далекие от демократии, решили распустить СССР, каждый по своим личным интересам и интересам групп, которые стояли за ними. Инициатором был Ельцин, движимый желанием убрать Горбачева. Враждебность к Горбачеву и личные счеты с ним превратились у него в манию. Ельцин считал, что, не устранив Горбачева, он не сможет достичь вершины власти. Он не думал и не предполагал, что распад Советского Союза, инициируемый им по личным причинам, будет необратимым и что он тем самым разрушает империю. Трое других, простые аппаратчики назначившей их партии, были властителями России, Украины и Белоруссии. Они были мелкими советскими диктаторами, все желание которых было продолжать властвовать. Диктатура власти советского большевистского толка сохранилась в этих странах, она приобрела лишь некий национальный, а иногда и крайне националистический оттенок. Горбачев мог их остановить и предотвратить развал Советского Союза, но он не обладал душевными силами для борьбы. Советский аппаратчик, мелкий партийный карьерист, лишенный качеств лидера, с отсутствием элементарного чувства верности стране и исполняемой должности президента, он сломался в несколько секунд, подписал Указ о роспуске Советского Союза, пустил слезу и пошел спать.

К концу 1991 года нам было ясно, что Советский Союз находится на грани серьезнейшего внутреннего кризиса. Последней каплей стал неудавшийся путч. Но и без путча процессы деградации власти и всеобщего развала в Советском Союзе быстро нарастали. Тем более что советская власть не смогла выдвинуть из своей среды никого, кто бы был способен принимать необходимые решения и сохранить страну. Премьер-министр, один из руководителей путча, был все три дня беспросветно пьян и с трудом сознавал, что происходит. Я беседовал о путче с одним из его руководителей, Владимиром Крючковым, бывшим в то время Председателем КГБ. Он был довольно близок к Андропову и работал вместе с ним в посольстве СССР в Будапеште в 1956 году. Я спросил его: «Я видел по телевидению подразделения спецназа в стратегических точках Москвы. Как получилось, что путч не удался?» Меня это интересовало, чтобы лучше понять, какова способность советских или постсоветских структур властвовать. Его ответ меня удивил. Он сказал, что они боялись кровопролития. Они считали, что

сама угроза применения силы будет достаточно устрашающей и что нет надобности открывать огонь.

Я получил этому косвенное подтверждение в беседе с Сергеем Гончаровым, заместителем подразделения по борьбе с террором «Альфа», с которым я познакомился во время совместной операции с захваченным на Кавказе самолетом. У нас сохранились хорошие дружеские отношения, и при встрече в Москве, после путча, он рассказал мне, как он получил приказ подготовиться к штурму Белого дома, бывшего штабом Ельцина во время путча. Он провел предварительную разведку местности, и его люди заняли боевые позиции вокруг Белого дома. По его словам, «Альфа» могла овладеть Белым домом в соответствии с разработанным планом в течение двадцати минут и арестовать всех, кого необходимо. При этом у «Альфы» не должно было быть потерь, только в случае ошибки, а среди обороняющихся могло быть до двухсот убитых. На мой вопрос, почему не было штурма, он ответил прямо, что просто никто не дал приказ о штурме. В критический момент, когда надо было принимать критическое решение, некому было его принять.

39

Экономический и социальный крах Советского Союза, потеря чувства безопасности и уверенности в завтрашнем дне создали почву для увеличения желающих выехать в Израиль. Советская власть, которая уже не в силах была править и управлять государством, не могла также удерживать своих граждан. С 1989 года все больше и больше людей получали разрешение на выезд в Израиль, и чем больше было получивших разрешение, тем больше подавали заявлений на выезд. Тот факт, что к началу 1990 года нам удалось завернуть всех выезжающих в Израиль, не изменил общую тенденцию – все больше и больше людей приходили к выводу, что у них, а тем более у их детей нет будущего в Советском Союзе. И если есть возможность выехать, надо как можно быстрее использовать ее и уехать из страны, пусть даже в Израиль. В этом была основная причина постоянного и быстрого увеличения желающих выехать в Израиль. Если бы путч не закончился неудачей и Ельцин не пришел к власти, возможно, число уезжающих было бы еще больше и перевалило бы за 200 000 в 1991 году. Но приход Ельцина к власти вселил в людей новые надежды. Многие в России, видя энергичную молодежь вокруг Ельцина, слыша речи о реформах, наблюдая крах советской власти и компартии, в которой видели источник всех бед в стране, черпали надежду в происходящих изменениях. Те, кто уже практически сидел на чемоданах, приостановили сборы на выезд. Темп выезда начал замедляться, и появились признаки того, что эта тенденция сохранится и в будущем. Между принятием решения о выезде и самим выездом, из-за сборов и технических проблем, проходило как минимум полгода. События, происходившие в течение этого периода, влияли на решение о выезде. И все-таки, несмотря на замедление, темпы выезда в Израиль оставались довольно высокими. Происходило это в основном благодаря высоким темпам выезда из провинции и из-за нестабильности ситуации на постсоветском пространстве, которая продолжалась еще в течение нескольких лет. Нам было важно использовать момент и максимально облегчить процесс выезда в Израиль тем, кто хотел и имел на это право. Созданная нами система функционировала успешно, справляясь почти со всеми проблемами, в том числе и в области логистики.

Сразу же после моего назначения руководителем «Натива» в 1992 году я начал заниматься созданием инфраструктур и выработкой новых методов работы, чтобы использовать создавшуюся ситуацию как в России, так и в новых, возникших на

территории бывшего Союза государствах. Ослабление государственных структур и их частичный развал навели нас на некоторые новые идеи. Одной из них, разработанной нами еще во время Московской книжной ярмарки в 1989 году, было создание постоянно действующего центра в Москве. Эта ярмарка была очень успешной, хотя и не такой, как прозванная «шестидневной» (по аналогии с Шестидневной войной) ярмарка 1987 года. Весь материал и аппаратуру (и то и другое мы привезли на ярмарку в огромном количестве) мы оставили в Москве. После закрытия ярмарки мы договорились с российскими властями о постоянной израильской книжной выставке в Москве и в других городах Советского Союза, используя оборудование и экспонаты ярмарки. У меня родилась идея превратить постоянно работающую Израильскую книжную выставку в Израильский культурный центр. Такие центры предполагалось создавать при посольствах Израиля, чтобы они в дальнейшем служили платформой для нашей деятельности.

Такие центры – это повсеместно принятый и разрешенный вид дипломатической деятельности. Многие государства открыли свои культурные центры, например советские культурные центры при посольствах СССР, или British Council, Institut Français, итальянский Институт Данте, испанский Институт Сервантеса, немецкий Институт Гете. Дипломатический статус центра и его работников обеспечивает безопасность и стабильность, позволяющие работать на законном основании и беспроблемно общаться с местным населением. Нас в «Нативе» интересовало еврейское население, но я считал, что и неевреи заинтересуются израильскими культурными центрами, так как многим будет интересно познакомиться со страной и ее культурой. Я видел в центрах платформу для работы всех израильских структур, включая Министерство иностранных дел.

Как обычно, Министерство иностранных дел Израиля воспротивилось этой идее. Любая инициатива или действие, позволяющие расширить деятельность «Натива», вызывали недовольство работников МИДа, но их сопротивление созданию культурных центров было особенно резким. Еврейское Агентство, по обыкновению, тоже подавало признаки раздражения, но у Агентства не было никакого формального статуса, позволяющего ему вообще выражать свое мнение по этому вопросу. В конце концов все решилось новым главой правительства Ицхаком Рабином. Рабин очень увлекся моим предложением. Он заявил, что это замечательная идея, и заставил всех, включая Министерство иностранных дел, реализовать ее. Это было наше первое и основное начинание, которое мы

воплотили в жизнь, используя новую ситуацию.

В России отсутствовали законы, регулирующие работу культурных центров других государств. Довольно быстро мы нашли контакты с российскими структурами, которые занимались подготовкой законов о культурных центрах, и они воспользовались нашей помощью в подготовке некоторых формулировок в законах в соответствии с общепринятыми межгосударственными соглашениями. Нам было важно принять участие в создании юридической базы, регулирующей деятельность центров, так как это позволяло нам впоследствии использовать центры в своих целях. В законах говорилось вообще о культурных центрах иностранных государств, и соглашения должны были быть подписаны Министерствами иностранных дел с обеих сторон. Согласно этим двусторонним соглашениям, государства, подписавшие их, получали взаимную возможность создавать культурные центры. Иными словами, и Россия могла открыть свой культурный центр в Израиле, когда сочтет это необходимым.

Другой сферой, по-моему, очень важной и в которой я видел возможности для развития нашей деятельности, было образование. Распад Советского Союза и всех жизнеобеспечивающих государственных структур привел почти к полному краху системы образования как в России, так и во вновь образованных государствах. И тогда у меня родилась идея о создании израильской системы просвещения на постсоветском пространстве вместе с Министерством образования Израиля. Правовую базу для этого я видел в двусторонних соглашениях между Министерствами образования Израиля и постсоветских государств. Мы представили нашу деятельность как вид сотрудничества между Министерством образования Израиля и Министерством образования России, Украины или других государств на постсоветском пространстве в создании системы просвещения для национальных меньшинств, в данном случае для еврейского меньшинства. У постсоветских государств не было в этом вопросе современного опыта. Важнейшим условием успеха в этом вопросе, в моих глазах, было сотрудничество с государственными властями. Я стремился создать законную базу во избежание различного рода проблем, как для нас, так и для евреев, с которыми мы намеревались работать. Соглашения, подписанные между Министерством образования России, а затем и других государств и Министерством образования Израиля, позволили нам создать совместные с Министерством образования Израиля и местными Министерствами образования школы. В этих школах работали как израильские, так и местные учителя.

Еврейские ученики этих школ помимо общей программы обучения изучали предметы, связанные с Израилем и его культурой, такие как иврит, история Израиля и еврейского народа, география и культура Израиля и другие. Обучение этим предметам велось по программам израильских школ под руководством израильских учителей, отобранных Министерством образования Израиля. Я считал, что если суждено еврейскому ребенку жить и учиться вне Израиля, то и этот ребенок должен получить точно такое же образование, связанное с общенациональными еврейскими и израильскими ценностями, как мои и любые другие дети в Израиле. Это позволит создать у всей еврейской молодежи в мире общую национально-культурную базу и выработать общие национальные ценности.

Именно по этой причине мы настаивали, чтобы Министерство образования Израиля вело обучение по программе израильских школ. Более того, я учитывал, что значительная часть детей рано или поздно приедет в Израиль и, чтобы облегчить им и без того сложный процесс адаптации в израильской школе, желательно, чтобы разница между системами образования была минимальной. Этот подход в корне отличался от подхода Еврейского Агентства, в школах которого в других странах при еврейских общинах обучение проходило по местным программам, местными учителями и без всякого участия Министерства образования Израиля. Еврейское Агентство всячески сопротивлялось введению нашей программы, обвиняя Министерство образование в том, что оно вмешивается в сферу деятельности Агентства. Такая резкая негативная реакция была вызвана, прежде всего, опасениями, что созданная нами система заменит общинную сеть образования Еврейского Агентства и в других странах мира. Мной же руководили не интересы какой-либо организации, а, прежде всего, желание выстроить для евреев бывшего СССР наилучшую систему еврейского образования.

Свои соображения и предложения по этому вопросу я изложил Звулону Хамеру, министру образования в правительстве Ицхака Шамира. С ним и с Ицхаком Бен Меиром я познакомился, когда они были руководителями молодежной фракции Национально-Религиозной партии и присоединились к небольшой группе общественных деятелей Израиля, поддержав нас в борьбе за евреев СССР, против политики молчания и невмешательства, которую проводили тогдашние правительства Израиля в начале 70-х. С тех пор у нас установились дружеские отношения и взаимное уважение. Я встретился с Звулоном Хамером и предложил ему, чтобы его министерство взяло на себя ответственность за образование евреев постсоветского

пространства. Хамер загорелся этой идеей. Так была создана система еврейского просвещения, которая отлично функционировала до тех пор, пока не была раздавлена и заброшена правительством Ариэля Шарона и его министром образования Лимор Ливнат, которые просто сбагрили ее Еврейскому Агентству.

Сеть израильских школ я видел как базу системы образования. На этой базе я запланировал создать сеть воскресных школ. Я полагал, что мы не сможем создать сеть постоянных израильских школ, которые способны охватить все еврейское население. Кроме того, не все евреи были готовы послать своих детей в постоянные израильские школы. И я подумал, что, если дети не смогут по тем или иным причинам учиться постоянно в израильских школах, они смогут посещать занятия хотя бы раз в неделю, по воскресеньям, занимаясь с израильскими преподавателями. Мы решили укрепить израильские школы молодежными инструкторами, присылаемыми из Израиля. Тем самым мы приобщили к израильскому образованию, полному или частичному, почти всех заинтересованных в этом еврейских детей. Количество воскресных школ должно было быть в несколько раз больше, чем постоянных израильских школ, и предполагалось, что они будут расположены почти во всех городах постсоветского пространства.

Одной из основных частей моего плана была программа НААЛЕ. Я исходил из того, что в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет формируется мировоззрение и закладываются основные нравственные ценности, поэтому этот период в жизни многих молодых людей является критическим и решающим. В пятнадцать лет израильский подросток начинает обучение в тихоне – старших классах школы. Я считал, что имеет смысл привезти как можно больше еврейских детей, чтобы они последние школьные годы обучались в Израиле. В то время система образования Израиля была намного лучше почти развалившихся систем образования государств постсоветского пространства. Я посоветовался с психологами, которые объяснили мне, что нежелательно отрывать от семьи подростков моложе пятнадцати лет, поскольку большинство из них не выдержит разрыва с семьей и привычным окружением. Так был определен минимальный возраст кандидатов. Так родилась идея привозить детей на обучение в Израиль после того, как проверка психологов подтвердит, что они смогут психологически и душевно выдержать расставание с домом и близкими. Программа должна была действовать в рамках соглашений между Министерствами образования, в которые заблаговременно были введены пункты,

позволяющие обмен учениками между странами. Согласно международным законам дети не имеют права эмигрировать без родителей до 18 лет даже с согласия родителей. Поэтому я определил, что до достижения 18 лет участники программы не будут получать статус репатриантов, а смогут сделать это в дальнейшем. Я исходил из того, что подросток, окончивший израильскую школу и привыкший к израильскому обществу, не захочет оставить Израиль и навсегда свяжет с ним свою судьбу. Я не представлял себе, что Израиль и израильская система образования деградируют за последующие годы до их сегодняшнего уровня.

Еврейское Агентство вело настоящую непрекращающуюся войну против программы НААЛЕ, направляя ничем не обоснованные обвинения против программы во все государственные инстанции и средства информации. Чиновники Агентства кричали, что «Натив» осуществляет «антисионистскую программу для туризма». До самого предела низости это дошло на одном из обсуждений программы у генерального директора Министерства главы правительства Шимона Шевеса: председатель Правления Еврейского Агентства кричал: «Программа НААЛЕ – это Яшина программа по привозу еврейских поселенцев на оккупированные территории в Иудее и Самарии!» Шевес смущенно улыбнулся и подал мне знак не реагировать на сказанное. К нашему счастью, когда я представил программу НААЛЕ главе правительства Ицхаку Рабину, тот пришел от нее в восторг и дал указание немедленно приступить к ее выполнению.

Успех программы превзошел все ожидания, но она могла бы быть еще более успешной при достаточном финансировании. Я выставил условие, чтобы подростки, которые приедут в рамках программы, были способны сдать экзамены на израильский аттестат зрелости. В Советском Союзе почти не было еврейских детей без аттестата зрелости, и редкий еврейский ребенок не получал высшего образования. Я дал распоряжение не принимать в программу подростков, в способности которых получить полный израильский аттестат зрелости были сомнения. Я не считал, что мы вправе уродовать дальнейшую жизнь этих молодых людей, оставив их без аттестата зрелости. Это не могло бы быть принятым еврейскими родителями, воспитанными в Советском Союзе. Мы разработали систему тестов, которая позволяла определить степень психологической зрелости подростка и способность выдерживать психологическое давление, ведь он должен был находиться в отрыве от семьи и близких. Мы также проверяли, позволят ли знания и способности этих детей получить им израильский аттестат зрелости. И опять посыпались

обвинения и сообщения в средства информации от руководителей Еврейского Агентства, что мы проводим селекцию среди еврейских детей и это программа только для элиты. Наш подход, однако, оправдал себя. Управление НААЛЕ и люди, осуществившие программу, работали великолепно. Первый набор можно оценить как безусловный успех. Когда израильские психологи проверили приехавших подростков уже в израильских школах, оказалось, что треть из них являются особо одаренными по израильским стандартам.

Мы заботились о том, чтобы подростки попали в школы, соответствующие их уровню. Мы забраковали те школы, уровень которых был недостаточно высоким, исходя из того, что уровень образования приезжающей молодежи вполне высок. Они ехали в Израиль не для того, чтобы понизить свой уровень, а, наоборот, чтобы подняться во всех отношениях и максимально развить свои способности.

С 1992 года, с момента назначения меня руководителем «Натива», начался период строительства и расширения инфраструктур «Натива» по всей территории постсоветского пространства. Благодаря Роберту Зингеру, который стоял во главе образовательных программ и управления Израильскими культурными центрами, возникали все время новые инициативы, и деятельность постоянно расширялась. Была создана система курсов по изучению иврита. В этой области мы взаимодействовали с Министерством абсорбции. Я видел для этого простую и вескую причину. В Израиле преподавание иврита велось Министерством абсорбции на десятках курсов по всей стране. Я считал, что будет логично, если одна и та же организация будет заниматься преподаванием иврита и до приезда евреев в Израиль. Так достигалась непрерывность и последовательность в обучении, и новоприбывшие, прошедшие часть программы обучения ивриту до приезда в Израиль, продолжали бы обучение с той же точки, по той же программе и с преподавателями, работающими по той же системе.

В беседах с министром абсорбции и его работниками я настаивал на том, что абсорбция должна начинаться за год до выезда, в процессе подготовки к переезду в Израиль, включая профессиональную подготовку. Вместе с Министерством труда мы организовали курсы профессиональной подготовки и переквалификации, чтобы специалисты могли продолжить занятия в Израиле с той же точки, на которой закончили обучение до выезда. Пройдя значительную часть материала до приезда в Израиль, они уже были знакомы с профессиональными требованиями в Израиле, так как под руководством

профессиональных израильских инструкторов успели пройти значительную часть программ. Тем самым сокращался период профессиональной абсорбции, и сама абсорбция проходила значительно легче. Мы также проводили научные семинары, на которые собирались еврейские ученые со всего постсоветского пространства. На семинарах они встречались с учеными и представителями научных центров Израиля, что позволяло им узнать и понять, что происходит в Израиле в их научной области и какие возможности откроются перед ними в случае приезда в страну. На этих семинарах они могли устанавливать профессиональные связи и спланировать свой приезд в Израиль более эффективно. Многие научные работники интересовались возможностью эмиграции и были готовы уехать в Израиль, ведь в то время вся система научных исследований на постсоветском пространстве пребывала в катастрофическом состоянии. У Израиля же появилась возможность получить представителей научной элиты мировой державы и в таком количестве, о котором ни одна страна мира не могла и мечтать. Если бы мы смогли эффективно воспользоваться предоставленным нам шансом и принять этих ученых, то сегодня Израиль был бы намного более богатой и передовой страной. Но из-за ограниченности израильской бюрократии и чинуш Министерства финансов это так и не стало реальностью.

Все эти культурные и образовательные проекты развивал и великолепно руководил ими Роберт Зингер, во многом благодаря сложившимся у него хорошим связям и добрым отношениям, с одной стороны, в России и других постсоветских государствах, а с другой стороны, в Израиле. Все больше и больше израильских структур и учреждений начинали взаимодействовать с нами, и все больше и больше евреев, так или иначе, знакомились с работой наших структур и принимали в ней участие. Это, конечно, крайне раздражало руководство Еврейского Агентства. Агентство требовало запретить израильским министерствам проводить какую-либо работу среди евреев. Оно считало, что это – наследственное право Еврейского Агентства вести единолично работу среди евреев диаспоры, и опасалось, что израильские министерства, воодушевленные нашим совместным успехом, начнут самостоятельно работать с евреями и в других странах и тем самым поставят под угрозу существование бюрократического монстра, именуемого Еврейским Агентством. На каком основании чиновники Агентства будут клянчить пожертвования в сотни миллионов долларов в год для поддержания своего существования и огромного аппарата? Ведь основным для деятелей Еврейского Агентства стало их собственное

существование и сбор пожертвований для его поддержания, а евреям и их репатриации в Израиль придавалось мизерное значение. Еврейское Агентство вело постоянную войну с «Нативом» всеми дозволенными, а большей частью недозволенными средствами. Это не особенно мешало нам, просто отнимало время и внимание на бесконечные споры и объяснения, не всегда на серьезном уровне.

Но основное, к чему я стремился, – это расширение нашего присутствия во всех государствах постсоветского пространства при дипломатических представительствах, не дожидаясь официального открытия посольств. Темп работы израильского Министерства иностранных дел был ужасающе медленным. Можно было сто раз околеть, пока они зашевелятся и отберут кандидатов, о профессиональных качествах некоторых из них и соответствии занимаемой должности я уже не говорю. Правда, среди посланных Министерством иностранных дел работников были и замечательные люди, и отличные, высокопрофессиональные дипломаты, но это бывало чисто случайно. Практически всюду мы начинали нашу работу намного раньше их, завязывая связи, снимая помещения, в которых потом на первых порах размещались и работники нашего МИДа. Все наработанное мы с удовольствием предоставляли в их распоряжение. Мы вводили наших дипломатов во все местные структуры власти, помогая им во всем. В благодарность за это, как правило, наши работники получали со стороны мидовских представителей презрительное, унижающее отношение и постоянные попытки помешать нашей работе.

Несмотря на это, преимущество наших сотрудников в работе на постсоветском пространстве было неоспоримым. Ведь «Натив» все годы постоянно и профессионально занимался Советским Союзом во всех аспектах, так или иначе касающихся евреев. Министерство иностранных дел не было готово для работы с Советским Союзом и на советской территории. Большинство, занимавшихся СССР, не знали русского языка, не были знакомы ни с историей, ни с культурой страны, разве что из документов западных «спецов», написанных по-английски. Часть представителей МИДа, посланных на территорию СССР, до этого занимались Ирландией, до Ирландии – Южной Америкой, а до этого Африкой. А теперь им было поручено на два, три года заняться Советским Союзом! Да и в других профессиональных государственных структурах почти не было знающих русский язык, особенно современный. Не раз я видел пенсионеров и ветеранов «Натива», приехавших в Израиль из Польши в пятидесятых годах и незнакомых с современным русским языком,

делающих для них переводы с русского на иврит. У нас же работали люди, отлично владеющие русским языком, знакомые с материалами о Советском Союзе и с опытом работы и в Советском Союзе, и в израильских структурах по советской тематике. Пришедшие к нам офицеры израильской армии, говорящие по-русски, приехали в Израиль из Советского Союза, большинство – после Шестидневной войны. Все они отшлифовали и углубили свои знания за годы работы в «Нативе». Мы были единственными в Израиле, кто мог полагаться на свои источники, а не на исключительно иностранные благодаря тесному контакту с населением и со странами, в которых мы работали. И, как всегда, особенно в Израиле, все, что успешно, вызывает зависть и сопротивление, особенно в бюрократической системе.

Работники Министерства иностранных дел видели в каждом нашем действии попытку нанесения ущерба их статусу. Нередко мы слышали от местных работников нелестные для мидовцев сравнения с работниками «Натива», касающиеся их профессионального уровня и соответствия занимаемой должности. Но не «Натив» же ввел в МИДе извращенную и порочную систему работы. Когда посол дерется с ответственным за безопасность посольства, это не добавляет уважения к государству. Когда на дипломатические должности назначают людей с нервными расстройствами, без соответствующей проверки, их поведение не производит благоприятного впечатления ни на принимающие государства, ни на их граждан, особенно евреев. Посол, берущий под «опеку» местную работницу посольства и дающий ей «править бал» в посольстве, не добавляет уважения к Израилю. Большинство этих послов, не знавших русского языка, не говоря уже о языках других постсоветских государств, не понимали ни стран, в которых работали, ни ментальности народов, населяющих эти страны. Положение усугублялось тем, что способность МИДа подготовить тогда специалистов для работы в Советском Союзе была очень слабой.

Стоит отметить, что советскому направлению в израильском МИДе не уделялось должного внимания и все, связанное с ним, было в течение многих лет практически заброшено. Как можно говорить о серьезном отношении к России или Украине, когда эти страны оставались без послов Израиля по году и по полтора. Я помню, как во время одного из посещений Государственного департамента в Вашингтоне один из молодых работников отдела, занимавшегося СССР (я обычно встречался с работниками этого отдела два раза в год), сообщил мне: «Я должен попрощаться, я ухожу…» Я спросил, куда он уходит, и он сказал, что назначен послом в Латвию. На мой вопрос, когда он вступит в должность,

он ответил, что в следующем году. Увидев мое удивление, он пояснил, что в течение года он будет изучать язык, культуру и все, что связано с Латвией. У нас же не думали, что дипломатические кадры, направляемые в Россию или бывшие советские республики, нужно специально обучать и готовить.

Люди по-настоящему серьезные, думающие и владеющие материалом, повторяю, были чистой случайностью. Именно к таким можно отнести и Арье Левина, который был безусловным исключением из общего правила и понимал, что такое СССР. А. Левин родился в Тегеране, в семье, которая уехала из Латвии в Палестину. Он владел персидским, французским, английским и русским языками как родным. Его служба в других структурах, до МИДа, только отточила его способности мыслить, анализировать и формулировать. Другим исключением был покойный Мирон Гордон, родившийся в Советском Союзе, специалист по русской культуре и поэзии, безвременно ушедший. Но даже Арье Левин не мог пересилить ревность, когда речь шла о деятельности и успехах «Натива».

Я помню совещание, созванное по просьбе работников МИДа у министра иностранных дел и посвященное проблемам, которые Яков Кедми создает работе МИДа Израиля в Москве. Министром иностранных дел тогда был Миша Аренс, который обладал практичным, логическим мышлением, столь редким у израильских чиновников, прямотой и честностью, не только личной, но и профессиональной. В начале встречи Аренс попросил предоставить пример действий Яши Кедми, которые мешают работе МИДа. Арье Левин сказал, что мои встречи с представителями власти и общественности мешают деятельности посольства. Аренс попросил разъяснить более подробно, и Арье Левин рассказал, что я встречаюсь с Александром Бовиным, который был тогда одним из важнейших и влиятельных советских журналистов. «А вы не встречаетесь с Бовиным?» – спросил Миша Аренс. Арье Левин ответил, что тоже встречается с Бовиным. «Если так, то в чем же Яша мешает вам, встречаясь с Бовиным?» – недоумевал Аренс. В ответ Арье Левин попросту выразил, что действительно мешало ему и многим другим в Министерстве иностранных дел и в других структурах Израиля: «Со мной Бовин встречается как с послом, а с Яшей как с товарищем». Я признаю вину. Наша способность раскрыть людей, вызвать у них доверие, человеческое отношение и понимание, как и желание людей делиться с нами своими проблемами и мыслями, была такой, какая и не снилась работникам МИДа.

Несерьезное и безразличное отношение к России и другим государствам бывшего СССР со стороны Министерства

иностранных дел стоило израильской государственной казне немалых денег. После нашего прибытия в Москву у нас установились отличные отношения с местными властями, и все они, кроме служб безопасности, относились очень доброжелательно к Израилю. Я хотел использовать создавшуюся ситуацию и обратился к Министерству иностранных дел с предложением построить новое посольство, которое было бы больше по занимаемой площади и соответствовало бы современным требованиям. Можно было получить любой участок земли в Москве и очень быстро выстроить здания посольства, включая, как я предложил, и жилой комплекс, и школу для детей израильских работников в Москве, да и вообще все необходимое. Мы разговаривали об этом и с работниками Московского муниципалитета и с УПДК. Все проявили готовность продать нам жилые дома возле посольства, а также прилегающие земельные участки, что позволяло выстроить единый комплекс, включающий жилые помещения. Это давало возможность решить многие проблемы, в том числе проблемы охраны дипломатов и даже проблемы взаимоотношений между работниками посольства, и все при минимальных затратах. В Министерстве иностранных дел и слушать не хотели. Так мы и остались на многие годы в неподходящем старом здании посольства. Один израильский предприниматель был даже готов выстроить за свой счет новые здания посольства, если МИД обяжется снимать у него помещения в течение десяти лет. За это время он вернул бы вложения, а потом хотел передать все безвозмездно государству Израиль. Мы также предложили скупить по низкой тогда цене квартиры для работников посольства в любом подходящем месте. Министерство иностранных дел Израиля отвергло и эти предложения. В конце концов государство было вынуждено снимать для резиденции посла номера в московской гостинице по астрономической тогда цене 18 000 долларов в месяц! Если бы приняли наши предложения, можно было бы за сумму шестимесячной арендной платы купить самые фешенебельные хоромы для посла. Но это никого в МИДе не волновало.

Для посла Ализы Шенхар, которая приехала только с мужем, сняли квартиру всего из двух комнат и вложили огромные суммы в ее ремонт. Я спросил, а что будет, когда поменяют посла и приедет новый посол, с детьми, но опять никому до этого не было дела. Я уже не говорю о самом факте назначения послом в России специалистки по израильскому фольклору. У нее не было ни малейшего представления ни о России, ни о ее культуре, ни о ее проблемах, ни вообще о международных делах. Это назначение было не только унижением для России, но и для самого Израиля,

который так беспечно относится к сложнейшим и важнейшим отношениям с одной из главных стран мира. Но таков был каприз Шимона Переса, и никто, даже Ицхак Рабин, не хотел перечить ему. Что же касается квартиры, то, действительно, когда прибыл новый посол, нашли новую квартиру и вложили опять огромные деньги в ее ремонт. Ответственный за эту глупость и за разбазаривание сотен тысяч долларов получил повышение и был назначен дипломатом в США на должность, равную по рангу должности посла.

Вследствие увеличения числа выезжающих в Израиль было необходимо провести изменения в здании посольства, что позволило бы эффективно и быстро обслуживать обращавшихся за визой. Заветной мечтой посла и Министерства иностранных дел Израиля было совсем выгнать «Натив» из здания посольства. Я предложил построить во дворе посольства здание из сборного алюминия, подобное которому я видел в посольстве Австралии. Такие здания строили и другие посольства. Я переговорил с австралийцами и выяснил все подробности, связанные со строительством подобных сооружений. Выяснилось, что финские компании выполняют эту работу быстро и недорого. Во время обсуждения в Министерстве финансов на мое предложение чиновники Минфина ответили своей коронной фразой: «Стройте из вашего текущего бюджета». Но наш небольшой бюджет был жестко распределен, не то что бюджет МИДа, который мог с легкостью найти в бюджете необходимую сумму. Но тут произошло чудо. Арик Шарон, бывший тогда министром, побывал с официальным визитом в Москве. Он посетил посольство и пришел в ужас от условий, в которых выдавались визы. Наши работники разъяснили ему, что необходимо построить специальное здание. Когда Шарон вернулся в Израиль, он надавил на правительство, и Минфин был вынужден выделить необходимый бюджет.

Я предложил добавить еще 50 000 долларов, около 20 % от выделенной суммы, и добавить еще один этаж, что намного улучшало бы нашу работу. На этот раз я наткнулся на сопротивление и Министерства иностранных дел, а не только Министерства финансов. Я в это время находился уже на учебе в Колледже национальной безопасности. В «Нативе» решили без моего ведома, что выбор подрядчика и все работы будут под ответственностью МИДа и его работников в посольстве в Москве. Те выбрали местного подрядчика, и в результате построенное здание стало настоящим позором, хотя условия работы немного улучшились. Через два года выяснилось, что строение абсолютно непригодно для эксплуатации – результат халатности строителей,

подрядчика и работников посольства и МИДа, и мы были вынуждены провести серьезный ремонт. На этот раз уже взяли западную компанию, заплатили ей в два раза большую сумму, чем в первый раз, и в здании стало не стыдно принимать людей.

Проблемы помещения были важными, но, конечно, не единственными. Когда я впервые приехал в Москву в качестве руководителя «Натива», оказалось, что как в повседневной работе, так и в решении жилищных проблем посольство активно пользуется услугами местной еврейской организации и компании, принадлежащей руководителю этой организации. Его фамилия была Ройтман. Я потребовал немедленно прекратить все контракты на съем жилья. Я настаивал, что все проблемы жилья необходимо решать с властями, а не с частными компаниями. И заявил, что мы будем работать только с государственной структурой, обеспечивающей дипломатов жильем. Мидовцы только рассмеялись и остались в квартирах, снятых у Ройтмана. Мы же переехали в квартиры УПДК. Это были квартиры советского типа, худшего качества, но намного более дешевые. Нам же, во-первых, было важно работать с властями, а во-вторых, эти квартиры были в районах, намного более близких к посольству. Я также прекратил порядок найма местных работников через подрядчиков или через еврейские организации. Вообще я предпочитал не нанимать местных евреев на работу, поскольку это было связано с неудобствами. Если выяснялось, что он не подходит, то как уволишь его – не выбрасывать же еврея на улицу. Если еврей работает в посольстве Израиля, службы безопасности могут надавить на него оказать содействие своей стране и завербовать его работать против Израиля. С неевреями нет таких проблем. Поскольку евреи были приняты на работу в мое отсутствие, часть из них продолжала работу у нас, но в основном мы полагались на работу неевреев, которые отлично выполняли свои обязанности.

Я отказался от всех услуг Ройтмана, кроме одной, – помощи в преподавании иврита. Ройтман принадлежал к еврейской молодежи, которая в начале восьмидесятых годов начала еврейскую деятельность, которая заключалась в основном именно в преподавании иврита. В конце восьмидесятых он создал и Организацию учителей иврита, которую и возглавлял. Объединенные организацией учителя проделали большую работу по распространению иврита на территории СССР еще при советской власти и продолжали работать на постсоветском пространстве после распада Союза. Их работа в тот период была очень важна.

Мы старались установить отношения с самыми разными

людьми и структурами, которые имели отношение к нашей деятельности. Многие из тех, с кем мы начали сотрудничать тогда, впоследствии продвинулись и занимали ключевые посты в самых разных организациях. И отношения с научными центрами по исследованию Израиля и Ближнего Востока первыми установили работники «Натива», и только потом появились работники МИДа, то есть те из них, кто в состоянии был вести диалог с местными научными работниками. Мы снабжали эти центры материалами из Израиля, организовали для некоторых из них рабочие поездки в страну. Для этих людей, изучавших Израиль по книгам, такая поездка была чем-то необыкновенным. Для нас же было важно приблизить их к Израилю, так как в Советском Союзе обучение дисциплинам, связанным с Ближним Востоком, было тенденциозным, то есть проарабским. Мы пытались найти тех, кто был готов и способен к более объективному подходу. Мы хотели поддержать произраильское направление в российской науке и обеспечить ученых инструментарием и информацией, позволяющими им видеть и израильскую позицию. Подводя итоги, можно сказать, что в определенной мере нам это удалось. Часть установленных тогда связей поддерживается и по сей день. Некоторые из этих людей продвинулись в академических сферах или на дипломатической службе, а были и такие, кто впоследствии работал в Израиле. Важнейшей целью нашей работы тогда было разъяснение местным государственным структурам проблемы выезда евреев в Израиль и связь между евреями и Израилем. Нам удалось прийти к тому, что все приняли, что во главе приоритетов государства Израиль находятся связи с евреями и их выезд в Израиль и все другие аспекты взаимоотношений между нашими странами зависят от этого. Хотя личное отношение многих израильских чиновников и дипломатов было совершенно противоположным, нам удалось создать мнение, что именно этот подход является определяющим в политике правительства Израиля.

40

Еще в начале восьмидесятых я попросил, чтобы мне приносили каждую статью, написанную Александром Бовиным. Из своих источников я знал, что Бовин очень близок к Андропову, и поэтому с особым вниманием относился к его публикациям, считая, что, возможно, в какой-то мере они близки к идеям Андропова, или отражают часть из них, или, по крайней мере, обсуждаются с Андроповым. Прибыв в Москву в 1988 году, я нашел Бовина и связался с ним. Я помню, как первый раз пришел к нему в редакцию газеты «Известия». Войдя в кабинет, я тут же заметил фотографию Андропова на стене. Это была единственная фотография в комнате, и я улыбнулся про себя, вспомнив свое указание по поводу его статей. Бовин начал разговор очень осторожно. В какой-то момент я перевел разговор на Андропова и его роль в государстве. Я уловил волнение на лице Бовина. Когда он заговорил об Андропове, его глаза повлажнели. С этого момента лед между нами был сломан, и со временем наши отношения переросли в дружбу и взаимное уважение. По его просьбе я привозил ему материалы об Израиле на русском языке. Когда я приходил к нему, он меня спрашивал полушутливо: «Ну, прочитал, что я написал? Я правильно понял написанное в твоих материалах?» Я разъяснял ему, что, на мой взгляд, он понял правильно, а что не очень. Не стоит это расценивать как то, что я использовал его или превращал в то, что на профессиональном языке называется «агент влияния». Бовин был одним из самых авторитетных и популярных журналистов в Советском Союзе, и, в той же мере, в которой он требовал восстановления дипломатических отношений с Израилем и их дальнейшего укрепления, он ратовал за установление дипломатических отношений с Южной Африкой и изменения в политике СССР по отношению к Японии. Израиль был частью его взглядов, взглядов русского интеллигента, который любит свою страну и с болью переживает ее трудности, пытаясь исправить сделанные в прошлом ошибки. И все это, по крайней мере в то время, не отказываясь от своих классических коммунистических взглядов. Любовь к родине, ее культуре и ее народу была у него на первом месте. Ни в коем случае, однако, не стоит представлять наши отношения как агентурное использование Бовина – это унижает интеллигентность А. Бовина и оскорбляет память этого человека, настоящего честного русского патриота, а таких в то время было немного. Арье Левин был прав, когда жаловался, что Бовин разговаривает со мной как с другом.

Я пригласил Бовина в Израиль, чтобы он поближе познакомился со страной. Как было принято, я сообщил о предстоящем визите в Министерство иностранных дел и предложил, что, если они хотят использовать приезд Бовина для встреч с ним, мы можем найти общий язык. Мы договорились, что часть времени за визит Бовина будет отвечать МИД, который организует его встречи с теми, с кем посчитает нужным, а другую часть времени – «Натив». Мы организуем ему те встречи, которые нам кажутся желательными, и покажем то, что считаем важным и интересным. Бовин прибыл в Израиль в 1991 году, и я приехал встретить его в аэропорт. В соответствии с протоколом в аэропорту его встречал глава советской дипломатической миссии Чистяков. Когда он увидел Бовина, входящего вместе со мной в зал ожидания, его лицо перекосилось от злости и возмущения. С садистской улыбкой я поприветствовал его. Мы оба помнили нашу московскую стычку, и он знал, что, несмотря на все его усилия, я провел переговоры с «Аэрофлотом». Я понимал, как он расстроился, увидев нас с Бовиным вместе. Он с трудом сдерживался, вынужденный демонстрировать уважение к Бовину, важной советской персоне, прибывшей в Израиль. Потом мы долго смеялись с Бовиным, говоря о тяжелейших условиях работы и страданиях Чистякова, вынужденного общаться с такими типами, как мы, да еще соблюдая вежливость и демонстрируя уважение.

Вопреки рекомендации Чистякова и практике, принятой в Советском Союзе, Бовин захотел посетить «оккупированные территории», и работники нашего МИДа попросили меня провести этот визит. Они вдруг забыли, что это не входит в компетенцию «Натива», а исключительно сфера международных отношений. Мне сказали попросту: «Мы не знаем, как это организовать. У тебя наверняка есть связи и знакомые в поселениях». Они не ошиблись, и я с удовольствием согласился. Я заранее назначил встречи и повез Бовина на своей машине. Мы начали поездку с Ариэля, где нас ждал мэр города Рон Нахман, один из самых энергичных и успешных градоначальников в Израиле. В Ариэле проживало много новоприбывших из Советского Союза, многие узнали Бовина, сразу собралась толпа. Бовин был ошеломлен тем теплом и уважением, с которым окружающие отнеслись к нему. Я спросил его, хочет ли он посмотреть поселения в глубине Самарии, может быть, Алон Море возле Шхема. Бовин с радостью согласился. Мы ехали как обычные гражданские лица, без оружия, по крайней мере, так считал тогда Бовин. На самом деле я был вооружен, но Бовин этого не знал и не мог заметить. Мы спокойно проехали через все

блокпосты. Я показывал солдатам свое удостоверение работника канцелярии премьер-министра, и они нас пропускали без всяких проблем.

Мы доехали до Шхема, оттуда в Маале Адумим и в Гуш Эцион. За один день я провел с ним экскурсию по большинству «территорий». Гражданский автомобиль с израильскими номерами проехал по Иудее и Самарии, и по центральным городам этих территорий, и все без каких-либо проблем. По дороге он спросил меня, как же так, мы едем и едем без оружия, вокруг все тихо, а где же интифада. Я ответил ему, что, если он хочет, я выйду из машины, скажу ребятишкам, что тут есть журналист, дам им по пятьдесят шекелей, они начнут кидать камни, и будет интифада. Позже Бовин рассказал мне, что он встретился в Восточном Иерусалиме с кем-то из палестинцев. Когда они стали с ним говорить об интифаде, Бовин рассмеялся и сказал, что проехал по Иудее и Самарии и что вся их интифада – это блеф за пятьдесят шекелей. Он видел это своими глазами, и пусть ему не рассказывают об этом надувательстве. Я не хотел вводить Бовина в заблуждение, просто это был один из странных парадоксов, которые иногда случаются. Через некоторое время пребывания в стране он понял ситуацию более глубоко, как и то, что по одной случайной поездке нельзя судить о стране, особенно об Израиле, где все так сложно и запутанно.

Министерство иностранных дел поселило Бовина в одной из гостиниц Тель-Авива. Когда я пришел к Бовину, он спросил меня, неужели в министерстве не могли найти для него другую гостиницу. Это была дешевая гостиница, которой пользовались в основном туристы, молодежь и представительницы древнейшей профессии. Мне было просто стыдно. Бовин рассказал мне, что несколько «девушек», которые были родом из Советского Союза, узнали его в гостинице и подошли поприветствовать. Это было и для него, и даже для «девушек» довольно позорное зрелище, которое свидетельствует о некомпетентности и безразличии и отсутствии минимальных понимания и чуткости чиновников МИДа. Запихнуть такого человека, настолько влиятельного и во многом определяющего общественное мнение в одном из важнейших для Израиля государств, в такую гостиницу – это значило создать потенциальную проблему и навсегда испортить отношения. Я пообещал Бовину, что, как только ответственность за его визит перейдет в наши руки, он переедет в гостиницу, соответствующую его уровню. Она находилась всего в двадцати метрах от этой и была только на десять долларов дороже.

Когда визит Бовина подошел к концу, он попросил меня, если возможно, продлить его пребывание в стране еще на несколько

дней. Борис Панкин, новый министр иностранных дел Советского Союза, должен был приехать в Израиль с официальным визитом. Это был первый визит советского министра иностранных дел в Израиль. Бовину, и как журналисту, и как человеку, приложившему немалые усилия для улучшения отношений между нашими странами, было важно быть в Израиле в это время. Я сообщил в МИД, что Бовин останется еще на несколько дней в связи с визитом Б. Панкина. Ни Бовин, ни я не предполагали, что за этим последует. Во время одной из своих бесед с журналистами в Израиле Панкин вдруг заметил Бовина и подозвал его. Когда Бовин подошел к нему, Панкин заявил: «Мы ищем кандидатуру для посла Советского Союза в Израиле. Теперь я знаю, кто должен быть послом». Бовин хотя и рассказал мне тут же об этом, но не придал этим словам большого значения. Вскоре после возвращения в Москву его вызвали в Министерство иностранных дел и сообщили, что президент СССР М. Горбачев решил назначить его послом Советского Союза в Израиле. Бовин тут же принял это назначение. Он был последним послом Советского Союза и первым послом России, который вручал верительные грамоты. В том, что именно А. Бовин был этим последним и первым послом, проявлялся определенный символ происшедшего в России и в ее внешней политике.

Я был очень растроган, когда в один прекрасный день в 11 часов ночи у меня дома раздался телефонный звонок и я услышал взволнованный голос Александра Бовина: «Яша, пять минут назад я, уже послом, приехал на машине из Каира в гостиницу «Хилтон» в Тель-Авиве. Прошу тебя, приезжай ко мне. Ты первый, кому я звоню в Израиле». Это назначение не было для меня новостью – Бовин лично рассказал мне об этом. Я тут же приехал к нему, мы открыли бутылку в честь такого события и проговорили вдвоем полночи. С волнением Бовин рассказывал мне о том, что он видел в Каире, о том, как он видит свою будущую деятельность, и об отношениях между нашими странами. Позже он не раз подшучивал, что его назначение – это задумка сионистов и что я «вырастил его и сделал из него посла». Наши отношения продолжались и во время его работы в Израиле, и после его возвращения в Россию. Я много узнал от него и о России, и о механизмах власти России, и о его работе, в том числе с Брежневым и с Андроповым. А. Бовин был культурным человеком, гордился русским народом, любил свою страну, умел получать удовольствие от жизни и любил людей. Он был настоящим другом Израиля и много сделал для улучшения взаимопонимания и сближения между нашими странами. Его смерть меня очень опечалила.

41

Процесс создания инфраструктуры «Натива» на постсоветском пространстве продолжался два-три года. По его окончании наши представители начали постоянно действовать более чем в четырехстах городах бывшего СССР. Иногда для содействия в этом нам приходилось прибегать к помощи самых высокопоставленных государственных лиц Израиля, в том числе главы правительства и министра иностранных дел. Наши действия обычно получали поддержку и Ицхака Рабина, и Шимона Переса.

С момента назначения Ицхака Рабина премьер-министром на него началось давление, как со стороны Рабочей партии, так и со стороны Еврейского Агентства, руководство которого было в руках той же партии, а задача – ограничить деятельность «Натива». Были те, кто выступал лично против меня: как может этот человек, сторонник правого лагеря, назначенный Ицхаком Шамиром, продолжать руководить «Нативом». Во время одной из наших первых рабочих встреч Ицхак Рабин сказал мне: «Не обращай внимания на то, что пишут в газетах, и на высказывания партийных чиновников в прессе против тебя. Я не дам тебя в обиду. Не волнуйся».

На первых же совещаниях я обратил внимание Рабина на наши разногласия и споры с Еврейским Агентством и предложил создать группу, которая проверит и определит функции «Натива» в соответствии с потребностями и интересами государства Израиль. Я сказал, что предыдущая комиссия, комиссия Декеля, провела определенную проверку, но ее решения, благоприятные для «Натива», так и не были реализованы, поскольку все, и в первую очередь Еврейское Агентство, пренебрегли ими. Вскоре после этого Ицхак Рабин поручил генерал-майору запаса, бывшему командующему Северным фронтом во время войны Судного дня и бывшему директору Моссада, Ицхаку Хофи (Хаке), проверить деятельность «Натива» и структур Израиля в бывшем Советском Союзе и предоставить ему соответствующие рекомендации.

Комиссия Хофи провела основательную и серьезную работу, глубоко вникая в проблемы. На первых встречах Хофи сказал мне: «Я столкнулся в «Нативе» с тем же положением, которое было в Моссаде, когда я пришел туда, и мне придется предложить ввести порядки, которых не было раньше». Вне всякой связи с комиссией, сразу же после назначения меня главой «Натива», по нашей собственной инициативе, мы начали приводить в порядок

процедуры принятия решений и создавать рабочие инструкции, которых не было раньше. Они содержали четкие указания и упорядоченные приказы, как для текущей работы, так и для операций, подробные планы работы и протоколы проводившихся совещаний и разбора операций. До этого мне удалось только частично внести изменения в работу организации, и с годами я внес изменения только в то, что находилось непосредственно под моим началом. Введение части задуманных изменений мы вынуждены были отложить до нового определения функций организации и сферы ее ответственности.

Комиссия Хофи работала довольно долго. Хофи сказал мне, что до официального предоставления отчета премьеру он хочет посоветоваться с Ицхаком Рабином, потому что заключения должны в принципе соответствовать мнению главы правительства. Через несколько дней он сообщил мне, что Рабин принял предложенные им рекомендации и отчет может быть официально представлен. Но тут начались проблемы совершенно другого рода. Согласно рекомендациям Хофи, «Натив» должен был оставаться в подчинении главы правительства, как это и было раньше. Однако у Шимона Переса было другое мнение по этому поводу – он хотел видеть «Натив» в своем подчинении. Он считал себя, и в определенной степени не без оснований, одним из тех, кто разбирается в происходящем на постсоветском пространстве и в делах, связанных с выездом в Израиль. Перес действительно внес немалый вклад в дело выезда евреев в Израиль, особенно из Советского Союза. Но Перес был министром иностранных дел, а по логике рекомендаций Хофи, с которыми я был полностью согласен, «Натив» должен был подчиняться главе правительства. Проблемы, стоящие перед «Нативом», и их решения требовали интеграции между различными министерствами и учреждениями, а также оказывали влияние на политику государства, что могло быть только на уровне и в ведении премьер-министра. Дополнительным аргументом в пользу этого был тот факт, что, согласно политической системе Израиля, каждый министр представляет ту или иную партию, и подчинение «Натива» определенному министру автоматически идентифицировало бы «Натив» с определенным министром и его партией. И в положительном, и в отрицательном смысле. Как результат этого, все политические проблемы, которые есть у каждого министра, влияли бы на «Натив», на эффективность его деятельности и на выезд евреев в Израиль, что являлось высшим общенациональным интересом. Эти предпосылки подтвердились в двухтысячных годах, когда подчинение «Натива» Авигдору Либерману на той или другой его министерской должности привело к

отождествлению организации с ним и его политическими взглядами. В результате престижу организации и ее деятельности был нанесен серьезный ущерб.

Рекомендации Хофи вызвали определенное напряжение между Ицхаком Рабином и Шимоном Пересом. Перес даже упрекнул меня, что я не хочу находиться под его началом. Я ответил, что это не личные интересы и я действительно ценю его способности и его вклад в дело репатриации евреев. И подчеркнул, что сегодня – он министр иностранных дел, а если завтра его сменит кто-то другой, что тогда будет с «Нативом» и с выездом евреев из бывшего Советского Союза в Израиль. Я сказал ему: «А если завтра министром иностранных дел станет Давид Леви? Ты представляешь, что произойдет с «Нативом»?» Но, как всегда, Перес игнорировал любые аргументы, если ему они были не выгодны. Его болезненное самолюбие и самомнение не раз вредили ему и портили многие его хорошие и полезные начинания. Так и в этом случае Перес рассматривал подчинение «Натива» главе правительства как личное оскорбление. Из-за несогласия Переса Рабин тянул с созывом совместного совещания с министром иностранных дел, представителями спецслужб и Еврейского Агентства для формального одобрения рекомендаций.

Одним из самых важных решений Комиссии было определение «Натива» как исполнительного органа правительства Израиля в осуществлении политики государства в отношении евреев постсоветского пространства. Правда, такова и была ситуация де-факто все годы, но в первый раз это было определено официально. Были определены и другие функции, как, например, то, что «Натив» должен был отвечать за анализ ситуации с еврейским населением на постсоветском пространстве и за предупреждение правительства Израиля о существующих или потенциальных угрозах евреям бывшего СССР. Многие структуры, в том числе и Еврейское Агентство, были недовольны результатами совещания, но вынуждены были смириться с ними. Принятые решения и рекомендации были засекречены и, соответственно, не опубликованы. Как всегда, Еврейское Агентство распространило ложные сведения о результатах решений, пользуясь этим. Агентство пыталось утверждать, что ответственность за работу с евреями постсоветского пространства полностью возложена на Еврейское Агентство, а не на правительство Израиля и его органы. «Натив» не пытался манипулировать средствами информации, ничего не опровергая, никого не обвиняя и не сливая журналистам никакой информации. Мы произвели реорганизацию в «Нативе» в

соответствии с рекомендациями Хофи, определив процедуры, оперативные инструкции и порядок работы. Организация была приведена в полное соответствие с теми целями и задачами, которые были перед ней поставлены как в открытых, так и в засекреченных сферах своей деятельности.

До того как я начал непосредственно работать с Ицхаком Рабином, я не был хорошо знаком с ним как с человеком. Я слышал о нем, видел его, пару раз мы пересекались с ним, как, например, в случае с самолетом с Кавказа, захваченным бандитами. Мы тогда перекинулись несколькими словами, и не более того. У меня сложилось мнение, в основном на базе публикаций периода борьбы между Рабином и Шимоном Пересом за руководство Рабочей партией, что он человек сухой, холодный и черствый. Я был удивлен, обнаружив в нем человека очень чувствительного и внимательного к людям, теплого и стеснительного. Рабин был человеком серьезным, глубоким и думающим, постоянно терзающимся сомнениями в правильности принимаемых им решений. Это не мешало его способности принимать решения, а, наоборот, лишь побуждало всесторонне и глубоко взвешивать проблемы еще и еще раз, выслушивая другие мнения и рассматривая проблему со всех сторон. Не хочу сказать, что Рабин был застрахован от принятия ошибочных или неверных решений, от этого никто не застрахован. Но, решая проблему, Рабин рассматривал ее исключительно с точки зрения дела, прилагая к этому все свои усилия и стараясь, насколько возможно, не поддаваться влияниям посторонних интересов. Познакомившись поближе с Ицхаком Рабином, с тем теплом и вниманием, с которыми он относился к людям, я здорово обозлился на Шимона Переса. Ведь это приближенные Переса, накануне соперничества между ними за руководство Партией труда, постоянно распространяли слухи о Рабине как о человеке черством и презрительно относящемся к людям. Перес, как обычно, пытался отмежеваться от публикаций, утверждая, что не имеет о них представления. Почему-то Перес никогда ничего не знает, ни того, что делается для него и от его имени, и неприглядные, и подловатые вещи. Или в его честь, как, например, помпезные празднования его дня рождения. У меня и тогда не было сомнений, что за клеветой на Рабина стоит Перес, и это меня здорово злило.

Отношение Рабина к проблеме выезда евреев в Израиль было для меня очень приятной неожиданностью. Оказалось, что его отношение к этому вопросу было трогательным и теплым. Наши рабочие встречи продолжались около часа, иногда и больше и происходили примерно раз в месяц, если не было чего-то

срочного с его или моей стороны, что требовало немедленного обсуждения. Как правило, мы были только вдвоем, только в редких случаях при обсуждении какого-либо специфического вопроса присутствовал военный секретарь Рабина. «Натив» находился под полной ответственностью главы правительства, и ни один министр, ни даже генеральный директор канцелярии премьер-министра не осмеливались вмешиваться в наши отношения или пытаться встать между главой правительства и главой «Натива». Во время встречи мы обычно проходились по двадцати – тридцати пунктам, которые я посчитал нужным представить, кроме тех проблем, которые поднимал Ицхак Рабин. Речь идет о донесениях, отчетах, предложениях и разрешениях. В общем, текущие дела, в основном связанные с работой «Натива». Время от времени обсуждались другие проблемы, которые прямо или косвенно влияли на «Натив», или деятельность «Натива» влияла на них. Постоянным было предоставление оценки ситуации в России и в соседних государствах. Было заметно, что Рабин очень серьезно относится к нашим оценкам, ценит их и прислушивается к ним. Он обладал способностью все быстро схватывать и хорошо понимал то, что я ему докладывал. Кроме того, он запоминал подробности предыдущих обсуждений. Мне не раз приходилось слышать от него: «Во время нашей встречи два месяца назад ты утверждал то-то и то-то. Как это соотносится с тем, что ты говоришь сейчас? Нет ли тут противоречия? Объясни, пожалуйста». Если мне удавалось убедить Рабина, что он должен что-то сделать для деятельности «Натива», он всегда был готов выполнить все без промедления.

Иногда требовалось вмешательство высшего государственного руководства, чтобы предотвратить межгосударственные проблемы, возникающие в процессе работы среди еврейского населения на постсоветском пространстве или для содействия этой работе. Именно такой необходимостью был вызван первый визит министра иностранных дел Израиля на Украину. Еврейское Агентство начало функционировать в Советском Союзе в 1991 году, не только не согласовав свою деятельность с нами и ни с одной из государственных структур Израиля, но и не упорядочив свой официальный статус с властями государств бывшего СССР. Работники Агентства пользовались приглашениями частных лиц, тех или иных организаций или получали разрешения местных властей, с которыми было проще «договориться», чем с государственными властями. Такой «порядок работы» часто приводил к недоразумениям и конфликтам. На Украине возник серьезный конфликт с Еврейским Агентством, что поставило под угрозу всю

его деятельность на Украине. Реакция властей и Службы безопасности Украины была очень резкой. Министр иностранных дел Шимон Перес созвал срочное совещание, посвященное конфликту Агентства с украинскими властями. На этом совещании я предложил, чтобы Перес срочно вылетел с визитом на Украину для разрешения противоречий. Я всегда был сторонником прямых переговоров между Израилем и другими государствами по всем вопросам, связанным с еврейским населением этих стран. Никто, кроме меня, будь то руководители МИДа или Еврейского Агентства, не предлагали подобного решения. Все говорили о необходимости обращения к американским еврейским организациям, чтобы те обратились к украинским властям. Но Перес тут же на месте принял мое предложение, и, как результат, состоялся первый визит министра иностранных дел Израиля на Украину. В процессе визита проблема Еврейского Агентства на Украине была улажена. Правда, официальный статус не был достигнут, но, по крайней мере, прекратилось давление на Агентство со стороны властей и Службы безопасности. Украинские власти согласились не мешать работе Еврейского Агентства на Украине, пока этот вопрос не будет упорядочен.

Проблема официального статуса Еврейского Агентства была основной причиной затягивания подписания Соглашения между Министерствами образования Украины и Израиля. Еврейское Агентство требовало, чтобы оно было упомянуто в соглашении, а украинская сторона резко возражала, утверждая, что соглашение подписывается между государствами и сторонами являются только государственные учреждения, а Еврейское Агентство не является государственной организацией. Руководители Еврейского Агентства не соглашались, наш МИД пошел у них на поводу, и подписание соглашения было отложено на неопределенный срок. Украинские представители говорили нам прямо: «Еврейское Агентство – ваша проблема. Мы подписываем соглашение с государством Израиль. Мы видим в государстве Израиль сторону в соглашении, ответственную за его исполнение. Нам непонятно, зачем и для чего нужно в соглашении упоминать Еврейское Агентство».

Важнейшей вехой в становлении отношений между Израилем и Россией стал визит Шимона Переса в Россию, первый визит министра иностранных дел Израиля. Нас разместили в гостинице «Метрополь». Мы приехали поздно вечером, и я предложил Шимону Пересу прогуляться по ночной Красной площади, что является впечатляющим зрелищем. Ближе к полуночи вся делегация, сопровождаемая местной охраной, направилась на

Красную площадь, которая находилась на расстоянии несколько сот метров от гостиницы. Вид был действительно величественный и взволновал всех, особенно Шимона Переса, для которого это был первый визит в Москву. Подходя к Мавзолею, мы вдруг заметили Ури Геллера, приближающегося к нам. Он, конечно, сразу же узнал Переса, а мы, в свою очередь, узнали Геллера. «Скажи мне, – обратился Перес к нему, – правду говорят, что ты способен выполнять все эти странные трюки?» Ури Геллер улыбнулся и попросил, чтобы ему дали какой-либо ключ. Он положил его на ладонь, ключ вдруг начал нагреваться, а потом согнулся. Несколькими минутами раньше, до прихода Ури Геллера, Перес обратил внимание на бюсты за Мавзолеем. Он спросил, что это. Я объяснил ему, что там похоронены многие известные первые лица Советского Союза и среди них Сталин. Перес спросил меня, можно ли пройти туда. Я ответил, что ночью, как правило, нельзя, но я попытаюсь выяснить, что можно сделать. Я обратился к одному из работников российской охраны и спросил, как можно пройти к стене за Мавзолеем. Как я и ожидал, он ответил, что выяснит, но это будет стоить денег. Он связался с дежурным по кремлевской охране, и они договорились о сумме в пятьдесят долларов. Ури Геллер появился как раз в тот момент, когда мы собрались отправиться к могилам. И тут Шимон Перес повернулся к Ури Геллеру и сказал шутливо: «Ты с нами не идешь. Мы идем к могиле Сталина, а ты своими трюками еще, чего доброго, подымешь его из могилы. Ты остаешься здесь».

Мне кажется, никто не остался равнодушным, проходя мимо могил у Кремлевской стены, особенно мимо могилы Сталина. Я вспомнил, как в последний раз я стоял на этом месте. Я много раз бывал в Мавзолее, и в обязательном порядке со школой, и один, из любопытства. Видел тело Ленина одного, потом Сталина рядом с ним, а потом опять одного. За день, до того как я покинул Советский Союз, я пошел на Красную площадь, и мама пошла со мной, потому что не хотела отпускать меня одного. Когда я подошел к могиле Сталина, мама, вероятно, что-то почувствовала. Она схватила меня за руку и взмолилась: «Ты ничего не делаешь. Ты не плюешь на могилу. Ты не топчешь ее и ничего на нее не бросаешь. Я умоляю тебя. Ты покидаешь их навсегда». Я сдержался. Несколько минут я стоял в эйфории, глядя на лицо Сталина в камне и ощущая себя победителем. И вот теперь я стою с министром иностранных дел Израиля у могилы Сталина, не для того чтобы, упаси бог, почтить его память, а просто чтобы отметить наше присутствие здесь, в Москве, когда Советский Союз, Сталин и его режим уже перестали существовать.

В программе визита Переса в Москву было запланировано

посещение Израильского культурного центра. Давид Бартов, который отвечал за работу «Натива» на постсоветском пространстве, очень старался, и в Центре для встречи с министром иностранных дел Израиля собралось много евреев, в основном интеллигенция. Для Бартова встреча с Пересом в Москве тоже имела особое значение. Перес назначил Бартова на пост руководителя «Натива», и Бартов работал под его началом, когда Перес был главой правительства. Последнее перед посещением Центра мероприятие затянулось. Мы опаздывали, и я знал, что люди уже ждут нас более получаса. Когда вся процессия наконец двинулась, я обратил внимание, что мы едем не в ту сторону. И когда я увидел, что мы поворачиваем к выезду из города, я приказал своему шоферу, который работал в отделении «Натива» в Москве, объехать весь кортеж и догнать ведущую машину охраны. Нужно отметить, что в Москве правительственный кортеж несется с огромной скоростью по освобожденным от движения улицам и никто не осмеливается ни обогнать его, ни приблизиться к нему. Мы догнали ведущую машину, и я подал знак начальнику российской охраны остановиться. Он очень удивился, но, узнав меня, остановил всю процессию.

Я выскочил из машины, подошел к нему и спросил, куда мы едем. Начальник охраны сказал, что едем в лагерь Еврейского Агентства за городом. Я сказал ему, что в соответствии с программой мы должны ехать в Израильский культурный центр. Он ответил, что не знает об этом, и кто-то из израильтян сказал, что нужно ехать в лагерь Агентства. Я посмотрел назад и увидел, что посол выглядывает из своей машины. Разъяренный, я направился к его машине, и он тут же закрыл дверь и окно. Я подошел к российской охране и сказал, что теперь я приказываю: «Всем развернуться назад и ехать в Израильский культурный центр. И пока мероприятие в Центре не закончится, никто не тронется с места». Никто не осмелился перечить мне, и по связи российской охраны прозвучал отданный мной приказ. Мы тут же развернулись и с огромной скоростью помчались в Центр, а милиция в спешке останавливала движение по новому направлению. Очередной трюк Агентства не удался. Сорвать посещение министром иностранных дел Израиля Израильского культурного центра, который является частью посольства Израиля в России, только потому, что Центр относится к «Нативу», было чистейшей воды подлостью. Я с негодованием думал о том, что бы почувствовали люди, многие из которых ехали часами после работы со всех концов этого огромного города. Я всегда старался поставить себя на их место, чтобы понять, что они чувствуют.

Этот подлый и мелочный трюк отлично вписывался в образ действий Еврейского Агентства, к которым мы уже привыкли. Менее чем через десять минут после того, как я развернул процессию, мы вошли в Израильский культурный центр. Встреча продлилась более часа и, по-моему, никого не оставила равнодушным. После этого мы поехали в лагерь Еврейского агентства. Все воспитанники в лагере находились там постоянно, и не имело никакого значения, в какое время мы приедем.

Во время своего визита в Москву Перес встречался с еврейскими активистами, которые задали ему вопрос, зачем существует то, что они называли «Бюро по связям» («Натив»), и зачем – Еврейское Агентство. Перес ответил, как всегда, блестяще, четко и по существу. Лучшего ответа я никогда не слышал. Он сказал, что Еврейское Агентство представляет еврейский народ, а «Натив» – государство Израиль. Каждая из этих организаций стремится к общей цели в соответствии со своими полномочиями и сферой деятельности, пытаясь совместить интересы государства Израиль и еврейского народа.

С Израильским культурным центром у меня были связаны и личные воспоминания. Он находился в нескольких сотнях метров от родильного дома, в котором родились я и мой младший брат Шурик. И в километре от дома, где жила моя бабушка, где выросла моя мама, а потом жил и я. Каждый раз, когда я подъезжал к Центру, расположенному в прекрасном старинном особняке, у меня екало сердце. Я вернулся туда, где вырос, но не для того, чтобы жить здесь. Я вернулся как представитель Израиля для того, чтобы помочь таким же евреям, как я, выехать в свое еврейское государство.

Для того чтобы ускорить формирование инфраструктуры «Натива» на Украине и избежать всякого рода проблем, я решил воспользоваться помощью премьер-министра Израиля. Во время одной из своих поездок на Украину я встретился с начальником службы разведки и безопасности Украины. Мы оба были одного возраста, оба родились, выросли и воспитывались в одной стране. Наши пути почти пересекались – в 1967–1969 годах он был молодым офицером Пятого управления КГБ Украины, которое занималось национальными движениями в Советском Союзе, в том числе и еврейским движением, связанным и с моим прошлым. Мы прекрасно понимали друг друга, и между нами установились хорошие рабочие отношения. Во время одной из бесед у нас родилась идея организовать визит премьер-министра Израиля на Украину, чтобы упорядочить и укрепить отношения между двумя странами в политической и культурной сфере, а также помочь деятельности еврейских организаций на Украине.

Президент Кучма был заинтересован поднять престиж Украины, да и свой тоже, на международной арене и одобрил эту идею. Во всех государствах, образовавшихся на развалинах СССР, власти были убеждены, что отношения с Израилем помогут им укрепить отношения с Соединенными Штатами, в особенности с учетом предполагаемого влияния евреев США на политику американского правительства.

Я начал продвигать идею визита в Израиле. Через некоторое время, когда визит был уже утвержден обеими странами, я беседовал с начальником разведки Украины. Он мне сказал со смехом: «Я не знаю, чье Министерство иностранных дел больше противилось визиту твоего главы правительства, наше или твое. Ты не представляешь, как злились и проклинали тебя работники вашего МИДа в разговорах по телефону за то, что ты заставил их провести этот визит». Всем известно, что телефоны посольств прослушиваются, поэтому содержание телефонных разговоров наших посольских работников не было тайной для украинской Службы безопасности. МИД Украины, в свою очередь, тоже был против визита – отношение к Израилю ряда высших чиновников, которые работали в министерстве еще в советские времена, было, мягко говоря, прохладным.

Во время очередной рабочей встречи с Рабином среди прочего я рассказал, что у меня конфликт с нашим Министерством иностранных дел. Я заинтересован в визите премьер-министра Израиля на Украину, а МИД возражает. Глава правительства попросил, чтобы я обосновал свое предложение. Большая часть моих аргументов была связана с «Нативом» и необходимостью помощи в нашей работе с евреями Украины. На вопрос Рабина, почему МИД возражает, я ответил, что предпочитаю, чтобы он услышал об этом не от меня, чтобы потом меня не обвинили, что я искажаю позицию министерства. Рабин вызвал Эйтана Хабера, начальника канцелярии премьер-министра, и спросил, верно ли то, что я говорю о противодействии МИДа его визиту на Украину. Хабер подтвердил мои слова и по просьбе Рабина изложил ему позицию МИДа. Тут же, на месте Рабин решил, что визит состоится, и попросил Хабера сообщить об этом в Министерство иностранных дел и начать подготовку к визиту. Справедливости ради нужно сказать, что возражения против визита шли не от Шимона Переса, а от чиновничьего аппарата министерства. Разумеется, что решение Рабина о визите не добавило ни мне, ни «Нативу» популярности среди работников МИДа.

Визит прошел отлично и во многом укрепил отношения между нашими странами. Это облегчило работу не только

государственных структур, но и Еврейского Агентства. После беседы один на один с президентом Украины Рабин отозвал меня в сторону. Один из израильских журналистов, по-моему, Шимон Шифер, успел услышать только первые слова Рабина: «Яша, идем со мной, я расскажу тебе, что достигнуто. Я сказал президенту все, о чем ты меня просил. Скажи мне, все ли я сказал правильно и то ли это, что ты хотел?» После этого Шифер гонялся за мной, спрашивая: «Скажи мне, кто у кого работает? Впервые слышу, как глава правительства докладывает своему подчиненному о том, что сделал по его просьбе!»

Я улыбнулся про себя, думая, что у нас особенный глава правительства. Ицхак Рабин, который родился и воспитывался в Израиле, очень близко к сердцу принимал проблемы евреев, живущих в диаспоре, и всегда готов был помочь. Я помню, что на торжественное открытие Израильского культурного центра в Киеве Ицхаком Рабином я шел рядом с начальником разведки Украины. Сзади нас шел Шрага Крайн, который уже перешел в «Натив» и рядом с ним полковник СБУ. Полковник процедил сквозь зубы, обращаясь к Шраге: «Что вы думаете, мы не знаем, для чего вы открываете ваши центры, ваши школы? Все это для того, чтобы соблазнить наших евреев уехать к вам. Мы отлично понимаем весь смысл вашей подрывной деятельности». На Украине, и не только на Украине, отлично понимали, в чем заключается наша работа. Однако то, что евреи и их проблемы и связи с Израилем, и в том числе деятельность «Натива» в качестве исполнительного органа правительства Израиля, были определены как необходимая и важнейшая для Израиля составляющая отношений между странами, заставляло чиновников разного уровня смириться с нашей деятельностью и разрешить ее. Не помешало и то, что профессионалы службы безопасности, понимая, что то, что мы делаем, приведет в конце концов к увеличению выезда евреев в Израиль, возражали против нашей деятельности. И визит премьер-министра Израиля на Украину сослужил отличную службу в расширении возможностей нашей деятельности.

После визита на Украину мы вылетели в Россию. Еще в процессе подготовки визита Рабина в Россию мы провели несколько совместных совещаний с работниками Еврейского Агентства. Представителем Агентства на севере России был бригадный генерал в отставке, получивший орден за мужество в войне Судного дня. Я всегда считал, что героизм отнюдь не всегда является гарантией ума. В данном случае я получил еще одно тому подтверждение. На войне я с ним не встречался, но в России, работая посланником Еврейского Агентства, особого

восхищения этот представитель не вызывал. Во время обсуждения программы визита в Санкт-Петербурге он потребовал от Эйтана Хабера, начальника канцелярии премьер-министра, который отвечал за планирование визита, чтобы глава правительства не участвовал в торжественном открытии израильской школы в Санкт-Петербурге. На вопрос Хабера «почему» он на полном серьезе заявил, что, по его подсчетам, в процессе визита Ицхак Рабин посетит столько-то раз объекты, находящиеся в компетенции «Натива», и столько-то раз – находящиеся в компетенции Еврейского Агентства. И если глава правительства примет участие в открытии школы, то счет будет в пользу «Натива»! Меня это заявление не удивило. Этот же посланник отличался тем, что в районах, за которые отвечал, он требовал от местных еврейских организаций не поддерживать никаких отношений с представительством «Натива». В противном случае он угрожал лишить их финансирования. Настоящий рэкет.

В целом визит в Россию был очень удачным. Для нас самым успешным было участие И. Рабина в открытии израильской школы в Санкт-Петербурге, которое представитель Еврейского Агентства требовал отменить. Наша школа располагалась в здании гимназии имени великого князя Михаила, брата царя. Гимназия эта когда-то была одним из старейших и лучших учебных заведений Санкт-Петербурга.

Ицхак Рабин снял покрывало с мемориальной доски, на которой было написано, что школа работает в рамках совместного международного соглашения о сотрудничестве между Министерствами образования России и Израиля. Во время торжественной части в актовом зале было несколько волнующих моментов. Его жена Лея Рабин не выдержала и обратилась ко мне: «Что ты сделал с Ицхаком? Посмотри на него. Я никогда не видела его таким взволнованным!» Именно в этот момент на сцене выступал молодой еврейский парнишка, который, обращаясь к Ицхаку Рабину на прекрасном иврите, сказал, что он заканчивает школу и собирается приехать в Израиль. Его заветная мечта – пойти служить в израильскую армию, в воздушно-десантные войска. Рабин выглядел потрясенным и расчувствовался до слез.

За время пребывания по посту премьер-министра Рабин еще раз посетил Украину и Россию. На этот раз визит был посвящен в основном предотвращению сотрудничества этих государств с Ираном в сфере производства ядерного оружия и ракет. Вместе с тем, однако, Рабин встречался с местными евреями и побывал в отделениях Еврейского Агентства и «Натива». По дороге в Израиль в самолете Рабин спросил меня, почему я не работаю

так же, как в бывшем Советском Союзе, в других странах. Я ответил ему, что мы не работаем в странах Запада. На это Рабин заметил: «Все, что делает Еврейское Агентство, – это не серьезно, просто показуха. Необходимо делать то, что вы делаете. Я хочу, чтобы ты работал и на Западе твоими же методами». Я сказал, что если я получу от него указание, то выполню его. Но я прошу подобное указание согласовать с министром финансов. Рабин ответил, что указание мне дает, а с министром финансов все уладит сам, и попросил, чтобы я предоставил план работы «Натива» на Западе. Я подготовил для него предложения по экспериментальному проекту нашей работы в странах Запада. Речь шла об открытии школ и Израильских культурных центров в США и Германии. Предложение передал ему Миха Гольдман, в то время заместитель министра образования. В пятницу, 3 ноября, Миха позвонил мне и сказал, что он был у Ицхака Рабина. Рабин просмотрел предложенную ему программу и одобрил ее. Мы договорились, что в начале недели встретимся и обсудим пути ее реализации. На следующий день Ицхак Рабин был убит.

Вступив в должность руководителя «Натива», я ввел традицию раз в год отмечать День «Натива», как это принято в других подобных организациях. Речь шла о торжестве, на которое собирались все пенсионеры и ветераны «Натива», работники и представители организации за границей, и приглашенные гости, а также руководители других подобных структур. На торжество приглашали главу правительства. Я помню, как на одно из этих торжеств Рабин прибыл после семичасового полета, по-моему, из одной из арабских стран. Яков Пери, директор Службы безопасности, позвонил мне незадолго до начала мероприятия, извинился, что не может прийти, так как после перелета очень устал. А Ицхак Рабин, по-молодому, легким шагом, взлетел на трибуну и произнес великолепную речь, без всякой бумажки, не официальную, а трогательную, дружескую, от всего сердца. До сих пор все мы, бывшие там тогда, с волнением вспоминаем этот вечер. Единственное, о чем Рабин просил – это дать ему еще и еще кофе и беспрерывно курил, сигарета за сигаретой. После своей речи он извинился: «Яша, я не могу остаться. Не потому, что я не хочу, у меня есть еще дела в Иерусалиме. Я должен продолжать работать, меня не было слишком долго». Я проводил его до машины, и он уехал в Иерусалим.

Я всегда восхищался работоспособностью этого человека – в те годы ему было больше семидесяти, а он работал по двадцать часов в сутки, с огромным физическим напряжением, и при этом всегда был бодр и готов к новым начинаниям. Позже я сравнивал отношение Рабина к делам с отношением тех, кто пришел за ним.

Как разительно отличались от него наши последующие руководители! В них не было ни той человечности, ни той теплоты, ни той высочайшей степени ответственности и заинтересованности в отношении к государственным делам, которые были так присущи Рабину. Да и к «Нативу» они относились совершенно иначе.

Наша последняя встреча с Рабином произошла накануне Еврейского Нового года, в 1995 году. Он посещал все вверенные ему службы, поздравляя работников с наступающим праздником, и приехал к нам тоже. Мы все собрались на крыше нашего здания. Рабин сказал, что приехал на полчаса, потому что ему надо ехать дальше. В своем поздравлении он сказал то, чего мы не слышали ни от кого ни до этого, и, конечно же, после. «Вы делаете самое важное, после обеспечения безопасности, для государства Израиль дело, – сказал нам Ицхак Рабин. – И знайте, мы верим в вас и надеемся на вас». Нас очень тронули и ободрили его слова, уважение к нашей деятельности и ее высокая оценка.

Прошло полчаса, час, а Рабин просто не хотел уходить. Он ходил между нашими работниками, беседовал, расспрашивал. Его помощники и охрана уговаривали его идти. И я просил его: «Господин премьер-министр, вас ждут». А он взглянул на меня и сказал, смущенно улыбаясь: «Я знаю. Но мне так хорошо среди вас». В конце концов он нехотя ушел, как будто предчувствуя, что все это – в последний раз. Через месяц его убили. Вместе с ним убили то прекрасное, что было в государстве Израиль, которое я знал. Вместе с ним убили то человеческое, теплое и искреннее отношение, которое мы получали. Никогда больше ни мы, ни проблемы, которыми мы занимались, не вызывали такого искреннего интереса и не пользовались такой поддержкой у главы правительства.

42

В вечер покушения на И. Рабина я был дома. Я обычно не хожу на демонстрации, тем более политические. Вдруг в новостях сообщили о покушении на премьер-министра на площади Царей Израилевых и о том, что И. Рабин ранен и находится в больнице. Через некоторое время началась трансляция из самой больницы. И тут я увидел знакомое лицо Эйтана Хабера, слушал его слова и не мог поверить услышанному. Мне трудно смириться с этим и по сей день. Я был знаком с системой личной охраны премьер-министра и знал многих ребят из личной охраны, с которыми не раз встречался при различных обстоятельствах. Я не специалист по личной охране, но представлял себе ее основные принципы, так как не раз принимал участие в визитах на высшем уровне. Целый ряд вещей вызывал у меня недоумение, но я предпочитал не вмешиваться. И без этого у меня было достаточно трений и профессиональных споров со службами.

Но один случай врезался мне в память. В один из вечеров, летом 1995 года, Ицхак Рабин позвонил мне домой и сказал, что завтра в Иерусалиме пройдет вечер памяти сенатора Генри Джексона. Он просил меня подготовить несколько пунктов для своего выступления и приехать в Иерусалим. Я приехал в гостиницу, где должно было проходить мероприятие. Поскольку я приехал заранее, у меня было время, я покрутился в зале и возле него. И вдруг я заметил хорошо известного мне Авигдора Эскина. Я познакомился с ним, как с одним из первых активных молодых ребят из религиозного движения в Москве, в группе, организованной Эльяху Эсассом. Я слышал также о его политической деятельности после приезда в Израиль, которая отличалась крайним экстремизмом, иногда даже более крайним, чем у Меира Кахане. Я знал о провокационном порядке его действий и его принадлежности к самым крайним правым группам в Израиле. Я подошел к одному из ребят личной охраны Ицхака Рабина и, указав на Эскина, попросил обратить на него внимание. Меня очень удивило, что охранник даже не имел понятия, о ком я говорю. Другими словами, наиболее агрессивно настроенные против Рабина личности вообще не были известны охране премьер-министра. В нескольких словах я объяснил охраннику, кто такой Эскин, и попросил не спускать с него глаз и не давать приблизиться к премьер-министру. Охранник сказал, что все понял и что он этим займется. Зал постепенно заполнился, и Эскин уселся чуть в стороне, метрах в трех перед Рабином. Оказалось, что охранник не предпринял ничего. Он

ничего не сказал полицейским, стоящим вместе с другими работниками охраны премьера у входа в зал. Никто не обыскал Эскина, не заставил его сесть в конце зала, подальше от Ицхака Рабина. Никто из охраны премьер-министра не находился в постоянной близости к Эскину, чтобы обезопасить его в случае необходимости. Охранник стоял в двух метрах в стороне от Ицхака Рабина. Эскина и Ицхака Рабина разделяли всего около трех метров, и между ними не было никого из охраны. В середине выступления Ицхака Рабина Эскин вскочил и начал выкрикивать обвинения и оскорбления в адрес Рабина. Охранник напрягся и немного приблизился к Ицхаку Рабину. Через минуту полиция добралась до Эскина и вывела его из зала. А я думал про себя, что бы было, если бы Эскин не ограничился криками и оскорблениями?

Такова была тогда общая атмосфера и профессиональный уровень личной охраны премьер-министра Израиля. Услышав о покушении и увидев происходящее по телевизору, я не был удивлен. Мне было больно от того, как глупо и нелепо мы потеряли нашего премьер-министра, да еще какого премьер-министра. Мне было больно еще и потому, что я знал, как Рабин ценил и как он полагался на Службу безопасности. Они были хорошие ребята, но было что-то порочное в их профессиональном подходе, в их излишней самоуверенности, которые приводили к пренебрежению и беспечности. Выход, который нашла Служба безопасности после убийства Рабина для обеспечения охраны премьер-министра, – это больше перестраховка, чем попытка противостоять реальным угрозам.

Как-то раз я сказал Рабину, вернее, выразил предположение, что Служба безопасности иногда действует вопреки указаниям премьер-министра Израиля. Рабин удивился и попросил своего военного секретаря, Дани Ятома, провести проверку. Дани Ятом написал письмо начальнику Службы безопасности: «Во время рабочей встречи с директором «Натива» последний поднял такие-то вопросы. Что вы можете сказать по этому поводу?» Получив копию письма, я понял, что практически все потеряно. Служба безопасности сама не признается в том, что они нарушают указания премьер-министра. Тут же со мной связались ребята из Службы безопасности и попросили, чтобы я объяснил, что я имел в виду и какие примеры нарушений у меня есть. Хотя у меня были факты, я ответил, что это были только мои предположения. Просто в некоторых своих операциях сотрудники Службы безопасности оставили слишком много следов, по которым я быстро вычислил, что, как, с кем и для чего они делали. Но я уже понял, что не с кем говорить. Я не буду раскрывать людей, и если

таковы правила и все готовы закрывать глаза, то я не собираюсь в данный момент воевать с этим.

Незадолго до покушения на Ицхака Рабина начальник Управления охраны Службы безопасности Израиля посетил Москву после визита на Украину. Мы встретились за ужином у общего знакомого. Он обратился ко мне с просьбой: он слышал, что у меня хорошие отношения с украинскими разведслужбами, и спросил, готов ли я ему помочь решить одну проблему на Украине. Я ответил, что, конечно же, попытаюсь помочь, и спросил, в чем проблема. Оказалось, что украинская служба безопасности конфисковала пистолет одного из израильских охранников, которого прислали в Киев на два месяца для охраны израильского посольства. Наша Служба безопасности надеялась, что я смогу вернуть конфискованный пистолет. Я как раз ехал на Украину. В Киеве во время встречи с начальником разведслужб Украины я рассказал об этом случае. Вот что он мне сообщил: как и во многих посольствах Израиля, в посольство Израиля в Киеве прислали на два месяца охранника для охраны посольства по ночам. Это было напряженное время на постсоветском пространстве, время войн и вооруженных конфликтов, бушевавших вокруг границ Украины. Шла война в Чечне, происходили бесконечные вооруженные столкновения на Кавказе и в Средней Азии, шла война между армянами и азербайджанцами. Начали возвращаться в Крым крымские татары, некоторые из которых попали под влияние исламских радикалов. Украина опасалась проникновения экстремистских элементов разного толка, и это было серьезной проблемой для Службы безопасности Украины. Но Управление охраны Службы безопасности Израиля ни о чем этом не имело понятия. И в Киев послали смуглого парня, выходца из семьи евреев Востока, восточной наружности, не понимающего по-русски и к тому же недостаточно грамотно проинструктированного.

Он был энергичный парнишка, и ранним утром, как он привык в Израиле, для поддержания спортивной формы он выбежал из посольства на утреннюю пробежку. Он был в одном тренировочном костюме. Продолжение истории я услышал от двух офицеров Службы безопасности Украины, которые и были замешаны в конфликте. Два офицера Службы безопасности Украины, в штатском, совершали патрульный обход в одном из районов Киева. Вдруг они заметили молодого человека восточной внешности, бегущего по улице. В то время, ранним утром, никто обычно не бегал по этим районам Киева. Офицеры приблизились к нему и попросили документы. Парень не говорил по-русски и сказал что-то по-английски с ивритским акцентом. Выглядел он в

их глазах довольно подозрительно, и украинские офицеры начали говорить с ним более резко. И вдруг израильский парнишка выхватил пистолет. Украинцы моментально обезоружили и скрутили его. По их собственным словам, они до сих пор не понимают, почему они не застрелили его. Они были уверены, что задержали террориста с Кавказа. Только при допросе выяснилось, кто он. Украинцы не могли понять, почему вооруженных охранников не готовят и не инструктируют как следует перед отправкой в другую страну. Это могло стоить человеческой жизни и обострить отношения между странами. Я попросил украинцев вернуть пистолет, и в конце концов они так и сделали.

43

Отношения между Еврейским Агентством и «Нативом», и без того натянутые с 80-х годов, резко обострились в 90-х по вопросам, связанным с деятельностью среди евреев СССР. Деятельность Еврейского Агентства в Советском Союзе начала усиливаться с приходом туда Баруха Гура, в прошлом работника «Бара», подразделения «Натива», которое действовало на Западе. В 80-х годах он был одним из наших представителей в США, но из-за возникших с ним проблем его вернули в Израиль. В «Нативе» не захотели, чтобы он продолжал работу в самой организации, из-за некоторых особенностей его характера и поведения и направили работать директором Общественного совета в защиту евреев СССР. Это была общественная организация, созданная в свое время Нехемией Леваноном, тогдашним руководителем «Натива», для того, чтобы контролировать и направлять общественную деятельность в поддержку евреев СССР. Хотя это была общественная организация, финансируемая также из частных пожертвований, все управление ею было сосредоточено в подразделении «Бар» в «Нативе». Барух Гур продолжал получать зарплату от «Натива», хотя почти не принимал участие в работе организации. Когда Давид Бартов стал во главе «Натива», он сжалился над Гуром и отправил его нашим представителем в Великобританию. Однако из-за возникших с ним проблем его вынуждены были вернуть в Израиль. Как раз тогда Симха Диниц, председатель правления Еврейского Агентства, попросил у Бартова порекомендовать ему кого-либо для работы с евреями СССР. Желая избавиться от Баруха Гура, Давид Бартов рекомендовал его. Тот факт, что Барух Гур был дальним родственником Менделя Каплана, тогдашнего председателя Совета попечителей Еврейского Агентства, тоже «не повредил». У меня с Гуром, с которым мы были примерно одного возраста, были нормальные рабочие отношения, хотя иногда бывали и споры, как это обычно бывает между сослуживцами.

Как-то, уже в новой должности, Барух пришел ко мне и сказал, что хочет познакомиться с подготовленным мной планом нашей работы в Советском Союзе. В моих глазах эта просьба выглядела совершенно естественной. Барух формально продолжал считаться нашим работником, «одолженным» Еврейскому Агентству. Кроме того, я не видел ничего предосудительного в том, что работник Агентства будет иметь представление о нашей деятельности в Советском Союзе. В течение трех часов я излагал ему принципы и планы нашей

работы на постсоветском пространстве. А через некоторое время Симха Диниц и Барух Гур представили на Совете попечителей и руководства Еврейского Агентства перед наивными американцами план деятельности Агентства среди евреев бывшего СССР, который был копией программы работы «Натива». Они с пафосом говорили о необходимости работы среди евреев Советского Союза и просили утвердить их план и его финансирование. Они, конечно же, «забыли» упомянуть, что эта работа уже выполняется государством Израиль. Ведь Еврейское Агентство не подчиняется правительству Израиля. Я еще помню истерический крик Симхи Диница в одном из споров со мной: «Я не чиновник правительства Израиля. У меня своя политика. Я не обязан проводить политику израильского правительства!»

Опять начался поток обвинений Агентства, подметных статей и лжи в адрес «Натива» в средствах информации. Мы никогда не вмешивались в работу Еврейского Агентства и не жаловались на них. Я требовал только одного – координации, чтобы предотвратить ошибки или действия, которые могли бы причинить ущерб Израилю или местным евреям из-за непрофессионализма или безалаберности работников Агентства. Но руководство Еврейского Агентства хотело действовать в Советском Союзе вместо «Натива» и вместо государства Израиль. Так этот монстр, давно переживший свое время, поднялся против своих создателей.

Вскоре после моего вступления в должность руководителя «Натива» я установил хорошие отношения с послом Германии в Израиле Отто фон Гобленцем. Профессионал высочайшей квалификации, он происходил из семьи потомственных немецких дипломатов – его предки служили Германии на этом поприще еще в XIX веке. Наши отношения продолжались и после того, как он покинул Израиль и был направлен послом Германии в Москву. В беседах с ним меня интересовало, что и как происходит с иммиграцией этнических немцев и евреев в Германию. Встречи с ним помогли мне намного лучше понять отношение к еврейской иммиграции в Германии, ее причины и характер. У тогдашнего канцлера Германии Гельмута Коля была идефикс – восстановить еврейское население Германии, доведя его до 600 000 человек – примерно столько евреев проживало в Германии до прихода нацистов к власти. Большинство в руководстве Германии не разделяли его идею, но никто не решился возражать или спорить с ним, особенно учитывая болезненность этого вопроса.

Евреи получали право на въезд в Германию и статус иммигрантов в обход всех немецких законов и иммиграционных правил. Им нужно было просто доказать свою связь с еврейским

народом. Немцы принимали даже документы, выданные в синагогах постсоветского пространства. Так как желающих уехать в Германию, в том числе и неевреев, было немало, появился огромный рынок, где можно было за умеренную плату приобрести настоящие или фальшивые документы о принадлежности к еврейскому народу. В отношении Германии к иммиграции евреев было много лицемерия. Официальная позиция гласила, что из-за Катастрофы евреям полагаются привилегии в вопросах въезда в страну на постоянное место жительства. Но во время Второй мировой войны нацисты уничтожили не только миллионы евреев, но и половину цыган Европы. Однако в то время, когда власти Германии принимали тысячи евреев, они не впускали в страну, а в случае проникновения депортировали тысячи цыган. И только в двухтысячных годах условия иммиграции евреев в Германию были приравнены к условиям иммиграции других народов из других стран. Это изменение было обусловлено внутренними немецкими интересами, а не в результате вмешательства израильских или еврейских кругов.

По профессиональным причинам меня также интересовала иммиграция этнических немцев. В Германии, в рамках Министерства внутренних дел, тоже существовала служба, занимавшаяся этническими немцами Восточной Европы и Советского Союза.

В одной из наших бесед Отто фон Гобленц рассказал мне о своей недавней встрече с председателем Правления Еврейского Агентства Симхой Диницем. По его словам, Симха Диниц сказал ему, что Еврейское Агентство стоит во главе программы по спасению евреев Советского Союза в случае опасности и возможно, что Еврейское Агентство обратится к Германии с просьбой помочь вывезти евреев из опасных районов на немецких самолетах. Посол хотел знать, какова моя реакция на это. Я был потрясен безответственностью Симхи Диница. Его страсть к бахвальству была известна всем, но тут он просто нарушил закон. Государство Израиль готовилось и к ситуации, угрожающей евреям на постсоветском пространстве, и Еврейскому Агентству была отведена определенная роль в разработанных планах. Но все эти планы были разработаны и находились под ответственностью государства, а не Еврейского Агентства. Еще более серьезно то, что программа была совершенно секретна. Страсть к бахвальству могла привести к раскрытию иностранному дипломату одного из важных государственных секретов! По существу же вопроса, не было никакой необходимости воспользоваться самолетами иностранных государств, и тем более Германии.

Неоднократно нам приходилось оказывать помощь еврейскому населению в районах опасности из-за конфликтов, возникавших то тут, то там на постсоветском пространстве. Время от времени мы привлекали к этим операциям Еврейское Агентство в основном для логистики и оплаты перелетов репатриантов. Если же их участие не было необходимым, мы обходились без них. Мы никогда не придавали гласности эти операции и пресекали любые попытки публикаций о них. Еврейское Агентство обычно с огромной помпой освещало в прессе случаи, когда их работники принимали участие в подобных операциях, подчеркивая, что Еврейское Агентство спасает евреев. Кроме личной рекламы руководителям Еврейского Агентства, которая была для них необходимой составляющей, эти публикации содействовали кампании по сбору пожертвований в пользу Агентства, что в сущности и превратилось в основную цель деятельности этой организации.

Мне хорошо запомнился один случай во время грузино-абхазской войны. Я дал указание группе сотрудников «Натива» срочно выехать в район военных действий в Сухуми и подготовиться к возможной эвакуации еврейского населения. Сухуми находился в эпицентре боев между вооруженными силами Грузии и Абхазии и переходил из рук в руки. Мы сообщили об этом Еврейскому Агентству, предупредив, что, возможно, потребуется вывезти евреев в Израиль. Ответом нам было презрительное замечание о том, что мы просто зря поднимаем шум. Но, узнав, что наши люди вылетают на место, они попросили взять двух своих работников. Наши люди договорились с грузинскими военными о том, что вылетят на место боев на грузинском военном самолете. Они взяли с собой и двух работников Агентства. Наши работники при помощи местных еврейских активистов оперативно организовали эвакуацию еврейского населения с территорий по обе линии фронта, предварительно договорившись об этом с воюющими сторонами. Тем временем было объявлено перемирие для переговоров между президентом Грузии Э. Шеварднадзе и представителем России, который также представлял абхазскую сторону.

Я предполагал, что в случае провала переговоров военные действия могут немедленно возобновиться, и потребовал начать немедленную эвакуацию еврейского населения, до окончания переговоров. Работники Еврейского Агентства, которые сначала утверждали, что мы зря сеем панику, заявили, что по финансовым соображениям им выгоднее отложить вылет с выезжающими в Израиль на несколько дней, до более удобной для Агентства

даты. Тогда я дал указание срочно зафрахтовать самолет за наш счет и вывезти на нем евреев Сухуми в Израиль. Через несколько часов самолет вылетел в Сухуми. В Еврейском Агентстве началась паника, и немедленно было собрано срочное совещание руководства для решения одного-единственного вопроса: как предотвратить пропагандистский успех «Натива». Еврейское Агентство потребовало от нас, чтобы самолет из Сухуми вылетел в Тбилиси, а из Тбилиси они вывезут репатриантов другим самолетом в Израиль. Мы приняли их предложение, нам было важно немедленно эвакуировать людей из района опасности. В конце концов Еврейское Агентство заплатило двойную сумму, оплатив оба полета. К посадке самолета в Израиле Симха Диниц, а с ним и представители руководства Еврейского Агентства собрались на посадочной полосе аэропорта. Диниц торжественно сообщил заранее собранным журналистам о героически проведенной Агентством операции по спасению евреев Сухуми. А его приближенные «слили» журналистом информацию о том, что Агентству удалось успешно провести эвакуацию, несмотря на то что «Натив» всячески мешал проведению операции, хотя на сей счет существовало решение правительства. Они также заявили, что за вывоз евреев из районов конфликтов отвечает Еврейское Агентство. Из самолета вышли наши сотрудники и отошли со мной в сторону для доклада о ходе операции, ее результатах и положении в Абхазии. Двое работников Еврейского Агентства, которые были вместе с ними, подошли ко мне и с восхищением начали рассказывать мне о наших работниках, утверждая, что те сделали невероятное и невозможно понять, как им удалось провести эту операцию в тех условиях, которые были в Сухуми. Я поблагодарил за добрые слова, и мы уехали из аэропорта, не обращая внимания ни на пресс-конференцию, ни на председателя Еврейского Агентства.

Как уже было замечено, Еврейское Агентство начало свою деятельность, используя разрешения, полученные «неформальными» путями у местных чиновников в неразберихе, которая царила тогда во всех органах власти. У «Натива» же был официальный статус, так как «Натив» функционировал, причем не только на постсоветском пространстве, но и в других странах, в рамках международных соглашений как составная часть посольства Израиля. В конце концов Еврейское Агентство нашло выход для упорядочения своего статуса в России, правда, на мой взгляд, довольно проблематичный. Еврейское Агентство зарегистрировалось как местная еврейская организация, а несколько местных евреев, граждан России, зарегистрировались как руководители этой организации, своего рода «Еврейское

Агентство России». В том же статусе Агентство работает и до сегодняшнего дня, то есть как российская местная организация, попадающая под действие российской юрисдикции, в том числе и в вопросах налогообложения и заграничного финансирования. Я не уверен, что в Еврейском Агентстве хорошо понимали все последствия такого решения. При малейшем изменении в политике российских властей Агентство может оказаться под серьезным ударом, причем на совершенно законных основаниях. И, что особенно важно, это тут же отразится на евреях, которые работают с Еврейским Агентством. Израильские власти тоже не хотели понимать, что и Агентство, и евреи России могут заплатить огромную цену за безответственные действия Еврейского Агентства. Тот, кто знаком с советской историей, знает это.

В свое время я предложил осуществить визит министра иностранных дел Израиля на Украину, чтобы предотвратить закрытие там Еврейского Агентства. Но и после этого на Украине, как и в других государствах бывшего СССР, мне не раз приходилось слышать жалобы от руководителей местных служб безопасности, с которыми у нас были хорошие отношения, о противозаконной деятельности некоторых работников Агентства на территории их стран. Иногда шла речь о финансовых нарушениях, иногда о нарушениях закона о провозе и переводах иностранной валюты, иногда о неумелых и грубых попытках подкупа местных чиновников. Были и совершенно невинные, возникающие из-за незнания местных условий попытки приблизиться к закрытым секретным объектам. Обычно мне удавалось, не предавая проблему огласке, без лишнего шума уладить проблемы Агентства. Иногда, если я приходил к выводу, что случай трудноватый, я обращался к генеральному директору Еврейского Агентства, генерал-майору в отставке, Моше Нативу, единственному из руководства Агентства, с кем можно было разговаривать. Я объяснил ему, в чем проблема, и просил перевести провинившегося работника в другое место или другую страну, что обычно и делалось. Мы никогда и никому не сообщали об этом, за исключением главы правительства и израильской Службы безопасности. Руководители Еврейского Агентства, как раз наоборот, не удовлетворяясь непрекращающимися нападками против нас, постоянно пытались помешать любой нашей деятельности. Были посланники Еврейского Агентства, которые, не стесняясь, оказывали давление на местные еврейские организации, чтобы те прекратили всякую связь с нами, угрожая в противном случае перекрыть финансирование. Вместе с тем, справедливости ради, я должен

отметить, что среди рядовых сотрудников Агентства большинство были честные, преданные делу люди, которые старались всеми силами выполнить свою работу, и большей частью у нас с ними были отличные отношения.

Одной из самых грязных кампаний, которую вело с нами Еврейское Агентство, была борьба против проекта НААЛЕ, предложенного мной. Но, когда оказалось, что проект НААЛЕ очень успешен, Агентство потребовало передать его под свой контроль. У Еврейского Агентства были свои молодежные программы, на мой взгляд, не очень хорошие, но мы не вмешивались в их работу. Проект НААЛЕ был чрезвычайно удачным, но очень дорогим. Деньги на него шли из бюджета Министерства образования Израиля. Руководство Еврейского Агентства сделало весьма соблазнительное предложение министру финансов Израиля Байге Шохату. Они просили полностью передать проект Еврейскому Агентству, а за это Агентство обязалось взять на себя полное финансирование проекта. Министерство финансов, используя подвернувшуюся возможность, без особых раздумий, без соответствующей проверки и серьезных обсуждений, приняло это предложение. Консульская проверка кандидатов осталась под нашей ответственностью, а все остальное перешло под ответственность Агентства. Я уже ничего не мог сделать. Через несколько месяцев Байга Шохат сказал мне, что Еврейское Агентство его надуло и требует у него денег на проект, причем больше, чем проект стоил раньше. Байга кипел от злости, но уже было поздно.

Еврейское Агентство подчинило Программу своему отделу «Алият Ханоар» (Репатриация молодежи). В свое время это была очень успешная организация, много сделавшая для абсорбции молодежи, прибывшей в Израиль в первые годы становления государства. Но организационная база «Алият Ханоар» совершенно не подходила ни молодежи постсоветского пространства начала 90-х годов, ни для НААЛЕ. Их школы, в основном в сельскохозяйственных районах, были довольно низкого уровня, даже по израильским стандартам. Первый кризис произошел, когда в рамках программы прибыли ученики высокого уровня. Помнится, как приехала из Санкт-Петербурга группа – более двадцати учеников, большинство из специальных школ по математике, физике и иностранным языкам. Их послали в сельскохозяйственные школы, выпускники которых в большинстве своем даже не сдавали экзамены, необходимые для получения полноценного аттестата зрелости по окончании школ. Мне было больно и обидно, когда через полгода пятнадцать детей из этой группы вернулись в Санкт-Петербург. Проблемы

израильских школ, в основном низкий уровень образования, нанесли самый сильный ущерб проекту НААЛЕ.

Согласно выработанной нами концепции девушки и юноши, приехавшие в рамках проекта, оставались под нашей ответственностью до окончания первого курса вуза, после этого ими занималась другая структура помощи студентам. Если же они призывались в армию, то мы заботились о них до окончания воинской службы. Но Еврейское Агентство запланировало бюджет на проект только до окончания школы, и после этого совершенно неожиданно воспитанники остались без средств к существованию, – мы же продумали все, чтобы исключить такую возможность. До меня дошла информация, что в окрестностях старой разрушенной деревни Лифта под Иерусалимом очутилось несколько оказавшихся на улице воспитанников НААЛЕ, закончивших школу. Район Лифты славился как место скопления уличных банд и торговли наркотиками. Я попросил вмешательства главы правительства, и тут же начались дикие вопли. Первым поднял крик новоизбранный председатель Еврейского Агентства Аврум Бург, который обвинил меня во лжи. Меня пытались неоднократно обвинять во всех смертных грехах, но на такое мало кто осмеливался. Никто и никогда не мог ни обнаружить, ни доказать даже небольшую неточность в моих отчетах и донесениях, не то что ложь. Я всегда старался максимально точно описывать события и факты, на которых основывался. Зная, что представляет собой Аврум Бург, и будучи знакомым с методами Еврейского Агентства, я ожидал подобного развития событий и передал премьер-министру в ответ на его просьбу заранее подготовленный список молодых людей, находившихся в Лифте. В нем были указаны имена всех выпускников школ проекта НААЛЕ, оказавшихся там, с указанием, когда и какую школу они окончили и сколько времени они находятся в Лифте. И только тогда все забегали. У нас в стране, к сожалению, принято, и Еврейское Агентство в этом не исключение, что, пока не наступит взрыв или скандал, никто и пальцем не шевельнет. Кое-как нашли выход из ситуации в Лифте. Но проблема выпускников школ проекта НААЛЕ не получила должного разрешения еще в течение нескольких лет.

С момента перехода под эгиду Еврейского Агентства проект НААЛЕ существенно изменился. Он начал постепенно терять и свое качество, и свою привлекательность – соответственно уменьшилось и количество желающих принять в нем участие. В соответствии с моим первоначальным замыслом в проекте должны были участвовать до пяти тысяч новых воспитанников в год. И при соответствующем финансировании это было вполне

достижимо. В действительности же в рамках проекта удалось охватить чуть более тысячи человек за первый и второй годы его существования. Если бы нам удалось осуществить наши планы, то почти вся еврейская молодежь была бы охвачена израильской системой образования и связала бы свою судьбу с Израилем. Но финансовые расчеты и междоусобные еврейские войны помешали проекту достичь максимального эффекта. Как я уже говорил, я предполагал, что девушка или юноша, закончившие среднюю школу в Израиле, не захотят жить в другой стране. Но это было в государстве Израиль до убийства Рабина. До прихода к власти Нетаньяху и Шарона. К плачевному состоянию проект НААЛЕ пришел и из-за деградации системы образования Израиля и вследствие изменений на постсоветском пространстве. Я считаю, что между проектом НААЛЕ, который я предложил и за осуществление которого боролся и ставшим очень успешным в течение трех лет в пору нашего им руководства, и НААЛЕ в последние годы мало общего. Точно так же, как нет большого сходства между «Нативом» девяностых годов, до того дня, что я покинул организацию, и организацией, носящей это имя сегодня. В конце концов проект НААЛЕ вернули в Министерство образования. И все-таки и вопреки всему даже в сильно измененном виде проект НААЛЕ оказался наиболее успешным проектом системы образования Израиля. За пятнадцать лет в программе приняли участие 13 000 воспитанников из еврейской молодежи стран постсоветского пространства. И несколько лет назад, как и хотел Ицхак Рабин, в проекте начали принимать участие евреи из стран Запада. И все это благодаря работникам Управления НААЛЕ, тем людям, которые практически осуществляли проект, несмотря на все многочисленные препятствия и помехи, стоявшие на их пути.

Во время работы в «Нативе» я опять столкнулся со смертью и опять должен был сообщать близким о гибели самых дорогих им людей. Еще в начале своей деятельности в качестве руководителя «Натива» я ввел в организации должность внутреннего контролера. Мне удалось взять на эту должность Анри Ариэля, который до этого был контролером одной из самых серьезных и сложных государственных организаций. Ариэль, уроженец Франции, в 14 лет присоединился к движению Сопротивления. В 1949 году он приехал в Израиль и поступил на государственную службу, выполнял разнообразную и очень ответственную работу. Меня поражали его профессионализм, высокий уровень знаний и его увлеченность работой в «Нативе». И вот однажды мне позвонили и сообщили об автомобильной катастрофе, в которую попали наши люди по дороге из Казахстана в Киргизию.

Несколько человек было ранено, а Анри, который был там в командировке, погиб. Мы быстро организовали медицинский самолет из Швейцарии, который привез в Израиль раненых и тело Анри. Нам не раз приходилось эвакуировать медицинскими самолетами наших работников или посланников, пострадавших от бандитских нападений или серьезно заболевших. Но человеческих жертв до того дня у нас не было. Самым трудным было прийти в дом Анри и сообщить жене о его смерти. Я помню, как в сопровождении нескольких работников подошел к дому Анри. Возле дома я увидел в окне его жену, беззаботную и радостную, поглощенную какой-то домашней работой. А я знал, что через минуту должен сказать ей, что полная счастья жизнь кончилась и она никогда больше не увидит своего мужа. Она открыла нам дверь, приветливо и радостно поздоровалась и тут постепенно начала все понимать. Я сказал: «Анри погиб в автомобильной катастрофе. Я очень сожалею, что я должен тебе сообщить об этом». Анри Ариэль, его жизнь и смерть олицетворяют в моих глазах жизнь того поколения еврейского народа, силу духа государства Израиль и дают мне силы и веру в свой народ и в свою страну.

44

Одна из самых замечательных операций «Натива», которой я горжусь особенно, – это наша работа с еврейскими сиротами. В результате распада Советского Союза, когда рухнули почти все государственные и социальные структуры, сотни тысяч детей оказались выброшенными на улицы. По просторам России, особенно в крупных городах, крутились беспризорные, бездомные дети, оставшиеся без семей. Ситуация напоминала ту, что сложилась после Гражданской войны, когда в стране было около семи миллионов беспризорных детей. Через семьдесят лет, в конце XX века, вернулись страшные картины ватаг голодных, оборванных детей на улицах городов России. В тяжелые периоды 90-х годов, по оценкам властей, число беспризорников достигло миллиона. Мы предположили, что среди них могут быть и еврейские дети. Проведенная нами проверка обнаружила еврейских детей в детских домах и среди них тех, которые были подобраны с улиц. Нами была подготовлена особая программа по вывозу этих детей в Израиль и дальнейшему возвращению их к нормальной жизни. Программа была строго засекречена. Мы сознавали, что попытки вывезти детей из одной страны в другую могут вызвать в некоторых государствах на постсоветском пространстве внутриполитические проблемы. В то время еще не была урегулирована процедура опеки сирот гражданами других государств. Вместе с Министерством образования России, а впоследствии и других государств мы разработали специальную программу в рамках Соглашения о взаимном сотрудничестве, которое было подготовлено ранее. В соответствии с достигнутыми договоренностями мы с согласия интернатов, в которых находились дети, а также государственных учреждений надзора за воспитанием сирот или детей под опекой получали право направить этих детей на учебу и воспитание в интернаты Израиля. Вся наша работа с детьми в Израиле проходила под наблюдением и контролем интернатов и соответствующих государственных структур тех государств, откуда были эти дети. Дети должны были находиться в Израиле до 18 лет, а после этого принять решение – уехать назад или остаться в Израиле. В случае, когда у сирот были опекуны из родственников, мы получали согласие последних на воспитание детей в Израиле.

Это была каторжная работа. Мы прочесали все интернаты и все захолустья постсоветского пространства, разыскивая брошенных еврейских детей и сирот, а также и их родственников. Это было все равно, что искать иголку в стоге сена. Но, тем не

менее, оказалось, что было довольно много брошенных еврейских детей и сирот.

Среди первых детей были очень тяжелые случаи. Все трагедии, известные мне из классической литературы, меркли по сравнению с реальностью. Мы брали детей от 4–5 и до 15 лет. Кроме особых случаев, мы не брали старше 15 лет из-за проблем с их абсорбцией и акклиматизацией в новой стране. Первая группа детей прибыла вместе с группой НААЛЕ, чтобы не привлекать излишнего внимания. Глава правительства Ицхак Рабин и министр образования Амнон Рубинштейн приехали в аэропорт, чтобы встретить молодежь из НААЛЕ. Я еще раньше докладывал Рабину о программе. Когда он стоял на трибуне, я сказал ему: «Посмотрите туда. Вы видите эту группу малышей? Это дети-сироты». Взволнованный премьер-министр порывался подойти к ним. Но я остановил его: «Не нужно этого делать. Журналисты заметят, куда вы пошли, и начнут фотографировать, выяснять, к кому вы подошли, и назавтра сообщения об этом появятся в печати. Я обещаю вам, что, когда вы захотите, я устрою вам встречу с этими детьми. А теперь наберитесь терпения и смотрите на них издалека». Он послушался меня, и я никогда не забуду, как он вглядывался в лица этих малышей. Время от времени он расспрашивал меня об этой программе, и я, докладывая ему о том, как идут дела, видел, как его взгляд теплеет.

Случаи были тяжелые, иногда просто жуткие. Детей из детских домов мы сначала привозили в интернат в Бейт-Шемеше. Там их окружали максимальным теплом и заботой. Первое потрясение у детей было от обилия вкусной еды, когда они первый раз заходили в столовую. Они не понимали, как это они могут есть, сколько хотят, и спрашивали, можно ли еще. Им давали, а они просили еще. Они просто не могли прекратить есть. Но самым страшным было то, что нам рассказали воспитатели. Когда они подходили к детям, то большинство из них пригибались и поднимали руку над головой, как бы предохраняясь от удара. Только через год дети понемногу начали отходить в результате интенсивного и индивидуального психологического подхода. Дети страдали самыми разными нервными и психическими расстройствами, но в большинстве случаев не врожденными, а бывшими результатами пережитого за их маленькую жизнь.

Никогда не забуду историю пятилетнего мальчика, которого подобрали на железнодорожной станции на Северном Кавказе. Трое суток он сидел на скамейке возле трупа своей умершей матери. Он не ел, не пил и даже не мог больше плакать. Он просто молча сидел возле остывшего трупа. А люди проходили и

не понимали, в чем дело. Только через несколько дней его подобрали. Мы нашли его в одном из детских домов и привезли в Израиль. Однажды мы нашли троих детей, братьев и сестру, и мы, конечно, не хотели их разлучать. Мы нашли семью в Израиле, которая хотела усыновить ребенка, это была семья Битон из Кирьят-Шмона. Когда мы привезли их в уральский город, в котором жили эти сироты, супруги Битон сказали: «Мы берем всех троих». А ведь у этих чудесных людей были и свои дети. Мы оформили все документы, и малыши приехали в Израиль. Семья Битон просто спасла этих детей, несмотря на огромное количество разнообразных проблем: педагогических, медицинских и организационных. Но сегодня, по прошествии многих лет, никто не отличит их от обычных израильских детей.

Когда в Израиль приехали воспитатели и работники из детских домов и опекунских учреждений, чтобы в соответствии с подписанными соглашениями проверить состояние детей, они сказали нам: «Вы просто спасли этих детей». Мы же продолжали прочесывать всю постсоветскую территорию в поисках других еврейских сирот. Все время мы привозили в Израиль новые и новые группы.

Но один раз произошла неувязка. Моше Кадман, председатель общественной организации по охране прав детей, в принципе хороший человек, делающий важную работу, но у которого время от времени вспыхивало непреодолимое желание прославиться, устроил скандал, не проверив факты и не разобравшись, в чем дело. Он утверждал, что государство Израиль якобы незаконно похищает детей, силой удерживает их в Израиле, не выполняя свои обязательства. В результате его заявлений были назначены слушания в Комиссии по абсорбции в Кнессете. Не помогли никакие наши увещевания, что огласка может навредить уже приехавшим детям, равно как и тем, которые могут приехать. В назначенный день в помещении Комиссии в Кнессете было полно журналистов. Я обратился к ним: «Зачем вы это делаете?» А журналисты ответили: «Во имя права народа знать». Сам же Кадман не пришел на заседание, которое было созвано по его просьбе под предлогом, что он болен. В процессе обсуждения я ответил на все вопросы и дал необходимые разъяснения. В результате все перевернулось и все депутаты, члены Комиссии, включая тех, у кого изначально сложилось предвзятое мнение или которых заранее настроили против, вышли с заседания с твердой уверенностью в том, что мы делаем благородное и абсолютно законное дело. На окончательное заседание Комиссии уже никто из журналистов не пришел, вероятно, потому, что все ожидали, что наша

деятельность будет одобрена. Так и случилось. На этот раз «право народа знать» не очень интересовало прессу. И господин Кадман опять не явился – здоровье не позволило.

Заседанием Комиссии история с сиротами не закончилась. Мне позвонил посол России Александр Бовин и сообщил, что по результатам публикаций в израильской прессе он получил указание от своего начальства расследовать это дело и представить отчет в МИД России. Мы просидели несколько часов, я рассказал ему о нашей деятельности и пояснил, что мы действуем строго в рамках международных соглашений, в тесном контакте с российскими властями и под их непосредственным контролем. Особо отметил то, что дети продолжают оставаться гражданами России или других постсоветских государств до совершеннолетия, исключение составляют лишь те, кого усыновляют граждане Израиля, но и это делается с согласия опекунских органов стран, из которых приехали дети. Его вполне удовлетворили мои разъяснения, и он написал положительный отчет, и проблема больше не поднималась в рамках межгосударственных отношений.

Всего мы привезли в Израиль несколько сот еврейских детей-сирот. Работники израильских учреждений, в рамках которых осуществлялась эта программа, проделали отличную работу. «Джойнт» финансировал этот проект, и в течение многих лет ни слова не просочилось в средства информации. Израильская журналистка Нехама Дуек уговаривала меня: «Ты ничего не понимаешь. Это же великолепная реклама для вас. Это один из самых замечательных проектов, осуществленных в Израиле. Почему ты не хочешь, чтобы о нем написали в прессе?» Я ответил ей, что нельзя подвергать опасности проект. Известности за свою жизнь я получил предостаточно, мне это ничего не добавит, а детям может повредить. К ее чести надо признать, что она никогда ничего не опубликовала на эту тему.

В один прекрасный день в «Нативе» собралось около двадцати детей-сирот, из тех, кто первым приехал в Израиль в рамках проекта. Они пришли к нам в канун своего призыва в израильскую армию. Я всматривался в их повзрослевшие, красивые, открытые лица. Мне был хорошо знаком этот прямой и уверенный взгляд, такой характерный для большинства молодых израильтян. Трудно словами передать чувства, которые обуревали меня тогда. Я вспоминал историю каждого из них, и мое сердце наполнилось гордостью за свою страну, которая готова к нечеловеческим усилиям, что спасти брошенного еврейского ребенка на краю света. Я очень рад, что мне посчастливилось принять участие в этой операции. Мы продолжали опекать этих

детей и во время их воинской службы, и мне довелось увидеть их и в военной форме Армии обороны Израиля.

На прощальной встрече, которую устроили мне после моего ухода из «Натива», на сцену вышли две незнакомые мне солдатки и на иврите спели песню, посвященную мне. Но эти солдатки не были мне знакомы, они не служили в «Нативе». Ведущий спросил меня, помню ли я двух маленьких девочек с бантиками из первой группы сирот, которых я сопровождал в Израиль. Я постепенно начал что-то понимать и прежде, чем я успел ответить, услышал слова ведущего: «Посмотри на них. Солдатки, которые пели тебе песню, – это те две девочки, которых ты тогда привез». Иногда в жизни человека бывают мгновения, когда он вдруг осознает, во имя чего ему стоило жить. Именно такими и были эти мгновения.

45

После попытки путча против Горбачева ситуация в СССР стремительно менялась. Ельцин, президент России еще со времен Советского Союза, оказался во главе огромного государства, которое постоянно лихорадило. Все государственные системы к концу 1991 года практически перестали функционировать, и советская власть просто рухнула. Это не была революция, старая власть уже не функционировала, а система законов была не ясна ни для кого. То же самое происходило во время переворотов февраля и октября 1917 года. Царская власть рухнула, и на ее развалинах к власти на короткий срок пришло Временное правительство, которое не смогло ни управлять страной, ни удержать власть.

Ельцин был далеко не демократом. По характеру он был типичным советским аппаратчиком, начисто лишенным какой-либо идеологии, который продвигался по партийной карьерной лестнице благодаря своим личным качествам, как положительным, так и отрицательным. По своему уровню он подходил до секретаря райкома, максимум горкома не очень крупного города. Его кругозор, интеллект, политическая культура не превышали уровень партийного функционера районного масштаба, не более, и то, что он оказался во главе государства, не изменило его и не добавило качеств, которых у него не было ранее. Вместе с тем, по сравнению с другими, он обладал определенными преимуществами, прежде всего обостренной, почти животной политической интуицией и готовностью идти к своей цели, идти до конца, не считаясь ни с чем. Необузданная жажда власти с готовностью идти по трупам, сочетавшаяся с неразборчивостью в средствах, была его наиболее характерной чертой. Как типичный советский коммунист, он был оппортунистом, готовым идти на союз с кем угодно, если это было выгодно ему в данный момент. Таков, например, был его союз с Руцким, который усилил Ельцина и обеспечил ему победу на выборах на пост президента РСФСР в Советском Союзе. Это не помешало ему впоследствии вышвырнуть Руцкого, занимавшего пост вице-президента России с той же легкостью, с какой он его приблизил. Тот же трюк он проделал и с генералом Александром Лебедем. У Ельцина не было иных интересов, кроме своих личных и жажды власти. Все, что служило его интересам, – принималось, все, что мешало им, необходимо было убрать и уничтожить. В отсутствии партии и вообще какой-либо политической силы вокруг него он должен был удовлетвориться приближенными,

которых отбирал в основном по принципу личной преданности.

Трагедией России было то, что советская власть не позволила развиться в стране никакой конструктивной политической мысли. Конечно, были диссиденты, антикоммунисты, отдельные личности, в большинстве придерживавшиеся либеральных взглядов. У них не было ни серьезной организации с осмысленной четкой программой, ни даже ее организационного остова. Большинство диссидентов занимались критикой власти, ее действий и действий тех или иных чиновников. Их представления о происходящем вне СССР были крайне упрощенными до примитивности и искаженными по сравнению с реальной картиной действительности. Трудно упрекать их в этом – таковы были последствия диктатуры Советов. Обособленность, навязанная советскому населению, привела к непониманию действительности и происходящих всемирных процессов и недопониманию истинного положения и реальной роли их государства в мире. Отрыв от всего мира и неприятие происходящего в своей стране привели их к излишней идеализации Запада, как и в отношении его к России, так и в том числе нравственных, общественных и экономических ценностей в странах Запада. Извращенная советская политическая культура, правящая в стране десятки лет, не позволила ее гражданам выработать нормальные навыки политического мышления, общественной и партийной деятельности демократического общества. Преклонение перед силой и силовыми решениями проблем осталось основой мировоззрения, как у диссидентов, так и у других критиков и противников советской власти.

Также понятия свободы и прав личности нередко трактовались ими как то, что они сами могут делать все, что угодно, но не их политические оппоненты. Свобода слова и волеизъявления применялась преимущественно к ним самим, а все, что не служило им или их целям, считалось реакцией, которую можно и нужно подавить силой. Нетерпимость к идейным противникам, неприятие отличной от своей точки зрения свойственно большинству диссидентов, как и большей части приехавших в Израиль из Советского Союза. Чтобы научиться терпимости к взглядам и идеям других, нужно освободиться от советского образа мыслей. На это требуются долгие годы.

Большевистский подход глубоко укоренился у самого Ельцина и в постсоветском российском обществе в целом. Органы власти были укомплектованы ловкими, пронырливыми людьми, сумевшими привлечь к себе внимание Ельцина. Среди них попадались и способные люди, но почти все они были на редкость

циничны и почти начисто лишены каких-либо нравственных норм. Так и сформировалась ельцинская система власти с элементами царской культуры Руси, которая пыталась стремительно вывести Россию из большевистского анахронизма в современный мир конца XX века.

Одним из серьезнейших недостатков большинства российской интеллигенции было пренебрежительное и безразличное отношение к своему народу, к его проблемам и судьбе. Большинство этих людей были очень далеки от народа. Речи и разговоры о пользе и интересах народа были для них такой же демагогией, как и при советской власти. Народ был для них абстрактным понятием, предметом вроде бы идеологических, а по сути демагогических дискуссий. Продолжал господствовать советский подход: «Не важно, что народ страдает, что несет жертвы, ведь это все для светлого будущего». Архитекторов российских реформ абсолютно не интересовало, что проводимые ими преобразования бьют по миллионам людей. С легкостью и бесчеловечным равнодушием были приняты решения лишить миллионы людей денег и сбережений, вышвырнуть на улицу интеллигенцию, довести до катастрофического уровня количество беспризорных детей, разрушить все экономические и социальные структуры. Народ расплатится. Народ всегда расплачивается за ошибки политического руководства. И народы России заплатили чудовищную цену за преступную наглость проводимых над ними кровавых экспериментов. Российские реформы начала девяностых не имеют никакого отношения ни к демократии, ни к либерализму, хотя делались якобы во имя оных. Я никогда не забуду потемневшие глаза вполне интеллигентных людей, стоящих на московских улицах, бледных от недоедания, стыдливо отводящих взгляд и пытающихся продать свои книги, чтобы просто не умереть с голоду. Это было самое тяжелое падение страны, которую я так хорошо знал.

Основной вопрос, который стоял перед нами, – стабилизируется ли обстановка в России. А если нет, то куда повернет страна? Какие силы придут к власти? Какова вероятность того, что антисемитские, антиизраильские силы смогут прийти к власти? Каковы будут их цели? Какова будет их политика? Как можно нейтрализовать эти силы, используя их слабости и интересы в нашу пользу? Как мы сможем защитить евреев или спасти их, если возникнет необходимость? Какова вероятность и суть возможных угроз? Оценить все это было очень сложной задачей. В том хаосе, который царил на постсоветском пространстве, почти все было возможно.

В конфликте с российским парламентом в 1993 году Ельцин

продемонстрировал свою целеустремленность и жажду власти. Когда парламент на совершенно законных основаниях отказался принимать противозаконную политику и указы Ельцина, тот решил проблему простым способом – силой. Армия стояла в стороне, не поддерживая Ельцина. Министр обороны Павел Грачев смог с трудом, в последнюю минуту укомплектовать офицерами три танковых экипажа, которые обстреляли здание Верховного Совета из танков. Оппозиция Ельцину была ненамного лучше его самого, но она действовала в соответствии с законом, а президент страны – вопреки ему. Таков был уровень правящей элиты России в тот критический период. В те дни судьба Ельцина действительно висела на волоске, и только совершенные оппозицией грубые ошибки, ее непопулярность и слабость спасли его власть. Председатель Конституционного суда определил, что действия Ельцина незаконны. Но кому было до этого дело? Ельцин просто разогнал Конституционный суд. Валерия Зорькина, председателя Конституционного суда тогда и сегодня, великолепного юриста и честнейшего человека, просто убрали. Конституционный суд и парламент разогнали.

Особого внимания заслуживают действия при штурме парламента подразделением «Альфа» по борьбе с террором. Подразделение получило приказ уничтожить руководителей оппозиции. Но командир подразделения приказал бойцам войти в здание парламента и предотвратить бойню и убийства. Тем самым он просто спас им жизни. В 1991-м руководители путча решили не использовать силу, опасаясь кровопролития, и поэтому не дали соответствующих приказов. А либерал и демократ Ельцин с группой своих либеральных приближенных не постеснялся дать приказ открыть огонь на поражение – конечно же, во имя свободы и демократии.

С грустной улыбкой и с удивлением читал я тогда газетные статьи и умозаключения, воспевающие победу демократии в России. Неужели весь мир сошел с ума? Обстрел парламента танками? Разгон Конституционного суда? Приказ ликвидировать членов парламента? Это демократия? Я не был ни на чьей стороне, никому не сочувствовал, кроме несчастного российского народа. Но я не мог примириться с отсутствием объективности и непрофессионализмом. В конце концов Ельцин удержался у власти, но нам было ясно, что его власть неустойчива. У него не было собственной серьезной политической силы. Коммунистическая партия развалилась, и его политической базой были только его приближенные, а сама власть была основой для продолжения его властвования. Властные структуры в период Ельцина управлялись, как при дворе византийского императора.

Как и во времена царя, а затем Ленина, Сталина, Хрущева, только без партии.

46

Несмотря на шатания, разброд и неопределенность в обществе, положение евреев улучшалось, так же как и положение определенной части населения вообще, хотя экономическое положение большей части россиян оставалось катастрофическим. Евреи, которые всегда и в любой стране принадлежали к наиболее динамичной части общества, быстро находили свое место в атмосфере открывающихся возможностей, которые предоставлял быстро развивающийся дикий российский капитализм. Евреи, как правило, принадлежащие к более интеллигентной, образованной части общества, жили в основном в крупных городах, и их положение, как правило, улучшалось быстрее, чем остальной части населения. Евреи намного быстрее приспосабливались к изменениям. Евреи, в особенности молодежь, изначально обладали лучшими данными и способностями для вхождения в более динамичное, современное общество. Большая часть евреев ехала в Израиль. А меньшая часть, более терпеливая и более самостоятельная, использовала возможность эмиграции в Соединенные Штаты. Квота на иммиграцию в Соединенные Штаты из СССР была до 42 000 евреев в год. Надо было ждать до двух лет, чтобы подать прошение в посольство США в Москве, а потом еще год ожидать положительного ответа. Тем временем положение в России улучшалось, и количество желающих выехать в Израиль или вообще эмигрировать из постсоветских государств, особенно из крупных городов, постоянно уменьшалось. Это был естественный процесс, который мы прекрасно осознавали.

Но, с другой стороны, появился фактор, намного облегчающий выезд из бывшего Советского Союза и, еще более, абсорбцию в странах иммиграции. В начале 90-х годов была разрешена собственность на жилье и появилась возможность купли и продажи жилья. Многие жители крупных городов, среди которых было немало евреев, смогли стать владельцами своих домов и квартир. Таким образом, к моменту выезда люди обладали имуществом, которое могли реализовать и получить довольно значительную сумму денег. Впервые евреи, прибывавшие в Израиль из стран социализма, приезжали с деньгами. У них появились финансовые средства, которых не было у их предшественников, приехавших в Израиль до 90-х годов. Нам довольно быстро стало ясно, что это может стать существенным фактором успеха их абсорбции в Израиле. Оглядываясь назад, я могу с уверенностью утверждать, что

сравнительный успех абсорбции приехавших из бывшего Советского Союза был не столько результатом успешной организации и помощи государства в абсорбции, а результатом того, что люди приехали с деньгами. Эти деньги помогли им выдержать в первые месяцы, а то и годы пребывания в Израиле. Некоторым из них привезенные деньги помогли приобрести первое жилье в Израиле.

Министерство финансов, как всегда, ежегодно старалось все больше урезать как корзину абсорбции, так и другие льготы новоприбывшим, которые помогали им в первичном обустройстве на новом месте. В одном из обсуждений в правительстве, в котором я участвовал, чиновники Министерства финансов спросили меня, в какой мере они могут сократить бюджетные расходы на новоприбывших, чтобы выезд евреев в Израиль резко не сократился. Мне это напомнило известную притчу об одном крестьянине, который, приучая своего коня к экономии, каждый день уменьшал его порцию овса, пока тот не умер от голода. Министерство финансов также постоянно урезало материальную помощь новоприбывшим, пока не довело ситуацию с выездом в Израиль до состояния дохлой лошади. С другой стороны, тот факт, что люди пытались продать свое имущество, нередко задерживал выезд, – ведь, естественно, все хотели получить максимальную цену, а это часто требовало времени. Кроме того, свобода выезда придавала ощущение, что спешить незачем, и успокоила истерику немедленного выезда.

Как уже было сказано, за исключением небольшой прослойки быстро обогащавшихся, положение большей части населения было ужасным. Кризис власти в России резко обострился к выборам президента в 1996 году. Конституция, принятая в «демократической» России, при участии новых «либералов» и при молчаливом содействии «сторонников демократии» на Западе, предоставляла президенту России такие неограниченные полномочия, которых не было даже у российского царя-самодержца. Сегодня в мире нет ни одного президента, может быть, кроме президента Зимбабве, у которого были бы такие полномочия, как у президента России. Эти полномочия были предоставлены ему новыми «демократами» в надежде, что президент типа Ельцина превратится в их руках в марионетку и через него они смогут управлять Россией, как им будет угодно. Так оно и произошло.

В сущности, не Ельцин правил Россией. Его не так уж интересовало, что происходит в стране. Его здоровье быстро ухудшалось, а страсть к выпивке, подогреваемая друзьями и приближенными, приняла угрожающие размеры и постыдные

формы. Все, что интересовало Бориса Ельцина, – это мелкие личные удовольствия, которые он мог себе позволить, его семья и власть. Деградация власти, падающий престиж Ельцина и ухудшающееся экономическое положение большинства населения не оставляли Ельцину шансов на победу при демократических выборах президента в 1996 году. Но проблемой России было то, что реальной альтернативой ему была Коммунистическая партия России под руководством Геннадия Зюганова. Я как-то встречался с ним. Передо мной сидел человек, который, вероятно, в советский период мог бы считаться довольно прогрессивным коммунистом. Но, несмотря на его попытки приспособить Коммунистическую партию к российской действительности 96-го года, он явно не подходил на роль президента страны. Возможность возвращения коммунистов к власти напугала и новую экономическую элиту России, и все окружение Ельцина.

Согласно нашей оценке ситуации в 1996 году, у Ельцина не было серьезных шансов продержаться у власти, не прибегая к недемократическим методам. Так и произошло. В марте 1996 года приближенные Ельцина приняли решение отменить выборы и овладеть Москвой с помощью войск Министерства внутренних дел, после этого распустить парламент и все политические партии, тем самым обеспечив власть Ельцина. Ельцин одобрил этот план, и войска Министерства внутренних дел получили приказ выдвигаться в места предоперационной группировки. Я был тогда в Москве и непрерывно, почти поминутно, получал информацию о планах и развитии событий. Приказы и подробности операции были у меня раньше, чем доходили до воинских частей внутренних войск. Во время обсуждения операции министр внутренних дел высказал сомнения, что войскам МВД удастся сохранить контроль над ситуацией, если армия сочтет эти действия антиконституционными, что было, по его мнению, наиболее вероятным. В России могла вспыхнуть гражданская война. Из-за того, что внутренние войска были не в состоянии противостоять Российской армии, некоторые из приближенных к Ельцину уговорили его дочь повлиять на отца отменить приказ. В последнюю минуту операция была отменена. Одновременно с этим Борис Березовский с несколькими олигархами встали открыто на сторону Ельцина. Ельцина убедили в том, что с их помощью он сможет удержаться у власти, не прибегая к силе. Эти люди серьезно рисковали, но они сознавали, что, если Ельцин удержится у власти благодаря силовым структурам, Службе охраны президента, возглавляемой Коржаковым, и Федеральной службе безопасности с Барсуковым во главе, он превратится в их заложника и марионетку. А

Коржаков и его приближенные постараются изменить ситуацию в России, особенно в сфере экономики, и покончат с олигархами.

Прошло всего пять лет после падения большевизма в России. Возможно, что теоретически, или по западным критериям, в процессе выборов были допущены грубые нарушения демократии. Но по стандартам большевистских России и стран Восточной Европы это были незначительные и мелкие отклонения от демократии. Правительственный аппарат и олигархи, которые его поддерживали, создали очень эффективную систему пропаганды. Они вложили огромные суммы денег в промывание мозгов избирателей, используя для этого новейшие западные технологии и нарушая все общепринятые принципы демократии. Но вдруг один из приближенных Анатолия Чубайса был арестован при выходе из Кремля с миллионом долларов наличными. Деньги предназначались для оплаты одной из информационных компаний, работающей на Ельцина перед выборами. Это было противозаконно, но Чубайс и его соратники сделали гениальный, с точки зрения их интересов, шаг. Им удалось запугать дочь Ельцина, убедив ее, что этот арест ставит под угрозу успех всей их предвыборной кампании. Тем временем Чубайс организовал пресс-конференцию, во время которой говорил о начинающемся втором путче против власти. Это была абсолютно безосновательная чушь, но этого оказалось достаточно, чтобы запугать общественность. У Ельцина не оставалось выхода, и он должен был решить, что для него важнее – потерять Чубайса и его группу или пожертвовать Коржаковым. Под давлением дочери он мгновенно уволил начальника Службы охраны президента Коржакова и директора Федеральной службы безопасности Барсукова. Этим завершилась победа олигархов-реформаторов над силовиками в окружении Ельцина. Им удалось с помощью фальсификаций, незначительных по сравнению с тем, что было раньше, обеспечить победу Ельцина на выборах. Если бы выборы были действительно демократическими и подсчет голосов производился как положено, Ельцин проиграл бы выборы.

Сразу же после выборов в лучших большевистских традициях прошла чистка органов власти от людей Коржакова и Барсукова. Правда, на этот раз обошлось без арестов и расстрелов. Были предприняты нечеловеческие усилия, чтобы спасти жизнь Ельцина, который был на грани смерти. Люди, сохранившие его власть, смогли спасти и его жизнь. Если бы не они, ну и, конечно, не врачи, вряд ли бы Ельцин выжил. Хотя Ельцин и сохранил пост президента, реальная власть в стране была в руках его дочери и ее любовника, который впоследствии стал ее мужем и руководителем аппарата президента. Наиболее сильным и

влиятельным в этой группе стал Борис Березовский, но и другие олигархи, помогавшие Ельцину, тоже не остались в стороне. Они требовали от Ельцина плату за усилия, предпринятые для сохранения его власти. А цена была известна, – государственные ресурсы. Еще не все было роздано. Без всякого стеснения Березовский заявлял в интервью телевизионной компании: «Нам полагается. Мы помогли власти, а теперь нам положена часть государственного пирога». И действительно, началось новое перераспределение государственных ресурсов. Но, как всегда, при подобной раздаче начались придворные, подковерные войны за экономические богатства страны и их приватизацию. Вчерашние союзники начали борьбу друг с другом. Они пытались трансформировать свои капиталы в политическую силу и наоборот. И тут появились так называемые «журналистские расследования», обвиняющие и разоблачающие вчерашних союзников, а ныне соперников. В сущности, все эти публикации были обычным, черным компроматом, не вызывающим ничего, кроме омерзения.

Последний период власти Ельцина можно охарактеризовать как время небывалой коррупции, какую Россия не знала на протяжении всего XX века. Олигархи, занятые в основном междоусобной борьбой и новым разделом добычи, укреплением собственного положения и приумножением капитала, упустили из вида происходившие в государстве процессы. Борис Березовский построил свою стратегию на том, что его человек, выращенный им и преданный ему, тогдашний министр транспорта Николай Аксененко, летом 1999 года будет назначен главой правительства России. Его расчет был на то, что действующий глава правительства почти наверняка будет избран президентом России на выборах 2000 года. Но Березовский переоценил свои силы. Остальные олигархи опасались того, что он сможет сконцентрировать в своих руках слишком много власти, и почти все они сплотились, чтобы помешать этому назначению. В конце концов в результате дворцовых интриг им удалось добиться увольнения Н. Аксененко из правительства, – планы Березовского разбились в пух и прах.

Согласно закону Ельцин не имел права быть избранным на третий срок. Кроме того, его здоровье постоянно ухудшалось. «Семья» и приближенные к ней пришли к выводу, что желательно было бы назначить преемника, а не рисковать в случае неожиданного устранения Ельцина от власти по той или иной причине. В этой ситуации основной целью «семьи» было обеспечить, чтобы новый президент гарантировал неприкосновенность им самим и их приближенным. Нужно было

избежать повторения столь знакомого любому советскому человеку сценария, когда новый властитель избавляется от приближенных своего предшественника. В то время главой правительства был Сергей Степашин. По оценке «семьи» и Березовского, нельзя было полагаться на его стойкость, и они не полагались на его слепую преданность и верность семье. За плечами Степашина был опыт работы на таких ключевых государственных постах, как руководитель Федеральной службы безопасности и министр внутренних дел. Это давало основание считать, что у Степашина есть навык самостоятельного принятия решений и он не всегда будет послушным исполнителем воли «семьи» и Березовского. Мне довелось встречаться со Степашиным несколько раз, и у меня сложилось о нем такое же мнение.

Находясь в безвыходной ситуации, не имея ни тщательно отобранного кандидата, ни широкого выбора кандидатур, ни времени для маневрирования, ближний круг Ельцина остановился на находящемся под рукой Владимире Путине, в то время секретаре Совета безопасности и руководителе ФСБ. Путин ничем как политик не выделялся и представлялся «семье» и Березовскому человеком, на которого действительно можно положиться. Он продемонстрировал свою верность мэру Санкт-Петербурга Анатолию Собчаку, когда отказался перейти к Владимиру Яковлеву после победы последнего на городских выборах. Путин не был связан ни с одной политической группировкой и не был замешан в политических и дворцовых интригах. Он считался человеком честным и деловым, лишенным в то же время больших политических амбиций. У него не было ни политической, ни экономической базы, и потому он воспринимался как не способный к манипуляциям во власти. Так, почти случайно, получилось, что человек, в наименьшей степени замешанный в дворцовых интригах, в наименьшей степени связанный с грязью и коррупцией власти, не ассоциируемый с олигархами и правящими в России группами, был выбран «семьей» на пост президента России. Они надеялись, что он будет послушным правителем, марионеткой, которым можно будет управлять.

В этом-то и была огромная ошибка Березовского и «семьи». Они не понимали российскую историю и не осознавали суть механизма власти в этой стране. Они пребывали в иллюзии, что с помощью призрачной власти, оставшейся в их руках, смогут управлять людьми и направлять происходящие в стране процессы в нужное им русло. Их представления о государстве, государственном мышлении и управлении были упрощенными и

примитивными. Они никогда не управляли реально государственными системами и не были серьезно знакомы с ними. Березовский был исследователем и ученым, довольно средненьким, который работал на должности старшего научного сотрудника в научно-исследовательском институте. Но его работа в советском НИИ ни в коем случае не подготовила его к управлению государством. У людей, окружавших Ельцина, был опыт дворцовых интриг, в ходе которых они то пресмыкались, то демонстрировали превосходство и деспотизм. Но и этого было недостаточно для управления страной, даже закулисного. Жестокая динамика российской власти, формировавшаяся в течение сотен лет, так и осталась для них terra incognita. Каждая власть, а особенно абсолютная, типа той, которую они сами своими руками восстановили в России, в первую очередь пытается избавиться от тех, кто создал ее саму. Согласно Конституции России, полномочий, которыми обладает российский президент, нет, как было уже отмечено выше, ни у одного президента в цивилизованном мире. Президент в России обладает огромной властью, и, избавившись от тех, кто привел его к ней, он становится могущественным властителем. Тот, кто предполагал, что Путин останется серой мышью и марионеткой после того, как получит в свои руки эту огромную власть, не знал и не понимал ни самого Путина, ни природы власти в России. И только в одном Путин оправдал возложенные на него ближайшим окружением Ельцина надежды. Как честный человек, он не трогал ни семью Ельцина, ни его приближенных, пока они знали свое место. И они соблюдали правила игры.

Путин не тронул ни капиталы, «накопленные» «семьей», ни созданную ими экономическую структуру, ни тех, кто «хранил» «семью» и капиталы. В одной из моих бесед с ним, сразу после избрания президентом, он сказал, что под его властью это будет другая Россия. Будет разделение капитала и власти. «Мы власть, – сказал Путин, – тот, кто хочет зарабатывать деньги, пожалуйста. Но при двух условиях. Первое – в рамках закона. Второе – они будут платить все налоги. Они не будут принимать законы. Они не будут вмешиваться во власть. Предпринимательство отдельно, и власть отдельно. Мы власть, и тому, кто этого не понял и не поймет, не будет места в новой России. И я думаю, что ни Березовский, ни Гусинский не понимают этого и, вероятно, им не будет места в новой России». Такова была политика Путина в начале его власти.

В том, что сказал Путин о разделении капитала и власти, он оказался прав. Капитал перестал вмешиваться во власть. Но Путин ошибся в другом. Люди власти стали вмешиваться в

процесс накопления капитала, и они смешали власть и капитал. Новая бюрократия, находящаяся у власти, начала все больше и больше концентрировать в своих руках влияние в сферах экономики. И личное участие высокопоставленных чиновников в экономике и финансах ставит под угрозу будущее России. Размеры нынешней чиновничьей и властной коррупции в России просто чудовищны и не имеют аналогов в российской истории. Коррумпированность власти самая серьезная угроза России, большая, чем все внешние и внутренние враги. Рост коррупции и продолжающееся разрушение нравственных норм – это самое опасное, что произошло в период власти Путина. С этого начинается деградация и разложение властной элиты, разложение, которое в прошлом веке дважды привело Россию на край пропасти и положило начало развалу государства.

Путин не родился с качествами руководителя. До назначения начальником Федеральной сужбы безопасности у него не было ни серьезного опыта командования, ни управления крупными структурами. В сущности, ничто не подготовило его к роли президента такой огромной и сложной страны, находящейся на пороге краха. К удивлению многих, он учился быть президентом уже будучи им, и довольно быстро и успешно. Он научился принимать государственные решения. Он не обладал животной интуицией власти, как Ельцин, выращенный в политической партийной среде. Но Путин учился и в большинстве случаев принимал довольно правильные решения, которые почти привели Россию к уровню мировой державы, которой она и стремится стать. Постепенно, терпеливо, без излишнего применения силы он очистил органы власти от людей Ельцина. Сегодняшняя Россия сильно отличается от той страны, которая осталась после Ельцина. Если бы власть Ельцина не закончилась и оставалась в его руках и руках ему подобных, вряд ли бы Россия существовала сегодня как единое государство. И, конечно же, она не обладала бы той экономической мощью, которая есть у нее сегодня несмотря на небывалый рост цен на энергоносители. Продолжающееся разложение власти и общества привело бы Россию к краху. Эта та цена, которую заплатила Россия за самый серьезный кризис власти на закате советского режима, деградация и внутренняя гниль которого не оставили у власти людей, способных принимать хотя бы сносные государственные решения.

В период правления Ельцина, особенно в начале, когда Министерство иностранных дел России возглавлял Андрей Козырев, система внешней политики была почти полностью развалена. Престиж России на международной арене постоянно

падал. С Россией все меньше и меньше считались, ее международное влияние все уменьшалось и уменьшалось. Личные интересы частных лиц или чиновников определяли политику страны, а государственные интересы почти не принимались в расчет. Поведение А. Козырева, министра иностранных дел, нередко было просто позорным. Например, после встречи с Ясиром Арафатом в Газе, по дороге назад в Израиль, он вдруг остановил дипломатический кортеж и, раздевшись догола, полупьяный, на глазах палестинской и российской охраны и сопровождающих полез купаться в море. Я не раз бывал свидетелем довольно безобразного поведения во время государственных визитов людей, занимавших высшие посты в нашей стране, но не до такой степени. Поведение министра иностранных дел России ненамного отличалось от животного поведения президента России Ельцина. До внешней политики России никому не было дела, аппарат МИДа был почти полностью развален. Только с приходом на пост министра иностранных дел Евгения Примакова начался долгий и тяжелый путь восстановления внешней политики России, процесс этот был завершен только при Игоре Иванове. Сегодня деятельность Министерства иностранных дел России намного профессиональнее, чем во времена Ельцина. Я не касаюсь сути внешней политики, а оцениваю лишь функционирование аппарата, отвечающего за ее осуществление, как на уровне принятия оперативных решений, так и с точки зрения влияния Министерства иностранных дел на принятие государственных решений.

Основное, что интересовало нас и для чего мы, в сущности, работали в Советском Союзе, были евреи, их положение и их выезд в Израиль. Еврейская проблема всегда волновала власти СССР, впрочем, как и другие национальные проблемы, в соответствии с их удельным весом. Определенная часть советского населения была не чужда антисемитизму, но не это определяло политику по отношению к евреям. На эту тему у меня был довольно серьезный разговор с человеком, который хорошо и профессионально разбирался в этом вопросе, генералом армии Федором Бобковым, который до 1991 года был заместителем председателя КГБ. В начале нашей беседы он удивился моему русскому языку. Но когда я назвал свою прежнюю фамилию и имя, он тут же вспомнил, сказав: «А, ваше дело одним из первых лежало на моем столе в 1967 году, когда создали Пятое управление в КГБ». Бобков был назначен тогда заместителем начальника Пятого управления и фактически стал его создателем. В нашей беседе он сказал мне: «Вы нас победили. Вы сломали нас.

С помощью Запада вам удалось поддержать и усилить движение отказников в Советском Союзе. И вы смогли, используя это движение, оказать на нас такое давление, что мы потеряли евреев Советского Союза».

Мне было приятно слышать эти слова от человека, который более, чем кто-либо другой, приложил профессиональные усилия, чтобы воспрепятствовать выезду евреев из СССР. Неудачу он видел в том, что руководители партии отказались принять его профессиональные рекомендации. Вероятно, и в тоталитарных режимах возникают проблемы между профессиональными структурами и политическим руководством, и не всегда одни довольны другими. Партия утверждала, что КГБ не справился со своей задачей, а КГБ обвинял в неудачах партийное руководство. Попытка органов безопасности и политического руководства спихнуть вину друг на друга не нова и хорошо знакома и нам. Что касается Ф. Бобкова, я не думаю, что он был прав в своих оценках. У советских властей не было никаких шансов против нас, даже если бы они приняли рекомендации и выпустили еще в сороковых годах активистов и ветеранов сионистских движений. Бобков был уверен, что если бы вышвырнули их тогда, то все бы успокоилось. Советские власти не понимали, а когда поняли, было уже поздно, что каждый еврей, который получал разрешение на выезд, тем самым побуждал еще нескольких евреев подать документы. Чем больше росло количество выезжающих, тем больше становилось желающих уехать. Это была аксиома в советской и международной действительности тех дней. Поэтому, как бы ни вели себя власти, выполняли бы они или нет рекомендации КГБ, в конце концов им пришлось бы выпустить евреев из страны. Только к началу восьмидесятых годов властям удалось найти способ, который практически почти полностью прекратил выезд евреев. Но нам удалось воспользоваться слабостью и распадом власти Советского Союза, приведшими его к краху, и организовать массовый выезд евреев в Израиль незадолго до развала СССР.

Одним из интересных аспектов работы Пятого управления была их деятельность среди различных групп населения Советского Союза. Один из руководителей немецкого отдела рассказывал мне, что каждый четвертый взрослый немец был в той или иной форме их осведомителем. Я не думаю, что в еврейском отделе были менее эффективными. По словам начальника немецкого отдела, уже после расформирования и КГБ, и Пятого управления часть осведомителей продолжала искать своих кураторов, чтобы поставлять им информацию, несмотря на то что те уже давно не работали. Вербовка была настолько

успешной и профессиональной, что завербованные чувствовали внутреннюю потребность в даче сведений. Позже, уже в Федеральной службе безопасности России, была сформирована структура, подобная Пятому управлению, для борьбы с внутренними государственными угрозами.

47

В 1990–1992 годах в Израиль приехали из Советского Союза, а после его развала с постсоветского пространства 400 000 евреев. Эта операция была проделана почти исключительно «Нативом», который проделал все без всякого шума и рекламы с помощью местных работников отделений «Натива». Роль Еврейского Агентства сводилась к финансированию полетов. По требованию Еврейского Агентства и с согласия правительства Израиля в конце 1992 года Еврейскому Агентству была передана вся ответственность за логистику выезда в Израиль. По сути дела, в этом не было абсолютно никакой необходимости, поскольку все необходимое для выезда проделывалось нами наилучшим образом. Но тут сыграли свою роль политические интриги, борьба за престиж и за финансирование. Правительства Израиля, как правило, являются заложниками политических партий и делающих пожертвования еврейских магнатов. И было решено передать Агентству все, что было связано с выездом в Израиль воздушным транспортом.

Нам казалось, что мы смогли решить еврейский вопрос в Советском Союзе. Было ощущение, что в очень короткий срок почти все евреи СССР выедут в Израиль. И, если бы израильские структуры организовались бы более эффективно, нам бы удалось использовать создавшуюся ситуацию, и тогда бы наши прогнозы стали реальностью. Но, как обычно, израильская бюрократия была уверена, что то, что было, то и будет. Они резко сократили помощь новоприбывшим, уменьшили корзину абсорбции, и на фоне недостаточной готовности и организации постепенно выезд в Израиль начал сокращаться. Чиновники Министерства финансов, да и других ведомств тоже, были заинтересованы сократить количество приезжающих в Израиль, чтобы сэкономить расходы. Они утверждали, что ничего страшного не случится, если все евреи приедут в Израиль в течение десяти лет, а не пяти. Не помогли ни мои крики, ни объяснения, что то, что возможно сегодня, не обязательно будет возможно завтра. Действительность, как выяснилось, оказалась намного более сложной.

В 1991–1995 годах многим евреям удалось успешно влиться в экономические и властные структуры. На всем постсоветском пространстве государственный антисемитизм полностью исчез. Почти все евреи, да и многие неевреи были полны симпатии и восхищения Израилем. Все евреи были бы рады посетить Израиль, чтобы получше узнать страну, если бы у них была такая

возможность, но далеко не все были тут же готовы переехать в Израиль. Чувства и привычки, связывающие их со странами, в которых они жили, Россией, Украиной и другими, были еще сильны. Многих привлекали открывшиеся перед ними возможности и надежды в результате перемен, происходивших в их странах. Немало людей считали, что поскольку выехать в Израиль легко и просто, то они всегда успеют это сделать, если захотят. А пока можно попытать счастья и дома, никуда не двигаясь. Я признаю, что под давлением обстоятельств мы недостаточно точно оценили возможные размеры этого явления до его начала. Было трудно оценить размеры положительных изменений на постсоветском пространстве. Значительно больше внимания мы уделяли существовавшим угрозам и опасностям, пытаясь сделать все возможное, чтобы быть к ним готовыми.

Мы поддерживали еврейскую самоорганизацию, иногда инициируя ее. Деятельность этих еврейских организаций не всегда соответствовала на сто процентов нашим целям. Но мы предпочитали, чтобы любая еврейская деятельность проходила во взаимодействии с государственными структурами еврейского государства. Организации евреев бывшего Советского Союза были бедными и зависимыми, в отличие от их соплеменников на Западе, из-за отсутствия ресурсов. Общий подход евреев во всем мире, да и в Израиле, к евреям на постсоветском пространстве был следующим: они люди бедные, несчастные, нуждаются в помощи и неспособны к самостоятельной деятельности. Большинство еврейских организаций считали, что «они, евреи Советского Союза, не в состоянии сами определить свою судьбу. Мы приедем и покажем им, что делать, как делать и с кем делать». Я, в свою очередь, был сторонником совместной и слаженной работы с евреями. Вероятно, потому, что сам был когда-то одним из них и мог лучше других понять этих людей. У меня не было проблемы поставить себя на их место и посмотреть на окружающее их глазами.

Действительность спутала наши карты. Вдруг оказалось, что в новой России (да и в других государствах, созданных на развалинах Советского Союза) евреи способны сами объединиться, организоваться и решить, как они воспринимают свое еврейство и что они хотят от евреев других стран. Так возник Российский Еврейский Конгресс. Как-то я ехал в одной машине с генеральным директором Министерства главы правительства Цви Альдероти. Вдруг ему позвонил Главный раввин Москвы и попросил организовать встречу с премьер-министром Израиля для одного из московских евреев – Владимира Гусинского. По его словам, Гусинский собирался приехать в Израиль и просит

встречи с главой правительства Шимоном Пересом, чтобы рассказать тому об идее создания новой еврейской организации. Альдероти взглянул на меня, улыбнулся и сказал раввину, что Гусинский должен обратиться к Якову Кедми и после встречи с ним будет принято решение о встрече.

Я прекрасно знал, кто такой Гусинский, и был в курсе проблем, которые были у него с Коржаковым, начальником Службы охраны президента Ельцина. В тот момент положение Гусинского уже было намного лучше. Незадолго до этого, из-за конфликта с Коржаковым, он вынужден был на время покинуть Россию. Он обратился к еврейским организациям на Западе и попросил у них помощь и защиту. Часть из них обратилась ко мне: верно ли, что Гусинского преследуют из-за его еврейского происхождения. Я ответил, что, действительно, Гусинский еврей, но его конфликт с властями никак не связан ни с его еврейством, ни с антисемитизмом. Я добавил, что они вправе решить, помогать ли ему и как, но это не еврейская проблема.

Владимир Гусинский пришел ко мне и изложил свою идею создания Российского Еврейского Конгресса. Причины, побудившие его к этому решению, были мне ясны. По моему мнению, прежде всего, он видел в Конгрессе инструмент для укрепления своего положения в глазах властей России и некоторую гарантию личной безопасности. После последнего конфликта с властями ему стала предельно ясна вся хрупкость его положения, как и положения других олигархов. Неудачная попытка заручиться поддержкой еврейских организаций Запада научила его, что недостаточно быть просто евреем, надо быть занятым и в международной деятельности еврейских организаций. И для такого статуса желательно самому стоять во главе такой организации. В моих глазах в таком подходе не было ничего предосудительного, большинство руководителей еврейских организаций в мире действуют, руководствуясь более или менее сходными соображениями. Участие в еврейской деятельности нередко является частью их общественного, политического и нередко делового статуса. Для меня не имеет значения, как и в результате чего человек приходит к еврейскому самосознанию и участию в еврейской жизни. Я тоже не могу найти рационального объяснения, как и почему в один прекрасный день я зажегся сионистскими идеями до такой степени, что не представляю себе жизни без Израиля и моего народа. Абсолютное большинство евреев приехали в Израиль под давлением обстоятельств. И кто я такой, чтобы судить о причинах, которые побуждают других евреев оказать помощь еврейскому народу и еврейскому государству.

Идея Гусинского о создании Российского Еврейского Конгресса понравилась мне с самого начала. Довольно быстро я понял то, что до этого момента окончательно не осознавал, – евреи России созрели для самостоятельного пути. У них есть для этого достаточно средств, как финансовых, так и политических и людских. Я представил Гусинскому свое видение идеи Еврейского Конгресса и организационной самостоятельной еврейской деятельности в России вообще. Между нами не было разногласий по принципиальным вопросам, и мы быстро согласовали цели и методы работы Конгресса и программы взаимодействия Российского Еврейского Конгресса и государства Израиль. Я порекомендовал премьер-министру Израиля поддержать Конгресс и оказать ему всяческое содействие, и мы начали действовать в этом направлении. Не все это поняли и приняли, даже в «Нативе». До сих пор большинство, как в Израиле, так и на Западе, преисполнено чувства превосходства и пренебрежения к евреям бывшего Советского Союза, а не равного взаимодействия с ними. И сегодня подход этих чиновников таков: этим евреям нужно указывать, а не сотрудничать с ними. Многие не понимают или отказываются понимать, что евреи России, Украины или любого другого постсоветского государства – это живой и независимый организм и они сами прекрасно осознают свои цели и задачи и способны принимать решения, как в своей стране, так и в международной политике и международной еврейской деятельности, исходя из собственных интересов. Еврейские организации на постсоветском пространстве ничем не отличаются по своей национальной сути от еврейских организаций Северной и Южной Америки, Европы или Австралии.

Я приложил все возможные с нашей стороны усилия для укрепления статуса Конгресса в глазах российских властей, среди еврейских организаций в мире и в Израиле. Мне было важно, чтобы власти России видели, что Конгресс представляет еврейское население России во всем его многообразии, настоящую интеллигенцию и элиту деловых кругов. Что не идет речь о религиозной организации, которая по своей природе не может представлять еврейство России – оно в абсолютном большинстве не религиозно. Было также существенно, чтобы российское руководство поняло, что государство Израиль видит в Конгрессе основного и главного представителя евреев России и готово говорить с властями для него и с его помощью, в том числе и по политическим аспектам отношений между нашими странами. Я старался, чтобы власти в России поняли, что без нормальных отношений между ними и российским еврейством не может быть нормальных отношений между Россией и Израилем.

Исходя из желания укрепить статус Конгресса там, где это было возможно, я старался направлять контакты между странами по нашей инициативе, при участии Конгресса. Не раз я говорил и Гусинскому и другим руководителям Конгресса, что, как и они, я вижу целью достижения Конгрессом статуса в России аналогичного статусу еврейских организаций в США. И во внутренних российских вопросах, и во внешней политике у евреев России есть свои интересы, и их место в еврейском мире точно такое же, как у евреев Америки и Европы.

Когда, например, Ариэль Шарон в качестве министра инфраструктуры или министра иностранных дел просил меня помочь организовать его визиты в Россию, я позаботился о том, чтобы Конгресс был задействован в программах визитов. Можно было организовать эти визиты не хуже и не привлекая Конгресс, но я придавал большое значение участию Конгресса в подобных мероприятиях. Было важно показать, что высшие государственные деятели Израиля при приезде в Россию обязательно встречаются с руководством Конгресса, представляющего в их глазах евреев России. Особая заслуга Гусинского в том, что, несмотря на многие разногласия между ключевыми фигурами Конгресса, ему удалось собрать в руководстве большинство деловой еврейской элиты России. Во время визита Ариэля Шарона в качестве министра инфраструктуры Конгресс организовал ему встречу с сорока евреями, представляющими новую деловую элиту России. Шарон был ошеломлен как их возрастом (старейшие приближались к сорока годам), так и теплой атмосферой приема и интересом и уважением, с которым они отнеслись к Шарону и к Израилю. Шарон откровенно обратился к ним с призывом развивать деловые отношения с Израилем и вкладывать деньги в экономику Израиля. Многие из них откликнулись на его призыв, пока не получили звонкую пощечину и от полиции Израиля, и от израильского общества, которые видели в них только «русскую мафию». В крепнущей деятельности Российского Еврейского Конгресса я видел перспективу будущих успешных отношений с возрождающимся и динамичным еврейством России.

Я был в курсе всех закулисных игр в Конгрессе, попыток использовать организацию для поднятия престижа того или иного деятеля или той или иной группы. Но это было распространенным и общепринятым явлением, и не только в еврейских, но и в любых организациях подобного рода. Нам было важно через совместную деятельность оказывать влияние на Конгресс, чтобы его деятельность соответствовала израильским государственным интересам. Очень важным был тот факт, что Конгресс был финансово независим и мог действовать

самостоятельно. В Министерстве иностранных дел Израиля вначале отнеслись к Конгрессу с усмешкой. С их точки зрения, разве можно было представить, как эти несчастные, убогие, с примитивной культурой и дикими манерами, наполовину восточноевропейские, наполовину азиатские евреи, могут позволять себе вести себя так, как будто бы они – евреи Запада. Американским и европейским еврейским организациям, как и профессиональному и политическому истеблишменту Израиля, было трудно видеть в евреях бывшего Советского Союза равных себе. И только один фактор оказался решающим в изменении характера этих отношений – деньги и растущее богатство и экономическая мощь евреев России. Деньги являются самым мощным и решающим аргументом, с которым считается большинство структур и слоев общества Израиля. Ведь и отношения между истеблишментом Израиля и евреями Соединенных Штатов базируются в основном на преклонении перед финансовой и экономической мощью последних.

В процессе организации выезда евреев в Израиль родилась идея вывозить их морем. Я считал это очень хорошей идеей. Плавание из Одессы до Израиля длится четыре-пять дней. Выезжающие могли бы взять с собой на корабль намного больше багажа. Во время рейса соответствующие израильские службы могли бы проделать все необходимые формальности, включая оформление документов. Прибыв в израильский порт, люди могли бы сразу, с багажом, отправиться на то место жительства, которое было бы окончательно оговорено во время плавания. Стоимость морских перевозок была дешевле авиационных. Можно было бы сэкономить десятки миллионов долларов, если не больше, которые тратились на хранение тысяч тонн багажа на складах в Европе и в Израиле, не говоря уже о прекращении мытарств новоприбывших, вынужденных до года и больше ждать получения своих вещей. Десятки миллионов долларов сэкономили бы от закрытия перевалочных пунктов в Европе. Но именно это и вызвало бешеное сопротивление Еврейского Агентства идее морских перевозок. Закрыть перевалочные пункты, сократить огромные расходы, прокручивающие сотни миллионов долларов, со всем, что из этого вытекало, – ни за что! Еврейскому Агентству удалось торпедировать эту хорошую идею.

48

В начале 90-х годов началось взаимодействие «Натива» и израильской полиции. Как-то я встретился с генерал-майором в отставке Яковом Лапидотом, который был начальником Колледжа национальной безопасности, когда я начинал учиться там. По окончании своей каденции в Колледже Лапидот демобилизовался из армии. Уже будучи директором «Натива», я пригласил его к себе на дружескую беседу. В то время Лапидот был генеральным директором Министерства внутренней безопасности. Во время беседы я предложил ему поехать выступить перед евреями бывшего Советского Союза. Лапидот и внешне выглядел довольно впечатляюще. Кроме того, у него было еще одно преимущество, Лапидот, родители которого приехали в Израиль из Литвы, знал идиш. Немногие генералы израильской армии говорили на идиш, и я знал, какое это произведет впечатление на евреев. Удивленный, он спросил меня, о чем же он будет говорить с этими людьми. Я сказал ему: «Расскажи о себе. Расскажи об Израиле, каким ты его видишь и каким бы хотел видеть. Расскажи об Армии Израиля, которую ты хорошо знаешь. Говори на идиш, тебя поймут, а если будет надо, то мы переведем тебя и с иврита. Израильский генерал, красивый внешне, участвовавший в войнах и говорящий на идиш, произведет огромное впечатление на евреев». Лапидот загорелся идеей и согласился. На последнем инструктаже перед поездкой я предложил ему встретиться также и с коллегами из Министерств внутренних дел постсоветских государств. Я подчеркнул важность для нас связей с Министерствами внутренних дел во всех государствах, в которых он побывает, – разрешения и оформление на выезд в Израиль были в компетенции Министерств внутренних дел. Налаженные связи с системой, занимающейся выездом, позволяли быстро и эффективно решать многие проблемы. В визите Лапидота, генерального директора Министерства внутренней безопасности Израиля, я видел возможность установить и развить отношения с органами Министерств внутренних дел.

Были у меня и другие цели. Обстановка во многих государствах бывшего Советского Союза была нестабильной и опасной, то тут, то там возникали вооруженные конфликты, иногда доходящие до гражданских войн. Во главе новых государств находились бывшие советские функционеры, и было неясно, какими путями пойдут эти страны. В такой ситуации мы были очень озабочены безопасностью евреев. Войны вспыхнули внутри и между новообразованными государствами в Средней

Азии, на Кавказе и в Молдавии. Россия и Украина также были не раз на грани гражданских войн или внутренних вооруженных конфликтов на национальной почве. Это происходило еще до войны в Чечне, и мы отлично сознавали всю опасность ситуации в Чечне. Мы предвидели и понимали, что, возможно, нам придется оказать помощь евреям, оказавшимся в зонах конфликта, – как в дальнейшем и произошло. Мы предполагали, что придется вывозить и переправлять евреев из районов боев в другие места, как мы не раз и делали впоследствии, и тогда нам понадобятся связи с властями, с милицией и с Министерствами внутренних дел как для вывоза людей, так и для провоза через соседние страны. Но всего этого я тогда Лапидоту не рассказал.

Насколько я помню, Лапидот посетил Россию, Беларусь и Украину. В каждой из этих стран мы сообщили в Министерство внутренних дел, что приезжает генеральный директор Министерства внутренней безопасности Израиля для встреч с еврейским населением, но будет рад встретиться и со своими коллегами. Наше сообщение повсюду встретили с воодушевлением. Министерства внутренних дел и милиции новых государств жаждали контактов со своими западными коллегами и признания на Западе. Местным правоохранительным органам было важно получить помощь полиций стран Запада. Как и для своего статуса, так и для того, чтобы очиститься от образа наследников советской милиции.

Во время визита было несколько трогательных, волнующих моментов. Например, в Белоруссии, в самом большом зале Минска, собрались несколько сот евреев, которые с восторгом встретили израильского генерала. На тот же вечер была также назначена встреча Лапидота с руководством Министерства внутренних дел Белоруссии. Незадолго до окончания встречи с евреями Минска вдруг в зал вошла группа генералов и офицеров МВД и села на почетные места в первом ряду. Евреи Минска, для которых обычно появление офицеров милиции было, как правило, довольно болезненным явлением, были ошеломлены, увидев входящих. Лапидот поприветствовал своих белорусских коллег и продолжил выступление. Когда он увидел, что вопросы у публики не кончаются, он обратился к залу и, извинившись, сказал, что руководители МВД Белоруссии ждут его и он с сожалением просит заканчивать встречу. И тут встал генерал-полковник МВД Белоруссии и обратился к Лапидоту: «Продолжайте, пожалуйста. Вы – израильский генерал, приехали из еврейского государства выступить перед евреями Белоруссии. Мы с большим уважением относимся к этому. Прежде всего, выполните то, что вы считаете вашей обязанностью перед евреями, вашими соплеменниками. А

мы подождем». Люди в зале были поражены. Они увидели, с каким уважением руководство МВД, которое еще совсем недавно наводило страх на всех граждан, относится к ним, евреям и к гостю из Израиля, приехавшему к ним как к своим соплеменникам. Лапидот тоже растроган. Это было одним из признаков перемен и новых возможностей, которых не было ранее.

Произошедшее на следующий день превзошло все ожидания. Когда Лапидот прибыл с официальным визитом в МВД Белоруссии, в честь его был устроен парад. Чеканя шаг, перед израильским генералом прошли рядовые и офицеры внутренних войск. Но настоящий сюрприз был впереди – вдруг ансамбль МВД грянул… еврейские песни на идиш под аккомпанемент оркестра МВД Белоруссии! Это было воистину сюрреалистическое зрелище. Во время визита Лапидота была достигнута договоренность о начале сотрудничества между Министерствами внутренних дел новых постсоветских государств и Израиля. В результате был назначен представитель полиции Израиля в России, который был также аккредитован в Белоруссии и некоторых других государствах, и отдельный представитель на Украине, также аккредитованный и в ряде других постсоветских государств.

Первым представителем полиции Израиля на Украине стал Арье Каплан. Я познакомился с ним в 80-х, во время одной из совместных операций вместе с отделом полиции легендарного Зигеля. Каплан работал в милиции еще в Литве, откуда он репатриировался в Израиль. В полиции Израиля он служил в отделе особо опасных преступлений и уже был майором, когда я с ним познакомился. Немного позже я предложил Каплану быть представителем «Натива» в Узбекистане. И тут мне позвонил Лапидот и попросил вернуть Каплана в полицию, чтобы направить его представителем полиции Израиля в Киев. Я был очень рад и с удовольствием согласился. Вот так и началось сотрудничество полиции Израиля и Министерств внутренних дел постсоветских государств.

Еще до начала массового выезда евреев СССР в Израиль я пытался не раз разъяснить, что желательно и полиции Израиля подготовиться к приезду большого количества евреев. Я говорил, что среди прочих приедут и такие, которые не всегда отличались законопослушанием в Советском Союзе. Поэтому желательно, чтобы израильская полиция знала, как противостоять этим людям, поскольку этот тип правонарушителей разительно отличался от того, который им был известен. Из моего знакомства с израильской полицией в то время я знал, что она была не в

состоянии справиться с преступниками из Советского Союза, очень агрессивными, жестокими, изворотливыми, имевшими опыт противостояния одной из сильнейших правоохранительных служб в мире. Как обычно в Израиле, никто не прислушался к нашим предупреждениям, и полиция Израиля не осознала серьезности ожидавших ее проблем и не подготовилась заранее. В результате была наделана масса ошибок и нанесен немалый ущерб и государству, и репатриантам, и самому выезду в Израиль, а также полиции Израиля и ее престижу.

В рамках сотрудничества между полицией Израиля и Министерствами внутренних дел постсоветских государств начался обмен информацией. У «Натива» также установились хорошие рабочие отношения с Министерствами внутренних дел новообразованных государств, что заметно помогало нам в повседневной работе. Одним из удивительных примеров такого сотрудничества стал семинар, специально организованный «Нативом» для работников ОВИРов Украины, занимавшихся оформлением документов выезжающих в Израиль. На семинар, длившийся неделю, из Израиля были присланы лекторы, говорящие по-русски, которые рассказали о различных аспектах выезда в Израиль. Особое внимание было уделено юридическим вопросам. По сути дела, «Натив» разъяснил МВД Украины, как происходит репатриация с израильской точки зрения и как завершается в Израиле процесс, начинаемый в отделениях ОВИРа. Мы хотели облегчить и упростить весь процесс оформления документов и выезда в Израиль. Мы договорились также о предоставлении Украиной, в случае если возникнет необходимость, транзита для перевозки евреев из граничащих с Украиной государств. Был оговорен и вопрос о выдаче проездных документов на основе наших обращений и нашей идентификации выезжающих, если люди прибудут без личных документов.

Первым, или одним из первых, донесением, предоставленным полиции Израиля о проникновении, возможностях проникновения и поездок преступников из России в Израиль, было мое донесение. Это был детальный отчет, суммирующий собиравшуюся у нас информацию из наших источников, в котором было описание каждого, о ком у нас была информация о его связи с преступным миром, или же он подозревался в этом. Как и принято, я указал, что информация, полученная нами, в основном устная и от третьих лиц, а не из первоисточников. Я передал информацию почти необработанной. Не было дано никакой оценки данной информации. Преступность не входила в нашу компетенцию, и мы не занимались проверкой такого рода

информации. Она интересовала нас только в связи с евреями и их выездом в Израиль. Мы видели в этих сведениях и подозрениях только ориентировку, и не больше. В наших глазах достоверность этой информации была не очень высокой, и нам и в голову не приходило, что полиция Израиля отнесется к сведениям в отчете почти как к доказательству вины подозреваемых и построит свою политику на таких безосновательных и непроверенных сведениях. Полиция Израиля, как и все израильские структуры, не обладала достаточными знаниями, пониманием и способностями для взаимодействия с советскими и постсоветскими структурами. Представитель полиции Израиля, посланный в Москву, правда, знал немного русский язык – его детство прошло в Польше, но у него не было ни знаний, ни понимания происходящего в Советском Союзе и в России. Это не его вина – он просто никогда этим не занимался.

Во время своего пребывания в Москве он постоянно встречался с представителями милиции, МВД и других правоохранительных структур, что само по себе было нужным и правильным. Неоднократно во время этих проходивших в московских ресторанах встреч ему передавали различные слухи и сплетни, ходившие по Москве и по России. Надо было хорошо разбираться в специфике жизни в стране, чтобы правильно оценить рассказанное, где было мало правды и много фантазии и лжи. В особенности на фоне жестокой внутренней борьбы, бушевавшей тогда и которая сопровождалась распространением лжи, слухов, надуманных обвинений и подозрений, только чтобы очернить соперников. Это называлось компроматом, черным компроматом. Российские средства информации принимали в этом активное участие. Средства информации, частные и не только частные, и многие журналисты были инструментом в этой борьбе и за плату были готовы выдать любую информацию, заказную и сфабрикованную. Были и такие, кто превратил такие публикации в источник заработка. Не раз бывало, что журналист или представитель радио или телекомпании обращался к кому-то и требовал платы за то, что не опубликуют о нем негативную информацию, неважно, правдивую или ложную. Большинство, как правило, платило, но были и такие, которые отказывались. А были и те, кто оплачивал публикации против своих конкурентов или противников. Это были чудеса и прелести новой России, в которой царствовал беспредел, не было ни суда, ни закона и все решали только сила и деньги.

Коррупция в России проникла и в милицию, и в МВД, и даже в службы безопасности и разведки, правда, в большей мере в Службу безопасности и намного меньше в Службу внешней

разведки. И вот целый ушат этих слухов выливался представителю израильской полиции в Москве. Будучи дисциплинированным офицером, он все это записывал и, поставив гриф секретности, посылал как донесение руководству полиции в Израиль. Полиция Израиля оказалась завалена «Сказками тысячи и одной ночи» о российской преступности и об огромной волне российских преступников, готовых наводнить весь Израиль. К этому нужно добавить еще один аспект. К концу восьмидесятых – началу девяностых первые российские предприниматели начали появляться на Западе, при этом они вывозили капиталы из страны. Речь шла о миллиардах долларов. В попытках остановить вывоз капитала Служба внешней разведки распространяла на Западе слухи, что это деньги партии, КГБ или преступного мира. Их целью было посеять недоверие и затруднить вложение денег и установление связей новых предпринимателей, как евреев, так и неевреев на Западе. Эти слухи очень быстро нашли отклик на Западе, и каждый предприниматель из бывшего СССР считался или преступником, или агентом КГБ. Россия и ее деловой мир до сих пор расплачиваются за неумные, недальновидные и безответственные решения, принятые некоторыми офицерами спецслужб в конце 80-х и начале 90-х.

Запад, включая США и Израиль, никогда не блистал глубоким пониманием Советского Союза и России. Врожденный и традиционный страх перед Россией, перед этой огромной страной на востоке, наполовину азиатской, был почти патологическим. Эти слухи попали на благодатную почву. Власти, полиция и спецслужбы Запада быстро и с готовностью восприняли подозрительное отношение к предпринимателям с постсоветского пространства. Вместо исчезнувшей советской угрозы призрачная угроза «русской мафии» служила хорошим основанием для сохранения бесчисленных служб безопасности с огромным аппаратом и раздутыми бюджетами. Израильская полиция не осталась в стороне от общего психоза и скатилась к запугиванию российской преступностью, которая вот-вот затопит Израиль. В попытках противостоять этой страшной угрозе в полиции не нашли ничего лучшего, как воспользоваться услугами одного из эмигрантов, прибывшего в семидесятых годах из Советского Союза. Речь шла о немного экстравагантном, странном типе, выступления которого обычно были на грани провокации. То ли он вдруг решил помочь полиции, то ли полиция решила сама воспользоваться его услугами. Этот человек никоим образом никогда не был связан с работой правоохранительных органов, не считая нескольких допросов в СССР и в Израиле. Несколько дней

он просидел в одном из штабов полиции в Петах-Тикве, рассказывая всевозможные басни о российской преступности и «русской мафии», которая вот-вот заполонит Израиль. Полицейские слушали и записывали эти бредовые россказни, а впоследствии превратили сделанные записи в теоретическую базу по борьбе с «русской мафией», прибывающей в страну вместе с выезжающими в Израиль евреями.

Были в полиции и офицеры, которые хотели сделать на этом карьеру. Один из руководителей отдела разведки полиции даже объявил, что русская преступность является «стратегической угрозой государству Израиль». По его мнению, это звучало достаточно значительно и серьезно. Однажды этот офицер вернулся с одной из международных полицейских конференций Европы и с апломбом заявил, что «четыре миллиарда долларов уже ввезены в Израиль русской мафией!». Как-то, встретившись с ним, я спросил, на каких данных основывается это заявление, проведена ли была проверка и оценка финансовых переводов в страну через банки. В то время подобные суммы вообще не переводились в Израиль. Его ответ меня обескуражил. Он сказал, что слышал об этой сумме от одного из участников Международной конференции Европы! Я был поражен: сплетня, рассказанная кем-то из восточноевропейских полицейских, была превращена в почти официальное заявление полиции Израиля?! Никому и в голову не могло прийти, что источником подобного сенсационного заявления стали никем не проверенные слухи. Все были уверены, что полиция еврейского государства тщательно изучила и расследовала данные, прежде чем выступить с таким обличением, еще и с антисемитским душком. И эта высосанная из пальца цифра, которую никто и не удосужился проверить, фигурировала впоследствии не раз на совещаниях, в политических заявлениях, в решениях полиции и государственных учреждений. Под предлогом угрозы «русской мафии» у наших полицейских чинов родилась гениальная идея: необходимо, чтобы компьютер Банка Израиля был под контролем полиции и все финансовые переводы в страну, прежде всего, проходили через полицию Израиля! Можно только представить, как бы отреагировали на это во всем мире и какие шаги предприняли бы финансовые структуры и иностранные предприниматели в отношении Израиля, если бы знали, что все финансовые переводы в Израиль и из Израиля контролируются полицией. К нашему счастью, этот план не был претворен в жизнь.

Именно тогда у премьер-министра Рабина было проведено совещание по вопросу угрозы возможного проникновения

в Израиль преступности из бывшего СССР. На совещании было принято решение об организации в полиции Израиля специального подразделения, которое бы занималось вопросами российской преступности в Израиле. Предполагалось проверить это явление, всесторонне изучить его, а после этого делать выводы. Было решено назвать новое подразделение Отделом по борьбе с международной преступностью, не упоминая «русскую преступность» и «русскую мафию», чтобы скрыть истинное направление и причины создания этого подразделения и не будоражить общество. После этого совещания я сказал Рабину, что меня очень тревожит принятое направление. Я опасался, что все это приведет к созданию атмосферы подозрительности по отношению к новоприбывшим из бывшего Советского Союза. Рабин мне ответил: «Я сознаю, что существует такая возможность, и я не дам этому произойти. Не волнуйся, мы это остановим». Я полагался на него и знал, что он сделает все возможное для предотвращения такого развития событий. Я и сегодня уверен, что если бы не трагическая гибель Рабина, то не было бы всей этой вакханалии с так называемой русской мафией.

Через некоторое время после этого совещания Рабин был убит, и главой правительства стал Шимон Перес. Кроме шока от того, как он стал премьером, Перес сосредоточил все свое внимание и все свои усилия на попытках удержаться у власти. Полиция в вопросе «русской мафии» дошла тогда до полного беспредела. Моя позиция была прямо противоположной позиции полиции, и я пытался опровергнуть их заявления, апеллируя к фактам. Конечно, это, мягко говоря, не нравилось полиции, хотя они были не в состоянии противостоять ни нашим знаниям, ни нашей позиции. Не говоря уже о том, что несмотря на все предпринятые полицией попытки, ей не удалось обнаружить даже намека для подозрения работников «Натива» в связях с преступным миром.

Помню совещание у премьер-министра Переса, на котором присутствовали руководители спецслужб, полиции и я. И вдруг я слышу заявление представителя Министерства полиции, которое особенно возмутило меня. Из заявления следовало, что в Израиле обнаружился крупный преступник с Украины, который вывез 300 миллионов долларов, и он, руководитель полиции, лично позаботится о выдаче этого преступника украинским властям, чтобы того предали суду. Примерно за год до этого случая я подал премьер-министру донесение, копию которого отправил и главе полиции. В этом документе я указывал на то, что на Украине начали использовать антисемитские мотивы во внутренней политической борьбе, обвиняя евреев в тяжелом

экономическом положении страны. В качестве примера я привел статью из антисемитской газеты ветеранов украинского подразделения «Нахтигаль», входившего в состав войск СС. В статье говорилось о главе правительства Украины, еврее, сбежавшем в Израиль с 300 миллионами долларов, – именно это, по словам автора, привело страну в столь бедственное положение. Мне и в голову не могло прийти, что полиция Израиля воспользуется провокационной статьей в антисемитской газете ветеранов СС для доказательства существования «русской мафии» и выдвижения обвинений против еврея. Я-то хорошо понимал, что в тогдашней Украине каждую неделю заводили уголовные дела против тех или иных политиков или представителей власти – это было средством политической борьбы. А через некоторое время эти дела закрывались и подозреваемые объявлялись невинными, как дети, а через некоторое время все могло начаться заново. И до меня дошли слухи о коррупции премьер-министра Украины, но между этими слухами и тремястами миллионами долларов, якобы вывезенными в Израиль, была огромная разница.

Я познакомился с упомянутым премьер-министром во время визита на Украину министра иностранных дел Израиля Шимона Переса. Я неоднократно беседовал с руководством Службы безопасности и полиции Украины о слухах, связанных с их премьер-министром и другими крупными политическими фигурами. Я объяснил им, чтобы они и не надеялись: мы не поддадимся ни на какие попытки втянуть нас и государство Израиль во внутренние политические игры на Украине. И если украинский прокурор, сводя политические счеты, выдаст ордер на арест кого-либо, а тот, будучи евреем, уедет в Израиль, то мы не вытянемся по стойке «смирно» и не выдадим его. Будучи еврейским государством, мы защитим евреев и не дадим превратить их в разменную монету политических игр ни в их стране и ни в любой другой стране. Мои украинские собеседники с пониманием отнеслись к нашей позиции. А вот не приняли эту позицию «умники» из полиции Израиля, полиции еврейского государства, превратив его в инструмент антисемитских сил и кругов.

В свое время я доложил Ицхаку Рабину об этом случае, как и о публикациях и слухах на Украине, а также о своих беседах с украинскими чиновниками. Рабин одобрил и поддержал мою позицию и заявил, что никто не втянет нас ни в какие политические игры и мы никогда не выдадим ни этого еврея и никого другого в подобной ситуации. Именно поэтому меня так возмутили слова представителя Министерства полиции на совещании у Переса. Я сказал, что стыдно и позорно слышать из

уст представителя полиции Израиля заявления, основанием для которых являются антисемитские статьи в пронацистской газете. История повторилась через полтора года, когда полицейский репортер Ури Агаронов в телевизионной передаче сообщил о сенсационном разоблачении, сделанном полицией Израиля в борьбе с «русской мафией», – обнаружении в Израиле беглого преступника с Украины с 300 миллионами долларов. Вероятно, полиции Израиля, несмотря на все ее усилия, за полтора года не удалось обнаружить ничего нового, что могло бы поддерживать в центре общественного внимания тему российской преступности, и она решила заново воспользоваться старыми байками-страшилками, прибегнув к услугам верного и послушного обозревателя. А что касается самого виновника, то со временем он вернулся на Украину, с него сняли все обвинения, он был заново избран в Украинскую раду и к своему восьмидесятилетию был награжден президентом Украины высшим орденом за заслуги перед страной.

Способность же полиции Израиля справляться с реальной русской преступностью была чрезвычайно низкой. Я помню визит в Израиль министра внутренних дел России генерал-полковника Ерина. Он повторил просьбу о задержании в Израиле преступника, подозреваемого в серьезных преступлениях в России и находившегося в розыске. Российские правоохранительные органы несколько раз передавали полиции Израиля имена, под которыми скрывался этот человек, номера его телефонов и адреса в Израиле, по которым тот проживал. Но полиция Израиля сообщила России, что ей не удается его разыскать. В рамках визита был дан обед в честь министра внутренних дел России в ресторане одной из хайфских гостиниц. К величайшему стыду, разыскиваемый спокойно сидел в фойе гостиницы, поджидая министра и его сопровождающих, чтобы попытаться уладить с ними проблемы.

В той же самой беседе министр Ерин просил посредничества полиции Израиля в налаживании связей с ФБР в Соединенных Штатах. Он рассказал о преступнике Иванькове по кличке Япончик, которого в России подозревали в том, что он являлся руководителем крупной преступной группировки. Иваньков незаконно въехал в США и спокойно проживал и «работал» в Нью-Йорке. В течение нескольких лет полиция США и ФБР игнорировали как обращения МВД России по его поводу, так и факт его незаконного проживания в США. Только по прошествии нескольких лет, когда несколько иммигрантов из СССР обратилось в полицию США с заявлениями об угрозах со стороны Иванькова, тот был арестован, осужден и выдан России. В России

через несколько лет он был убит, вероятно, своими соперниками. Этот случай наглядно демонстрирует, насколько «серьезно» относились в мире к реальной, а не мнимой российской преступности. Истерия по поводу «русской мафии» была на руку различным ведомствам, а когда нужно было действительно ловить преступников, органы правопорядка бездействовали.

Со временем я вдруг обнаружил, что Министерство внутренних дел Израиля превратилось в филиал полиции Израиля. Каждая несуразная глупость, исходившая из полиции Израиля, воспринималась МВД Израиля как приказ. Я не мог примириться с этим, в особенности когда это касалось новоприбывших из бывшего СССР. У полиции может быть мнение, но Министерство внутренних дел должно пользоваться при решении своим мнением, а не слепо исполнять желания полиции. Как-то ко мне обратился один еврей с Украины. Он уже полтора года проживал в Израиле, не получая ни статуса репатрианта, ни статуса гражданина. Я обратился в МВД с просьбой выяснить причину. Ответ был следующим: согласно документам израильской полиции, он подозревается в совершении преступлений на Украине. Я обратился в полицию и получил от них копию полученного документа из прокуратуры Украины. Я привожу написанное в этом документе, но не дословно: данный человек был руководителем одного из государственных фондов, возможно, что в фонде были финансовые нарушения, возможно, что он имел отношение к этим финансовым нарушениям, возможно, что в этих финансовых нарушениях были признаки нарушения закона, возможно, что он имел отношение к нарушениям финансовой дисциплины. Вот и все. Не было ни слова о начале уголовного расследования вообще, ни о том, что он является подозреваемым. Только «возможно и вероятно». И на основании этого полиция Израиля возвела его в ранг разыскиваемого международного преступника, заявляя, что она возражает против предоставления ему израильского гражданства. Я запросил полицию, сколько времени человек должен ждать? Полиция проверяет, каково положение дел с ним? Ответ полиции: кроме посылки письма в МВД Израиля, никаких больше действий не предпринималось. Так приговорили человека, который даже не знает за что, без возможности возразить, обжаловать, на основе бумажонки, а даже непосвященному ясно, что она подметная, заказная. Я решил выяснить, как обстоят дела в действительности.

Во время ближайшей поездки на Украину я встречался также и с главой правительства Украины. Мне было известно, что он знаком с этим человеком в Израиле. Я поинтересовался у

премьер-министра, есть ли какие-либо подозрения в отношении этого человека или ведется ли следствие. Его ответ был: «С какой стати? Нет никакого следствия и никаких подозрений. Он честный человек». Вернувшись в Израиль, я написал отчет, в котором указал, что согласно заявлению премьер-министра Украины против данного лица нет никаких подозрений и не ведется никакого расследования. Отчет я направил главе правительства Израиля и руководству полиции Израиля. У полиции не оставалось выхода, и она направила письмо в Министерство внутренних дел Израиля, что по данному лицу у них нет возражений для предоставления ему гражданства Израиля. Но, зная, с кем я имею дело, я направил письмо в МВД Израиля, в котором требовал признать данного человека гражданином Израиля с момента подачи им заявления об этом, то есть полтора года назад, поскольку затяжка в предоставлении гражданства произошла не по его вине и он не должен ждать еще год до получения паспорта. Наконец-то дело уладилось и ему дали гражданство и выдали паспорт. Но возникают вопросы: а если бы он случайно не наткнулся на меня? Если бы я не влез в это дело до мельчайших подробностей? Если бы глава «Натива» не использовал свои возможности и связи? Если бы этот человек не был знаком с премьер-министром Украины? Что бы тогда было? И самый пугающий вопрос: сколько подобных случаев произвола было и есть в Израиле?

Однако на этом все не закончилось. Прошло лет шесть-семь. Этот человек уже приобрел квартиру в Натании. По своим делам он несколько раз в год выезжал за границу. В один прекрасный день, когда он вернулся из заграничной поездки, у него отобрали израильский паспорт. Согласно объяснению МВД Израиля, они провели проверку паспортов всех прибывших из бывшего СССР и обнаружили, что когда ему выдали паспорт, то в то время не прошло года с момента предоставления гражданства и до получения паспорта. Я уже к тому времени оставил «Натив», но, поскольку я был знаком с этим случаем, решил вмешаться. Министром внутренних дел был известный борец за права человека, герой борьбы за выезд евреев СССР в Израиль, Натан Щаранский. В письме ему я подробно описал этот случай, объяснив, что произошла бюрократическая ошибка. Через месяц я получил ответ из Министерства внутренних дел, что они не находят дела. Я обратился в «Натив» и попросил выслать в МВД копии всех документов по этому делу. Прошел месяц, и никакого ответа. Я опять обратился в канцелярию министра внутренних дел Щаранского. После нескольких обращений пришел стандартный бюрократический ответ: поскольку во время выдачи

паспорта (семь лет назад!) не прошло года с момента предоставления гражданства, решено забрать паспорт. Никакие обращения к Натану Щаранскому, герою борьбы за права человека, не помогли. Это уже было слишком для меня, и я резко выразился в прессе по поводу действий Министерства внутренних дел Израиля. Я сказал, что советский ОВИР не доходил до такой изощренности в издевательствах над евреями, добивающимися выезда в Израиль, как МВД Израиля в своем отношении к приезжающим и пытающимся приехать в Израиль из бывшего СССР. Я возмущался не только этим случаем, но и многими другими. Не раз, когда новоприбывшие обращались ко мне со своими проблемами, я пытался им помочь, обращаясь в Министерство внутренних дел. Например, однажды в кафе официантка рассказала мне, что она приехала по программе НААЛЕ. Она закончила обучение в школе и в ожидании продолжения учебы подрабатывала в кафе. Она не могла получить израильский паспорт, поскольку в рамках программы посетила свою маму в России. Согласно условиям программы, которые мы определили, дети могли раз в год посетить родителей. Невозможно и бесчеловечно отрывать детей от родителей: они должны видеться хотя бы раз в год. Чиновники Министерства внутренних дел Израиля заявили ей, что, поскольку она выезжала из Израиля, они начнут заново отсчет ее пребывания в стране со дня ее возвращения и только по истечении года она сможет получить паспорт. После нескольких моих обращений в канцелярию Щаранского ей выдали паспорт. Я обращался ко всем министрам внутренних дел. Но меня возмутил тот факт, что Натан Щаранский в своей борьбе за права человека не включал в эту категорию ни новоприбывших из Советского Союза, ни граждан Израиля. Он продолжал «воевать» за права человека в России, но не за права человека своих соплеменников в своей стране.

Неоднократно мне приходилось сталкиваться с «профессиональной» работой полиции Израиля с «русской мафией». Но рекордом был прославленный список 36 подозреваемых в принадлежности к преступному миру бывшего СССР в Израиле, составленный полицией Израиля. Я попросил от полиции копию списка. Причина была простая – мы хотели знать, есть ли в нем евреи и есть ли в нем люди, с которыми у нас есть те или иные контакты. Полиция под разными уловками уклонялась от передачи нам списка. Половина Израиля видела этот список. Не раз я слышал от крупных израильских бизнесменов об их отношении к именам, указанным в списке, но нам, в «Натив», полиция под разными предлогами список так и не

передавала. Я обратился в канцелярию премьер-министра, и по их указанию нам, наконец, переслали копию списка. Не все, но большинство имен были мне знакомы. Во многих случаях я видел почти дословное цитирование моего отчета о возможности проникновения преступного мира из бывшего СССР, написанного несколько лет назад. Я решил никак не относиться к этому, хотя превращать недоказанные подозрения и слухи и сплетни в оперативную базу информации и на основе этого определять, кто преступник, по меньшей мере не профессионально. Но в отношении одного имени я просто не мог остаться в стороне: Владимира Гусинского. Владимир Гусинский стоял во главе Российского Еврейского Конгресса и в этом качестве пользовался поддержкой Израиля и премьер-министра Израиля. Я не мог допустить, чтобы мы его поддерживали и чтобы премьер-министр Израиля встречался с человеком, подозреваемым в принадлежности к организованной преступности в Израиле.

Прежде чем мы решили поддержать Конгресс и Гусинского, мы проверили по нашим каналам в России, кто такой Гусинский, откуда он и каковы его отношения с законом в России. На основе наших проверок мы рекомендовали премьер-министру Израиля, министрам и государственным служащим принимать и встречаться с ним. Прочитав его имя и обоснование в списке «русской мафии» в Израиле, я не знал, смеяться или плакать. Там было написано, что Гусинский не еврей, что в России он подозревается в ограблении банка и что он является компаньоном Григория Лернера. Я был знаком с мамой Гусинского, вечная ей память, чистокровной еврейкой. И отец Гусинского был евреем. Мы это проверили по записи в загсе о рождении Владимира Гусинского, где было указано, что оба его родителя евреи. Как принято, об этом было составлено официальное донесение, переданное в канцелярию «Натива». На самом деле жена Гусинского не была еврейкой. Как полиция Израиля превратила еврея в нееврея, без всякого основания, сочинив историю о фиктивном браке?! Фиктивном до такой степени, что от «фиктивности» у них родились два сына. Правда, это не имело значения, ведь заведующая отделом регистраций в Министерстве внутренних дел Израиля заявила, что наличие общих детей еще не доказательство в ее глазах, что брак не фиктивный, и такое предписание было ей дано своим подчиненным.

Я направил донесение в полицию Израиля, где указал, что Гусинский еврей, а его жена нееврейка. Так что он не мог въехать в Израиль в результате фиктивного брака с нееврейкой. В отношении ограбления банка, о котором говорилось в документе полиции Израиля, я указал, что единственной связью Владимира

Гусинского с банками было то, что он является владельцем банка, довольно крупного по тем временам в Москве. Я добавил, что из документа полиции не ясно, ограбил ли Гусинский свой собственный банк или какой-либо другой. А в отношении Владимира Лернера, который в то время был самым большим пугалом «русской мафии» в Израиле, которым стращали всех и вся, я отметил, что сфера деятельности Гусинского никак не связана с делами Лернера. Гусинский занимался в основном средствами массовой информации и банковским делом, и, согласно имеющимся у нас данным, у него не было никаких деловых или иных связей с Лернером. Мы же и это проверяли не раз и по различным каналам. Скрепя сердце полиции Израиля пришлось вычеркнуть имя Гусинского из списка, но ущерб Гусинскому и вред образу новоприбывших и евреям России уже был нанесен. Полиция продолжала и в дальнейшем распространять всякие слухи, и заместитель министра финансов Израиля увернулся от встречи с Гусинским, потому что кто-то из полиции сказал, что может быть не все так чисто с Гусинским.

До предела низости полиция Израиля дошла в деле Лернера, превратив его в самого крупного и опасного мафиози Израиля. Когда я приехал в Россию, работники МВД России удивлялись: «Яша, скажи, что у вас происходит? У вас там что, спятили? Гришка Лернер мафиози? В лучшем случае мелкий кидала! Какой он мафиози? Зачем и почему вы это делаете?» Я им отвечал, что это полиция Израиля, и я в их дела не вмешиваюсь, и полиция Израиля действительно превратила Григория Лернера в мафиози. Кто-то с извращенной психикой поместил его в камеру, в которой держали Демьянюка. Устроили дешевое представление со спецподразделением полиции в здании суда и с вертолетами, парящими над ним под предлогом того, что «русская мафия», которая существовала только в воспаленном мозгу израильской полиции, попытается похитить Лернера прямо из зала суда и освободить! Какая «русская мафия»? Нет никакой «русской мафии»! Да, в России существует организованная преступность. Но какое им дело до Гришки Лернера? Они пошлют своих боевиков в Израиль освобождать его? Это была чушь несусветная, но надо было произвести впечатление на израильское общество, представив Лернера как показательного, устрашающего русского мафиози. Сам начальник отдела по борьбе с особо опасной преступностью полиции Израиля заявил: «Я его арестовал в назидание другим! Чтобы они знали!» Я не могу понять, как человек, который призван охранять закон, может такое сказать! Арестовывают, если человек совершил преступление, а не для того, чтобы кому-то показать. Это был показательный арест. В

демократических странах не может быть ни показательных арестов, ни показательных судов, каким был первый суд над Лернером.

Лернер просидел под арестом полтора года до суда. Полтора года раз за разом полиция просила продлить арест. Обычный израильский судья получает тайные записки от полиции, полные страшилок, которые никто не может ни проверить, ни опровергнуть. Их содержание более или менее на уровне демагогии, которую я описал выше. Средний израильский судья, трясясь от страха от написанного, тут же утверждает просьбу о продлении ареста. Я спросил адвоката Лернера, с которым был знаком по другим обстоятельствам, почему Лернер пошел на сделку с прокуратурой. По его словам, после полутора лет под следствием, когда каждый раз другой окружной судья продлевает арест, Лернер не верил, что в Израиле найдется судья, который осмелится его оправдать. По условиям сделки он получит меньше, да и не растратит миллионы долларов на бесконечные суды, в результате которых все равно сядет на тот же, если не больший срок. Из всех пунктов обвинения ни один не был доказан. Может быть, разве случай с коробкой шоколада, подаренной Лернером работнице банка. Ему инкриминировали попытку убийства, попытку проведения аферы с банком в России. Но Россия даже не требовала его выдачи или просто возможности допросить его. Также не пришло никакого обличающего его и представленного обвинением материала из России. И это по преступлениям, якобы совершенным в России! Так и осудили его на основе слухов и сплетен. Но что меня разозлило больше всего – это не то, что он сидел в камере Демьянюка, а то, что юридический советник правительства запретил ему получать уроки иврита с помощью учителя под предлогом того, что это представляет опасность. Юридический советник правительства еврейского государства, религиозный еврей, носящий ермолку, запрещает еврею, сидящему в израильской тюрьме, учить иврит! Тот же самый юридический советник, который сегодня уже судья в Верховном суде Израиля, не запрещал другим преступникам, не запрещал арабским террористам получать среднее и высшее образование и изучать в тюрьме все, что они хотели. Только одному еврею он запретил учить иврит в израильской тюрьме.

Истинная суть Лернера, якобы «мафиози», проявилась во втором процессе над Лернером, подтвердившим определение, данное ему в России, «в лучшем случае, мелкий кидала». Но полиции Израиля был нужен кто-то, кем можно было запугать израильское общество угрозой «Русской Мафией». Ведь кроме Лернера и слухов и сплетен, распространяемых полицией через

подметных журналистов, в Израиле не обнаружили даже одного члена русской мафии. В случае с Лернером не менее позорна и реакция израильского общества. Не имеет значения, каков человек, которого судят инсценированным показательным судом за преступления, которые он не совершал. Но израильское общество молчало. Никто из «борцов за права человека» и «борцов за справедливость» не произнес ни звука против несправедливости по отношению к Лернеру и к новоприбывшим из бывшего СССР, ни против издевательства над законом и правоохранительной системой Израиля. Все одобряли и молчали – и общественные деятели, и судьи. Это останется позорным пятном израильского общества, пропитанного отрицательным отношением и предрассудками по отношению к выходцам из СССР. Отрицательный образ выходцев из СССР израильское общество восприняло с удовольствием, даже с вожделением, и до сегодняшнего дня не торопится избавиться от предрассудков по отношению к «русской мафии» и «русской преступности».

То же самое произошло и по поводу Михаила Черного. Полиция Израиля в течение пяти лет прослушивала все его телефоны, не брезгуя даже поставлять ложь всем судьям, у которых просила разрешения на прослушивание. Свои просьбы полиция пыталась обосновать тем, что якобы Черной подозревается в 32 убийствах на территории бывшего СССР. Такое было заключение начальника Разведдепартамента полиции, которое он сделал и по телевидению Израиля. В процессе суда в Эйлате, который закончился полным оправданием Черного, судья спросил представительницу полиции, провели ли они какое-либо расследование или проверку тех обвинений, совершенных якобы в России, включая убийства, которые полиция приписывает Черному? Представитель полиции ответила, что никогда не проводили. К счастью для Черного, у него есть достаточно денег, чтобы нанять самых дорогих и самых известных в Израиле адвокатов. А что бы было, если бы у него не было таких средств? Один из этих адвокатов, Яков Вайнрот, спросил меня, прежде чем взяться за его дело, насколько Черной честен и правдив? Я ответил ему, что я не считаю, что Черного можно приравнивать к праведникам и что он может быть примером и образцом для других. Но одно я могу сказать: то, что полиция Израиля приписывает ему по поводу преступлений в России, безосновательно. В отношении других дел я сказал, что я не знаю. То же самое я могу сказать с чистой совестью и по поводу Лернера: его обвинение на первом процессе было совершенно безосновательно.

Одним из самых больших извращений израильского

правосудия является то, что суд принимает признание обвиняемого как основную базу для его осуждения. Даже в СССР периода Сталина, согласно писаному закону, признание вины обвиняемым не могло служить основанием для осуждения, если не было дополнительно прямых доказательств вины. В Советском Союзе нарушали собственные законы, но даже им не приходило в голову принимать такие несправедливые законы, как в Израиле. В демократическом Израиле достаточно выбить из подозреваемого признание побоями, пытками, той или иной формой давления, и все – следствие закончено, вина доказана. Большинство израильских судей принимают эти признания как основное доказательство вины.

Та же несправедливость, от которой страдают выходцы из бывшего СССР, применяется и ко многим другим в Израиле. И это началось давно. С того момента, когда израильское общество молчало по поводу дискриминации и предрассудков по отношению к арабскому населению Израиля, и сейчас оно продолжает молчать или даже одобрять беззаконие по отношению к евреям из бывшего СССР, такое же отношение и к новоприбывшим из Эфиопии. И не надо удивляться, когда та же система правосудия ударит и по старожилам Израиля, цвету нации. Но с небольшой разницей: у старожилов есть сила, связи и влияние, которых нет у новоприбывших. Одним из примеров этого – случай с Авигдором Кахалани. Кахалани и еще нескольким бывшим офицерам предъявили те же самые обвинения. Всем было предложено пойти на сделку с обвинением, но Кахалани был другого характера, чем остальные. Не зря он был удостоен звания Героя Израиля. Он сказал: «Я продам дом, распродам все имущество, но не сдамся, не сломаюсь и не пойду ни на какую сделку». И он выиграл дело. А все остальные пошли на сделку с обвинением и были осуждены по тому же самому обвинению. Они оказались слабее, у них не хватило мужества, и система их сломала. Так что выстоять против израильской системы правосудия надо быть или чрезвычайно богатым или Героем Израиля! Это то, что я могу сегодня сказать о системе правосудия Израиля.

К сказкам о «русской мафии» и о «русской» преступности полиция Израиля возвращается раз за разом. Подразделение по борьбе с отмыванием денег организовало громко разрекламированный налет-обыск на отделение банка Хапоалим на улице Яркон в Тель-Авиве. Уже прошло более 4 лет с того обыска, и никакого результата: только несколько десятков евреев из бывшего СССР втихую договорились заплатить отступные Израилю. Ведь что сделала полиция? Арестовывала или

допрашивала с пристрастием этих людей. Что было основанием для подозрений полиции? Основным признаком, и это я говорю на основе информации, было то, что владелец счета был из бывшего Советского Союза. И деньги, вложенные или переведенные владельцем счета, новоприбывшим или туристом, тут же превращали его в подозреваемого. Люди, виной которых было то, что по глупой наивности они решили вложить свои деньги в банк в Израиле, стали подозреваемыми. И полиция угрожала им: или заплатите отступные, и мы закроем дело или начнем международное расследование. А что значит такое расследование полицией Израиля? Полиция Израиля разошлет письма полициям по всему миру, в которых укажет: «Мы, полиция Израиля, проводим расследование по подозрению такого-то в принадлежности к преступному сообществу, в наркоторговле, торговле живым товаром, проституции, в организации или участии в убийствах, в рэкете и прочая. Может, у вас имеется какая-либо информация о подобной деятельности такого-то?» Что должна думать какая-либо полиция в мире, получив такое письмо? Если полиция еврейского государства пишет такое по отношению к еврею, значит, вероятно, есть что-то за этим. И имя человека запятнано на всю жизнь во всех полициях мира, получивших такое письмо. Какой человек, ведущий дела в мире, захочет этого? И люди платили, я это знаю, откупаясь и забрав оставшиеся деньги, чтобы никогда больше не появляться в Израиле. Из этой разрекламированной операции, из десятков дел, сфабрикованных полицией и подразделением по борьбе с отмыванием денег, чтобы оправдать свое существование, ни одно не дошло до суда, кроме дела Гайдамака. Но это уже совершенно другой случай. Если это не рэкет под сенью и от имени закона, то что тогда рэкет?

Подразделение по борьбе с международной преступностью поглотило подразделение по борьбе с особо опасными преступлениями. Почти сотня полицейских, несколько десятков офицеров полиции, и это в полиции, которая страдает от острейшей нехватки кадров! Десятки миллионов шекелей, потраченных на годы тайного прослушивания, и никакого результата! За 15 лет почти никакого серьезного дела, которое оправдало бы существование этого подразделения. Нет русской преступности в Израиле. Есть несколько новоприбывших из бывшего СССР, которые успешно влились в преступный мир Израиля. Но полиция Израиля не может справиться с ними ни в Натании, ни в Ашдоде, ни в Ашкелоне. Нет русской мафии в Израиле. Есть мафиозные структуры в России. Но им дела нет до Израиля. Русская мафия в Израиле – это вымысел полиции

Израиля.

Мне пришлось столкнуться с одним случаем, который характеризует «серьезность» отношения полиции к этой теме. Ко мне обратился один из офицеров российского МВД, подполковник, который в течение многих лет был начальником отдела по борьбе с особо опасными преступлениями в одном из городов России, не раз награжденный орденами за успехи в борьбе с преступностью. Он обладал огромным опытом в раскрытии многих преступлений, таких как убийства, вооруженный грабеж, торговля наркотиками и организованная преступность. Он был также автором нескольких теоретических работ по борьбе с особо опасной и организованной преступностью. У всей полиции Израиля не было и процента его знаний и опыта, особенно в связи с преступностью в постсоветском пространстве. Он пришел ко мне в сопровождении представителя полиции Израиля в Москве. Этот человек рассказал, что ему предложили приехать в Израиль и поступить на службу в полицию Израиля. На мой вопрос, кто предложил ему, он ответил: начальник Отдела по борьбе с международной преступностью во время их встречи. Я ответил ему, что я не хочу ни на что намекать, но я бы не полагался на обещание израильской полиции. Но он возразил: «Мне же обещал генерал полиции Израиля!» На это я заметил ему, что я свое сказал, а он может действовать, как ему угодно. В продолжение беседы мой собеседник высказал сомнения, что ему могут не разрешить выехать из России в Израиль из-за его службы. Мы договорились, что он приедет с семьей в качестве туриста, а по приезде поменяет статус на новоприбывшего, как многие другие.

Так и было, он приехал туристом с семьей в Израиль. Как принято в таких случаях, он обратился к нам и мы быстро дали отношение в МВД Израиля о том, что ему и его семье полагается статус новоприбывшего. Но госпожа начальник отдела регистрации начала тянуть дело, не обращая внимания на наши письма к ней. Мало того, это только усилило ее сопротивление. Кроме элементарной низкой подлости не было никакой причины затягивать его дело. Не имея статуса, они не могли получить медицинской помощи, когда ребенок заболел. Он не мог приобрести лекарства в аптеке больничной кассы. Дети должны были начать учиться, но не могли поступить в школу. Да и на что ему было жить более полугода! Он же не имел права работать. Он обратился в полицию и получил стандартный ответ, что они не могут принять его на работу. Я пытался вмешаться, но безрезультатно. Я обратился к Натану Щаранскому, но и он не смог помочь. В конце концов начальник отдела кадров полиции

сообщила, что по возрасту его невозможно принять в полицию. Полиция Израиля, не имеющая понятия о преступности в бывшем СССР, отказалась принять на службу такого специалиста. То, что сделали с ним, было обычным издевательством. Сначала соблазнили его предложением взять на службу, но в Израиле не принято, чтобы официальные лица отвечали за свои слова и обещания. Не только главы правительства, министры, депутаты, генералы армии, но и генералы полиции. Более полугода продолжались издевательские задержки Министерства внутренних дел Израиля, которые довели моего знакомого до полуголодной жизни. С большим трудом удалось кое-как пристроить его на низкую должность, нисколько не соответствующую его званию, знаниям и опыту. Разве можно сравнить подполковника полиции Израиля, с трудом закончившего пару курсов, с ним, выпускником двух академий, включая высшую академию, юристом по образованию. На своей должности он не может применить и толику своих способностей, знаний и опыта. И после этого полиция Израиля кричит о стратегической угрозе Израилю от русской преступности?!

Полиции Израиля вместе с Министерством внутренних дел и другими структурами Израиля удалось внести в анкеты новоприбывших пункт и требование доказательств об отсутствии уголовного прошлого. А что такое уголовное прошлое? Согласно статистическим отчетам, представленным КГБ в Политбюро, у 5 % выезжающих из СССР в Израиль было уголовное прошлое, в основном в области экономических преступлений. Чтобы разобраться в этом, надо понимать, что такое советская власть, советская экономика, советская действительность. До этого в государстве Израиль никогда не проверяли уголовное прошлое при массовом выезде в Израиль по простой причине: условия жизни в тоталитарных странах, с той или иной степенью государственного или общественного антисемитизма, отличались от условий жизни в Израиле. Подавляющее большинство преступников Израиля скатилось до совершения преступлений под влиянием израильской действительности. Среди евреев никогда процент уголовных преступников не был таким высоким, как в еврейском государстве, которое является самым крупным поставщиком еврейской преступности для всего мира. Израильская мафия, во всех ее проявлениях, отлично известна в преступном мире на всех континентах. Но трепать нервы сотням тысяч желающих жить в Израиле для того, чтобы найти несколько человек с формальной судимостью в прошлом, называется проявлением истинного сионизма. Необходимо понимать извращенность системы правосудия в Советском Союзе, со

следователями и судьями, нередко проникнутыми антисемитскими настроениями. Никогда нельзя быть полностью уверенным, что еврей в СССР был осужден истинно справедливым судом и что он действительно совершил преступление. Иногда да, а иногда и нет. До 90-х годов не было никакой проблемы с формальной судимостью новоприбывших в Израиль за все годы массовых выездов евреев. Новоприбывшие в Израиль нисколько не добавили израильской преступности, которая разрослась до своих размеров благодаря выращенной в Израиле преступности. А те, кто пользуются предлогом угрозы «Русской Мафии», просто ищут предлоги сократить количество русскоязычных приезжающих в Израиль.

Во время одного из обсуждений в комиссии Кнессета вопросов, связанных с приезжающими в Израиль из бывшего СССР, министр внутренней безопасности потребовал ужесточения и введения проверки приезжающих в Израиль, так же как это делается для эмигрантов в США. Его поддержал представитель Министерства юстиции. Я отреагировал на это, как всегда, резко и даже грубо. «И вам не стыдно! Вы не видите и не понимаете разницу между евреями, едущими в еврейскую страну, и относитесь к ним как к иммигрантам из Латинской Америки или Азии в США! Вы не понимаете, о чем вы говорите и чем вы занимаетесь. Пока я на своей должности, я этого не допущу, и этого не будет!» И так оно и было.

Я помню один случай, когда я попросил Щаранского, бывшего тогда министром внутренних дел, вмешаться, чтобы дали статус новоприбывшей жене одного молодого израильтянина, поженившегося с ней в Санкт-Петербурге. Дело тянулось и тянулось, и женщина уже была на девятом месяце беременности. Через несколько месяцев она позвонила мне и с плачем рассказала о том, что была вызвана в Министерство внутренних дел и чиновница с садистской улыбкой сказала ей: «Наконец-то мы получили указание разрешить предоставить вам статус новоприбывшей. А теперь вам придется для получения статуса представить нам документ из милиции Санкт-Петербурга о том, что у вас нет уголовного прошлого». Речь шла о молодой женщине 19 лет от роду! Если это не издевательство, то что же издевательство?

49

Еще с 50-х и 60-х годов Министерство иностранных дел Израиля традиционно противилось деятельности «Натива». Кроме короткого периода, когда Голда Меир была министром иностранных дел, работники МИДа постоянно пытались ставить «Нативу» палки в колеса. У МИДа были объективные основания для такого отношения к «Нативу». «Натив» действовал за границей. Он представлял национальные интересы Израиля по отношению к еврейскому населению и их выезду в Израиль. С точки зрения работников МИДа, их целью и областью интересов были отношения между государствами и Израилем. Часть из них страдали довольно распространенным израильским синдромом, которым страдает нередко и часть новоприбывших в Израиль – то, что они израильтяне, позволяет им как бы сознательно или подсознательно избавиться от своего еврейства. Они стесняются показаться евреями в глазах неевреев. В других странах они израильтяне, а не евреи, может быть, за исключением Соединенных Штатов, из-за особого положения еврейской общины в США. Им важно показаться равными в своем положении с англичанами, итальянцами, французами, по сравнению с галутными евреями, жителями этих стран.

Однако не раз национальные приоритеты Израиля ставили евреев и их выезд в Израиль превыше формальных отношений между Израилем и различными странами. Не раз и до моего прихода в «Натив» способность работников «Натива» функционировать в тех или иных странах, была выше, чем у работников израильского МИДа. Как, например, в Румынии или что касалось отношений с Югославией Тито. С точки зрения статуса, зарплат, условий жизни страны Восточной Европы, где работали и работники «Натива», в глазах израильских дипломатов расценивались намного ниже. А когда падает спрос среди дипломатов на эти страны, то падает и уровень работников, согласных работать там. Отношение же работников «Натива» к службе в этих странах и их уровень были совершенно другими. В абсолютном большинстве они были уроженцами этих стран, свободно владели языками и великолепно разбирались в культуре и жизни стран, в которых служили. Да и суть деятельности работников «Натива» была иной. Они стремились достигнуть оперативных результатов, они были людьми действия. Не раз они тревожили полусонный покой работников МИДа, поднимая вопросы, связанные с евреями, намного резче, чем, по мнению профессиональных израильских дипломатов, государство

Израиль должно заниматься на международном уровне. И не раз работники «Натива» вступали в конфликт с государственной администрацией стран своего пребывания.

На Западе работа «Натива» была направлена на подъем и усиление поддержки борьбы евреев СССР за их выезд в Израиль. Из среды работников «Натива» на Западе вышло несколько блестящих дипломатов Израиля, таких как Меир Розен, бывший послом Израиля во Франции и в США, или Эфраим Тари, бывший послом Израиля в Аргентине, да и другие. Работники МИДа Израиля жаловались, что наша деятельность представляет собой вмешательство во внутренние дела стран, в которых мы служили, и вносит раздор в отношения между этими странами, Советским Союзом и странами коммунистического лагеря. Мало того, они возмущались, как это работники «Натива» занимаются этим будучи работниками дипломатических представительств Израиля.

Администрация США очень не хотела в 1974 году принятия поправки Джексона Вэника, которая увязывала права человека и возможность выезда из СССР с экономическими соглашениями между СССР и США. МИД Израиля также был против этой поправки. Будучи послом Израиля в США, Симха Диниц, впоследствии председатель Еврейского Агентства, усиленно боролся против ее принятия Конгрессом США. Но были и другие послы Израиля в Вашингтоне, которые поддерживали поправку на свой страх и риск, как Эйб Харман и Ицхак Рабин. Работники «Натива» работали всегда под дипломатическим прикрытием, являясь работниками дипломатических представительств Израиля. Посол формально отвечал и за них. Но практически посол не мог вмешаться в деятельность наших работников, тем более что часть нашей информации была засекречена от работников МИДа всегда и во всех странах. Дипломатические ранги работников «Натива» были всего лишь инструментом для исполнения своей работы, и не более, но и они вызывали зависть и нарекания некоторых работников МИДа.

И в 50-х и в 60-х годах послы Израиля нередко жаловались на излишнюю «активность» работников «Натива» в Польше, в Венгрии, в Румынии, в Советском Союзе. Но в те времена главы правительств Израиля оказывали «Нативу» абсолютную поддержку, и именно это решало все внутренние неурядицы. Придя в «Натив», я столкнулся с серьезными разногласиями с работниками МИДа Израиля. В свое время МИД Израиля не подготовил сотрудников для работы с Советским Союзом, и в нем почти не было выходцев из СССР. Так и получилось, что к середине 80-х годов, когда проблемы отношений между СССР

и Израилем стали особо острыми и актуальными, МИД Израиля оказался абсолютно «безоружным», был неспособен справиться с тематикой советско-израильских отношений во всех аспектах. Когда во время совместных совещаний мы выслушивали работников МИДа, то не знали, то ли смеяться, то ли плакать. Я уже отмечал, что все израильские структуры были довольно слабы в знании и понимании Советского Союза. Но на фоне военной разведки, Моссада и особенно Службы безопасности Израиля работники МИДа отличались своим невежеством и непрофессионализмом.

Работники МИДа Израиля, в сущности, пытались вести необъявленную войну против «Натива». Они постоянно пытались воспрепятствовать или противодействовать любой инициативе «Натива» или ограничить деятельность работников «Натива» на местах. Цви Маген, сам работник «Натива», будучи послом Израиля в России, стараясь показать, что он не имеет отношения к «Нативу», как послушный еврей во враждебной среде, даже проводил совещания с работниками посольства из МИДа на тему, как ограничить действия «Натива». Вероятно, он надеялся, что это поможет ему в его попытках остаться в системе МИДа. Разумеется, без успеха.

Когда МИД Израиля начал действовать на территории Советского Союза в 1988 году, ситуация только обострилась. Работники «Натива» чувствовали себя на территории СССР как рыба в воде. А работники МИДа, большинство которых, по крайней мере в первый период, даже не знали языка, вообще не могли понять, в какой стране они находятся. У работников «Натива» были хорошие и эффективные связи и высокий статус на местах благодаря их пониманию и умению контактировать с местными кадрами и населением. Уважение и высокое положение работников «Натива» в глазах властей приводило в бешенство работников МИДа Израиля, и по мере того, как расширялась деятельность «Натива», обострялись отношения с МИДом. Например, в Баку на вручение верительных грамот президенту Азербайджана посол Израиля взял местную работницу, отношения с которой – это уже другая, не менее позорная история, а не работника «Натива», единственного дипломата в посольстве, кроме самого посла.

Когда я предложил идею о создании израильских культурных центров на территории бывшего Советского Союза, то столкнулся с сопротивлением Еврейского Агентства. Но сопротивление МИДа Израиля было еще больше. Только тот факт, что Ицхак Рабин пришел в восторг от этой идеи и однозначно определил, что израильские культурные центры являются важнейшей частью в

создании израильских инфраструктур для деятельности среди населения стран постсоветского пространства, заставила работников МИДа, несмотря на их недовольство, начать содействовать осуществлению этой идеи. Вместе с юридическим отделом МИДа Израиля мы подготовили международные соглашения между Израилем и государствами постсоветского пространства о сотрудничестве в области образования и о взаимном открытии культурных центров. В сущности, основная работа была проделана работниками «Натива» при содействии юристов этих стран. Работники МИДа Израиля и его юридические советники одобрили эти договоры.

В середине 90-х годов Министерство иностранных дел Израиля обязали, как и все другие министерства, провести бюджетные сокращения. Чиновники МИДа приняли решение в целях экономии закрыть посольства Израиля в Белоруссии и в Грузии. Я резко возражал против этого решения. На совещании у министра иностранных дел Шимона Переса я заявил, что из-за еврейского населения в Белоруссии и в Грузии невозможно закрывать посольства Израиля в этих странах. На это чиновники МИДа возразили, что у них просто нет денег для содержания посольств в Грузии и Белоруссии. Я был готов к этому и предложил, чтобы «Натив» посылал послов в эти страны с согласия МИДа на их кандидатуры и что мы возьмем на себя все расходы по содержанию этих посольств. Шимон Перес заявил ошеломленным чиновникам МИДа, что «Натив» пошлет своих работников на все должности в посольствах и будет полностью финансировать посольства. По окончании совещания я позвонил начальнику канцелярии Ицхака Рабина Эйтану Хаберу и попросил его поставить в известность главу правительства о достигнутом соглашении. В ответ Эйтан Хабер сказал мне, что это – просто бред и такого быть не может. Но через несколько часов он позвонил мне и сказал, что Шимон Перес во время встречи с Рабином рассказал ему об этом решении и подтвердил сказанное мною. Но через некоторое время обескураженные чиновники МИДа пришли в себя и «неожиданно нашли» средства для финансирования посольств в Белоруссии и Грузии из своего бюджета. Сама мысль о том, что предложенный мной вариант будет осуществлен, приводила их в бешенство. Мне же было важно только одно – чтобы посольства Израиля в этих странах продолжали функционировать и мы могли продолжать свою работу.

В один прекрасный день Иоси Бейлин предложил мне от имени министра иностранных дел принять должность посла Израиля в России. Я поблагодарил Иоси и министра за доверие,

но отказался, потому что не хочу оставлять пост главы «Натива», намного более важный для государства. Иоси Бейлин продолжал меня убеждать, и тогда я сказал, что соглашусь на пост посла в России, если буду продолжать оставаться также главой «Натива». Бейлин обрадовался и сказал, что он на это согласен. Через неделю Иоси Бейлин позвонил мне и сказал, что подобный вариант невозможен с точки зрения статуса посла и правил Министерства иностранных дел и международных конвенций. Я не очень сожалел об этом.

Еще в начале 90-х я предложил создать общий для «Натива» и Министерства внутренних дел банк данных о выезжающих в Израиль из стран постсоветского пространства. Полиция Израиля и Министерство иностранных дел Израиля имели бы свободный доступ к этим данным. Основной целью было сконцентрировать все данные о выезжающих в Израиль еще до их приезда в страну, что значительно облегчило бы всю процедуру абсорбции. Дело тянулось год за годом, в основном из-за того, что и Министерство внутренних дел и Министерство иностранных дел никак не могли справиться с проблемами компьютеризации их министерств. Мне удалось убедить Натана Щаранского, который к тому времени был председателем министерской комиссии по делам абсорбции новоприбывших, провести в его комиссии серию обсуждений по этой теме. Министерство финансов приложило огромные усилия, чтобы сорвать это предложение, как всегда, под предлогом отсутствия средств. Перед очередным обсуждением представитель МИДа Израиля сказал одному из министров, членов комиссии, что МИД против этой идеи. На вопрос министра, а каковы их аргументы, представитель МИДа, не стесняясь, сказал, что создание единого банка данных усилит статус «Натива» и на это МИД Израиля никак не может согласиться! В процессе обсуждения представитель МИДа не решился в открытую высказать позицию своего министерства. Но он предложил: поскольку у Министерства иностранных дел остается значительная часть неиспользованного бюджета, они согласны профинансировать этот проект, но при одном условии: определение права на въезд в Израиль из стран бывшего СССР перейдет от «Натива» в Министерство иностранных дел. Прямо-таки творческое решение, что говорить! Мне было трудно определить, чего больше в этом предложении – низости, подлости, злонамеренности или элементарных невежества и глупости. Что, Министерство иностранных дел страдает от избытка денег? Это другое государство? Или просто Министерство иностранных дел хочет «купить» за деньги нанесение ущерба другому государственному

учреждению, «враждебному»? Воистину высокие государственные принципы!

Со временем я встречался и с еще более низкими и подлыми поступками. Как, например, случай с Реувеном Динелем, представителем Моссада в Москве, который был вынужден покинуть Россию по требованию российских властей. Была договоренность между Моссадом и Разведслужбой России о неразглашении этого случая. Россия, по своим соображениям, была не заинтересована в разглашении и, кроме того, не хотела придать огласке конфликт между двумя странами. Израиль также не был заинтересован в обнародовании инцидента.

Я был знаком с Динелем, и между нами царили дружеские отношения и взаимное уважение. Он приехал с родителями в Израиль из Литвы в 70-х годах, а мы познакомились в конце 80-х. Он тогда служил офицером в армии. Еще тогда мы говорили с ним о его переходе в «Натив», но армия не согласилась его отпустить. Даже моя попытка попросить об этом Эхуда Барака не увенчалась успехом. В начале 90-х мы договорились о его переходе в «Натив». Но в один прекрасный день мне позвонил Шабтай Шавит, директор Моссада, и спросил, какого я мнения о Динеле. По его словам, он намеревался послать его официальным представителем Моссада в Москву. Я сказал Шабтаю, что, в принципе, я хотел взять Динеля к себе, в «Натив», но я согласен «уступить» его Моссаду. Мне было легче найти подходящих людей, чем Моссаду, исходя из особых требований к их работе. Незадолго до окончания срока работы Динеля в Москве я спросил его, что он намеревается делать по возвращении в Израиль. Динель ответил, что не хочет продолжать службу в Моссаде и не хочет возвращаться в армию, а предпочел бы перейти на работу в «Натив». Я сказал ему, что мы вернемся к этой теме, когда он закончит каденцию в Москве. Я был заинтересован в его качествах как работника, но не в его связях. Мои связи со спецслужбами на постсоветском пространстве были намного лучше и эффективнее, чем у Моссада и Израильской службы безопасности, особенно в тех сферах, которые были важны для «Натива». Вернувшись в Израиль, Динель начал работать в «Нативе», как мы и договорились раньше.

Один из чиновников МИДа Израиля, «своеобразный» тип, который и раньше славился тем, что постоянно «сливал» информацию журналистам, слил в прессу инцидент с Динелем в Москве, особенно подчеркнув, что человек, который был выслан из России, работает теперь в «Нативе». Все это мне рассказали сами журналисты. Его цель была ясна – нанести вред «Нативу». Ему даже в голову не пришло, что тем самым он наносит вред

интересам государства. Но в МИДе Израиля такое поведение не считалось предосудительным, и он продвинулся по службе, а впоследствии был назначен послом. Престиж «Натива» от этого не пострадал. России было абсолютно безразлично, работает ли Динель в «Нативе». Они были хорошо знакомы с «Нативом», и переход Динеля к нам не повлиял на их оценку организации, которая была довольно высокой. Но та выходка чиновника МИДа была грубейшим нарушением договоренности между Службой внешней разведки России и Моссадом, что очень возмутило Россию. Был нанесен ущерб и отношениям между странами и отношениям между спецслужбами обеих стран. Умудренный долгим опытом, я в свое время дал однозначное указание: никакую секретную информацию не передавать через систему связи МИДа Израиля, а пользоваться другой системой секретной связи, к которой у МИДа не было доступа.

Но был еще один, более позорный случай, связанный с Динелем и Министерством иностранных дел Израиля. В Израиль прибыла делегация МВД одной из стран бывшего СССР. У Динеля были дружеские отношения с членами делегации, как и со времен работы в Моссаде, так и в процессе работы в «Нативе». Министр внутренних дел, бывший во главе делегации, пригласил Динеля и еще нескольких работников «Натива», связанных с визитом, на прием в свою честь, в одной из гостиниц Иерусалима. Во время приема несколько генералов из гостей обратились ко мне и рассказали, что одна из высокопоставленных чиновниц МИДа Израиля сказала им с упреком и недовольством, как они могут приглашать на такой прием человека, который был выслан из России за шпионаж! Гости смутились от такого, непостижимого их пониманию, поведения. Слушая от иностранных генералов эту историю, я сгорал от стыда: как такие люди представляют нашу страну перед иностранцами. Я попросил у гостей не обращать внимания на ее слова, не скрывая от них своего мнения о глупости подобного поведения. Положение Динеля от этого не пострадало, и его продолжали приглашать на подобные приемы и впоследствии. Мало того, правительство той страны через некоторое время наградило Динеля орденом за развитие и укрепление отношений между странами. Кстати, эта чиновница тоже продвинулась по службе и тоже дослужилась до должности посла.

50

Как-то в одну из увольнительных во время службы в запасе после войны я, проезжая Тель-Авив, заехал навестить Геулу Коэн. С Геулой меня познакомил по приезде в Израиль Герцль Амикам, который, как и Геула, был членом подпольной организации в период борьбы за независимость «Борцы за свободу Израиля» (ЛЕХИ). Геула отдалась борьбе за выезд евреев СССР в Израиль с тем же пылом, как и в свое время борьбе в подполье. Она была одногодкой с моей мамой и относилась ко мне, по ее определению, как старшая сестра. Мне, выросшему старшим сыном в семье, было трудно воспринимать старшинство кого-либо. Но между нами всегда царили теплые дружеские отношения и взаимное уважение.

Когда я вошел в комнату Геулы в Доме Жаботинского, я увидел незнакомую девушку. По внешнему виду и по одежде я сразу понял, что она приехала из Советского Союза. Геула представила ее мне: «Познакомься, пожалуйста. Это Наташа Штиглиц. Невеста одного из активистов еврейского движения в Москве, Анатолия Щаранского, она борется за его выезд в Израиль». Так я познакомился с Авиталь Щаранской и впервые услышал имя Анатолия Щаранского. Позже, уже работая в «Нативе», я не раз смотрел материалы о Щаранском. На основе большой и разнообразной информации складывалось впечатление о нем как об очень способном парне, выпускнике лучшего в Советском Союзе, а может быть, и в мире, высшего учебно-го заведения по физике (МФТИ), где преподавал цвет советской науки: Лев Ландау, лауреат Нобелевской премии, Сергей Королев, создатель советской космонавтики и ракетостроения, авиаконструктор Сергей Сухой и многие другие. Большинство выпускников этого института направлялись в оборонную промышленность, и почти все обладали допусками секретности высокой степени, в соответствии со своей специализацией. Евреи-выпускники этого института, которые пытались подавать документы на выезд в Израиль, автоматически получали отказ по секретности. Так что и отказ Щаранскому в выезде в Израиль выглядел обычным явлением.

Тут мне хочется опровергнуть одну из грязных сплетен, которую пытались распространять о Щаранском. В «Нативе» были зарегистрированы две просьбы о высылке ему вызовов от двух девушек, утверждавших, что он является их женихом. Но, кроме вызовов, посланных от имени этих девушек, больше не было с их стороны никаких просьб, сообщений или действий. Мы не

придавали серьезного значения подобного рода записям. Это было тогда обычным явлением. Не раз посылающие вызовы пытались указать ту или иную степень родства или близости к вызываемому, надеясь, что таким образом могут ускорить посылку вызова или облегчить получение разрешения на выезд. Но нашлись такие, которые хотели подло использовать этот факт, чтобы очернить Щаранского. Когда Наташа Штиглиц начала бороться за выезд Натана Щаранского, мы проигнорировали все прошлые обращения других женщин о посылке вызовов. Для нас она была женой, которая борется за освобождение своего мужа. Правда, были среди работников «Натива» и те, кто не симпатизировал Щаранскому и слишком шумной, по их мнению, борьбе за его освобождение. После его освобождения и приезда в Израиль они сплетничали по его поводу, вероятно, надеясь, что его брак с Авиталь окажется блефом. Но вопреки им брак Натана и Авиталь оказался на редкость счастливым, и немногим везло в жизни с такими действительно глубокими и истинными чувствами в браке.

На основе материала видно было, что Натан был одним из наиболее активных участников еврейского движения в СССР, хотя и не был в десятке наиболее активных руководителей движения. Его отличали тесные связи с Андреем Сахаровым и участие в деятельности группы диссидентов, целью которых было наблюдение за соблюдением прав человека, определенных Хельсинкской конференцией (СБСЕ). Практически Натан был связным между своей группой и иностранными журналистами. Вероятно, из-за своего знания английского, лучшего, чем у других. Свои связи с иностранными журналистами он не раз использовал и для еврейского движения.

Как «Натив», так и большинство активистов еврейского движения довольно осторожно относились к сотрудничеству с движением диссидентов в СССР, целью которых была смена власти в Советском Союзе. Часть из руководителей «Натива» отрицательно смотрели на участие Щаранского в деятельности диссидентов, и отношение их к нему было, мягко говоря, довольно настороженным. В то время руководство Советского Союза приняло решение принять резкие меры для подавления диссидентского движения, а также и сионистского. Было достаточно признаков того, что они готовят серьезные меры, вплоть до арестов наиболее заметных активистов. На основе анализа собранного материала можно было прийти к выводу, что в еврейском движении основной проблемой для советских властей были научные семинары отказников, их связи с Западом и влияние на научный мир Запада. По моей оценке, у КГБ вначале

было три основных кандидатуры на предание суду: профессор Александр Лернер, организатор научных семинаров отказников, имя которого все чаще появлялось в обличительных статьях советской прессы, Александр Слепак, один из активнейших отказников и один из центральных руководителей еврейского движения в то время, и Натан Щаранский. Советская система пропаганды начала усиленно подготавливать общественное мнение, постоянно публикуя в печати имена всех троих, особенно Лернера, обвиняя их в антигосударственной деятельности и пособничеству Западу. Но вдруг в один момент совсем перестали упоминать имена Лернера и Слепака. Через короткое время, был арестован Щаранский, арест которого сопровождался шумными нападками в многочисленных статьях всей советской прессы. По моей оценке, в последний момент власти испугались публичного показательного суда над Лернером из-за его широкой известности и связей в мировых научных кругах. Кроме того, слабое здоровье Лернера ставило под сомнение его способность пережить арест, суд и тюремные условия. Также и в отношении Слепака у них, вероятно, возникли сомнения в последний момент. Так что все сконцентрировалось только на Щаранском.

В то время Щаранский проживал в одной квартире с одним еврейским парнем, врачом, Саней Липавским. Отец Сани Липавского в свое время был арестован за незаконную торговлю иностранной валютой в особо крупных размерах. За что, по тогдашним советским законам, ему грозила смертная казнь. Как видно, КГБ предложил ему сделку: выбор между жизнью отца или сотрудничество с КГБ. Это жесточайший, бесчеловечный выбор, и трудно осуждать тех, кому приходится его делать. Саня Липавский сломался и в течение нескольких лет работал осведомителем КГБ по всей территории Советского Союза в основном в области экономических преступлений. Вероятно, пройдя переквалификацию, он был внедрен в круги еврейских активистов в Москве. Незадолго до ареста Щаранского он предложил ему переехать жить вместе с ним в его квартире. Так что у КГБ была наиболее полная и подробная информация о Щаранском и его деятельности. В «Нативе» была также информация, не знаю, насколько достоверная, что ЦРУ пыталось завербовать Саню Липавского или, по крайней мере, провело несколько действий, которые можно было расценить как его вербовку или попытку вербовки.

Слишком тесные контакты американцев, особенно сотрудников ЦРУ, в Москве с диссидентами были очень проблематичными. «Натив» постоянно требовал от разведслужб Запада не приближаться к активистам еврейского движения в

СССР. С самого начала деятельности «Натива» в течение всех лет спецслужбы Великобритании, Европы и США просили воспользоваться источниками «Натива» для получения той или иной информации о странах восточного блока. Ответ «Натива» был всегда резко отрицательным. Более того, мы твердо требовали от них не пытаться вербовать активистов еврейского движения и вообще держаться от них подальше. Обычно спецслужбы Запада с пониманием и уважением относились к этой нашей просьбе. Но в случае с Саней Липавским, с группой Сахарова и другими диссидентскими движениями американцы переборщили. То ли из-за проблем несоблюдения оперативной дисциплины, то ли, вероятно, из-за недопонимания или недостаточной осторожности. КГБ, вероятно, надеялся быстро получить от Натана Щаранского быстрое признание свой вины и публичного заявления о раскаянии. Они рассчитывали, что в тюрьме им удастся быстро и легко сломать Натана и показательный процесс пройдет с полным успехом. Во главе следствия стояли опытнейшие следователи, которые в прошлом добились признания вины и раскаяния от таких наиболее видных диссидентов, как Петр Якир и Виктор Красин. Но оценка КГБ в отношении мужества и стойкости Натана Щаранского оказалась ошибочной.

В средствах информации было напечатано покаянное письмо Сани Липавского, которое, в сущности, было составлено обвинением и кураторами КГБ. Натан Щаранский был арестован, и, несмотря на его стойкое мужественное поведение, было решено продолжать усилия сломать его. В течение двух лет длилось следствие, а потом состоялся суд. Оказалось, что еврейский парнишка, слабоватый на вид, был намного более стойким и сильным, чем рассчитывала советская власть и следователи КГБ. Все методы давления, кроме физического, которое тогда было запрещено, применявшиеся к Натану, оказались безрезультатными, и мужественные и достойные выступления Натана Щаранского на суде вызывали только уважение к сионистскому движению. Не по своему желанию и не по своей инициативе попал Натан Щаранский в такую бурную ситуацию. Но его аргументация и представление еврейского и сионистского движения были великолепными и в нужных пропорциях. Без всякой попытки связать его с диссидентским движением, но позволяющие любому борцу за права человека поддержать движение за выезд евреев СССР в Израиль.

И во время пребывания в тюрьме Натан с достоинством выдержал все испытания и непрекращающееся давление на него. Я отвергаю все подлые и низкие заявления и намеки по поводу

его поведения в заключении, которые пытались распространять, к сожалению, и некоторые бывшие активисты и даже узники Сиона. Я не собираюсь обсуждать в этой книге причины личного или психологического порядка, которые побудили их так вести себя по отношению к Щаранскому. По моему мнению, на основе всех материалов, которые были в «Нативе», поведение Натана Щаранского и во время следствия, и на суде, и во время заключения было безукоризненным. Заключение в течение стольких лет, несомненно, частично повлияло на его характер. Я могу это сравнить с теми изменениями в характере, которые произошли у моих друзей по армии, побывавших в плену. При малейшей попытке заговорить с ними о пережитом в плену выражение их лиц менялось, они как бы закрывались в себе, и в их глазах отражались страх и ужас, охватывающий их. Несомненно, условия в плену арабских стран были намного более жестокими, но и для Натана Щаранского долгие годы тюрьмы и лагерей тоже не были санаторием.

Борьба за освобождение Щаранского увенчалась успехом благодаря двум факторам. Первым, и самым главным, была его жена Авиталь. Она сворачивала горы. В полном смысле этого слова боевая подруга, она делала все возможное и невозможное. Не было того, что бы можно было сделать и она не сделала, не считаясь ни с чем. Объективно, с точки зрения оценки борьбы за выезд вообще, возможно, что попытки сконцентрировать все внимание на Щаранском были не совсем правильны. Это не нравилось некоторым родственникам арестованных за сионистскую деятельность. Они считали, что это мешает представить проблемы остальных осужденных в полной и более правильной форме. Но примитивность американского общественного мнения, которое не склонно углубляться в нюансы, превратило Щаранского в символ, и это отлично послужило целям борьбы. Осознание трагедии и борьбы евреев Советского Союза за выезд в Израиль олицетворялось в образе одного человека. Я не уверен, что американская общественность восприняла бы лучше более сложные понятия.

Вторым решающим фактором было чувство вины американской администрации, хотя она в этом никогда открыто не признавалась. Они, вероятно, поняли, что их неосторожное поведение в какой-то мере способствовало аресту Натана Щаранского. Соединенные Штаты боролись за освобождение Щаранского совершенно необычно и очень эффективно, почти как если бы шла речь о гражданине США. И тем самым обеспечили успех этой борьбы.

Определенное неприятие Натана Щаранского со стороны

истеблишмента Израиля, и в том числе «Натива», привело к тому, что не сразу и не в полную силу государство Израиль присоединилось к борьбе за его освобождение. Ни одна система, тем более государственная, не согласится работать под управлением одного человека, частного лица, какой была Авиталь Щаранская. И, естественно, было определенное несоответствие между тем, что она считала необходимыми действиями, и тем, что считали правильным и нужным государство Израиль или еврейские организации. Для Израиля и еврейских организаций Натан Щаранский был одним из нескольких узников Сиона, а не единственным, каким он был для Авиталь Щаранской. Без помощи группы друзей из Союза Верных, которые мобилизовались в ее поддержку, вряд ли бы она достигла такого успеха. Но через некоторое время и Израиль, и еврейский истеблишмент США были затянуты поднятой волной борьбы за освобождение Щаранского и включились в нее с полной мощью. Кроме других причин, они поняли, что имя Натана Щаранского обладает огромной силой, которая позволяет мобилизовать очень многих на борьбу за выезд евреев СССР в Израиль. Борьба, иногда вместе с Авиталь и ее сторонниками, а иногда порознь, увенчалась успехом. Натана Щаранского обменяли в рамках обмена шпионами, и он был освобожден. Он был передан американцам, так Натан прибыл в Израиль.

Щаранский встречался несколько раз с Нехемией Леваноном, который своими своеобразными способами пытался объяснить ему действия «Натива» для его освобождения. Ему удалось уменьшить недовольство Натана истеблишментом Израиля, которое он впитал по приезде в Израиль от Авиталь и ее ближайших друзей, помогавших ей в борьбе. Его привычка, вероятно обострившаяся в заключении, не полагаться ни на кого привела к тому, что Натан полагался исключительно на маленькую группу, сформировавшуюся вокруг Авиталь в период борьбы за его освобождение. Ко всем остальным он относился с настороженностью и подозрением. Я пригласил его в «Натив» и по его просьбе показал ему папки с документацией по деятельности «Натива» в борьбе за его освобождение. Прочитав все телеграммы, сообщения, отчеты, он сказал, что пришел к выводу, что объем деятельности «Натива» в его защиту был намного больше и шире, чем он представлял себе. Оказалось, что многие действия тех или иных лиц или организаций, казавшиеся самостоятельными и не связанными с Израилем, были, в сущности, действиями правительства Израиля.

Между Натаном и мной установились довольно нормальные отношения. Иногда я объяснял ему кое-какие вещи. Время от

времени он спрашивал у меня того или иного совета, не о его политических решениях, а в тех областях, в которых, по его мнению, у меня было достаточно знаний и опыта. Ведь я уже много лет функционировал в высших структурах власти в Израиле и был хорошо знаком с ее особенностями изнутри. Вряд ли между нами могла возникнуть тесная дружба, слишком мы разные и прожили разные жизни, хотя и родились в одной стране и боролись за выезд в Израиль, каждый по-своему.

Когда Щаранский организовал Сионистский форум, добровольную общественную организацию, финансируемую в основном из стран Запада, я воспринял это как обычное, положительное явление. Наплыв евреев в Израиль из постсоветского пространства был в самом разгаре, и я считал положительным и полезным оказание помощи приезжающим этой организацией. Перед выборами 1992 года Щаранский объявил о своем намерении создать партию и участвовать в выборах в Кнессет. Эдуард Кузнецов, одна из центральных фигур в попытке угнать самолет, чтобы выехать в Израиль, и в последующем за тем Ленинградском процессе в начале 70-х, и я разъяснили Щаранскому, что он делает ошибочный шаг. Существовала серьезная опасность, что неподготовленная, неорганизованная партия провалится на выборах. И этот провал не позволит ему победить на следующих выборах и повредит оценке новоприбывшими своих способностей и возможностей реализовать их политический потенциал. Щаранский согласился с нашим мнением и не пошел на эти выборы. Он грамотно сорганизовался, и на следующих выборах, 1996 года, его партия получила 7 мандатов.

В нашей встрече, по его инициативе, после выборов я подчеркнул, что он должен назначить на некоторые ключевые посты подходящих новоприбывших, чтобы доказать и самим новоприбывшим, и всему израильскому обществу, что среди них есть достаточно хороших специалистов, могущих управлять государственными структурами. Я советовал ему не базироваться на членах его партии, а искать подходящих людей в среде всех новоприбывших. Я порекомендовал ему Роберта Зингера, бывшего в то время начальником одного из управлений «Натива». Роберту Зингеру было тогда менее 40 лет, подполковник запаса, бывший главный офицер воспитательной службы Южного округа, человек, который создал систему образования и пропаганды «Натива» в бывшем Советском Союзе, главный представитель «Натива» в США, обладал опытом работы с высшими государственными и еврейскими структурами Соединенных Штатов. Я рекомендовал его на пост или генерального директора министерства, или

директора института экспорта, или что-то подобное. В качестве примера я привел ему назначение в свое время Ариэлем Шароном Иоси Генносара, одного из начальников Управления в Службе безопасности, на пост директора Института экспорта. Я не заметил у Натана большого восторга от моих слов. Он предпочитал близких к нему людей, на которых он полагался, и иногда членов Союза Верных, которые помогали в свое время Авиталь. В основном он назначал на государственные посты членов своей партии, из приближенных к нему. Большинство из его назначений, как в партии, так и на государственной службе, оказались неудачными, в чем не было ничего удивительного. Натан Щаранский не был ни организатором, ни управленцем, он никогда не управлял никакой структурой или организацией. Не по своей вине, но у него не было опыта непрерывной и серьезной работы вообще в какой-либо организации. Его представления сформировались в советской действительности и в заключении и были довольно упрощенными. Он опасался прямых контактов с людьми и предпочитал руководить через своих близких помощников, преданных ему. Он затруднялся в принятии решений. Возможно, что тот восторг и тот статус, которых он удостоился по приезде в Израиль, вскружили ему голову. И он действительно начал верить в свою гениальность и те свои универсальные способности, которых у него, к сожалению, не было.

Я отнесся очень отрицательно к недостаточному желанию Натана Щаранского заняться основными проблемами приехавших в Израиль из бывшего Советского Союза. Когда он занимал пост министра внутренних дел, сильное ужесточение в отношении подведомственного ему министерства к выходцам из бывшего СССР привело меня к выступлению в средствах информации с резкой критикой его министерства. Я заявил, что препятствия, которые чинит Министерство внутренних дел Израиля желающим приехать в Израиль из постсоветского пространства, нередко превосходят действия ОВИРа в годы советской власти. На совместное заседание парламентских комиссий по безопасности и иностранным делам и государственного контроля, посвященное обсуждению отчета государственного контроля о «Нативе» в 1998 году, он пришел, не имея понятия ни о содержании отчета, ни о темах предстоящего совещания. Несмотря на то что заранее я переслал ему наши замечания к отчету по всем его пунктам. Но на обсуждении он только промолвил в растерянности: «Я не знал, что это будет обсуждаться. Мне не объяснили. Я готовился к другому обсуждению».

Тогда я послал свое резкое письмо премьер-министру

Израиля Нетаньяху в 1998 году и еще более резкое письмо – Натану Щаранскому. Это письмо нигде не публиковалось, и у меня нет намерения его обнародовать. Замечу только, что в письме я предъявил Натану претензии и обвинил его в том, что он предает те принципы, которые он представляет, что он уходит от борьбы за права новоприбывших и желающих выехать в Израиль. Я отметил, что то, что можно простить Нетаньяху, для которого эти дела являются чуждыми, невозможно простить Щаранскому, который стал символом борьбы евреев Советского Союза за свои права. Щаранский не ответил на мое письмо. Может быть, ему нечего было отвечать, а может быть, он не был готов или способен вступать со мной в спор по этому вопросу.

Я считаю, что Щаранский сам себе навредил, проявив качества, которые не достойны политического лидера. В этом была причина поражения и распада его политической партии на выборах 2006 года и его ухода с политической арены. Мне очень жалко, что так закончилась его политическая карьера. Может быть, ему стоило быть более честным с самим собой, более точно оценить свои способности и не поддаваться на подхалимаж своего окружения, часть которого подло и цинично использовала его в своих целях. Несмотря на свою осторожность, Щаранский слишком много раз ошибался в оценке и понимании людей. Одним из примеров, как его окружение могло подвести его, был его визит в Днепропетровск.

В один прекрасный день Натан пригласил меня на беседу. Он рассказал, что срочно едет на Украину. Как выяснилось, он принял предложение Леваева присутствовать на открытии школы Хабада в Днепропетровске. Леваеву, который в то время стремился укрепить свое положение и влияние на Украине, было важно, чтобы министр из Израиля, а особенно Щаранский, присутствовал на открытии школы из сети финансируемых им учебных заведений. Значение участия Щаранского было больше, чем открытие школы. В то время Леваев был в конфликте с другими еврейскими структурами на Украине, и присутствие Щаранского могло повысить престиж Леваева в глазах властей Украины. На мой вопрос по поводу посещения Киева он ответил, что едет только в Днепропетровск. Я разъяснил ему, что власти Украины обидятся, и справедливо, если он, министр в правительстве Израиля, уроженец Украины, посетив Украину, не встретится с членами правительства Украины. На это Щаранский ответил, что он не может быть в Киеве, поскольку в Днепропетровск и обратно он летит на самолете Леваева. Я предостерег его от полета на частном самолете одного из израильских дельцов и предложил ему, чтобы он летел обычными

гражданскими рейсами через Киев, а заодно и встретился с украинскими министрами. Когда он принял мое предложение, у меня отлегло от сердца.

Одной из интересных историй, связанных с Натаном Щаранским, было получение им копий документов КГБ по процессу Щаранского. На приеме в честь министра иностранных дел Израиля в тот период я оговорил с Владимиром Путиным, бывшим тогда директором ФСБ, детали выдачи Щаранскому этих документов. Щаранский приехал в Москву и был принят в Управлении ФСБ. Для меня это было не в первый раз, когда я сидел напротив директора ФСБ и его генералов. Путин представил ему генералов, а Щаранский – своих спутников. Когда он дошел до меня, то замялся, не зная, как меня представить. Один из генералов, сидящих возле Путина, сказал, улыбаясь, что можно не представлять Яшу Кедми, которого они очень хорошо знают. Все дружно рассмеялись и перешли к обсуждению темы визита.

Мы перешли в старое, всем известное здание КГБ. В кабинет, где мы собрались, внесли 11 чемоданов с документами следствия по делу Щаранского. Натан думал, что он получит все его дела из КГБ. Я объяснил ему, что нет никаких шансов получить его оперативное дело, в котором собрана вся информация о нем, бывшая в КГБ. Все донесения, отчеты, донесения от слежки, прослушивания, оценки его и его поведения и прочее. Я сказал, что речь идет только о материалах следствия, которое вел КГБ, переданных в суд. Щаранский с его помощниками просматривал каждую папку, отмечая те документы, копии которых он хотел получить. В нашем распоряжении было всего несколько часов. Предварительно я просматривал списки документов в папках, а потом передавал их Натану. Список документов одного из чемоданов очень заинтересовал меня, но я ничего не сказал никому из наших спутников. В подходящий момент я добавил в список документы из папок этого чемодана и передал его генералу КГБ, который отвечал за всю эту операцию. Он взглянул на список, и я увидел, как он побледнел. Взволнованный, он спросил меня, как к нам попал список этих документов. Я сказал, что чемодан с этими документами был среди всех остальных. Взглянув на меня, он промолвил, что это ошибка и что нам вообще нельзя было знать о существовании этих документов. И дрожащим, взволнованным голосом он попросил меня отдать ему также копию с того списка документов, которую я дал ему. Я улыбнулся и отдал ему копию. При этом добавил, что когда я увидел в списке, о каких документах идет речь, то у меня промелькнула мысль, что фээсбэшники совсем свихнулись, если

дают такие документы. Я успокоил его, сказав, что никому не расскажу об этом. Ему сразу стало легче, и холодный пот выступил у него на лице, вероятно, от одной мысли, что бы произошло с ним, если бы начальство узнало, как он опростоволосился. Вскоре все закончилось, и ФСБ были переданы полные списки документов, копии которых Щаранский просил получить.

Конечно, Натан Щаранский, я и все мы были довольно взволнованы, проходя по коридорам и подземным переходам старого здания КГБ, известного своей жуткой историей. Посетили и сфотографировались в кабинете председателя КГБ. Офицеры ФСБ предложили мне сесть и сфотографироваться в кресле председателя КГБ Юрия Андропова. Я отказался, сказав, что, на мой взгляд, в этом будет проявление неуважения и дурного вкуса.

Завершение этой «операции» тоже было довольно забавным. Выяснилось, что в ФСБ не было фотокопировальной машины для копирования такого количества документов. Я раздобыл деньги, вне государственного бюджета «Натива», и дал указание купить копировальную машину и необходимое количество бумаги и материалов. Это был мой второй подарок ФСБ после наручников похитителей самолета на Кавказе. Мы решили не прикреплять табличку с надписью, что это подарок ФСБ от «Натива». Через некоторое время мы получили от ФСБ все заказанные копии и передали их Щаранскому. Я уверен, что поскольку материал был получен государством Израиль и оплачен государством Израиль, то, после копирования всех полученных документов, в один из дней весь материал будет передан в один из соответствующих государственных архивов. Я никогда не проверял, сделано ли это, надеюсь, что да.

51

После убийства Ицхака Рабина все круто изменилось. По моему впечатлению, Шимон Перес большую часть времени, будучи министром иностранных дел в правительстве Рабина, пребывал в унылом настроении. Я помню, как во время одного из его визитов в центральноазиатскую страну, в которую я сопровождал его, как-то утром, выйдя из здания в гостевой резиденции, я столкнулся с Пересом лицом к лицу. Он вышел на утреннюю прогулку и предложил мне прогуляться с ним. Мы прогуливались вместе, и Перес задумчиво молчал. И вдруг он промолвил: «А что мне осталось в жизни? Ездить по таким странам третьего мира и рассказывать им всякие истории». Он произнес это тихо, с горечью, болью и немного с обидой. Я попытался его успокоить, говоря, что не все потеряно и что его положение совсем не такое, но внутри, с самим собой, я был согласен с ним. Он, вероятно, уже почти смирился с тем, что Ицхак Рабин глава правительства и управляет страной. Вероятно, он уже потерял надежду когда-либо стать главой правительства, и, хотя это было далеко от его желания, он продолжал быть министром иностранных дел в правительстве Ицхака Рабина. Не только самим фактом убийства Рабина он был потрясен впоследствии, но и тем, что в результате этого убийства стал премьер-министром.

В деятельности Шимона Переса в качестве премьер-министра, всплыли на поверхность менее положительные его качества. Он был слабым премьер-министром. И вдруг на него, потерявшего веру в свои силы, свалился пост, к которому он стремился всю жизнь. Вероятно, ему было очень трудно смириться с тем, что он должен доказывать себя в кресле Ицхака Рабина. Он все время подозревал, что на него смотрят как на занявшего пост главы правительства по воле случая, и ему было очень важно, чтобы его ценили и признавали, что он по праву достоин этого поста. Под влиянием внутренних чувств и создавшегося положения в его Рабочей партии он находился в состоянии постоянного напряжения. А внутренняя напряженность не лучший советник. Из-за внутренней напряженности и давления обстоятельств Перес принял несколько ошибочных решений, и в первую очередь о непроведении досрочных выборов. Он опасался, что в этих выборах, сразу после убийства Рабина, если он победит, то это будет выглядеть как победа благодаря образу Рабина, а для Шимона Переса было важно стать премьером благодаря самому себе. Он был уверен, что стоит ему занять пост главы

правительства, то все сразу же убедятся, что он является самым лучшим премьер-министром. Самомнение Шимона Переса всегда намного превышало его таланты и способности. В некоторых областях он, действительно, обладал хорошими способностями. Но, в общем, его способности были ниже, чем он приписывал себе, и намного ниже, чем другие приписывали ему. Молва не смогла его правильно оценить. В представлении о нем существует довольно много преувеличений, как в положительную, так и в отрицательную сторону, и представление о нем, как правило, было ошибочным. Но все-таки выборы были назначены на полгода раньше срока и произошли в конце мая 1996 года, и Шимон Перес проиграл эти выборы. Я-то вообще не совсем уверен, что и Ицхак Рабин выиграл бы эти выборы, если бы не был убит. Отрицательная динамика в отношении к Рабину в обществе с каждым месяцем все крепла и крепла, и ореол правительства Рабина меркнул с каждым месяцем. Население начало искать альтернативу, и ею становился в его глазах Беньямин Нетаньяху. Перес не принял во внимание эту все возрастающую тенденцию, считая, что он с ней легко справится, ведь он же Шимон Перес. И это привело его к поражению на выборах. Как всегда, по своей привычке он искал оправдания и виноватых. Постоянные поиски оправданий – это одна из отрицательных черт характера Шимона Переса. Он постоянно ищет виноватых в своих неудачах, а он сам ни за что не ответственен и никогда не виноват. Это то, что мешает ему правильно оценить свои неудачи, глубоко и правильно понять причины неудач, ошибок, чтобы не повторять их. Короткий период правления Переса, после убийства Рабина и до его поражения на выборах, и для «Натива» был довольно неудачным. Для нас, разбалованных полной поддержкой Рабина нашей работы, именно деятельность Переса, несмотря на его положительное отношение к выезду евреев из СССР в Израиль и борьбу за выезд, и значение, которое он придавал ей, его деятельность в качестве главы правительства оказалась неудовлетворительной.

Все же в процессе работы с Шимоном Пересом как с главой правительства у нас довольно быстро установились нормальные рабочие отношения. Ему не надо было объяснять всю важность и значение выезда евреев из бывшего СССР в Израиль. Но не было в этих отношениях ни той четкости, ни той остроты, ни того внимания, ни того понимания разнообразных проблем, ни надежности, уверенности и откровенности, как с Ицхаком Рабином.

52

В 1991 году Давид Бартов рассказал мне, что Государственный контролер просил провести проверку в «Нативе», но Давид договорился отложить проверку на более поздний срок. После того как я встал во главе организации, ко мне обратились из канцелярии Государственного контролера с просьбой провести проверку. Я порекомендовал провести проверку после завершения работы комиссии генерала И. Хофи и в соответствии с решениями, которые примет глава правительства о структуре и работе организации, и мое предложение было принято.

После принятия И. Рабином решений по поводу «Натива» и незадолго до начала проверки, которая должна была относиться к 1993–1994 годам, я обратил его внимание на неупорядоченность некоторых формальных определений в отношении «Натива», причем это длилось в течение многих лет. Его ответ был краток: «Ты занимайся своей профессиональной работой. Бюрократические формальности оставь мне». Как всегда, я полагался на него. Я не предполагал, что, когда придется заниматься этими проблемами, его уже не будет в живых. Проверку от Государственного контролера проводил подполковник запаса военной разведки Израиля, который в течение 18 месяцев находился в организации. Во время своей военной службы он не занимался проблемами, связанными с СССР, а только Ближневосточным регионом. Что интересно, за 18 месяцев пребывания в «Нативе» он ни разу не обратился ко мне, ни разу не беседовал со мной, руководителем организации, не задал ни одного вопроса. Единственное – время от времени просил предоставить ему тот или иной документ. И это все. В конце концов, в декабре 1995 года, мы получили предварительный отчет Государственного контролера для того, чтобы высказать наше отношение к написанному. Я не собираюсь подробно разбираться в этом отчете. Но, поскольку отчет серьезно повлиял на дальнейшее развитие событий, я упомяну только некоторые основные детали.

Читая отчет, я был поражен таким количеством ошибок, неточностей и просто непонимания. Мы в «Нативе» думали, что люди просто не поняли многие вещи и подготовили ответ на этот отчет, в котором все наши ответы и разъяснения по всем пунктам были подкреплены соответствующими документами, и передали его Государственному контролеру. В марте 1998 года, через четыре с лишним года после проверки, был готов окончательный

отчет. Когда мы получили окончательный ответ, то увидели, что работники Государственного контроля почти полностью проигнорировали все наши ответы, разъяснения и представленные документы. Мало того, неоднократно написанное в документах было попросту извращено, и я не могу отказаться от мысли, что не преднамеренно. На мой взгляд, этот отчет был сделан просто непрофессионально, небрежно, был полон ошибок, извращений фактов и подтасовок и был абсолютно предвзятым.

Основная часть отчета относилась к вопросам полномочий организации и ее статуса. Претензии к «Нативу» были в том, что организация действовала вне рамок своих полномочий и без соответствующих разрешений. На мой взгляд, составители отчета поступили неприлично. Они решили, совершенно безосновательно, что рекомендации комиссии Хофи, которые и являлись основой нашей деятельности, не были утверждены. Если у них возникли сомнения на этот счет, то они могли обратиться к самому И. Хофи или в канцелярию премьер-министра и выяснить официально, утверждены ли рекомендации и что утверждено. Но они этого не сделали, и не случайно. Для обоснования своего утверждения они использовали частичную запись совещания по рекомендациям комиссии, которые сделал помощник генерального директора канцелярии премьер-министра для своего начальника, по вопросам, которые он должен был курировать по решению главы правительства. Более того, они проигнорировали все определения организации за всю его историю, и Бен-Гуриона, и Комиссий Декеля и Хофи.

Они придумали определение непрофессиональное, предельно примитивное и лишенное всякого смысла. «Натив», по их мнению, должен был заниматься «подготовкой душ». Я абсолютно не понимаю, что такое «подготовка душ», я не специалист по душам, и вряд ли кто-либо может понять такую чушь. Более того, эти люди, которые понятия не имели ни о Советском Союзе, кроме, может быть, из уроков географии, ни о том, что там происходит, ни о выезде в Израиль, ни о евреях вне Израиля, взяли на себя, совершенно безосновательно, право определять функции организации и ее структуру. Государственный контролер обязан проверять работу в соответствии с существующими правилами, постановлениями и инструкциями, он не имеет права составлять или определять их. Государственный контролер может предпочесть то или иное из действующих определений, но не придумывать их. И работники Государственного контролера постановили, что все, что не соответствует их бессмысленному определению организации, является незаконным и неправомочным. Уже с первых страниц отчета было видно, до

какой степени проделанная ими работа была небрежна, поверхностна и предвзята. В первых словах отчета было сказано, что в «Нативе» никогда раньше не проводилась проверка Государственного контролера. А в действительности с 1964 по 1983 год в «Нативе» было шесть (!) проверок Государственного контролера. Люди, написавшие и утвердившие этот отчет, даже не знали об этом и не читали предыдущие отчеты их же учреждения об инспекциях в «Нативе». Только после того, как мы обратили их внимание на это в нашем ответе на предварительный отчет и переслали им (!) копии предыдущих отчетов их же организации, они вынуждены были признать нашу правоту, но отчет не изменили!

Я должен отметить, что на совместном обсуждении отчета Комиссией Государственного контролера и Комиссией по иностранным делам и безопасности представители Государственного контролера подчеркнули, что у них нет никаких претензий или подозрений в отношении кого-либо из работников «Натива» в коррупции, хищениях или использовании государственных средств в личных целях. Они часто отмечали, что средства использовались не в соответствии с целями, для которых они были разрешены, и считали это разбазариванием средств. Кроме обычных грубых арифметических ошибок, в отчете были вещи абсолютно недопустимые. Как, например, единовременный месячный расход по какому-то проекту проверяющий умножил на 36 месяцев и заявил, что таков был расход на проект в течение трех лет. Таким образом, он пришел к совершенно фантастической сумме и даже не удосужился проверить, были ли действительно эти суммы потрачены. Если бы просто проверил, то убедился бы, что таких сумм вообще не было выплачено. Невозможно выплатить деньги из бюджета без соответствующих документов. Другой пример, один из многих, глупости и несуразности утверждений Государственного контролера по поводу разбазаривания средств – это случай с журналом «Голос инвалида войны». Организация инвалидов Второй мировой войны из Восточной Европы выпускала журнал на русском языке. Нам было важно распространить его среди евреев бывшего Советского Союза, потому что тема войны с нацистами и ветеранов этой войны имела для них большое значение и журнал пользовался большим спросом. Из каждого номера мы закупали определенное количество экземпляров и посылали в страны бывшего СССР. Работники Государственного контролера утверждали, что закупка журнала противоречила правилам, поскольку не был проведен тендер на покупку этого журнала. Можно было подумать, что в Израиле существует

несколько организаций инвалидов Второй мировой войны из Восточной Европы и каждая выпускает журнал на русском языке. А дальше, совершенно безосновательно, утверждали, что, поскольку покупка производилась с несоблюдением правил тендера, они считают, что тем самым проводилось негласное субсидирование организации инвалидов. Поскольку для субсидирования общественных организаций существуют определенные правила, которые в данном случае не были соблюдены, все потраченные на покупку журналов средства были объявлены превышением полномочий, разбазариванием государственных средств и так далее. С каких пор покупка части тиража, выпускаемого какой-либо организацией журнала, является субсидированием организации? И это утверждение было присоединено к подобным заявлениям о разбазаривании и нецелевом использовании средств и превышении полномочий.

Я хочу показать еще лишь на двух примерах качество проверки и степень разумности чиновников, составлявших и утверждавших отчет. В части, относящейся к консульской работе, написано и подписано мадам Бен Порат, бывшим членом Высшего суда справедливости Израиля, она и утвердила отчет: «Следует забрать у «Натива» консульские функции выдачи въездных виз в Израиль, выезжающим на постоянное жительство, поскольку с 1989 года выдача таких виз перестала быть тайной работой». Как можно нести такую чушь, даже в качестве анекдота? Что, эти чинуши думали, что мы конспиративно, с помощью всяких трюков, отыскивали несчастных евреев и, без ведома властей и скрываясь от КГБ, выдавали тайно визы на въезд в Израиль? По их «разумению», до 1989 года мы делали это тайно и конспиративно, и вдруг в 1989 году выдача въездных виз в Израиль стала гласной в СССР? Но их рекордом было заключение, что, поскольку в 1992–1993 годах «Натив» не смог поддержать выезд в Израиль на уровне 1990–1991 годов, это свидетельствует о том, что «Натив» действовал непрофессионально и не справился со своими задачами. По их словам, уменьшение числа выезжающих из бывшего СССР в Израиль после рекордных 1990–1991 годов произошло по вине «Натива». Такого рода утверждения являются не только унижением для интеллекта и здравого смысла, но и оскорблением и унижением самого понятия инспекции и проверки Государственного контролера.

На совещании Комиссий Кнессета, обсуждавших отчет, госпожа Бен Порат возмущалась, как мы посмели возражать и пытаться опровергать каждый из пунктов отчета, утвержденного и подписанного ею. В ответном выступлении я сказал, что мы отвергаем все пункты ее отчета и истерически крикливый

рекламный стиль, в котором он написан. Нарочито громкие истерические заголовки, которые характеризуют деятельность госпожи Бен Порат на посту Государственного контролера, совершенно неприемлемы и не достойны в наших глазах. Я сказал, что глупость и чушь, написанные на бланке Государственного контролера и подписанные Государственным контролером, все равно остаются глупостью и чушью.

В декабре 1995 года предварительный отчет Государственного контролера был разослан в канцелярию главы правительства, а отдельные отрывки из него – соответствующим министерствам. Через два дня после получения предварительного отчета премьер-министр Ш. Перес присутствовал на Дне «Натива» и поздравлял наших работников. Перед тем как подняться на трибуну, он отозвал меня в сторонку и сказал, что предварительный отчет попал в руки журналистов и на следующий день будут всякого рода публикации в газетах. Я сказал про себя: еще одна война. Не в первый раз и я буду бороться, какой уже раз. Цви Альдероти, генеральный директор канцелярии премьер-министра, который работал при Ицхаке Рабине и остался на несколько месяцев при Шимоне Пересе, замечательнейший человек, сказал мне: «Яша, не веди себя так, как ты привык. Отчеты пишут, отчеты читают и забывают. Склони немного голову, не сопротивляйся, не спорь. Это как ветер, он пройдет. Дерево, которое прогибается под ветром, потом выпрямляется». В ответ я сказал ему: «Я не могу. Я не склонюсь. Я свою правду скажу с полной силой, и будь что будет. Я не склонюсь и не позволю, чтобы такие вещи остались без ответа».

Но самое отвратительное в этой истории – что материалы журналистам передали работники канцелярии Шимона Переса. Сами журналисты впоследствии рассказали мне об этом. Это было бы совершенно невозможно в канцелярии Ицхака Рабина, ни по самой сути, ни тем более по реакции на публикации. А реакцией канцелярии Переса было, что нет никакого ответа. Перес не поддержал подчиненную ему организацию и ее работников. И это неожиданно и неприятно поразило. Даже Служба безопасности после двух грандиозных провалов, истории с автобусом 300-й линии и убийства Рабина, получила поддержку от главы правительства. Тогда главы правительств заявили, что они поддерживают организацию как таковую и ее работников и будут способствовать исправлению ошибок и неполадок, если они будут доказаны. Ни «Натив» как организация, ни работники «Натива» не удостоились подобного. Глава правительства просто не поддержал ни прямо, ни косвенно, и единственное, что он предпринял, – это решение о создании еще одной комиссии,

которая проверит, что происходит в «Нативе» после того, когда будет закончен окончательный отчет Государственного контролера. Это же был «Натив» Ицхака Рабина, а не его.

Шимону Пересу было трудно смириться с рекомендациями Ицхака Хофи. Не с их сутью, а с тем, что они были приняты вопреки его желанию, а согласно и в соответствии с пониманием Ицхака Рабина. Ему было трудно смириться с тем, что я поддержал рекомендацию подчинить «Натив» главе правительства Ицхаку Рабину, а не Шимону Пересу. Отношение к исполняемым обязанностям в зависимости от того, как они влияют на его престиж, было, как видно, постоянным наваждением Шимона Переса. Когда он выполнял обязанности министра иностранных дел, в своих глазах он был наилучшим министром иностранных дел, и все важные дела должны были подчиняться ему, а когда он был на посту премьер-министра, то, совершенно ясно, все это должно было быть в подчинении премьер-министра. Так бывало всегда, когда Шимон Перес занимал любой министерский пост. Так будет и во время его каденции в качестве президента Израиля, когда он попытается превратить этот пост в самый важный в Израиле. Личная слава – наиболее сильная идефикс Шимона Переса. Все, кто был близок когда-то к Шимону Пересу, знакомы с его фразой перед полетом: «На эти места возле меня, пожалуйста, не садитесь. Это для журналистов». И он весь полет беседует с журналистами, зарабатывает их доверие и приближает их к себе в хорошем смысле этого слова. На большинство журналистов это действует, и они возвращают ему долг положительными статьями. Погоня Переса за славой, почти превратившаяся в патологию, уже давно перешла все границы приличия.

Единственное, чем мы могли пользоваться в ответ на отчет Государственного контролера, – это нашей правотой. И работники «Натива» проделали отличную работу. В подготовленном нами ответе мы опровергли фактами и документами почти все предъявленные нам претензии. Я предполагал, что на совместном заседании парламентских Комиссий по иностранным делам и обороне и Государственного контроля будет серьезное обсуждение отчета. И снова ошибся. Происшедшее не было даже анекдотом. Большинство членов комиссий вообще не присутствовали. Не было ни одного депутата, который бы присутствовал на всех обсуждениях, кроме председателя Комиссии Государственного контроля. Это демонстрировало не только степень серьезности отношения депутатов к своим парламентским обязанностям, но и общее отношение политической элиты Израиля к проблемам, которыми занимался

«Натив». Уровень обсуждений был абсолютно непрофессиональным и граничил с безответственностью. Я не представлял, что такое может быть, и не встречался раньше с такой степенью поверхностности и несерьезности, которую продемонстрировали выступавшие депутаты Кнессета, члены комиссии. Одним из самых убогих было выступление генерального директора Министерства иностранных дел и его помощников. Генеральный директор зачитал заранее подготовленный текст с перечнем случаев, когда деятельность «Натива» повредила работе министерства. Я хочу упомянуть только два из приведенных им примеров.

В одном случае речь шла о работнике «Натива», который напрямую обратился к иностранным миссиям, аккредитованным в одном из государств бывшего СССР. Согласно генеральному директору, тем самым он нарушил инструкции и нанес ущерб отношениям между посольством Израиля в том государстве и иностранными представительствами. Генеральный директор не пояснил, о чем, собственно, шла речь. Я ему ответил по памяти. Потому что отлично знал все, что происходило на местах. Каждый случай претензий к нам МИДа Израиля я лично проверял до малейших деталей. В действительности же директор Израильского культурного центра в той стране разослал всем – властям и общественным организациям, а также иностранным представительствам приглашения на организованный в Центре вечер памяти в годовщину убийства премьер-министра Израиля Ицхака Рабина. Стоит напомнить, что Израильские культурные центры являются частью посольств Израиля. Посол Израиля в этой стране, который и обратился с жалобой, был заранее предупрежден об этом вечере. Почему же чиновники МИДа Израиля усмотрели нанесение вреда престижу Израиля и его международным связям в приглашении почтить память убитого премьер-министра Израиля?

Второй случай был достаточно серьезным. Посланник «Натива» дал пощечину местной работнице посольства. Посланник «Натива» был тихим и дисциплинированным работником. Он работал в аналитическом отделе Службы безопасности Израиля и на несколько лет перешел в «Натив», а впоследствии вернулся и продолжал работать в Службе безопасности. Он действительно дал пощечину местной работнице. Эта работница была на «особом положении» у посла Израиля. Она сопровождала посла на все приемы и дипломатические встречи и переговоры, организованные местными властями. Я уже упоминал, что этот посол предпочел пригласить ее на процедуру вручения верительных грамот, а не

дипломата из посольства Израиля, представителя «Натива». Эта работница в споре с работником «Натива» сказала ему: «Ты грязная, жидовская морда!» Парень, о котором идет речь, был уроженцем Израиля, из семьи, чудом уцелевшей от зверств нацистов. Я лично расследовал этот случай, и он получил строгий выговор с предупреждением. Я требовал от него, независимо от обстоятельств, не терять контроля над собой. Он попросил извинений. Ну а эта местная работница? Была ли она уволена? Нет, конечно. Она продолжала работать, пока покровительствующий ей посол Израиля не вернулся на родину, и только тогда была уволена.

Все другие претензии генерального директора МИДа к «Нативу» были в том же духе. И в то время, и после у меня были хорошие отношения с ним. Он просто положился на материал, который подготовили ему чиновники МИДа. Качество материалов МИДа, относящихся к «Нативу», никогда не отличалось высоким уровнем.

Не менее убогим было выступление заместительницы директора Моссада. Она пришла на обсуждение абсолютно неподготовленной, не зная элементарные факты взаимоотношений между «Нативом» и Моссадом. Почти на каждый вопрос и на мои контраргументы и приводимые мной факты она отвечала «я не знаю», «я этого не знала», «я с этим материалом не знакома». Мне просто было стыдно, что так представляют в парламентской комиссии такую серьезную и уважаемую организацию.

Ами Аялон, бывший тогда директором Службы безопасности, сказал: «Определите эту организацию, как вы считаете необходимым, а мы будем действовать в отношениях с ней согласно этому определению». В закрытом заседании, о засекреченной части отчета, работники Службы безопасности просили меня отказаться от обсуждения одной темы. Нашим ответом мы опровергали одну из главных претензий Службы к нам, доказывая, что нарушение правил и инструкций были со стороны работников Службы безопасности, а не работников «Натива». Поскольку речь шла о совершенно секретной и довольно чувствительной теме, из-за опасения утечки информации я снял вопрос и наши возражения с обсуждения.

В сущности, не было никакого серьезного обсуждения, ни отчета Государственного контролера, ни нашего ответа на отчет. Никто даже не пытался вникнуть в суть этих документов. Уже на первом заседании председатель Комиссии Кнессета по Государственному контролю, прерывая обсуждение, каждые пять минут спрашивал меня, какие выводы я собираюсь сделать из

отчета Государственного контролера. Я резко прервал его и сказал ему довольно грубо: «Вы сначала выслушайте до конца, постарайтесь понять, а потом задавайте вопросы. Нечего спрашивать, не имея понятия, о чем вы спрашиваете». Сразу же после первого заседания он громогласно заявил средствам информации, а так ли уж нужна деятельность «Натива». Было совершенно ясно, что единственное, что интересует его, – это чтобы его имя попало на первые страницы газет и заработать на этом личный политический капитал. Когда его слова были опубликованы, его друзья, как по партии, так и вне ее, наехали на него и объяснили, что он лезет в дела, в которых ничего не понимает, и что для него же лучше, если он не хочет, чтобы его слова ему же навредили, оставить эту тему в покое. На следующих обсуждениях отчета он сидел и молчал. Когда через некоторое время мы случайно встретились в Кнессете, он сказал мне: «Не обижайся на меня. Ты же знаешь, что наша цель – это привлечь к себе внимание. И поэтому я и говорил то, что говорил». Я успокоил его, сказав, что я не обижаюсь на него, потому что я уже познакомился с сутью поведения политиков.

Глава правительства произнес дежурные фразы, которые обычно говорит в таких случаях каждый глава правительства: «Мы проверим… мы подготовим… мы сделаем выводы… и тому подобное». Но и он, так же как и остальные, совершенно не вник ни в содержание отчета, ни в обвинения, выдвинутые в отчете, ни наши возражения и опровержения. Я обратил внимание на одну фразу премьер-министра: «Нет спора, что, возможно, Яша и его люди могут предоставить отличный материал о бывшем Советском Союзе и России, может быть, даже наилучший в Израиле, и не только в Израиле. Но мне это не нужно. Мне вполне достаточно знать о России то, что я получаю и добиваюсь от США». И в этом и суть основного спора, который был между нами. Пытается ли государство Израиль действовать и решать межгосударственные проблемы самостоятельно или надеется на обращение к США и на то, что Соединенные Штаты решат эти наши проблемы. Я категорически отвергал подобный подход во всех вопросах, а тем более в вопросах выезда евреев из бывшего Советского Союза и отношениях с государствами постсоветского пространства. В ответ на слова премьер-министра я заявил, что, если будут приняты рекомендации Государственного контролера в отношении «Натива» и его функций, которые, по моему мнению, нанесут вред как организации, так и ее целям и способности выполнять свои задачи, я в тот же день подам в отставку. Я добавил, что не буду покрывать ни своим именем, ни своим опытом действия, лишающие и евреев, и государство Израиль тех

возможностей, которые могут быть обеспечены, только если организация будет продолжать действовать в существующей форме.

На это как глава правительства, так и члены Комиссии и работники Государственного контролера заявили, что они совсем не имели в виду, чтобы я оставил пост руководителя «Натива». Все они, включая главу правительства, высказали пожелание и надежду, что я останусь на своем посту и продолжу свою работу. Работники Государственного контролера сказали: «Отчет не относится только лично к тебе. Когда мы писали «глава «Натива», то имели в виду и руководителей организации до тебя. Ведь не ты создал существующую неопределенную ситуацию с «Нативом». Я вспоминал их слова, сказанные Эльякимом Рубинштейном в бытность юридическим советником правительства: «Мы всегда видели в «Нативе» и его работниках организацию, как и другие, подобные ей. Нам и в голову не приходило, что это не оформлено формально. Если бы мы знали об этом, мы бы все оформили». Своими словами он фактически опроверг все написанное в отчете о статусе организации, но это было уже через несколько лет после подачи отчета.

В атмосфере всеобщей истерической атаки на «Натив» нас больше всего удивило молчание бывших руководителей «Натива», Нехемии Леванона и Давида Бартова. Никто из них не позвонил, не пришел, не предложил помощи ни в процессе проверки, ни после опубликования предварительного отчета. После провалов Службы безопасности, после убийства Рабина и после провалов Моссада бывшие руководители этих организаций выступили в защиту своих организаций и пытались помочь, вероятно, из-за чувства ответственности за возглавляемые ими в прошлом организации. Но мы справились и без них, самостоятельно. Вероятно, Ариэль Шарон был прав, когда сказал в свое время: «Вам могут простить любую неудачу. Но успех вам не простят никогда».

53

После того как Давид Бродет оставил Министерство финансов, наши проблемы с этим министерством резко обострились. Работники Министерства финансов попросту начали тотальную войну против «Натива». Референты Министерства финансов привыкли и их приучили к тому, что они управляют государством. Это амбициозная молодежь, довольно хорошо технически подготовленная благодаря своему образованию и опыту работы в Министерстве финансов. Они считают, что знают все. Для них нет ничего святого, а закон в их глазах только препятствие, хотя они и стараются, чтобы все выглядело в рамках закона. Этому было достаточно примеров. Например, был как-то спор между Управлением государственных служащих и Министерством финансов, с одной стороны, и одной из служащих «Натива», с другой стороны. Эта наша работница в прошлом работала в этом управлении. И, только исходя из мелкой зависти и мести, бывшие коллеги попытались уменьшить ее пенсию после ухода из «Натива». Будучи руководителем организации, в которой она работала, я принял участие в нескольких совместных с представителями министерства и управления заседаниях по этому вопросу. Во время одного из обсуждений один из работников Министерства финансов предложил шаг, против которого возразил представитель их юридического советника. Тот утверждал, что этот шаг противоречит закону и будет отвергнут судебной инстанцией. Ответ на это, который дал один из высокопоставленных чиновников Министерства финансов, поразил меня, хотя в нем выразилась вся суть их безнравственного подхода: «Мы экономим государственные деньги, и нам позволено делать все». По их мнению, они ведут священную войну против всех и им все дозволено.

Я помню одно обсуждение в Комиссии по абсорбции, темой которого были кое-какие дополнительные выплаты бывшим заключенным за сионистскую деятельность, которые находились в бедственном положении. Министерство финансов, естественно, возражало. Представительница Министерства финансов предложила, что если будет решено о выплате компенсации бывшим узникам, то их лишат социального пособия, которое выплачивают всем гражданам Израиля по достижении определенного возраста. Я не выдержал и бросил ей, что, может быть, сначала следует лишить пособия миллионеров, проживающих в некоторых эксклюзивных районах Израиля,

которые не нуждаются в нем. В ее ответе выразилась вся извращенность подхода чиновников Министерства финансов. «О чем вы говорите? Вы не представляете, сколько эти люди сделали для государства». Она имела в виду миллионеров, та или иная часть которых обогатились за счет государства, а не, не дай бог, бывших заключенных. Эти люди, годами томившиеся в тюрьмах и лагерях, пожертвовавшие годами жизни и зачастую и здоровьем, были в глазах чиновников Министерства финансов не больше чем обузой и помехой.

Во время обсуждений одного из годичных бюджетов в середине 90-х годов один из референтов министерства попросту заявил, что, по их мнению, нет никакой надобности в «Нативе» и им не важно, что по этому поводу решает правительство. Чиновники министерства попытались использовать предварительный отчет Государственного контролера для сокращения нашего бюджета. Во время обсуждения бюджета на следующий год с главным бухгалтером Министерства финансов, Ниром Гильадом, мы представили нашу оценку ситуации, утвержденный план работы и соответствующий этому плану бюджет. В течение двух часов Нир Гильад внимательно слушал, задавал вопросы, просил разъяснений, а после всего, с нескрываемой садистской улыбкой, тихо сказал: «Поскольку принято решение сократить бюджет, выделяемый Разведывательному сообществу, решено, что все сокращение будет за счет бюджета «Натива», без сокращений в других службах. Это решение получило согласие главы правительства». Речь шла о половине бюджета «Натива». Я спросил его: «Если это так, то почему ты не сказал об этом с самого начала и морочил нам голову два часа? Нам с тобой не о чем говорить. Я не принимаю этого сокращения. Мы встретимся у премьер-министра». Я сразу же направился в приемную премьер-министра и переговорил с его экономическим советником, с генеральным директором канцелярии премьера и с его военным секретарем и попытался выяснить, были ли какие-либо решения о сокращении бюджета «Натива». Все в один голос заявили, что впервые об этом слышат и что не было обсуждений по этому поводу и никаких решений.

Как раз на это время было назначено совещание у главы правительства по поводу нескольких проектов, связанных с Еврейским Агентством. В совещании должны были участвовать и министр финансов Байга Шохат и Нир Гильад. Я зашел к премьер-министру несколько раньше и спросил его, принимал ли он решение о сокращении бюджета «Натива». Перес ответил категорически отрицательно. Я спросил его, действительна ли

программа работы на текущий год и соответствующий ей бюджет. Он подтвердил, что ни в программе, ни в бюджете нет никаких изменений. Прежде чем вошли представители Еврейского Агентства, я сказал Байге Шохату во всеуслышание и указывая на Нира Гильада: «Ваш бухгалтер врун и обманщик, он оболгал главу правительства, что тот якобы постановил сократить бюджет «Натива». А глава правительства утверждает, что этого вообще не было».

На очередной рабочей встрече я представил премьер-министру запланированный на базе плана работы бюджет, и то сокращение бюджета, которого требует Министерство финансов, и влияние сокращения бюджета на выполнение утвержденного им же плана работы. Объяснив, что требуемое Министерством финансов сокращение бюджета означает отмену проектов, я попросил премьера определить, исполнение каких проектов он дает мне указание отменить или сократить. Перес не согласился на отмену или сокращение проектов. В этом случае он действовал правильно и быстро. Он договорился с министром финансов, что сокращение бюджета «Натива» будет таким же, как и всех других организаций разведывательного сообщества.

54

Летом 1996 года Беньямин Нетаньяху был избран главой правительства Израиля. Меня это обрадовало. Я был знаком с ним, правда, довольно поверхностно, и у меня сложилось о нем довольно хорошее впечатление. Мое мнение о нем было как о молодом парне, рожденном в Израиле, в семье известного и старого члена ревизионистского движения, динамичном и харизматичном, хорошо образованном, интеллигентном, обладающем острым умом и великолепным даром красноречия и отлично разбирающемся в тонкостях международной политики. Я с ним познакомился в 1992 году, когда он занимал пост заместителя министра иностранных дел, и та встреча вызвала у меня первый признак настороженности. Мне позвонил Эвет Либерман, который был его помощником, и сказал, что Нетаньяху хочет со мной встретиться. Поскольку в то время двери министра иностранных дел Давида Леви были закрыты перед «Нативом», ведь мы же были в его глазах людьми премьер-министра, Ицхака Шамира, то я обрадовался предстоящей встрече. В начале встречи Нетаньяху задал мне вопрос. Я начал отвечать, но на втором предложении он прервал меня и начал что-то объяснять. Вся встреча продолжалась десять минут, из них пять минут говорил Нетаньяху. У него не хватало терпения выслушать ответ ни на один заданный им вопрос. Да и вопросы его были довольно поверхностные. Выходя со встречи, я так и не понял, какова была цель его приглашения на встречу. В его словах я столкнулся с поверхностным подходом, которого не встречал ранее. Я объяснил себе это тем, что, вероятно, у Нетаньяху не было времени.

Вскоре после назначения главой правительства Нетаньяху прибыл на вечер «Натива». На вечере я беседовал с ним и сказал ему, что у нас была проблема с его предшественником, Пересом, отсутствие поддержки организации с его стороны. Нетаньяху удивился и отреагировал: «Этого не должно быть. Организация должна получать поддержку от главы правительства. Ваша деятельность чрезвычайно важна. И с моей стороны такое не повторится». Я обрадовался его словам и поверил ему.

Я был также рад назначению Арика Шарона министром вопреки давлению Эвета Либермана. Нетаньяху не включил Шарона в состав правительства, что выглядело как элементарная гнусность. Вряд ли кто-либо более содействовал избранию Нетаньяху премьер-министром, как Шарон, кроме Либермана. И это было великим часом для Давида Леви. Он проявил качества

редкие в израильской политике по благородству и заявил, что не войдет в правительство, если Шарон не будет в его составе. В этот момент я был готов простить Давиду Леви все его погрешности. Он проявил редкую человечность и верность, несмотря на всю сложность отношений между ним и Шароном. Шарон не был бы готов сделать для Давида Леви, да и ни для кого другого, и десятую долю того, что сделал для него Давид Леви, подвергая опасности свое политическое положение. Но в то время у меня было еще много иллюзий по отношению к Ариэлю Шарону.

Когда Нетаньяху начал свою деятельность в качестве главы правительства, я увидел, что ничего не продвигается. Рабочие встречи с премьер-министром практически прекратились. За всю его каденцию премьер-министра у нас были одна-две рабочие встречи в год. Было полное пренебрежение к тому, чем занимается «Натив». Я помню, как на одном, совместном с другими организациями, совещании, при обсуждении некоторых проблем были приняты определенные решения. Протокол встречи вел военный секретарь премьер-министра. На следующий день я получил по внутренней почте протокол и обнаружил, что решения отличаются от того, что было принято, а в некоторых пунктах были прямо противоположными. Я приехал в канцелярию премьера и направился прямо к военному секретарю. Военный секретарь, генерал-майор, сказал, что глава правительства изменил решение после совещания. Я сказал, что это невозможно. Право главы правительства изменить свое мнение, но для этого он должен провести совещание заново или, по крайней мере, дать обоснование и объяснение своего нового решения. Военный секретарь взглянул на меня с грустью и сказал, что таков стиль работы Нетаньяху. И еще одна сигнальная лампочка зажглась у меня, одна из целой цепочки лампочек, которые зажглись впоследствии.

55

В 1997 году Ариэль Шарон попросил меня помочь ему организовать визит в Россию и принять в нем участие. Он сказал, что израильский МИД затрудняется организовать визит и обеспечить все необходимые встречи. Я занялся организацией визита и привлек к этому Российский Еврейский Конгресс во главе с В. Гусинским. Когда я сообщил в канцелярию премьер-министра о том, что мы занимаемся визитом Шарона в Россию, то оттуда пришло указание, чтобы я не сопровождал Шарона во время его визита. Когда я попытался выяснить причину, то мне намекнули, что такова договоренность между Б. Нетаньяху и Либерманом. Лично для меня участие в визите не имело никакого значения. Все было организовано, а я обычно не сопровождал визиты министров, кроме премьер-министра и министра иностранных дел. Я сообщил Шарону, что я не буду сопровождать его в этом визите по указанию главы правительства, но он не должен беспокоиться: все организовано и готово. Шарон вскипел и обратился к главе правительства, и я получил указание присоединиться к визиту. Но Либерман позвонил мне и сказал, чтобы во время визита я не принимал участия во встречах по экономическим вопросам. Я ответил ему, что я никогда не принимаю участия во встречах, связанных с экономическими проблемами. Я не хотел сказать ему, что меня не интересует, что он говорит. Ведь руководитель «Натива» не находится в подчинении генерального директора канцелярии премьер-министра.

Шарон хотел встретиться наедине с председателем правительства России Виктором Черномырдиным. Черномырдин был в отпуске, но нам удалось добиться того, что он согласился встретиться на его даче в Сочи. По его указанию самолет председателя правительства России доставил нас из Москвы в Сочи. Поскольку В. Чермордин не хотел, чтобы представители МИДа России принимали участие во встрече, то он попросил, чтобы и посол Израиля не принимал в ней участие. Он также определил, что и российский переводчик не примет участие во встрече и ему достаточно, чтобы я переводил обеим сторонам. Не нужно обладать излишним воображением, чтобы представить, каково было настроение у работников МИДа Израиля и посла Израиля в России, когда они узнали, кто будет и кто не будет участвовать во встрече. Во время встречи В. Черномырдин и А. Шарон обсуждали вопросы экономического сотрудничества между странами, поставок российских нефти и газа, а также

поставки российского вооружения Ирану и Сирии. В. Черномырдин пообещал А. Шарону, что Россия не поставит ни Ирану и ни Сирии те виды оружия и комплектующие, которые А. Шарон просил не поставлять. Насколько мне известно, и до сегодняшнего дня Россия не поставила эти виды вооружения ни в Сирию, ни в Иран. Кроме встречи с В. Черномырдиным, мы организовали А. Шарону еще несколько интересных встреч, в том числе и с председателем Правления «Газпрома», в которой я не участвовал.

В один из дней визита Шарона я сообщил ему, что я не присоединюсь к нему на обед, поскольку у меня есть другая важная и интересная для меня встреча с одним из российских чиновников. Я сказал ему, что моя встреча будет в том же ресторане, но за другим столом. Это была интереснейшая встреча, открытая и глубокая. Собеседник произвел на меня отличное впечатление своей серьезностью, внимательностью и отсутствием каких-либо признаков типичного отношения советского чиновника к тем проблемам, которые мы обсуждали. Его внешний вид, стиль ведения беседы и разговора явно указывали на его прошлое в КГБ. Но я еще и до встречи с ним знал о его прошлой службе в КГБ. В нашей беседе мы коснулись очень многих проблем как России, так и Израиля, а также Ближнего Востока, отношений между Россией и Израилем и возможного взаимодействия между нашими странами. Мы обсуждали как взаимные интересы, так и взаимные угрозы. Мы просидели вместе более трех часов, и эта встреча заложила основы для хороших отношений между нами в будущем. Имя человека, с которым я встретился, было Владимир Путин. Он был знаком нам по его работе с губернатором Санкт-Петербурга Анатолием Собчаком. В свое время мы организовали визит в Израиль Анатолия Собчака, и Путин, который заведовал отделом внешних сношений муниципалитета Санкт-Петербурга, прибыл вместе с ним. Я был знаком с Собчаком, и у нас было несколько интересных встреч. После того как Собчак проиграл на городских выборах, Путин отказался работать с его преемником и перебрался в Москву.

Во время планирования визита я предложил Арику Шарону посетить воинскую часть Российской армии. Я всегда стремился к установлению отношений между Армией обороны Израиля и Армией России. Я предложил ему посетить Академию Генерального штаба и Таманскую дивизию, которая на протяжении многих лет была образцово-показательной бронетанковой дивизией Советской армии и Армии России. Академия Генерального штаба произвела на Ариэля Шарона

огромное впечатление, особенно профессиональный уровень преподавателей и представленные ему программы обучения. Когда мы собирались выехать из академии в направлении Таманской дивизии, произошла заминка. Вся процессия машин стояла в замешательстве. Когда я спросил, в чем дело, мне ответили, что никто не знает дорогу в Таманскую дивизию. Шарон спросил военного атташе Израиля в России, который сопровождал нас во время визита, знает ли он дорогу. Оказалось, что не только он не знал дорогу, он вообще не связывался с Таманской дивизией, чтобы уточнить детали оговоренного визита. С Академией Генштаба он тоже предварительно не разговаривал и не знал ее адреса, приехав со всей процессией. Верно, что все визиты были подготовлены благодаря моим связям, но в моем понимании это не освобождало военного атташе от обязанности установить связь и уточнить технические детали визита. Шарон кипел от ярости, заметив, что военный атташе позорит его как генерала Армии Израиля своим не подобающим офицеру халатным поведением.

Назначение Израилем военных атташе в России в то время было просто скандальным. Только первый военный атташе, Михаил Штиглиц, был боевым офицером, командиром артиллерийского полка. Он был братом Авиталь Щаранской и приехал в Израиль до нее, в начале семидесятых годов. Свое первое офицерское звание он получил в Советской армии по окончании одного из московских вузов. После Штиглица на должность атташе назначали преимущественно по протекции. Как, например, назначение подполковника военной полиции, который все годы был старшиной по строевой подготовке и получил офицерское звание во время одной из многих кампаний присвоения старшинам офицерских званий по прохождении специально организованных для этого ускоренных офицерских курсов. Что вообще знает этот так называемый подполковник, а по сути старшина по строевой подготовке, об армии? Как-то мне пришлось встретиться с капитаном второго ранга, военно-морским атташе Великобритании в России, который был командиром атомной подводной лодки во время войны на Фолклендах. Он сказал мне, что он, правда, не знает русского, но его офицеры свободно владеют русским языком. У нас только секретарша военного атташе, израильтянка, более или менее сносно изъяснялась по-русски. Что должны были думать в России об этих унизительных и оскорбительных для отношений между армиями наших стран назначениях?

Я сказал, чтобы процессия следовала за моей машиной, и вскоре мы прибыли в Таманскую дивизию. И там увиденное

Шароном произвело на него сильное впечатление. Но особенно его поразили командиры дивизии. Командир дивизии, генерал-майор (соответствует бригадному генералу в израильской армии), ему было 41 год, поразил Шарона, сказав, что это уже вторая дивизия, которой он командует. В первый раз он получил пост командира дивизии в возрасте 38 лет. Шарон сказал, что он не представлял себе, что в Российской армии такие молодые генералы. Он был родом из сибирской деревни, и Шарон с гордостью заявил, что он тоже из крестьянской семьи. Еще больше поразило Шарона то, сколько лет обучаются офицеры, с которыми он беседовал в различного рода военных учебных заведениях. Ошеломленный, он прошептал: «Они же половину службы учатся военному делу на высшем уровне!» Командир Таманской дивизии был выпускником нескольких академий и военных училищ, включая, как и все командиры дивизий в Армии России, Академию Генерального штаба. Шарон говорил об этом с завистью и выразил надежду, что и в Армии Израиля когда-нибудь уделят внимание серьезному обучению офицеров военным наукам.

Во время визита в Санкт-Петербург А. Шарон был приглашен посетить один из царских дворцов в окрестностях города. Как обычно, выехала целая процессия машин с охраной. Позже хозяева, принимавшие Шарона, со смехом рассказали мне о забавном происшествии. Группа охраны ФСБ, сопровождавшая процессию, заметила легковую машину, следующую за процессией. Ее тут же прижали к обочине, вытащив пассажиров и показывая удостоверения работников ФСБ, потребовали предъявить документы. Пассажиры остановленной машины совершенно спокойно показали им свои удостоверения работников ФСБ. Началось выяснение, что они делают, если израильскому министру уже предоставлена охрана ФСБ. Работники ФСБ из остановленной машины разъяснили, что их израильский министр вообще не интересует, они здесь из-за Якова Кедми, и он является объектом их внимания. После этого они попросили местных работников охранного отделения ФСБ заниматься охраной израильского министра, а они продолжат заниматься слежкой за Яковом Кедми.

После возвращения в Израиль полиция начала следствие по визиту Ариэля Шарона в Россию. Меня вызвали для дачи показаний в Отдел особо опасных преступлений полиции. По прошлым рабочим встречам я был хорошо знаком и с отделом, и с его офицерами и руководителями. Дача показаний продолжалась несколько часов со всеми трюками полиции, хорошо мне знакомыми, а иногда просто смешными. Но я ни на

что не реагировал, зачем унижать людей, делающих свою работу? Следователи хотели выяснить, кто платил за трапезы в ресторанах. Особенно их интересовало, за какие обеды или ужины платил В. Гусинский. Я ответил, что никогда не интересовался, кто оплачивает официальные обеды или ужины при визитах министров из Израиля. «Натив» не имеет к этому отношения, только израильский МИД. Они спросили, кому принадлежит самолет, на котором мы летели на встречу с премьер-министром В. Черномырдиным. Я ответил, что на самолете российского премьер-министра. Меня попросили доказать это. Я ответил, что я определил это и по типу самолета, и по униформе экипажа, и по ответу на мой прямой вопрос об этом экипажу. Все это следствие порядком возмутило меня. Было ясно, что они роют землю в попытках найти что-либо против Ариэля Шарона. Я спросил следователей, почему они действуют двойными стандартами. Я сказал им, что не раз летал с Шимоном Пересом в государственных визитах на частном самолете, предоставленном ему одним еврейским миллиардером из США, и что мне известно о том, что Шимон Перес зачастую пользуется частными самолетами, предоставляемыми в его распоряжение мультимиллионерами со всего мира.

Пристрастие Шимона Переса к полетам на частных самолетах известно многим богатейшим евреям во всем мире. Когда Ш. Переса приглашают на какое-либо событие или празднество в одной из стран, все ожидают намека от приближенных Переса о том, что желательно, чтобы они прислали за ним один из своих частных самолетов. Довольно отрицательная черта, но журналисты, нередко сопровождающие его и пользующиеся этими полетами, предпочитают не распространяться об этом. Страсть Шимона Переса к полетам на частных самолетах за счет богатых евреев в мире, по-моему, так и не удосужилась стать достоянием средств информации.

«Если это можно Шимону Пересу, так в чем проблема с Ариэлем Шароном? – спрашивал я с возмущением у полицейских. – Большинство израильских министров неоднократно приглашаются в рестораны местными евреями во время их визитов в страны Запада. Но никогда это не становится причиной полицейского расследования или основанием для подозрения в уголовном преступлении. Почему-то то, что можно еврейскому миллионеру из США, рассматривается как преступление, если делается еврейским миллионером из России?» Разумеется, что я не получил от них ответа. Да я и не ждал. Я просто хотел, чтобы это было записано в протоколе.

56

Глава правительства Беньямин Нетаньяху должен был посетить Россию. Это был важный визит с точки зрения как его общественного статуса, так его международного статуса и престижа государства Израиль. Как обычно, мы подготовили материалы к визиту и переслали в канцелярию премьер-министра. Подготовили также, как и принято в официальных визитах главы правительства, брошюру на русском языке и о самом премьер-министре Нетаньяху. Нашу часть визита мы подготовили, как это делали всегда.

Тем временем истерия в Израиле по поводу «русской мафии» и «русской преступности» приняла чудовищные размеры. Если о ком-либо ходили сплетни, слухи или намеки полиции о его якобы возможных связях с мафией, канцелярия премьера делала все, чтобы избежать любого, даже случайного, присутствия этого человека в местах, где появлялся Беньямин Нетаньяху. Их имена вычеркивались из списков приглашенных, и иногда доходило до угроз, что если тот или иной человек будет присутствовать, премьер-министр просто не придет. Нетаньяху, конечно, не был в курсе всего этого. Это была политика Бюро премьер-министра, а вернее, Авигдора Либермана, гендиректора канцелярии премьера, который полностью управлял Бюро через начальницу Бюро Рухаму Аврахам, беспрекословно и слепо подчинявшуюся Либерману. Либерман был очень озабочен престижем своего начальника, да и своим тоже. Особенно в свете довольно грубых намеков о его якобы связях с русской преступностью, которые начали распространять его политические противники. Эти слухи были не лишены расистского оттенка. Гротескная картинка Либермана, несомненно, сыграла свою роль в наведении страха на население, преувеличенно приписывая ему все отрицательные качества и обвиняя его во всех смертных грехах. Я не раз говорил, в том числе и журналистам, что израильские средства информации ненавидят Либермана и провоцируют к нему ненависть израильского общества. Либерман, вероятно, опасался, что его обвинят в том, что это он связывает главу правительства с представителями преступного мира и мафией. Я был не согласен с такого рода подходом. Насколько мог, пытался вмешиваться, неуклонно повторяя, что это неверно ни по сути дела, ни с точки зрения фактов, ни с моральной точки зрения, но безрезультатно.

Один из кульминационных моментов случился во время визита Нетаньяху в Москву. Мэр Москвы Юрий Лужков устроил прием в честь премьер-министра Израиля в одном из

фешенебельных ресторанов Москвы – «Метрополе». На прием был приглашен весь цвет московского общества и виднейшие представители московского еврейства, в том числе Иосиф Кобзон, очень популярный еврейский певец, близкий к Лужкову и один из активнейших борцов против антисемитизма. И в советский период он неоднократно выступал, исполняя еврейские песни и мелодии, к неудовольствию властей. И тут произошла поистине позорная сцена.

Началась эта история еще при Шимоне Пересе, когда он был главой правительства. Как-то я сидел по служебным делам у друзей в Моссаде. Во время нашей беседы раздался звонок из посольства России. Звонил представитель СВР в Израиле, аккредитованный при посольстве России. Он рассказал, что некоторое время назад в аэропорту Бен-Гурион был арестован Иосиф Кобзон, прибывший в Израиль на гастроли, и его собираются выслать обратно в Россию. Друзья из Моссада попросили меня помочь. Тут же по спецсвязи я позвонил в бюро премьер-министра и попросил срочно переговорить с ним. Мне ответили, что он на совещании и у него нет возможности выйти. Тогда я попросил передать ему срочно записку от меня и указать в ней, что Иосиф Кобзон арестован в аэропорту, и если его немедленно не освободят, то это приведет к межгосударственным осложнениям и большому позору государства Израиль. Через двадцать минут мне сообщили из бюро Переса, что он получил мою записку и дал указание немедленно освободить Кобзона и разрешить ему въезд в страну. При дальнейшей проверке я выяснил, что консул Израиля в Москве, хороший парень, временно перешедший в МИД из Службы безопасности, выдал Кобзону въездную визу в Израиль для выступлений с концертами. К копии визы, высланной в Израиль, он приложил свой отчет, в котором указал, что в некоторых средствах информации появляются статьи, обвиняющие Кобзона в связях с мафией. Несмотря на это, он выдал ему визу, не видя причины для отказа. Но Батья Кармон, начальник отдела виз Министерства внутренних дел, прочитав отчет, не думая и не понимая и не разбираясь, о чем и о ком идет речь, дала указание арестовать Кобзона и выслать из страны. Тогда этот инцидент уладили, благодаря вмешательству главы правительства Шимона Переса. Но если бы этот случай произошел, не дай бог, во время Нетаньяху – Либермана, вряд ли бы они осмелились вмешаться.

Во время приема в «Метрополе» я заметил странную суету в зале. Кобзон подошел ко мне и дрожащим голосом, со слезами на глазах, сказал, что ему от имени израильской делегации запретили петь. Я спросил его, кто ему запретил, и он указал на

стоящую в стороне работницу посольства. Я направился к ней, и она, заметив, что я взбешен, тут же сообразила, в чем дело, и, заикаясь, начала оправдываться: «Это не я. Я, я, я, я, я не знаю ничего. Я только выполнила указание посла». Я подошел к послу, которая сидела возле Либермана, и спросил ее, что происходит с Кобзоном. Прежде чем она успела ответить, Либерман сказал мне: «Не вмешивайся. Оставь это в покое». Я раздраженно ответил: «Нечего оставлять в покое. Сейчас разразится скандал. Вам нельзя было так поступать». И тут я заметил, что Лужков пытается обратиться к Нетаньяху. «Вот видишь, – сказал я Либерману, – уже начинается». Либерман съежился, как будто бы спрятался в ракушку. И не только он. Вдруг все оказались ни при чем, и никто ничего не знает.

Я поспешил к Лужкову и Нетаньяху, который спросил меня: «Что случилось? Почему он злится?» Я сказал Нетаньяху, что все уже улажено. Потом обратился к Лужкову, сказал, что из-за непонимания вышло маленькое недоразумение, что все улажено и нет смысла беспокоить главу правительства, и Кобзон начнет выступление через несколько минут. После этого я подошел к Кобзону и искренне извинился перед ним. Я сказал ему, что он может петь сколько угодно и что никто ему ничего не запретит. И что мы действительно относимся к нему с уважением и почтением. Впоследствии было еще несколько разного рода недоразумений. Но этот случай был самым обидным, в нем государство Израиль, вплоть до самого высшего руководства, проявилось во всей глупости, тупости и невежестве. Но Нетаньяху никак не был замешан во всем этом. Я уверен, что, если бы я обратился к нему, он бы дал немедленно указание не допустить такого развития событий.

Однако вскоре произошел еще более постыдный инцидент на приеме в честь премьер-министра Израиля, который дал глава правительства России Виктор Черномырдин. Прием должен был начаться в шесть вечера. За двадцать минут до начала все, включая российскую охрану, стояли возле гостиницы, поджидая чету Нетаньяху. Прошло пять минут, десять минут, а супруги Нетаньяху не появляются. Из Дома приемов позвонили мне, спрашивая, почему премьер-министр Нетаньяху еще не приехал? Я подошел к нашей охране выяснить, где глава правительства. Один из наших охранников сухо и стараясь не рассмеяться промолвил: «Сарра делает джоггинг, и, пока она его не закончит, мы не выедем». Я был потрясен. Капризы жены премьер-министра должны быть причиной дипломатического конфликта? Опять мне позвонили из окружения Черномырдина и в истерике сказали, что председатель правительства оскорблен и собирается уезжать. Я

попросил его удержать всеми правдами и неправдами и сказал, что мы уже выезжаем. Я знал, что российская охрана сообщает о поездке и окружение Черномырдина знает лучше, находимся ли мы в дороге или нет, и не только это. Почти в шесть тридцать, через полчаса после начала приема, мы наконец выехали. Стремительно промчавшись по улицам, подъехали к Дому приемов и вошли в зал. В зале был весь цвет российской власти и общественности, а также еврейства России. Опоздание было позором и оскорблением на глазах у всех, но, что делать, это наш глава правительства и так он представляет нашу страну.

Но я не ожидал, что предстоит еще большее унижение. Ко мне подошел советник главы правительства по делам диаспоры, который, в сущности, исполнял обязанности личного секретаря супруги премьер-министра и прошептал мне, что ко мне есть личная просьба главы правительства: он хочет, чтобы председатель правительства России упомянул также и Сарру Нетаньяху в своем приветствии. Скрипнув зубами, я направился к Черномырдину. После того как он обратился ко мне по имени, я позволил себе обратиться к нему по имени-отчеству: «Виктор Степанович. У меня к вам очень необычная и странная просьба. И мне правда стыдно, но вы должны понять меня. Беньямин Нетаньяху убедительно просит вас упомянуть его супругу, Сарру Нетаньяху, в вашей речи». Черномырдин посмотрел на меня, как будто он не верит своим ушам. «Что? Это же вопреки протоколу. Таких вещей не делают!» Но я снова обратился к нему: «Я это знаю. Вы абсолютно правы. Но давайте будем превыше этого. Мы собираемся восстановить отношения между нашими странами после долгого и трудного периода. Мы высоко ценим все, что вы лично делаете для этого. Но даже если эта просьба неоправданна и противоречит протоколу, нам не нужны лишние скандалы. Будьте выше этого». Черномырдин бросил с презрением: «Какой же он мужчина? Тряпка! Как он ей такое позволяет?» Я сказал ему: «Он воспитывался в Соединенных Штатах. Это не то воспитание, к которому мы привыкли. Оставьте это. Я очень вас прошу». Черномырдин тяжело вздохнул и процедил сквозь зубы: «Хорошо. Я это сделаю». Сгорая от стыда, я вернулся на место, думая про себя, что в глазах этих людей, которые сегодня правят моей страной, весь мир подобен Центральному комитету партии Ликуд, истерически скандирующему вопли: «Да здравствует Сарра!» Люди бюро главы правительства ожидали, дрожа от страха, сигнала от меня. Я их успокоил, показав, что все в порядке. В ходе своей речи Черномырдин взглянул на меня, чуть заметно улыбнулся и упомянул Сарру Нетаньяху. Так был предотвращен дипломатический конфликт между двумя

странами, причинами которого были капризы разбалованной супруги и личная слабость человека, занимающего пост главы правительства Израиля.

В общем, это был ординарный визит. На обратном пути, как всегда, Еврейское Агентство организовало полет новоприбывших в самолете главы правительства. И никого не интересовало, сколько это стоило лишних денег и сколько дополнительных часов провели эти измотанные люди с детьми в ожидании полета в Израиль в самолете главы правительства. Главное, чтобы все получили свою рекламу. Глава правительства на своем самолете привозит новоприбывших в Израиль, и, когда он беседует с некоторыми из них во время полета, руководители Еврейского Агентства лезут сфотографироваться рядом с ним, и все довольны. Эфраим Кишон и Салах Шабати с пониманием и восхищением грустно улыбаются.

Через несколько месяцев после этого визита я побывал по рабочим делам в Санкт-Петербурге. Во время одной из встреч губернатор города отозвал меня в сторону: «Я не понимаю. Был ваш премьер-министр, надавал гору обещаний. И ничего, даже одного обещания не выполнил. Мы знакомы с визитами других глав правительств и с их обещаниями. Но чтобы ни одно обещание не было выполнено, такого еще не было. Вам не стыдно?» Я пообещал ему заняться этим и все проверить, отлично сознавая, что делать нечего. Такова была новая политическая культура руководства Израиля.

57

Одной из проблем, которой мне пришлось заниматься, была помощь России Ирану в создании ядерного оружия и ракет. Согласно определению функций «Натива», это не входит в нашу компетенцию. Я был в курсе проблематики создания ядерного оружия Ираном только на основании открытых и секретных материалов, которые поступали ко мне. За мою довольно сложную жизнь я познакомился с историей создания ядерного оружия Ираном, и у меня сложилось четкое мнение о режиме, правящем Ираном, и его устремлениях. Я считаю, как и некоторые другие, что создание ядерного и ракетного оружия были определены как стратегические цели Ирана, вне связи с тем, какой режим правит в Иране. Эта тема была поставлена на повестку дня еще во времена шаха, исходя из стратегической оценки угроз Ирану и ситуации в регионе и во всем мире. В процессе выработки этой стратегии Израиль был стратегическим партнером Ирана, прежде всего в области ракетостроения.

Эта проблема была приоритетной во время второго визита Рабина в Россию и, по сути дела, являлась причиной этого визита. Я не вмешивался в эту проблему и не высказывал никакого своего отношения к ней. Но на протяжении 1997 года эта проблема приняла новые и опасные для российско-израильских отношений формы. Неувязки и ухудшение отношений между странами могли оказать серьезное влияние на деятельность «Натива» в России. В качестве руководителя «Натива» я считал необходимым выработать формы и цели нашей работы с Россией в свете новых элементов в наших отношениях, поскольку это могло повлиять как на положение евреев в России, так и на их выезд в Израиль. Инициаторами нового подхода к России были бригадные генералы из Разведуправления Генштаба Яков Амидрор и Амос Гильад, оба бывшие начальниками аналитического отдела в Разведуправлении. На одном из обсуждений я услышал из уст Гильада заявление, которое меня удивило. Он утверждал, что Россия видит в Иране своего основного стратегического партнера на Ближнем Востоке и поэтому предоставляет Ирану технологии ядерного оружия и ракет дальнего радиуса действия. Я не выдержал и сказал, что только полный невежда может утверждать подобное. На мой вопрос, почему Россия заинтересована в этом, я услышал еще более нелепый ответ. Якобы Россия вооружает Иран ядерными технологиями, опасаясь влияния Ирана на мусульманское население России и его возможности привести к волнениям среди них. Я сказал, что это абсурд и глупость, и

спросил, есть ли какие-либо сведения о попытках Ирана вести в России подрывную деятельность, особенно среди мусульман. Никто ничего не мог сказать по этому поводу. Я понял, что, как обычно у нас, выработали концепцию, без всякой попытки обосновать ее на основе фактов и серьезном профессиональном анализе.

Я указал на противоречие: Советский Союз, у которого были намерения экспансии и распространения своей идеологии во всем мире, и он был участником и инициатором вооруженных конфликтов во всех частях света, никогда не поставлял передовых военных технологий даже своим самым близким союзникам. Советский Союз никогда и никому не поставлял чего-либо, что могло служить созданию ядерного оружия. Что же вдруг Россия, у которой нет никаких экспансионистских намерений и уже нет никакой идеологии, которую бы она хотела распространять на другие страны, начала поставлять ядерные и ракетные технологии? Это же совершенно нелогично. Но ни у кого не было никакого ответа на мой риторический вопрос. Вместо аргументированного и профессионального объяснения я услышал бормотание, что Россия поставляет эти технологии, чтобы предотвратить деятельность Ирана среди мусульман России. Я продолжил, утверждая, что никогда за свою историю Россия не опасалась Ирана. Наоборот, это Иран всегда опасался России, у которой были намерения овладеть Ираном. Традиционно, в глазах России, угрозой с юга была Турция, и в свете военных конфликтов и войн на протяжении сотен лет, и из-за членства Турции в НАТО. Россия всегда видела в Иране не угрозу, а добычу, которой можно овладеть. Проблема с Ираном была не в России, а в Азербайджане. С точки зрения географии половина Азербайджана находится под властью Ирана. Государственные границы не соответствуют ни географическим, ни демографическим границам. Весь Северный Иран, к западу от Каспийского моря, населен азербайджанцами, и в Иране живет больше азербайджанцев, чем в самом Азербайджане. Были попытки религиозной деятельности Ирана в Азербайджане, но они были очень робкими и были резко подавлены азербайджанцами.

В конце концов я так и не получил ответа на вопрос, есть ли какая-либо информация о религиозной деятельности Ирана в России. Из моих контактов с работниками ФСБ я знал, что работники спецслужб Ирана почти не пытаются заниматься оперативной работой в России, особенно среди мусульманского населения. Конечно, была деятельность разведслужб Ирана в России, но очень ограниченная и довольно непрофессиональная

и концентрировалась в основном на получении технической и научной информации и посещении соответствующих выставок и ярмарок, покупке патентов. Я пытался это разъяснить, но никто не хотел ничего слушать. По израильской традиции с концепцией не спорят. Из моего знакомства с Амидрором и Гильадом я знал, что они не склонны прислушиваться к другим мнениям, а тем более принимать чужую аргументацию. Один из бывших начальников Разведуправления Генштаба, один из лучших из них, рассказал мне, что он как-то сказал им обоим, что они не могут быть офицерами разведки. На их удивленный вопрос, почему, он ответил: «Потому что вы всегда уверены, что знаете все. Тот, кто уверен, что он знает все, не может служить в разведке». Сомнения, постоянная перепроверка, в основном контраргументов, – это необходимые качества работников разведки, особенно аналитиков.

Видя, что ситуация усложняется и ухудшает отношения между нашими странами, я попросил встречи с главой правительства Беньямином Нетаньяху. Во время встречи я объяснил ему, что не согласен с позицией Разведуправления Генштаба и считаю ее ошибочной. Я подчеркнул, что меня тревожит, что на основе ошибочной оценки будут предприняты действия, которые повредят отношениям между Россией и Израилем, и предупредил, что это может привести к нежелательным последствиям и может отразиться как на положении евреев России, так и на нашей работе в России. Я предложил ему разрешить мне проверить, на основе моих личных связей в государственных системах России, несколько случаев сотрудничества России с Ираном в производстве ядерного оружия и ракет. Тем более что у разведслужб Израиля, по их же утверждению, не было серьезных попыток наладить контакты с Россией по этим проблемам. Нетаньяху отнесся к моим словам с полной серьезностью и по-деловому. Он был согласен с опасностью ухудшения отношений с Россией. Он принял мое предложение и через несколько дней переслал мне несколько примеров для проверки в России.

Я вылетел в Россию и встретился с председателем правительства России В. Черномырдиным. В начале встречи я сказал ему, что для обеих сторон это серьезная проблема и что если наши отношения важны для обеих сторон, то мы должны попытаться решить проблему совместными усилиями. Я отметил, что есть только два способа решить проблему. Опровергнуть выдвигаемые нами претензии реальными фактами. Или, если наши претензии окажутся действительными в той или иной мере, немедленно исправить положение. Черномырдин подчеркнул, что

хорошие отношения с Израилем очень важны для России и что он сделает все возможное, чтобы доказать, что наши претензии безосновательны, и выправить ситуацию. Он предложил мне остаться и присутствовать на его встрече с министром обороны Сергеевым, которая должна была начаться после нашей встречи. Я ответил, что я не могу встретиться с министром обороны России. Я объяснил, что я подчиняюсь премьер-министру, а отношения между премьер-министром и министром обороны Израиля Ициком Мордехаем довольно напряженные, и встреча посланника премьер-министра с министром обороны России может еще более осложнить их сложные отношения. Я, как подчиненный главы правительства, не имею права осложнять его отношения с его министрами. Мы договорились, что по этим проблемам я встречусь с руководством оборонной промышленности России и с начальником ФСБ. Черномырдин сказал, что он даст им соответствующие указания. Он выразил сожаление о том, что я не согласен встретиться с министром обороны, и пообещал поднять перед ним вопросы, которые мы обсуждали.

Как и было договорено с Черномырдиным, я встретился с руководством оборонной промышленности России и получил от них разъяснения по тем случаям, которые были мне поручены премьер-министром Нетаньяху. Полученные разъяснения были для меня довольно неприятной неожиданностью. В одном случае речь шла о поставках редкого сплава, используемого в производстве ракетных двигателей. В полученной мной от Нетаньяху информации говорилось, что металлический сплав поставляется одной российской фирмой. Полученный ответ был: «Не может быть, чтобы разведслужбы Израиля работали так небрежно. Два студента, один русский, а другой азербайджанец, хотели кинуть одну иранскую фирму. Они сообщили ей, что у них есть выход на российское оборонное предприятие и они могут достать требуемый сплав. Как возможно, что ваши разведслужбы даже не проверили данные о российской компании?» Даже если бы я хотел, я не мог ответить на этот вопрос. Все равно они бы не поверили моему утверждению, что ни Моссад, ни военная разведка не работают оперативно в России. Окончательный ответ был: нет никакой российской компании и нет поставок этого важного сплава Ирану. И на такой шаткой и непроверенной информации, совершенно непрофессионально, основывают аргументы, ведущие к серьезным внешнеполитическим последствиям!

Второй пример был намного серьезнее. Речь шла о якобы помощи одного из крупнейших оборонных предприятий России в

производстве двигателей для баллистических ракет. Это был действительно серьезный и сложный случай, который требовал немедленного решения. Мои собеседники объяснили, что речь идет об использовании двойных технологий, применяемых как в военной, так и в гражданской промышленности. По их объяснениям, в этом случае был промах российских спецслужб, которые с опозданием обнаружили утечку. По их словам, этот случай побудил их остановить утечку продукции двойной технологии, и в России срочно принимаются для этого соответствующие законы. В России не были достаточно внимательны к этой проблеме, да и в мире не очень обращали на нее внимание до последнего времени. Очевидно, что в этом случае не шла речь о преднамеренном сотрудничестве России с Ираном в производстве баллистических ракет. Соответствующие законы были действительно приняты в кратчайший срок.

В третьем примере шла речь об иранских студентах, обучающихся на факультетах ядерной физики в российских вузах. Мои собеседники признали этот факт и пообещали ограничить допуск иранских студентов к обучению ядерным технологиям, имеющим отношение к военному производству. Но было совершенно ясно, что специалисту в ядерной физике не будет представлять большого труда пройти переквалификацию для работы в военной сфере. Несмотря на это, был большой парадокс во всей этой проблеме: абсолютное большинство иранских ученых, занимающихся созданием ядерного оружия, получили образование в основном в США, а также в Западной Европе. И во время нашей беседы в странах Западной Европы и США было больше студентов ядерной физики, чем обучалось в России. Во времена шаха и в 80-х годах, когда в Иране было много денег, американские университеты гонялись за иранскими студентами, и несколько тысяч из них направились на учебу в США, в том числе и на факультеты ядерной физики. Они-то и составили основную базу ученых, занимающихся созданием ядерного оружия в Иране. Количество ученых-ядерщиков, обучавшихся в СССР и России, было ничтожным по сравнению с ними.

В соответствии с договоренностью с В. Черномырдиным я должен был встретиться с начальником ФСБ Николаем Ковалевым, чтобы обсудить с ним эти вопросы. За день до назначенной встречи мне позвонили из его приемной и сообщили, что Ковалев заболел и встреча откладывается на несколько дней. Если я могу остаться, они сообщат мне о новой дате встречи. Я сказал, что возвращаюсь в Израиль и чтобы сообщили мне о дате встречи и я прилечу из Израиля. Я торопился скорее вернуться в Израиль, чтобы застать премьер-

министра Нетаньяху до его отлета в США, предоставив ему ответы и предложения, полученные мной в России. Было важно, чтобы эта информация была у него во время визита в Вашингтон. Самой оперативной информацией было полученное мною предложение о создании двух совместных российско-израильских групп для снятия подозрений об участии России в помощи Ирану в производстве ядерного оружия и баллистических ракет. Одна группа должна была заниматься утечкой оборудования и технологий, причем израильская сторона могла посещать любые промышленные научные объекты, подозреваемые в этом, и, если понадобится, принять совместные меры. Вторая группа, в которую должны были входить и представители ФСБ, должна была заниматься предотвращением использования российских специалистов в ядерном и ракетном военных проектах Ирана.

Из-за малого промежутка времени между посадкой самолета из Москвы и отлета самолета Нетаньяху сразу после посадки я на машине подъехал к самолету премьер-министра и бегом поднялся по трапу в самолет. Конечно, все это после предварительной договоренности с его военным секретарем. Отозвав Нетаньяху в сторону, я вкратце изложил ему результаты моей поездки. И в этом случае реакция Нетаньяху была быстрой и оперативной. Он попросил меня срочно доложить об этом начальнику Разведуправления Генштаба Боги Аялону и министру обороны Ицику Мордехаю.

Первой была встреча с генерал-майором Боги Аялоном. Встреча продолжалась около часа, и в ней принял участие Амос Гильад, начальник аналитического отдела. Встреча началась с того, что Амос Гильад, еще не выслушав от меня ни слова, обвинил меня в том, что я совершил серьезнейший проступок и нанес огромный ущерб обороноспособности Израиля. Согласно его концепции, стратегия Израиля по отношению к взаимодействию России с Ираном была прерогативой только Соединенных Штатов, и Израилю нельзя вести об этом никаких прямых переговоров с Россией. Это основывалось на предположении, что США, как более сильная страна, могут лучше способствовать решению проблемы. А если Израиль будет вести переговоры с Россией, то США могут сказать: тогда это – ваша проблема – и перестанут ею заниматься. То есть, по его словам, я действовал вопреки общей стратегии государства Израиль. Но у него был еще один аргумент против переговоров с Россией, еще более «умный»: «Русские все равно нас обманут». У меня не было никакого желания возражать ему, ведь все сказанное им – чушь и глупость.

Одна из тем, поднятая моими собеседниками в России, была

«Многие страны обращаются к нам с претензиями о нашем якобы сотрудничестве с Ираном в производстве ракет и ядерного оружия. Мы это слышим от немцев, французов, американцев. А когда мы спрашиваем, откуда они это взяли, они отвечают, что это не их источники, а израильтян. И мы удивляемся, почему израильтяне не говорят с нами напрямую, а все виляют вокруг да около. Говорите с нами. Мы готовы на переговоры с вами, и прекратите науськивать на нас других, не общаясь с нами. Непродуктивно действовать за чужой спиной. Мы вполне можем говорить напрямую». Но Амос Гильад решил, что русские его обдурят. Я ответил ему, что у меня не такое плохое мнение о наших способностях. Ведь меня им не удается обмануть. Они знают, что им трудно обмануть меня и, если они попытаются, я все равно это обнаружу. А кроме того, все разведслужбы, сотрудничая между собой, время от времени обманывают друг друга в соответствии со своими интересами. Я сказал ему: «Будь достаточно умным и достаточно профессиональным, чтобы справиться с этим». После этого в течение 45 минут Гильад читал лекцию об опасности обладания Ираном ядерным оружием и баллистическими ракетами, как будто он выступал перед женщинами преклонного возраста, сторонницами Израиля, в каком-либо провинциальном городке Соединенных Штатов. Я слушал его только из вежливости. Начальник разведуправления не вмешивался. О результатах моей поездки и предложениях российской стороны начальник аналитического отдела не захотел слушать. «Это меня не интересует», – сказал он, и на этом встреча закончилась.

Когда я сообщил в приемную министра обороны, что глава правительства просил меня доложить министру о моей поездке, то получил ответ, что предварительно будет встреча с его военным секретарем, Яковом Амидрором. Во встрече принял участие также Давид Иври, советник министра по стратегическим вопросам, но он почти не говорил и не задавал вопросов. Мне предложили доложить результаты встреч. На этот раз, по сравнению со встречей с начальником Разведуправления Генштаба, по крайней мере, меня выслушали. Амидрор сказал, что он передаст содержание нашей беседы министру обороны. Я возразил, что не таково было указание премьер-министра. Реакция Амидрора была: «Министр решит». Я, конечно, удивился такому порядку вещей. И до сегодняшнего дня я считаю, что Ицик Мордехай так и не получил серьезный и обстоятельный отчет об этой встрече. А жаль.

Через несколько дней мне позвонили из приемной директора ФСБ и сообщили о дате нашей встречи. Как принято, я сообщил о

том, что выезжаю в Москву в бюро премьер-министра и к нашим работникам в Москве. Когда я уже был по дороге в аэропорт Бен-Гурион, мне позвонил директор Моссада Дани Ятом. Первый раз мы встретились, когда он был военным секретарем министра обороны Моше Аренса. До этого я только слышал о нем. Второй раз это было во время обучения в Колледже национальной безопасности, во время нашего посещения Центрального военного округа, где Ятом был командующим округом, как и других военных округов. Я хорошо с ним познакомился в бытность Ятома военным секретарем премьер-министра Ицхака Рабина. Военный секретарь премьер-министра является также и координатором премьер-министра в его связях с разведслужбами страны. Взаимодействие между нами и личные отношения были отличными, в том числе и из-за хорошего отношения Рабина к каждому из нас. Когда Шимон Перес, став главой правительства, назначил Ятома директором Моссада, я поздравил его и пожелал успехов в новой должности. По его просьбе я высказал ему свое мнение о Моссаде, его работниках и деятельности организации на основе моего знакомства с Моссадом и его работой. В телефонном разговоре по дороге в аэропорт Ятом сказал мне, что он слышал о том, что я лечу в Москву на встречу с директором ФСБ. Я подтвердил ему сказанное. Тогда он сказал, что отношения и связи со спецслужбами иностранных государств находятся в компетенции Моссада. Я ответил, что правила мне известны и что цель моей поездки не относится к взаимоотношениям спецслужб Израиля и России. Сказал, что еду по особой теме, по разрешению главы правительства и что, если он заинтересован, у меня нет никаких возражений, чтобы представитель Моссада в Москве участвовал в этой встрече. Раздраженным и угрожающим тоном Ятом ответил, что его представитель не примет участие во встрече, а если она состоится, то он будет видеть в этом объявление войны с моей стороны. Я ответил ему, что я выслушал его слова. Ятом продолжил, что он будет воевать со мной со всей силой. Я ответил ему холодно и сухо: «A la guerre comme à la guerre» («На войне, как на войне»). Если ты думаешь, что методы и грязные трюки, которым ты научился среди генералов Генштаба, пугают меня, то ты ошибаешься. Самое последнее, что может помочь в спорах со мной, – это пытаться угрожать мне». Я был здорово разозлен. Ятом продолжил: «Так ты едешь?» Я ответил ему коротко: «Да, я еду, и встреча состоится». Тут Ятом еще больше разозлился и бросил: «Хорошо!» – и закончил разговор.

Когда я прилетел в Москву, наш представитель, который встречал меня в аэропорту, сказал мне, что звонил военный

секретарь премьер-министра и сказал, что Нетаньяху запретил мне идти на встречу. Я ответил нашему работнику, что все продолжается по намеченной программе. Приехав в гостиницу, я связался с военным секретарем, бригадным генералом Шимоном Шапиро, и спросил, в чем дело. Шапиро сказал, что Дани Ятом разговаривал с главой правительства и после разговора тот дал указание. Я спросил его, где я могу застать по телефону главу правительства, и Шапиро ответил, что только ночью, когда тот будет дома. Я сказал ему, что сам решу проблему с главой правительства. В два часа ночи я связался с главой правительства в его резиденции в Иерусалиме. Он сказал, что Дани Ятом возражает против встречи. Я сказал Нетаньяху: «Нельзя, чтобы наше мелкие внутренние дрязги влияли на отношения между Россией и Израилем. Встреча назначена по согласованию с председателем правительства России. Россия видит в этой встрече попытку Израиля на самом высоком уровне найти решение проблемы. Не важно, под каким надуманным предлогом я попрошу отменить встречу. Это будет расценено как намерение Израиля уйти от обсуждения проблемы. Они не будут рассматривать это как результат того, что я якобы нанес ущерб статусу Моссада. Они расценят это как ваш, главы правительства Израиля, шаг в отношениях между странами, лежащий на вашей ответственности. Нам нельзя отменять встречу. Дело зашло слишком далеко». Это убедило Нетаньяху, и он сказал: «Хорошо. Я прошу тебя пойти на встречу и представить проблему со всей остротой, как ты представил ее председателю правительства России». С облегчением и радостью я ответил ему, что буду действовать в точности с его указаниями.

Назавтра состоялась встреча с директором ФСБ России Ковалевым. С одной стороны стола сидел глава Службы безопасности России и с двух сторон от него генералы из руководства ФСБ, и, российский флажок перед ними. И я, один, напротив них, и израильский флажок передо мной. На секунду сильнейшие чувства охватили меня. Тридцать лет назад, в одиночку, я боролся с КГБ, а теперь, опять в одиночку, я представляю перед ними государство Израиль. Но адреналин уже разливался по всему телу, и в течение доли секунды азарт схватки уже овладел мной. Директор Службы безопасности представил мне присутствующих генералов. Я спросил, нужно ли мне представиться. Один из генералов сказал с улыбкой, что в этом нет нужды, они меня хорошо знают. Все рассмеялись, и мы перешли к делу. Речь зашла о двух темах, одна относилась к деятельности «Натива» в России, а другая к той цели, ради которой я приехал.

В отношении «Натива» я сказал, что, как им известно, мы действуем во всех государствах бывшего Советского Союза и, независимо от того, что каждый из нас думает о другом, все мы работаем на благо интересов наших государств. Я сказал, что, несмотря на возможные возникающие неувязки, я считаю, что у нас есть достаточно общего для взаимопонимания и содействия, не причиняя ущерб интересам наших стран. Я продолжил, что в случае неувязки или если они почувствуют, что кто-то из работников «Натива» своими действиями угрожает безопасности их страны, мы всегда сможем уладить конфликт, как я это делаю в других государствах постсоветского пространства. С долей определенной наглости я продолжил: «Вы же меня знаете. Вы знакомы и со службой, во главе которой я стою. Вы знакомы с государством Израиль. Мы своего добьемся. Так же как это было не раз и не два в прошлом. Лучше, чтобы это делалось, не обостряя отношения между нашими странами. Теперь это в ваших руках. Но я повторяю, мы своего добьемся». Они заулыбались, частично из вежливости, частично как реакция на мой прямой, если не несколько грубоватый подход.

В отношении Ирана они хорошо подготовились, и их позиция была скоординирована и с председателем правительства В. Черномырдиным, и с другими организациями. Они повторили предложение о создании двух совместных групп для предотвращения утечки материалов, технологий и специалистов, как преднамеренного, так и случайного, для использования в производстве ядерного и ракетного оружия Ираном. Я ответил им, что передам премьер-министру Израиля их предложение, и поблагодарил за встречу. Тут же вернулся в Израиль и доложил о результатах встречи главе правительства.

Разумеется, эта встреча никак не повлияла на отношения между разведслужбами России и Израиля, и вся эта возня вокруг статуса была совершенно излишней. Но в конце концов мое вмешательство в это дело оказалось безуспешным. Государство Израиль, под влиянием разведслужб, и прежде всего Разведуправления Генштаба, продолжало упрекать Россию в оказании помощи Ирану в производстве ядерного и ракетного оружия. Хотя и прекратились заявления, что создание ядерного военного потенциала Ираном является частью стратегии России.

Продолжение этой истории произошло через год. Во время последнего визита Нетаньяху и Шарона в Москве состоялась встреча между председателем правительства России Е. Примаковым и министром иностранных дел Игорем Ивановым и Б. Нетаньяху и А. Шароном, в которой и я принял участие. На этой встрече российская сторона вновь вернулась к тому же

предложению, которое я привез от них год назад. То есть попытаться найти решение проблемы, создав две совместные группы. Во время беседы Нетаньяху, глядя на Шарона, сказал, что он принимает предложение и что министр иностранных дел Ариэль Шарон определит состав израильских представителей. Когда мы выходили со встречи, Шарон сказал мне: «Ты будешь во главе обеих групп». Я ответил ему: «Хорошо. Оформи это, когда вернемся в Израиль». По возвращении в Израиль все завертелось в предвыборной кампании, и договоренность, достигнутая во время встречи Примакова и Нетаньяху, просто не была реализована. На этом все и закончилось.

Забавный случай произошел во время визита секретаря Совета безопасности России Андрея Кокошина в Израиль, вскоре после этой истории. Во время званого ужина в его честь я сидел возле него. И вдруг он обратился ко мне: «Я слышал, что ты поругался с Моссадом. Что это ты? Разве кто конфликтует с Моссадом?» Я посмотрел ему в глаза и сказал: «Когда я был моложе, я уже вступил в конфликт с одной серьезной организацией». Кокошин рассмеялся и сказал: «Ну, что для тебя Моссад после КГБ!» Как говорится, в каждой шутке есть доля шутки.

Когда я попытался подвести итоги этой истории, то пришел к очень грустным и тяжелым выводам. Разведслужбы Израиля, система обороны и государственная система пришли к ошибочным выводам и в отношении участия России в производстве ядерного и ракетного оружия в Иране, и в отношении возможных причин этого. Непонимание России, граничащее с невежеством, привело разведывательное сообщество Израиля к ошибочным заключениям. В сущности, речь идет не только о невежестве, а о недостаточно профессиональных методах анализа, о заносчивости и пренебрежительности ко всем и всему, что не соответствует их мнению. Из-за недостаточного понимания России разведслужбы Израиля не смогли правильно определить российские интересы ни в отношении Ирана, ни в глобальных процессах, ни по отношению к Соединенным Штатам и к Израилю. Это произошло в соответствии с моим предупреждением об опасности такого подхода, которое я сделал еще в 1993 году и уже тогда пытался это исправить. Но и тогда то же израильское разведывательное сообщество воспротивилось этому.

Благодаря своему упрощенному мировоззрению по отношению к России разведслужбы посоветовали руководству применить силовое давление на Россию в том, что они квалифицировали как помощь России Ирану. Государственное

руководство, которое не в состоянии самостоятельно и правильно оценить рекомендации разведслужб и армии и которое тоже немного понимало в России, приняло и анализ и рекомендации разведслужб. Поскольку, согласно оценке, у Израиля не было достаточно возможностей заставить Россию изменить политику, то решили надавить на Соединенные Штаты, чтобы те надавили на Россию. И в этом тоже допустили ошибку. Не приняли во внимание, что у Соединенных Штатов могут быть свои интересы и соображения по отношению к России.

Я вспоминаю, как пытался разъяснить Нетаньяху, что Соединенные Штаты не могут оказывать чрезмерного давления на Россию. В 1998 году Ельцин и его власть были довольно слабы. В Соединенных Штатах было достаточно сил, заинтересованных в дальнейшем ослаблении России или даже в ее распаде. Но в администрации США опасались, что падение или исчезновение Ельцина может привести к власти силы более радикальные и более враждебные интересам Соединенных Штатов. Поэтому власти США были довольно ограниченны в возможностях давления на Россию Ельцина в тот период. Нетаньяху отмел эти аргументы, говоря о том, что мы обратимся к еврейским организациям Соединенных Штатов и они окажут давление на власти США, точно так же, как на демонстрациях в защиту евреев СССР. Я возражал ему и сказал, что американская администрация поддержала борьбу за евреев СССР не из-за давления евреев США, а потому, что это соответствовало интересам Соединенных Штатов в борьбе против Советского Союза в разгар холодной войны. Разногласия с некоторыми американскими еврейскими организациями касались только эффективности тех или иных мер для достижения цели – нанесение ущерба мощи Советского Союза и его престижу. Но Нетаньяху, в своем упрощенном американском мировоззрении, был не в состоянии понять мои разъяснения. Они не соответствовали голливудскому подходу к мировым событиям, при котором добро побеждает зло.

Так Израиль терял время, пытаясь давить на Россию с помощью США. Со временем возросли противоречия между Россией и Соединенными Штатами в отношении Ирана, и в события вмешались также элементы глобальной борьбы между мировыми державами, которых не было раньше. Со временем начали понимать в Израиле, что роль России в помощи производства ядерного и ракетного оружия в Иране была мизерной и что без участия России вряд ли возможно предотвратить создание Ираном ядерного оружия. Израиль изменил тон в отношении России, однако понимание России и возможность сотрудничать с Россией и через десять лет

улучшились не намного. То, что можно было сделать несколько лет назад, сегодня вряд ли возможно. А. Шарон не продолжил своих усилий изменить отношение к России после своего прихода к власти. Осталась в силе концепция, что необходимо продолжать давление на Россию, изменилась только риторика. Когда генерал-майор Гиора Айленд был главой Совета национальной безопасности, он пришел к выводу, что необходимо изменить политику по отношению к России в вопросе ее участия в производстве оружия в Иране. Он признал, что в вопросе помощи России в производстве ядерного и ракетного оружия Ирану обвинения Израиля были ошибочны и преувеличены. Он сожалел о том, что наше упрямство в таком подходе нанесло ущерб отношениям между нашими странами и нашим усилиям решить проблему ядерного и ракетного вооружения Ирана. Однако когда он попытался представить на обсуждение предложения, разработанные им вместе с российскими коллегами, то все оборонные, разведывательные и государственные системы Израиля ополчились против него, точно так же, как и против меня за пять лет до этого. Даже А. Шарон принял их традиционную точку зрения. Моим «утешением» могла быть только мысль, что и глава Совета национальной безопасности потерпел поражение в схватке с государственной и разведывательной системами Израиля. Это была однозначно безнадежная война.

Я не испытываю никакой радости оттого, что через несколько лет получил подтверждение в своей правоте. Грустно, что так произошло. Грустно, что государственная система совершает такие грубые ошибки в судьбоносных вопросах государства Израиль. Из-за ошибочной концепции и порочных привычек работы в Израиле не отнеслись с достаточными вниманием и серьезностью к действиям Ирана, КНДР и Пакистана и прозевали их. Средства разведслужб ограниченны, и чрезмерное сосредоточивание на ошибочных направлениях лишает возможностей уделить достаточное внимание другим направлениям. Можно предположить, что, если бы разведслужбы Израиля с самого начала действовали более грамотно, более профессионально, на основе понимания государством политических интересов, не было бы сделано таких ошибок, и результаты были бы намного успешнее. Но ошибки повторяются. Когда я слышал громогласные, полные знакомой заносчивости заявления перед атакой США на Ирак, что «весь мир содрогнется, когда увидит, каково неконвенциональное оружие у Саддама Хусейна», я улыбнулся про себя. Я опасался, что и на этот раз будут такие же результаты, и опять выяснилось, что мои опасения оправдались. Те же люди, по крайней мере часть из них,

продолжают определять израильскую политику по отношению к иранской проблеме. И, что еще хуже, тот же непрофессиональный подход, полный непонимания и заносчивости, которые обычно проявляются вместе, продолжает характеризовать разведывательную, оборонную и государственную системы Израиля.

В результате моего вмешательства в проблему начальник аналитического отдела Разведуправления Генштаба потребовал запретить «Нативу» заниматься аналитикой и распространять свои оценки. Я не выдержал и заявил, что если это будет принято, то я не останусь на своей должности. Невозможно действовать, определять цели и методы без информации и ее анализа. Принятие подобной рекомендации и было основным пунктом моих разногласий с премьер-министром Нетаньяху. Но это требование, как и другие в отношении «Натива», не было принято в течение всего времени, пока я оставался во главе организации.

58

В один прекрасный день 1998 года мне позвонил министр иностранных дел Ариэль Шарон и попросил срочно приехать к нему в аэропорт. Он вылетал в Соединенные Штаты и хотел со мной переговорить. Я поехал в аэропорт, где мы и встретились. Шарон начал разговор об ухудшении отношений между Израилем и Россией. Он говорил о министре обороны Ицике Мордехае, который отменил визиты министра обороны России и начальника Генерального штаба Российской армии в Израиль. По мнению Шарона, это было бессмысленно и сильно навредило нашим отношениям с Россией. Поэтому А. Шарон искал какой-либо способ улучшить отношения с Россией или, по крайней мере, уменьшить ущерб. Шарон попросил меня срочно выехать в Россию и подготовить его краткий визит на обратном пути из Соединенных Штатов в Израиль. Он поинтересовался моим мнением о демаршах министра обороны Израиля. Я высказал ему свое мнение. Причиной этого, на мой взгляд, был ошибочный подход израильского Министерства обороны. Этот подход был выработан начальником аналитического отдела Разведуправления Генштаба Амосом Гильадом и еще несколькими офицерами и был принят министром обороны. Я рассказал ему о своем вмешательстве, по согласованию с главой правительства, и о результатах моих действий, которые говорили сами за себя. Но министр обороны просто пренебрег этим по рекомендации своих подчиненных, если вообще ему об этом было доложено верно и профессионально. Я заметил, что все-таки существует возможность исправить ущерб и улучшить отношения между странами.

По поводу его просьбы помочь с визитом я сказал ему, что у меня нет никаких проблем. Но я прошу оформить это официально. Во-первых, чтобы Шарон скоординировал с премьер-министром мои действия с ним, министром иностранных дел. Во-вторых, для того, чтобы заниматься этими проблемами, мне необходим был соответствующий формальный статус. Я не хотел, чтобы мне опять предъявляли претензии, что я выхожу за рамки полномочий директора «Натива» и вмешиваюсь не в свои дела. Шарон спросил, что я имею в виду, говоря об официальном статусе. Я объяснил ему, что официальный статус означает определение моей должности в дополнение к главе «Натива», как «координатор премьер-министра и министра иностранных дел Израиля по странам бывшего Советского Союза». Более или менее это соответствовало статусу Дениса Росса, специального

посланника США по Ближнему Востоку. Шарон сразу согласился и отдал соответствующие указания. Вскоре я получил новый паспорт с новым статусом. Работники Министерства иностранных дел Израиля были «безмерно довольны».

Я вылетел в Москву и подготовил визит. Шарон прилетел из Соединенных Штатов под вечер и сразу сказал мне, что он обязан назавтра встретиться с председателем правительства России Е. Примаковым. В обычной дипломатической практике это практически невозможно. Во-первых, глава правительства не всегда встречается с министрами иностранных дел, обычно это происходит в исключительных случаях. Во-вторых, такие встречи планируются заранее, а тут она вообще не была запланирована. Несмотря на это, я ответил Шарону, что постараюсь. Я подошел к одному из высокопоставленных чиновников МИДа России, мы были знакомы много лет, и между нами установились отличные отношения и взаимное уважение, извинился и сказал ему, что перед нами стоит трудная задача: министр Шарон прилетел из Соединенных Штатов, где у него были очень важные встречи, и он должен срочно обсудить кое-какие важные проблемы с председателем правительства России. Чиновник ответил, что не верит, что это возможно, но пообещал попытаться. В 12 часов ночи он позвонил мне и сказал, что не знает, что произошло, но Е. Примаков согласен и встреча произойдет назавтра в такое-то время. Когда мы приехали в приемную председателя правительства, Шарон попросил побеседовать наедине с Е. Примаковым. Начальник приемной Примакова заявил, что это никак невозможно. Шарон спросил меня, что можно сделать, он обязан переговорить с Примаковым наедине. Я успокоил его и сказал, что займусь этим. Шарон не успокоился, ведь начальник приемной отказал. Я ответил ему, что это моя забота и я это сделаю. Примаков приехал больным, и на его бледном лице были заметны слабость и страдание. Он уже несколько дней лежал больным дома, но только из-за важности дела и уважения, с которым он относился к государству Израиль и министру иностранных дел Израиля, он встал с постели и больным приехал на встречу, которая, по словам Шарона, была чрезвычайно важна. И сразу же, после нашей встречи, он опять слег в постель по указанию врачей.

Только тот, кто знаком со сложными и запутанными отношениями между Советским Союзом, Россией и Израилем, сможет оценить то огромное расстояние и тот переворот, пройденный Россией в ее отношениях с Израилем. Я не думаю, что найдется много глав правительств в мире, которые были бы готовы сделать то, что сделал Примаков при подобных

обстоятельствах, удовлетворив просьбу министра иностранных дел Израиля, даже если имя его Ариэль Шарон. Из последних глав правительств Израиля только трое были способны на такое. Это Ицхак Рабин и Эхуд Барак, и, конечно же, Ариэль Шарон.

Мы вошли в зал переговоров, и началась официальная встреча. Шарон был напряжен, поскольку еще не была назначена встреча наедине с Примаковым. На подобного рода встречах я обычно сажусь в конце стола. Меня не особенно интересует перевод, поскольку, как правило, есть официальный переводчик. Обычно меня интересуют собеседники по ту сторону стола. Я изучаю их, делаю свои заметки, пытаюсь обратить внимание на то, на что остальные участники встречи не обращают внимания. Говорят в основном стандартные, банальные фразы, и я лишь частично прислушиваюсь и слежу за ними. Жаль тратить на них силы и внимание. Гораздо интереснее наблюдать за собеседниками, их словами, замечаниями, пытаясь понять, чего они не говорят или пытаются скрыть.

После обмена приветствиями А. Шарон начал свое выступление, стандартное, какое обычно произносит министр иностранных дел. Я встал со своего места, обошел стол в сторону российской делегации и, обойдя Е. Примакова, склонился к человеку, сидевшему справа от него. Я был знаком с ним еще с 1988 года, когда мы только приехали в Москву. Он работал с Е. Примаковым, который был тогда директором ИМЭМО. Тогда мы встретились, и он передал Примакову содержание нашей беседы. После этого он служил послом в Сирии и, по возвращении, продолжил работу в Министерстве иностранных дел. Я знал, что он был одним из наиболее приближенных к Примакову человеком. Я сказал ему на ухо, что Шарону необходимо переговорить с Примаковым наедине минут десять. Он ответил, что выяснит. Примаков обратил внимание на наш разговор. Мы встречались раньше, как в России, так и в Израиле, и Примаков отлично знал, кто я и какая моя должность. Знал он это еще в свою бытность министром иностранных дел и начальником Службы внешней разведки России. Примаков спросил нас, есть ли какая-либо проблема. После того как он услышал о просьбе Шарона, он объявил, что через 15 минут будет сделан перерыв в переговорах и состоится его встреча наедине с А. Шароном.

Так и произошло. Через четверть часа объявили перерыв, и Шарон и Примаков уединились для беседы. Я присоединился к Ариэлю Шарону, а к Е. Примакову присоединился Посовалюк, высокопоставленный работник МИДа России, курирующий Ближний Восток. Первым задал вопрос Е. Примаков: «Скажите,

пожалуйста, господин Шарон, почему Ицхак Мордехай поступает так? Это же несправедливо!» Шарон взглянул на меня, и я ответил Примакову: «Вы помните ваш визит в Израиль: вы помните, что на ваш вопрос, что за человек Ицхак Мордехай, я разъяснил вам ситуацию?» Примаков вздохнул и сказал: «Да, я помню. Вы были правы. Очень жаль. Но сейчас мы здесь для того, чтобы попытаться исправить ситуацию». Я не собираюсь раскрывать, что было сказано на этой встрече. Я могу только заметить, что и Е. Примаков, и А. Шарон приложили максимум усилий, чтобы определить шаги для улучшения отношений между нашими странами. Шарон действительно приложил к этому максимум усилий, со свойственной ему энергией и целеустремленностью, и дела начали двигаться в положительном направлении, и в этот визит, и в следующий, вместе с Беньямином Нетаньяху. Практически, Ариэль Шарон определял тогда основные направления политики Израиля в отношении России.

В тот же вечер был дан прием от имени министра иностранных дел Израиля Ариэля Шарона. Я постарался, чтобы В. Путин, бывший уже начальником ФСБ, был приглашен на этот прием. Я пришел пораньше и увидел В. Путина, стоящего в стороне. Я подошел к нему, и мы побеседовали на разные темы. Кроме прочего, обсудили технические детали посещения А. Щаранским ФСБ для ознакомления с его делом. Я познакомил В. Путина с послом Израиля в России Цви Магеном. Когда пришел Ариэль Шарон, я подошел с В. Путиным к Шарону и представил ему Путина. Было заметно, что Путин смотрит на Шарона с большим уважением. И тут Шарон начал рассказывать Путину, какая замечательная страна Израиль и что стоит посетить ее. Путин посмотрел на меня озорным взглядом и, улыбаясь, сказал Шарону: «У вас в Израиле есть одна спецслужба. Маленькая, но очень активная и эффективная. Они уже позаботились о том, чтобы я побывал в вашей стране». Я разъяснил Шарону, что при нашем участии Путин уже побывал в Израиле, а потом и с частным визитом вместе с семьей. Это знакомство пошло на пользу Израилю и тогда, когда А. Шарон стал главой правительства Израиля, а В. Путин президентом России.

59

Во время одного из моих посещений Москвы мне передали просьбу одного из офицеров ФСБ встретиться со мной по одному делу, имеющему большое значение для наших стран. Мы встретились. Это был невысокий, худощавый офицер, с нерусским, скорее кавказским лицом. У него был чистый, правильный русский язык, но не московский говор. Он сразу перешел к делу. Представился как офицер подразделения по борьбе с терроризмом ФСБ, из отдела, занимающегося исламским терроризмом. По его фамилии я догадался, что он армянин, и он подтвердил мою догадку. Офицер рассказал мне, что они никак не могут начать серьезный диалог с западными спецслужбами по вопросам борьбы с экстремистским исламским терроризмом. По его словам, в его отделе собралось много важного материала об участии в терроризме Усамы Бен Ладена и его организации Аль-Каида. По их мнению, он является одной из ключевых фигур международного терроризма. По его словам, у них есть высококачественная информация о связях исламского международного терроризма с чеченскими террористами. Среди прочего о лагерях по подготовке террористов в Чечне, финансируемых Бен Ладеном и под командой Хаттаба, иорданского араба, одного из командиров чеченских террористов. В этих лагерях готовят выходцев с Ближнего Востока, из Европы и даже с Дальнего Востока для совершения терактов по всему миру. По утверждению моего собеседника, несмотря на то, что в Москве находится постоянный представитель Моссада, а их представитель – в Израиле, им не удается достигнуть серьезного диалога с Израилем. С американцами еще хуже. Они пытались начать диалог и с Саудовской Аравией после теракта Бен Ладена против американских войск в Саудовской Аравии, но безуспешно. Просьба была следующая: чтобы я помог ФСБ России начать серьезный диалог с израильскими спецслужбами и, может быть, с их помощью диалог и с американцами, и с Саудовской Аравией. Я поблагодарил собеседника за беседу и пообещал передать ее содержание соответствующим структурам в Израиле.

Вернувшись в Израиль, я доложил Беньямину Нетаньяху об этой беседе. Нетаньяху внимательно выслушал и попросил проинформировать об этом советника по борьбе с терроризмом Меира Дагана. Я был знаком с Меиром Даганом со времен его службы в армии. Я пришел к нему и доложил обо всем. Он спросил, как я все это оцениваю. Я сказал, что прежде всего надо оценить несколько фактов из их информации. Если он решит, что

информация достаточно серьезна, то встретиться с ними и по результатам встречи решить о дальнейшем. Так мы и договорились. Я вернулся в Москву и встретился с командиром подразделения по борьбе с исламским терроризмом, молодым генерал-майором. Я получил от него материалы и разъяснения к ним и передал все Меиру Дагану. После ознакомления с ними было решено встретиться с ФСБ в Москве. После еще одной моей поездки в Москву, во время которой я подготовил визит Дагана, мы приехали вместе с ним на переговоры с ФСБ. Это было серьезное и глубокое обсуждение, во время которого были также высказаны оценки и предположения о направлениях развития исламского терроризма. Даган подготовил отчет, и мы вместе подали его премьер-министру Беньямину Нетаньяху.

Даган рекомендовал продолжить сотрудничество по этому вопросу. В принципе, это было верно. Но я заметил Меиру Дагану, что структуры не будут от этого в восторге по тысяче и одной причине, частично оправданным, но в основном безосновательным, и все просто уйдет в песок. В сущности, на этом и закончилось мое участие в этой истории. Не было никакого смысла и дальше принимать в ней участие. Через некоторое время мне позвонил генерал из ФСБ. Он приехал в Израиль на переговоры. По его словам, он попросил у организаторов визита встретиться со мной, но те увильнули от ответа. Генерал попросил встретиться с ним, и мы встретились в его гостинице в Тель-Авиве и просидели полночи. Он поблагодарил меня за помощь и сказал, что, наконец, начался более серьезный диалог. Вместе с тем он отметил, что не почувствовал особого воодушевления с израильской стороны, и он опасался, что в конце концов желаемых и необходимых результатов не достичь. Я ответил ему, что я не могу в это вмешиваться и как-то еще повлиять, это вне моих функций и полномочий. Мы встречались еще несколько раз в Москве по просьбе генерала ФСБ. Он держал меня в курсе дел во всех подробностях, включая переданную ими израильским коллегам информацию и предложения. Процесс пошел, но очень и очень медленно и, на мой взгляд, недостаточно ни по темпу, ни по содержанию. Через некоторое время офицер-армянин, с которым я встречался, «покончил с собой», выбросившись из окна с шестого этажа дома отдыха. По оценке его коллег, его просто ликвидировали чеченские террористы. Шел 1998 год. Три года до атаки Бен Ладена на Соединенные Штаты Америки.

60

Незадолго до окончания своей каденции, перед выборами 1999 года Беньямин Нетаньяху еще раз посетил Россию в сопровождении министра иностранных дел Ариэля Шарона. Визит должен был начаться в воскресенье, а в пятницу мне позвонил Ариэль Шарон и попросил разъяснить какую-то техническую деталь, связанную с визитом. Я ответил ему: «У меня нет никаких подробностей. Я не еду. Я не получил никакого приглашения или распоряжения по поводу визита от главы правительства. Я знаю о том, что должен состояться визит. Мы подготовили и передали премьеру все материалы к визиту, но никто не сообщал мне, что я должен сопровождать его в этом визите». Шарон вскипел. Он тут же связался с приемной премьер-министра. Через два часа мне позвонили из его приемной и, заикаясь и оправдываясь, попросили присоединиться к визиту. Я знал, что это не случайно. Всегда глава «Натива» принимал участие в визите премьер-министра или министра иностранных дел в Россию или другие государства постсоветского пространства. В каждом таком визите есть не только дипломатические встречи, но и встречи с евреями. И если главы «Натива» нет в делегации, это признак того, что еврейская тематика снята с повестки дня и не так уж важна. Для себя я решил, что если самолет с Нетаньяху вылетит на визит в Россию без меня, то по возвращении он найдет на своем столе мое письмо об отставке. У меня не было никакого желания быть декорацией в деле, лишенном всякого смысла. Премьер-министр вправе поменять главу «Натива», но у него нет никакого права пренебрегать организацией и лишать ее всякого смысла. Но благодаря вмешательству Шарона я принял участие во втором визите Нетаньяху в Россию. Всем было ясно, что второй визит Нетаньяху – это показательный визит, в рамках предвыборной кампании. У главы правительства были назначены встречи со всей российской верхушкой, и я попросил Шарона, чтобы Цви Маген, посол Израиля, но работник «Натива», временно переданный в МИД, участвовал во всех встречах, даже с самым ограниченным числом участников. В одной из таких встреч участвовали со стороны России глава правительства Е. Примаков, министр иностранных дел Игорь Иванов и два их советника. Со стороны Израиля – Нетаньяху, Шарон, военный секретарь Нетаньяху, посол Цви Маген и я. Официально встреча была посвящена проблемам Ирана, но, когда закончилось обсуждение иранских проблем, Нетаньяху, который большую часть встречи

молчал, сказал, что у нас есть еще одна просьба: передать Израилю архив руководителя религиозного движения Хабад покойного раввина Шнеерсона. Он даже попросил, если возможно, взять с собой в самолет этот архив.

Я взглянул на российскую делегацию и не знал, куда деваться от стыда. Примаков не понял, о чем идет речь, и Иванов шепотом объяснил ему. Данный ими ответ был очевиден: вопрос сложный, и нет возможности обсуждать его сейчас. Российским представителям было ясно: Нетаньяху надеялся получить от России архив любавичского раввина, чтобы заручиться поддержкой движения Хабад, как это и было на выборах 1996 года, когда Хабад поддержал его, выйдя с лозунгом: «Биби – это хорошо для евреев!» Это было так очевидно, так дешево, примитивно и постыдно – связать судьбоносные проблемы Израиля – ядерное вооружение Ирана – в сугубо секретной и ответственной встрече с политической предвыборной пропагандой! Было ясно, что с российской стороны это отлично понимали. Если и раньше с российской стороны не было большого уважения к Нетаньяху, то в этой беседе он еще больше унизил и государство Израиль, и правительство Израиля.

Из Москвы мы вылетели в неожиданный и бесполезный визит в Грузию. Это тоже, вероятно, было нужно для предвыборной кампании. На этот раз Еврейское Агентство превзошло себя и перевезло евреев, направлявшихся в Израиль, из России в Грузию, чтобы наполнить ими самолет премьер-министра. Людей промытарили двенадцать с лишним часов только для фотоснимков и сообщений в газетах, что премьер-министр везет новоприбывших в Израиль.

61

В начале сентября 1998 года я получил от военного секретаря Премьер-министра отчет комиссии бригадного генерала Йомтова Тамира, одной из бесчисленных комиссий, созданных по поводу «Натива», с его рекомендациями. У всех комиссий по поводу Натива, включая отчет Государственного контролера, кроме Комиссии генерала Хофи, было одно общее. Никого из них не интересовал вопрос, что хорошо для евреев и для их выезда в Израиль. Все эти отчеты и их рекомендации, ни одна из которых, к счастью, не была реализована и с позором похороненные, пока я был главой «Натива», служили личным и ведомственным интересам тех, кто назначал эти комиссии. Вопросы евреев бывшего Советского Союза, их судьба и их выезд в Израиль серьезно не интересовали ни одного главу правительства Израиля после убийства Ицхака Рабина и до сегодняшних дней. Эта тема была для всех них не больше чем инструмент, циничный, демагогический, для манипуляций в предвыборных кампаниях.

По этому отчету я написал премьер-министру подробный документ на семи страницах и из 35 пунктов. В нем я обосновал, почему рекомендации комиссии неприемлемы для меня и в чем их реализация не только неверна, но и нанесет непоправимый вред государству Израиль. Я закончил свое письмо словами, что если мое мнение не будет принято, то я не останусь на посту главы «Натива». Через две недели я получил письмо за подписью военного секретаря, в котором было написано: «Ваше письмо премьер-министру оставлено без удовлетворения». Сказать, что я разозлился, – это ничего не сказать. Это был такой же стандартный ответ, который получали миллионы граждан Советского Союза на свои прошения товарищу Сталину по поводу своих арестованных родственников, многие из которых были убиты или погибли: «Ваше обращение к товарищу И. Сталину оставлено без удовлетворения». Военный секретарь Шапиро не знал этого и не мог знать. Но меня взбесило то, что в государстве Израиль, в конце XX века, израильская бюрократия докатилась по своему «деловому» отношению и форме ответов до уровня времен Сталина пятьдесят лет назад. В этом не было моего личного оскорбления, а стыд и боль за то, как функционирует бюро премьер-министра Израиля. Один из придворных офицеров набирается наглости и берет на себя полномочия отвечать так вместо главы правительства? У меня не было сомнения, что глава правительства не читал моего письма и не он сформулировал

полученный мной ответ. Но чтобы глава правительства позволял такое ведение дел от своего имени?

Сам факт назначения Шимона Шапиро военным секретарем премьер-министра – довольно постыдная история. После того как военный секретарь генерал-майор Зеев Ливне подал в отставку, был назначен другой военный секретарь, но и он вскоре ушел, и некоторое время премьер работал без военного секретаря. Шимон Шапиро, заместитель военного секретаря, временно выполнял его обязанности. Как я понял из слов окружения Нетаньяху, это была интрига Шапиро и тогдашнего секретаря правительства Дани Наве: не допустить назначения серьезного специалиста на эту должность. Их интрига удалась, и в конце концов Шапиро был назначен на должность военного секретаря премьер-министра.

Я написал премьер-министру короткое, но очень острое письмо. В нем я перечислил основные пункты прежнего письма и добавил, что, если мои требования не принимаются, я ухожу в отставку. На этот раз Нетаньяху получил мое письмо. Я был приглашен на встречу с Нетаньяху, и было сообщено, что и Натан Щаранский примет в ней участие. Кроме меня, во встрече с премьер-министром участвовали Н. Щаранский и военный секретарь Шимон Шапиро. Нетаньяху начал встречу словами: «Я получил твое раздраженное письмо, и я хотел бы сказать тебе, что я думаю по этому поводу». Я остановил его: «Это мое второе письмо. Было еще одно, предыдущее, намного более подробное». Нетаньяху был удивлен: «Какое письмо? Это единственное письмо, которое я получил. Я не видел никакого другого письма». Я взглянул на Шапиро. Тот сосредоточенно изучал потолок. Я получил подтверждение, что он не показал премьер-министру мое первое письмо. Нетаньяху продолжил: «Решения, которые я принимал, я принял вместе с Натаном, и они соответствуют и его мнению». Я тут же, довольно грубо, прервал его: «Оставьте Натана в покое. Вы глава правительства, и вы отвечаете за ваши решения. Свои отношения с Натаном я выясню сам, без вас. Нечего прятаться за его спину. Отвечайте за ваши решения, вы глава правительства, и Натан, при всем уважении к нему, тут ни при чем». Нетаньяху оторопел. По его телодвижениям и взгляду я видел, что он слегка обескуражен. Он отреагировал: «Я очень серьезно отношусь к твоему письму. Но мы накануне визита Государственного секретаря Соединенных Штатов, и я буду полностью занят этим визитом. Я прошу тебя дать мне две недели, я еще раз все взвешу, а пока оставайся в должности, я хочу, чтобы ты остался».

Положение Нетаньяху и неожиданная перемена в его отношении мне были предельно ясны. До этого начался

очередной правительственный кризис, и была вероятность, что в течение нескольких дней будут объявлены досрочные выборы. В предвыборной атмосфере, и по мнению Нетаньяху, и по мнению его приближенных, было бы невыгодно, чтобы я подал в отставку и вся эта история попала в прессу со скандальными заголовками. Я ответил ему, что с моей стороны нет никаких проблем, и я согласен подождать еще две недели. Через две недели были объявлены досрочные выборы. Как и ожидалось, я получил письмо из приемной Нетаньяху, что премьер-министр откладывает свои решения по поводу «Натива» еще на полгода. Трюк был понятен – пережить выборы, а потом «Велик Господь!». Мне тут же позвонили и Ариэль Шарон, и Н. Щаранский и сообщили, что Нетаньяху отступил и не собирается выполнять рекомендации комиссии Тамира. Я поблагодарил их и сказал, что забираю свое письмо об отставке. В сущности, мне не оставалось другого выбора: решения, против которых я возражал, не были приняты. Я написал главе правительства, что я отзываю свое письмо об отставке, и просил письменного подтверждения, за подписью премьер-министра, что функции «Натива» остаются без изменений. Я сформулировал основные моменты письма, которое я хочу получить и переслать военному секретарю. Через несколько дней я получил сформулированное мной письмо, без каких-либо изменений, за подписью премьер-министра.

Мы продолжали работать как обычно. В один из вечеров в апреле 1999 года вдруг моя жена Эдит позвала меня к телевизору, сказав, что упоминают мое имя. Я бросился к телевизору и успел увидеть конец программы, когда Амнон Абрамович зачитывает отрывок моего последнего письма к главе правительства. Через секунду позвонила Геула Коэн, которая спросила, правдиво ли сообщение по телевидению и что можно сделать, чтобы уладить проблему. Она спросила также, могу ли я заявить, что письмо не соответствует действительности. Я ответил, что письмо верно, но написано несколько месяцев назад, и, кроме того, письмо официальное, и его копии хранятся в нескольких местах. Шарон также позвонил мне и спросил, что можно сделать. Я сказал: «Я не могу опровергнуть написанное в письме. Я предлагаю, чтобы от имени Нетаньяху сообщили, что в прошлом были разногласия, но они улажены, и мы продолжаем работать как обычно. Если обратятся ко мне, то я скажу, что в прошлом были проблемы, но мы нашли путь к их улаживанию и продолжению совместной работы, так что сегодня письмо не актуально».

Но тут посыпались звонки от журналистов, которые говорили: «Яша, бюро Нетаньяху готовит атаку на тебя из-за письма. Что ты можешь сказать на это?» Я ответил, что я не даю

никаких комментариев. На следующий день было опубликовано сообщение бюро премьер-министра с различного рода обвинениями в мой адрес. Приехав на работу, я написал письмо главе правительства и послал его с шофером в его приемную. В письме я написал, что сказанное от имени премьер-министра я рассматриваю как выражение недоверия ко мне с его стороны и не желаю продолжать работать с премьер-министром в создавшейся ситуации. Я ухожу в отставку немедленно, с момента подачи моего письма. После этого я собрал всех сотрудников «Натива», зачитал им письмо об отставке, рассказал, в чем дело, о разногласиях и поблагодарил их за совместную работу. Это был мой последний день в «Нативе» после 22 лет службы.

Десятки журналистов начали обзванивать меня с просьбами дать интервью. Я позвонил к управляющему государственными служащими Голандеру. Рассказал, что я подал в отставку, и спросил, в течение какого срока на меня действуют ограничения на контакты с журналистами. Голандер сказал мне, что на следующий день я могу давать интервью. Я сообщил журналистам, что через 24 часа я смогу с ними разговаривать.

Так закончился период моей жизни в «Нативе». Самый захватывающий период, полный удовлетворения и гордости. За это время мне удалось осуществить все свои пожелания, как в личном плане, так и в отношении государства Израиль. Это был период полный деятельности, постоянных, ежедневных решений, иногда судьбоносных, которые изменили мою страну и судьбы более миллиона людей, повлияв и на судьбу моего народа. В сущности, это то, к чему я стремился, – принять участие в определении судьбы моей страны и моего народа.

Тут же стал вопрос, кто сменит меня на посту директора «Натива». Я предпочитал кандидатуру Роберта Зингера, даровитого, обладающего незаурядными организаторскими способностями. Честного, достаточно гибкого в контактах с людьми и организациями, умеющего завязывать хорошие контакты и связи, обладавшего большим опытом не только в армии, бывшего начальником одного из управлений «Натива». Он был ответственным за всю область пропаганды и образования в «Нативе», с душой относился к евреям, в отличие от Цви Магена, который всегда сторонился евреев и работы с ними. У Зингера был хороший опыт работы в Соединенных Штатах, и у него установились отличные отношения и с американским еврейством. Но он стремился все выше и, устав ждать, еще до моей отставки подал заявку и выиграл конкурс на пост директора Всемирного ОРТа, и практически был недоступен для должности в тот момент.

Я позвонил Щаранскому и спросил, хочет ли он, чтобы Нетаньяху назначил на должность руководителя «Натива» того, кого ему порекомендует Либерман. Либерман уже в короткий срок создал свою партию, которая конкурировала с партией Щаранского. Было ясно, что Щаранский был не готов уступить ему. Он спросил меня, кого, как я считаю, можно назначить. Я ответил, что в создавшейся ситуации, когда необходимо решать немедленно, нет выбора и лучше назначить Цви Магена, посла Израиля в Москве, который был работником «Натива». Щаранский позвонил Нетаньяху, который, как обычно, нервничал от напряжения и под давлением Щаранского назначил Ц. Магена руководителем «Натива». Но тем временем он должен был продолжать оставаться на своей должности в Москве, пока не будет назначен другой посол вместо него. В выборах 1999 года сменился глава правительства, и Цви Маген вступил в должность директора «Натива» уже под руководством нового премьер-министра Эхуда Барака.

С Цви Магеном я познакомился, когда он еще служил в звании подполковника в военной разведке Армии обороны Израиля. Он родился в Черновцах и приехал в Израиль ребенком в начале шестидесятых годов, но у него был хороший русский язык. Профессиональную службу он провел в Управлении военной разведки. Он относился к той категории офицеров, к которым у меня не было особого уважения. Он был типичным штабным офицером, проведшим всю свою службу при тех или иных штабах, ни разу «не понюхав пороха», не служа ни в боевых, ни в полевых частях. Хотя он был интеллигентным парнем, с хорошим мышлением, у него были и отрицательные качества, свойственные штабным офицерам. У многих офицеров подобного типа нормы мысли и поведения были выработаны у письменного стола, среди интриг, придворных игр, преданности и измен и тому подобного. У него был один серьезный недостаток, еще больший, чем его трусость, – он был совершенно чужд еврейским проблемам. И, что еще хуже, он все время пытался увильнуть от еврейских тем и от контактов с евреями. Он, однако, хорошо функционировал в рамках, которые я определил для него, и «Натив» обязан ему многим, но время от времени его «штабные» свойства характера пересиливали. Но я всегда находил способ не дать им повлиять. Когда Министерство иностранных дел Израиля отчаянно искало кандидатов на посты послов в государствах бывшего Советского Союза, мне стало известно, что Ц. Маген подал свою кандидатуру, не оповестив меня и не попросив разрешения. Это было не принято на государственной службе, а особенно в нашей системе. В другой организации, если бы кто-то

допустил подобное, начальник вызвал бы его и уволил на месте, а потом сообщил в Министерство иностранных дел о несогласии на его назначение. У меня было к этому другое отношение. Я знал, что Министерство иностранных дел «полностью на мели» с точки зрения подходящих работников для службы в бывшем СССР. При всех его недостатках, Маген по своим профессиональным качествам, знаниям и пониманию ситуации был на несколько голов выше любого реального кандидата из работников МИДа на пост посла в бывшем Советском Союзе. Когда из МИДа спросили меня о моем мнении, я ответил, что если это его желание и если он подходит им, то у меня нет возражений. Я сознавал, что, как некоторые евреи в нееврейской среде стараются показать, что их еврейство не влияет на них, как тот нью-йоркский полицейский, который позволял себе относиться к евреям более сурово, чем его нееврейские коллеги, будучи работником «Натива», Цви Маген постарается быть «святее папы». Я знал, что нашим работникам будет нелегко работать там, где он будет послом. Но я полагался на его трусость и нежелание входить в конфликты вообще, а со мной тем более. Я предполагал, что смогу справиться с его любыми трюками, если он попытается помешать, как некоторые работники МИДа. На его должностях посла в Москве и в Киеве он пытался осторожно, чтобы я не знал, ограничить действия наших работников. Я получал информацию о его совещаниях с работниками МИДа в посольствах, где он пытался обсуждать с ними, что и как делать с работниками «Натива» и как ограничить их действия. Мне это не мешало, я справлялся с подобными помехами. Более того, когда посольство Израиля в России более года оставалось без посла и положение становилось все хуже и хуже, я надавил на Щаранского, чтобы тот поговорил с Нетаньяху о назначении Ц. Магена послом, и так оно и случилось. Ц. Маген был переведен с поста посла в Киеве на пост посла в Москве, где и оставался до назначения главой «Натива».

Его назначение главой «Натива» было в моих глазах наименьшим злом. Альтернатива, при которой какой-либо приближенный Либермана или Нетаньяху будет назначен на этот пост, мне виделась намного худшей. Поскольку я хорошо знал Либермана, ход его мысли и его методы управления, я считал это просто катастрофой. В деятельности Ц. Магена на посту главы «Натива» не было хороших неожиданностей. Он был трусоват по своей природе, боясь не только отстаивать свое мнение, но и вообще иметь его, до того как будет ясно мнение начальства. Из-за тех же недостатков он, как правило, пытался избежать малейшей ответственности. Он не умел выдержать давление, и поэтому организация пришла к 2007 году почти без полномочий,

с мизерным бюджетом и почти без работников, обладающих профессиональным опытом. Деятельность и существование организации превратились в чистую формальность, потеряв престиж не только среди евреев России, но и в глазах российских властей и в самом государстве Израиль. Организация практически вышла из подчинения премьер-министров, которые не проявляли к ней никакого интереса, и рабочие встречи между ними и главой «Натива» практически прекратились. Я вспоминаю рекомендации генерал-майора И. Хофи в его отчете: «Ни генеральный директор канцелярии премьер-министра и ни один чиновник не будет стоять между главой «Натива» и премьер-министром».

В периоды Ариэля Шарона и Эхуда Ольмерта как глав правительств «Натив» быстро деградировал в структуру, лишенную смысла и полномочий, потерявшую какое-либо значение. Подчинение «Натива» Либерману вряд ли улучшит ситуацию. Ведь это был Либерман, который определил более десяти лет назад: «До 31 декабря 1998 года необходимо закрыть «Натив». Все личные и политические проблемы Либермана отразятся на «Нативе». Когда Либерман покинул правительство Ольмерта, «Натив», в еще более худшем состоянии, был снова возвращен под ответственность секретаря правительства. Что же касается рекомендации Либермана от 1997 года, когда он был генеральным директором канцелярии премьер-министра, закрыть «Натив», то, когда я спросил об этом Нетаньяху, он удивился и сказал: «Что вдруг? Это не мое мнение, и я вообще не имел такого намерения». Нетаньяху тогда отменил странное заключение Либермана о закрытии «Натива» к 31 декабря 1998 года. Либерман был единственным в израильском руководстве, кто предлагал закрыть «Натив», и единственным, кто практически попытался это сделать. После всего этого отдать организацию под его ответственность?! Почему Либерман хотел закрыть «Натив» десять лет назад и почему он захотел, чтобы сейчас «Натив» подчинялся ему? Это уже другая история. Таковы методы принятия решений в Израиле, и таковы принимающие эти решения, на грани между личными капризами и государственной безответственностью.

62

В 1996 году я подготовил анализ с оценкой положения, в котором написал, что если размеры выезда в Израиль и эмиграции евреев с территории бывшего Советского Союза будут продолжаться в таком же темпе, то к 2000 году количество выезжающих в Израиль снизится до менее чем 20 000 в год, то есть выезд евреев из постсоветского пространства перестанет иметь стратегическое значение для страны. И в создавшейся тогда ситуации вряд ли будет необходимость в существовании «Натива», по крайней мере в той форме, в которой он существует. В результате этого моего вывода на меня набросились, в том числе и некоторые работники «Натива», что это я своими руками рублю сук, на котором и сижу. Я ответил, что делать нечего, это правда, и таковы те цифры, которые и будут, согласно моим предположениям, и я не имею права не предоставить их руководству. Так и произошло. Размеры выезда в Израиль из постсоветского пространства резко упали, и сегодня они менее 10 000 в год. Другими словами, одна из основ «Натива» – наличие стратегического ресурса государства Израиль – перестала существовать. В 1997–1998 годах основная проблема, которая стояла перед «Нативом», – неустойчивость и неопределенность ситуации на постсоветском пространстве, и прежде всего в России, тоже уже отсутствует.

Было не ясно, что произойдет в России после Ельцина. Ясно было, что его прогнившая власть приходит к концу, то ли его уберут, то ли он сам исчезнет по причине здоровья. В 1996 году он стоял на пороге почти верной смерти. Были многочисленные и разнообразные варианты, какова может быть власть после Ельцина. Продолжался процесс усиления и увеличения активности прокоммунистических сил советского толка, националистических и даже неофашистских сил. С российским фашизмом мы были хорошо знакомы. Я анализировал это явление еще в 70-х годах. Мы не знали, куда может покатиться Россия – к власти коммунистов старого типа, к власти коммунистов нового типа, к новой диктатуре, к власти националистов или к религиозно-националистической власти. И вообще, останется ли Россия единым государством или распадется. Мне было ясно, что, пока ситуация не прояснится и не стабилизируется, будет существовать необходимость в «Нативе», и для оценки и анализа, и с точки зрения уникальных оперативных способностей службы.

После прихода В. Путина к власти начался процесс

стабилизации как власти, так и государства. В создавшейся ситуации исчезли угрозы и опасности и для евреев России, и для их выезда в Израиль. После того как власть в России стабилизировалась в течение 2000 года, необходимо было заново и серьезно рассмотреть суть существования «Натива» – есть ли разница между условиями евреев на постсоветском пространстве и в других странах мира. Еврейская проблема и проблема выезда в Израиль перестали быть государственной проблемой в России. Государственный антисемитизм и дискриминация евреев прекратились, и явления антисемитизма почти исчезли. Положение и статус евреев улучшились и возросли, достигнув небывалого для других стран уровня, может быть, кроме Соединенных Штатов сегодня.

Я вспоминаю случай с Жириновским. Барух Гур, который руководил работой Еврейского Агентства в бывшем СССР, как-то позвонил мне и спросил, посылали ли мы вызов Жириновскому. Я проверил и ответил утвердительно. Он спросил, сам ли Жириновский просил вызов. Я ответил, что не он просил вызов из Израиля и что ему было выслано два вызова. Я добавил, что в нашем компьютере много разных имен, среди них имя Брежнева, в отношении которого кто-то сообщил, что он просит вызов из Израиля. Поскольку информация обрабатывалась автоматически, то среди сотен тысяч вызовов и Брежневу был выслан вызов. Через пару дней газеты России и Израиля запестрели заголовками, что, согласно информации Еврейского Агентства, Жириновский просил вызов для выезда в Израиль. Все это происходило в разгар выборов в России и выглядело так дешево и так мерзко, почти в стиле советской пропаганды. Да, Жириновский наполовину еврей (его отец еврей). Ну и что? Пользоваться его еврейством в рамках политической борьбы, да еще с помощью израильской структуры? Я видел в этом унизительный парадокс. Не мы должны пользоваться еврейским происхождением, чтобы навредить политическому престижу кого бы то ни было, независимо от его политических взглядов. Это просто неприлично ни для еврейского государства и ни для еврейских организаций. Но еврейское происхождение нисколько не повредило ни престижу Жириновского, ни поддержке его населением России, что может служить признаком зрелости населения и вызвать только уважение к народу. Также и еврейские корни Ю. Андропова не помешали ему стоять во главе Советского Союза, а Е. Примакову быть премьер-министром России. Открываются и развиваются все новые возможности для возрождения еврейской культуры, для развития культурных и религиозных связей со всем миром. И те причины, которые были

основанием для деятельности «Натива» до 2000 года, сегодня просто неактуальны.

63

После того как я заявил о своей отставке, я вернул машину и отказался от положенного мне дополнительного 9-месячного отпуска, потому что, будучи в отпуске, я не имел права давать интервью журналистам. Моей целью было довести до сведения общества все, что я знаю о Беньямине Нетаньяху, который пытался во все накаляющейся предвыборной борьбе остаться на своем посту еще одну каденцию. Свое мнение о нем, еще в процессе службы, я не раз высказывал своим домашним и нескольким наиболее близким друзьям. Я говорил им, что Нетаньяху в качестве главы правительства представляет опасность для государства. Он страдает поспешным принятием решений, неспособностью выдерживать давление, и все это может привести к тому, что при судьбоносной проблеме его решение может привести к катастрофе. Я считал, что мой гражданский долг не позволяет мне молчать.

Подтверждением ходу мысли и принятия решения Нетаньяху может служить история с покушением на Машаля. Я не имею в виду проведение операции сотрудниками Моссада, это профессиональный вопрос, и я не собираюсь в него углубляться. Я имею в виду само разрешение главы правительства на проведение подобной операции, которое свидетельствует о полном непонимании, легкомыслии и авантюризме того, кому вверена судьба страны. И впоследствии было достаточно примеров убедиться в его недостаточном здравомыслии, непростительной легкости его выступлений, в которых он раскрывает государственные секреты, если ему кажется, что это пойдет ему на пользу, что происходит с поразительной частотой и вызывает тревогу.

Как я уже говорил, шла предвыборная кампания, и я выступил в поддержку Эхуда Барака. Признаю, что в результате всего пережитого нами вместе у меня особое отношение к Эхуду. Тяжелейшие пережитые вместе моменты, чрезвычайно волнующие, вызвали особое отношение, что и естественно. Однако в первой беседе после моего решения поддержать его я сказал Эхуду, что я поддержу его не в память нашей армейской и боевой дружбы и не из-за наших особых и сложных отношений, а только по одной причине: по сравнению с Нетаньяху он более подходит на пост премьер-министра. Я добавил, что это не постоянное и абсолютное решение и я всегда буду судить о нем по сравнению с альтернативой. И если альтернатива Бараку будет более подходящей, я поддержу ее без колебаний.

Еще во время службы, за несколько месяцев до выборов, выйдя после заседания одной из комиссий, я проходил через буфет Кнессета. Там я заметил Эхуда Барака, сидящего за столом с группой его партийных товарищей. Я поздоровался с ним. Из сидящих за столом почти никто не знал меня. И тут Эхуд спросил меня: «Скажи мне, почему ты не присоединяешься ко мне?» Слегка удивившись такому вопросу, я ответил ему: «Ты же меня хорошо знаешь. Дай сам ответ, почему». Барак посмотрел мне в глаза и медленно произнес: «Со мной, в эту партию, ты не пойдешь». Сидящие за столом удивленно наблюдали за нашим разговором, не понимая, кто это разговаривает таким образом с их партийным руководителем. Я с улыбкой сказал: «Ну и отлично. Вот видишь, ты сам знаешь ответ». В этом и была моя точка зрения, я хотел, чтобы Барак стал главой правительства, но я не видел в Рабочей партии и в ее тогдашнем состоянии партию, к которой я хотел бы или считал возможным присоединиться.

Я никогда не присоединялся ни к одной партии, ни к Херуту, несмотря на большую близость к ее идеологии, и не к Тхии хотя и был солидарен с ее партийными лозунгами при основании этой партии. Оппортунизм и лицемерие, царящие в партиях, мешали мне. Я видел поведение М. Бегина и его партийных соратников, когда они были у власти и после того, как М. Бегин сошел с политической арены. Мой первый перелом в отношении к партии Тхия возник, когда партия присоединилась к правительству, и портфель, который она попросила, был портфель министра науки. Я был хорошо знаком с Ювалем Нейманом и очень уважал его. Но при всем уважении к науке и к научным талантам и успехам Юваля Неймана не мог смириться с тем, что партия, провозгласившая лозунг «Во имя народа и страны», предпочла не заниматься основными и важнейшими проблемами. К примеру, она не попросила портфель министра абсорбции новоприбывших. Также и в партии Херут не захотели Министерства абсорбции. Молодежь, надежда партии, Рони Мило и Дан Меридор, с которыми я был знаком многие годы и надеялся, что они займут ключевые позиции, предпочли другие, технические министерства. Министерство экологии оказалось для них более почетным, более важным, чем Министерство абсорбции. И так получилось, что в правительстве Израиля национального толка, во главе с Ицхаком Шамиром, дорогим и честнейшим, как в личном, так и в политическом плане, человеком, преданность которого еврейскому народу и Стране Израиля была безгранична, Министерство абсорбции было передано партии, которую я не буду называть антисионистской, но определенно не сионистской, – ШАС. Никто из «великих сионистов» не захотел

этого министерства!

Партия ШАС, принципы которой, основы и методы управления и принятия решений я категорически отвергаю, – это партия, свято преданная своим принципам. И ее представитель, Ицхак Перец, человек далекий и от проблемы выезда в Израиль, и от новоприбывших и менталитета приезжающих в то время, оказался хорошим министром абсорбции. Он действительно пытался глубже понять проблемы и решить их. Он был на сто процентов министром абсорбции, который пытался превратить это министерство в более эффективное. Но он также и пробовал, не так грубо, как другие, проводить в нем и свою идеологию. В его каденцию в качестве министра абсорбции, так же как и во времена Якова Цура и Яира Цабана, в министерстве царил человечный подход к новоприбывшим, в отличие от их последователей, даже если они и были из числа самих новоприбывших.

Отношение партий к самому дорогому для меня, проблемам еврейского народа и выезду в Израиль, то, чему я посвятил себя и всю свою жизнь, вызвало у меня отчуждение и недоверие к партиям Израиля. Я вспоминал Ицхака Рабина, который с презрением и отвращением относился к внутрипартийной грязи. Для него это было почти физическим страданием, когда он был вынужден заниматься политическими играми. В том была огромная пропасть между ним и Шимоном Пересом, и в его пренебрежительном отношении к политикану Пересу, мастеру политических манипуляций и интриг. Мне была знакома эта действительность, и у меня не было никакого желания влезать в этот партийный и политический водоворот. Но я обязан был рассказать свою правду. Я считал, что я не имею права хранить только для себя известное мне и не довести этого до сведения общества.

После выхода в отставку я встретился с Эхудом Бараком и сказал ему, что я поддержу его. Я не присоединюсь к его партии, а просто выскажу, что у меня есть сказать о нем и о Беньямине Нетаньяху. Я согласился выступить и в предвыборных передачах по телевидению. Но при одном условии: я буду говорить только то, что я сам подготовлю, и только на те темы, которые я считаю необходимыми. Я согласился выслушать мнения его профессиональных советников, оставив за собой решение, о чем и что говорить. Так и произошло. Я выступил по телевидению, определив содержание и форму сказанного, оставив саму телевизионную съемку профессионалам, которые это отлично сделали. В предвыборной кампании я высказал свое мнение и о партии Натана Щаранского и о партии Авигдора Либермана. Не

раз я высказывал свое мнение, что я знаю и их, и многих других лучше, чем они сами себя. Я никогда не использовал информацию, полученную мной за годы службы, в личных или политических спорах и никогда и никому не передавал ее. Но, несомненно, у меня сложилось собственное мнение и об этих людях, и об их стойкости, и я принимал это мнение в расчет.

Мне было ясно, что Либерман создает свою партию, в последнюю минуту, как партию-спутник партии Ликуд. Он решил сделать этот шаг, к которому уже был давно готов. Ему надоело прислуживать другим политикам. Он сознавал, и вполне справедливо, что у него есть и силы и право самому играть на политической арене. Ведь это он привел Беньямина Нетаньяху к руководству партии Ликуд благодаря своей великолепной способности к политическим махинациям и интригам, в которых он один из лучших и успешных в Израиле специалистов. Либерману удалось победить в политических махинациях Давида Леви на его же поле, в партии, построенной по почти мафиозной структуре, с несколькими внутрипартийными группировками! Либерман, пришедший в партию извне, проделал это великолепно!

Он наголову разгромил Давида Леви, в его же партии и его же методами. Он был более хитрым, более подлым, более изощренным, более энергичным и более агрессивным, чем люди Давида Леви. И благодаря Эвету Либерману Беньямин Нетаньяху стал премьер-министром Израиля. Правда, что это произошло на фоне развала руководства из старой гвардии Ликуда, на фоне провала в выборах 1992 года, на фоне слабости Ицхака Шамира в управлении партией. И. Шамир, при всех его преимуществах, слишком принципиален, слишком скромен, слишком прям и честен, слишком осторожен, чтобы управлять Ликудом начала 90-х. Возле него не оказалось людей достаточно хитрых, способных обмануть всех и вся, обладающих достаточно «гибкими» нормами, как Э. Либерман, способных помочь ему управлять партией. Верность и честность, качества, которые привели его к успехам в руководстве подпольной организацией ЛЕХИ, «Борцы за свободу Израиля» и в Моссаде, не являлись ценным инструментом для успеха в политике в Израиле, особенно в том лагере, в котором находился И. Шамир в то время. Напротив, они являлись препятствием.

Разрушение партии было заложено в самом правлении Менахема Бегина. Его превосходство, эгоцентричность, нетерпимость к другим мнениям в партии, настойчивая жажда почитания и преклонения себе – все это разрушило партию, выдавив из нее каждого, обладающего собственным, независимым

мнением. Абсолютное единовластие М. Бегина в руководстве партией не позволяло вырасти в ней сколь-нибудь значительным фигурам. Никто не мог действовать в партии, кроме тех, кто стоял навытяжку перед вождем и беспрекословно подчинялся ему. Но в критический момент, к которому М. Бегин и привел партию и государство, он сломался, и, когда он ушел, И. Шамир оказался единственным из старых ревизионистов, с укоренившейся и глубокой идеологией, который мог возглавить партию. Миша Аренс был слишком прямым и честным, слишком интеллигентным, слишком принципиальным, чтобы быть руководителем Ликуда. Конкуренты, Ариэль Шарон и Давид Леви, были не больше чем обыкновенные оппортунисты. Считать их идейными наследниками идеологии движения Херут, в моих глазах, не больше чем убогая насмешка над идеологией. И. Шамир пытался удержать партию, продолжить ее идеологическую линию, пытаясь приспособить ее к новой, меняющейся действительности. По своему характеру И. Шамир был консервативным, и ему это было трудно. Но И. Шамир, в отличие от М. Бегина, не сломался и не ушел. Он боролся до конца, несмотря на то что партия слабела и под конец почти исчезла. Между Ликудом сегодняшнего дня и идеологией Херута нет ничего общего. Единственный, кто олицетворяет эту идеологию и довольно близок ней, правда в довольно карикатурной форме, – это Фейглин. Оппортунизм Нетаньяху давно победил идеологию его отца.

Имя Эвета Либермана я услышал впервые в 1986 году, после назначения Д. Бартова на пост директора «Натив». Мне на глаза попалась маленькая заметка в газете Ликуда, в которой было высказано возмущение тем, что на должность директора Натива не был назначен верный член партии Ликуд, а человек, близкий по взглядам к Рабочей партии. Не было приведено какого-либо профессионального или делового аргумента, а только партийная принадлежность. Под статьей была подпись «Эвет Либерман». Я поинтересовался, кто этот политический комиссар, который заботится об идеологической чистоте работников государственного аппарата Израиля в стиле примитивного большевизма? Мне сказали, что это молодой парень, недавно приехавший из СССР, из Молдавии, и что он один из активистов молодежного сектора партии Ликуд. Через несколько лет ко мне обратились мои друзья из новоприбывших и рассказали о маленькой организации, которая пытается помочь евреям Советского Союза, но ей не помогают, потому что ее организаторы ассоциируются с Ликудом. Я всегда относился с отвращением, когда пытались примешать узкие партийные

интересы к борьбе евреев Советского Союза или вообще к проблемам выезда в Израиль. Я согласился встретиться с людьми из этой организации, среди которых был и Либерман. Ни слова не говоря ему, я улыбнулся про себя. На этот раз он сам был жертвой своих же методов, применяемых его политическими противниками. Я убедился, что в деятельности этой организации есть здоровые и полезные элементы для евреев в СССР, и согласился взаимодействовать с ними. Я придавал большое значение тому, что новоприбывшие действуют среди населения, которое только недавно приехало в Израиль. Очень важным было то доверие, с которым к ним относились люди, среди которых они жили только вчера.

За несколько месяцев до выборов 1999 года А. Либерман ринулся в политику. У него были отличные политические связи и контроль над активистами партии Ликуд из новоприбывших, которые могли быть начальной базой для его партии. Мне было ясно, что я не могу поддержать партию Либермана. Партию одного человека, созданную для осуществления его целей, большинство из которых я считал для себя неприемлемыми, против партии Н. Щаранского. Н. Щаранский, стоявший тогда во главе партии новоприбывших из Советского Союза, еще не превратил ее в партию одного лидера. Объективно и израильское общество, и новоприбывшие, с их нарастающими и нерешаемыми проблемами, уже созрели для создания своей политической силы, которая могла представлять их интересы. Натан Щаранский, будучи наиболее известной фигурой среди новоприбывших, обладавший наилучшими возможностями популяризовать партию в обществе, имеющий экономическую и организационную базу, выстроенную в течение ряда лет, и пользующийся популярностью среди евреев США, и должен был стоять во главе этой партии. При всем моем несогласии с некоторыми вещами и людьми в руководстве партии и опасении от поведения Н. Щаранского как политика в правительстве Нетаньяху, я поддержал его партию против партии А. Либермана, потому что считал, что его партия представляет реально выходцев из Советского Союза. Нетаньяху, находясь в отчаянном положении в последние дни перед выборами, предал Либермана и, пытаясь вульгарным, примитивным способом ассоциироваться с Щаранским, объявил о своей поддержке партии Щаранского против Либермана. Насколько я знаю, Либерман воспринял это довольно тяжело, но кто, как не Либерман, знал, кто такой Беньямин Нетаньяху. В свою очередь Натан Щаранский опасался солидаризироваться с Б. Нетаньяху, кандидатом на пост главы правительства, вопреки тогдашнему желанию своих избирателей. Несмотря на свои

взгляды и личную дружбу с Нетаньяху.

После своих выступлений с критикой Нетаньяху, я прочитал в газете «Едиот Ахронот» интервью премьер-министра журналисту этой газеты Шимону Шиферу. В интервью Шифер описывал, как глава правительства вынул из ящика письменного стола отчет Государственного контролера, на обложке которого было написано «Совершенно секретно», и зачитал ему отрывок из отчета. В этом отрывке было написано, что Яков Кедми подкупил российского чиновника за получение информации, которая оказалась не нужной ни Моссаду, ни Службе безопасности Израиля. «Вот видишь, что это за человек, Яков Кедми, который выступил против меня», – отметил Нетаньяху. Премьер-министр воспользовался совершенно секретным материалом для обвинения гражданина страны, выступившего с критикой против него. Нет ничего более низкого, как использование премьер-министром секретных материалов, раскрывая государственные секреты, особенно в рамках политической борьбы, не говоря уже о нарушении закона. В моих глазах Шимон Шифер уже давно превратился в придворного журналиста глав правительств, которые использовали его как инструмент для распространения тех материалов, которые они хотели напечатать. В моих глазах довольно отрицательная черта для журналиста, особенно одного из ведущих.

В цитируемом отрывке проявилось непреодолимое желание работников Государственного контролера представить любую деятельность «Натива» в отрицательном свете. В особенности доказать, что «Натив» якобы занимался вербовкой и использованием агентуры. За полтора года проверки они не нашли ни одного случая, который, хотя бы косвенно, свидетельствовал об этом. И поэтому они взяли этот случай и, извратив и исказив его, представили как пример вербовки и использования агента. Я вспомнил об одном из внутренних отчетов ФСБ, в котором было сказано, что «Кедми собирает информацию нестандартным способом, не вербуя агентов». А действительность была намного проще, и мы представили факты Государственному контролеру. Но кому нужны факты, если они не вписываются в отчет?

«Подкуп» был платой, согласно официальному договору, одной из российских общественных организаций. Эта организация, с которой у нас был подписан официальный контракт, советовала нам и помогла получить архивные материалы, которые уже были рассекречены, согласно закону, но до них еще было очень сложно добраться. В этом случае организация попросила нас осуществить плату наличными, что

было обычным явлением, в том числе из-за проблематичности банков в тот период. Мною было дано разрешение и на форму оплаты, и на получение материала. Кстати, оплата была не из государственного бюджета и произведена работниками на месте. Один из них был Давид Бартов, который и был инициатором этого проекта, одного из важных и успешных в то время. Бартов, в прошлом директор «Натива», юрист, регистратор Верховного суда Израиля, бывший секретарь Комиссии Аграната и Комиссии Кагана. Он был законопослушнейшим и осторожнейшим человеком, который никогда не предложил бы и не сделал ничего, что бы походило на малейшее нарушение закона или инструкций. В этом не было ничего похожего ни на плату агенту или на вербовку. Получаемый материал относился к сложным отношениям между советской властью и евреями СССР. В данном случае это был материал, касающийся «Дела врачей» во времена Сталина. Совершенно очевидно, что этот материал не интересовал ни Моссад, ни Службу безопасности Израиля, которые не занимаются историей еврейского народа в СССР и в России. Материал, в получении которого премьер-министр Израиля обвинил меня, был предназначен еврейскому народу и государству Израиль. Через несколько лет подобный материал можно было получить довольно легко, но в начале 90-х это была единственная и редкая возможность.

Глава правительства раскрывает секретные материалы и обвиняет подчиненного ему высокопоставленного чиновника в выплате платы агенту в другой стране за полученный секретный материал, во время службы этого чиновника от имени государства и во имя его. Тем самым он заявляет во всеуслышание, что «Натив» занимается сбором секретной информации в других странах с помощью подкупа государственных служащих тех стран и передает эти материалы в Моссад и в Службу безопасности Израиля. Но проблема, согласно заявлению главы правительства Израиля, в том, что полученный материал недостаточно ценный для Моссада или израильской Службы безопасности! Тем самым премьер-министр Израиля, вопреки существующим фактам и реальности, публично превращает «Натив» в его деятельности на территории бывшего Советского Союза в филиал Моссада и Службы безопасности Израиля. И все это только для того, чтобы очернить и обвинить того, кто выступил с критикой против него. В нормальном государстве это не осталось бы безнаказанным. В Израиле это прошло без какой-либо общественной реакции. Когда помощники президента Соединенных Штатов раскрыли факт того, что супруга одного из выступивших с критикой президента является

работницей ЦРУ, их предали суду, осудили на несколько лет и отправили в тюрьму. Они взяли всю вину на себя, прикрыв президента США, иначе бы и президента США предали суду. Но в Израиле ничего подобного не произошло, а то, что произошло, было еще хуже.

Я обратился к юридическому советнику правительства с просьбой начать уголовное расследование против премьер-министра Б. Нетаньяху по подозрению в нарушении закона о государственной тайне. И в этом случае Эльяким Рубинштейн, юридический советник правительства, сделал все, чтобы выгородить и спасти премьер-министра. В течение целого года я не получил от него никакого ответа! Вместо этого я получил обращение от юридического советника с просьбой ответить на жалобу Ассоциации за чистоту власти, поданную ему. В жалобе было написано, что Яков Кедми, глава «Натива», выступил с политическими заявлениями, находясь на государственной службе. Канцелярия юридического советника переслала мне для получения разъяснения весь материал, в том числе и определение начальника Департамента служащих Израиля, Шмуэля Холандера, что директор «Натива» выступил в средствах информации после того, как он покинул службу, и в соответствии с законом. Недостаточно того, что в канцелярии юридического советника правительства даже не читают материал, который они сами посылают, юридический советник написал в своем обращении, что он собирается проверять обе просьбы, в том числе и мою, о начале расследования, вместе! После года, в течение которого я не получил никакого ответа, я подал иск в Высший суд справедливости Израиля на юридического советника правительства, о задержке ответа на мою просьбу и о не начатом расследовании. Высший суд отказал мне в иске, в основном опираясь на то, что он не нашел в действиях юридического советника серьезного отклонения от его обязанностей. В саму суть проблемы Высший суд даже не вникал и не отнесся к ней серьезно.

Одним из аргументов Эльякима Рубинштейна было то, что, возможно, что премьер-министр считал, что он имеет право раскрывать государственные секреты. И поэтому в его действиях нет нарушения закона. Чрезвычайно оригинальный и изобретательный аргумент! Он, может быть, и достоин адвоката, но ни в коем случае человека, стоящего во главе государственного обвинения. Он противоречит всем правилам Разведывательного сообщества и порядку охраны государственных секретов. Только тот, кто определяет степень секретности, имеет право изменить ее, и никто другой. В данном

случае у премьер-министра не было на это никаких полномочий. Кроме того, юридический советник утверждал, что в письме Беньямина Нетаньяху Государственному контролеру, по этому поводу, «…может быть, можно видеть в нем своего рода извинение…». На мой взгляд, это полная чушь. В письме Нетаньяху не было никакого извинения, но юридический советник был полон решимости спасти его от уголовного расследования и придал письму удобную ему трактовку.

Я отношусь критически и резко отрицательно к такому подходу к основным понятиям, как безопасность государственных секретов, права народа на свободу информации и на то, что важно для народа и страны. Но израильская общественность не отреагировала, и никто не требовал расследовать раскрытие Б. Нетаньяху государственных секретов. Американская общественность в подобном случае не осталась бы в стороне. Общество, чувствительное к чистоте норм и культуре власти, не смолчало бы. Основная вина за упадок моральных и нравственных принципов израильского руководства, усиливающаяся с каждым днем, лежит на общественности Израиля, которая мирится с этим и преклоняется перед прогнившей властью.

Я вспомнил, как мне передали о резко отрицательной реакции Э. Рубинштейна на то, что я рассказал о попытке Нетаньяху получить от российских властей Архив Хабада, в процессе чрезвычайно важных и секретных переговоров по поводу ядерного вооружения Ирана. Я понял от приближенных к Рубинштейну, что он попытался представить мои слова как разглашение информации секретных совещаний, в которых я участвовал. Если это верно, то, вероятно, у юридического советника правительства Израиля в прошлом, а сегодня Судьи Верховного суда Израиля и у меня разные представления о подходе к подобным проблемам. Я считаю, что нельзя смешивать личные приоритеты и дешевую политическую выгоду с важнейшими государственными интересами, оскорбляя и унижая престиж государства. Смешивание этих понятий не достойно и не входит в прямую компетенцию премьер-министра Израиля.

64

Выборы 1999 года закончились победой Эхуда Барака. Я был рад, что Барак стал главой правительства и что государство Израиль стоит перед началом столь необходимых и желанных перемен. Я чувствовал так же, как и в 1977 году, когда М. Бегин пришел к власти. Я ожидал, что сейчас все пойдет по-другому, намного лучше, и надеялся, что на этот раз у меня не будет таких разочарований, как в прошлый раз. На следующее утро после выборов я встретился с Эхудом у него дома по его просьбе. «Спасибо тебе. Ты много для меня сделал, – сказал Барак и задал естественный для него вопрос: – Чего ты хочешь?» Меня несколько раздражал этот вопрос, но я спокойно ответил: «Я ничего от тебя не хочу. Я не хочу никакой должности, ни в государственном аппарате, ни в политических структурах. Если ты будешь нуждаться во мне или в моих знаниях и возможностях, я всегда помогу тебе. Но не в качестве официального служащего. И при одном условии. Я не хочу за это никакой платы и возмещения расходов. Если ты с этим согласен, скажи, что тебе нужно».

Так и произошло. Я сделал то, что Эхуд Барак просил меня. Летал в Россию, встречался, беседовал. Передавал послания. Через несколько дней после встречи с Э. Бараком я беседовал по телефону с Ариэлем Шароном. Нас связывала многолетняя дружба. Мы познакомились в 1969 году в доме Геулы Коэн, когда она пригласила нескольких высших офицеров и генералов израильской армии на встречу с двумя молодыми новоприбывшими, Довом Шперлингом и мной, чтобы услышать от нас о борьбе евреев Советского Союза за выезд в Израиль, а также и критику в адрес правительства Израиля за то, что она делает и не делает по этому поводу. А. Шарон, весь в зените славы, был на этой встрече. Во время Шестидневной войны у меня на письменном столе было несколько фотографий: Менахема Бегина, Леви Эшкола, Моше Даяна и нескольких генералов – Арика Шарона, Исраэля Таля, Шайке Гавиша и начальника Генерального штаба Армии Израиля Ицхака Рабина. Я с волнением пожимал руку человеку, на фотографию которого я смотрел в тяжелые минуты и повторял себе: «Если они смогли, и я тоже смогу». В течение многих лет мое представление об Ариэле Шароне было под влиянием той фотографии времен Шестидневной войны и созданного с того времени его образа. С тех пор я не раз бывал в его доме и был знаком и с Лили, и с их, тогда еще маленькими, сыновьями. Мы встречались и в армии, а

когда А. Шарон пошел в политику, я хотел, чтобы он добился успеха.

Место генерала в партии Херут было уже занято, Эзер Вайцман присоединился к партии Херут раньше его. А. Шарон присоединился к Либеральной партии, бывшей в политическом блоке с партией Херут. С его темпераментом, напором, хитростью А. Шарон вошел в полусонную, мелкобуржуазную партию «слюнявых интеллигентов», которые не нашли себе места в государственном аппарате, управляемом социалистической Рабочей партией, и для которых партия Херут была слишком экстремистской. Эта партия была лишена какого-либо серьезного влияния, но она дала М. Бегину легитимацию и немного сгладила его чересчур экстремистский образ в обществе. Следующим шагом в процессе легитимации было присоединение блока партий Херут-Либералы к Правительству национального единства накануне Шестидневной войны. После этого М. Бегин уже не был таким политическим изгоем, как во времена Д. Бен-Гуриона. В выборах после войны Судного дня Рабочая партия еще победила, но через четыре года она проиграла выборы, и, впервые с основания государства, власть перешла к Менахему Бегину и к блоку партий Ликуд.

А. Шарон был очень изобретательным, особенно в различного рода предвыборных комбинациях. Только благодаря его напористости, способности контактировать с людьми, вести их за собой, наобещать им что угодно, врать им он смог создать блок партий Ликуд.

Партия не приходит к власти потому, что народ принимает ее политические или общественные принципы. Она приходит к власти потому, что существующая система власти теряет ее то ли в результате ее полного развала, то ли ослабевает настолько, что попросту не в состоянии ее удержать. В большей степени именно это было причиной победы Э. Барака на прямых выборах премьер-министра. Б. Нетаньяху попросту не смог удержать власть. Он сделал почти все возможные ошибки и был предельно слаб, так же как Рабочая партия в 1977 году и как Ликуд в 1992-м. Мои отношения с А. Шароном значительно укрепились в последний год правления Б. Нетаньяху. После отставки Б. Нетаньяху А. Шарон был временно исполняющим обязанности председателя Ликуда, до выборов руководителя партии, в которых его оппонентами были Меир Шитрит и Эхуд Ольмерт. М. Шитрит с самого начала не представлял серьезную конкуренцию. А в отношении Э. Ольмерта А. Шарон испытывал настоящее унижение оттого, что он должен бороться за первенство с таким человеком, как Э. Ольмерт. Только о немногих людях я слышал от

А. Шарона такие презрительные, уничижающие выражения, как об Э. Ольмерте в тот период. И только в одном отношении А. Шарон не переставал удивляться в отношении Э. Ольмерта: «Сколько у него денег для выборов? Откуда у него столько денег?»

В разговоре с А. Шароном сразу после выборов 1999 года я спросил его, не думает ли он, что пришло время объединить силы, и согласится ли он присоединиться к правительству Э. Барака. А. Шарон удивился моему вопросу и спросил, говорил ли я об этом с Э. Бараком. Я сказал, что еще нет, но если он согласен, то я готов переговорить с Эхудом о присоединении Ликуда к коалиции. Шарон согласился. Присоединение Ликуда к правительственной коалиции сразу после поражения на выборах предоставляло Ликуду реабилитацию в глазах общества. Той же ночью я позвонил Бараку. Я сказал ему, что у меня есть соображения по поводу Арика и его присоединения к правительству и что я говорю после разговора с Ариком. Э. Барак попросил, чтобы я немедленно приехал к нему. Я приехал и изложил ему идею о создании объединенного правительства. Э. Барак относился к А. Шарону с огромным уважением, иногда граничащим почти с преклонением. Он знал его отлично по армии и ценил его, как один профессиональный военный ценит другого. Особенно как офицер элитного спецподразделения ценит и восторгается офицером, командовавшим легендарным 101-м спецподразделением. Вместе с тем Эхуд хорошо сознавал и слабости А. Шарона, намного лучше меня.

Эхуд выслушал меня, задал несколько вопросов, поразмышлял вслух и сказал, что я могу говорить с А. Шароном о совместном правительстве. Я поехал к А. Шарону, передал ему сказанное Э. Бараком и с ответами А. Шарона вернулся к Эхуду. Договорились о встрече между ними. В одну из ночей я встретился с А. Шароном в условленном месте и вместе мы приехали к Э. Бараку в Кохав Яир, при этом никто не заметил нас. Это была первая из нескольких встреч, в которых участвовали только мы втроем – Эхуд Барак, Ариэль Шарон и я. Мое участие было минимальным. Для меня было важно, чтобы двое этих людей нашли базу для единого правительства. Во-первых, я считал, и сегодня считаю, что сочетание, когда Эхуд Барак глава правительства, а Ариэль Шарон министр в его правительстве, – это наилучший вариант в то время для управления государством и для решения всех тех проблем, перед которыми тогда стояла страна. Во-вторых, в присоединении Ликуда к правительству я видел гарантию того, что правительство уверенно сможет просуществовать полную каденцию. Кроме того, я надеялся, что присоединение Ликуда оставит ШАС вне правительства и вернет

эту партию к ее естественным размерам, ультрарелигиозной партии евреев, выходцев из стран Востока, лишенной сколько-нибудь серьезного влияния.

Барак и Шарон довольно быстро пришли к взаимопониманию, и было почти договорено, что Ликуд присоединяется к правительству. Параллельно с этим я интенсивно старался, чтобы и партия Щаранского тоже вошла в правительство. Партия получила шесть мандатов, и я видел в этом достижение, исходя из того, что партия Либермана получила четыре мандата. Еще в предвыборной кампании я давил на партию Щаранского, чтобы они требовали портфель министра внутренних дел. Лозунгом партии на выборах, талантливо выбранным Моти Морелем, был «Наш контроль» (над Министерством внутренних дел), и это естественным образом приводило к тому, что партия должна была получить Министерство внутренних дел. Я принял участие в нескольких встречах представителей Рабочей партии и партии Щаранского. От партии Щаранского переговоры вел уроженец Израиля, житель Старого Иерусалима, человек «Гуш Имуним», из группы, которая поддерживала Авиталь Щаранскую в период ее борьбы за освобождение Натана. Вероятно, на него Натан полагался больше, чем на других. Я очень хотел, что бы партия была первой, которая подпишет коалиционное соглашение. Я немного опасался, потому что и Э. Барак, и Н. Щаранский осторожно поинтересовались у меня, так ли уж это необходимо, чтобы партии был передан портфель министра внутренних дел. Я знал, что каждому из них это было не совсем удобно, из их соображений. В ночь подписания коалиционных соглашений я давил и подталкивал, и в конце концов партия Щаранского была первой партией, подписавшей соглашение, и она получила Министерство внутренних дел. Национально-религиозная партия, получившая Министерство строительства, была второй партией, подписавшей коалиционное соглашение. Представители партии возмущались, но не потому, что не были первыми, а потому, что Министерство внутренних дел было не в их руках. Я просидел с руководителями партии почти час, успокаивая их и пытаясь убедить их в том, что и в Министерстве строительства заложены большие возможности, соответствующие их идеологии и потребностям их избирателей, молодежи национально-религиозного толка с большими проблемами жилья.

Меня тревожило то, что, несмотря на полную договоренность с А. Шароном, включая его назначение на пост министра финансов, дела не двигались. А. Шарон очень хотел быть первым или вторым в подписании коалиционного соглашения. Я обратил

внимание на попытки необъяснимого увиливания Э. Барака, колебания, попытки снова и снова пересмотреть оговоренное и неожиданную сдержанность. Э. Барак не говорил ничего определенного, но я почувствовал это по подозрительным признакам – по тону разговора, по вопросам, по оттягиванию решений и нежеланию ясно и четко все объяснить. Я понимал, что на него оказывается огромное давление левым крылом его партии, которое хотело видеть в правительстве ШАС, а не Ликуд. Их утверждение, что невозможно игнорировать партию, набравшую 17 мандатов, было не больше чем дешевая демагогия. Но эти «праведники» видели в ШАС, ультрарелигиозной и несионистской партии, более удобного партнера, которого легко купить бюджетными ассигнованиями и уладить любые сделки. Я видел, что Э. Барак поддается этому давлению.

Подозрительность Э. Барака была не меньшей, чем А. Шарона. И он также придавал большое значение личной преданности ему, но не в такой патологической форме, как А. Шарон. Оба были генералами, а одна из серьезнейших, глубоких и вредных болезней израильской армии – это традиция клик и преданности между командирами и подчиненными. Слишком часто продвижение по службе в Армии Израиля происходит не благодаря профессиональным качествам и способностям, а благодаря верности и близости к одному из высших командиров. И наоборот, не раз продвижение офицеров по службе было замедлено из-за недостаточно близких отношений или неприязни, несмотря на способности. Э. Барак был намного более А. Шарона уверен в себе и в своих способностях. Об А. Шароне можно сказать, что он был почти на грани неуверенности в себе, как это ни странно слышать. У Эхуда была как раз противоположная проблема, не раз он преувеличивал свои возможности. Не всегда ему удавалось трансформировать в полном объеме свой выдающийся интеллект в действия.

А. Шарон сделал несколько поспешный, неосторожный шаг, который насторожил Эхуда и возбудил его подозрительность. А. Шарон организовал встречу с представителями Национально-религиозной партии и партии Щаранского. Э. Барак начал опасаться, что А. Шарон, под своим руководством, создает блок этих трех партий, который может быть противовесом другим партиям в коалиции. Он видел в этом определенную опасность. Несмотря на это, я не считаю, что именно поэтому он отступил от договоренности с А. Шароном о создании общего правительства, а под давлением изнутри своей партии предпочел ШАС. Во всех беседах с Э. Бараком А. Шарон подчеркивал, что необходимо

создать правительство без ШАС, чтобы лишить ШАС дотаций из государственных бюджетов и тем самым резко ослабить ее. Он справедливо считал, что большая часть голосов, поданных за ШАС, была от избирателей Ликуда и стала результатом политики Б. Нетаньяху и раздельного голосования за премьер-министра и за партийные списки. А. Шарон хотел вернуть этих избирателей в Ликуд. Э. Барак предпочел ШАС и ошибся, но не по недопониманию или недомыслию. Возможно, что с интеллектуальной точки зрения он просчитывал все возможные сценарии. Но, несмотря на то что он был председателем партии, он находился в большой зависимости от очень сильного левого крыла в партии. Он пытался найти способ договориться с ними, и это было одной из основных причин назначения Юлии Тамир, одного из лидеров движения «Мир сегодня» на пост министра. Э. Барак считал, что из верности ему она поможет заручиться поддержкой левого крыла партии. Выяснилось, что это не сработало. Созданное им правительство опиралось на поддержку левой фракции в партии и сторонников Шимона Переса, который никогда не мирился со своим поражением и всегда ведет фракционную борьбу внутри партии и на поддержке партии ШАС. И тем самым он практически предрешил судьбу своего правительства сразу же после своей победы.

Э. Барак также ошибся в оценке своих возможностей прийти в кратчайший срок к политическим успехам в переговорах с палестинцами и с Сирией, что, по его мнению, обеспечило бы устойчивость его власти в партии и в стране. Вместо того чтобы сначала укрепить свою власть, используя свою победу на выборах, он поставил ее в зависимость от будущих успехов, которых, как он верил, быстро достигнет. Мудрый политик, а также полководец использует свой успех для укрепления своих позиций. После захвата позиций организует оборону против контратаки и начинает организацию и концентрацию войск для решающего наступления. Тот, кто этого не выучил, платит огромную цену, как на поле боя, так и в политике. Из-за излишней самоуверенности Э. Барак не предвидел развития событий и не сорганизовался и не подготовился к действиям для сохранения власти, если не удадутся его внешнеполитические инициативы. Правительство с А. Шароном гарантировало бы власть Э. Бараку, но он отказывался от него раз за разом, под давлением своих партийных «товарищей», которые никогда не смирились до конца с его руководством и опасались его чрезмерного для них усиления в правительстве с А. Шароном. Я обратил внимание, что между Э. Бараком и А. Шароном почти не было разногласий по вопросам Голанских высот. Я знал А. Шарона и не забыл

разрушения Ямита и поддержку М. Бегина вопреки его же заявлениям. Я знал, что А. Шарон способен быстро и с легкостью менять свою политику, если он посчитает, что это послужит его интересам. Эвакуация сектора Газа, так называемое «размежевание» доказало это с предельной четкостью. Я не опасался того, что А. Шарон будет препятствием для заключения соглашений ни с Сирией, ни с палестинцами, только если не будет уверен, что в его силах прийти к власти. В устойчивости власти Э. Барака был заложен успех его попыток договориться с Сирией и палестинцами, а не наоборот.

В одной из первых наших бесед после выборов Эхуд спросил меня, что я думаю об отношениях с Россией. Я разъяснил ему мой взгляд на эту проблему и посоветовал посетить Россию сразу же после визита в Вашингтон. Из-за проблем, возникших в отношениях между странами в последние годы, я видел в этом возможность продолжить действия по улучшению отношений, начатые А. Шароном. Я хотел продемонстрировать этим визитом России, всему миру и израильским структурам, что Израиль придает большое значение улучшению и продвижению отношений с Россией. Барак согласился с моей идеей и дал указание начать подготовку визита. Конечно же, это привело к волне претензий ко мне. Всем было ясно, что это моя работа. И это только прибавило претензий и зависти со стороны моих оппонентов. Министерство иностранных дел и почти все в Израиле, включая некоторых приближенных к Бараку, возмутились, как это он едет в Россию, прежде чем посетил страны Западной Европы. Но, несмотря на них, визит состоялся.

Барак был третьим премьер-министром Израиля, которого я сопровождал в его визите в Москву. Когда самолет приземлился и через иллюминаторы самолета я увидел построенный почетный караул, я особенно взволновался. На этот раз Эхуд Барак, премьер-министр Израиля, был и моим военным командиром. Я вспомнил, как в одной из наших бесед он сказал мне: «Знаешь, вряд ли есть еще один человек в мире, который знает меня, как ты. После всего, что мы пережили вместе». Тогда я ответил ему, что он прав. Мы прошли вместе через тяжелейшие моменты, полные переживаний, дни, в которых человек проявляется во всей своей сути. Когда мы были в посольстве Израиля в Москве, Эхуд сказал, что он хочет сфотографироваться вместе со мной на том месте, где я первый раз прорвался в посольство. Мы там и сфотографировались. На этот раз я был не один. На том самом месте, с которого я начал свой путь в Израиль за 32 года до этого, рядом со мной стоял премьер-министр Израиля, мой командир на войне и боевой товарищ. Невозможно передать чувства, которые я

испытывал в этот момент. Все промелькнуло у меня перед глазами: мой прорыв в посольство, бои на направлении «Тиртур», атака нашей бронетанковой дивизии на западном берегу Суэцкого канала для перекрытия шоссе Суэц – Каир, победа Барака на выборах. Все это как бы происходило наяву и одновременно. Воспоминания и чувства на доли секунды полностью захлестнули меня.

В процессе визита мы встречались с премьер-министром России Сергеем Степашиным. Когда мы вышли от него, я сказал Э. Бараку, что я не уверен, что тот останется на своем посту и что в России ожидаются серьезные перемены. Мы находились в здании правительства России, и я не хотел входить в подробности. Оттуда мы направились на встречу с президентом Ельциным. Я уже не раз бывал в Кремле. С волнением я проходил по комнатам Ленина, Сталина, Берии. Не из-за преклонения перед этими личностями, а от ощущения, что я прикасаюсь к истории. Частично это была и история моей жизни.

Встреча с Ельциным прошла очень хорошо. Перед Ельциным лежала папка с материалами для встречи, как это было принято еще с советских времен. Возле Ельцина сидел работник российского Министерства иностранных дел с точно такой же папкой. Ельцин так ни разу и не открыл свою папку, но говорил по делу, со знанием и пониманием темы. Я наблюдал за работником МИДа возле Ельцина, как он следит страница за страницей за сказанным Ельциным. По выражению его лица я понял, что Ельцин ни разу не отклонился от заготовленных материалов и тех тем, которые должны были быть затронуты в беседе. Ельцин изложил позицию России предельно ясно, обоснованно, как будто он ежедневно занимается ближневосточными проблемами. После встречи я сказал Эхуду, что этот человек, которого многие обвиняют, что он пьяница, серый советский аппаратчик, мужик, поражает профессионализмом, с которым он относится к государственным проблемам. Такова советская государственная система, сказал я ему, руководитель приходит на обсуждение подготовленным, и он знает, о чем и что говорить, не хуже своих помощников.

В связи с этим я вспомнил визит президента Украины в Израиль. Как принято в таких случаях, мы переслали премьер-министру Б. Нетаньяху отчет к визиту с данными, оценками и нашими рекомендациями. В документе были подробно изложены темы и вопросы, которые могут быть подняты как общего порядка, так и касающиеся евреев Украины. В честь высокого гостя президент Израиля Э. Вайцман дал прием. Вместе с женой мы приехали на прием. Как водится, в один ряд стояли президент

Израиля с супругой, рядом с ними президент Украины с супругой и премьер-министр Б. Нетаньяху с супругой и встречали прибывших на прием приветствием и рукопожатием. Мы также проходили в очереди перед ними. Я обменялся несколькими словами с президентом Вайцманом и с его женой Руамой, с которыми был знаком еще с 1969 года, с президентом Украины Кучмой, с которым тоже был знаком и раньше, и мы подошли к супругам Нетаньяху. Я поприветствовал Сарру Нетаньяху и пожал ей руку. Но во время рукопожатия Б. Нетаньяху он задержал меня, говоря: «Подожди секунду. Через несколько минут у меня будет беседа с президентом Украины. Предложи мне четыре основных пункта для беседы с ним». От стыда я хотел в эту секунду провалиться сквозь землю. Но, продолжая улыбаться, как будто мы мило беседуем, я начал диктовать Нетаньяху: «Первое… второе… третье… четвертое… Это четыре пункта. Постарайтесь запомнить». Когда мы отошли, на меня набросились журналисты: «Яша! О чем это ты так долго и дружелюбно разговаривал с Нетаньяху?» Не мог же я им рассказать им, что так подготавливал премьер-министра Израиля к государственной беседе с президентом другого государства. С точки зрения Ельцина или другого президента России, Израиль никогда не был высшим государственным и национальным приоритетом. Украина и евреи Украины имели для Израиля, особенно тогда, большое значение. Кроме того, на Украине были довольно высоко развиты ядерная и военные технологии. Слушая Ельцина, я вспоминал премьер-министра Нетаньяху и его подготовку к государственным беседам. К сожалению, Б. Нетаньяху не единственный и не самый худший в своем «серьезном» отношении к государственным проблемам. В особенности по сравнению с теми, кто пришел к управлению государством через несколько лет после него.

Впоследствии я сделал еще две попытки ввести А. Шарона в правительство. Во второй раз А. Шарон был очень сдержанным и настороженным, и, кроме нескольких встреч с Э. Бараком, ничего так и не продвинулось. А. Шарон так и не получил от Э. Барака согласия на те условия, которые считал необходимыми для себя. Барак не мог дать согласия не потому, что не считал их справедливыми, а потому, что не был уверен, что сможет их провести в своей партии. Третья и последняя моя попытка была после Кемп-Дэвида. У Э. Барака уже не было коалиции, и я видел в присоединении А. Шарона наилучшую и последнюю возможность сохранить власть правительству Э. Барака. Когда А. Шарон согласился присоединиться к правительству, в моих глазах это означало, что все в порядке. Я помню, как ночью приехал к Э. Бараку в его резиденцию в Иерусалиме по его

просьбе. Я слышал, как он окончательно договаривался по телефону с главой партии Шинуй Томи Лапидом. Э. Барак сказал мне с удовлетворением, что Томи согласен, все оговорено и все в порядке. К полуночи, выходя из кабинета Э. Барака после часовой беседы, во время которой мы обсудили те или иные аспекты соглашения о едином правительстве, я увидел в салоне Йоси Бейлина и еще нескольких членов руководства Рабочей партии, ожидавших встречи с Э. Бараком. Мы поприветствовали друг друга, и я поехал домой.

Утром я услышал по радио о «Страховочной сетке ШАС». Барак не позвонил мне и не сообщил об изменении своего решения, и я не уверен, что он позвонил А. Шарону. Это была третья пощечина, полученная А. Шароном от Э. Барака. Э. Барак просто нарушил достигнутые договоренности, исходя из своих интересов. Последний случай был самым тяжелым и проблематичным из всех. Все разговоры о «Страховочной сетке ШАС» были не более чем убогая насмешка – предпочесть «Страховочную сетку ШАС» Правительству национального единства?! Даже наивному новичку в политике было ясно, что это просто не сработает и что дни правительства Э. Барака сочтены. Но давление левого лагеря в его партии было свыше сил Э. Барака. Как-то он сказал мне с грустью и тревогой: «Если мы придем к выборам, то только они выйдут на улицы в мою поддержку. Все остальные, интеллигенты, будут сидеть дома, почитывая газеты. Мне необходима их поддержка». Но настоящая правда была еще более безобразна. Те, которые давили на Э. Барака, чтобы он сохранил коалицию, полагаясь на «Страховочную сетку ШАС», никогда не верили в него и не хотели его в качестве главы правительства. Они хотели Шимона Переса главой правительства. И для достижения этой цели эти «умники», вполне интеллигентные люди, те же самые, которые пытались в свое время провести «Грязную сделку», и придумали похожий трюк со «Страховочной сеткой ШАС». Тем самым надеясь привести Шимона Переса к власти вместо Э. Барака.

Ш. Перес мог прийти к посту премьер-министра естественным порядком, только в результате назначения новых выборов, если Э. Барак откажется от своей кандидатуры на пост премьера. С этой целью был организован фестиваль опросов общественного мнения, которые предвещали победу Шимона Переса. Надеждой организаторов опросов было, что Э. Барак сломается, примет «приговор партии», сдастся и откажется от поста премьер-министра в пользу Шимона Переса. И партия пойдет на выборы во главе с действующим в качестве премьер-министра Шимоном Пересом и выиграет выборы. Или будет

продолжать властвовать с помощью какого-либо другого трюка, «купив» поддержку партии ШАС. Ш. Перес, по своему обычаю, «не знал», кто стоит за этими опросами. «И зачем мне это нужно?!» – цинично и лицемерно заявлял он. Он почему-то никогда не замешан ни в чем, что делается для него. Он «не замешан» в выборах президента, если только у него попросят. Он «не замешан» в дешевых фестивалях в честь своих дней рождения. Он вообще ничего не знает. И в этом случае он тоже «не был замешан». Если бы он не был замешан, мог бы прекратить всю эту свистопляску со своей заменой Э. Барака, одним коротким сообщением по телевидению. Однако он повел себя как раз наоборот.

Давление левого крыла и сторонников Ш. Переса в партии не помогло, и Э. Барак не отказался от поста премьер-министра. У Шимона Переса не было никакого шанса на выборах против Ариэля Шарона в Израиле начала XXI века. В этих единственных за всю историю Израиля выборах только премьер-министра Э. Барак проиграл с треском и А. Шарон был выбран премьер-министром. И я спрашиваю этих «Умников Хелема», изобретателей «Страховочной сетки ШАС», которая и загнала Израиль в выборы главы правительства, и чем было бы плохо Израилю, если бы Э. Барак пробыл главой правительства еще год или два, а А. Шарон был министром в его правительстве? Выиграла ли страна от их второй «грязной сделки»? Воспрепятствовав Правительству национального единства, они привели к власти Ариэля Шарона и тем самым, косвенно, способствовали всем бедам и горестям, принесенным Израилю правительством А. Шарона. К отказу от своевременного строительства заграждений между территорией Израиля и Палестинской автономии, к более чем тысяче погибших, только в Израиле, к разрушению Палестинской автономии. Всем тем непотребным явлениям, распространившимся в системах власти Израиля.

Их поведение напомнило мне поведение партии Тхия (Возрождение) в правительстве Ицхака Шамира, в результате которого пало правительство И. Шамира и были назначены новые выборы. Люди партии Тхия думали, что своими действиями они способствуют целям своего движения, а получилось в точности наоборот. Результатом выхода партии Тхия из правительства были Соглашения в Осло. Этими своими словами я не пытаюсь критиковать политику Ицхака Рабина, а критикую отсутствие политической мудрости и ответственности тех, кто пытается бездумно и безответственно играть в политику. И чем они умнее и опытнее, тем больше трагедия. Государство Израиль еще много

лет не оправится от ущерба и бед, нанесенных стране за годы правления А. Шарона и впоследствии правительством Эхуда Ольмерта.

65

Во время выборов премьер-министра 2001 года мне позвонил Арик Шарон и сказал: «Яша, я прошу тебя, не очень старайся для твоего товарища». Я ответил ему: «Арик, я друзей не предаю». «Я не имел это в виду, – сказал Арик, – но не очень старайся». Я не мог согласиться с ним. Я поддерживал Эхуда не из-за нашей дружбы, а потому, что не хотел, чтобы Ариэль Шарон стал главой правительства Израиля. Я опасался очень многих вещей, которые могли случиться, и сожалею, что мои опасения оправдались. Власть А. Шарона оказалась намного хуже, чем я мог себе представить. Я действительно считал, что Эхуд Барак более достоин быть премьер-министром. Э. Барак предупредил меня, что А. Шарон очень мстительный. Я ответил ему, что меня это не интересует, и поддержал его.

Я прервал отпуск с семьей, чтобы выступить в поддержку Э. Барака в предвыборной кампании. Одна из идей, которую выдвинул Э. Барак, – объявить о том, что он намеревается назначить меня на пост министра внутренних дел. Я воспротивился. Я считал, что это будет выглядеть так дешево и так примитивно и неестественно, что вызовет отрицательный эффект. Избиратели не поверят этому. Ведь если бы он считал, что это необходимо, мог это сделать раньше. Заявление об этом в рамках предвыборной кампании выглядело как нелепый и неудачный предвыборный трюк. Э. Барак не прислушался к моему мнению и слил журналистам, что после выборов он намеревается назначить меня министром внутренних дел в своем правительстве. Когда журналисты спросили меня об этом, я ответил, что я не имею к этому никакого отношения и не разделяю этого мнения. Я согласился выступить в средствах информации и говорить только на одну тему – гражданские реформы, которые Э. Барак обещал провести и не сделал. Как обычно, мы подготовили видеоклип. Я написал текст того, что я собирался сказать. Члены предвыборной команды Э. Барака пытались убедить меня говорить не так резко и однозначно, а более неопределенно. Они опасались, что мои слова отпугнут религиозных избирателей или затруднят создание Э. Бараком коалиции с религиозными партиями после выборов. Я настоял на своем, и клип был сделан так, как я хотел. Но они так и не решились его показать. Я считал, что невозможно провести гражданские реформы «понарошку». Если хотят опять пойти на коалицию с религиозными партиями, то они могут забыть и о гражданских реформах, и о моей поддержке.

Я вспомнил, как в предвыборной кампании 1999 года я предложил Э. Бараку выступить с заявлением, что он намеревается отменить пункты о национальности и религиозной принадлежности в израильских удостоверениях личности. Э. Барак выслушал и пообещал посоветоваться со своими помощниками. Посоветовавшись, он сказал, что они возражают и что, по их мнению, это повредит. Пункты о национальной и религиозной принадлежности были практически отменены министром внутренних дел от ультрарелигиозной партии ШАС. Высший суд справедливости постановил признавать и записывать евреями тех, кто перешел в еврейство не только по ультрарелигиозному обряду, но и по консервативному и реформистскому. В ответ министр дал указание вообще не заполнять эти пункты в удостоверениях личности. Как говорится, дела праведников делаются руками других. Э. Барак не пошел на это, послушавшись своих предвыборных советников. Как и ожидалось, Э. Барак крупно проиграл выборы 2001 года. И он по праву заработал свой проигрыш.

Но самую большую ошибку в моих глазах Э. Барак сделал после выборов. А. Шарон хотел видеть Э. Барака в своем правительстве. Он очень ценил Э. Барака и как военного, и как государственного деятеля. Как-то раз А. Шарон сказал мне, что Э. Барак единственный из политиков, с которым он может говорить и который понимает, о чем они говорят. Те, кто знает, с каким презрением относился А. Шарон к своим партийным соратникам и «товарищам» по правительству, может понять опасения А. Шарона и его желание, чтобы Э. Барак был министром обороны в его правительстве. И чем было бы плохо Израилю, если бы Э. Барак был министром обороны в правительстве А. Шарона? Возможно, нам бы удалось избежать неудач Интифады, и заградительные сооружения между нами и Палестинской Автономией были бы построены вовремя. Рабочая партия отказалась присоединиться к правительству М. Бегина в 1981 году, и в правительстве М. Бегина не оказалось никого, кто бы смог предотвратить Первую Ливанскую войну. Барак уступил Хаиму Рамону, архитектору «позорной сделки» и «Сетки безопасности» ШАС, другу Арие Дери.

После выборов я поздравил А. Шарона. Я сказал ему, чтобы у него не было иллюзий, так же, как и его предшественники, он не победил на выборах Эхуда Барака. Власть Барака рухнула из-за его многочисленных ошибок. Я посоветовал ему не повторять ошибок Э. Барака, если он хочет удержаться у власти. Я не был уверен, что А. Шарон прислушается к моим словам, я же хорошо знал его и его характер. Но я не мог не сказать ему того, что

считал необходимым. Мы больше не разговаривали после этого, кроме одного случая. В сущности, нам не о чем было говорить. То, что интересовало меня, не интересовало его. У А. Шарона были свои приоритеты.

Но что меня огорчило больше всего – это то, что произошло с «Нативом». Я вспоминал, как в один из визитов Ариэля Шарона в Россию мы посетили одну из израильских школ, которая была частью нашей системы еврейского образования. Школа произвела сильное впечатление на А. Шарона. Он спросил меня, есть ли какие-либо проблемы. Я ответил, что можно увеличить, расширить и углубить наши системы образования на территории бывшего СССР, намного повысив их эффективность, и привлечь к ним намного больше еврейских детей, и только недостаток финансирования препятствует этому. Я вспоминал, как А. Шарон вскипел и с возбуждением говорил о том, что это национальное преступление – из-за нескольких миллионов долларов лишать евреев такой возможности. Тогда его слова ободрили меня, что не все потеряно и что еще остались в Израиле политики, которым не безразличны евреи и их выезд в Израиль.

В период пребывания А. Шарона у власти «Натив» был совершенно заброшен. Глава правительства почти не встречался с директором «Натива». «Натив» был переведен под ответственность Секретаря правительства, и его статус и значение опустились до самого низкого уровня за всю историю Израиля. Самым тяжелым было резкое сокращение бюджетов. А. Шарон не только забыл свои слова, сама тема совершенно перестала интересовать его. Система израильского образования в странах бывшего Советского Союза была передана Еврейскому Агентству и, как и все, что попадало в руки Еврейского Агентства, окончательно деградировала. Она потеряла свое значение и превратилась в блеклую тень того, что было. Да и суть его изменилась. Когда Шуламит Алони заняла пост министра образования Израиля, она сказала, что не понимает, почему Министерство образования Израиля, а не Еврейское Агентство должно заниматься образованием евреев на постсоветском пространстве. Но очень быстро, вникнув в проблему и изучив ее, поняла свою ошибку и то, каково значение того, что Министерство образования страны действует в другой стране, в рамках двустороннего международного соглашения. Шуламит Алони понимала, как и другие министры образования Израиля, Звулон Хамер, Амнон Рубинштейн, Йоси Сарид, всю важность участия Министерства образования Израиля в еврейском образовании в странах бывшего Советского Союза как важный этап в интеграции еврейских детей в израильском обществе и

системе образования в Израиле к их приезду в Израиль. Лимор Ливнат отличалась своими речами, полными национальной и националистической демагогии, но сделала то, чего не осмеливался сделать ни один из министров образования Израиля до нее, – избавились от израильской системы образования в бывшем СССР, сбросив ее Еврейскому Агентству. Ей просто не было до этого никакого дела, так же как и Ариэлю Шарону. Лимор Ливнат совсем не удивила меня своим поступком, но поведением Ариэля Шарона я был поражен.

66

Я продолжал ездить в Россию и в другие страны, но уже только по своим делам. Я не был связан ни с какими государственными делами. Двоих моих младших детей, дочь Ревиталь и сына Сефи (Иосифа), я привозил в Россию перед их призывом в Армию обороны Израиля. Во время визита Сефи произошло весьма взволновавшее нас событие. Министр иностранных дел России Игорь Иванов, с которым мы были в довольно дружеских отношениях, как раз вернулся в Москву из одной из своих многочисленных поездок. Он узнал, что я в Москве, и попросил приехать к нему. Уже был поздний вечер, и я поехал к нему, в Министерство иностранных дел, взяв с собой сына. Когда мы приехали, я вошел к нему в кабинет, а Сефи остался ждать в приемной. Во время беседы Игорь Иванов спросил меня о цели моего приезда. Я объяснил ему, что привез младшего сына на землю его родителей перед призывом в армию. Иванов пригласил его, задал несколько вопросов и вдруг извинился и вышел на несколько минут. Вернувшись, он обратился к сыну с видимым волнением. Он сказал, что он родом с Кавказа, а на Кавказе принято, что когда юноша достигает зрелости, то он получает в подарок кинжал как символ мужества. «Ты идешь в армию и становишься мужчиной, – подчеркнул он. – Это мой семейный кинжал. Я дарю его тебе и желаю, чтобы ты был хорошим солдатом. Защищай свой народ и свою страну. И в преданности своей Родине будь достоин своего отца». Можно представить, как нас всех взволновали его слова. Министр иностранных дел России поздравляет и благословляет моего сына на службу в Армии обороны Израиля. Но в этом был еще один глубокий исторический для меня момент. Я знал, хотя Игорь Иванов никогда мне этого не говорил, что среди его предков были не только русские и грузины, но и ассирийцы. Как удивительна общечеловеческая и еврейская история!

В один прекрасный день я прилетел в Москву и, проходя паспортный контроль, обратил внимание на то, что прапорщик, проверявшая мой паспорт, слегка побледнела, взглянув на экран компьютера. Она попросила меня немного подождать в стороне и вызвала майора пограничной службы. Офицер вежливо попросил у меня паспорт и билеты, сказав, что он должен кое-что выяснить. Минут через двадцать он вернулся и сказал мне: «Господин Кедми, вам запрещен въезд в Россию. Ваша виза отменена. Вы возвращаетесь тем же самолетом, каким вы прилетели». Я поднялся в самолет и вернулся во Франкфурт.

Из Франкфурта я позвонил Ариэлю Шарону. А. Шарон как раз находился с визитом в Москве. Нас тут же соединили, и я рассказал ему, что произошло. Я сказал ему, что это не частное дело, а межгосударственная проблема и что это противоречит духу и сути отношений между Россией и Израилем. Я подчеркнул, что это не может пройти без всякой реакции с нашей стороны, и посоветовал переговорить с Путиным, потому что говорить с кем-либо другим бесполезно. Шарон сказал: «Хорошо», но с Путиным не переговорил. Он попросил вмешаться министра иностранных дел России. Министр иностранных дел не мог ничего сделать. Директор Службы безопасности подчиняется только президенту, а на министра иностранных дел мало обращает внимания. Только президент В. Путин мог решить эту проблему.

Я знал, что это не первый случай, когда гражданину Израиля был закрыт въезд в Россию. В течение года был запрещен въезд в Россию еще нескольким израильтянам «из интересов безопасности государства», так же как и было сказано мне. Израильтяне, которые участвовали в совместных проектах в области новейших технологий и электроники, были обвинены Службой безопасности России в шпионаже, и их въезд в Россию был запрещен. Я знал, что эти люди не имели никакого отношения к разведывательной работе и они вообще были далеки от этой тематики. Они обратились ко мне, и я посоветовал им обратиться в канцелярию премьер-министра Израиля, поскольку эта проблема очень серьезная и требует незамедлительного решения. Насколько мне известно, ничего не было сделано, по крайней мере на соответствующем уровне. Я знал, что это уже превратилось в систему, и сказал об этом А. Шарону. Но на это не последовало никакой реакции и серьезного отношения. Я обратился к Цви Магену, сменившему меня на посту директора «Натива», и сказал ему, что как человек, стоящий во главе службы, он должен поднять этот вопрос перед премьер-министром. Ни одна страна не могла бы отнестись к этому безучастно. Я говорил об этом и с директором Службы безопасности Израиля Ави Дихтером, и с директором Моссада Меиром Даганом, поскольку отношения между спецслужбами находятся в компетенции Моссада. У меня было впечатление, что я говорю с людьми, которые вообще не понимают, о чем я с ними говорю. Цви Маген, да, понимал, но я знал, что его мужество и способности близки к нулю, особенно в таком вопросе. Но я все-таки надеялся, что государственная система должна как-то отреагировать, но не последовало никакой реакции.

Я решил проверить это своими силами. Выяснилось, что сказанное в свое время обо мне Б. Нетаньяху журналисту Шимону

Шиферу было напечатано в нескольких российских газетах. В результате этого один из депутатов Думы направил запрос в ФСБ: верно ли напечатанное в газете о том, что раскрыл премьер-министр Израиля в интервью, и продолжает ли тот самый Я. Кедми, который подкупил российского чиновника, посещать Россию? Ответ был дан заместителем директора ФСБ, что да, им известна публикация, и сам Яков Кедми, и его действия во время службы и по ее окончании известны им хорошо. По его словам, Кедми занимался сбором приоритетной для спецслужб информацией, как во время службы, так и после выхода в отставку. Поскольку эта деятельность противоречит законам России, принято решение закрыть Я. Кедми въезд на территорию России. У меня хранится копия этого письма. Было ясно, что запрос депутата Думы был заказан и что Федеральная служба безопасности решила пойти на это, не нуждаясь в советах депутата Думы. Те действия, которые приписывались мне, даже если бы и были верны частично, были сделаны во время службы государству, для государства Израиль и во имя государства Израиль. Но государство Израиль решило не реагировать. И в других случаях, не связанных со мной, а вообще.

Я вспомнил другие случаи, когда государство Израиль не реагировало. Самым серьезным случаем была высылка из России представителя Моссада, о котором я уже рассказывал. Когда в России сообщили, что он должен покинуть Россию, то представитель внешней разведки России в Израиле начал паковать вещи. Ни ему, ни его начальству даже в голову не пришло, что его не попросят покинуть Израиль. Российская разведка не верила, что Израиль не отреагирует высылкой российского представителя. Это нерушимое правило – не важно, что сделал высланный сотрудник, если его высылают, должен быть выслан такой же представитель, если хотят, чтобы уважали и относились серьезно. Но государство Израиль не реагировало. Точно так же, как и не реагировало на высылку Нехемии Леванона, работника «Натива», из СССР в 1955 году и на высылку из СССР Давида Гавиша, также работника «Натива», в 1966 году. И точно так же в конце 90-х. Придя в себя от изумления, российские специалисты начали понимать для себя что-то новое по отношению к Израилю и его аппарату и руководству. То, что ни чиновники, ни руководство Израиля до сих пор еще не привыкли к тому, что Израиль независимое государство, что они еще думают мерками местечкового еврея, который должен завоевать расположение городового, помещика, как в старой Польше или России. И в России решили, что в этом вопросе нечего опасаться реакции Израиля и они могут делать все, что

они захотят. Израильтяне только вытрут плевок со своего лица и скажут, что это был просто дождик.

Я не знал, что делать. Я не хотел использовать свои связи, чтобы в частном порядке отменить запрет на въезд в Россию. Я придерживался того принципа, что это государственная проблема, а не частная и, пока государство не будет ею заниматься, я тоже не буду. Были еще и другие люди, в том числе бывшие работники «Натива», которым был закрыт въезд в Россию.

В мое время было принято, что глава правительства Израиля приезжает поздравить работников «Натива» в День «Натива», так же как он поздравлял работников Моссада и Службы безопасности в их день. Все премьер-министры Израиля делали это, за исключением одного – Ариэля Шарона, который позволил себе не прийти на День «Натива». Не просто в День «Натива», а на 50-летний юбилей со дня основания. Это не было для него так важно, как какое-либо семейное торжество кого-нибудь из членов Центрального комитета партии Ликуд. Я написал статью в газете «Хаарец» о том, что А. Шарон не пришел, о том, что тем самым он оскорбил всех работников «Натива» за все годы. И что тем самым выразил свое отношение не только к организации, но и ко всей проблеме, которой занималась организация и которой ее работники посвятили свои жизни. Приемная премьер-министра неуклюже отреагировала, заявив, что премьер-министр относится с уважением к «Нативу» и послал своего представителя с поздравлением.

В то время вовсю бушевала Вторая Интифада. Теракты следовали один за другим, и число жертв росло с каждым днем. Мне было ясно, что причиной успеха терактов является отсутствие заграждений между территорией Израиля и Палестинской автономии, которая могла предотвратить неконтролируемый проход террористов на территорию государства. Также мне было ясно, что причиной отказа от строительства этих ограждений были опасения А. Шарона внутриполитических осложнений. Разве что полный лентяй с арабской стороны не пошел бы на теракт при таких условиях. Против нас, как правило, не действовали профессиональные, хорошо обученные диверсанты. В большинстве это были молодые юноши и девушки, никогда не служившие в армии и не прошедшие никакой, ни военной, ни диверсионной подготовки. Все, что от них требовалось, – это встать утром, пройти пешком несколько километров и, войдя на территорию Израиля, на попутных машинах или на такси попасть в центр Тель-Авива или какого-либо другого города. И в 50-х годах в Израиле была такая же проблема. И тогда тоже самым эффективным способом

остановить тогдашних террористов было строительство серьезных пограничных заграждений. Но и тогда эта идея была отвергнута. «Израильские умники» предпочли демагогический лозунг: «Разве возможно опять загнать евреев за колючую проволоку?!» Спекулировали словами, спекулировали памятью Катастрофы европейского еврейства во имя своей идеологии. И тогда предпочли операции возмездия, и Арик Шарон был одним из исполнителей тех операций.

Что такое возмездие? Государство Израиль отличается поистине виртуозным словоблудием. У нас не говорят «отступление», у нас говорят «пульсация». Первая пульсация, вторая пульсация. Так оно слышится более прилично и приемлемо. Мы не говорим «эвакуация, отступление», мы говорим «разъединение». Об операциях возмездия не говорили, что это простая месть. Операция возмездия звучит более эстетично, более культурно. Мы же не какие-нибудь варварские дикие племена, соблюдающие обычаи кровной мести. А может, да? Но по-культурному! По сути, это именно это. Людей, исполняющих обычаи кровной мести, предают суду. Но когда государство соблюдает тот же обычай кровной мести, это уже законная и справедливая политика. Вместо государственной мысли государственную политику низводят до уровня примитивных животных инстинктов, которым не место в цивилизованном обществе. Государство Израиль предпочло племенную кровную месть как средство предотвращения террора. Со всем, что сопутствовало им, операции возмездия того времени ничего не достигли. Они не привели к сокращению терактов. Правда, они улучшили боевой уровень нескольких десятков бойцов 101-го спецподразделения, боеспособность которых была выше, чем остальных воинских частей Армии Израиля. Но существовали другие, более эффективные способы улучшить боеспособность израильской армии.

Эта привычка к инстинктивной реакции вместо продуманной государственной политики заложена глубоко в самом естестве израильского общества, в военной и политической его составляющих и действует и до сегодняшнего дня. И в 2001–2002 годах продолжались те же, по сути, операции возмездия. Но под другими названиями. Они представляли собой безуспешные попытки реакции на террор. А. Шарон не принимал, не соглашался и не хотел власти Арафата да и саму идею Палестинского государства, хотя и вынужден был признать ее на словах. И так же, как он использовал покушение на посла Израиля в Лондоне для начала войны против ООП в 1982 году и начал Первую Ливанскую войну, он использовал Интифаду, войну

против Палестинской администрации, чтобы разрушить Палестинскую автономию. Мне было ясно, что отсутствие пограничных заграждений является основной причиной, вдохновляющей террор. Нет ничего вдохновляющего больше, чем успех. Я с трудом сдерживался. Как-то, в один прекрасный день встретился с Э. Бараком. Мы беседовали, обсуждали сложившуюся ситуацию. Э. Барак рассказал мне, что встречался с А. Шароном и пытался убедить того в необходимости строительства пограничных заграждений. Он рассказал мне, что предупредил А. Шарона, что к нему предъявят претензии в будущем из-за отказа построить заграждения. На мой вопрос, что ответил Шарон, Барак сказал, что Шарон выслушал его слова и никак не отреагировал. Зная А. Шарона, я понял, что ему нечего было ответить Э. Бараку. Будучи военным, он отлично понимал, что необходимо выстроить заграждения. Он не нуждался в разъяснениях, в чем их необходимость. Если бы у него были серьезные возражения, он бы непременно высказал бы их Э. Бараку. Не желая выдвигать перед Э. Бараком несерьезные возражения, он предпочел промолчать.

Ведь и с тех пор и до сегодняшнего дня не удался ни один террористический акт, совершенный террористами, проникшими из сектора Газа. Потому что Матан Вильнаи, будучи командующим Южным округом, выстроил пограничные заграждения вокруг сектора Газа. Выстроил на свой страх и риск, из бюджета Южного округа и вопреки мнению тогдашнего начальника Генерального штаба. Тем самым он спас сотни, если не больше, жизней граждан Израиля. Эта система заграждений не была такой уж усовершенствованной, но она не позволила террористам проникнуть на территорию Израиля и заперла террор внутри Газы.

После того, что я услышал от Э. Барака, я не мог успокоиться. Я любил А. Шарона до преклонения перед ним. Эта любовь и преклонение не позволяли мне в течение многих лет видеть проблематичность в его поведении. Я просто уходил от этого. Возможно, что А. Шарон символизировал в моем сознании определенные основы в моем восприятии государства Израиль. И я подсознательно опасался, что развенчание его идеала сильно повредит моим чувствам по отношению к Израилю. К моему счастью, мои чувства к Израилю остались, как и раньше. И вдруг я освободился от иллюзий по отношению к А. Шарону и стал смотреть на его действия ясно и объективно, со всей остротой. Это причинило мне большую боль, но я не мог больше молчать. А. Шарон просто предал все, что было так дорого мне в государстве Израиль.

Израильская журналистка, Шели Яхимович, услышала от кого-то из наших общих знакомых о моих высказываниях в кругу друзей о действиях А. Шарона. Она позвонила мне и пригласила на интервью на втором канале израильского телевидения. В интервью я предъявил А. Шарону тяжелые обвинения в пренебрежении безопасностью населения Израиля из-за отказа выстроить пограничные с Палестинской автономией заграждения. Я назвал это преступной халатностью. Я обвинил А. Шарона в гибели граждан Израиля. Он же мог предотвратить большинство терактов, если бы заграждения были построены. Если бы соображения сохранения власти и опасения войти в конфронтацию с ультранационалистическими и религиозными кругами не были для него дороже жизней граждан Израиля. Я также резко критиковал власть семьи А. Шарона над государством Израиль. Я сравнил власть семьи Шарона с властью Ельцина в России, когда Ельцин вместе с дочерью, ее мужем и кучкой приближенных, тем, что называлось «семьей», правили Россией. Я заявил, что А. Шарон управляет Израилем с помощью своих сыновей и они, его сыновья, определяют государственные приоритеты Израиля. Это были очень тяжелые обвинения, но они были сущей правдой. Никто тогда не решался назвать вещи своими именами в такой четкой и однозначной форме.

В ответ приемная А. Шарона отреагировала точно так же, как и приемная Нетаньяху в свое время. Не найдя ничего предосудительного у меня, приближенные А. Шарона тоже мобилизовали того же журналиста, как и Нетаньяху, Шимона Шифера. И на этот раз Ш. Шифер добросовестно выполнил заказ. Опираясь на сказанное приближенными А. Шарона, он написал: «Видите, какой отрицательный тип этот Я. Кедми. Даже Россия закрыла ему въезд». Ш. Шифер написал, что из источников в «Нативе» ему известно, что въезд Я. Кедми в Россию закрыт из-за связей Я. Кедми с криминальными структурами России. В моих глазах использование службы, которая когда-то была символом профессионализма во всем, связанном с Россией, и отличалась преданностью делу, для оказания грязных услуг неудачным и коррумпированным политикам было пределом низости.

После «размежевания» многие из тех, кто предъявил претензии ко мне за тяжелые обвинения в отношении А. Шарона, сами начали повторять то, что я говорил. Я усмехался над своими знакомыми из «национального лагеря», которые в свое время атаковали меня за то, что я осмелился говорить так об А. Шароне, как они набросились на А. Шарона, только тот осмелился действовать против их политических взглядов. До этого вся коррумпированность А. Шарона была вполне терпима, и, только

когда его политические шаги не соответствовали их политическим взглядам, они вдруг «обнаружили» его грехи. Что касается А. Шарона, мне все было ясно. У меня уже не было никаких иллюзий по отношению к нему. Мне просто было больно видеть, как моя страна деградирует со дня на день и катится вниз во всех областях. Нравственной и моральной, власти и управления, национальной и военной. Системный кризис поразил все сферы государства, даже самую важную – безопасность.

Послесловие

В течение всей жизни я привык постоянно все переоценивать заново. Верен ли тот путь, который я выбрал, и ведет ли он к справедливой цели? Та борьба и те войны, которые я вел всю жизнь, справедливы ли они и оправданны? И сегодня тоже я мучаюсь теми же вопросами, только сегодня я менее решителен и уверен в своей правоте.

Те мои основные качества, которые обеспечили успех в борьбе и многочисленных войнах, так же как и неудачи, были приобретены мной в Советской России, в Москве. В России сформировалась моя личность, мои моральные и нравственные принципы: уважение к человеку, независимо от его происхождения, национальной или религиозной принадлежности, обостренное чувство справедливости, как в обществе, так и вообще. В России я научился любви к Родине, любви к своему народу и готовности к самопожертвованию во имя их и идеалов, в которые веришь. В России я научился бороться до конца и никогда не сдаваться, даже когда ты один против всех и у тебя нет никаких шансов. Когда я приехал в Израиль, такие понятия, как целеустремленность и стойкость, были глубоки в моем характере и в моем сознании. В России меня научили ценить книгу, культуру и образование, хорошее воспитание и искусство. С детства я привык относиться с отвращением к дешевой и примитивной политической пропаганде, к лицемерию, особенно властей предержащих и членов партии, к торговле принципами и образом жизни. В России я научился относиться с презрением к людям, посвятившим свою жизнь только наживе и деньгам. Несмотря на диктатуру и жестокий режим, несмотря на лицемерие и ложь, заполнившие советское общество и в конце концов и погубившие его, все свои качества я приобрел в России и нисколько не жалею об этом.

Знания и опыт, которые я приобрел в Израиле, в армии и в Разведывательном сообществе, только отточили и усовершенствовали мои качества, а также способность к анализу и пониманию. Я познал и понял многие вещи, которых не знал и не понимал раньше или строил иллюзии в их правильности и справедливости. Этот процесс постоянного изучения, углубления, оценки и понимания заново, к счастью, не прекращается никогда и, я надеюсь, будет продолжаться всю мою жизнь.

На первый взгляд можно сказать, что мне удалось в большой степени реализовать себя и достигнуть своих целей. Мне посчастливилось сделать то, что никто до меня не сделал,

выстоять в одиночку, без всяких шансов, против мировой державы и победить, несмотря ни на что. Этот успех предоставляет мне чувство большого личного удовлетворения. Мои дети и внуки родились в Еврейском государстве, государстве, о котором я мечтал и за право жить в котором я боролся и воевал. Это их страна, страна их народа. Также и детей моей сестры Верочки, и детей моего брата Шурика, и всех других членов нашей семьи. Мое сердце наполнялось радостью, когда я смотрел на мою маму в окружении восьми внучек и внуков, говорящей с ними на иврите и светящейся от счастья. Ее внуки, в которых соединились страны рассеяния евреев: Румыния, Турция, Тунис, Украина, Польша, Россия.

Когда я вижу прибывших из бывшего Советского Союза, заполнивших Израиль, меня наполняет чувство глубокого самоудовлетворения. Я вспоминаю, как в самые тяжелые моменты в период работы в «Нативе» я приезжал ночью в аэропорт Бен-Гурион. Подъезжал на машине к самолету и, выйдя из машины, смотрел, как сотни новоприбывших сходят с самолета. Я старался уловить те мгновения, когда их ноги впервые касались земли их родины. Я старался поймать и почувствовать их взгляд в этот момент. Зрелище прибывающих в Израиль в момент их приземления придавало мне силы и уверенность продолжать, несмотря на все препятствия и препятствующих.

Тысячи случаев унижений, оскорблений, эксплуатации, расизма и дискриминации новоприбывших, с которыми я столкнулся в течение последних лет, причиняют мне боль и вызывают во мне гнев и стыд. На мне тоже лежит часть вины за эти горести. Не только потому, что я в большой степени «виновен» в том, что они находятся в Израиле, но и потому, что Еврейское государство, моя страна, так относится к евреям, приехавшим жить в ней. В эту минуту меня охватывает ужасное сомнение – не взял ли я на себя слишком много, определив их судьбу и воспрепятствовав им эмигрировать в другую страну? С точки зрения и национальных, и государственных интересов у меня нет сомнений в правильности моих действий. А с человеческой точки зрения? Сегодня у меня нет той уверенности в ответе на этот трудный вопрос, которая была у меня раньше.

Я смотрю вокруг себя на «преуспевающее» Еврейское государство, и тяжелые сомнения пробегают в моем мозгу. Достойно ли это государство нашего народа? Я вспоминаю своего покойного дедушку и его слова о нечеловеческой эксплуатации еврея евреем. Я встречаюсь с этим каждый день во все возрастающих размерах и с все большим цинизмом. Я смотрю на детей новоприбывших. Большинство из них приехали в Израиль

ради будущего своих детей. Большинство из их детей, если бы остались в странах исхода или эмигрировали в другие страны, получили бы высшее образование. Но здесь, в их стране, большинство их детей, одни из самых способных детей в мире, не могут получить аттестат зрелости. Часть из них скатываются к преступности и проституции, как и дети волн новоприбывших из других стран в более ранние годы Израиля. Разве за это мы боролись? Сегодня в нашем Еврейском государстве еврейские дети получают самое худшее образование по сравнению с еврейскими детьми в других странах мира.

В моем понимании государство – это не самоцель, а только инструмент. Государство во имя и для своих граждан, а не наоборот. Еврейское государство является, по моему мнению, единственным инструментом, который может обеспечить существование еврейского народа сегодня и в будущем вне религиозных рамок. Религия сохранила еврейский народ в качестве религиозной общины, и в течение двух тысяч лет не было другого еврейства, кроме религиозного. Религиозные евреи, соблюдающие все религиозные обычаи и обряды, останутся евреями всегда. Но, что делать, большинство еврейского народа не религиозно. А у нерелигиозных евреев нет будущего, как евреев без Израиля, своего национального государства. Любая попытка потянуть государство Израиль и его граждан назад, в религиозное гетто, подвергает опасности само существование государства Израиль. В сегодняшнем мире, а тем более в завтрашнем нерелигиозные евреи не смогут жить в рамках клерикальных законов, написанных сотни и тысячи лет назад. А без твердого большинства светских евреев государство Израиль не сможет просуществовать на протяжении будущих лет. Только религиозное еврейство, во всем его разнообразии частей и направлений, не в состоянии ни обеспечить существование государства, ни защитить его.

Трижды за свою историю еврейский народ терял свое государство. Дважды пало и было разрушено Иудейское царство и один раз Израильское. Государство Израиль – это наша четвертая и, на мой взгляд, последняя попытка. Больше попыток не будет. Нашему народу удалось, воспользовавшись международным и региональным развитием событий, воссоздать свое государство вопреки всем шансам и исторической логике. Но выяснилось, что для обеспечения существования государства недостаточно создать и защитить его. Только за последнее столетие, на наших глазах, государства рушились и исчезали. В большинстве случаев из-за развала власти, из-за невозможности сохранить и задействовать государственные структуры и из-за

безответственной политики тех, кто правил и управлял ими.

Достаточно оглянуться вокруг и представить, как бы выглядело государство Израиль без того миллиона евреев, которые приехали в него из Советского Союза и государств, выросших на его развалинах. Наша экономика была бы слабее на 25 %, если не больше. Без высокотехнологической промышленности. Без 20 % солдат в боевых частях. С совершенно другой политической системой и демографией. Обладало бы это более слабое государство такой же способностью справиться с трудностями, так же как Израиль сегодня? Но этот миллион прибыл в Израиль совершенно случайно, и они могли бы не приехать в Израиль, даже если бы и покинули свои страны. Без этого миллиона Израиль был бы сегодня в одном из своих самых серьезных и опасных кризисов за всю свою историю. Другими словами, накануне 90-х годов мы стояли на пороге опаснейшего кризиса, но вообще не сознавали это.

А что происходит сегодня? Самый дорогой и самый лучший в мире человеческий капитал разбазаривается ужаснейшим способом. Среди новоприбывших приехали более 60 тысяч учителей. А израильская система образования, все более и более деградирующая с каждым годом и пребывающая в тяжелейшем кризисе, страдающая от острого недостатка учителей, оттолкнула их. В страну приехали десятки тысяч врачей, а страна находится на пороге острой нехватки врачей. Прибыло более 100 тысяч инженеров, а мы на пороге острой нехватки инженеров. Тысячи ученых, из лучших в мире, приехали в Израиль, а мы на пороге нехватки ученых. На протяжении многих лет государство Израиль обогащалось наилучшей человеческой и профессиональной элитой стран Европы и арабских стран. Но и через 60 лет существования государства мы так и не смогли использовать их знания и опыт и создать образовательные и другие структуры, соответствующие способностям и потребностям еврейского народа в XXI веке. Для того чтобы обеспечить развитие еврейского государства в соответствии с тем, на что способен еврейский народ и чего он заслуживает.

Вместо этого процветают компании по использованию рабочей силы. Израильское изобретение инструмента современного рабства. Использующие работников, лишенных всех прав. Работающие, которые в цивилизованных странах, еще более ста лет назад, добились основных прав, эксплуатируются в Израиле чудовищным способом и зарабатывают гроши. Эти компании по найму и взяли на работу тысячи учителей, инженеров, ученых и превратили их в рабов с благословения их новой родины.

Государство Израиль находится в наиболее серьезном за свою историю, всеобщем системном кризисе. События, описанные в этой книге, являются его частичным отражением. И если народ государства Израиль не произведет в ближайшие годы серьезные всеобщие и основательные реформы государственных структур и систем, вряд ли государство сможет просуществовать до середины XXI века, к столетию со дня своего создания. И прибытие более миллиона евреев в Израиль больше чем десятилетие назад окажется только не более чем отдаление конца, а не кардинальным средством для восстановления и укрепления основ государства, чтобы обеспечить его существование на будущие века.

Мы, евреи XX века, века ужаснейшей Катастрофы нашего народа, решили для себя, что создание еврейского государства является самым важным и необходимым для еврейского народа. Были ли мы правы? С точки зрения нашего поколения, да. У каждого поколения своя правота. Поколения наших детей и внуков сами определят, что хорошо и необходимо для них. И если то, что они определят, будет отличаться от нашего, это их право. Мы тоже решили по-другому, чем наши родители. Мы определили наше будущее, а они определят свое будущее и тем самым будущее еврейского народа. Я надеюсь, что и для них государство Израиль останется и будет необходимым и лучшим инструментом для нашего народа. А если, не дай бог, так не произойдет, то, вероятно, это будет означать отказ еврейского народа от необходимости в существовании Еврейского государства. И если, не дай бог, таково будущее моего замечательного и прекрасного народа и государства Израиль, то я надеюсь удостоиться не жить в те времена.

Израиль.

Август 2008 г.

Глоссарий

Абрамович Амнон. Телевизионный журналист и комментатор, который славится своими расследованиями и разоблачениями.

Автобус 300. 12 апреля 1984 года четыре террориста из Газы, вооруженные ножами, овладели автобусом под номером рейса 300, ехавшим из Тель-Авива в Ашкелон. Террористы требовали освобождения 500 заключенных террористов из тюрем Израиля, угрожая в противном случае взорвать автобус. Спецподразделение Армии Израиля освободило автобус. При этом два террориста были убиты, а два арестованы. По приказу директора Службы безопасности один из руководящих работников Службы убил обоих террористов. Было официально заявлено, что при попытке освобождения автобуса все террористы уничтожены. Но через три дня одна из газет опубликовала снимок, где ясно было видно, как двух живых террористов ведут на допрос. Расследование сопровождалось подлогами, обманом и подтасовкой фактов со стороны высших работников Службы безопасности, с целью отвести от себя обвинения и переложить вину на армейского генерала. В результате директор Службы безопасности подал в отставку. Были уволены почти все руководящие работники Службы безопасности. Чтобы избежать суда, президент Израиля предоставил еще до суда амнистию всем обвиняемым, включая директора Службы.

Аграната. Комиссия. Государственная Комиссия по расследованию причин неудач в начале войны Судного дня. Председателем Комиссии был президент Верховного суда Израиля, доктор Шимон Агранат. Комиссия была создана 21 ноября 1973 года и закончила свою работу 30 января 1975 года. Основную ответственность за неудачи в первые дни войны Комиссия возложила на начальника Генштаба, командующего Южным фронтом, начальника Управления военной разведки Генштаба и целый ряд генералов и офицеров, в основном военной разведки. Комиссия не рассматривала деятельность политического руководства – правительства, поскольку это не входило в ее полномочия. Комиссия предложила целый ряд мер для улучшения работы и координации разведслужб, армии и высшего руководства.

Алия. Процесс иммиграции евреев в Израиль, по традиции, называется алия, то есть восхождение в Израиль. Традиционное значение этого – как бы возвышение еврея во всех нравственных и национальных понятиях.

Алон Море. Одно из первых еврейских поселений, созданных в Шомроне после его оккупации Армией Израиля в 1967 году.

Алони Шуламит. Известная общественный деятель Израиля. Юрист, педагог. Основатель движения за гражданские права – РАЦ. Депутат Кнессета (Парламента) в 1965–1969, 1974–1996 годах. Министр просвещения в 1992–1993, министр культуры и науки в 1993–1996 годах.

Альмог Зеев. Родился в Тель-Авиве в 1935 году. В то время командир Спецназа ВМФ Израиля. Впоследствии был командующим ВМФ Израиля.

Аргов Шлема. Родился в 1929 году в Иерусалиме. Дипломат. В 1982 году на Аргова, посла Израиля в Лондоне, было совершено покушение. Покушавшиеся – члены арабской террористической организации Абу Нидаля, штаб которой находился в Багдаде. В результате покушения Аргов был тяжело ранен и до своей кончины, в 2003 году, оставался парализованным. Покушение на Аргова послужило предлогом для Израиля начать Первую Ливанскую войну в июне 1982 года.

Армейская Служба воспитания. Род войск Армии обороны Израиля, который занимается культурно-воспитательной работой среди военнослужащих. В основном среди солдат срочной службы.

Армия Андерса. После разгрома Польши в 1939 году более полутора миллионов польских граждан, оказавшихся на советской территории, были интернированы, или высланы, или заключены в лагеря. С нападением Германии на СССР в июле 1941 года была достигнута договоренность между правительством Польши в изгнании и советским правительством об освобождении заключенных и создании польских вооруженных формирований на территории СССР, но подчинявшихся правительству Польши в изгнании. Во главе этих формирований был поставлен генерал польской армии Владислав Андерс, освобожденный из заключения. Армия Андерса насчитывала около 100 тысяч человек, включая присоединившихся членов семей военнослужащих. В состав Армии Андерса вошло и несколько сот польских евреев. Армия не принимала участия в боях на Восточном фронте. После овладения Ираном британскими и советскими войсками Армия Андерса передислоцировалась в Иран, где и прошла первый период учений и переформирования. В феврале 1943 года была расположена на территории подмандатной Британии Палестины. Часть евреев из Армии Андерса демобилизовались или дезертировали из нее и остались в Палестине (как, например, Менахем Бегин). С мая 1944 года и до конца войны Армия

Андерса воевала в Италии.

Атака палестинских террористов на поезд в Вене в 1973 году. В начале октября 1973 года группа арабских террористов обстреляла на Венском вокзале поезд с евреями из СССР, приехавшими в Вену, по дороге в Израиль. Никто не пострадал. Террористам удалось скрыться. В результате этой атаки Австрия закрыла перевалочный лагерь Еврейского Агентства в Вене. С того времени все евреи из СССР, прибывающие в Вену и едущие в Израиль, под охраной австрийской армии перевозились и, до отлета в Израиль, находились в специальном Центре Красного Креста в пригороде Вены.

Ахад Ха Ам. Хирш Гинцберг. Родился в 1856 году недалеко от Киева. Писатель и публицист. Идеолог так называемого культурного, в отличие от политического, сионизма. Сионизм в его толковании – это создание культурного национального центра еврейского народа, при сохранении рассеяния и взамен религии. Приехал в Израиль из Англии в 1922 году. Умер в 1927 году.

Ахдут Ха-Авода. Союз труда. Левая, социалистическая, рабочая партия, созданная в 1919 году. Большую часть составлял один партийный блок с более центристской социалистической партией МАПАЙ. В 1968 году окончательно слилась с партией МАПАЙ, образовав Партию труда.

Бадер Иоханан. Родился в 1901 году в Галиции, в то время Австро-Венгрии. Доктор права. В 1939 году, после разгрома Польши, оказался на советской территории. В 1940 году был осужден и освобожден в 1941-м и вместе с Армией Андерса выехал в Палестину. В 1943-м году присоединился к ЭЦЕЛЬ. В 1945–1948 годах был арестован Британскими властями и находился в заключении. В 1948 году был одним из основателей партии Херут, вместе с М. Бегином. Был депутатом Кнессета с 1948 до 1977 года. Считался одним из серьезнейших экономистов Израиля и прекрасным оратором. Умер в 1974 году.

Бегин. Смена власти. С момента образования государства Израиль во главе его стояла социал-демократическая партия МАПАЙ, зачастую в коалиции с другими партиями социалистического толка. В 1977 году к власти пришла партия Херут, правоцентристская партия с национально-либеральной идеологией, во главе с Менахемом Бегином. Эти партии, МАПАЙ и Херут, были диаметрально противоположны по своим идеологиям.

Бейлин Иоси. Родился в 1948 году в Израиле. Доктор, журналист, публицист, политик. Один из активных деятелей Партии труда. В 1984–1986 годах, когда Ш. Перес был премьер-министром, был Секретарем правительства. Когда Ш. Перес был

министром иностранных дел (1986–1988), был генеральным директором МИДа. С 1988 до 2008 года был депутатом Кнессета (кроме 2001–2003). В 1992–1995 годах был заместителем министра иностранных дел. В 1995–1996 годах – министром планирования. В 1999–2001 годах – министром юстиции. Несколько месяцев, в 2000–2001 годах был министром религий. В 2001 году вышел из Партии труда и присоединился к левой партии МЕРЕЦ, председателем которой был в 2004–2006 годах.

«Бейтар». Аббревиатура на иврите «Союз еврейской молодежи имени Иосефа Трумпельдора». Молодежное движение ревизионистов до создания государства и движения Херут после создания государства. Основано в Риге в 1923 году Зеевом Жаботинским, который и был его идеологом до своей смерти.

Бен Меир Иегуда Розенберг. Родился в 1939 году в Нью-Йорке и ребенком приехал в Израиль. Доктор психологии. Юрист. В 1962 году присоединился к Национально-религиозной партии (МАФДАЛЬ). С 1971 до 1974 года был депутатом Кнессета. В 1981–1984 был замминистра иностранных дел. В 1988 году оставил политическую деятельность и с тех пор занимается исследованиями в Институте национальной безопасности при Тель-Авивском университете.

«Бледнолицый следопыт». Один из самых известных сатирических ансамблей Израиля в 60-х, 70-х и 80-х годах.

«Бней Акива». Еврейская организация национально-религиозной молодежи. Основана в Иерусалиме в 1929 году. Действует как в Израиле, так и во многих странах еврейской диаспоры.

Бродет Давид. Один из высокопоставленных чиновников Министерства финансов.

Бродетская Тина. Родилась в Одессе в 1938 году. Одна из активисток сионистского движения в СССР в 50-х и 60-х годах. В 1958 году осуждена, на одном процессе с Д. Хавкиным, за сионистскую деятельность на три года. В Израиле с 1970 года.

Бруг Эхуд. Впоследствии сменил фамилию Бруг на Барак. Родился в 1942 году в кибуце Мишмар Ха Эмек, в семье выходцев из Литвы. В армии был командиром Спецназа Генерального штаба, начальником Разведывательного управления Генштаба, командующим округом и начальником Генштаба. После демобилизации, с 1995 года был активен в политической деятельности. Был руководителем нескольких министерств. В 1999–2001 был премьер-министром и министром обороны Израиля. С 2007 года министр обороны Израиля.

В Синае Дганий нет . Выражение, которое сказал, по свидетельствам, Моше Даян в первые дни войны Судного дня.

Смысл сказанного, что в Синае нет еврейских поселений, как кибуц Дгания, защитники которого остановили продвижение сирийских войск в Войну за независимость. И поэтому нет смысла драться за каждый километр пустыни, как будто защищая города Израиля. Есть достаточно простора для маневра, а не жесткой обороны, по принципу «ни шагу назад».

Война на истощение. После окончания Шестидневной войны началась позиционная война между египетской и израильской армиями вдоль Суэцкого канала. В основном это были взаимные артобстрелы и вылазки, а также бомбовые удары Израильских ВВС. Война получила название в Израиле «Война на истощение». Закончилась Договором о прекращении огня 1 августа 1970 года.

Высший суд справедливости. Наивысшая судебная инстанция Израиля. Под этим названием выступает Верховный суд Израиля при обсуждении дел, связанных с деятельностью государственных или общественных структур Израиля.

Габима. Театр Габима был создан впервые в Москве, в 1914 году. Но распался после неудачных постановок и был воссоздан в Москве в 1917 году. С самого начала все постановки театра шли на иврите. В 1917 году разрешение на открытие театра подписал Сталин. Театр работал под опекой Станиславского и по его указанию, под непосредственным руководством Вахтангова. В 1927 году, по ходатайству жены Горького, Пешковой, театр получил разрешение выехать за границу на гастроли. В 1928 году вся труппа театра прибыла в Палестину, и театр обосновался в Тель-Авиве.

Гайдамак Аркадий. Родился в СССР в 1951 году. В 1972 году приехал в Израиль. В том же году перебрался во Францию. В 1998 году вновь появился в Израиле. После нескольких судов во Франции по обвинению в незаконной торговле оружием был оправдан. Полиция Израиля также пыталась предъявить ему обвинения в отмывании крупных сумм денег.

Геллер Ури. Один из известных фокусников в Израиле и во всем мире. Славится своими телепатическими способностями. Один из распространенных его номеров – силой желания скручивать ложки и другие металлические предметы.

Герцль Теодор. Родился в 1860 году в Австро-Венгрии, в Будапеште. Журналист и юрист. В 1896 году опубликовал свою брошюру «Еврейское государство». Считается основоположником политического сионизма. В 1897 году инициировал и созвал Первый сионистский конгресс, президентом которого и был избран. Умер в 1904 году.

Городиш (Гонен) Шмуэль. Родился в Литве в 1930 году. В Израиль приехал в 1933 году. В Шестидневной войне командовал

7-м танковым полком, воевавшим на севере Синая и вышедшим к Суэцкому каналу, чем прославил его в Израиле. В войну Судного дня командовал Южным фронтом. Комиссия Аграната отметила его ошибки накануне и в первые дни войны и признала негодным к командованию выше уровня дивизии. Умер в 1991 году.

Даян Моше. Родился в кибуце Дгания в 1915 году в семье выходцев из России. В 1941 году в рядах британской армии потерял глаз во время вылазки против Французских сил Виши в Сирии и Ливане. В 1953–1958 годах был начальником Генерального штаба Армии Израиля. Командовал Армией Израиля во время Суэцкой кампании. Перед Шестидневной войной был назначен министром обороны Израиля. Покинул этот пост в результате неудач войны Судного дня в 1974 году. В правительстве Менахема Бегина был министром иностранных дел (1977–1979) и одной из центральных фигур в заключении Мирного договора с Египтом в 1979 году. Умер в 1981 году.

Декель Михаэль. Родился в 1920 году в Пинске. Воевал в Красной армии и в Войске Польском. В 1949 году приехал в Израиль. С 1966 года член партии Херут. В 1977 году избран депутатом Кнессета. Был заместителем министра обороны и заместителем министра сельского хозяйства. Умер в 1994 году.

Дери Арье. Родился в Марокко в 1959 году. В 1968 году приехал в Израиль. Один из основателей ультрарелигиозной партии евреев Востока ШАС. В 1988 году был назначен министром внутренних дел. В 1992 году выбран депутатом Кнессета. В 1990 году полиция Израиля начала следствие против Дери по подозрению в получении взяток и мошенничестве. В 1993 году был вынужден уйти с поста министра. Суд над ним продолжался с 1994 по 1999 год. Дери был осужден на три года тюремного заключения.

«Джойнт». Американская еврейская благотворительная организация, созданная для помощи евреям в 1914 году. Действует в разных странах мира и в Израиле. В том числе «Джойнт» финансировал содержание евреев, выезжавших из СССР и не ехавших в Израиль. Основной бюджет поступает из Еврейского национального призыва, собирающего пожертвования на помощь Израилю.

Дир Ясин. Арабская деревня в 5 километрах от Иерусалима. 9 апреля 1948 года деревня была атакована отрядом бойцов ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ. Во время боя погибли около 120 жителей деревни, среди них женщины и дети. Бой за Дир Ясин послужил базой для обвинений бойцов ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ в преднамеренном убийстве мирных жителей.

Дом Жаботинского. Здание в Тель-Авиве, где находилось руководство партии Херут.

Дом танкиста. Дом в Тель-Авиве, являвшийся и клубом, и местом встреч, и гостиницей для военнослужащих танковых войск.

«Едиот Ахронот». Одна из самых распространенных ежедневных газет Израиля.

Жаботинский Зеев (Владимир). Родился в 1880 году в Одессе. Поэт, писатель, публицист, юрист, литературный переводчик. Один из виднейших руководителей Сионистского движения. Один из организаторов отрядов еврейской самообороны в Одессе. Инициатор и создатель еврейского батальона, сражавшегося в рядах британской армии в Первой мировой войне, в котором служил офицером. В 1923 году вышел из Всемирной Сионистской организации, не принявшей его предложения по активизации борьбы против британской политики в Палестине. Основатель (1925) Ревизионистского сионистского движения и руководитель организаций этого движения, «Бейтар», ЭЦЕЛЬ. Умер в 1940 году.

Кагана. Комиссия. Государственная Комиссия по расследованию причин массовых убийств, произведенных войсками христианских фаланг в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила в Бейруте в августе 1982 года. Комиссия была создана 1 ноября 1982 года. Комиссия определила, что войска Армии Израиля не были замешаны в происшедшем в лагерях беженцев. Но вместе с тем высшее руководство и командование Армии Израиля должны были предвидеть подобное развитие событий и не вводить подразделение христианских фалангистов в лагеря беженцев, в свете убийства президента Ливана Джумаеля. Комиссия рекомендовала, среди всего прочего, освободить министра обороны А. Шарона от его должности и не позволять ему в будущем занимать пост министра обороны.

Кахалани Авигдор. Родился в 1944 году у родителей выходцев из Йемена. Один из командиров танкистов, отличившихся в Шестидневной войне. В бою, проявив героизм, обгорел на 75 %. Был награжден орденом за доблесть. Впоследствии, в войне Судного дня командовал батальоном на Сирийском фронте и был награжден наивысшим военным орденом «За героизм». Бригадный генерал Армии Израиля. Был депутатом Кнессета в 1992–1996 годах.

Кахана Меир. Родился в 1932 году в Нью-Йорке. Раввин, доктор. В 1963 году приехал в Израиль, но вскоре вернулся в США. В 60-х годах был осведомителем ФБР и по заданию ФБР собирал информацию о движении противников войны во

Вьетнаме. 1968 году основал Еврейскую лигу обороны. Одним из первых еврейских деятелей США начал борьбу за помощь евреям СССР, добивающимся выезда в Израиль. Был сторонником силовых, экстремистских и даже террористических действий против советских представительств. В 1971 году был осужден условно на пять лет за изготовление взрывчатых материалов. Осенью того же года окончательно приехал в Израиль. В Израиле основал политическую партию КАХ. Партия призывала к выселению силой арабского населения из Израиля, превращению Израиля в государство, основанное на религиозных законах, к судебным преследованиям вступающих в смешанные браки с неевреями. Кахана предлагал, чтобы только евреи имели право на гражданство Израиля, а неевреи могли проживать в стране по специальным разрешениям, заплатив особые налоги и не имея права занимать государственные должности. В 1984 году был выбран в Кнессет. В 1988 году деятельность партии КАХ была объявлена незаконной и партия запрещена, как призывающая к террору и расовой ненависти. В 1990 году, во время выступления в Нью-Йорке, Меир Кахана был убит арабским террористом, членом Аль-Каиды.

Керен Арье. Родился в Израиле в 1915 году у родителей из России и Германии. В войне Судного дня командовал 500-м танковым полком в рамках 162-й бронетанковой дивизии. Демобилизовался из армии в 1978 году в звании бригадного генерала.

Кибуц. Дословно – группа. Сельскохозяйственные коммуны, организованные левосоциалистическим крылом Сионистского движения в Палестине, с начала еврейской репатриации в 1912 году. До образования государства являлись основным инструментом для еврейских сельскохозяйственных поселений. В те годы выходцы из кибуцев составляли основную часть политического военного истеблишмента Израиля.

Кишон Эфраим. Один из самых известных сатириков Израиля.

Ландау Хаим. Родился в 1916 году в Кракове. Приехал в Палестину в 1935 году. Закончил Хайфский Технион (Технологический институт). Инженер-строитель. Присоединился к ЭЦЕЛЬ. В 1945–1948 годах был начальником штаба ЭЦЕЛЬ. Один из основателей и руководителей партии Херут. Был депутатом Кнессета с 1948 до 1977 года. В 1969 году был несколько месяцев министром развития. В 1977–1979 годах был министром без портфеля. В 1979–1981 годах – министр транспорта. Умер в 1981 году.

Леваев Лев. Родился в Узбекистане, в 1956 году. В 1971 году

приехал в Израиль. Один из крупнейших производителей бриллиантов в мире. Активен в филантропической деятельности религиозного движения Хабад и общины бухарских евреев.

Лернер Григорий. Родился в 1951 году в Москве. В 1973 году закончил факультет журналистики. В 1982 году осужден на 11 лет за мошенничество в особо крупных размерах. После апелляции приговор снизили до 5 лет. В 1990 году приехал в Израиль. В 1997 году был арестован в Израиле по обвинению в совершении преступления, включая убийство, в России. Но Россия не требовала его выдачи и не передала никаких документов, подтверждающих обвинения. После года тюремного заключения Лернер подписал сделку с обвинением и был осужден на 6 лет. После освобождения завязал крупную аферу и снова был арестован. После начала следствия бежал в Парагвай. Был выдан в Израиль и в 2010 году судом был осужден за мошенничество на 10 лет.

ЛЕХИ. Аббревиатура «Борцы за свободу Израиля». Подпольная боевая организация, созданная в 1940 году Яиром Штерном (р. 1907 в Польше), из бывших членов ЭЦЕЛЬ. Причиной раскола было решение командования ЭЦЕЛЬ прекратить борьбу против Великобритании на время Второй мировой войны. ЛЕХИ приняло решение продолжать борьбу против англичан. Основным методом был террор против английской армии и администрации. Организация действовала до создания государства Израиль.

Ливийский самолет. 21 февраля самолет Ливийской авиакомпании, летевший из Триполи в Каир, из-за песчаной бури сбился с курса и влетел в воздушное пространство над Синаем, оккупированным Израилем с 1967 года. Израильские самолеты вылетели ему навстречу и попытались принудить к посадке. Французский экипаж полагал, что самолет находится возле Каира, и посчитал, что самолеты египетские. Когда ливийский самолет уже подлетал к Суэцкому каналу, летя из Синая на Запад, израильские летчики получили приказ начальника Генштаба Израиля сбить самолет. Самолет был сбит, и из 113 пассажиров 108 погибло. Проверка установила, что не было никакой необходимости сбивать самолет и приказ, отданный Элиазаром, начальником Генштаба, был абсолютно не обоснован и являлся результатом грубейших ошибок в процессе оценки ситуации и принятия решения как командования ВВС Израиля, так и начальника Генштаба.

Магбит Хамеухедет. Объединенный еврейский призыв. Основная американская еврейская организация по сбору пожертвований среди евреев США. Создалась в 1939 году в

результате объединения организаций по сбору пожертвований для Сионистского движения в Палестине и для нужд «Джойнта». Большая часть средств, собираемая этим фондом, идет на нужды еврейских организаций в США и Северной Америке. Только небольшая часть сборов финансирует деятельность Еврейского Агентства – Сохнут.

«Маоз Цур». Одна из ханукальных песен.

МАПАЙ. Партия рабочих Израиля. Центристская социалистическая партия Израиля. Создана в 1930 году, в результате объединения социалистических партий Израиля левого и центристского толка. В 1968 году стала основой Партии труда (Авода). Возглавляла правительство Израиля в 1948–1977, 1992–1996 и 1999–2001 годах.

Машаль. Один из руководителей арабской религиозной террористической организации ХАМАС. В 1998 году агентами Моссада в Иордании была сделана попытка ликвидации Машаля впрыскиванием небольшой дозы сильного яда. Операция не удалась, и часть агентов были арестованы, а часть скрылась в посольстве Израиля в Аммане. В конце концов скандал уладили, после того как из Израиля было срочно доставлено противоядие и жизнь Машаля была спасена.

Моссад Ле-Алия Бет. Был создан в 1939 году, в рамках Хаганы для организации нелегальной иммиграции евреев в подмандатную Палестину. До начала Второй мировой войны более, чем на 50 судах, Моссад перевез в Израиль около 20 000 человек. С началом боев действия Моссада прекратились и возобновились в 1945 году. С 1945 года и до образования государства Моссад Ле-Алия нелегально перевез в Палестину 75 000 человек, из них 5000 из арабских стран. Организация прекратила свою деятельность после окончания Войны за независимость, в 1949 году.

Немцы СССР. В тридцатых годах НКВД начал, по указанию партийного руководства, более серьезно и глубоко заниматься национальными проблемами населения СССР. На первых порах это относилось к коммунистам и руководителям коммунистических движений. Но немцы, свыше двух миллионов, проживали на территории России веками. Кроме того, было много немцев и на территориях, присоединенных к СССР. Проблема немцев была первой серьезной национальной проблемой, с которой столкнулось советское руководство еще в тридцатых годах.

Нимрод Новик. В 80-х годах был советником Ш. Переса. В 1986–1988 годах вел тайные переговоры с советскими представителями о восстановлении дипломатических отношений

с Израилем.

Нойбах Амнон. В 80-х один из руководящих работников Министерства финансов Израиля.

Нордау Макс. Шимон Зайдфельд. Родился в 1839 году в Венгрии, в семье выходцев из Португалии, бежавших во время выселения евреев из Португалии и Испании в конце XV столетия. Врач, журналист и публицист. Сионизм воспринимал как возрождение еврейского народа библейских времен. Был ярким сторонником сионизма мускул. Инициировал создание еврейских спортивных ассоциаций, таких как «Макаби» и др. С Первого до Шестого сионистского конгресса М. Нордау был его вице-президентом. С Седьмого до Десятого конгресса был его президентом. Умер в 1923 году в Париже. В 1926 году прах его был перезахоронен в Тель-Авиве.

ОРТ. Общество ремесленного труда. ОРТ основан в России в 1880 году, с целью дать профессиональное обучение еврейской молодежи. После Первой мировой войны ОРТ превратился во всемирную организацию. Сегодня ОРТ действует на всех континентах, во многих странах мира и предоставляет возможность профессионального технологического обучения не только евреям.

Поправка Джексона – Вэнника. Поправка к Закону о международной торговле США. Принята по инициативе сенатора Джексона в марте 1973 года. Тогда же поправка была утверждена и в Конгрессе по предложению депутата Конгресса Вэнника. Согласно этой Поправке, государство, препятствующее эмиграции, не может получить статус наиболее благоприятного партнера для торговли с США. Поправка была направлена против СССР после введения налога на образование для евреев, выезжающих из Советского Союза в Израиль.

Пресноводный канал. К западу от Суэцкого канала, на расстоянии до нескольких километров, вдоль всего канала проходил узкий канал с пресной водой для орошения сельскохозяйственных полей и участков вдоль канала. Его ширина была несколько метров и глубина полтора-два метра.

Призыв в армию Израиля. В Армию обороны Израиля призывают три раза в год: в августе, как правило, выпускников средних школ; в октябре, после окончания полевых работ, молодежь из сельскохозяйственных поселений, кибуцев и мошавов; в мае – всех остальных. Наиболее качественным считается августовский набор. Наименее – майский.

Радио Шалом ве-Кидма. Радиостанция Советского радио, ведшая свои передачи из Москвы на иврите.

РАЦ. Партия. Движение «За гражданские права – РАЦ»,

основано Шуламит Алони, вышедшей из Партии труда, в 1973 году. Основными требованиями партии были отделение религии от государства и изменение избирательной системы и системы власти в Израиле. Впоследствии заняла позицию возвращения оккупированных территорий. В 1997 году объединилась с партией МАПАМ и выходцами из партии Шинуй в единую партию МЕРЕЦ.

Ревизионисты. Ревизионистское сионистское движение основано Зеевом Жаботинским в 1925 году. Основатели движения требовали провести ревизию в планах и деятельности Всемирной сионистской организации. Ревизионисты выступали против смешивания социалистической и сионистских идеологий и за либеральную экономику. Движение выступало за более активные действия против арабов и британских властей и за создание еврейского государства на всей территории Палестины, включая Трансиорданию.

Самария . Географический район Страны Израиля. Находится к северу от Иерусалима. Почти полностью находится на территории Палестинской автономии.

Сапир Пинхас Козловский. Родился в Польше Российской империи в 1906 году. Приехал в Палестину в 1929 году. Один из ведущих руководителей партии МАПАЙ, впоследствии Партии труда. С 1959 года был депутатом Кнессета. Был генеральным директором Министерства обороны (1949–1951) и Министерства финансов (1953–1955). В 1955–1965 и 1970–1972 годах был министром промышленности и торговли. В 1963—1965-м и в 1970—1972-м – министром финансов. В 1968–1969 годах был Генеральным секретарем Партии труда. Оставил политическую карьеру в 1974 году. В 1974–1975 годах был председателем Еврейского Агентства (Сохнут). Умер в 1975 году.

Селектор. Проверяющий. При проверке пассажиров в аэропортах проводил опрос пассажиров и оценку степени их опасности, при необходимости также и обыск багажа и пассажиров.

Синайская кампания. В 1956 году Израиль принял участие, вместе с Францией и Великобританией, в нападении на Египет. Советский Союз резко отрицательно отнесся к этой войне, особенно к роли Израиля. В советской интерпретации эта война называлась Англо-Франко-Израильской агрессией.

Словина Леа. Родилась в Риге. Адвокат. Одна из активисток Сионистского движения в Риге. В Израиле с 1968 года. Была активным членом партии Херут. Принимала участие в организации давления на правительство Израиля для ведения более активной помощи евреям СССР в их борьбе за выезд в Израиль. Одна из наиболее активных борцов против

препятствий выезжающим из СССР по израильским визам ехать в другие страны.

«Страховочная сетка ШАС». В период кризиса правительства Эхуда Барака в ноябре 2000 года ШАС не согласилась оставаться в правительстве. Противники Барака в партии убедили его не идти на единое правительство с Ариэлем Шароном, как и было договорено, а положиться на договоренность с партией ШАС, что та поддержит правительство, не вступая в него.

Технион. Высшее технологическое учебное заведение Израиля. Расположен в г. Хайфа. Основан в 1919 году.

Тхия. Возрождение. Правая партия, созданная в 1979 году. Партия была создана членами блока партий Ликуд, которые противились Мирному договору с Египтом и требовали присоединения к Израилю всех территорий, завоеванных в 1967 году, в Шестидневной войне. Партия распалась в 1992 году.

Ульпан. Дословно – студия. Система курсов для изучения иврита, созданная в Израиле в 60-х годах. Новоприбывшие в Израиль, студенты и обладающие высшим образованием, направлялись по приезде в Израиль в ульпан. Там, при полном обеспечении, они в течение полугода изучали иврит. По окончании ульпана направлялись на постоянное местожительство и устраивались на работу. Для студентов и неженатой молодежи были организованы ульпаны в кибуцах. Учащиеся в них совмещали учебу с работой в кибуце в половину рабочего дня.

Умники Хелема . В еврейском фольклоре есть много басен о евреях города Хелема (есть такой город в Польше), отличающихся якобы своей непомерной глупостью и тупостью. Когда хотят подчеркнуть чью-то глупость, то говорят о нем, что он из умников Хелема.

Хабад. Еврейское религиозное движение, возникшее среди хасидского движения России в конце XVIII века. Одно из немногих еврейских религиозных движений, которое пользуется методами проповедования среди евреев, пытаясь привлечь к себе как можно больше сторонников. Активно во многих странах мира. Несмотря на довольно незначительное количество сторонников по сравнению с другими еврейскими религиозными группами, старается создать впечатление (в основном среди неевреев), что именно оно является основным и определяющим в еврейской среде.

Хавкин Давид. Родился в 1930 году в Москве. С сороковых годов один из центральных организаторов Сионистского движения в СССР. В 1958 году осужден на пять лет за сионистскую деятельность. В Израиле с 1969 года.

Хамер Звулон. Родился в 1936 году в Хайфе. Один из

руководителей Национально-Религиозной партии Израиля. Депутат Кнессета с 1969 года. Министр различных министерств 1973–1996 годов.

Ханука. Еврейский религиозный праздник в честь чуда горения масленых лампад при освещении Иерусалимского храма после освобождения Иудеи от власти греков в 164 году до н. э. в результате восстания евреев под предводительством Маккавеев.

Харэль Иссер Гальперин. Родился в 1912 году в Витебске. В 1930 году приехал в Палестину из Латвии. С 1944 года был в отделе информации Хаганы. Специализировался на слежке за членами ЭЦЕЛЬ, ЛЕХИ и коммунистами. Со временем перешел на работу против арабского сектора. С образованием государства в 1948 году был поставлен во главе Службы безопасности. В 1952 году был назначен директором Моссада, которым и оставался до 1963 года. Одновременно с этим оставался и ответственным за работу Службы безопасности, когда директор Службы был подчинен ему. В 1969–1973 годах был членом Кнессета от партии «Государственный список», созданной Бен-Гурионом. В 1973 году оставил политическую деятельность. Умер в 2003 году.

«Херут». Движение, партия. Аббревиатура Движение Свободы. Правая националистическая сионистская партия, основанная в 1948 году. Создана на базе ревизионистской боевой организации ЭЦЕЛЬ. Стала основным ядром блока центристско-правых партий Ликуд, со временем превратившегося в единую партию Ликуд.

ХИЯС. Компания для помощи еврейским иммигрантам. Создана в 1909 году, в США, на базе мелких еврейских организаций, помогавших еврейским иммигрантам из Российской империи устроиться в США. ХИЯС занимался помощью евреям, выезжающим из СССР по израильским визам и ехавшим в США, в организации иммиграции и помощи по приезде в США.

Черной Михаил. Родился в Умани в 1952 году. В 90-х годах один из крупнейших владельцев алюминиевых заводов России. В Израиле с 1994 года. Подозревается и обвиняется полицией Израиля в крупных преступлениях, якобы совершенных в России.

«Черные пантеры» в США. Радикальное политическое движение афроамериканцев в США. Возникло в 1966 году в Калифорнии, США. Лидеры движения не раз выступали с расистскими лозунгами о превосходстве черной расы. В конце 60-х были нередки нападения активистов «Черных пантер» на евреев. Со временем движение ослабло и распалось, прекратив свое существование в 1977 году.

Шамир Ицхак (Язернитский). Родился в 1915 году в Польше. Приехал в Израиль в 1935 году. Возглавлял боевую

организацию ЛЕХИ, поставившую своей целью борьбу против Великобритании и ее мандата, в основном с помощью террора против военнослужащих и чиновников Британской администрации. Был одним из высокопоставленных работников Моссада. С 1973 года принял участие в политической деятельности. Был председателем Парламента, министром иностранных дел, а в 1983–1984 и 1986–1992 годах – премьер-министром Израиля.

ШАС. Ультрарелигиозная партия евреев – выходцев из стран Востока. Создана в 1983 году.

Шперлинг Дов (Борис). Родился в Риге в 1937 году. Один из активистов сионистского движения в Риге. В 1957 году осужден за антисоветскую деятельность на два года. Приехал в Израиль в 1968 году. В первые годы в Израиле принял участие в организации давления на правительство Израиля для ведения более активной помощи евреям СССР в их борьбе за выезд в Израиль.

Штукаревич Авраам. Родился в Литве в 1913 году. Один из руководителей «Бейтара» Литвы. После присоединения Литвы к СССР был арестован и провел много лет в лагерях. Приехал в Израиль в 1968 году. Был председателем Организации узников Сиона (арестованных советской властью за сионистскую деятельность). Умер в 1987 году.

Шхем. Древний город и столица Шомрона. Арабское название Наблус.

Элияв Беньямин (Луботский). Родился в 1909 году в Риге. Писатель. Публицист. Историк. Был одной из центральных фигур в Ревизионистском движении и в ЭЦЕЛЬ. В пятидесятых годах публично отрекся от части своих взглядов и присоединился к партии МАПАЙ. Умер в 1974 году.

Эсасс Эльяху. Родился в Вильнюсе в 1946 году. Математик. Один из активистов еврейского движения в СССР. В 1975 году организовал первые группы по изучению религии, в которых преподавал. Приехал в Израиль в 1986 году.

ЭЦЕЛЬ. Или Иргун. Военная национальная организация, созданная в 1932 году на базе группы отколовшихся от военной организации Сионистского движения в Палестине, Хаганы. С 1933 года Ревизионистское сионистское движение стало все более определяющим в руководстве ЭЦЕЛЬ. Члены ЭЦЕЛЬ требовали более активных действий, включая террор как против арабов, так и, в дальнейшем, против англичан. С 1938 года ЭЦЕЛЬ стала, по существу, боевой подпольной организацией Ревизионистского движения, с большинством выходцев из Польши. Главной целью организации была борьба с Британской администрацией за

независимость еврейского государства, в основном методами террора.

Юнис Эли. В 80-х годах один из руководящих работников Министерства финансов Израиля.

Ямит. Город, построенный Израилем на территории Синая, к западу от Рафияха. В рамках Мирного договора с Египтом весь район был возвращен Египту, жители эвакуированы в Израиль, а город разрушен. Всей этой операцией руководил Ариэль Шарон, назначенный М. Бегином министром обороны Израиля.